

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ

АНТОНІЙ

(Амфитеатровъ)

АРХІЕПИСКОПЪ КАЗАНСКІЙ и СВЯЖСКІЙ.

СОСТАВЛЕНО

ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ И ПО ПЕЧАТНЫМЪ
И ПИСЬМЕННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ

АРХИМАНДРИТОМЪ СЕРГІЕМЪ

(Василевскимъ).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

КАЗАНЬ.

Типографія Окружнаго Штаба

1885.

Отъ Спб. Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется.
Спб. 26 Юня 1884 года. № 644.

Цензоръ, Архимандритъ *Арсеній*.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ
БЛАГОВѢРНОЙ ГОСУДАРЫНѢ
ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ
АЛЕКСАНДРѢ ПЕТРОВНѢ

ВЪ ЧУВСТВАХЪ БЛАГОВѢЙНАГО ПОЧИ-
ТАНІЯ И ГЛУБОЧАЙШЕЙ ВСЕПРЕДАННО-
СТИ ПОСВЯЩАЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ПОСИЛЬ-
НЫЙ СВОЙ ТРУДЪ

смирнѣйшій авторъ

Архимандритъ Сергій.

День памяти
Св. Царицы Александры.

—*—
23 *Апрѣля*
1885 *года.*

+

Его Высокопреподобию,
О Ректору Кавказской
Духовной Академии,
Протоиерею
Александру Толкачеву
Т. Владимирскому

В симультивное посещение
в Богд. почивших
Архипастырей Антония

и Антона

Архипастырей Сергия.

„8“ Октября
1885.

Владимир
Моншенков.

„Удобно есть предъ Богомъ въ день смерти
воздати человѣку по дѣломъ его, и въ сконча-
нїи человѣка открытіе дѣлъ его“. (1).

„Личность Преосвященнаго Антонія, Архі-
епископа Казанскаго, еще очень свѣжа въ па-
мяти современниковъ, чтобы распространять-
ся о томъ значенїи, какое она имѣла для
Церкви и государства. Но изъ доступныхъ для
вѣдѣнїя теперешнихъ біографическихъ данныхъ
мы можемъ ознакомиться съ завѣтными иде-
ями этого Иерарха, съ его взглядами на мно-
гіе вопросы, выдвинутые современною ему жиз-
нїю и литературою“. (2).

„Казанская паства въ лицѣ въ Бозѣ по-
жившаго Архіепископа своего Антонія прово-
дила въ гробъ достойнѣйшю Архипастыря
Русской Церкви, святителя духа твердаго,
честности неподкупной, убѣжденїи непреклон-
ныхъ: сама она такъ чтילה его при жизни,
что признавала за святаго“. (3).

„Еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима на-
шима и руки наши осязаша,— сіе свидѣтель-
ствуемъ и возвѣщаемъ“. (4).

(1) Сирах. XI, 26—27.—На этотъ текстъ было сказано пишу-
щимъ и надгробное слово. (2) Церков. Вѣстникъ 1883 г. № 48, стр. 2.

(3) Тамъ-же 1879 г. № 45. (4) 1 Иоан. гл. 1 ст. 1—2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1865—66 г.г. находился я на службѣ въ Смоленскѣ, гдѣ въ это время былъ Епископомъ Преосвященный Антоній до назначенія его на Казанскую кафедру.

Преосв. Антоній, какъ бывший мой Ректоръ въ Кіевской Академіи, въ 1857—59 г.г., и духовный мой отецъ по постриженію въ монашество и по посвященію въ санъ священства и, съ тѣмъ вмѣстѣ, знавшій меня, какъ своего земляка по Оренбургской—нынѣшней Уфимской епархіи и близко знакомаго съ его родными въ этой епархіи, удостоивалъ меня всегда, еще со времени моего студенчества, своего истинно-отеческаго вниманія и расположенія.

Въ бытность мою уже въ Смоленскѣ преосв. Антоній, при одной домашней бесѣдѣ со мною, высказался, между прочимъ, такъ: „Ты, вѣдь, зналъ лично и твердо помнишь покойнаго нашего Владыку Филарета, Митрополита Кіевскаго; при тебѣ, вѣдь, онъ и скончался. По кончинѣ его прошло вотъ уже восемь лѣтъ.., и я чувствую и сознаю за собою большую виновность предъ Почившимъ... Дѣло въ томъ, что Владыка Филаретъ завѣщалъ мнѣ написать его біографію. По этому, еще года за два до своей кончины, по случаю именно болѣзни его, (которую онъ признавалъ предсмертною, или, по крайней мѣрѣ, приближающею его къ кончинѣ...) Владыка самъ пожелалъ, чтобы я съ подлинныхъ его разсказовъ записывалъ всѣ, хотя краткія и отрывчатые,

II

но главныя и существенныя свѣдѣнія о его жизни (1). Эти повременныя записи мои сохранились у меня всѣ въ цѣлости. Съ теченіемъ времени я, по возможности, собиралъ и собралъ очень довольно другихъ свѣдѣній, относящихся къ его жизни, изъ разныхъ мѣстъ и отъ знавшихъ его лицъ. Наконецъ, подобралъ я, хотя и не въ строгомъ порядкѣ, оставшіяся у меня послѣ Владыки, разныя бумаги и письма и пр. Но принятъся, хоть бы сколько нибудь, за самое дѣло составленія біографіи я никакъ до сего времени не могъ. Причины этому заключались, само собою, въ постоянныхъ многосложныхъ моихъ занятіяхъ; но, сказать по правдѣ, была и есть и теперь причина другая,—это мои собственноличныя отношенія къ дядѣ-Владыкѣ. Я боюсь, что могу быть въ этомъ дѣлѣ, *volens-nolens* такъ или иначе, пристрастнымъ... Съ другой стороны, я не надѣюсь совладѣть съ этимъ дѣломъ, еще болѣе, потому, что съ жизнію Владыки слишкомъ тѣсно связана, или, точнѣе сказать, переплетена моя собственная жизнь, начиная съ самаго ранняго моего дѣтства до Архіерейства. Вслѣдствіе всего этого я давно сталъ подумывать, чтобы поручить дѣло составленія біографіи въ Возѣ Почившаго человѣку стороннему, но такому, который бы и самъ лично и хорошо зналъ Владыку и который бы могъ выполнять свою работу при возможномъ непосредственномъ моемъ же участіи, по крайней мѣрѣ, въ видѣ наблюденія моего за ходомъ и характеромъ изложенія“.

„И вотъ, теперь,—сказать въ добрый часъ,—выборъ мой падаетъ на тебя, сказалъ мнѣ преосв. Антоній. Ты живешь теперь почти-что при мнѣ, а потому всегда удобно можешь обращаться ко мнѣ за потребными объясненіями, и я могу провѣрять, по временамъ, твою работу. Съ другой стороны, ты самъ лично имѣешь весьма много свѣдѣній о покойномъ Владыкѣ, за время жизни

(1) Объ этихъ обстоятельствахъ высказался самъ же преосв. Антоній въ предисловіи къ своимъ «Замѣткамъ о жизни высокопр. Филарета, митроп. Киевскаго», издан. 1879 г. Казань.

III

его собственно въ Уфимской епархіи, изъ разсказовъ нашихъ тамошнихъ родныхъ; да помню я, что Владыка Филаретъ, въ послѣдній годъ своей жизни, самъ любилъ частенько разсказывать тебѣ, какъ своему земляку по Уфѣ, о многихъ фактахъ изъ своей жизни за разное бывшее время“ (1).

Въ концѣ 1866 г. преосв. Антоній перемѣщенъ былъ на Казанскую кафедру; я же оставался въ Смоленскѣ еще на годъ, въ теченіи котораго и продолжалъ, начатую уже мною, работу по составленію біографіи. Но какъ матеріалы въ большинствѣ оказывались весьма неполными въ разныхъ отношеніяхъ, то, по соглашенію съ преосв. Антоніемъ, я все почти лѣто 1867 г. употребилъ на поѣздки въ разные города, гдѣ служилъ высокопреосв. Филаретъ, для собиранія матеріаловъ на мѣстахъ; самую же большую часть времени (почти два мѣсяца), я провелъ для этой цѣли въ Кіевѣ. Самъ преосв. Антоній тоже озаботился собираніемъ біографическихъ матеріаловъ въ Казани, которые и доставилъ мнѣ въ Смоленскъ.

Между тѣмъ, вскорѣ же (въ Сентябрѣ 1867 г.) преосв. Антоній возымѣлъ мысль — ходатайствовать предъ св. Синодомъ о перемѣщеніи меня въ Казань на имѣвшуюся вакансію учителя въ Семинаріи, имѣя при этомъ въ виду и главный предметъ моей работы, дабы послѣдняя шла успѣшнѣе и надежнѣе при нашемъ совмѣстномъ жительствѣ въ Казани. Все это такъ и сдѣлалось; но самая-то работа двигалась медленно... Главная причина была собственно въ личныхъ взглядахъ преосв. Антонія на самую задачу біографіи; а эти взгляды, въ свою очередь, зависѣли именно отъ того, что онъ какъ самъ, по его выраженію, не надѣялся совладѣть перомъ и дѣломъ, опасаясь по своей скромности и осторожности, чтобы и его личныя отношенія къ дядѣ - Владыкѣ и самыя обстоятельства его собственной жизни не выда-

(1) Эти и подобныя свѣдѣнія читающе встрѣтятъ въ самомъ изложеніи біографіи при разныхъ обстоятельствахъ.

вались въ біографіи дяди слишкомъ полно и рельефно, — такъ и мнѣ не давалъ достаточной свободы овладѣть предметомъ по своему... Во всякомъ случаѣ, по мѣрѣ увеличенія, составлявшейся мною, рукописи, простиравшейся уже свыше двухъ сотъ пятидесяти листовъ, преосв. Антоній не вѣрилъ своимъ глазамъ и, какъ бы, не довѣрялъ и мнѣ, что могло бы составиться такое огромное сочиненіе. — Вслѣдствіе этого онъ не разъ брался было исправлять по своему и сокращать мое изложеніе; но дѣло туго поддавалось его желанію и предположенному плану (1). Наконецъ, самъ я упросилъ преосв. Антонія, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, сдѣлалъ то, — что онъ и высказалъ почти буквальными словами моего желанія и просьбы въ послѣднихъ строкахъ предисловія къ своимъ „Замѣткамъ о жизни высокопр. Филарета“, — а именно: „Во всякомъ случаѣ „Замѣтки“ сіи могутъ и должны служить *основнымъ матеріаломъ* и, такъ сказать, *канвою* для полной біографіи приснопамятнаго Іерарха, для которой, быть можетъ, теперь не приспѣло еще и самое время, но которая, тѣмъ не менѣе, ожидается въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ“ (2).

Извлекая въ свое время изъ моей пространной рукописи „*основной*“, какъ выражено въ предисловіи пре-

(1) Что преосв. Антоній дѣйствительно не могъ, или, по крайней мѣрѣ, не успѣлъ, и по времени и по начавшейся уже развиваться у него болѣзни, выработать свое собственное изложеніе, даже въ родѣ предположенной лишь *канвы*, — свидѣтельствуется тѣмъ, что онъ отдалъ, въ самый послѣдній годъ своей жизни, для напечатанія въ Православномъ Собесѣдникѣ, одну только *первую половину* своихъ «Замѣтокъ о жизни высокопр. Филарета» въ количествѣ только двухъ съ четвертью печатныхъ листовъ. — Эта *первая половина* была, по желанію преосв. Антонія, отпечатана въ большомъ числѣ брошюръ для возможнаго распространенія между желающими; *вторую* же половину преосв. Антоній почти-что и не начиналъ, тѣмъ болѣе, что и въ моей-то рукописи изложеніе не было доведено до совершеннаго конца за неимѣніемъ нѣкоторыхъ матеріаловъ, для добыванія которыхъ я собирався было еще побывать, гдѣ нужно, — и болѣе всего обратиться къ Синодальному Архиву.

(2) Смотр. тамъ же, стран. 4.

освящ. Антонія, *матеріалъ* и составляя *канву*.., и при этой работѣ болѣе и глубже вникая въ содержаніе первой, преосв. Антоній говорилъ не разъ: „ты, однако, правъ, какъ авторъ, что, не смотря на мои частыя тебѣ указанія, до упорства слѣдовалъ своему собственному взгляду и плану. Спасибо тебѣ и за-то, что въ твоихъ взглядахъ и во всей твоей работѣ видна полнѣйшая безпристрастность, а равно и вѣрная наблюдательность и характеристическая опредѣленность.—Съ другой стороны, я вижу и признаю теперь самъ, что все, касающееся *моего я*, не возможно было выдѣлять изъ біографіи дядюшки-Владыки безъ значительнаго нарушенія цѣльности и самой характеристичности послѣдней. Пусть же твоя рукопись такъ и будетъ, какъ есть, за исключеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ изложеніи,—которые, впрочемъ, ты самъ же несомнѣнно признаешь и устранишь при послѣдней обработкѣ своего труда“ (1).

Наконецъ, въ одно время, не задолго уже до своей кончины, преосв. Антоній, какъ бы повторяя, сознаваемую имъ съиздавна, свою виновность, что онъ не выполнилъ даннаго ему Влад. Филаретомъ завѣщанія—составить его біографію, высказался такъ: „Знаешь ли, что я хочу тебѣ сказать?!.. Выборъ мой, павшій на тебя во время оно, въ дѣлѣ составленія біографіи дяди Владыки, представляется мнѣ теперь сугубо оправдавшимся... Тогда ни ты, ни я самъ не могли, конечно, предполагать, что суждено будетъ жить намъ вмѣстѣ столько лѣтъ (12 лѣтъ въ одной только Казани) и, при томъ, такъ, что ты находился въ постоянныхъ близкихъ отношені-

(1) Этотъ трудъ, если Господь благословитъ и благопослѣшитъ, я уповаю приготовить въ скоромъ времени для напечатанія отдѣльнымъ изданіемъ.—На выполнение этого труда я имѣлъ честь и утѣшеніе, въ бытность въ С.-Петербургѣ въ Іюль 1884 г., лично получить отъ Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Исидора Митрополита С.-Петербургскаго особое благословеніе съ выраженнымъ Имъ, при этомъ, настоятельнымъ и для меня священо-обязательнымъ, желаніемъ Его, чтобы выполнение съ моей стороны послѣдовало возможно скорѣе.

яхъ ко мнѣ, и никто другой болѣе тебя не могъ понять и опредѣлить, такъ всесторонне, качества и весь характеръ моей личной и служебной жизни, не минуя и самыхъ недостатковъ... Кромѣ этихъ личныхъ отношеній опять ты же одинъ могъ узнать и все мое прошедшее какъ изъ составляемой тобою біографіи Владыки Митрополита, гдѣ, какъ я уже и выражался, вся моя прежняя жизнь до Смоленска переплетена съ его жизнію,— такъ и изъ моихъ многообразныхъ, уяснительныхъ для тебя, разсказовъ о Владыкѣ, а нераздѣльно и о себѣ самомъ. Такимъ образомъ я, кажется, могу успокоиться, что хотя половина вины спадетъ съ меня предъ Владыкою, если ты, дасть Господь, переживешь меня и...“— Преосвященный Антоній какъ-то томно взглянулъ на меня... и сдѣлалъ паузу... „И—подсказалъ я,—если благословлюсь о Имени Господнемъ воспринять на себя, по чувству и долгу сыновнѣйшему, посильный трудъ составить біографію и собственно Вашу...“ „Да! промолвилъ онъ,—я благословляю и поручаю тебѣ это дѣло, если оно будетъ достойно труда..., или если ты не окажешься самъ подобнымъ мнѣ въ дѣлѣ составленія біографіи Владыки... Для тебя, впрочемъ, предвидятся совсѣмъ другія обстоятельства и условія... Ты уже и теперь на половину заручился данными для успѣха твоего труда... Смотри только,—*не потряси*, какъ говорится, *моихъ костей*..., а веди дѣло такъ, какъ чувство и совѣсть скажутъ и укажутъ, и какъ Господь вразумитъ тебя и наставитъ... *Сіе тебѣ глаголю нынѣ, дондеже приидетъ время и пора*...“ „Во всякомъ случаѣ тебѣ придется, самымъ законнымъ образомъ, многое и многое внести въ будущій трудъ твой изъ рукописи по біографіи дядюшки Владыки;—а потому-то и говорю тебѣ, что ты снимешь съ меня хоть половину виновности моей предъ нимъ... за неисполненное мною его завѣщаніе... а съ этимъ вмѣстѣ ты явишься,—въ чемъ и дай тебѣ Господь успѣха,—выполнителемъ *двойственного завѣщанія* личнаго отъ меня и, преемственнаго чрезъ меня, отъ покойнаго Владыки Филарета“.

Всѣ эти свѣдѣнія предпосылаются здѣсь для чита-

ющихъ ради собственно того, чтобы, при чтеніи издаваемаго труда, не представилось кому либо излишнимъ много изъ того, что относится собственно къ жизни Высокопреосвященнаго Филарета, Митрополита Кіевскаго. Между тѣмъ, съ своей стороны, пишущій готовъ и въ правѣ бы сказать даже больше относительно естественности и законности такого, а не иного изложенія біографіи въ Бозѣ почившаго Архіепископа Антонія. именно въ столь тѣсной и многосторонней связи съ дядею его—высокопр. Филаретомъ. Впрочемъ, внимательное чтеніе всей біографіи само покажетъ и уяснитъ для каждаго значеніе сейчасть сказаннаго.

Указанія на источники и письменные и устные, какими пользовался пишущій, сдѣланы въ самомъ изложеніи въ подстрочныхъ цитатахъ и объяснительныхъ замѣткахъ.

Съ какой точки зрѣнія, въ смыслѣ самаго принципа, и въ какомъ духѣ и характерѣ совершаемъ былъ пишущимъ настоящій трудъ, отвѣтомъ на это служатъ, выставленные въ началѣ, эпиграфы, какъ главные тезисы всего сочиненія.

Что же касается собственно фактической подлинности и истинности всего содержанія, то пишущій *уповаеъ*, по слову Апостола, *имѣти благую, спослушествующую ему, совѣсть и правду соотвѣщающую*, чтобы съ дерзновеніемъ и неосужденно сказать, что той и другой,—и совѣсти и правдѣ—*совозсвидѣтельствуеъ* и самъ *духъ*, въ Бозѣ почившихъ *со духи праведныхъ*. приснопамятныхъ святителей—*Антонія и Филарета*—въ схимонасѣхъ *Феодосія*.

Съ благоговѣніемъ призываю на мое недостойнство и на посильный мой трудъ свышее благословеніе сихъ святителей Божіихъ. да, за ихъ молитвами, оправдается на мнѣ хотя *часть нѣкая* истины словесъ Апостольскихъ: „*Мню, яко, при выполненіи моего пятилѣтняго труда, азъ текохъ, не яко безвѣстно, и подвизаяся въ трудъ моемъ, не яко воздухъ бѣ...*“ (1 Кор. IX, 56).

Въ чувствѣ такого же благоговѣнія смиреннѣйше

пріемлю, какъ знаменіе сего благословенія, явленное уже и нынѣ въ томъ, вождеденнѣйшемъ для меня духовномъ утѣшеніи, что настоящій посильный мой трудъ удостоенъ высокой чести—быть посвященнымъ Августѣйшему Имени Ея Императорскаго Высочества Благовѣрной Государыни Великой Княгини Александры Петровны.

Ея Высочество, по вѣдомымъ Единому токмо Господу судьбамъ человѣческимъ, Сама призвана житьствовать въ томъ именно мѣстѣ—св. градѣ Кіевѣ, къ которому относится почти половина всего содержанія, изложеннаго въ моемъ трудѣ и относящагося прямо и нераздѣльно къ обоимъ, жизнеописаннымъ въ немъ, въ Бозѣ почившимъ святителямъ—Филарету и Антонію. Потому *именамъ сихъ* же приснопамятныхъ святителей Вожіихъ да воспісуется и эта самая честь посвященія труда моего Августѣйшему Имени Той, Которая „житьльствуя въ Кіевѣ, пятый уже годъ прикована къ одру болѣзни, и, укрѣпляемая токмо силою благодатной вѣры, съ смиренною и безропотною покорностію несетъ этотъ тяжкій страдальческій крестъ, по неисповѣдимымъ Судьбамъ Промысла возложенный на Нее“ (1).

Да будетъ же Имя Благовѣрной Государыни Александры Петровны, однесь, по Августѣйшему Ея соизволенію (2), соединенное съ именами жизнеописанныхъ Святителей, выну присуще въ ихъ молитвенныхъ возношеніяхъ тамъ—въ горнихъ селеніяхъ, и, за ихъ молитвами, да исполняется страдальчествующая душа Ея сугубою силою благодатной вѣры во укрѣпленіе Ея силъ

(1) Слова эти сказаны были въ Рѣчи, произнесенной о. Протоіереемъ Васи́ліемъ Ивановичемъ Лебедевымъ—Духовникомъ Ея Императорскаго Высочества въ домовой Церкви Ея при встрѣчѣ, прибывшаго въ г. Кіевъ, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича—8-го Августа 1884 года,

(2) Объ этомъ Августѣйшемъ соизволеніи авторъ имѣлъ честь и утѣшеніе получить официальное увѣдомленіе отъ Секретаря Ея Императорскаго Высочества—отъ 8 Марта сего года 1885 г. за № 44-мъ.

„до конца протерпѣти“. предопредѣленный Ей Свыше, жребій, и въ облегченіе многотруднаго тяжкаго бремени земныхъ тѣлесныхъ страданій въ святомъ непоколебимомъ упованіи и непреложномъ чаяніи того, превосходящаго всякую земную отраду, утѣшенія, которое обѣтовано Самимъ Бого-Страдальцемъ: „*Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*“. (Матѳ. XI, 18).

Всѣмъ, возымѣющимъ желаніе и усердіе прочитатъ съ искреннимъ вниманіемъ издаваемый трудъ сей, братственно-молитвенно о Господѣ благожелаетъ подобающаго назиданія—

„Авторъ“.

Казань.
Зилянтовъ Успенскій
Монастырь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ I.

(1815—1839 г.).

Время отъ рожденія до окончанія курса въ
Кіевской духовной Академіи.

Главы: I, II, III, IV. Стран. 1—92.

ОТДѢЛЪ II.

(1839—1859 г.).

Время служенія въ Кіевѣ отъ окончанія
курса, со включеніемъ Викаріатства, до назна-
ченія на кафедру Смоленскую.

Главы: V, VI, VII, VIII, IX, X . . . Стран. 93—277.

ОТДѢЛЪ III.

(1860—1866 г.).

Время епископскаго служенія въ Смоленской
епархіи.

Главы: XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI,
XVII. Стран. 278—459.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

(1815—1839 г.)

Г Л А В А I.

Высокопреосвященный Анто́нй, бывшій ⁽¹⁾ Архіепископъ Казанскій и Свѣяжскій, скончался мирно о Господѣ въ ночи на 8-е Ноября 1879 г. Родился онъ въ 1815 году 15-го Октября; въ мѣрѣ (до 1840 г.) назывался *Яковъ Гавриловичъ Амфитеатровъ*.

Фамилія *Амфитеатровыхъ* принадлежала той, благословенной Богомъ, семьѣ, изъ которой въ текущемъ столѣтїи, начиная съ первой четверти, явилось, постепенно, нѣсколько лицъ, какъ замѣчательныхъ представителей на поприщѣ служенія Церкви и духовной наукъ, имена коихъ не забудутся въ исторїи церковно-іерархической и духовно-литературной.

Во главѣ этой семьи и самой фамиліи, въ указываемомъ представительномъ значенїи, былъ высокопреосвященный *Филаретъ*, (род. 1778 г.) знаменитый во іерархахъ русской Церкви, святительствовавшій *тридцать восемь лѣтъ*, изъ коихъ въ теченїи послѣднихъ *двадцати лѣтъ* состоялъ митрополитомъ въ Кіевѣ, гдѣ и скончался въ 1857 г. (21-го Декабря). До монашества именовался онъ *Теодоръ Георгіевичъ Амфитеатровъ*.

Въ лицѣ этого Первосвятителя, впервые и по преи-

(1) Святительствовалъ въ Казани 13-ть лѣтъ безъ 2-хъ мѣсяцевъ.

муществу, получила известность и самая фамилія Амфи-театровыхъ. — Принявъ монашество въ самомъ раннемъ возрастѣ (19 л.), Филаретъ замѣчательно скоро явился на значительно уже высокихъ степеняхъ и по сану и по служенію. — Двадцати лѣтъ онъ былъ уже въ званіи Соборнаго Иеромонаха и въ должности Префекта семинаріи. чрезъ три года возведенъ въ санъ Игумена, а чрезъ два года (на 24-мъ году) въ санъ Архимандрита. Съ этого времени состоялъ онъ ректоромъ семинаріи, сперва Орловской, — въ которой и обучался, — а за тѣмъ Оренбургской и Тобольской. Предъ временемъ же епископства (съ 1813 по 1819 г.) Филаретъ занималъ должности въ двухъ академіяхъ — въ Петербургской инспекторскую и въ Московскую сначала инспекторскую въ теченіи одного учебнаго года (1814—1815), а затѣмъ ректорскую до половины 1819 г. Въ этотъ періодъ служенія онъ удостоенъ былъ въ 1814 г. степени Доктора Богословія, и, бывши еще архимандритомъ, имѣлъ архіерейскую панагію; наконецъ въ 1818 г. пожалованъ былъ Высочайшею наградою, — одною изъ рѣдкостнѣйшихъ въ отношеніи къ сану архимандритскому, — орденомъ Св. Владиміра 2 степени большаго креста со звѣздою ⁽¹⁾. Возведенный (въ 1819 г.) въ епископы прямо на самостоятельную кафедру Калужскую, и за тѣмъ преемственно управлявшій, въ санѣ уже архіепископа, рязанскою и казанскою епархіями, Филаретъ, въ 1837 г., назначенъ былъ митрополитомъ Кіевскимъ.

(1) Эту награду за нѣсколько времени ранѣе первый получилъ, въ санѣ архимандрита, во время ректорства въ Петербургской Академіи, Московскій митр. Филаретъ, который, будучи уже Викаріемъ Ревельскимъ, представилъ Филарета-Амфиатеатрова къ этой же наградѣ послѣ ревизіи, произведенной имъ первымъ въ Московской академіи въ 1818 г. При этомъ же случаѣ Филаретъ-ревизоръ подарилъ Филарету-ректору панагію, которую послѣдній, употребляя часто при жизни, завѣшалъ возложить на него и по кончинѣ въ засвидѣтельствованіе того, что любовь взаимная между ними была *крѣпка и неразрывна «какъ смерть»*. Въ позднѣйшее время, въ 60-хъ годахъ, имѣлъ сказанную награду Св. Владиміра 2-й ст. со звѣздою еще одинъ только архимандритъ, бывший Намѣстникъ св. Троицко-Сергіевой Лавры, Антошій.

Такимъ образомъ на сколько въ личныхъ и служеб-ныхъ достоинствахъ высокопреосвященнаго Филарета фамилія Амфитеатровыхъ дѣйствительно получила первую заслуженную знаменитую извѣстность, на столько и въ отношеніи къ послѣдующимъ (во второмъ уже поколѣніи изъ родовой семьи Филарета), представителямъ ея эта самая извѣстность имѣла свое особенное значеніе, какъ наследственно-родовое по имени уже собственно Филарета. Въ этомъ именно значеніи справедливо, по крайней мѣрѣ, къ двумъ лицамъ втораго поколѣнія—племянникамъ Филарета приложить фамилію даже въ двойственномъ видѣ—*Амфитеатровъ-Филаретовъ*; какъ бывало и слыли они въ кіевской академіи подь именемъ *Филаретовцевъ*. Въ отношеніи къ одному изъ этихъ племянниковъ это значеніе фактически осуществилось въ томъ, что онъ, имѣвши прежнюю родовую фамилію по отцу „*Красинъ*“, во время обученія его въ семинаріи, переименованъ былъ въ фамилію „*Амфитеатровъ*“ по распоряженію начальствовавшихъ тогда лицъ. Основаніемъ и побужденіемъ къ такой переимѣнѣ фамиліи,—обычной впрочемъ въ тѣ времена,—служило именно то, что имя Филарета, его дяди, получило уже тогда значительную извѣстность; а съ другой стороны самый ученикъ Красинъ,—племянникъ Филарета, имѣлъ прекрасныя способности и отличался такими же успѣхами и бланонравіемъ. Дававшіе *Красину* новую фамилію *Амфитеатровъ*, сдѣлали это именно изъ почитанія къ Филарету и для поощренія племянника идти по стопамъ дяди ⁽¹⁾.

Всѣхъ лицъ изъ втораго поколѣнія, на которыхъ справедливо указать, какъ на замѣчательныхъ предста-

(1) Этотъ племянникъ—Яковъ Козмичъ Амфитеатровъ. Отецъ его—Козма Ив. *Красинъ* состоялъ въ теченіи 25-ти лѣтъ причетникомъ въ селѣ Высокомъ при отцѣ Филарета, священникѣ Георгіи. и былъ женатъ на второй дочери послѣдняго Аннѣ. Когда, по старости и слабости здоровья, о. Георгій уволился въ заштатъ, то исходатайствовалъ предъ епархіальнымъ начальствомъ опредѣлить на его мѣсто священникомъ зятя—причетника Красина. Изъ этой фамиліи и рода Красиныхъ, въ дальнемъ уже поколѣніи, былъ между прочимъ ординарный профессоръ казанской Академіи Докторъ Богословія Михаилъ Яковл. Красинъ, скончавшійся на должности въ Іюль 1880 г.

вителей, а по отношеніи къ самому Филарету, какъ на послѣдователей ему, на поприщѣ духовно-учебнаго и церковно-іерархическаго служенія было пятеро.—Родственныя отношенія этихъ лицъ къ самому высокопр. Филарету были разностепенныя. Двое были сыновья родныхъ его братьевъ, изъ числа пяти, Василія и Гавріила и имѣли фамилію Амфитеатровыхъ, какъ родовую; третій былъ сынъ старшей сестры его Анны, переименованный, какъ выше сказано, изъ отцовской фамиліи Красинъ въ Амфитеатрова. Наконецъ остальные двое привошли въ родство съ Филаретомъ уже со стороны. Они были женаты на племянницахъ Филарета—одной по брату, другою по сестрѣ (1).

Всѣ эти лица выступили на служебное поприще почти одновременно, при самомъ началѣ митрополитства Филарета въ Кіевѣ, и находились всѣ подъ болѣе или менѣе ближайшимъ его руководствомъ и прямымъ вліяніемъ на ихъ судьбу и, въ большинствѣ, еще съ самой поры ихъ образованія. Вообще же всѣ они еще при жизни Филарета стояли уже на достойныхъ, по своему званію и служенію, постахъ.

Имена и служебныя званія этихъ лицъ слѣдующія: Яковъ Козмичъ Амфитеатровъ, переименованный изъ Кра-

(1) Высокопр. митр. Филаретъ былъ сынъ священника Георгія Никитича Амфитеатрова, служившаго въ Орловской губерніи, Кромскаго уѣзда въ селѣ Высокомъ, гдѣ и была коренная родина Амфитеатровыхъ. У о. Георгія было всѣхъ дѣтей *восемь*,—пять сыновей и три дочери. Филаретъ былъ вторымъ по рожденію изъ пяти сыновей. Самый старшій сынъ былъ *Василій*, слѣдующій за Филаретомъ былъ *Гавріилъ* (отецъ преосв. Антонія), четвертый *Симеонъ*, пятый *Никита*. Первые двое были въ духовномъ званіи, именно, Василій былъ священникомъ въ селѣ Гнани Орловской епархіи, а Гавріилъ протоіереемъ въ г. Калугѣ. Послѣдніе же двое были въ свѣтскомъ званіи. Симеонъ, принявшій, при поступленіи въ московскій университетъ, фамилію *Раичъ*, былъ извѣстнымъ въ свое время литераторомъ. Извѣстны его переводы «Виргилиевыхъ Георгикъ» съ латинскаго языка и поэмы Тасса «Освобожденный Иерусалимъ» съ итальянскаго языка.—Изъ дочерей *Евдокія* и *Анна* были въ замужествѣ за священниками, а Марія за діакономъ. (Смотр. «Замѣтки преосв. Антонія о жизни высокопр. Филарета—митр. Кіевскаго.» Казань. 1879 г.)

сина, по окончаніи курса въ Кіевской академіи (въ 1829 г.), оставленный тогда же въ ней на службѣ, былъ, по признанію всѣхъ, „блестящимъ профессоромъ, и извѣстенъ какъ авторъ замѣчательныхъ церковно-гомилетическихъ сочиненій, равно какъ и знаменитѣйшій церковный проповѣдникъ, слывшій въ Кіевѣ *вторымъ Левандой* ⁽¹⁾. Второй—Егоръ Васильевичъ Амфитеатровъ, кончившій курсъ въ Петербургской академіи (въ 1839 г.)—былъ заслуженный ординарный профессоръ въ Московской академіи. Третій Яковъ Гавриловичъ Амфитеатровъ, — по окончаніи курса въ Кіевской академіи (въ 1839 г.), тогда же назначенный Баккалавромъ, и чрезъ годъ принявшій монашество съ именемъ Антонія отъ руки самого дяди—митрополита Филарета, былъ до конца жизни послѣдняго ректоромъ Кіевской академіи и имѣлъ высшую ученую степень Доктора Богословія, а чрезъ три мѣсяца по кончинѣ Филарета былъ возведенъ въ санъ епископа Викарія Кіевского. Остальныя же два лица, вошедшія въ родство съ Филаретомъ чрезъ браки ихъ съ племянницами его, были тоже окончившіе курсъ въ академіи. Оба они сначала состояли въ санѣ священниковъ и вмѣстѣ на духовно-учебной службѣ. Но послѣ вдовства ихъ, на самыхъ первыхъ же годахъ супружества,—собственно уже по личному вліянію на нихъ высокопр. Филарета,—тотъ и другой не замедлили принять монашество. При жизни еще Филарета они были оба архимандритами, одинъ *Іоаннъ* (въ мірѣ *Алексій Алексѣевичъ Петинъ*) занималъ должность Намѣстника Кіевопечерской Лавры, а другой *Виталій* (*Василій Макаровичъ Вертоградовъ*)—былъ ректоромъ Псковской семинаріи. Чрезъ пять лѣтъ по кончинѣ Филарета, первый былъ назначенъ епископомъ Полтавскимъ, гдѣ и до днесь святительствуетъ въ санѣ архіепископа, второй же былъ съ 1865 г. епископомъ въ Томскѣ и тамъ скончался въ 1867 году.

(1) Бывшій Каедр. Протоіерей Кіево-Софійскаго Собора, извѣстнѣйшій въ свое время во всей Россіи, какъ образцовый проповѣдникъ.

О значеніи вышепоказаннаго личнаго вліянія высокопр. Филарета въ дѣлѣ принятія обоими этими лицами монашескаго званія одинъ изъ нихъ,—нынѣшній архіепископъ Полтавскій Іоаннъ, торжественно засвидѣтельствовалъ въ собственной своей рѣчи, сказанной имъ Св. Синоду при самомъ нареченіи его въ санъ епископскій. Приведемъ здѣсь подлинныя слова въ этой рѣчи ⁽¹⁾. относящаяся собственно къ настоящему предмету. — „Было время, когда я самъ, по своей мысли и волѣ, предначертывалъ планы, избиралъ пути и цѣли для своей жизни. Священство, такъ много отъ нѣкоторыхъ нынѣ уничтожаемое. но само по себѣ, по божественности своихъ цѣлей, по святости своихъ богоучрежденныхъ обязанностей, по спасительности благодатныхъ священнодѣйствій и богооткровенныхъ ученій столько достойное самаго благоговѣйнаго уваженія и самыхъ искреннихъ, теплыхъ сочувствій, — священство — вотъ путеводная звѣзда моей юности, озарявшая и направлявшая всѣ мои поступки и дѣйствія, вотъ—тотъ завѣтный подвигъ, къ которому нѣкогда стремился я всею душею, которому одному я желалъ посвятить всю мою жизнь. всѣ мои силы.... и Господь далъ мнѣ, хотя на короткое время, испытать на дѣлѣ всю отраду и счастье этого святаго и великаго подвига. Настало время другое. „Судьбы Божіи—бездна многа“ отечески писалъ мнѣ тогда. приснопамятный во святителяхъ Божіихъ, Филаретъ, первосвятитель Кіевскій. „Мой совѣтъ тебѣ,—оплакавши кончину друга жизни твоей. посвятить остатокъ ея на служеніе Церкви Христовой въ монашескомъ званіи. Оставаться тебѣ приходскимъ священникомъ, вдовому и бездѣтному, не совѣтую. Кончину друга твоего приими за гласъ Божій, зовущій тебя къ безмолвному служенію Ему во святынѣ монашеской жизни. Послѣ кончины супруги, самая ближайшая къ тебѣ осталась душа твоя. Паче всего о ней попейся.

(1) Рѣчь была напечатана въ Духовной Бесѣдѣ. въ 1863 г. № 1. Іоаннъ архіеп. Полтавскій былъ товарищъ—однокурсникъ преосв. Антонія по академи, затѣмъ оба они были сослуживцами въ Кіевѣ до конца 1859 года, когда преосв. Антоній былъ назначенъ Епископомъ Смоленскимъ.

о спасеніи ея и сохраненіи въ цѣломудріи и святынѣ. ихъ же кромѣ никто же узритъ Господа“. И послѣдоваль этому званію Божію, услышанному изъ устъ пріснопамятнаго Первосвятителя“ (1).

Судя по одному этому перечню лицъ, вышедшихъ изъ одной семьи, хотя и въ разностепенныхъ колѣнахъ родства, дѣйствительно достойно и праведно признать эту семью, составившуюся подъ общею родовою фамиліею Амфитеатровыхъ, Богомъ благословенною. Сколько высокопр. Филареть, по словамъ покойнаго владыки Антонія, столько же и самъ послѣдній глубоко сознавалъ и благоговѣнно чувствовалъ это видимое знаменіе благословенія Божія надъ ихъ родомъ (2). Въ особенности же знаменіе это признавалось ими въ призваніи Божіемъ многихъ лицъ изъ ихъ рода къ иноческому званію. Когда, еще въ свое время, постепенно начали принимать монашество сказанныя лица, тогда же высокопр. Филареть говаривалъ: „ну, вотъ слава Богу, полку нашего прибываетъ да прибываетъ, и теперь я могу сказать о себѣ, что я монахъ не безродный, и, пожалуй, гожусь въ патріархи въ этомъ отношеніи. Благодареніе Господу, и при жиз-

(1) Такого же содержания было письмо отъ высокопр. Филарета къ опекуну протоіерею Петру Степановичу Алексинскому, когда овдовѣлъ и Василій Михайловичъ Вертоградовъ. Письмо это было не непосредственно къ самому овдовѣвшему потому, что Филареть не зналъ его лично; но письмо имѣло прямое значеніе и дѣйствіе. Священникъ Вертоградовъ принялъ весьма скоро монашество съ именемъ *Виталія*. Этотъ В. М. Вертоградовъ былъ женатъ на родной младшей сестрѣ преосв. Антонія—Александрѣ.

(2) Духъ призванія къ монашеству, какъ особенно врожденный въ коренной семьѣ и послѣдующемъ родословіи митроп. Филарета и, что справедливо, развивавшійся подъ несомнѣннымъ вліяніемъ его, проявился въ нѣсколькихъ лицахъ и женскаго пола, даже до послѣднихъ временъ. Мѣстомъ же нахождения этихъ призванницъ по преимуществу была родина первоначальной семьи Амфитеатровыхъ въ Орловской губернии въ разныхъ монастыряхъ и главнѣе въ Сѣвскомъ. Въ здѣшней казанской епархіи есть и теперь настоятельница Цивильскаго женскаго монастыря изъ этого же, хотя по очень далекой линіи, рода, которая перешла сюда тоже изъ сѣвскаго монастыря и поставлена въ игуменіи самимъ покойнымъ владыкой Антошемъ.

ни-то теперь есть кому помолиться намъ другъ за друга; а когда умру,—тоже найдутся *свои* закрыть мнѣ глаза и поминать въ молитвахъ“. Насколько же глубоко и свято чтить самъ митр. Филаретъ 'это иноческое званіе, видно изъ того, что онъ выражался иногда объ немъ, сравнительно съ самымъ саномъ митрополита, такими словами: „Бѣлый-то клобукъ съ драгоцѣннымъ крестомъ мнѣ пожаловали и носить повелѣли, а черный-то я самъ возжелалъ и воспринялъ на себя съ обѣтами; за него-то прежде всего и буду истязанъ на страшномъ судищѣ Христовомъ, гдѣ и бѣлый-то окажется бѣлымъ потолику, поколику черный сохранится не загрязненнымъ и неиздырявленнымъ страстями и похотями грѣховными“.

По поводу подобныхъ монахолюбивыхъ чувствъ и разсужденій высокопр. Филарета нѣкоторымъ представлялось отчасти тоже, что высказывалось въ послѣднее время въ борзописныхъ сказаніяхъ Бѣллюстиновскихъ, Ростиславовскихъ и т. п., въ коихъ, какъ извѣстно, призваніе молодыхъ ученыхъ людей къ монашеству признавалось и называлось просто на-просто *вербовкой* и *закабалливаніемъ*. Но долгъ справедливости требуетъ сказать, что высокопр. Филаретъ, бывши дѣйствительно ревностнымъ монахолюбцемъ, въ тоже время проявлялъ въ этомъ отношеніи примѣрную осторожность, даже до прозорливости. Одинъ изъ бакалавровъ кiev. академіи, подъ вліяніемъ своего дяди (бывшаго ректора кievской семинаріи) и по личному ходатайству послѣдняго предъ высокопр. Филаретомъ, былъ представленъ ему—(Филарету) кандидатомъ къ монашеству. Высокопр. Филаретъ на прямки сказалъ: „охма! не хотѣлось бы этого... не доброе дѣло выйдетъ... Ты будешь въ отвѣтъ предъ Богомъ и предо мною,—сказалъ онъ ректору, когда сбудется то, что я предчувствую и предвижу“. Этотъ бакалавръ, принявшій въ монашескѣ имя Мелитона, дѣйствительно сдѣлался несчастнѣйшимъ при разившейся въ немъ скорой слабости—нетрезвенности. Далѣе когда родной племянникъ Филарета, вышеупомянутый Яковъ Козмичъ Амфитеатровъ, бывшій уже ординарнымъ профессоромъ академіи и имѣвшій болѣе 40 лѣтъ отъ роду, выражалъ

предъ дядей, митр. Филаретомъ, не разъ, свое желаніе принять монашество, — Филареть всегда отклонялъ и такъ-таки не постригъ его въ монашество. — Наконецъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, самаго приближеннаго съ-издѣтства племянника Якова — (преосв. Антонія) онъ рѣшился благословить на принятіе монашества не прежде, какъ чрезъ годъ его службы при академіи.

Во всякомъ случаѣ вышеизложенныя чувствованія и разсужденія высокопр. Филарета, свидѣтельствовавшія о его глубокомъ монахолюбіи, выражались и внушались болѣе всѣхъ другихъ племяннику Якову, такъ что когда онъ постригъ его, подъ именемъ Антонія, то въ ряду всѣхъ прочихъ постриженниковъ своихъ именовалъ его духовнымъ своимъ *сыномъ первенцемъ*. По словамъ самого преосв. Антонія, владыка Филареть любилъ повторять при этомъ такія слова: „изъ Египта воззвахъ сына моего первенца“. Смыслъ этого выраженія заключался съ одной стороны въ значеніи тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ въ жизни самого Филарета вмѣстѣ съ братомъ Гавріиломъ — (отцомъ преосв. Антонія), среди коихъ Филареть приуравливалъ себя къ Іосифу *во рву* и въ темницѣ *въ Египтъ* во время шестилѣтняго служенія своего въ Уфѣ⁽¹⁾; а съ другой стороны этотъ смыслъ прилагался и къ Антонію, который родился въ Уфимской же епархіи и отсюда, на пятомъ году отъ роду, былъ вызванъ съ отцомъ и всей семьей въ Калугу, гдѣ воспитывался, можно сказать, на колѣнахъ и персяхъ дяди епископа Филарета до 10 лѣтняго возраста.

Мнѣ самому (пишущему) приводилось имѣть честь и удовольствіе слышать въ личныхъ бесѣдахъ съ высокопреосвященнымъ Филаретомъ самыя задушевныя воспоминанія его о времени тяжкаго служенія въ Уфѣ, равно какъ и объ отношеніяхъ его родственныхъ и личныхъ къ

(1) Эти послѣднія слова Филареть буквально употребилъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ П. Ив. Турчанинову, съ коимъ Филареть былъ дружески знакомъ еще по службѣ ректорской въ Сѣвскѣ, гдѣ Турчаниновъ былъ регентомъ архіерейскаго хора, а затѣмъ вскорѣ перемѣщенъ былъ въ регенты же къ С.-Петербургскому Митрополиту Амвросію (Подобѣдову).

брату своему—отцу пресв. Антонія и къ самому Антонію съ самаго его дѣтства. Однажды при бесѣдѣ, обратившись къ находившемуся тутъ же Антонію, бывшему тогда ректоромъ академіи, и указывая мнѣ на него, владыка Филаретъ говорилъ: „вотъ и онъ тебѣ, братъ, выходитъ чистый землякъ по Уфѣ-то. Только самъ-то онъ ничего не помнитъ ни о родинѣ тамошней, ни о родныхъ. Онъ и въ Калугу то привезенъ ко мнѣ во какомъ-то махонькимъ Яшей (при этомъ Владыка опустилъ руку на аршинъ отъ полу), такъ что я на первыхъ порахъ нянчивалъ его на своихъ колѣнахъ. Я же знаю и колыбельную родину его—золотопріпсковый Міяскій заводъ. На пути изъ Тобольска въ Петербургъ я заѣзжалъ повидѣться съ братцомъ Гавріиломъ, его батюшкой. А самая-то Уфа мнѣ больно-больно памятна, слава Богу, на всю жизнь... Да и всю-то вашу уральскую и за-уральскую Сибирь я поисколесилъ, что самъ Ермакъ покоритель ея... А вотъ, какъ Господь-то устроилъ все... самъ ты, братъ землякъ, теперь видишь... Какъ отъ самой почти колыбели принялъ я его,—Антонія, махонькимъ Яшей все равно что за роднаго сына,—такъ вотъ и здѣсь судилъ Господь воспринять мнѣ его и по академическому образованію, а тѣмъ паче по монашеству и священному сану имѣть его истиннымъ чадомъ по духу и благодати. — Да и родные-то уфимскіе, которыхъ ты, какъ теперь вижу я, лично и твердо всѣхъ знаешь, должны радоваться предъ Богомъ, что изъ ихъ рода вышелъ монахъ—молитвенникъ за нихъ. Ну а ты, Антоній, разузнавай теперь хорошенько отъ земляка-то о твоихъ тамошнихъ родныхъ. Самъ-то я уже въ послѣдній разъ вспомнать про нихъ при теперешнемъ свиданіи съ новоприбывшимъ землякомъ—Уфимцемъ. Да я всѣхъ, лично мнѣ извѣстныхъ, Уфимцевъ уже пережилъ и мнѣ пора⁽¹⁾ скоро—туда же къ нимъ“.

Съ своей стороны пресв. Антоній, вспоминая о своей родинѣ и родословной, и въ большинствѣ не зная

(1) Свиданія и бесѣды эти не разъ были въ теченіи лѣта въ 1857 г. въ любимомъ мѣстопребываніи высокопр. Филарета—въ Голосѣвъ; а въ Декабрѣ сего же 1857 г. онъ скончался.

лично ни родныхъ, жившихъ въ трехъ губерніяхъ—Орловской, Оренбургской и Калужской, ни самыхъ мѣстностей, исключая послѣдней—Калуги, —въ полушутку говаривать о себѣ, что онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ подобенъ тому, о которомъ сказано: „*Безъ отца, безъ матери, безъ причта рода*“.... (Евр. VII, 3). „Впрочемъ это, разсуждалъ онъ. и хорошо; монаху такъ и слѣдуетъ... Хорошо именно въ томъ смыслѣ, чтобы не имѣть лицепріятія къ тѣмъ или другимъ роднымъ, а быть ко всѣмъ въ равныхъ чувствованіяхъ и отношеніяхъ“. — Да и почти всѣ, коротко знавшіе преосв. Антонія, начиная еще со времени академическаго его образованія, не знали опредѣленно о мѣстѣ его колыбельной родины. Такъ какъ онъ обучался до академіи въ Калугѣ, гдѣ вообще провелъ свои годы, отъ 5-го до 20-го, и гдѣ скончался и отецъ его, и откуда впоследствии перемѣстилась, уже старицею, мать его въ Кіевъ, въ бытность его ректоромъ академіи, то многіе и признавали его родовымъ Калужаниномъ. А съ другой стороны, какъ извѣстно было всѣмъ, что онъ родной племянникъ митрополита Филарета по отцу и имѣлъ фамилію Амфитеатровъ, а эта фамилія, равно какъ и самъ митр. Филаретъ происходилъ изъ Орловской губерніи, то и мѣстомъ родины преосв. Антонія признавалась эта же губернія. Наконецъ въ бытность уже архіепископомъ въ Казани преосв. Антоній слышалъ и здѣсь въ большинствѣ эти же послѣднія свѣдѣнія о своемъ родоприсхожденіи тѣмъ болѣе, что въ Казани знали твердо о самомъ Филаретѣ, бывшемъ архіепископѣ Казанскомъ, что онъ уроженецъ Орловскій. Потому какъ бы для документальнаго засвидѣтельствованія о себѣ и въ удостовѣреніе другихъ и видя себя въ казанской епархіи, какъ непосредственно смежной съ его подлинною родиною уфимскою епархіею, (бывшею прежде оренбургской), преосв. Антоній поручилъ мнѣ, при поѣздкѣ въ Уфу, сдѣлать для него консисторскую выписку изъ метрики о его крещеніи, равно выписать и фотографическій видъ Мясскаго завода, гдѣ онъ родился. То и другое нерѣдко онъ показывалъ многимъ при разговорахъ, въ которыхъ сообщалъ подробныя свѣдѣнія и о томъ, какъ и

когда именно совершилась эмиграція изъ коренной родины—изъ орловской губерніи въ столь отдаленную сибирскую окраину въ лицѣ его отца, а, главнѣе, дяди его Филарета, такъ какъ первый былъ добровольнымъ только спутникомъ второму, чтобы, по чувству особенной братской любви, раздѣлить съ нимъ тяжкую долю изгнанничества.

Указываемыя свѣдѣнія сами по себѣ были интересны и знаменательны по отношенію собственно къ жизни митроп. Филарета; но таковыми же признавалъ ихъ преосвящ. Антоній и въ приложеніи къ самому себѣ и вообще къ родовой семьѣ въ лицѣ отца и матери. Дѣйствительно, какъ дядя его Филаретъ, начиная со времени служенія его въ Уфѣ, постепенно переходилъ изъ мѣста въ мѣсто, между прочимъ въ Калугу, въ Казань и наконецъ въ Кіевъ,—такъ точно въ этихъ же самыхъ мѣстахъ привелось жить и служить племяннику его Антонію, начиная съ оренбургско-уфимской губерніи. Далѣе, если взять въ сложности всѣ годы, которые онъ провелъ въ непосредственномъ личномъ сожительствѣ съ дядею Филаретомъ,—именно въ Калугѣ и Кіевѣ, то это послѣднее простирается на половину всей его жизни. Наконецъ что касается третьяго мѣста—Казани, то здѣсь хотя отношенія эти были посмертныя, за то онѣ имѣли особое значеніе, потому что преосв. Антоній явился тутъ преемникомъ и живымъ представителемъ своего дяди и по сану и по духу служенія архипастырскаго. Однимъ словомъ, указываемыя свѣдѣнія справедливо имѣли значеніе знаменательное въ такой степени, что для преосв. Антонія самый его родной отецъ былъ именно только давшимъ ему жизнь въ рожденіи, а все прочее воспринято и унаслѣдовано имъ отъ дяди Филарета. Въ этомъ отношеніи не безъ основанія и вполне вѣрно и мѣтко выразился одинъ изъ позднѣйшихъ авторовъ-изобразителей характеристики многихъ святителей текущаго столѣтія, когда, изобразивъ многія черты изъ жизни митроп. кіевскаго Филарета и поставивъ вопросъ: „что же онъ—Филаретъ оставилъ послѣ себя въ пользу Русской Церкви? отвѣтилъ такими именно словами: „онъ оставилъ и за-

вѣщаль ей (Церкви) *дитя своего сердца*—(племянника) преосв. Антонія, архіепископа казанскаго, пользующагося и теперь не безъ основанія уваженіемъ и любовію очень многихъ людей въ Россіи, ожидающихъ отъ него большихъ заслугъ для Церкви“ (1).

Впрочемъ если преосв. Антоній получилъ на свою долю въ жизни такія преимущества изъ всего рода Амфитеатровыхъ въ отношеніи къ лицу своего дяди-Филарета, чтобы быть наперстникомъ *дитятемъ его сердца*, и если онъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, заслуживалъ и вполне оправдалъ это своими личными качествами и достоинствами,—то самое начало и основаніе заключалось именно въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ поставилъ себя еще отецъ его Гавріиль Егоровичъ къ своему брату Филарету. Въ своихъ замѣткахъ о жизни высокопр. Филарета преосв. Антоній самъ засвидѣтельствовалъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ какъ братъ Гавріиль раздѣлялъ съ Филаретомъ его странствованіе изъ роднаго края въ далекую чужую страну—почти въ Сибирь, поэтому Филаретъ любилъ этого брата преимущественно предъ всѣми другими братьями и наипаче благодарѣтельствовалъ осиротѣвшему, по смерти его въ 1830 г., его семейству, къ коему принадлежалъ и пишущій эти строки“ (2).

О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, пережитыхъ Филаретомъ и нераздѣльно его братомъ Гавріиломъ въ Оренбургско-Уфимской епархіи, и о дальнѣйшемъ положеніи собственно брата Гавріила, вскорѣ поступившаго въ этой епархіи во священники, и его родства по женѣ и семейства, въ томъ числѣ сына Якова (преосв. Антонія) и наконецъ о перемѣщеніи его въ Калугу и тамошней жизни при Филаретѣ—будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.—

(1) Это сочиненіе автора Лѣскова явилось въ печати еще при преосв. Антоніи въ самый послѣдній годъ его жизни—въ 1879 г. (Смотр. стран. 96).

(2) Смотр. замѣтки высокопр. Антонія о жизни митрополита Филарета 1879 г. стран. 11.

ГЛАВА II.

Во все время служенія Филарета (съ 1799 г. по 1804 г.) въ Орловской, (находившейся въ г. Сѣвскѣ), семинаріи братъ его Гавріиль обучался въ этой же семинаріи, какъ своей епархіальной. Въ послѣднемъ году (1804 г.) онъ перешолъ уже въ послѣдній богословскій классъ, имѣя отъ роду 18 лѣтъ. Но вдругъ послѣдовало въ Октябрѣ сего же 1804 г. опредѣленіе Св. Синода о перемѣщеніи Филарета на должность ректора въ Оренбургскую семинарію, находившуюся въ г. Уфѣ, гдѣ была резиденція епархіальнаго архіерея.—Перемѣщеніе это хотя въ рангѣ служебномъ было равностепенное, по самая отдаленность мѣста будущей службы сильно озаботила Филарета; а еще болѣе тяжело было для него это перемѣщеніе по самымъ причинамъ, заключавшимся въ личномъ недоброжелательствѣ къ нему бывшаго тогда орловскаго епископа Досіея, ходатайствовавшаго предъ митр. Петербургскимъ Амвросіемъ о перемѣщеніи Филарета куда либо. Преосв. Досіей дѣйствительно какъ только получилъ указъ Св. Синода,—тутъ же высказался: „вотъ и прекрасно, и по дѣломъ ему! слѣшкомъ онъ *горячка* и *выскачка*;—пусть-ка теперь попрохолодится тамъ близъ уральскихъ-то снѣговыхъ хребтовъ... Да недаромъ Уфа по рнѣмъ называется *глуха*, слѣдовательно въ тамошней глуши и выскачкой-то не передъ кѣмъ быть (1).

(1) Причинами такого недоброжелательства для преосв. Досіея послужили два факта. Во 1-хъ во время проѣзда, чрезъ Сѣвскъ въ Кіевъ, московскаго митрополита Платона (въ Маѣ 1804 г.) Фила-

При этомъ-то состояніи Филарета и явилъ къ нему всю истинно-братскую любовь братъ его Гавріиль, рѣшившійся отправиться съ нимъ въ далекую Уфу, чтобы прожить съ нимъ по крайней мѣрѣ до окончанія курса въ тамошней оренбургской семинаріи (1). Но какъ и въ Уфѣ вскорѣ же послѣдовали противъ Филарета новое и горшее недоброжелательство и открытія преслѣдованія со стороны новопоступившаго (въ началѣ 1806 года) на уфимскую кафедру епископа Августина, то братъ Гавріиль, и по окончаніи курса, рѣшился не разставаться съ Филаретомъ, чтобы своимъ братственнымъ сочувствіемъ сколько нибудь облегчить его тяжкія скорби.—Среди этихъ-то скорбей и приравнивалъ себя самъ Филаретъ, какъ сказано выше, къ состоянію Іосифа во рву и въ темницѣ въ Египтѣ. Преосв. Августинъ съ одной стороны по своеобразному до крайнихъ странностей личному характеру съ перваго же раза выказалъ къ архимандриту Филарету свою явную нерасположенность, а съ другой стороны потому, что тотъ же орловскій преосв. До-

реть произнесъ послѣдному привѣтственную рѣчь. Рѣчь эта такъ понравилась Платону, что онъ тутъ же сказалъ Досиоею: «да! такая рѣчь весьма годилась бы и у насъ въ Троицкой семинаріи».—За это-то Досиоей и называлъ Филарета *выскачкой*. Во 2-хъ, когда вышло правительственное распоряженіе, чтобы резиденцію архіерейскую перевести изъ г. Сѣвска въ губ. городъ Орель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и семинарію,—тогда ректоръ Филаретъ сталъ довольно настойчиво представлять преосв. Досиоею всѣ, самыя вопіющія, причины къ неотложной необходимости перевести семинарію изъ Сѣвска,—гдѣ она находилась въ самой болотистой крайне нездоровой мѣстности. По этому дѣлу Филаретъ дѣйствительно *погорячился* на столько, что рѣшился сдѣлать отъ себя,—какъ ректоръ, представлеше прямо къ митрополиту петербургскому Амвросію. Когда же послѣдній, по особому знакомству съ Досиоеемъ, прислалъ ему въ подлинникѣ представленіе Филарета,—тутъ-то окончательно и вознегодовалъ Досиоей, сказавши Филарету: «чѣмъ перемѣстить Семинарію, я тебя-то самого справажу туда, гдѣ Макаръ и телятъ не гонялъ».

(1) Оренбургская семинарія была открыта въ губерн. городѣ Уфѣ въ 1880 г. 26 Сентября. По случаю 50-ти лѣтня ея, мною была составлена краткая Исторія ея и напечатана была въ Уфимскіяхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ въ 1852—53 г.

своей, бывши знакомъ коротко съ преосв. Августинемъ, писалъ послѣднему, чтобы онъ „протеръ бока Филарету хорошенько“. Вслѣдствіе этого письма Августинъ открыто сталъ преслѣдовать Филарета всевозможными рѣзкими укоридами и нападками повсюду, — и въ церкви во время богослуженія, и въ присутствіи консисторіи, и въ семинаріи при собраніи наставниковъ и даже учениковъ, и наконецъ въ домахъ знакомыхъ, гдѣ титуловалъ его не иначе, какъ „хитрой лукавой жучкой“ (1). Среди всѣхъ этихъ тяжкихъ огорченій и напастей ректоръ Филаретъ пришелъ-было къ рѣшительной мысли оставить вовсе духовно-учебную службу и перемѣститься на покой въ какой либо монастырь. Эту рѣшимость свою оставилъ онъ тогда только, когда Господь видимо явилъ ему подкрѣпленіе и утѣшеніе. „Однажды среди пламенной слезной молитвы онъ, Филаретъ, отъ истомленія склонился на колѣнахъ лицомъ на полъ и какъ бы позаснулъ. И вдругъ видитъ руку писавшую на стѣнѣ свѣтлыми буквами „не бойся! судьбы архимандрита Филарета въ рукахъ Божиихъ“ (2).

Во всѣ эти годы, столь тяжкіе для Филарета, братъ его Гавріиль находился при немъ неотлучно. Сперва, по окончаніи курса въ семинаріи, онъ оставался при немъ въ качествѣ какъ бы келейника; потомъ занялъ въ семинаріи же должность преподавателя Нѣмецкаго языка (3). Когда же наконецъ преосв. Августинъ неограничился од-

(1) Это прозвище далъ Филарету Августинъ собственно по весьма смуглому цвѣту лица его и весьма чернымъ волосамъ. Хитрость же и лукавство приписывалъ потому, что въ средѣ всего городского общества Филаретъ пользовался искреннимъ глубокимъ сочувствіемъ и почитаніемъ, какъ смиренный истинный монахъ; а это-то и относилъ Августинъ къ проницательству и заискиванію Филарета.

(2) Смотр. слово при погребеніи митр. Филарета, сказанное бывшимъ инспекторомъ Клевской академи, нынѣшнимъ высокопр. митроп. Московскимъ Іоанникомъ.

(3) Выписка изъ клировой вѣдомости о причтѣ Петропавловской церкви Мягскаго завода, Троицкаго уѣзда Оренбургской епархіи за 1818 г. доставленная о благочиннымъ священникомъ Ал. Малышевымъ при отношеніи отъ 17 Сентября 1880 г. за № 541.

ними только личными преслѣдованіями Филарета, а сдѣлать представленіе объ немъ въ Св. Синодъ съ самой нерекондательной стороны, и когда, по этому, Филаретъ былъ перемѣщенъ въ Тобольскую семинарію въ видахъ окончательнаго испытанія и дознанія его благонадежности⁽¹⁾, то онъ уже и самъ не рѣшился брать съ собою брата Гавриила, такъ какъ въ самомъ перемѣщеніи своемъ въ Тобольскъ онъ признавалъ для себя окончательное назначеніе въ ссылку и не надѣялся уже выбраться когда нибудь изъ такой дали и глуши. Возвращать же брата своего на мѣсто родины и средствъ не было⁽²⁾;

⁽¹⁾ Тобольскому тогдашнему архіепископу Амвросію (Келембету) было предписано отъ Св. Синода доносить особо въ извѣстные сроки, что и какъ усмотритъ онъ въ Филаретѣ. Въ самомъ же первомъ репортѣ своемъ на имя митрополита Петербургскаго Амвросія преосв. Тобольскій Амвросій выразился между прочимъ, такъ: «Вы прислали ко мнѣ не человѣка, а ангела во плоти».—Нужно знать, что преосв. Амвросій былъ самъ предъ Тобольскомъ въ Уфѣ (по 1806 г.) и здѣсь въ теченіи 2-хъ лѣтняго ректорства при немъ Филарета зналъ его съ отличной стороны во всѣхъ отношеніяхъ, потому-то съ перваго же раза и отрекомендовалъ его такими выраженіями.

⁽²⁾ Отсутствіе средствъ было таково, что Филарету по его собственнымъ словамъ (въ его запискахъ), приходилось ходить вмѣсто сапоговъ въ разбитыхъ туфляхъ. Причина въ томъ, что самый монастырь былъ крайне скуденъ, такъ что не имѣлось особой лошади для Настоятеля, и Филаретъ долгое время ходилъ пѣшкомъ въ семинарію на пространствахъ болѣе трехъ верстъ, пока сжалился надъ нимъ помѣщикъ Александръ Борисовичъ Ломоносовъ и подарилъ ему лошадь съ тележкой и сбруей. Съ другой стороны преосв. Августинъ, въ порывѣ особеннаго недовольства, внезапно назначилъ лицъ консисторскихъ конфисковать все имущество Филарета, кромѣ того, что онъ успѣлъ только надѣть на себя. Порывъ такого недовольства произошелъ именно отъ того, когда Августинъ узналъ, что Филаретъ ѣздитъ изъ монастыря на лошади, которую выдаетъ будто за подаренную ему, а между тѣмъ Августинъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ, и завинялъ Филарета, что онъ тайкомъ тратитъ монастырскія скудныя средства на свои прихоти. Нужно указать какъ на несомнѣннѣйшее свѣдѣніе о самомъ Августинѣ, что онъ во 1-хъ не носилъ иной одежды,—рясы и подрясника, какъ изъ простой холщевой крашенины, равно и ѣздилъ въ обыкновенной деревенской кибиткѣ лубочной на парѣ пѣгенькихъ плохихъ лошадепогъ, въ упряжкѣ мочальной; потому-то онъ такъ и опрокинулся особенно на Филарета за его прихоти и приказалъ конфисковать вмѣстѣ съ иму-

да и самой надежды на устройство его тамъ не предвидѣлось, потому что на Орловской кафедрѣ былъ все тотъ же преосв. Доснѣей, его недоброжелатель. Въ самой Уфѣ хотя тоже преосв. Августинъ могъ не благоволить къ его брату, за-то тутъ были такіе люди, которые вполне сочувствовали неповинно-гонимому Филарету и готовы были принять искреннее участіе въ положеніи его брата.

Къ числу такихъ людей принадлежалъ, между прочимъ, священникъ г. Уфы Григорій Андреевичъ Несмѣловъ. Съ домомъ этого священника хорошо былъ знакомъ и братъ Филарета—Гавріиль, потому что дѣти Несмѣлова, три сына, учились въ семинаріи же, и одинъ изъ нихъ былъ сокурсникомъ Гавріилу по богословскому классу (1). А какъ у этого священника была дочь Татіана въ описываемое время въ порѣ невѣсты, (по тогдашнему 14 лѣтъ), то Филаретъ и пожелалъ съ нимъ породниться, женивъ на этой дочери своего брата Гавріила.

По ходатайству своего тестя о. Григорія и особенно чрезъ посредство, состоявшаго келейникомъ у преосв. Августина, вдоваго, весьма молодаго, священника Ильи Петровича Попова (2), Гавріиль Амфитеатровъ скоро опре-

ществомъ и самую лошадь и пр. О крайней скудости Уфимскаго монастыря достаточно сказать, что онъ чуть не до тридцатыхъ годовъ въ общемъ мѣстномъ выраженіи именовался «Плетневымъ», такъ какъ огороженъ былъ плетнемъ.

(1) Я,—пишущій—зналъ лично, отъ дѣтства своего, весь родъ Несмѣловыхъ, начиная со старца Григорія Андреевича,—дѣда преосв. Антонія. Два сына его Петръ и Иванъ Григорьевичи были протоіереями въ г. Уфѣ, а третій Яковъ Григорьевичъ былъ въ послѣднее время своей службы старшимъ совѣтникомъ Губерн. Правленія въ г. Могилевѣ. Въ настоящее время въ живыхъ изъ фамиліи Несмѣловыхъ остался только одинъ изъ четырехъ сыновей прот. Ив. Григорьевича, слѣдовательно двоюродный братъ покойнаго преосв. Антонія, самый младшій Павелъ Ив—чъ, мой товарищъ по образованію, который теперь состоитъ на службѣ въ г. Уральскѣ старш. Совѣтникомъ главнаго Войсковаго Управленія,—въ чинѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника.

(2) Этотъ Илья Петровичъ впоследствии былъ протоіеремъ въ Златоустовскомъ заводѣ и наконецъ въ 1848 г. былъ опредѣленъ кафедральнымъ протоіеремъ уфимскаго собора. Онъ самъ лично раз-

дѣлень былъ на священническое мѣсто въ г. Челябину къ Христорождественской церкви. Но на пути еще къ своему мѣсту назначенія, именно въ проѣздѣ чрезъ Мясскій заводъ, о Гавріилъ встрѣтилъ тутъ недавнихъ переселенцевъ изъ Орловской губерніи. По чувству любви къ родинѣ въ лицѣ этихъ земляковъ о. Гавріилъ возымѣлъ тутъ же сильное желаніе предпочесть городскому священническому мѣсту настоящее, въ Мясскомъ заводѣ, хотя тутъ не было еще церкви, а разрѣшено было только ее строить. Земляки его тоже обрадовались этому намѣренію о. Гавріила. Такимъ образомъ какъ онъ самъ, вскорѣ по прибытіи въ Челябину, рѣшился послать прошеніе о перемѣщеніи его въ заводъ Мясскій, такъ и будущіе его прихожане-земляки отправили отъ себя ходатайство о назначеніи его священникомъ къ только-что разрѣшенной къ стройкѣ церкви. Перемѣщеніе это состоялось тогда же, но съ тѣмъ, чтобы, пока церковь не отстроена и не освящена, о. Гавріилъ былъ въ званіи исправляющаго должность приходскаго священника, что и продолжилось до Октября 1815 г. ⁽¹⁾. На основаніи словъ своихъ родителей, самъ преосв. Антоній сказывалъ, что освященіе церкви совершенно было какъ разъ предъ днями его

сказывалъ мнѣ о времени своего келейническаго служенія у преосв. Августина. Ему особенно была памятна сказанная кибитка, на козлахъ которой приводилось ему,—хотя и священнику, одѣтому въ рясу,—присаживаться къ кучеру, чтобы сопровождать архіерея въ поѣздкахъ къ богослуженію, а также и къ знакомымъ лицамъ въ городѣ. Но такъ какъ преосв. Августинъ, посѣщая знакомыхъ, не любилъ и не принималъ никакихъ угощеній, даже ни чаю, ни кофею, а между тѣмъ любилъ пить кофей ячменный, то, желая иногда угодить посѣщаемымъ, и доставить себѣ угощеніе, онъ приказывалъ своему келейному священнику Ильѣ Попову приготовить еще дома большой чайникъ съ ячменнымъ кофеемъ, уже свареннымъ, и брать этотъ чайникъ съ собой, держа въ рукахъ на козлахъ. И вотъ бывало, рассказывалъ о. Илья, какъ только пріѣдемъ въ домъ, гдѣ Владыкѣ угодно подольше посидѣть, то онъ лишь сядетъ на мѣсто, мнѣ тотчасъ же велитъ отправляться на кухню, чтобы разогрѣть въ чайникѣ его кофей и принести для него въ гостинную, гдѣ онъ и угощался.

(1) Изъ свѣдѣній доставленныхъ о. Благоч. Малышевымъ.

рожденія и крещенія ⁽¹⁾ равно какъ и братъ его старшій родился при самой закладкѣ этой церкви, которому дано было и самое имя *Павелъ* потому, что церковь устраи- валась во имя Апостоловъ Петра и Павла. „Священникъ Гавріиль Амфитеатровъ, говоритъ сообщатель свѣдѣній со словъ старожиловъ, хотя пробылъ и недолго на мѣстѣ, но былъ весьма любимъ прихожанами. Когда онъ выѣз- жалъ изъ Міаса куда-то въ другую далекую губернію, то народъ съ хлѣбомъ и солью и со слезами провожалъ его далеко за селеніе, какъ истиннаго пастыря и строителя церкви, и еще какъ дорогаго любезнаго земляка“ ⁽²⁾.

Изъ Міасскаго завода о. Гавріиль перемѣстился въ г. Калугу въ 1820 г. по вызову брата своего Филарета, который былъ уже Епископомъ (съ Іюня 1819 г.) въ Калу- гѣ. На пути, при переѣздѣ въ Калугу, онъ былъ съ своимъ семействомъ въ Уфѣ. Въ это время было у него трое дѣтей: старшая дочь—Вѣра 11 лѣтъ, первый сынъ Па- велъ 8 л. и Яковъ по пятому году. Когда въ 1860 г. приводилось мнѣ быть въ Уфѣ, то, при свиданіи съ раз- ными родными преосв. Антонія изъ фамиліи Несмѣло- выхъ, одна его тетка, жена протоіерея Ив. Григ. Не- смѣлова Анна Яковлевна особенно живо воспоминала про

(1) Въ метрическомъ свидѣтельствѣ значится: «въ первой части о родившихся въ метрической книгѣ за 1815 г. въ статьѣ подъ № 88-мъ записанъ родившимся 15 и крещеннымъ 17 Октября младен- цемъ Іаковъ; отецъ его священникъ Гавріиль Амфитеатровъ, мать Татіана Григорьева Амфитеатрова; при крещеніи восприемникомъ былъ Маркшейдеръ (именованіе чиновника по горной службѣ) Васи- лій Ламаевъ».—Въ сообщеніи о. Благочиннаго Малышева сказано, между прочимъ: «кто именно совершалъ крещеніе, подъ самой статьей № 88 подписи нѣтъ; а по окончаніи всей октябрьской записи сдѣ- лано общее. засвидѣтельствованіе, что крещеніе вышезаписанныхъ младенцевъ совершалъ священникъ Амфитеатровъ съ діакономъ Мак- симовымъ. Ясно, что крещеніе сына совершалъ самъ отецъ Гавріиль, что и естественно по весьма далекому разстоянію, но тогдашнему мѣстному населенію, какой либо сосѣдственной церкви.

(2) Изъ свѣдѣній того же о. Благочиннаго Александра Ив. Ма- лышева, дѣдъ котораго былъ первымъ причетникомъ въ Міасскомъ заводѣ при о. Гавріилѣ, а отецъ былъ священникомъ съ 1836 г. по 1862 г.; здѣсь же священствуетъ теперь онъ самъ о. Благочинный Малышевъ.

указываемое время проѣзда о. Гавріила съ семействомъ чрезъ Уфу въ Калугу. Представляя себѣ въ живой памяти и личность Филарета, въ бытность его ректоромъ въ Уфѣ, и племянника Яшеньку, она съ благоговѣніемъ высказывалась: „вотъ какъ истинно неисповѣдимы судьбы Божіи! И намъ-то какое счастье дароваль Господь, что мы имѣемъ такихъ высокихъ родственниковъ... А вѣдь и о Филаретѣ-то трудно было думать, что Господь такъ возвыситъ его, судя по тому, каково было ему здѣсь отъ тогдашняго владыки нашего Августина. Не даромъ владыка, помню, не очень-то привѣтливо смотрѣлъ и на наше семейство, когда мы просватали Танюшку за брата Филаретова—Гавріила Егоровича. Но вотъ что и какъ устроилъ Господь! Не только Филаретъ вышелъ такимъ великимъ святителемъ, но теперь и Яшенька-то нашъ уже архіееремъ... Говорю *нашъ* потому, что, какъ вотъ теперь смотрю я на него; онъ совершенно былъ *нашей плоти и крови* (1), т. е. Несмѣловской. Вѣдь Филаретъ-то и братъ его о. Гавріилъ были эдакіе смуглые на лицо и черноволосые и сложенія-то крупнаго, и виду-то угрюмаго,—а Яшенька-то какъ свѣтленькое яблочко... да и жиденькій, нѣжненькій такой, и ласковый ко всѣмъ; такъ и не сходить, бывало, съ колѣнъ то у того, то у другаго. Не даромъ и Филаретъ въ Калугѣ-то полюбилъ его больше всѣхъ. Да пожалуй, если бы не дядюшка-то Филаретъ воспиталь его при себѣ, то на врядъ ли онъ попалъ бы въ послѣдствіи и въ монахи-то... Вотъ и нашъ *Саша*, который съ Яшенькой былъ однокласскомъ, тоже выглядывалъ было монахомъ,—и въ Академію идти хотѣлъ. да нѣтъ, Богъ не судилъ (2). Яшенька-то, теперешній

(1) Родъ Несмѣловыхъ, начиная со старца Григорія Андр—ча, отличался цвѣтомъ волосъ русо-рыжеватыхъ. У преосв. Антонія были волосы такіе же и сохранялись свѣжо лѣтъ до 50-ти его возраста.

(2) Этотъ Саша былъ старшій сынъ прот. Ив. Григорьевича—Александръ Ив. Несмѣловъ; замѣчательно, что въ перепискѣ между нимъ и Яшенькою, въ бытность ихъ еще въ семинаріи, былъ именно вопросъ и о монашествѣ; о чемъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Будучи однокласскомъ съ преосв. Антоніемъ, этотъ Ал. Ив. и скончался

гихъ также быстроту и аккуратность; въ противномъ случаѣ онъ вмигъ изъ самаго спокойнаго привѣтливаго состоянія переходилъ въ какую-то тревожность, вспылчивость и недовольство, хотя скоро, тутъ же проходившія и никогда не оканчивавшіяся какими либо недобрыми послѣдствіями. Съ нравственной религіозной стороны онъ отличался строгостію жизни, въ частности трезвостію, и особеннымъ усердіемъ къ богослуженію. Въ житейскомъ быту былъ извѣстенъ за хлѣбосола и самаго радушнаго и пріятнаго собесѣдника въ компаніяхъ, любившаго рассказывать анекдоты въ самомъ простодушномъ родѣ и смыслѣ, сколько и благородно остроумномъ и забавномъ. Будучи съ раннихъ поръ вдовъ и имѣя только сына и дочь (послѣдняя отъ дѣтства была сидень), о. Петръ постоянно принималъ къ себѣ на воспитаніе дѣвицъ сиротъ круглыхъ изъ духовнаго званія и непремѣнно устроялъ судьбу ихъ замужествомъ. Наконецъ любилъ Петръ Григорьевичъ быть кумомъ въ семействахъ духовныхъ и относился ко всѣмъ таковымъ съ привѣтливостію и любовью чисто-родственнойю, не смотря на кумовство иногда съ семействами даже причетническими, содѣйствуя имъ, при случаѣ, во всемъ, въ чемъ только могъ. Въ этомъ

личныя и служебныя качества и достоинства Петра Григорьевича Несмѣлова. Однажды, по какому-то особенному случаю по дѣламъ службы со стороны Петра Григорьевича, — какъ онъ самъ рассказывалъ, — преосв. Михаилъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Скажи-ка мнѣ, отецъ, — давно ли и откуда взялась ваша родовая фамилія «Несмѣловъ»? Когда о. Петръ сообщилъ ему, что зналъ, преосвященный примолвилъ: — «ну что ты ни говори и сколько ни толкуй мнѣ, а я скажу одно: ошибка большая въ этомъ фамильномъ прозвищѣ вашего рода. Доказательство живое въ тебѣ первомъ; ты не Несмѣловъ, а напротивъ «смѣлый изъ смѣлыхъ» и по характеру и по дѣламъ и по дѣйствіямъ. Будь на всегда таковъ на все доброе и правое». Рассказъ этотъ мною былъ слышанъ изъ устъ самого о. Петра Григорьевича еще въ давнихъ порахъ. — Вообще же всѣ лица изъ рода Несмѣловыхъ, начиная со старца Григорія Андреевича, отличались живостію, задушевною веселостію и говорливостію и съ тѣмъ вмѣстѣ благороднымъ гоноромъ, — иногда, впрочемъ, въ смыслѣ выраженій: «знай нашихъ» или «не тронь меня, и я тебя не трону».

отношеніи онъ, бывало, говаривалъ подь старость: „я теперь тоже, что патріархъ Іаковъ; сколько у него размножилось домочадцевъ, когда онъ переселялся къ Іосифу,—столько же у меня, пожалуй, наберется крестниковъ и крестницъ, считая съ ихъ отцами и матерями.—Скончался Петръ Григорьевичъ въ 1876 г. 5 Іюля (на 84 г. жизни), такъ мирно и безболѣзненно, что, пріѣхавъ въ Уфу дня за два, я успѣлъ повидѣться съ нимъ и находилъ его безъ всякихъ признаковъ какой либо болѣзни. Но вдругъ съ вечера на 5-е число онъ прихворнулъ, а утромъ едва успѣлъ только пріобщиться Св. Тайнъ и душу Богу отдалъ. При этомъ-то открылась и послѣдняя черта сходства между дядей и племянникомъ,—черта духовная сокровенная; это—очевиднѣйшая во всю жизнь его нестяжательность, или, во всякомъ случаѣ, употребленіе стяжанія на дѣла благотворенія. Мною тогда же было телеграфировано преосв. Антонію и отъ имени его было сдѣлано мною вспомошествованіе на его погребеніе и на содержаніе, оставшейся еще въ живыхъ, несчастной его дочери, сорокъ лѣтъ находящейся неподвижнымъ сиднемъ.

По возвращеніи домой въ Казань, сообщивъ преосв. Антонію все въ подробности о свиданіи съ дядею его и о кончинѣ, я представилъ ему тутъ же и карточку дядину, сказавъ: „вотъ извольте посмотрѣть теперь вы на эту карточку и на себя, когда вы и сами теперь постарѣли и посѣдѣли не меньше дядюшки; можетъ ли быть больше родственнаго сходства, какъ это“. „Для окончательнаго же тожества остается съ вашей стороны еще одно только, что и завѣщаль вамъ дядюшка, именно,—чтобы и вы дожили до его же годовъ“.—Владыка, улыбаясь, отвѣтилъ: „ну ужъ нѣтъ; спасибо дядюшкѣ и тамъ въ царствіи небесномъ. Дожить-то до этихъ годовъ я не доживу, да и не желаю;—а вотъ если бы Господь сподобилъ меня такой же кончины, какъ его,—безболѣзненной и мирной,—то я болѣе и лучше этого сходства съ нимъ не желалъ бы ничего... Правда, примолвилъ онъ, судя по долготію какъ этого дяди по матушкѣ, такъ и дяди по батюшкѣ—владыки Филарета, равно двоихъ моихъ дѣдовъ. думалось бы, что и мнѣ можно бы

надѣяться на долговѣчность,—но ты самъ же. видѣвши дядю въ Уфѣ на 84-мъ году его жизни, приравнялъ теперь же меня къ нему по устарѣлости и по сѣдинамъ;—значить нечего и думать мнѣ сравняться съ нимъ въ долготѣи. Да помню твердо я и слова владыки Филарета, который наоборотъ часто-часто выражался: „охла! нѣтъ,—бѣда долго жить на землѣ; приживешься, пожалуй, до того, что ослабишь и самую память о смертномъ часѣ“ (1). Потому-то чѣмъ принимать, переданный тобою, завѣтъ недавняго дяди,—лучше всего тверже и глубже памятовать совѣтъ владыки Филарета, съ которымъ не даромъ судилъ мнѣ Господь прожить половину жизни моей въ такихъ ближайшихъ къ нему моихъ сыновнихъ отношеніяхъ, равно и въ его болѣе. чѣмъ отеческихъ ко мнѣ, начиная съ самаго дѣтства. какъ только перемѣстились мы всей семьей въ Калугу“.

(1) У самого высокопреосв. Филарета сложилось это выражение. какъ рассказывалъ не разъ преосв. Антоній. между прочимъ. по воспоминаніямъ о бывшемъ С.-Петербургскомъ митрополитѣ Серафимѣ, съ которымъ Филарету приводилось нѣсколько лѣтъ засѣдать въ Св. Синодѣ.—Прежде всего нужно замѣтить. что маститый уже тогда первоприсутствующій Серафимъ не очень долюбивалъ Филарета Кіевскаго вообще; въ частности же почти не могъ его терпѣть за то, когда Филаретъ, при личныхъ домашнихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ митрополит. Серафимомъ. не удерживался иногда отъ своихъ обычныхъ вздыханій въ духѣ богомысленномъ.—«О чемъ ты. Кіевскій. все такъ часто вздыхаешь?» «О чемъ же иномъ. отвѣчалъ искренно послѣдній. какъ не о суетности и скоротечности нашей жизни...»—«Какой это *нашей!*? Ты ужь лучше бы прямо сказалъ: *жизни моей...*, судя по моей старости!.. Эхъ. братъ. какъ ты себѣ ни вздыхай... а я. наперекоръ тебѣ *не скоро утеку* и не хочу.... Да ты. вѣдь я знаю. давно уже толкуешь всѣмъ о покоѣ—временномъ ли то, или вѣчномъ... Ну что же?!. Упокойся. коли хочешь... никто тебя и не думаетъ удерживать... А мы и безъ тебя проживемъ и. можетъ. переживемъ тебя... Не такъ-ли? обратился Серафимъ къ сидѣвшему тутъ же митропол. Іонѣ (бывшему прежде экзарху Грузи,—Члену св. Синода). Когда же послѣдній. какъ-то неосторожно. прежде еще отвѣта. тоже глубоко вздохнулъ... Серафимъ просто всплылъ на обихъ. «Да вы. кажется. сговорились. чтобы вашими вздыханіями скорѣе довести меня *до послѣдняго издыханія...* Ты-то. Іона. не знай вздыхаешь о чемъ... А тебѣ. Кіевскій. я знаю. больно хочется скорѣе попасть въ митрополиты петербургскіе... промолвилъ Серафимъ Филарету: отъ этого-то ты и вздыхаешь»...

Филаретъ назначенъ былъ Епископомъ калужскимъ изъ ректоровъ московской академіи въ апрѣлѣ 1819 г. Хиротонія его была совершена 1-го Іюня въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ Митрополитомъ Серафимомъ въ соучастіи четырехъ преосвященныхъ, въ числѣ коихъ, — что замѣчательно, — привелось быть и бывшему недоброжелателю его — преосв. Досіею Орловскому (1). Ровно чрезъ годъ, по желанію и вызову Филарета, перемѣстился въ Калугу съ семействомъ братъ его Гавріилъ и былъ опредѣленъ священникомъ въ самой Калугѣ къ Архангельской церкви, а впослѣдствіи вскорѣ произведенъ былъ въ протоіереи. При всей искренности расположенія ко всему братнему семейству, Филаретъ обратилъ, между прочимъ, особенное вниманіе и выражалъ любовь и ласку къ меньшему племяннику *Яшѣ*. Помянутый нами въ самомъ началѣ, авторъ свѣдѣній о преосв. Антоніи вполне вѣрно выразился объ указываемыхъ отношеніяхъ дяди архіерея къ малюткѣ *Яшѣ*. „Филаретъ, человекъ глубоко искренняго благочестиваго аскетическаго настроенія, съ утѣшеніемъ замѣчалъ, съ первыхъ же поръ, въ племянникѣ своемъ *Яшѣ* явные задатки такого же настроенія. Послѣдніе сказывались въ его любви къ храму Божію, къ службамъ церковнымъ, къ коимъ онъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, неупустительно хаживалъ. Во все время, пока Филаретъ находился въ г. Калугѣ, *Яша* жилъ при немъ почти не отлучно и отъ сего времени онъ сталъ его питомцемъ, духовнымъ сыномъ; и здѣсь-то отеческія отношенія съ одной стороны и сыновнія съ другой еще сильнѣе и глубже повліяли и воздѣйствовали на развитіе въ юномъ питомцѣ религіозно-аскетическаго настроенія“ (2). Мнѣ самому открывался преосв. Антоній, что въ ту пору онъ, видя, какъ дядя Владыка совершалъ, бывало, свои самыя продолжительныя ночныя моленія, тоже вставалъ тихонько съ постели и начиналъ молиться, доколѣ сонъ окончателно не одолѣвалъ его, — хотя дядя, замѣтивъ эту ревность, благоумудро ограничи-

(1) Замѣтки о жизни митр. Филарета стр. 21.

(2) Кіевскія епарх. Вѣдомости 1879 г. Ноябрь № 47. стр. 10.

валь ея порывы. Когда же пришла пора учиться грамотѣ, тотъ же Филаретъ самъ, по преимуществу, обучалъ его, а съ поступленіемъ въ училище руководилъ при изученіи данныхъ уроковъ, съ утѣшеніемъ видя его открывшіяся отличныя дарованія. Такое же внимательное участіе во всемъ дальнѣйшемъ обученіи любимца-племянника со стороны Филарета продолжалось и заочно чрезъ письма, когда Филаретъ служилъ въ Рязани и Казани.

Вообще на долю любимца племянника выпало все то, что можно представлять обыкновенно въ обстановкѣ и условіяхъ жизни въ архіерейскихъ покояхъ. Покойный владыка Антоній и самъ говаривалъ, что, когда онъ обучался въ училищѣ и потомъ находился въ семинаріи, товарищи, иногда въ тихомолку, а то и въ слухъ, давали ему разныя наименованія, какъ то: *нѣженка*, *барчукъ*, или выражались такъ: „*привыкъ-де къ архіерейскимъ подшукамъ*“... или— „*привыкъ кататься въ каретѣ*“. Последнее выраженіе составилось потому, что владыка Филаретъ, когда племяннику его Якову было лѣтъ 6—7, назначилъ его быть пососникомъ при богослуженіи; поэтому не рѣдко бралъ его съ собою въ карету, отправляясь на служеніе, а равно и возвращаясь изъ церкви, если не имѣлъ въ виду куда либо заѣхать.—Само собою подобныя выраженія были вообще не болѣе, какъ школьническія выходки, вызывавшіяся, быть можетъ, отчасти завидливостію, или представленіями, что, при постоянной ласкѣ дяди архіерея и при комфортной обстановкѣ, естественно можно поизнѣжиться и пожалуй отчасти избаловаться. Но на дѣлѣ не было и не могло быть подобнаго.—Дядя Филаретъ, если и давалъ *Яши* какіе гостинцы изъ сластей, или деньги по цѣлковому, по талеру, иногда и по золотому, то все это дѣлилось на части для раздѣла съ родными, а также для нищихъ и на свѣчи въ церковь. Дядя и самъ раздавалъ нищимъ по временамъ въ присутствіи *Яши* или даже чрезъ руки его. Какого либо баловства нельзя было допустить тѣмъ болѣе, что при Филаретѣ былъ келейный о. Назарій, который не давалъ спуску и самому Филарету, и отли-

чался вообще суровостию и ворчаливостію. Покойный владыка Антоній говаривалъ, что онъ Назарія больше боялся, чѣмъ дяди. Назарій бывало, частенько меня *понукивалъ* и *потыкивалъ*, разумѣя подъ этими выраженіями обычныя слова: *ну... ты...* Въ особенноти же непривѣтливость его ко мнѣ выражалась въ сказанныхъ словахъ тогда, когда онъ видѣлъ или узнавалъ, что дядя-Владыка давалъ мнѣ деньги, или приказывалъ купить для меня гостинцы или что либо по части одежды. Тутъ-то доставалось и самому Владыкѣ, къ которому о. Назарій обращался тоже *на-ты* и *на-ну* (1). О. Назарій не былъ скупъ въ нехорошемъ смыслѣ, но крайне бережливъ; тогда какъ владыка Филаретъ былъ щедродатливъ до послѣдняго...

Помню, рассказывалъ преосв. Антоній (2), пріѣзжала въ Калугу повидаться съ владыкою Филаретомъ родная его сестра Анна Егоровна Красина (мать Якова Козмича Амфитеатрова). Погостивши довольно въ нашей семьѣ, равно какъ ежедневно бывавши у Владыки даже при знатныхъ гостяхъ, стала она собираться домой. При послѣднемъ разставаніи владыка Филаретъ сказалъ ей: „А что сестра?! вѣдь, надо тебѣ дать денегъ на дорогу“. „Нѣтъ, братецъ, отвѣчала она: слава Богу, я не нуждаюсь; на своихъ лошадкахъ пріѣхала, на нихъ спокойно доѣду и до дому“. — „Ну нѣтъ, сестра, ты ужъ не отговаривайся, настаивалъ владыка: Я вѣдь знаю, что найдутся изъ родныхъ же и знакомыхъ съ недобрыми языками, и тебѣ же первой будетъ отъ нихъ жутко. Вотъ-де къ братцу-то, архіерею,

(1) О. Назарій былъ изъ вольноотпущенныхъ помѣщичьихъ дворовыхъ крестьянъ; сначала онъ поступилъ въ число послушниковъ Троице-Сергіевой Лавры, и здѣсь-то Филаретъ, бывши ректоромъ Моск. Академіи, взялъ его къ себѣ въ келейники, потомъ постригъ въ монахи и въ Калугѣ посвятилъ его въ іеродіаконы. Сказанныя грубоватыя обращенія, по этому, были естественны и не считались за обидныя. Случалось, впрочемъ, что нѣкоторые изъ стороннихъ высказывали неудовольствіе на о. Назарія предъ Владыкою. Послѣдній простодушно отвѣчалъ: «виновать-ли хозяинъ, если у него хорошій вѣрный песь на дворѣ».

(2) Рассказъ этотъ имѣется у меня и письменный въ матеріалахъ для біографіи высокопр. Филарета.

прокатилась, да ни съ чѣмъ возвратилась“.—При этомъ владыка обратился къ находившемуся тутъ же о. Назарію: „Нѣтъ ли у тебя моихъ денегъ въ достаточномъ запасѣ, или позови ко мнѣ эконома“. Въ эту пору о. Назарій не вытерпѣлъ: „Да что ты, мать родимая Анна Егоровна,—уже ли думаешь, что онъ вотъ такъ и отсыплетъ тебѣ цѣлыя сотни. Вотъ тебѣ Богъ, что у меня-то онъ всё деньги позабиралъ, а у эконома-то, я знаю, всего-на всего осталось 70 руб. асс.“. Но Владыка, какъ бы обрадовавшись и этому, сказалъ: „иди же скорѣе и принеси тѣ 70 руб.“ О. Назарій принесъ и, отдавая деньги Владыкѣ, сказалъ: „на... возьми... отдай. Да смотри, что если ты боишься *недобрыхъ языковъ*, что то и то-де скажутъ тамъ на родинѣ,—за то намъ-то не на что будетъ чего-либо и лизнуть *своими языками*. Экономъ прямо сказалъ, что больше нѣтъ денегъ на покупки съ завтрашняго же дня“.—Деньги 70 руб. отданы были сполна сестрѣ, а о. Назарій взглянулъ только на иконы, развелъ руками и, не провожая гости, скрылся съ обыкновенною ворчаливостію. Когда же по временамъ скоплялись у Назарія владыкины деньги, и Владыка обращался къ нему за деньгами, зная, что есть, онъ отвѣчалъ: „есть-то есть, да не про твою честь; вѣрно кто нибудь опять разжалобился предъ тобою въ своихъ нуждахъ... А мы сами-то какъ будто птички Божьи, и нужды-то никакихъ у насъ нѣтъ“... Такъ, бывало въ иной разъ, ни за что не дастъ денегъ Владыкѣ. Мнѣ же послѣ этого начинается, бывало, толковать какъ бы съ особымъ участіемъ: „Вотъ онъ, дядюшка твой, только и знаетъ, что суетъ деньги, кому ни попало; а вѣдь ты хоть и махонькій, понимаешь же, что батюшка твой съ матушкой будутъ скоро самъ-пять; да вотъ и свадьба на дворѣ, а онъ же самъ (Владыка) будущему затьку вызвался построить отдѣльный домикъ. Наконецъ животомъ и смертію Богъ Единъ владѣетъ. Батюшка твой не больно надеженъ здоровьемъ; а его самого, Владыку, того и гляди, куда нибудь переведутъ,—тогда куда вы поспѣли; небось ты-то первый спознаешь, въ чемъ нужда ходить, особливо послѣ теперешняго житья-бытья“...

Пріѣзжали, рассказывалъ преосв. Антоній, въ Калугу для свиданія съ владыкою Филаретомъ и нашимъ семействомъ и оба мои дѣдушки: отецъ Владыки и батюшки заштатный священникъ Георгій Никитичъ и отецъ матушки (изъ Уфы) священникъ Григорій Андреевичъ Немѣловъ. Обоихъ я твердо помню. Первый мнѣ казался довольно угрюмымъ по самому виду и мало привѣтливымъ, а второй особенно нравился мнѣ за веселость и ласковость и разные, забавные для насъ дѣтей, рассказы въ средѣ всей родной семьи.—О. Назарій, замѣчательно, сразу сошелся съ ними, такъ какъ и дѣдушки оба были не прочь держаться пословицы: „береги копѣчку на черный день“.

Дѣтскія воспоминанія преосв. Антонія о посѣщеніи обоихъ дѣдушекъ были вполне твердыя и свѣжія и, по содержанию своему, характеристичны и вообще интересны, чтобы, хотя въ короткѣ, передать здѣсь его собственные рассказы.—„Первый пріѣзжалъ дѣдушка уфимскій, и какъ онъ гостилъ въ нашей семьѣ, то и я большею частію находился тамъ же.—Занимательные и забавные рассказы этого дѣдушки относились по преимуществу къ уфимской жизни, къ разнымъ тамошнимъ обычаямъ и пр.,—чему особенно сочувствовала матушка, которая сама наводила своего батюшку на разные предметы и случаи изъ уфимской жизни. Для характеристики подобныхъ рассказовъ приведемъ, по крайней мѣрѣ, одинъ фактъ, который, по словамъ самого преосв. Антонія, особенно вѣзался въ его памяти и о которомъ онъ рассказывалъ не разъ самымъ живымъ образомъ, по мѣстамъ даже со смѣхомъ. Во время гощенія у насъ дѣдушки уфимскаго пришлось, между прочимъ, заговѣнье.—Еще съ утра дѣдушка обратился къ матушкѣ съ вопросомъ: „а что, Танюшка,—вѣдь къ ужину-то нужно стряпать пельмени“. Матушка отвѣчала, что здѣсь-де въ Калугѣ не видно этого обычая, да и пельмени-то дѣлаютъ какъ-то иначе.“—Ну нѣтъ, моя голубушка, пусть-ка будетъ сегодня все чисто по нашему—по уфимскому; ты вѣдь, думаю, не забыла же про стряпню уфимскую“.—И вотъ, когда только сталъ приближаться вечеръ, дѣдушка самъ

первый взялся за дѣло. Онъ сталъ рубить въ небольшомъ корытѣ говядину, а матушка мѣситъ тѣсто на ящикахъ. Сестра же Вѣрочка, — она тогда была невѣстой, — принялась за насъ — братьевъ, велѣла вымыть руки, подвязала намъ подъ шею по салфеткѣ. Наконецъ все успѣлись вокругъ большаго стола, въ томъ числѣ и дѣдушка и батюшка и тогдашній женихъ ⁽¹⁾ сестры, — и начали все до одинаго дѣлать пельмени. За самой этой страпнею дѣдушка не замедлилъ позабавить насъ дѣтей разсказами, произносимыми имъ, при томъ, ломаннымъ татарско-русскимъ языкомъ. Такъ какъ предъ каждымъ изъ насъ, при дѣланіи пельменей, положены были маленькія, тонкорассученныя, лепешечки, то дѣдушка ими-то и воспользовался для своего разсказа. Обращаясь къ своей дочери — нашей матушкѣ, онъ сказалъ: „ты, Танюшка, помнишь-поди про „погана-то лапошка““. Матушка тутъ же размѣялась.. а дѣдушка къ намъ: „вотъ смотрите же, дѣтки, — эти лепешки теперь ничего..., мы будемъ изъ нихъ ѣсть пельмени на доброе здоровье.., — а завтра-то, братцы мои, придутъ наши уфимскіе татары.. да и начнутъ стучать подъ окномъ, выкликивая: „эй-знакомъ! давай намъ твоя погана лапошка съ маханомъ; наши-то баранчукъ-больна охота ашаетъ, а ваша саводна ураза, и ашатъ лапошка юккъ..“ ⁽²⁾. Когда же пришла пора варить пельмени, дѣдушка тотчасъ же принялся самъ колоть лучину, укладывая и разжигая ее подъ таганомъ. Матушка всячески уговаривала-было его не трудиться, — а онъ къ ней: „нѣтъ Танюша, ты вотъ пріучай-ка и дѣ-

(1) Петръ Степ., Алексинскій.

(2) Этотъ разсказъ и самыя эти выраженія покойный владыка Антоній повторялъ часто и въ Казани въ виду того именно, что здѣсь много татаръ; повторялъ это онъ, впрочемъ, по поводу масляничныхъ блиновъ въ самый день заговѣнья. Въ Уфимскихъ краяхъ все это и мнѣ было извѣстно въ самой дѣйствительности и преимущественно о масляничныхъ блинахъ. — Татарско-русскія ломанныя выраженія переводятся на чисто-русскій языкъ такъ: эй знакомый человѣкъ! давай намъ твои скоромныя лепешки съ говядиной; наши ребята особенно охотно ѣдятъ ихъ.. а у васъ съ сегодняшняго дня постъ и ѣсть эти лепешки уже нельзя.

токъ-то, чтобы они не больно барчунили; и къ намъ: „ну-те-ка, ребятенки, собирайте, подавайте мнѣ лучину-то.. Когда поработаете, то и пельмени-то, ухъ, какъ будутъ вкусны и сладки, что ваши пряники..“—Ты хорошо знаешь дѣдушку-то, обратился ко мнѣ послѣ своего разсказа преосв. Антоній?! Я отвѣтилъ: „Очень знаю, —знаю даже и то, что онъ отъ лучины и померъ. Щепая однажды черезчуръ усердно и надавливая особливо сильно правою ногою на косарь, онъ натеръ послѣднюю до сильнѣйшихъ мозолей, которыя тутъ же и прорвались; вслѣдствіе этого прикинулась страшная болѣзнь и наконецъ антоновъ огонь“.

Посѣщеніе другаго дѣдушки—по отцу сохранилось въ памяти преосв. Антонія гораздо больше и по значенію своему было серьезнѣе, такъ какъ въ эту пору ему было уже 8 лѣтъ. Къ тому же воспоминанія объ этомъ посѣщеніи были вызваны очень подробною статейкою, сообщенною, какъ матеріаль для біографіи митр. Филарета. Преосв. Антоній, прочитывая это сообщеніе, постоянно приговаривалъ: „да... да... такъ“ ... хотя по мѣстамъ и восполнялъ, что самъ зналъ и помнилъ твердо, и въ особенности изъ отношеній и словъ дѣдушки, лично обращенныхъ къ нему—какъ внучку, въ родѣ наставленій и примѣровъ, взятыхъ собственно изъ дѣтской жизни *Феденьки*⁽¹⁾, сдѣлавшагося наконецъ Архіереемъ.—„Вотъ я тебѣ, *Ишуня*, не знаю, какъ и высказать-то, что это былъ за мальчикъ, *Феденька*-то, въ твои теперешніе годы. Семейные-то, бывало, называли и чуть не дразнили *Феденьку* просто овечкой, а подъ часъ и теленкомъ; а я нѣтъ... я видѣлъ въ немъ истиннаго агнца, и даже иногда какъ-бы „ангела во плоти“. Ужъ такой онъ былъ кроткій, добрый, послушный, богобоязненный и богомольный, что, бывало, нерѣдко ищешь и ищешь его къ обѣду дома или въ полевыхъ работахъ, и глядь—онъ, мой соколикъ ненаглядный, стоитъ на колѣнахъ гдѣ-либо въ огородѣ въ густомъ конопляникѣ, или на пасекѣ за улья-

(1) Это обычное было имя сыну своему *Теодору*, когда онъ былъ еще въ маломъ возрастѣ.

ми, а въ полѣ-то гдѣ-нибудь въ окраинѣ лѣса за кустами. Такъ ужъ и видно было на сквозь тогда же, что быть ему монахомъ. Особливо же обнаружилось это его призваніе и стремленіе, когда я вздумалъ-было его женить по окончаніи семинарскаго курса. Благо, что Господь не попустилъ мнѣ принять этого грѣха на душу. Да, *Яшуня*, таковъ именно былъ твой дядюшка-то, когда былъ *Феденькой*. Впрочемъ, онъ и теперь на мой взглядъ не измѣнился въ простотѣ и добротѣ и смиреніи, и еще *лучше* сталъ... Вѣдь ты самъ видѣлъ, какъ онъ, обгоняя меня, ѣхавшаго сюда по городу на простенькой тележкѣ, и сразу узнавши меня, въ ту же минуту велѣлъ остановить свою четверню и самъ вышелъ изъ кареты и меня изъ тележки силою пересадилъ въ свою карету“ (1). Преосв. Антоній сказывалъ, что это такъ дѣйствительно было въ Преображеніе, когда владыка Филаретъ ѣхалъ домой отъ обѣдни и я съ нимъ былъ. Когда дѣдушка усѣлся со владыкой и мнѣ не стало мѣста, тогда владыка тутъ сказалъ дѣдушкѣ: „ну-ка, батюшка, порадуйся на внучка-то и поддержи его пока на колѣняхъ“.

„Пока гостилъ этотъ дѣдушка, живя въ покояхъ Владыки, при всякомъ удобномъ случаѣ заводилъ со мною разные разговоры, въ которые входилъ и о. Назарій, весьма полюбившій дѣдушку о. Георгія за простоту, начиная съ того, что дѣдушка безъ владыки одѣвался въ свой дорожный подрясникъ съ заплатами и попачканный въ дегтю. Всѣ же вообще разговоры дѣдушки сводились бывало, къ слѣдующему: „Такъ-то, родименькій мой *Яшуня*, знай и помни навсегда, что я говорилъ тебѣ. Дядюшка-то владыка любить и больно хвалить тебя, но вѣдь ему не приводится же съ тобою постоянно водиться. Любить тебя вотъ и о. Назарій..., а что же за бѣда, если и пожурить когда, любя же и за дѣло. Старайся быть тѣмъ, кѣмъ былъ и *Феденька* въ твои годы; тогда, дастъ Богъ, пойдешь по стопамъ его же, будешь

(1) Разсказъ подобнаго содержанія, только въ большей подробности, былъ напечатанъ въ Странникѣ въ 1864 г. Отъ помѣщенъ нами и въ біографіи высокопр. Филарета.

монахомъ и пожалуй архіереемъ. А-то вонъ Гаврюша-то, твой батюшка, открылся мнѣ, какъ на духу, — что братъ-то твой старшій Павелъ и теперь ужъ смотритъ вонъ изъ духовнаго званія, и собирается непременно къ дядѣ (Раичу) въ Москву учиться какимъ-то заморскимъ наукамъ; а будетъ-ли толкъ, Богъ вѣсть!! На содержаніе же его, по словамъ Гаврюши, потребуется не мало. Положимъ, пока дядя-владыка здѣсь, поможетъ; а если его куда переведутъ далеко, то и всѣмъ вамъ придется начать жить иначе“.

Слова дѣдушки скоро сбылись; дядя-Владыка былъ перемѣщенъ изъ Калуги въ Рязань. Проводы были самыя трогательныя отъ всего города ⁽¹⁾; наши семейныя плакали на взрыдъ, начиная съ батюшки, съ которымъ я провожалъ дядю-Владыку до г. Боровска. Тутъ и самъ Владыка сильно прослезился, прощаясь съ батюшкой — своимъ братомъ преданнѣйшимъ, будто предвидя, что прощается съ нимъ навсегда.

ГЛАВА III.

Высокопреосвященный Филаретъ епископствовалъ въ Калугѣ пять лѣтъ. Въ Январѣ 1825 года онъ перемѣщенъ былъ въ Рязань; затѣмъ въ Февралѣ 1828 года въ Казань; въ 1836 году въ Ярославль, и наконецъ въ 1837 году возведенъ въ санъ Митрополита Кіевскаго. Во все это время (въ продолженіи 12-ти лѣтъ) любящій дядя и *дитя его сердца* не видѣлись лично ни разу.—За-то рѣдкое изъ писемъ Филарета и изъ Рязани и Казани обходилось безъ особеннаго упоминанія имени *Яши*.—Такое любвеобильное участіе выражалось особливо съ той поры, когда братъ Филарета—Гавріиль скончался въ 1830 году, оставивши послѣ себя при женѣ-вдовѣ четверыхъ сиротъ-дѣтей ⁽¹⁾. Въ краткихъ біографическихъ замѣткахъ самого преосв. Антонія о жизни высокопр. Филарета сказано, между прочимъ, что „какъ особенно любилъ брата своего Гавріила Филаретъ, такъ наипаче и благодѣтельствовалъ осиротѣвшему его семейству“ ⁽²⁾.

Дѣйствительно, изъ множества писемъ высокопр. Филарета къ опекуну надъ осиротѣвшимъ семействомъ—Протоіерю Петру Степановичу Алексинскому ⁽³⁾ видно, какъ

(1) Эти дѣти были: три сына—Павель 19 лѣтъ, Яковъ 14-ти, Сергій 3-хъ и дочь Александра 6 лѣтъ. Старшій Павель, въ послѣдній годъ жизни отца, поступилъ въ Москов. Университетъ, а Яковъ учился въ семинаріи въ риторическомъ классѣ.

(2) Смотр. брошюру—стр. 11. Казань, 1879 г.

(3) Петръ Ст. Алексинскій—магистръ II курса Моск. духовн. академи. Поступивши на службу въ калужскую семинарію, онъ же-

часто и какія значительныя суммы посылались на приличное содержаніе сиротъ. Вотъ, между прочимъ, часть содержанія двухъ самыхъ первыхъ писемъ Филарета по смерти брата Гавриила: „Добрый другъ мой Петръ Степановичъ! Да воздасть тебѣ Господь Богъ милосердіемъ и щедротами Своими за то благосердіе и милость, съ каковыми ты призрѣлъ на первыхъ порахъ *сиротъ моихъ*. Для нихъ всего нужнѣе покровъ и жительство совокупно съ тобою. На пристройки къ твоему дому и нужды сиротъ посылаю при семь *тысячу руб.* Домъ же братній продайте, если дають двѣ тысячи руб.,—даже можно сдѣлать и уступку, лишь бы только не завязываться“. (Письмо отъ 28 Августа 1830 г.). А какъ нужды, очевидно, были не малы и настоятельны, то при письмѣ же отъ 21 Сентября (менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць) высокопр. Филаретъ послалъ тому же Петру С—чу собственно для сиротъ—еще тысячу же рублей. При этомъ всячески настаивалъ, чтобы вырученный отъ продажи дома капиталъ (2000 рублей) оставался неприкосновеннымъ до совершеннолѣтія всѣхъ сиротъ; потому, кромѣ денегъ на текущія нужды, онъ посылалъ деньги и для увеличенія сказаннаго капитала. Но изъ многихъ другихъ писемъ видно, что любимый *Яша* не былъ забываемъ въ особенности. Ему не рѣдко посылалось по 50 руб. отдѣльно на книги, на приличную одежду и просто на гостинцы.—Послѣднія посылки бывали особенно въ праздники Рождества Христова и Пасхи, и, какъ бы въ благодарность за гостинцы же со стороны самого *Яши*, каковыми Филаретъ называлъ, присылаемыя ему *Яшею*, поздравительныя къ сказаннымъ праздникамъ и ко дню его ангела (1 Декабря) рѣчи (орации) и, по временамъ, стихотворенія. Подобныя поздравительныя рѣчи и стихотворенія сколько были пріятны для высокопр. Филарета, какъ выраженія дѣтскихъ чувствъ любимца племянника, столько же служили онѣ свидѣтельствомъ и ручательствомъ са-

нился на дочери о. Гавриила—самой старшей Вѣрѣ, еще при Филаретѣ, былъ въ описываемую пору въ 1830 г. уже Протоиеремъ, оставался и на службѣ при семинаріи.

мыхъ успѣховъ и характера его въ умственномъ и нравственномъ развитіи. Когда же случилось разъ, что къ празднику Рождества не было прислано обычнаго поздравительнаго писанія отъ *Яши*, высокопр. Филаретъ не опустилъ замѣтить этого. „Отъ чего же,—писалъ онъ въ скоромъ письмѣ,—не прислалъ мнѣ *Яша* къ празднику своихъ стиховъ? здоровъ ли онъ былъ,—или не сталъ ли онъ полѣнливаться и баловаться, развлекаясь чѣмъ либо стороннимъ“. Но, хотя на дѣлѣ оказывалось другое, т. е. вмѣсто лѣности или развлеченій видѣлись примѣрнѣйшее усердіе къ ученію и отличнѣйшіе успѣхи, тѣмъ не менѣе высокопр. Филаретъ, зорко слѣдившій и заочно, за развитіемъ своего *Яши*, сдѣлалъ настоящее распоряженіе, чтобы оставить его въ риторическомъ классѣ и на другой двухгодичный курсъ. Самъ преосвященный Антоній рассказывалъ, что какъ онъ ни плакалъ предъ матерью и родными, чтобы упростили Владыку Филарета отмѣнить это распоряженіе, но ничто не помогло. Главная причина такого распоряженія была въ томъ, что предъ окончаніемъ риторическаго курса онъ имѣлъ отъ роду всего 14 лѣтъ;—а какъ изъ этого класса приходилось поступать ему въ слѣдующій, называемый философскимъ, то высокопр. Филаретъ мудро разсудилъ, что въ такомъ возрастѣ или не подь силу будетъ слушаніе и изученіе учебныхъ предметовъ, или при ревностномъ усердіи надорвутся самыя силы мальчика не только душевныя, но и тѣлесныя.—И дѣйствительно, говорилъ самъ же преосв. Антоній, Владыка былъ совершенно правъ и какъ-бы спасъ меня отъ смерти (1).

Далѣе въ видахъ непосредственнаго руководства въ дѣлѣ образованія своего *Яши* высокопр. Филаретъ не только имѣлъ намѣреніе, но уже сдѣлалъ-было распоряженіе,

(1) Онъ рассказывалъ, что черезъ годъ послѣ этого онъ находился въ такой тяжелой болѣзни, что родные не чаяли имѣть его въ живыхъ. И замѣчательно, присовокупилъ онъ, что эта болѣзнь была единственная въ его жизни. До самой Казани онъ не зналъ, что такое лекарство... и не признавалъ малѣйшей нужды въ докторахъ. Въ Смоленскѣ, дѣйствительно, онъ даже удивлялъ рискованностью своимъ здоровьемъ.

чтобы переѣхать его къ себѣ въ Казань, и тѣмъ болѣе, что къ этому открылся самый удобный случай. Бывшій въ то время въ Калужской семинаріи, инспекторъ предназначался къ переѣщенію въ семинарію Казанскую; съ нимъ-то вмѣстѣ было поручено отправить и *Яшу*. Но какъ въ это время послѣдовала смерть о. Гавріила, то распоряженіе было отмѣнено. Причемъ тутъ же высокопр. Филаретъ объяснилъ и самую причину: „хотя и жалко мнѣ теперь *Яшу* въ особенности, какъ сиротку, но чувство это приношу въ жертву долга и дѣла“. Въ сущности причина эта заключалась въ томъ, что объяснилъ самъ же Филаретъ въ послѣдствіи: „очень радують меня, писалъ онъ къ опекуну, прекрасные успѣхи добраго *Яши*. Ободряйте же его; но вмѣстѣ съ тѣмъ *рѣшительнѣ внушайте ему*, чтобы онъ готовился въ служители Церкви Божіей, дабы онъ могъ быть подпорою матери своей и сиротъ своихъ однокровныхъ (1). „Я потому-то во время оно (писалъ онъ вскорѣ въ другомъ письмѣ) и не перевелъ его сюда въ Казань, чтобы не отрывать его отъ родныхъ, дабы и онъ къ нимъ и они къ нему могли естественнѣе скрѣплять взаимныя искреннія отношенія“.

Почему высокопр. Филаретъ такъ рано озабочивался мыслию о внушеніи касательно приготовленія своего любимаго племянника въ служители Церкви, — причина этому заключалась въ томъ, что Филарету вообще было не по сердцу, когда и старшаго племянника его — Павла направили въ семинарію такъ, что онъ не пошелъ въ академію, а въ университетъ. Такое несочувствіе его къ свѣтскому воспитанію и направленію выражено было ясно въ другомъ письмѣ, когда Филаретъ отнесся съ особеннымъ участіемъ къ самому младшему подроставшему племяннику своему *Сергію*, который былъ крестникъ его и получилъ самое имя по его же личному назначенію (2).

(1) Письмо отъ 27 Февраля 1833 г.

(2) Имя Сергія было назначено Филаретомъ по чувству особенно благоговѣйнаго чествованія Угодника Божія св. препод. Сергія Радонежскаго, изъ лавры котораго, — изъ ректоровъ тамошней Академіи, — онъ непосредственно назначенъ былъ Епископомъ Калужскимъ.

„Если малютокъ *Серезъ*, писано было въ письмѣ, при-спѣла пора учиться грамотѣ, пусть начинаетъ славянскую азбукою, а потомъ продолжаетъ часословъ и псалтирь славянскую. Въ нихъ сѣмена благочестія и страха Божія. А тамъ, въ превозносимыхъ нынѣ заведеніяхъ, начинаютъ баснями. Пусть онѣ (басни) въ своемъ родѣ будутъ и превосходны; но намъ-то должно изъ младенцевъ образовывать будущихъ служителей Церкви Божіей инымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ *Серезу* пожалуста никакъ не отпускайте въ Москву къ *нѣмцамъ* ⁽¹⁾. Теперь вотъ и *Яша* становится уже добрымъ Яковомъ, а потому долъ его прямой принять усердное участіе въ начальномъ обученіи *Серези*. Если кому, то братьямъ единокровнымъ подобаетъ другъ друга тяготы носить“.

Подъ именемъ *нѣмцевъ* Владыка Филаретъ разумѣлъ семейство одного изъ младшихъ родныхъ своихъ братьевъ *Семена* (по фамиліи *Раичъ*), который состоялъ на службѣ въ Москов. университетѣ и былъ извѣстнымъ литераторомъ. Братъ этотъ былъ женатъ на *нѣмкѣ*, потому Владыка Филаретъ и величалъ это семейство *нѣмцами*. Не желая никакъ, чтобы они брали къ себѣ на воспитаніе упоминаемаго въ письмѣ, *Серезу*, въ другомъ своемъ письмѣ Филаретъ выразилъ простодушно, но мѣтко-характеристично, свой взглядъ на самую жизнь этого брата (*Семена*) въ такихъ словахъ: „Весьма не нравится мнѣ и самое-то *жизньшко* *Семена колотырное...*, да и ремесло-то его и занятіе какое-то журнальное, пѣтическое, а главное все фантастическое... существеннаго ничего нѣтъ. Боже сохрани, ежели пойдетъ этою же дорогою кто либо изъ нашихъ ⁽²⁾... А мнѣ чуется, что и Павлу-то нашему не сдобровать на избранномъ имъ пути. Послѣ университетскаго-то образованія тоже, пожалуй, будетъ *колотырничать*“...

Покойный преосв. Антоній, твердо помня эти письма и въ частности самый этотъ оригинальный терминъ—

(1) Письмо 17 Октября 1832 г.

(2) Письмо 2 Юня 1832 г.

колотырничать ⁽¹⁾ сказывалъ, что предчувствіе и слова владыки Филарета о братѣ Павлѣ сбылись впоследствии даже и въ томъ, что онъ подобно дядѣ (Раичу) тоже *оньмечился*. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата и съ медалью, братъ мой Павелъ поступилъ сначала къ губернатору (г. Безобразову) въ домашніе учителя, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, вскорѣ и въ чиновники порученій при губернаторѣ же. — Тутъ-то онъ и женился на гвернанткѣ, бывшей у того же губернатора, на англичанкѣ. Когда покойный владыка Филаретъ, въ проѣздъ свой чрезъ Москву въ Петербургъ, видѣлся съ братомъ Павломъ и, между прочимъ, сказалъ ему: „Ну что тебѣ, чадо, вздумалось жениться непременно на *неправославной*-то?!.. братъ ему отвѣтилъ: „что Вы, Владыка?! жена моя, *право, славная*, такая, что я вполне доволенъ и радъ“... Владыка же сказалъ: „ну такъ твоя-то острота ужъ больно *не славная*, и я больно *не радъ* и недоволенъ, что я услышалъ отъ тебя ее въ глаза мнѣ... я не знаю, какъ тебѣ и благословеніе-то преподавать ⁽²⁾. Братъ Павелъ вскорѣ скончался, а чрезъ нѣсколько времени и жена его; дѣтей у нихъ вовсе не было. Въ этомъ, видимо, исполнилось *не-благословеніе* Владыки... заключилъ съ грустію свой рассказъ преосв. Антоній“.

Что же касается до упомянутого малютки Сергія, котораго высокопр. Филаретъ поручилъ обучать дома и при непремѣнномъ участіи старшаго брата Якова, то, рассказывалъ преосв. Антоній, это такъ и было. Я обучалъ и брата Сергія и въ тоже время сестру Алѣксандру. Брата Сергія я даже особенно любилъ потому уже самому, что при кончинѣ батюшки онъ представлялся мнѣ

⁽¹⁾ Здѣсь въ Казани вспомнивши это слово, онъ поручилъ мнѣ справиться въ академич. словарѣ.—есть ли оно тамъ?—Оказалось, что дѣйствительно есть; потому преосв. Антоній сталъ употреблять его иногда и самъ.

⁽²⁾ Свѣдѣнія эти сообщены, между прочимъ, и въ письмѣ отъ 23 Января 1880 г., присланномъ отъ о. прот. Александра Ив. Ростиславава.

преимущественнымъ сироткой по самому его возрасту. Ему было тогда всего три года; при самомъ погребеніи умершаго батюшки я поднималъ его на рукахъ ко гробу для послѣдняго цѣлованія, значенія котораго, несомнѣнно, онъ тогда не понималъ и не чувствовалъ... Но и еще ранѣе отъ самаго рожденія этого брата я питалъ къ нему большое сочувствіе, именно по самому имени его—*Сергій* (¹). Впрочемъ всѣ родные въ нашемъ домѣ любили его какъ-то

(¹) Причину такого своего сочувствія преосв. Антоній объяснялъ мнѣ, по одному случаю, очень подробно, а именно: «Прежде чѣмъ началъ я учиться отъ самого владыки Филарета читать,—я заучилъ твердо на память житіе св. пр. Сергія Радонежскаго изъ неоднократныхъ назидательныхъ разказовъ дяди же Филарета, которые были вызываемы мною по какому-то особенному любопытству. Заинтересовало же меня, главнѣе всего, то, какъ мальчикъ *Варроломей* (имя св. пр. Сергія при крещеніи) ходилъ въ поле за лошадьми и встрѣтилъ тамъ подъ деревомъ молившагося старца и получилъ отъ него благословеніе, а чрезъ это благословеніе открылись въ немъ особенныя дарованія къ ученію. А какъ брату Сергію дано было это имя въ честь этого угодника Божія, то и возродилось во мнѣ особенное чувство любви и къ нему. Если бы, примолвилъ послѣ этого разказа покойный владыка Антоній, я обучался не въ Киевской Академіи, а въ Московской, въ которой и предполагалъ, и если бы не сподобился принять постриженіе въ самой Лаврѣ Киево-печерской, то (*сіе тебѣ глаголю нынѣ*) я непременно бы пожелалъ себѣ монашескаго имени въ честь св. пр. Сергія. Ты помнишь ли,—обратился онъ тогда же ко мнѣ съ вопросомъ,—«что я тебѣ сказалъ, когда, при постриженіи, нарекъ тебя именемъ «Сергій»? Твердо помню,—былъ мой отвѣтъ. Да, я тебѣ говорилъ такъ: «хотя бы слѣдовало дать тебѣ имя кого либо изъ Печерскихъ угодниковъ, но я имѣлъ свои особыя причины вышесказанныя;—въ силу этого-то я такъ настойчиво несогласился съ Ректоромъ Академіи архиман. Израилемъ, который избралъ-было тебѣ имя *Вячеславъ*, хотя въ день постриженія твоего (28 Сентября) и была память именно этого святаго и твое имя (Викторъ) соответствовало начальной буквою имени Вячеславъ. Я и прежде желалъ дать это имя кому либо изъ моихъ многихъ постриженниковъ-студентовъ; но какъ ты быть уже самый послѣдній, то на тебѣ и исполнилось мое завѣтное желаніе. Когда высокопр. Антоній удостоивалъ меня чести и утѣшенія своими посѣщеніями, то, хотя на минуту, непремѣнно останавливался предъ литографированнымъ изображеніемъ, представляющимъ сказанный фактъ,—какъ мальчикъ Варроломей встрѣтилъ старца подъ деревомъ и благоговѣнно принималъ его благословеніе.

особенно; по замѣчанію же матушки, эта самая любовь была какъ бы предзнаменованіемъ его недолговѣчности. Да впрочемъ онъ и росъ какимъ-то хиленькимъ. Одна изъ родственницъ, твердо помнящая этого Сергія, въ письмѣ своемъ, сообщая разныя свѣдѣнія о преосв. Антоніи, писала и объ немъ такъ: „Бывшій младшій братъ владыки Антонія—Сергій скончался на моихъ глазахъ на 16-мъ году отъ роду, перешедши уже въ философскій классъ; въ ученіи онъ успѣвалъ, по словамъ папаша, бывшего тогда профессоромъ въ семинаріи, чуть ли не лучше даже самаго владыки Антонія. По душѣ же и по сердцу это былъ ангелъ Божій, чистъ и непороченъ подобно покойному же владыкѣ. Недаромъ владыка Антоній, бывало, и изъ академіи, когда еще самъ былъ тамъ студентомъ, писалъ Сережѣ отдѣльныя письма, особенно любезныя и наставительныя, которыя мы читали, бывало, всѣ вмѣстѣ.—Я очень рада, что у меня сохранилось одно изъ этихъ писемъ подлинное, писанное рукою незабвеннаго владыки.—Владыку же я называю незабвеннымъ съ моего самаго ранняго дѣтства. Онъ жилъ вмѣстѣ съ нами въ нашемъ домѣ, когда учился въ семинаріи; въ это же время онъ училъ меня со старшей сестрой, начиная съ азбуки, и нѣкоторымъ наукамъ“ (1).

Доставленное родственницею письмо относится по времени къ той порѣ, когда писавшій былъ въ Кіевской академіи, а Сергій былъ 10-ти лѣтъ и обучался въ третьемъ классѣ училища (2). Вотъ подлинное, до слова, содержаніе этого письма: „Любезный мой братъ милый Сережа! Очень неприятно и больно мнѣ слышать, что ты нездоровъ. Береги, прошу тебя, свое здоровье, сколько можешь. Больше гуляй, особенно наступающею весною и лѣтомъ, чѣмъ занимайся. Вычиться-то мы съ тобой ус-

(1) Родственница, приславшая это письмо, дочь бывшего опекуна Петра Степ. Алексинскаго Надежда—теперешняя протоиереша Ростиславова, которой, вмѣстѣ съ другой сестрой ея Татіаной, вдовою протоіерея Холминскаго, преосв. Антоній назначилъ по завѣщанію своему все свое имуществво.

(2) Письмо отъ 22 Марта 1837 года.

пѣемъ еще, а какъ потеряемъ здоровье, такъ уже ничего не возьмешь. Въ классъ можешь ходить рѣже: ибо я знаю, что въ классѣ пріобрѣтеніе не большое, и неходить въ него, или ходить рѣдко—небольшая потеря. Впрочемъ по силамъ занимайся дома по Латыни и Гречески. Больше всего молись Богу о своемъ здоровьѣ и о томъ, чтобы Онъ далъ тебѣ успѣхи въ ученіи. Да молись Богу и храни сердце свое отъ всего худаго. Избави Богъ, чтобы я когда нибудь услышалъ, что братъ мой *Сергея* дѣлаетъ шалости, какія свойственны негоднымъ ученикамъ! Не знайся съ дурными товарищами и не перенимай у нихъ ничего. Будь послушливъ всякому старшему тебя; особенно маменьку не только бойся огорчать чѣмъ нибудь, но напротивъ всѣми силами старайся утѣшать ее добрымъ поведеніемъ. Читай съ Сашенькой⁽¹⁾ житія Святыхъ: лучше чтенія въ твои лѣта быть не можетъ. Я и самъ читалъ ихъ въ такое же время и теперь вижу, что хорошо дѣлалъ. Проси вселюбезнѣйшихъ Василия Макаровича и Дмитрія Михайловича, чтобы они не оставили тебя. учили тебя не столько грамматикамъ, сколько добрымъ расположеніямъ и благочестивымъ чувствованіямъ. Въ твои лѣта это не только не рано, какъ обыкновенно думаютъ, но напротивъ очень пора. Почитай и люби всѣхъ домашнихъ твоихъ. Угождай и заслуживай всячески хорошее одобреніе отъ благодѣтеля твоего и нашего—Петра Степановича, пріобрѣтая и отъ него къ себѣ отеческую любовь. Продлилъ бы я еще съ тобой мою бесѣду, но пора кончить. Пиши ко мнѣ о себѣ подробно, о своемъ здоровьѣ, занятіяхъ и успѣхахъ. Ты видишь, что я отъ всей братски-любящей тебя души занимаюсь тобою. Прощай! Твой усерднѣйшій братъ студ. Яковъ Амфитеатровъ“.

Про смерть этого любимаго брата Сергія преосв. Антоній передавалъ тоже очень подробныя трогательныя свѣдѣнія и съ самою глубокою скорбію. Чувства этой скорби, впрочемъ, были тѣмъ болѣе естественны, что съ воспоминаніемъ объ этомъ братѣ не разрывны были вос-

(1) Родная сестра Александра.

поминанія еше и о сестрѣ и о братѣ старшемъ Павлѣ, которые всѣ скончались на одномъ году.

Къ этимъ, дѣйствительно поразительнымъ, обстоятельствамъ въ семействѣ покойнаго своего брата не замедлил отнестись тогда же съ самымъ живымъ участіемъ и самъ высокопр. Филаретъ. Онъ писалъ къ опекуну: „Утѣшайте, утѣшайте Татіану Григорьевну, воистину крестоносицу! Да укрѣпите самъ Господь вѣру и надежду матери, въ столь короткое время разлучившейся съ тремя своими чадами. Но блаженна жена, воспитавшая такихъ дѣтей и отдавшая ихъ въ руки Божіи послѣдниками царствія небеснаго“.

Что же касается состоянія преосв. Антонія въ описываемую пору, то, при всей естественности чувствъ скорби, выразившихся у него при позднѣйшихъ воспоминаніяхъ, онъ говорилъ между тѣмъ: „Благо мнѣ, что я былъ въ то время уже монахомъ... Сказать больше: въ этихъ, трехъ сряду, кончинахъ моихъ ближайшихъ кровныхъ по плоти и истинно любимыхъ по сердцу, я почувствовалъ и созналъ тогда же особенную волю Божію о мнѣ. Мнѣ и самъ Владыка Филаретъ при этихъ обстоятельствахъ много-много проговорилъ назидательныхъ истинъ въ приложеніи ко мнѣ. И я съ той поры окончательно позналъ въ немъ всю высоту его духовности, даже до прозорливости, и предался съ глубокою вѣрою всякому его водительство до малѣйшихъ указаній, въ чемъ бы-то ни было, по части житейскихъ обстоятельствъ. Послѣдующіе, подобные же, опыты въ лицѣ его я позналъ и въ отношеніяхъ моихъ къ моей матушкѣ до самой ея кончины, которую онъ мнѣ тоже предреказалъ“.

Но не таково было состояніе покойнаго владыки Антонія въ ту пору, когда онъ лишился роднаго своего отца, и когда ему было отъ роду около 15-ти лѣтъ. Въ немъ произошла тогда же быстрая и рѣзкая перемѣна, которая опять таки прежде всего не укрылась отъ наблюденія, хотя и заочнаго, со стороны отечески любившаго его дяди—Филарета. Посылая деньги съ порученіемъ, между прочимъ, купить для Яши книги, сколько и ка-

кія нужно, и требуя, чтобы онъ возможно больше занялся изученіемъ латинскаго и греческаго языка, такъ чтобы могъ свободно читать книги, Филаретъ тутъ же присовокупилъ: „Да сдѣлайте милость, старайтесь, чтобы онъ питалъ себя возможно болѣе чтеніемъ святыхъ книгъ, (хотя бы и на латинскомъ языкѣ). Для этого хорошо бы купить для него Библію латинскую (Кастелліона) и чтобы онъ читалъ, между прочимъ, Сираха, псалтирь и Новый Завѣтъ“.

Но что разумѣлъ въ усматриваемой перемѣнѣ высокопр. Филаретъ отдаленно и какъ бы по чутью, то самое оказывается въ дѣйствительности съ другой стороны.

Эта послѣдняя сторона во всей вѣрности самой дѣйствительности обрисовывается въ той перепискѣ, которую началъ вести одновременно преосв. Антоній съ двумя своими двоюродными братьями въ первый же годъ послѣ смерти своего отца.

Одинъ изъ этихъ братьевъ былъ, имѣвшій въ свое время громкую и достойную извѣстность въ духовной литературѣ, *Яковъ Козмичъ Амфитеатровъ*. Въ описываемую пору онъ былъ бакалавромъ Кіевской академіи. Во время своего академическаго образованія онъ не разъ пріѣзжалъ на вакацію въ Калугу и гостилъ обыкновенно въ семействѣ о. Гавріила, какъ роднаго дяди. Къ тому же Яковъ Козмичъ пользовался въ свое время (въ періодъ его семинарскаго и академическаго образованія) такъ же особенною родственною нѣжною заботливостію ⁽¹⁾ и руководствомъ того же высокопр. Филарета. Такимъ образомъ *оба* двоюродные братья—*Яковы* сходились въ отношеніи къ личнымъ вліяніямъ на нихъ высокопр. Филарета, такъ сказать, въ одномъ фокусѣ. Это-то самое особенно и скрѣпляло ихъ взаимныя отношенія при всемъ неравенствѣ ихъ возрастовъ—на десять лѣтъ. И вотъ, когда *Яковъ младшій* обучался уже въ философскомъ класѣ, взаимныя межъ ними близость и сочувственность приняли характеръ серьезнаго обмѣна личныхъ чувствованій

(1) Смотр. Біографическій очеркъ: «*Амфитеатровъ Яковъ Козмичъ*»—соч. В. Аскоченскаго. Кіевъ. 1857 г. стран. 4. 6. 7.

и возрѣній въ родѣ ученой переписки, и въ духѣ самой задушевной откровенности ⁽¹⁾.

Другой двоюродный братъ, съ которымъ ведена была въ это же время переписка, былъ *Александръ Ив. Несмѣловъ*, о которомъ прежде упоминавшаяся уфимская тетка преосв. Антонія рассказывала, что этотъ сынъ ея—*Саша* былъ одноклассникомъ съ Яшенькой, и что онъ въ свое время тоже хотѣлъ-было поступить въ академію и въ монахи... Переписка съ этимъ братомъ началась нѣскольکو ранѣе, чѣмъ съ Як. Козмичемъ и въ ней-то по преимуществу обрисовывается то состояніе, въ какомъ оказался осиротѣвшій Яковъ на первыхъ же порахъ послѣ смерти отца. Самое первое письмо вызвано было собственно подъ вліяніемъ чувствованій сиротства. Вообще же переписка съ этимъ братомъ, какъ ровесникомъ его по лѣтамъ и однокурсникомъ по семинаріи, представляетъ живыя, соотвѣтственныя юношескому состоянію переписывавшихся, чувствованія и самыя сужденія и мечты по отношенію какъ къ ихъ тогдашнему воспитанническому и семейному положенію, такъ и къ предъизбранію себѣ того или другаго пути въ дальнѣйшей жизни.

Потому мы обращаемся прежде всего къ этой послѣдней перепискѣ.

Вотъ подлинное изложеніе самаго перваго письма ⁽²⁾:—

⁽¹⁾ Переписка эта, помѣщенная въ біографическомъ очеркѣ Якова Козмича Амфитеатрова, изданномъ въ 1857 году подъ редакціей и на счетъ самаго же преосв. Антонія,—составляетъ цѣлую треть всего біографическаго изложенія. Въ этой перепискѣ, положимъ, нѣтъ подлинныхъ цѣльныхъ писемъ высокопр. Антонія, за то въ отвѣтныхъ (а онъ исключительно таковы) письмахъ Якова Козмича по мѣстамъ приводятся выдержки изъ самыхъ писемъ его (преосв. Антонія). Главное же въ нихъ слишкомъ живо и ясно обрисовывается личное состояніе того, на письма котораго въ нихъ отвѣчалось. Послѣднее и не могло быть иначе, сколько по силѣ взаимной сочувственности, столько и потому, что Як. Козмичъ былъ замѣчательнѣйшій психологъ или точнѣе пониматель сердца человѣческаго въ смыслѣ называемаго *дара помазанія*,—чему несомнѣннѣйшіе образцы въ его лекціяхъ по Гомилетикѣ и въ его проповѣдяхъ, производившихъ, какъ извѣстно, на слушателей обаяющее дѣйствіе.

⁽²⁾ Письмо это было отъ 15 Ноября 1831 г. Всѣхъ подобныхъ писемъ 11-ть, которыя доставлены, вскорѣ послѣ смерти Александра

„Любезнѣйшій братъ Александръ Ивановичъ! Не знаю и не помню васъ, но не менѣе отъ сего люблю васъ. Не писалъ къ вамъ ни однажды, ни однажды не читалъ и писемъ вашихъ; но это не даетъ мнѣ права никогда не знать васъ. Узы родства, хотя и не знакомства, насъ связываютъ. Но эти узы тѣмъ крѣпче, что ими соединила насъ сама природа, а не случай. Зачѣмъ же не быть знакомымъ намъ—братьямъ? Рука моя никогда не жала руки вашей; вы никогда не бесѣдовали со мною лично; но въ письмѣ весь человѣкъ, говоритъ Карамзинъ. Изъ письма вы можете узнать меня, можете познакомиться со мной. Правда, 1500 верстъ ⁽¹⁾ могутъ затруднять насъ въ частой перепискѣ; но на что излишнее и частое повтореніе того, что вы мнѣ братъ и я вашъ братъ? Потому одно письмо съ моей стороны, да одно съ вашей—будутъ достаточны для увѣренія во взаимномъ нашемъ съ вами братствѣ. Соединить ли насъ когда нибудь Промысль, или нѣтъ,—это неизвѣстно; пускай по крайней мѣрѣ души наши будутъ соединены. Поздравляю васъ съ новымъ Ректоромъ, но я объ немъ не говорю, а говорю о пріѣхавшемъ съ нимъ къ вамъ въ товарищи племянникъ его Максимъ Городковъ. Рекомендую вамъ его, какъ добраго и искренняго товарища. Я съ нимъ болѣе двухъ лѣтъ жилъ, какъ съ искреннимъ пріятелемъ. Еще доселѣ услаждаетъ меня воспоминаніе объ немъ, объ нашихъ прогулкахъ и проч. Познакомтесь съ нимъ по-

Иван. Несмѣлова, женою его—Елизав. Петровной.—Содержаніе же ихъ было мнѣ извѣстно съ издавна, такъ какъ покойный Ал. Ив. любилъ ихъ показывать и читать, не рѣдко укоряя себя, что не выполнилъ своихъ плановъ юношескихъ, относительно монашества, съ которымъ соединялось у него впоследствии намѣреніе поступить и въ академію. Послѣднее онъ собрался—было непременно выполнить, спустя уже шесть лѣтъ по окончаніи курса—именно въ 1840 г., когда онъ состоялъ еще учителемъ въ дух. училищѣ. Въ эту пору пріѣзжалъ ревизовать семинарію и училище Баккалавръ Москов. Академіи Іером. Агаѳангелъ (сконч. архіеп. Волынскимъ), который, узнавъ Ал. Ив. съ отличной стороны, готовъ былъ взять его съ собою въ Моск. Академію. Но родители и родственники разговорили Ал. Ив—ча.

(1) Отъ Калуги до Уфы.

роче. Пусть онъ будетъ для васъ живое мое письмо. Спросите у него обо мнѣ и о всемъ касающемся до меня. Я самъ теперь сказать о себѣ много не знаю что. Я здоровъ, веселъ и печалень, разговорчивъ и молчаливъ, веселюсь съ товарищами и сочиняю элегіи и болѣе ничего. Таковое переменное состояніе моего духа происходитъ отъ извѣстныхъ причинъ: природный веселый характеръ и обстоятельства жизни производятъ сіе. Вотъ все, что касается до внутренняго моего состоянія. Теперь я прохожу другой уже курсъ въ риторикѣ, подъ руководствомъ Петра Степановича. Къ сему побудило меня какъ молодость, такъ и желаніе нашего величайшаго благодѣтеля и покровителя Владыки Филарета, еще и совѣты всѣхъ моихъ родныхъ и начальниковъ. Да я объ этомъ и не жалѣю. Желая отъ васъ узнать все то, что самъ сказалъ вамъ о себѣ. Прощайте. Вамъ искренно преданный братъ Яковъ Амфитеатровъ“.

На это письмо получившій его братъ не замедлил отозваться полнымъ сочувствіемъ, какъ видно изъ послѣдующаго письма къ нему же и по времени ⁽¹⁾ и по содержанию: „Письмо ваше, любезнѣйшій мой братецъ, я получилъ исправно. И ежели вы человекъ, какъ вижу, истинно чувствительный,—то сами можете знать, какъ оно мнѣ было приятно. Я приобрѣлъ искреннѣйшаго брата. Ахъ! какъ бы я хотѣлъ быть знакомымъ съ вами, живя вмѣстѣ съ вами! Я здѣсь одинъ, не имѣю брата, который былъ бы мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ братъ. Простите, ежели буду завидовать вашему жребію. Вы живете въ кругу любезнаго семейства, окружены множествомъ родныхъ; а по сему ничто не подастъ вамъ причинъ къ тоскѣ, ничто не можетъ обратить надежды ваши въ мечту;—а я — бѣдный цвѣтокъ, оторгнутый отъ родимаго корня и пересаженный въ чужой садъ, лишень такового утѣшенія. Кромѣ меня самого некому меня утѣшить;—товарищи—не братья. Знаю, что

(1) Письмо это отъ 18 Января 1832 года,—слѣдовательно чрезъ два мѣсяца послѣ перваго. Письма всѣ помѣщаются здѣсь въ самой буквальной точности до-юты съ самыхъ автографовъ. Позволяемъ себѣ обратить вниманіе читающихъ на складъ рѣчи писавшаго—«16-ти лѣтняго ученика риторическаго класса»...

есть утѣшеніе въ дружествѣ, но къ несчастію теперь времена такія, когда дружество имѣеть другое значеніе. нежели какое оно имѣло во времена Дамона и Пифіа или Циціона и т. п. Сиротство грозитъ обратитъ надежды мои въ пустую мечту.... Вотъ мое несчастіе. Впрочемъ бывають минуты, когда я и среди друзей (употребляя слово сіе въ обширномъ смыслѣ). совершенно доволенъ своимъ жребіемъ. Но, право, таковыхъ минутъ гораздо рѣже горестныхъ, напоминающихъ мнѣ 10-е Мая—(день кончины отца). О! если бы горестъ я долженъ былъ сносить одинъ. Это для моего характера было бы ничего; но слезы маменькины, часто ею проливаемыя, больно терзають мое сердце. Но не смотря на сіе, благодаря моему веселому характеру, я всегда кажусь предъ другими веселымъ, и столько еще спокоенъ, сколько рѣдкій былъ бы въ моемъ состояніи. Мнѣ удивлялись и называли глупымъ, когда я, лишившись „незабвеннаго“, равнодушно смотрѣлъ на слезы меня окружавшихъ; но я зналъ, что дѣлалъ; равно и теперь таковъ же. Когда буду писать еще, побольше напишу къ вамъ; теперь же прошу васъ, напишите о себѣ поподробнѣе: къ чему вы себя готовите? какія ваши надежды? и проч. проч. Вашъ искреннѣйшій всегдашній братъ“.

Но прежде, чѣмъ послѣдовалъ на это письмо отвѣтъ отъ брата Александра. получено было опекуномъ П. Ст. письмо изъ Уфы же отъ дяди преосв. Антонія—Протоіерея, Петра Григорьевича,—того самаго, съ которымъ онъ, какъ сказано было, былъ чистымъ двойникомъ. Узнавши изъ этого письма особенно пріятные для себя отзывы дяди, подъ вліяніемъ послѣднихъ Яковъ поспѣшилъ раздѣлить опять свои чувствованія съ тѣмъ же братомъ Александромъ: „Не знаю, какъ благодарить мнѣ дражайшаго и любезнѣйшаго дяденьку Петра Григорьевича за его обо мнѣ доброе мнѣніе, которое я, не знаю чѣмъ, заслужилъ у него, и за *особенную любовь*, которую пріобрѣлъ, и благую надежду, которую подалъ ему, и за вожделенное желаніе быть достойнымъ сыномъ отца незабвеннаго! Ахъ! Александръ Ивановичъ! Это для меня такъ отрадно, такъ утѣшительно! Я здѣсь почти одинъ,

не имѣю родныхъ; но есть за 1500 верстъ драгоцѣнные родные, которые любятъ такъ же, какъ любили бы, живя со мною! Не правдали, любезнѣйшій братецъ, что это очень, очень можетъ утѣшать меня осиротѣвшаго? Я не много жилъ на свѣтѣ, но по собственному опыту узналъ свойство сердца человѣческаго. Оно таково, что при всякомъ непріятномъ случаѣ ищетъ утѣшенія въ любви другихъ. Находя оную, оно утѣшается и менѣе чувствуетъ свое горе. Такимъ образомъ и я, и сердце мое не безутѣшно; оно не одно; съ нимъ узами родства и любви соединены сердца другихъ. *Сердца, связанные незабудкою, изображенныя на моѣй печати,* показываютъ, что сердце мое неодинокое... И подлинно, я въ теперешнемъ моемъ состояніи еще довольно счастливъ; не смѣю гадать о будущемъ; мое состояніе сиротское не позволяетъ многаго ожидать отъ него; впрочемъ надежда мнѣ не престаётъ предвѣщать и въ будущемъ довольно счастья. Но я замечтался! Вы еще не отвѣчали на мое послѣднее письмо; но оно не должно бы оставаться безъ отвѣта. И я теперь прошу васъ не оставлять его безъ вниманія, но удовлетворить моему любопытству, каковое показалъ я, требуя отъ васъ подробнаго описанія вашего состоянія, открытія вашихъ надеждъ и проч..“ (1).

По полученіи письма съ изложеніемъ, какъ видно, подробнаго описанія братомъ Александромъ своего состоянія и предположеній, и съ просьбою отвѣта на послѣднія,—читаемъ въ письмѣ отвѣчавшаго Якова слѣдующее и, напередъ можно сказать, замѣчательное въ своемъ родѣ разсужденіе, именно относительно монашескаго званія... „Давно бы пора отвѣчать мнѣ на ваше письмо, любезнѣйшій братецъ, но доселѣ я не собрался за недосугами, а болѣе за тѣмъ, что ваше намѣреніе которое открыли вы предо мною въ письмѣ, дало мнѣ поводъ къ немалому размышленію,—что и какъ отвѣчать вамъ? Теперь я приготовилъ все то, что могъ бы по братски сказать объ этомъ вашемъ намѣреніи; но время коротко для того, чтобы съ этою же почтою я успѣлъ все написать вамъ.

(1) Письмо отъ 13 Марта 1832 г.

Я приготовилъ доводы собственно *философскіе*, чтобы доказать вамъ неосновательность вашего намѣренія, преждевременность онаго и другія невыгодныя стороны, почему онаго никакъ теперь нельзя одобрить. Но теперь не излагаю вамъ оныхъ. Скажу главныя начала, на которыхъ основаны мои доводы,—это: 1) *понятіе о чело-вѣкѣ, о его взаимныхъ обязанностяхъ, отношеній одного къ другому*, которыя простираются не только на каждого, собственно и отдѣльно взятаго, но и на всѣхъ, какъ членовъ одного общества, частей одного цѣлаго; 2) *понятіе о жизни монашеской*, къ которой вы себя расположили, какъ такого состоянія, которое надобно избирать чело-вѣку не съ юными и свѣжими силами. годными и нужными для блага общаго и для служенія отечеству, но чело-вѣку, истощившему уже оныя въ трудахъ и понеченіяхъ о благѣ общемъ. Такой только заслуживаетъ это состояніе спокойствія и бездѣйственности. А юноша съ крѣпкими силами, избирающій это состояніе, забываетъ свою обязанность; рано онъ хочетъ отдыхать, ибо еще не трудился; рано надобѣлъ ему свѣтъ, ибо онъ почти еще не жилъ въ немъ; рано онъ возненавидѣлъ міръ, ибо еще хорошо не знаетъ: дѣйствительно ли міръ достоинъ ненависти?! Раскройте сами сія понятія и найдите *series judiciorum*, изъ нихъ истекающій. Едва ли вы хотя одно найдете въ ономъ въ свою пользу. Оставляю до свободнаго времени. Теперь прошу васъ не сердиться за мою откровенность и не считать меня *соблазнителемъ*, а *просто доброжелателемъ*. Прощайте! (1).

Наконецъ въ дальнѣйшихъ письмахъ, когда Яковъ Амфитеатровъ перешелъ уже въ богословскій классъ, а братъ Александръ только что кончилъ курсъ семинарскій,—сообщались имъ повременно свѣдѣнія о собственномъ состояніи какъ по отношенію къ текущимъ учебнымъ занятіямъ,—такъ и по отношенію къ избранію себѣ будущаго званія и служенія—не иначе, какъ духовнаго.—Вотъ эти свѣдѣнія: „Само собою разумѣется (писано было въ одномъ письмѣ), что я долженъ прежде

(1) Письмо отъ 5 Октября 1832 г.

всего благодарить васъ за поздравленіе ваше съ переходомъ моимъ изъ „*подъ закона* *подъ благодать*“, я хочу сказать: изъ философіи въ Богословію, и за тѣ благожеланія, которыми вы сопровождаете сіе поздравленіе. Благодарю, благодарю васъ чувствительнѣйше. Равнымъ образомъ и васъ поздравляю съ окончаніемъ поприща ученія и съ избраніемъ себѣ поприща учительства; желаю сіе послѣднее проходить вамъ съ пользою для другихъ и съ похвалою для себя“. — „Не знаю впрочемъ (писано было въ другомъ письмѣ), отъ чего вы такъ рады, что наконецъ пристали къ вожделенному вамъ берегу, концу ученія. А я такъ, право, скучаю при представленіи, что приближаюсь къ этому берегу; еще бы, кажется, остался я на курсѣ позаняться *философіею, плывишею меня*; но есть причины, по коимъ нельзя было рѣшиться на это. Теперь-то было я и сдѣлался только способнымъ къ философіи: ибо возчувствовалъ вполне важность ея познаній и возбудилъ въ себѣ ту жажду вѣдѣнія, которая не въ продолженіи двухъ лѣтъ можетъ быть утолена, но требуетъ вѣчности! Да, именно вѣчности!“ (1) — „Наконецъ вотъ и мои желанія и надежды (писано въ послѣдующемъ письмѣ), ежели вамъ такъ же угодно знать ихъ, какъ я хотѣлъ отъ васъ знать о вашихъ надеждахъ. Вы скажете, что это слишкомъ далеко, — совсѣмъ нѣтъ; это близко; ибо чрезъ годъ или черезъ два я долженъ уже, сообразно моимъ надеждамъ и желаніямъ, избирать себѣ состояніе. Я не скажу ясно, какое состояніе я себѣ приуготовилъ, но вы безъ сомнѣнія догадаетесь сами. Для безопасности вашей догадки я скажу, что *изъ духовнаго званія я никакъ не намѣренъ выходить. Я нахожу его самымъ лучшимъ для меня съ моими надеждами. Вотъ вамъ мои намѣренія касательно выбора состоянія!*“ (2).

Полагая здѣсь конецъ перепискѣ за описываемую пору жизни преосв. Антонія съ этимъ двоюроднымъ братомъ — *Александромъ*, и обращаясь къ такой же перепискѣ его съ другимъ вышепомянутымъ братомъ *Яко-*

(1) Письмо отъ 4 Сентября 1834 г.

(2) Письмо 6 Декабря 1834 г.

вома Козмичемъ, встрѣчаемъ самый прямой переходъ отъ одной къ другой и по времени, и по содержанію. Такой переходъ особенно близко и живо открывается въ содержаніи предшлѣдняго изъ приведенныхъ выше писемъ, гдѣ главною темою было со стороны писавшаго выраженіе жажды его къ изученію философіи.

Самое первое письмо Якова Козмича къ младшему брату своему Якову Амфитеатрову ⁽¹⁾ было отъ 22 Іюля 1832 года, и все содержаніе его относилось именно къ вопросу объ изученіи философіи:— „Мнѣ кажется“, писалъ Як. Коз—чъ, „ты мало можешь получить, по молодости твоей, пользы отъ этой, называемой германскими умниками, „науки наукъ“... Строго говоря, классъ философскій есть *цѣлая наша жизнь*. Впрочемъ чему нибудь да можно научиться и при школьномъ изученіи философіи. Поговоримъ же объ этомъ!—Ты смотришь на эту *дивную* науку, разумѣется, съ юношескимъ жаромъ;—очень хорошо!.. Но я все таки не намѣренъ теперь превозносить тебѣ опую до небесъ, откуда ее прежде насъ съ тобою *стали* уже на землю... Я хочу сказать только тебѣ, что ты напрасно презираешь систему философіи Баумейстера... Въ рукахъ опытнаго наставника эта книжица для начинающихъ любомудрствовать гораздо полезнѣе, чѣмъ высокопарныя заоблачныя системы новѣйшихъ мудрецовъ, которыхъ (системъ) часто не понимаютъ и тѣ сами, кои изобрѣли ихъ.—Кто въ первый разъ принимается за философію, долженъ ожидать и требовать отъ нея только одного, чтобы она научила его размышлять, дала дѣятельное направленіе силамъ его души и, какъ акушерка, способствуя безвредному и *неуродливому* рожденію идей въ молодой головѣ, указала средства, какъ развивать оныя. Если хочешь, чтобы я много съ тобою говорилъ о *твоей философіи*,—ищи ко мнѣ отвѣтъ на это мое письмо ⁽²⁾.

Отвѣтъ дѣйствительно не замедлилъ; это доказываетъ

⁽¹⁾ Мы будемъ называть обоихъ *Яковомъ*—одного *старшимъ*, другаго *младшимъ* для точнаго и болѣе краткаго отличія ихъ при излагаемой перепискѣ.

⁽²⁾ Письмо отъ 22 Іюля 1832 г.

ся самымъ временемъ отправленія отвѣтнаго уже письма не болѣе, какъ чрезъ полтора мѣсяца. Такая же ускоренность видна и въ дальнѣйшихъ письмахъ. Главнымъ содержаніемъ ихъ были, по преимуществу, тотъ же предметъ философіи (1). Къ достойнѣйшей чести писавшаго отвѣтныя письма *старшаго* Якова надобно сказать, какъ онъ глубоко и вѣрно опредѣлялъ состояніе души юнаго своего собесѣдника и, главное, умѣлъ сколько лелѣять его нѣжныя и пылкія юношескія чувства и стремленія, столько же давать имъ ходъ мѣрный и направлять, незамѣтно, къ тому, въ чемъ дѣйствительно и осуществился весь результатъ переписки.

Не говоря о томъ, что въ нѣкоторыхъ весьма пространныхъ письмахъ Як. К—ча, по запросамъ *младшаго* Якова, излагались цѣлыя, хотя въ краткомъ видѣ, лекціи (2), первый не только не тяготился такимъ трудомъ, но писалъ объ этомъ въ одномъ письмѣ такъ: „Ты можешь повѣрить мнѣ, молодой *умменькій мой философъ*, что бесѣда съ тобою есть *одно изъ лучшихъ наслажденій души моей*... Ты знаешь, какъ пріятно наблюдать мнѣ первые шаги твои—какъ молодого, жаждущаго познаній, человека на поприщѣ истины“. И, дѣйствительно, строго имѣя въ виду эту молодость, онъ ставилъ и такіе вопросы: „*Но хорошо ли ты понялъ меня?! и вѣрно ли я занялся твоей душой?!*“

(1) Таковы письма:—отъ 14 Сентября, 13 Октября, 28 Декабря 1832 г., потомъ отъ 12 Февраля, 12 и 28 Марта, 7 Декабря 1833 г. Онѣ все напечатаны въ сочинении: «Амфитеатровъ Н. К.»

(2) Напр. о томъ, что такое *идея*?—Какое различіе между идеей и понятіемъ?—Отвѣты на эти вопросы весьма пространны и превосходны... Покойный Владыка вспоминалъ иногда объ этихъ изложеніяхъ, особливо послѣ экзаменовъ въ семинари, говоря между прочимъ: «Вотъ, то ли было дѣло прежде?!, а вѣдь нынѣ, пожалуй, и сами-то наставники по Логикѣ и Философіи стыдятся заглянуть въ прежніе трактаты... а отсюда и въ ученикахъ-то ясно *оскуднѣе ея*, а только лишь *свѣтильники встѣживающіе*, чтобы тутъ же и *угаснуть*,—какъ въ рукахъ *онихъ* пяти дѣвъ»... Самую фамилію автора «Логикн» преосв. Антошій переименовывалъ въ «*Свѣтильница*» вмѣсто «*Свѣтильни*».

Эти послѣдніе и подобные вопросы сами собою даютъ разумѣть и даже чувствовать, что *считавшій однимъ изъ лучшихъ наслажденій души своей* наблюдать и руководить своего *молодаго умненькаго философа* и при самыхъ специальныхъ, повидимому, разсужденіяхъ о философскихъ предметахъ, — главнѣе всего вводилъ своего собесѣдника внутрь души его собственной... „Объ идеяхъ успѣемъ еще поговориться, писалъ въ послѣдствіи Я. К. — чѣ, — а теперь о другомъ“. Сказавъ о своемъ собственномъ душевномъ настроеніи ⁽¹⁾, онъ продолжалъ: „Для сею же самаго мнѣ и въ тебѣ нравится томное расположеніе души, и съ тѣмъ вмѣстѣ твоя юношеская мечтательность служить для меня новымъ вѣрнымъ признакомъ души нѣжной, благородной, исполненной жизни и силъ, хотя еще нераспустившихся, — души, если хочешь, *поэтической*... Но знай, что здѣсь должно искать зародыша для чувства изящнаго и *религознаго* и здѣсь же образуются первыя сѣмена мыслей прекрасныхъ и *святыхъ*... и я навѣрное угадываю, что когда или тяжелый невольный вздохъ, или томные звуки музыки ⁽²⁾, или какая нибудь печальная неудача располагаютъ тебя къ грусти и томности, то сіе, скорѣе и вѣрнѣе всего, обращаетъ взоръ твой къ небу — туда, гдѣ твой незабвенный родитель... Я угадываю также, что при такомъ расположеніи и въ головѣ твоей и въ сердцѣ не найдутъ себѣ мѣста ни дурныя мысли, ни пожеланія... и если обратишь ты свой взоръ и на землю, на земное, то, вѣрно, не захочешь... собственно земнаго... Наконецъ я вѣрю по-

(1) Начало этого письма не отыскано.

(2) Покойный Владыка, въ дѣтствѣ, при жизни еще отца, умѣвшаго играть на гусяхъ, тоже учился и умѣлъ играть на этомъ инструментѣ; въ академи тоже занимался игрою на гусяхъ. Объ этомъ онъ разсказывалъ самъ. Вообще же извѣстно, что онъ любилъ пѣне стройное, музыкальное. Во время академическаго курса онъ былъ въ числѣ пѣвчихъ, но только *льваго хора*, по причинѣ, говорилъ онъ, слабости голоса. Намъ доводилось слышать объ этомъ и прежде отъ пѣвшаго въ томъ-же лѣвомъ хорѣ вмѣстѣ съ покойнымъ Владыкою, младшаго студента М. А. Германова, бывшаго каеѣд. протоперемъ въ Томскѣ, — съ нѣкоторыми подробностями.

тому и *твоимъ словамъ*, что въ расположеніи, о которомъ говорю теперь съ тобою, ты болѣе, нежели гдѣ либо и когда либо, способенъ писать *элегіи*“.

Настолько мѣтко и вѣрно угадывая и опредѣляя душевное состояніе своего юнаго друга, вообще, Як. К.—чь, какъ *искренній повѣренный* (буквальное выраженіе въ письмѣ) всѣхъ его движеній и стремленій, тѣмъ не менѣе слѣдилъ за послѣдними и въ отношеніи къ излюбленнымъ занятіямъ его философскимъ... и какъ слѣдилъ, и какъ изображалъ онъ эту *обыкновенно сухую отвлеченную* сторону занятій,—это, кажется, въ силахъ былъ сдѣлать только именно Як. К.—чь. „Отъ сердца улыбаюсь, смотря на тебя какъ бы лично... не нахожу и не знаю зрѣлица болѣе любопытнаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ восхитительнаго, какъ то, которое представляетъ мнѣ молодой мой другъ, полный чистою страстію къ любовѣдѣнію... Да, мнѣ понятны, любезный другъ мой, твои слова: „сколько бы я предложилъ вопросовъ,—пишешь ты ко мнѣ, сколько бы потребовалъ отвѣтовъ на нихъ, а теперь я предлагаю ихъ только себѣ, ищу рѣшенія въ себѣ самомъ, въ другихъ, въ книгахъ; но большая часть ихъ не разрѣшается для меня“. Мнѣ, говорю, все это болѣе, чѣмъ понятно, и ты мнѣ кажешься особенно милъ, мой *умный молодой философъ*. въ эти именно минуты... И если бы я былъ самая твоя философія или воплощенная мудрость, то именно въ такія-то минуты и посѣщалъ бы тебя, лобызалъ и благословлялъ твои стремленія и усилія къ познаніямъ... Но какъ *искренній повѣренный* всего твоего сердца, какъ человѣкъ, желающій тебѣ добра истиннаго и полнаго, я долженъ указать тебѣ нѣкоторыя предосторожности... на пути къ мудрости“.—Эти предосторожности изложены *въ семи* пунктахъ, изъ коихъ укажемъ хотя одинъ (5-й):—„Ты говоришь: „одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній есть то, чтобы чрезъ философію выучиться жить такъ, какъ требуютъ обстоятельства здѣшней жизни“.—Прекрасное и благородное желаніе! Но наука мудрости есть цѣлая наша жизнь, и обстоятельства жизни суть тѣ же задачи философскія, разрѣшаемыя не книгами, тѣмъ паче не въ школѣ... Въ про-

тивномъ случаѣ она—философія. если правду сказать, *умножая, а иногда и не умножая разумъ, умножаетъ только болѣзнь душевную*, по словамъ древняго мудреца“.

Этимъ и подобнымъ словамъ столь *искренняго повѣреннаго* своего сердца не могъ не довѣрять и. вѣрнѣе сказать, не могъ не переливать ихъ въ свою душу *младшій* Яковъ.—Въ послѣдствіи увидимъ, что онъ разстался съ своими спеціальными философскими стремленіями. но не непосредственно послѣ вышеизложенныхъ писемъ, а какъ бы ухватившись за выраженіе, что *обстоятельства жизни суть тѣ же своего рода философскія задачи*, только разрѣшаемыя опытами, всею жизнію; тутъ-то онъ, видимо, сталъ чувствовать и сознавать отсутствіе именно этихъ опытовъ въ смыслѣ незнокомства съ ними, и неимѣнія непосредственнаго руководителя къ этому.

Увидѣвъ и опредѣливъ тогда же такое переходное состояніе своего молодаго философа—Якова *младшаго*. Яковъ *старшій* не замедлилъ отозваться на это всѣмъ сердцемъ.

Представивъ сначала нѣкоторыя, самыя картинныя. сравненія для изображенія состоянія своего юнаго друга. изъ видимой природы, Як. К.—чѣ началъ такъ: „Тоже бываетъ и съ нравственнымъ разсвѣтомъ души человеческой. Бываютъ въ жизни обстоятельства, предваряющія самое вступленіе наше въ жизнь, кои не столько проясняютъ намъ насъ самихъ, нашу душу, сколько набрасываютъ мрачный и тяжелый *закровъ*. Тебѣ это понятно и даже знакомо; горизонтъ жизни твоей. какъ разъ на самомъ разсвѣтѣ, задернуть былъ подобною мглою... Какъ глубоко трогаютъ меня слова твои. относящіяся именно къ этому событію, излишне говорить.—„Я очень чувствую, пишешь ты, чего не достаетъ теперь у меня и для меня... о горестная тяжкая мысль!—недостаетъ того. что болѣе всего бы могло способствовать къ исполненію моихъ желаній, *плоть у меня отца!!*. А жизнь. жизнь наша слишкомъ скользка. чтобы, не опираясь на руку вѣрнаго водителя, можно было ходить не оступая“. Благоговѣю предъ этою твоею святою сыновнею горестію! Но, милый другъ мой. ты долженъ знать, что

въ душѣ человѣческой есть то, чего не имѣетъ никто на землѣ кромѣ человѣка,—есть сила и рѣшительность свободной воли—*не подчинять своего духа обстоятельствамъ жизни и паче требованіямъ этихъ обстоятельствъ*; есть умѣнье обращать и скорбныя тяжелыя обстоятельства въ свою пользу и отраду... Недаромъ и, излюбленная тобою, философія утверждаетъ, что человѣкъ есть царь природы... *а тѣмъ болѣе, значитъ, владыка обстоятельствъ*... Правда, ты говоришь,—„что примѣры величайшихъ мужей, опытнѣйшихъ въ искусствѣ жить, слишкомъ высоки, чтобы подражать имъ“. Правда, говорю, это: но терпѣніе, великодушіе, *героизмъ* въ злополучныхъ обстоятельствахъ... О! я слишкомъ унижилъ бы и свою мысль о тебѣ,—если бы признавалъ въ тебѣ недостатокъ силъ и не былъ увѣренъ, наоборотъ, что все это должно производить несомнѣнное дѣйствіе на твою юную пылающую душу и воспламенить твое сердце благороднымъ *честолюбіемъ!!*. Еще и еще обращаюсь къ тебѣ, къ твоей грусти, ко всей душѣ твоей... Кто умѣетъ во время погрузиться и даже поплакать, знай, что въ томъ есть несомнѣнное доброе, невинное и вмѣстѣ *сильное* чувство... И кто умѣетъ чувствовать, тотъ уже способенъ къ высокимъ и святымъ размышленіямъ, въ томъ глубоко внѣдряется и святое упованіе на Промыслъ небесный,—а гдѣ есть это упованіе, тамъ есть и терпѣніе и великодушіе и этотъ *героизмъ*, о которомъ я говорю и который мнѣ такъ и хочется теперь вдохнуть и въ тебя... И вотъ, когда я мысленно вижу на глазахъ твоихъ блестящую слезу, я обыкновенно тогда говорю себѣ: это святая благодатная роса, извѣстная и доступная только сердцу праведника, ибо злодѣи не плачутъ;—и она-то увлажитъ и возраститъ плодъ благородныхъ мыслей и образуетъ *характеръ сильный и смѣлый на подвиги мудрости и добродѣтели!*“

Такія и подобныя (бывшія въ промежутокъ болѣе почти полугодя) письма живо и жизненно дѣйствовали на натуру получавшаго ихъ. Дѣйствія эти были, естественно, умиротворявшія его волнующуюся душу и вливавшія въ нее *новыя свѣтлыя радостворныя идеи и чувства*. Это по-

слѣднее состояніе дѣйствительно видимъ мы въ буквальныхъ словахъ письма (отъ 28 Марта 1833 г.), писаннаго къ Св. Пасхѣ тѣмъ же Я. К.—чемъ.—„Истинно отъ чистаго сердца, отъ любви *нелицемерныя и совѣсти благія* желаю и молю Воскресшаго Спаса нашего, да воскреситъ, возраститъ и утвердитъ Онъ въ душѣ твоей *новыя свѣтлыя святыя и радостворныя идеи* и въ сердцѣ твоёмъ новыя святыя прекрасныя чувства, и во всемъ существѣ твоёмъ новыя силы и новую жизнь. Право! желаю единаго, чтобы ты, мой милый, цвѣлъ какъ благоуханный цвѣтокъ въ саду Христовомъ и былъ бы утѣхою и наслажденіемъ не только въ средѣ людей, но и Ангеловъ... Въмѣсто красненькаго яичка посылаю тебѣ, давно тобою желаемыя и давно мною тебѣ обѣщанныя, лекціи... Займись же ихъ чтеніемъ“.

Не выписывая еще подобнаго содержанія изъ другихъ писемъ, обратимся къ одному послѣднему письму (отъ 7 Декабря 1833 г., слѣдовательно писанному чрезъ десять мѣсяцевъ)—„И такъ ты разстался съ *твоею философіею*: и хорошо, что ты самъ почувствовалъ это.—Изучай же теперь паче и паче Слово Божіе и Богословіе. Здѣсь истинная мудрость, и слѣдовательно и покой и насыщеніе для души, жаждущей вѣдѣнія; здѣсь же и глубокій вѣрный взглядъ и на міръ и природу, и на время и вѣчность. Это я говорю не потому, что такъ обыкновенно говорятъ, когда хотятъ языкомъ похвалить вѣдѣніе религіозно-богословское, но по внутреннему убѣжденію моему,—потому что и всѣ важнѣйшія задачи, предлагаемыя человѣкомъ и всею философіею его, разрѣшаются удовлетворительно преимущественно Словомъ Божіимъ и обоснованнымъ на немъ вѣдѣніемъ, нежели философскими системами. Будетъ время, другъ мой, когда разумъ человѣческій, въ лицѣ избранныхъ истинныхъ мыслителей, вполне плѣнится въ послушаніе Вѣры и когда вся (разумѣй истинная) философія оснуется на живомъ и дѣйственномъ глаголѣ Господнемъ. Старайся же и ты, милый другъ мой, *наздать и вкоренять* душу твою и вся помышленія твоя въ Слово Божіе. Оно не отъ земли, и потому не земное; Оно гласъ изъ міра небесна-

го духовнаго, — оттуда, гдѣ обитаетъ Вѣчный Свѣтъ и Истина и Вѣчная Красота, гдѣ скрывается для насъ земнородныхъ непостижимая здѣсь сущность, порядокъ и законъ всего существующаго и гдѣ и наше вѣчное житіе. Съ этимъ словомъ и оканчиваю письмо мое“.

Этимъ же письмомъ и мы заканчиваемъ дѣланную доселѣ выписку, присовокупивъ еще одно лишь вопросительно-загадочное указаніе, сдѣланное въ одномъ изъ предпоследнихъ писемъ Я. Козмича въ P. S., а именно: „На твоей печати вырѣзано: „Elle nous rejoint“ (1), а на моей: L'esprit, le pays et l'éternité“.—Разгадаешь ли?! А здѣсь важная философская тайна... *Я въ Кіевѣ, а въ Кіевѣ Академія...* что ты скажешь на это?!

Отвѣта или разгадки на эту тайну нигдѣ въ перепискѣ не видно, — но кто, при чтеніи уже самой переписки, не разгадалъ бы этого отвѣта?! И дѣйствительно, *младшій* и *старшій* Яковы въ 1835 году узрѣли себя лицомъ къ лицу, — первый сѣвшій на скамью студенческую, а второй, какъ разъ въ этомъ году, возведенный на кафедру экстраординарнаго профессора.

Послѣ изложенія переписки съ двумя братьями, которую справедливо должно признать замѣчательною, судя по возрасту писавшаго, а всего болѣе по содержанию писаннаго, — остается вопросъ о домашне-житейскомъ бытѣ и положеніи преосвященнаго Антонія за настоящій періодъ его жизни. Имѣя въ виду разнообразныя случаи, при которыхъ приводилось намъ слышать личныя воспоминанія самого преосв. Антонія, и тѣ данныя, кои сообщены намъ въ письмахъ и въ устныхъ разказахъ калужскихъ родственниковъ, мы въ настоящемъ мѣстѣ можемъ представить слѣдующія свѣдѣнія.

Судя уже потому, что самое первое дѣтство свое въ Калугѣ при жизни Филарета преосв. Антоній провелъ неотлучно при немъ въ извѣстной, вполне облагороженной, обста-

(1) Значеніе этой вырѣзанной на печати фразы читатели видѣли уже прежде въ письмѣ къ другому двоюродному брату Александру, а именно: «*Сердца связанная не забудкою, изображеннаго на моей печати, показываютъ, что сердце мое не одиноко*».

новкѣ, — равно какъ и въ послѣдствіи дядя Филаретъ надѣлялъ его особенными денежными средствами, преимущественно предъ прочими сиротами, понятно, что все училищно-семинарское время жизни проведено было имъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ домашне-жителейскихъ. Наконецъ и то самое, что (какъ видно изъ приведенной переписки его съ двумя братьями) постоянныя занятія его были серьезныя философскія и поэтическія и вообще свойственныя человѣку въ своемъ родѣ только кабинетному, выдерживающему уже свой характеръ и пр. и пр., — ясно свидѣтельствуешь, что все и все было далеко не зауряднымъ, а напротивъ въ своей мѣрѣ комфортабельнымъ въ образѣ и обстановкѣ жизни юнаго питомца *умника-философа*, какъ величалъ его Яковъ Козмичъ Амфитеатровъ. Что же именно и какъ было въ самой дѣйствительности, объ этомъ имѣется одно, между прочими, сообщеніе, которое имѣетъ особенное значеніе уже потому, что снято не только съ природы бывшего мѣстожителства, но и самаго личнаго состоянія преосвященнаго Антонія, когда онъ въ проѣздъ свой изъ Смоленска въ Казань въ 1866 г., заѣзжалъ въ Калугу и прогостилъ цѣлую недѣлю у родственниковъ своихъ, помѣщаясь въ тѣхъ именно комнаткахъ, въ которыхъ жилъ въ свое время. — Вотъ подлинныя слова изъ письма, въ которомъ сообщены эти свѣдѣнія ⁽¹⁾: „Домъ, въ коемъ жилъ родитель незабвеннѣйшаго нашего владыки Антонія, сохранился цѣлымъ до днесь и въ томъ почти неизмѣнномъ видѣ, въ какомъ былъ купленъ въ свое время священникомъ, а затѣмъ перекупленъ былъ на церковную сумму. Церковь Архангельская во внутреннемъ

(1) Письмо это отъ 23 Января 1880 года прислано было отъ о. протоіерея Ал. Ив. Ростиславова, зятя бывшего опекуна владыки—Петра Степановича Алексинскаго. Этотъ о. протоіерей Ростиславовъ, за два года до кончины владыки Антонія, пріѣзжалъ въ Казань съ семействомъ для свиданія съ владыкою. И въ эту пору онъ и жена его сообщали эти же и другія свѣдѣнія изъ жизни Калужской; а наконецъ пишущимъ провѣрено было все это лично въ бытность въ Калугѣ въ 1884 г.

своемъ устройствѣ тоже осталась по прежнему. При проѣздѣ изъ Смоленска въ Казань, владыка Антоній, прогостивши недѣлю въ Калугѣ, первымъ дѣломъ почелъ отправиться со мною въ родительскій домъ и въ церковь.— И тамъ и здѣсь онъ по долгу останавливался со вниманіемъ на все, что только припоминалось ему, и многое тутъ же высказывалъ; въ церкви, между прочимъ, постоялъ на клиросѣ, на которомъ, бывало читалъ и пѣлъ. Въ моемъ же домѣ я, по его желанію, немедленно очистилъ бывшія его комнаты. кон онъ самъ тутъ же обстановилъ по возможности по своему—по прежнему. Хотя была и зима, покойный владыка все таки пожелалъ пробраться въ тотъ свой садикъ, надъ которымъ онъ, по его словамъ, много поработалъ въ свое время по посадкѣ деревьевъ, утрамбовкѣ дорожекъ, разведенію цвѣтника и устройству незатѣйливыхъ скамеечекъ.— Любилъ онъ имѣть много цвѣтовъ и въ своихъ комнатахъ; были у него также и хорошія гусли, оставшіяся по смерти его родителя; была достаточная библіотека и даже свой отдѣльный чайный приборъ и небольшой самоваръ, кон оставилъ ему еще владыка Филаретъ при отъѣздѣ своемъ изъ Калуги; было у него довольно разныхъ вещицъ кабинетныхъ, начиная съ чернильнаго прибора и прочихъ письменныхъ принадлежностей.

Объ этомъ времени пребыванія своего въ Калугѣ, въ проѣздѣ въ Казань, преосв. Антоній писалъ въ Смоленскъ разнымъ знакомымъ и мнѣ. Въ этихъ письмахъ, выражая свое полное удовольствіе отъ всего, что только онъ встрѣтилъ истинно-пріятнаго на мѣстѣ родины, преосвященный Антоній свидѣтельствовался такими словами: „*Писано есть, яко нѣсть чести пророку во отечествіи своемъ*“; но со мною и для меня совершилось все иначе...—Когда при послѣдовавшемъ вскорѣ личномъ свиданіи съ высокопреосвященнымъ Антоніемъ въ Казани, привелось мнѣ слышать тѣ же воспоминанія о калужскомъ его пребываніи съ повтореніемъ того же изреченія, ему было между прочимъ, высказано: „но, вѣдь, Ваше Высокопреосвященство были въ свое время въ Калугѣ и явились въ послѣднее *не какъ пророкъ*, а толь-

ко *какъ сынъ пророчъ*“.— „Да, вѣрно-вѣрно!! Я и самъ въ глубинѣ души сознавалъ и чувствовалъ, что по имени и памяти собственно владыки Филарета не только я, но и весь тамошній родъ нашъ доселѣ пользуется явнымъ благовниманіемъ общества.

ГЛАВА IV.

Для поступления, по окончаніи семинарскаго курса, въ духовную Академію у Якова Амфитеатрова были всѣ права и, такъ называемые, шансы. Это несомнѣнно изъ всѣхъ преждеизложенныхъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о его отличныхъ способностяхъ, прилежаніи и успѣхахъ какъ перваго во всѣхъ классахъ семинаріи воспитанника (1). Въ частности же самая переписка съ Як. Козмичемъ, съ которою ознакомились читатели, даетъ такое понятіе объ его развитіи, что здѣсь скорѣе видишь не воспитанника семинаріи, а студента высшаго заведенія, — студента далеко не зауряднаго.

Оставался между тѣмъ вопросъ: въ какую Академію поступить и когда? Вопросъ о мѣстѣ Академіи здѣсь не разрываетъ былъ съ вопросомъ о времени потому, что если приводилось бы поступать въ московскую Академію, то это поступленіе имѣло бы въ 1836 году, а если въ кievскую или петербургскую, то или годомъ ранѣе — въ 1835 г. или годомъ позднѣе послѣ окончанія семинарскаго курса. т. е. въ 1837 году (2). Судя потому, что московская Академія была и ближе и самая семинарія калужская принадлежала къ ея духовно-учебному округу,

(1) Клев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 47. стран. 10.

(2) До послѣдняго преобразованія въ 1869 г. духовныхъ академій, четырехлѣтній въ нихъ курсъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій по два года въ каждомъ; для поступления же въ академи были сроки по годамъ таковы, что на петербургскую и кievскую приходились годы нечетные, а на московскую и казанскую четные.

Якову Амфитеатрову предстояло поступить въ эту Академію и слѣдовательно въ 1836 году по окончаніи полнаго семинарскаго курса. Такъ думалъ заранѣе и желалъ было я,—говорилъ впослѣдствіи преосв. Антоній (1). Непрочъ отъ этого былъ сначала и высокопр. Филаретъ, какъ бывшій въ свое время въ этой Академіи ректоромъ. Но на дѣлѣ вышло иное; рѣшено было младшему Якову поступить въ кіевскую Академію. Главная причина заключалась сколько въ извѣстныхъ изъ переписки взаимныхъ самыхъ сочувственныхъ отношеніяхъ между обоими Яковами, столько же высокопр. Филаретъ съ своей стороны имѣлъ въ виду еще заранѣе, что пребываніе старшаго Якова въ кіевской академіи будетъ имѣть, несомнѣнно, весьма полезное значеніе и для младшаго. Читавшимъ уже извѣстно, что высокопр. Филаретъ имѣлъ было рѣшительное намѣреніе перемѣстить самого Як. К—ча къ себѣ прямо по окончаніи академическаго курса въ казанскую семинарію и съ этой цѣлью намѣревался открыть въ ней другую кафедру философіи. Впослѣдствіи же онъ писалъ ему: „Не скорби, что ты не въ Казани, а въ Кіевѣ. Мнѣ дѣйствительно хотѣлось имѣть тебя при себѣ для блага здѣшней семинаріи, но я всегда соблюдаю правило слѣдовать во всемъ Промыслу о насъ Божію, а не предвѣрять оный нашими собственными распоряженіями: ибо то для насъ самое лучшее, что Самъ Господь Богъ устраиваетъ.—И теперь ясно вижу, что служеніе твое лучше тамъ въ академіи, и я доволенъ собою, что нигдѣ не настаивалъ о назначеніи тебя въ Казань, а ожидалъ, какъ Самъ Господь устроить судьбу твою“ (2).

Нѣтъ сомнѣнія, что высокопр. Филаретъ, когда настала пора рѣшить вопросъ объ устроеніи судьбы младшаго Якова въ дѣлѣ поступленія въ ту или другую Ака-

(1) Преосв. Антоній признавался, что въ московскую академію влекло его пребываніе въ Москвѣ брата Павла и дяди Раича, такъ что онъ готовъ бы былъ, при случаѣ, перебраться изъ академіи въ московскій университетъ.

(2) Смotr. бюгр. очеркъ «Амфитеатровъ Яковъ Космичъ». — стран. 6—7.

демію, руководился тѣмъ же упованіемъ на Промысль Божій. Такое истинно *непосрамляющее упованіе* высокопр. Филарета незамедлило еще сугубѣе оправдаться, такъ какъ и самъ онъ, чрезъ два года, возведенъ былъ на кафедру Первосвятителя Кіевскаго. Такимъ образомъ что по желанію его предполагалось быть въ Казани, то самое совершилось въ Кіевѣ. Здѣсь дѣйствительно оба Якова, его достойно приближенные присные по плоти, приблизились лицомъ къ лицу къ нему, къ его сердцу, чтобы пользоваться назидательнымъ руководствомъ его и заслуженною отеческою любовію. — Наконецъ явственно открылись пути Промысла въ устроеніи судьбы въ разсматриваемыхъ явленіяхъ по отношенію собственно къ преосв. Антонію, когда ему суждено было воздать достойно и праведно послѣднюю дань тому и другому изъ своихъ руководителей. Яковъ Козмичъ скончался буквально на рукахъ бывшаго тогда уже ректоромъ кіевской семинаріи Архимандрита Антонія (1848 г.). Равно и самъ высокопр. Филаретъ испустилъ свой духъ праведнической въ очахъ того же бывшаго уже ректоромъ Академіи Антонія, какъ наперстника и дитяти своего сердца и потому тогда же такъ вѣрно и назидательно начертавшаго послѣднія дни и предсмертныя минуты жизни присопамятнѣйшаго своего отца—Владыки (1).

Обращаясь къ самому первоначальному времени поступления въ академію Якова Амфитеатрова младшаго, считаемъ излишнимъ излагать общую обычную процедуру этого дѣла. Здѣсь если важно что, это—личное состояніе новобранцевъ и особливо, ожидаемый ими, результатъ пріемныхъ испытаній. Въ былую пору это было строго не для поступавшихъ только студентовъ семинарій, но и для посылавшихъ ихъ, мѣстныхъ семинарскихъ начальствъ. Не выдержавшимъ удовлетворительно пріем-

(1) За составленное описаніе послѣднихъ дней въ Бозѣ почившаго высокопр. Филарета, когда оно было удостоено представленія Государю Императору, автору его была выражена Высочайшая Его Императорскаго Величества благодарность. (Смотр. въ формулярномъ спискѣ 1858 г. 11-го Августа).

ныхъ испытаній приводилось непременно возвращаться на родину въ вѣдѣніе того же начальства, а съ этого послѣдняго взыскивались даже и денежные расходы на отправку и въ академію и обратно... За Якова Амфитеатрова можно было ручаться, что ему не угрожало ничто подобное; напротивъ онъ былъ принятъ въ академію первымъ студентомъ ⁽¹⁾, не смотря на то, что назначенныхъ къ приему въ академію изъ 15-ти семинарій было 58 воспитанниковъ. Точно также, по окончаніи всего академическаго курса въ 1839 г. въ числѣ магистровъ (въ количествѣ 20) *первымъ же магистромъ* значится въ спискѣ: „Амфитеатровъ Яковъ Гавриловичъ“, (поступившій изъ Калужской семинаріи) ⁽²⁾.

Излишне говорить, отъ чего зависѣла такая благоуспѣшность всего прохожденія академическаго курса Яковымъ Амфитеатовымъ. Важнѣе здѣсь вопросъ о томъ, —каково было состояніе самой Академіи въ лицѣ профессоровъ по части разработыванія и преподаванія самыхъ наукъ, чтобы отсюда судить о достоинствѣ познаній *перваго магистра*.

Отвѣтъ на это въ самой желаемой удовлетворительности, кажется, можетъ заключаться въ одномъ уже томъ, что ректоромъ академіи въ описываемую пору былъ Докторъ Богословія Иннокентій (Борисовъ)... а „достоинѣйшими сотрудниками его были тѣ, коими, —какъ читаемъ

(1) Говоримъ это собственно на основаніи словъ самого покойнаго владыки Антонія; и можно, не безъ особаго при этомъ значенія, указать на самое время разсказа. Значеніе это собственно, между прочимъ, въ самомъ времени. Разсказъ былъ именно 1-го Октября 1879 г. Покойный владыка, отслуживъ въ этотъ день литургію, которая была самою послѣднею въ каедр. соборѣ, за чаемъ случайно взявъ въ руки, лежавшій тутъ же на столѣ, имянный списокъ преосв. Архiereевъ на 1879 г. и вдругъ вспомнилъ своихъ товарищей по академіи, а теперь святительствующихъ въ числѣ пяти лицъ. Перечисливъ ихъ вслухъ по-именно, онъ сказалъ: «да они всѣ годами меня старше; за то я ихъ во всемъ опереживалъ, начиная съ того, что былъ въ средѣ ихъ принятъ въ академію первымъ студентомъ, —первымъ же и кончилъ и курсъ; и затѣмъ первый сталъ архимандритомъ и первый епископомъ и архиепископомъ».

(2) Смолр. Истор. кiev. дух. академіи стр. 189.

въ исторіи Кіевской академіи,—во первыхъ наука *богословская* возведена была въ описываемую пору въ Кіевской академіи на высшую степень совершенства, что и неудивительно при такомъ представителѣ и двигателѣ ея, какимъ былъ Иннокентій ⁽¹⁾; во вторыхъ—*философскія же науки* въ эту именно эпоху доведены были до такого состоянія, что, дѣйствительно, такое преподаваніе оныхъ едва ли можно было найдти въ самыхъ лучшихъ университетахъ Европы. Скворцовъ, Новицкій, Михневичъ, Авсеньевъ,—вотъ тотъ *квартумвиратъ*, подъ руками котораго глубоко воздѣлывалось широкое поле философствованія и, что главнѣе всего, согрѣваемо и освѣщаемо было лучами Вѣры православной ⁽²⁾.

Такимъ образомъ, въ эту-то блестящую пору науко-развитія если кому, то получившему еще прежде наименованіе *молодаго умнякаго философа*,—Якову Амфитеатрову, всего ближе, было увидѣть и почувствовать всю цѣнность и привлекательность предстоявшаго ему въ первомъ, называвшемся философскимъ, отдѣленіи академическаго курса, слушанія философскихъ лекцій.

И дѣйствительно покойный Владыка, твердо помня объ этомъ времени, (такъ какъ онъ и самъ принималъ прямое участіе въ составленіи исторіи Кіевской академіи совмѣстно съ авторомъ ея) ⁽³⁾, съ глубокимъ сочувствіемъ отзывался вообще обо всемъ науко-развитіи, хотя въ частности указывалъ онъ на нѣкоторыя стороны тогдашняго философствованія и преподаванія, какъ неудовлствительныя. Эти взгляды и отзывы были, впрочемъ, какъ нельзя было не замѣтить при подобныхъ бесѣдахъ, плодомъ уже послѣдующихъ его убѣжденій. А съ другой стороны эти послѣднія сложились у него сколько лично, столько же подъ вліяніемъ высокопр. Филарета, который, какъ не безъизвѣстно, смотрѣлъ на изученіе философіи своеобразно и во всякомъ случаѣ съ слишкомъ строгой точки христіанско-религіозной и духовно-нравственной ас-

(1) Сморг. Истор. кiev. дух. акад. стран. 152.

(2) Тамъ же стран. 154.

(3) В. И. Аскоченскимъ.

кетической, а потому и самых тогдашнихъ представителей философованія онъ не очень-то жаловалъ и не обезпокоивался при оставленіи ими Академіи (1). Изъ личныхъ же воспоминаній преосв. Антонія за описываемую пору его академическаго образованія нельзя было не замѣчать, что онъ не платилъ особенной дани увлеченія къ слышаннымъ лекціямъ; „мнѣ не по душѣ, говорилъ онъ, было особенно то мистифиrowаніе, въ которомъ какъ-то безразлично перемѣшивалось человѣческое психофилософическое содержаніе съ истинно-христіанскимъ... оно не увлекало, а держало какъ бы умъ въ раздумьѣ,—но безплодномъ... Самое то было уже не въ пользу преподаванія, что лекціи полныя не сдавались; студенты же если и составляли записки со слышаннаго въ классѣ, то не полно и не точно, а иногда по мѣстамъ по произволу... Наконецъ если и давались нѣкоторыми профессорами собственныя записки, то слишкомъ краткія и, къ тому же, часто видоизмѣнявшіяся, что и подрывало вѣру въ авторитетность. Еще болѣе какъ-то не укладывалось все это въ душѣ при одномъ представленіи, что живешь въ Кіевѣ, подъ сѣнію святынъ, гдѣ мудрованіе человѣческое менѣе всего могло имѣть мѣста... Бывало, особливо когда посѣтишь св. Лавру, такъ и чувствуешь, что и возможный жаръ увлеченія остывалъ и не скоро опять пробивался“...

(1) Въ истории академіи Кіевской видимъ, что дѣйствительно около 1845—52 годовъ изъ сказанныхъ профессоровъ и Михневичъ, и Новицкій, и Скворцовъ перешли въ университетъ, а Авсеневъ сначала поступилъ въ монашество и потомъ отправился въ Римъ. Въ замѣнъ ихъ стали поступать монашествующіе: Антонинъ, Михайлъ (Монастыревъ), Даниилъ, Фотій, Иоанникій, Филаретъ и другіе. Высокопр. Филаретъ не жаловалъ и самое богословствованіе Иннокентьевское, такъ что самыя статьи Иннокентія, присылаемыя имъ уже въ бытность его архіепископомъ въ Воскресное Чтеніе, предварительно просматривалъ самъ и требовалъ отъ Докторовъ—Скворцова и Ректора академіи Антонія особыхъ отзывовъ о содержаніи и тѣмъ паче о направленіи этихъ статей.—Противъ богословствованія Иннокентьевскаго высокопр. Филаретъ имѣлъ предубѣжденія, очевидно, на основаніи данныхъ, какія были извѣстны уже и въ Синодѣ.—(Смотр. Христ. Чтен. 1883 г. Ноябрь—Декабрь: «Къ биографіи Иннокентія арх. Херсонскаго». Н. Барсова).

Посѣщеніе Лавры и такое вліяніе отъ этого посѣщенія были естественны для посѣтителя съ столь живою, впечатлительною, поэтическою душою, какъ читатели видѣли уже въ перепискѣ Якова К—ча Амфитеатрова. Самое первое дѣйствіе, какъ любилъ часто говорить объ этомъ преосв. Антоній, производило на него вообще Лаврское Богослуженіе со всею полнотою и строгостію исполненія и въ частности пѣніе. Подобныя воспоминанія были у него не на словахъ, но оправдывались самымъ дѣломъ. Въ своемъ мѣстѣ увидимъ въ подробности, какъ преосв. Антоній и въ Смоленскѣ и въ Казани желалъ и старался ввести и дѣйствительно ввелъ многое, и въ дѣйствіяхъ церковно-обрядовыхъ и въ пѣніи, собственно на манеръ кіево-лаврскій, по крайней мѣрѣ, въ каедральныхъ соборахъ при своемъ богослуженіи, особливо въ нарочитые праздники.

Ближайшимъ же послѣдствіемъ указываемаго впечатлѣнія отъ лаврскаго Богослуженія была извѣстная брошюра подъ заглавіемъ: „*Великіе дни Богослуженія въ Кіево-Печерской Лаврѣ*“. Напечатаніе ея относится къ послѣдующимъ годамъ; но все содержаніе есть плодъ описываемыхъ первоначальныхъ впечатлѣній. Происхожденіе этой брошюры, какъ объяснилъ самъ покойный Владыка, двойственное. При студенческихъ посѣщеніяхъ Лавры ему сопутствовалъ, почти неизмѣнно, товарищъ однокурсникъ его извѣстный В. Ип. Аскоченскій, — личность съ живою поэтическою душою, сколько и съ горячею ревностію въ духѣ церковно-религіозномъ. Поэтому-то описаніе „великихъ дней Богослуженія въ Лаврѣ“ составилось въ первоначальномъ изложеніи подъ перомъ двухъ лицъ, изъ ихъ общаго склада и настроенія душевнаго. — Преосв. же Антоній, какъ ставшій, по принятіи свящ.-монашескаго сана, не зрителемъ только, а и участникомъ въ постоянномъ служеніи въ эти великіе дни праздниковъ въ Лаврѣ, еще болѣе могъ выразумѣть смыслъ и воспринять самый духъ сего Богослуженія. Отсюда хотя въ изложеніи и видно замашистое перо В. Ип. Аскоченскаго, но послѣдняя редакція принадлежала преосв. Антонію, давшему отъ себя пособіе на самое

паданіе. Преосв. Антоній всегда имѣлъ многія сотни экземпляровъ этой брошюры и любилъ раздавать еѣ особливо въ Смоленскѣ. Онъ и самъ прочитывалъ еѣ не рѣдко сообразно днямъ описаннаго Богослуженія лаврскаго, чтобы настроиться душевно... (1). И дѣйствительно, въ самомъ служеніи покойнаго Владыки нельзя было не видѣть, что онъ особенно восторгался въ эти дни, когда Богослуженіе шло похоже на лаврское и сопровождалось подобно-лаврскимъ же пѣніемъ. „Пѣніе это лаврское, — читаемъ въ брошюрѣ. — замѣчательно уже тѣмъ, что оно не вдругъ можетъ предстать во всемъ величій явившемуся слушателю, особенно праздно только любопытствующему... Это пѣніе — пѣніе святое, духовное, небесное..., къ которому мы, между тѣмъ, по несчастному настроенію нашей растлѣнной природы, какъ-то глухи, тупы и непріимчивы... Для пониманія его и воспріятія надобно очистить внутренній слухъ, выкинуть изъ него все пустопорожнее, даже самое представленіе о называемыхъ мелодіяхъ, забыть, если можно, всякую иную музыку и унести въ область духовную, въ молитвенное воздыханіе, и тогда только можно постигнуть и обнять душою это величественное пѣніе кіево-лаврское... Служающій же это пѣніе, какъ испытующій только дилетантъ музыки (сказано въ той же брошюрѣ), пожалуй даже заподозритъ говорящаго ему объ этомъ пѣніи въ пристрастїи или увлеченїи“...

Второе болѣе главное и дѣйственное впечатлѣніе на душу юнаго посѣтителя Св. чудотворной Лавры. конечно, производили тѣ, обитаніе коихъ здѣсь въ нетлѣнныхъ по смерти останкахъ животворить и самыхъ живыхъ обитателей и святить всю обитель и возвеличиваетъ еѣ, какъ *небеси подобную*. Не смотря на то, что прошло двадцать лѣтъ со времени выбытія покойнаго

(1) Подъ великими днями богослуженія въ кіево-печерской Лаврѣ въ брошюрѣ значатся: а) среда 1-й седмицы вел. поста; б) Великій четвертокъ, в) вечеръ великой пятницы, г) ночь великой субботы и Свѣтлаго Воскресенія, д) всенощное бдѣніе наканунѣ дня Успѣнія Божіей Матери, и наконецъ характеръ и духъ пѣнія вообще лаврскаго.

Владыки изъ Кіева, онъ зналъ, — что видно было изъ его разсказовъ, — каждый поворотъ, изгибъ и уголокъ св. пещеръ такъ твердо, какъ можетъ знать развѣ постоянный водитель по нимъ; зналъ онъ поименно и по самому размѣщенію и извѣстнымъ отличіямъ священныя раки-гробницы всѣхъ св. угодниковъ печерскихъ, — равно какъ и подробныя житія ихъ. — Къ тому же, когда по обыкновеннымъ мѣсячно-минейнымъ книгамъ не полагается особой на ряду службы тому или другому кіево-печерскому угоднику, онъ неопустительно восполнялъ службу изъ особой книги, изданной въ давнія времена отъ самой Лавры, или прочитывая самъ въ своей моленной, или выдавая книгу на клиросъ для выполненія всей службы и даже съ величаніемъ. Вообще онъ благоговѣйно читалъ дни памяти св. угодниковъ печерскихъ, такъ что, бывало, и за домашнимъ обѣдомъ говорилъ, что сегодня полагается „трапезное утѣшеніе кіево-лаврское“.

Такое же почитаніе, во время еще студенчества преосв. Антонія, выражалось и въ томъ, что онъ старался участвовать въ отправленіи особыхъ службъ печерскимъ угодникамъ то пѣніемъ, то чтеніемъ въ ряду клирошанъ. Объ этомъ пишущему приводилось въ разное время слышать разсказы отъ очевидцевъ-старцевъ, бывшихъ въ ту пору клирошанами, а въ послѣдствіи іеромонахами. Для примѣра приведемъ хоть одинъ разсказъ въ подробности. — „Въ Августѣ 1857 года въ день Преображенія, (прежде еще поступленія моего въ академію), покойный Владыка Антоній, бывший тогда ректоромъ академіи, порекомендовалъ мнѣ самъ побывать въ Голосѣевой пустынѣ, чтобы принять у проживавшаго тамъ высокопреосв. митр. Филарета благословеніе на приближавшіеся экзамены для поступленія въ Академію. Послѣ обѣдни Первосвятитель самъ удостоилъ позвать меня, какъ земляка, къ себѣ на чай. Съ самаго же начала разговоръ склонился къ бывалымъ не разъ воспоминаніямъ объ Уфѣ. Между тѣмъ, желая сдѣлать свою обычную предъ обѣдомъ прогулку, Владыка Филаретъ взялъ и меня съ собою... Войдя въ садъ, онъ и тутъ обратился къ воспоминаніямъ же объ Уфѣ, начавъ такъ: „ну вотъ, землякъ,

смотри, что здѣсь у насъ, и что тамъ въ вашей Уфѣ... Вѣдь тамъ и садовъ-то нѣтъ, за-то весь городъ чисто въ лѣсу... О плодахъ же и толковать нечего... Кромѣ дубовыхъ желудей, да сосновыхъ шишекъ нѣтъ... Хотя ягодъ разныхъ, помню, тамъ много“. Изъ сада, проходя чрезъ самую пустыню онъ, намѣренно или ненамѣренно, остановился противъ одной, стоявшей особнякомъ, кельи и сказалъ: „а вотъ кстати зайти-ка ты въ эту келью и побѣсѣдуй пока до обѣда, а я побреду и маленько отдохну.. Да смотри, ты не смущайся больно, если принять будешь не ласково; старецъ-то не больно жалуетъ свѣтскихъ лицъ“.

Старецъ оказался дѣйствительно таковымъ... Узнавъ, что меня благословили самъ Владыка зайти къ нему, онъ все-таки обошелся со мною сурово. „Да ты кто?... изъ академіи что ли бакалавръ?! Нѣтъ; я хочу еще только поступить въ академію учиться“. „А зачѣмъ же на тоби такой сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами; може ты изъ пановъ, и вообще изъ свѣтскихъ“ (1). Удовлетворенный моими отвѣтами, старецъ продолжалъ уже словоохотливо. „Учиться въ академіи кажешь ты, прихавъ; це добре-добре;... да и учиться есть у кого; въ академіи вѣдь доморощенный нашъ Докторъ Богословія Антоній. Я его зналъ еще въ ту пору, когда винъ только что поступивъ въ академію; былъ такой молоденькій, черемненькій панычъ, но и тогда онъ уже любилъ бывать у Лаври и не чурался нашего брата.... Да и теперь хотъ винъ Докторъ и Ректоръ Академіи. но у меня бываетъ, и я съ нимъ богословствую по своему и онъ тоже. А то бачивъ я. бывавши часто и въ Петербургѣ съ нашимъ Владыкою, многихъ ученыхъ монаховъ.. да не такіе... Этого видно що розумный, колы такъ смиренно-мудренъ, хотя и Докторъ. Скажи же ему, что ты былъ у меня; а щобъ винъ догадался, у кого именно. то глядь

(1) Пишущій постуналъ въ академію изъ чиновниковъ послѣ семилѣтней службы.—Старецъ велъ рѣчь смѣшаннымъ русско-малороссійскимъ говоромъ; и это къ нему шло какъ-то особенно кстати и на меня производило особенное впечатлѣніе.

сюды“... При этихъ словахъ старецъ отворилъ дверь въ другую комнату и указаль на огромный шкафъ съ свято-отеческими твореніями. Вотъ ректоръ знаетъ это... Затѣмъ вдругъ оборотившись, снялъ покровъ; видимо съ длиннаго стола, но подъ покровомъ оказался гробъ... Вотъ и это онъ знаетъ.... а ты знай, что сколько ни заключается вонъ тамъ—(указавъ на шкафъ съ книгами) мудрости, но начало и конецъ этой и всякой мудрости вотъ здѣсь. Память и страхъ смерти внѣдряетъ страхъ Божій..., а страхъ Божій начало премудрости отъ Бога.“

Возвратившись къ высокопр. Филарету на вопросъ его „ну что... поучилъ тебя порядкомъ старецъ-то?“—я сообщилъ ему за обѣдомъ все до слова... „Да, сказалъ онъ,—старецъ этотъ знаетъ хорошо Антонія, вашего академическаго ректора. Мнѣ было всегда пріятно видѣть въ немъ еще до монашества общеніе съ нашими лаврскими старцами“.

Когда и о. Ректору Антонію сообщенъ былъ весь результатъ посѣщенія моего Голосѣевой пустыни, онъ тоже сказалъ: „я знаю старца; это М—сей; онъ теперь уже болѣзненный очень и старъ.. Я дѣйствительно всегда, съ самаго начала академическаго курса, какъ-то особенно сблизался съ бывшими тогда старцами истинно духовными. Желаю и совѣтую вамъ тоже, тѣмъ болѣе, что вы поступаете въ Академію изъ мірской жизни и къ тому же прямо въ высшее богословское отдѣленіе; желаемое мною будетъ вамъ особенно полезно.—Вотъ вы не застали уже старца о. Парфенія-Іерѣсихмонаха... Читали ли вы хоть жизнеописаніе его?“ Послѣ моего отвѣта отрицательнаго онъ въ ту же минуту досталь и даль мнѣ это жизнеописаніе, (изданное имъ за годъ предъ тѣмъ въ 1856 г.).

Жизнеописаніе это, какъ оказалось, составлено собственно самимъ же преосв. Антоніемъ, имѣвшимъ для этого и вѣрныя данныя и особенныя условія. Къ самому принятію монашества (въ 1840 г.) онъ готовился подъ главнымъ непосредственнымъ руководствомъ о. Парфенія и при самомъ постриженіи имѣлъ его духовнымъ восприемнымъ отцемъ и духовникомъ до самой кончины

Послѣдняго.—Правда, эти послѣднія отношенія, т. е. воспріемническія при постриженіи и духовническія, какъ видно изъ самаго жизнеописанія, имѣли къ о. Пароенію и многіе другіе изъ ученыхъ монашествующихъ, какъ бы по заведенному уже порядку; но что между о. Пароеніемъ и сыномъ духовнымъ Антоніемъ существовали эти отношенія въ иномъ особенномъ видѣ и духѣ, достаточно прочитавъ самое жизнеописаніе.—О. іеросхимонахъ Пароеній былъ, въ строгомъ смыслѣ слова и самаго дѣла, глубокой любитель уединенія, безмолвія и даже, по временамъ, затворничества. Слѣдов. кто же могъ, по слову Св. Евангелія, *вдаться отъ чловѣкъ, яже въ чловѣцѣ, точію духъ чловѣка, живущій въ немъ*. Между тѣмъ очевидно, что писавшій жизнь его зналъ, можно сказать, всѣ внутреннѣйшія его движенія и дѣйствія. Одно то, что въ жизнеописаніи изложены съ полною обстоятельностью самыя видѣнія благодатныя, коихъ сподоблялся неоднократно достойный ихъ старецъ-подвижникъ, и которыя, само собою, не могли быть предметомъ праздныхъ разлаголствій, а равно его богомудренныя изреченія, ясно свидѣтельствующія о самомъ ихъ происхожденіи, какъ плодахъ внутренняго богомыслия, (коихъ въ приложеніи къ жизнеописанію находится болѣе 70-ти),—одно это показываетъ съ одной стороны духовную близость и общеніе писавшаго жизнь, а съ другой и то, что содержаніе и самый духъ изложеннаго въ жизнеописаніи несомнѣнно переходили въ своей мѣрѣ въ душу и жизнь самого писавшаго (1). Притомъ самая долговременность

(1) Преосв. Антоній большинство этихъ изреченій зналъ наизусть и любилъ употреблять ихъ при должныхъ случаяхъ; нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ приговорокъ о. Пароенія часто и часто исходити изъ устъ преосв. Антонія. Въ бытность свою въ Киевѣ на торжествѣ юбилейномъ въ академи въ Сентѣбрѣ 1869 г. преосв. Антоній не пожела гь имѣть для себя помѣщеніе нигдѣ, какъ въ бывшихъ келляхъ о. Іеросх. Пароенія. По возвращеніи изъ Кіева говорилъ не разъ и многимъ: «Ну вотъ теперъ я снова повидѣлся съ батюшкою моимъ, какъ бы съ живымъ и набесѣдовался съ нимъ какъ бы усты ко устамъ; да и самыя его келли и церковка при нихъ были для меня краснорѣчивѣе и вдохновительнѣе всякихъ словесъ, навѣвая и вливая прямо въ душу, присущую въ нихъ, благодатную силу и живодѣйствіе».

общенія Антонія съ бывшимъ въ живыхъ о. іеросхим. Пароеніемъ. въ теченіи болѣе пятнадцати лѣтъ, давала ему всю доступность и возможность быть не празднымъ зрителемъ и слышателемъ всего лично видѣннаго и слышаннаго или узнаваемаго чрезъ посредство другихъ. Въ ряду же этихъ другихъ кто иной могъ вѣдать сокровенную жизнь и потаенныя дѣянія о. Пароенія, какъ болѣе всего высокопр. Филаретъ, который сперва въ 1838 г. самъ возложилъ схиму на него и избралъ его съ той поры себѣ въ духовники, а за тѣмъ отъ его руки и самъ воспріялъ, за 17 лѣтъ до своей кончины, этотъ же великій ангельскій образъ—схиму съ именемъ первоначальника Лавры св. преп. Θεодосія (1). Наконецъ, по словамъ преосв. Антонія, начато было имъ самое жизнеописаніе о. Пароенія по личному желанію высокопр. Филарета и составлялось подъ его же указаніями; потому все, вѣдомое послѣднимъ, было передано первому. Когда же жизнеописаніе было издано въ 1856 г., т. е. чрезъ годъ послѣ кончины о. Пароенія и за годъ до кончины самого митр. Филарета, то лишь прочитано было оно въ первый разъ по напечатаніи, въ слухъ Филарета, онъ сказалъ преосв. Антонію: „ну вотъ скоро, скоро придетъ тебѣ пора составлять и мое жизнеописаніе, такъ какъ ты вѣдалъ и видѣлъ всего меня и все мое, да и самъ былъ участникомъ во многомъ по праву и долгу и чувству личныхъ отношеній твоихъ сыновнихъ ко мнѣ и моихъ отеческихъ къ тебѣ...“ Съ этого именно времени, —(какъ сказано въ замѣткахъ преосв. Антонія) (2) „по собственному желанію, высказанному однажды Владыкою во время болѣзни, которую онъ считалъ если не предсмертною, то приближающею его къ скорой кончинѣ, и начаты были мною записываться съ его собственныхъ словъ свѣдѣнія о его жизни и служебной дѣятельности, хотя очень краткія и общія; такъ какъ, по его глубокому смире-

(1) Смотр. слово при погребеніи высокопр. Филарета, сказанное бывшимъ тогда Инспект. акад. архимандр. Іоанникіемъ, вышшимъ высокопр. Митр. Московскимъ.

(2) Смотр. въ предисловіи стран. I.

нію, онъ не позволялъ себѣ высказываться о томъ. въ чемъ особенно могли быть видны его добродѣтели“.— Преосв. Антоній успѣлъ, какъ уже сказано, составить и издать только одну часть самыхъ краткихъ замѣтокъ о жизни высокопр. Филарета. и потому, въ послѣдніе дни предъ кончиною, говорилъ между прочимъ: „ну какъ-то я явлюсь тамъ предъ лице Владыки-дяди, когда и изъ готоваго многаго не могъ кончить и краткаго изображенія его свѣтлаго лика“. Ему было отвѣчено на это: какъ по слову Премудраго *во время благопотребно Господь воздвигаетъ мужа*, такъ, полагать должно, *во время благопотребное же по воли Божіей бываетъ и извѣщеніе о жизни и дѣяніяхъ его*“.— Преосв. Антоній сказалъ въ какомъ-то раздумьѣ: „да, видно, такъ“.

Указанныя посѣщенія Лавры и особыя отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ—старцамъ со стороны студента Якова Амфитеатрова начались съ самаго перваго времени по поступленіи его въ Академію. Прямое вліяніе и непосредственныя послѣдствія этихъ посѣщеній мы уже видѣли изъ словъ самого посѣщавшаго, т. е. когда бывало онъ посѣщалъ Лавру, то чувствовалъ, что и возможный жаръ увлеченія тогдашними хвалеными философскими лекціями замѣтно остывалъ въ немъ и пр. Оказалось, что это было не въ душѣ только и не на словахъ, но отражалось на дѣлѣ, на самыхъ студенческихъ успѣхахъ въ теченіи именно перваго двухлѣтняго курса философскаго. Авторъ извѣстныхъ сѣдѣній ⁽¹⁾ утвердительно говоритъ, что „студенческіе успѣхи Амфитеатрова въ низшемъ (двухгодичномъ) общеобразовательномъ отдѣленіи были не самыя блестящія (какъ слѣдовало бы между тѣмъ ожидать). Первыя мѣста въ спискахъ по нѣкоторымъ предметамъ принадлежали въ это время не ему, а разнымъ другимъ его товарищамъ. Съ переходомъ же (въ 1837 г.) въ высшее богословское отдѣленіе успѣхи Я. Г. Амфитеатрова тотчасъ поднялись, и онъ, уже до конца всего академическаго курса, стоялъ первымъ въ спискахъ по всѣмъ предметамъ. Богословскія науки, очевидно, были гораздо

(1) Кіев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 47. стр. 10.

ближе его душѣ, болѣе отвѣчали складу его способностей, духу и характеру его настроенія“. — Къ этимъ, вполне вѣрнымъ, словамъ автора остается присовокупить еще то, что и самыя посѣщенія Лавры и пр. и выносимыя оттуда впечатлѣнія и вліянія возымѣли на слушавшаго богословскія науки прямое благотворное дѣйствіе въ противоположность значенію въ отношеніи къ наукамъ философскимъ. Наконецъ, какъ справедливо замѣтилъ и вышепомянутый авторъ, успѣхи Я. Г. Амфитеатрова обусловливались личными высокими достоинствами въ научномъ отношеніи бывшихъ въ ту пору профессоровъ богословія, въ первомъ ряду коихъ стояли — Иннокентій (Борисовъ), Димитрій (Муретовъ) и Я. К. Амфитеатровъ. Впрочемъ, что касается перваго, то лекціи его не плѣняли питомца богословія. Преосв. Антоній и впослѣдствіи всегда отзывался о лекціяхъ Иннокентія, не какъ о преподаваніи богословія, а какъ о богословскомъ философствованіи или философскомъ богословствованіи. На сколько правъ былъ въ своихъ сужденіяхъ преосв. Антоній, ясное подтвержденіе этому видимъ и въ исторической запискѣ о состояніи Кіевской академіи по случаю пятидесятилѣтняго юбилея. „Было даже время, — говорится въ этой запискѣ, — что Иннокентія, какъ профессора богословія, упрекали въ увлеченіяхъ, въ излишней смѣлости его богословско-философскихъ созерцаній и вообще оригинальности. Есть преданія, что самъ Иннокентій, въ сознаніи своихъ увлеченій, вытребовалъ въ свое время отъ студентовъ и сжегъ часть, записанныхъ ими, его лекцій, и что, написанныя нѣкоторыми изъ студентовъ подъ прямымъ вліяніемъ лекцій Иннокентія, курсовыя сочиненія были заподозрѣны въ неправомыслии, съ лишеніемъ даже авторовъ ихъ ученой степени“ (1). Во время студенчества преосв. Антонія въ богословскомъ отдѣленіи Иннокентій читалъ, „религіозистику“ или „основное Богословіе“. Догматическое же богословіе читалъ архимандритъ Димитрій (Муретовъ) и объ лекціяхъ послѣд-

(1) Пятидесятилѣтній юбилей Кіев. духовн. академіи 1869 г. стран. 96.

пяго преосв. Антоній сохранилъ неизмѣнно самое высокое понятіе и по содержанію и по направленію. Этими лекціями онъ пользовался при составленіи изданнаго имъ Догматическаго Богословія, такъ какъ и слушалъ ихъ въ свое время съ особеннымъ вниманіемъ и составлялъ записки по нимъ съ такою же тщательностію. Наконецъ, что касается до лекцій Як. К. Амфитеатрова по Гомилетикѣ, хотя въ ту пору еще не совсѣмъ оконченной, то эти лекціи производили на него истинное обаяніе. Не даромъ онъ просилъ Як. К—ча. еще въ бытность свою въ семинаріи, прислать ему гомилетическія лекціи ⁽¹⁾. Затѣмъ, когда преосв. Антоній былъ уже ректоромъ семинаріи и академіи, онъ и самъ обращалъ особенное вниманіе и давалъ преимущественную цѣну сочиненіямъ проповѣдническимъ; по нимъ онъ опредѣлялъ самое настроеніе духовно-религіозное, и всячески поощрялъ тѣхъ, въ комъ замѣчалъ даровитость въ этомъ отношеніи ⁽²⁾.

Выдаваясь съ такой отличной учебно-студенческой стороны, Як. Г. Амфитеатровъ не менѣе отличался настроеніемъ нравственнымъ и вообще, справедливо сказать, примѣрнымъ поведеніемъ по отношенію какъ лично къ себѣ, къ своимъ занятіямъ, такъ и къ товарищамъ. Изъ числа послѣднихъ въ его курсѣ, какъ оказалось впоследствии, было не малое число поступившихъ, подобно ему, въ монашество; но онъ, видимо, выдѣлялся и изъ среды даже этихъ послѣднихъ своимъ строгимъ настроеніемъ. И что замѣчательно, какъ ни странно обыкновенно бываетъ для самихъ же товарищей видѣть между собою подобную монахообразную отличительность въ комъ либо, чтобы не смотрѣть на нее какъ пубудь не двусмысленно..., но Я. Г. Амфитеатровъ составлялъ съ этой сто-

⁽¹⁾ Это очевидно въ письмѣ Як. Козмича отъ 6 Мая 1834 г. «Ты пишешь, что имѣешь сильную охоту читать мои лекціи, но онѣ не готовы вполнѣ; и если есть въ нихъ что дѣльное, то пока въ отрывкахъ... (страп. 36 въ Бюгр. очеркѣ).

⁽²⁾ По его же мысли и особенному желанію орд. проф. Гомилетики П. А. Фаворовымъ была составлена отдѣльная система этой науки и для преподаванія ея въ академіи было назначено увеличенное число классныхъ часовъ.

роны исключеніе. Последнее условливалось собственно тѣмъ, что, какъ говорится, онъ не казался, а дѣйствительно быть таковымъ... Съ другой стороны самыя стороны, выдающіяся въ немъ, были полныя достоинства на разумно-благородный взглядъ кого бы то ни было. Потому-то и не было двусмысленности какой либо; одинъ только В. И. Аскоченскій позволялъ себѣ нѣкоторыя выходы и остроты, и то болѣе задушевные и отнюдь не оскорблявшія ничьего чувства. По свидѣтельству одного, теперь уже высокоавторитетнаго лица ⁽¹⁾, бывало даже такъ, что, когда въ кругу товарищескомъ заводились напр. разговоры праздные и свойственные молодежи, и когда вдругъ появлялся Я. Г. Амфитеатровъ, сказанные разговоры отнюдь не продолжались. Самъ онъ лично хотя и держалъ себя скромно и какъ бы строго и вообще сосредоточенно, но чрезъ это не охлаждалъ отношеній къ себѣ другихъ, а вызывалъ прямую симпатію.

Товарищи дѣйствительно сознавали и цѣнили личныя достоинства Я. Г. Амф—ва, какъ одного изъ лучшихъ, и притомъ перваго изъ всѣхъ студентовъ. Для оправданія же этихъ самыхъ достоинствъ, очевидно, требовалось и отъ него многое сравнительно предъ другими, начиная съ того, чтобы слѣдить особенно внимательно за лекціями и усвоить ихъ, равно какъ обрабатывать съ достойною аккуратностію и студенческія свои сочиненія ⁽²⁾. Въ этомъ отношеніи и при отличныхъ дарованіяхъ нужны были не только усидчивые труды, но должно было быть цѣнимо и правильно' располагаемо и самое время, что и видѣли всѣ на дѣлѣ. Напр. хотя звонокъ для общаго вставанья утромъ былъ обыкновенно въ 6 часовъ, но студентъ Амфитеатровъ въ 5 уже былъ, какъ говорится, на ногахъ ⁽³⁾. Такая правильность и аккуратность преосв. Антонія сохранилась примѣрно-неизмѣнно навсегда. Онъ говаривалъ въ послѣдніе годы,

(1) Сообщено въ письмѣ его съ желаніемъ не обозначать его имени въ печати.

(2) Киев. епарх. вѣдом. 1879 г. № 47.

(3) Тамъ же.

что для него измѣниль часы и образъ дневныхъ занятій не составляло ничего, какъ бы ни были послѣднїя разнообразны и неблаговременны; но время отхожденїя ко сну, съ предварительнымъ выполненїемъ правилъ, а такъ же время вставанья утромъ было имъ всячески не нарушаемо... Къ такому порядку, по словамъ его, онъ прїучилъ себя, еще обучаясь въ академіи и даже отчасти въ семинаріи. Знающіе знаютъ, что и въ Кіевѣ, во все послѣдующее время его служенїя, и въ Смоленскѣ, и въ Казани. онъ не отказывался и отъ вечернихъ посѣщенїй кого либо и очень даже перѣдкихъ; за то далѣе опредѣленнаго срока. всегда одномѣрнаго, онъ, бывало, не просидить ни гдѣ.—И дома тоже, если случалось быть кому нибудь у него далѣе девяти часовъ—много съ половиною, онъ не только не удерживалъ посѣтителя, но по просту высказывался: „я что-то сегодня особенно умаялся... пора уже: *„И даждь намъ Владыко на сонъ грядущимъ покой тѣла и души!*

Въ студенческой жизни вообще веселость молодыхъ лѣтъ мало была доступна Я. Амфитеатрову; но онъ не былъ однако отрѣшенно безучастнымъ къ позволительнымъ развлеченїямъ и вообще къ прїятному проведению свободнаго времени. Прежде отчасти было указано, что онъ умѣлъ играть на гусляхъ и вообще любилъ музыку и пѣніе.—„Гусли въ тогдашнїя времена составляли одинъ изъ благородныхъ инструментовъ въ академіи и въ средѣ лицъ служащихъ (даже монашествующихъ). и между студентами. Я. Г. Амфитеатровъ слылъ за хорошаго знатока въ игрѣ на гусляхъ. Товарищи любили окружать его въ это время и сопровождали игру пѣніемъ, гдѣ В. И. Аскоченскій непремѣнно былъ во главѣ, какъ знатокъ и музыки и пѣнїя, чрезъ что, между прочимъ, онъ преимущественно сблизился съ Я. Г. Амфитеатровымъ. Любилъ пѣть и самъ игравшїи нѣкоторыя церковныя пѣсни, которыя были особенно ему по душѣ. Въ этомъ пѣнїи происходило так. обр. нѣчто въ родѣ спѣвокъ-рецетицій для церкви. гдѣ тоже онъ участвовалъ на лѣвомъ клиросѣ“ (1).

(1) Тамъ же и изъ разсказовъ.

Такимъ образомъ во все время академическаго образованія, а равно и семинарскаго, къ питомцу науки Я. Г. Амфитеатрову не только не имѣло приложенія древне-школьное прецепторское латинское изреченіе: *qui proficit in litteris et deficit in moribus,—plus deficit, quam proficit*; но, напротивъ, въ лицѣ и состояніи его отражалось самое счастливое и рѣдкостнѣйшее сочетаніе *litterarum et morum*; это былъ, говоря словами одного изъ писемъ Я. Козмича, тотъ „цвѣтокъ въ вертоградѣ духовнаго „просвѣщенія, который одинаково былъ и прекрасенъ и „благовоненъ, чтобы быть утѣхою и наслажденіемъ не „только людей, но и ангеловъ“, что и увѣнчалось дѣйствительно въ его призваніи къ принятію образа ангельскаго.

Правда, касательно указанныхъ достоинствъ студента Амфитеатрова по части успѣховъ въ высшемъ отдѣленіи, бывали глухія мнѣнія, что будто такое достоинство не-независѣло отъ отношеній его и обратно къ нему Як. Куз. Амфитеатрова, а равно отъ такихъ же отношеній въ лицѣ высокопр. Митр. Филарета—его дяди, прибывшаго въ Кіевъ, какъ разъ, предъ началомъ этого богословскаго курса ⁽¹⁾. Но эта сторона медали именно такова, что можно было указывать на нее развѣ только глухо, въ тихомолку, какъ опровергавшуюся тогда же самымъ нагляднымъ образомъ. Такъ, что касается личныхъ отношеній между двумя двоюродными братьями Яковами—старшимъ профессоромъ и младшимъ студентомъ, то во 1-хъ извѣстно, уже изъ самой переписки, значеніе этихъ отношеній; во вторыхъ довольно знать, какъ держалъ себя Як. Козмичъ въ академіи и какимъ знали его всѣ самые даже студенты, чтобы видѣть, чего можно было ожидать отъ него въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ къ своему двоюродному брату. Для Як. Коз—ча студенты всѣ были тоже, что

(1) Эти мысли намекомъ проведены были и въ послѣднее время, именно при первомъ извѣстии о кончинѣ высокопр. Антонія. (Смотр. напр. корреспонденци въ Нов. Времен. и Церк. Общ. Вѣстникѣ въ Ноябрь. 1879 г.). Но эти корреспонденци, очевидно, были не *ex mente*, а *ex suo ventre*.

братья. Къ особенной чести, (говорится въ его біограф. очеркѣ) всѣ студенты добивались отъ своего *Козмича* искренняго „ты“ вмѣсто церемоннаго „вы“ и соревновали тому, кого онъ удостоивалъ такого своего откровенно-дружескаго обращенія; а такихъ счастливицевъ въ каждомъ академическомъ курсѣ находилось довольно, именно тѣхъ, кои отличались благонаравіемъ и успѣхами. Онъ дѣлился съ ними всею задушевностію и чувствъ и познаній и даже матеріальною собственностію. Верхъ былъ для него утѣшенія, когда онъ видѣлъ, что такое его общеніе оправдывалось; „спасибо тебѣ, голубенокъ мой, говоривалъ онъ всякому при этомъ; я зналъ, что изъ тебя будетъ прокъ“ (1). Слѣдуетъ ли отсюда, хотя какая либо, доля тѣни на счетъ отношеній взаимныхъ между нимъ и двоюроднымъ братомъ и при томъ лучшимъ изъ всѣхъ лучшихъ студентовъ?!

Напротивъ, судя по тому, о чемъ мы съ своей стороны хотѣли было пройти молчаніемъ, но на что уже сдѣлано указаніе у извѣстнаго автора (2), т. е. что Я. К. Амф—въ имѣлъ, къ прискорбію, своего рода недугъ, повторявшійся у него періодически, и что, съ изъдѣтства привязанный къ нему душой, братъ-младшій Яковъ всегда спѣшилъ къ нему на помощь и всякую полезную услугу при подобныхъ недугахъ,—судя, говоримъ, по этому, всякій здраво и благородно тогда же понималъ и даже особенно цѣнили всѣ такія истинно-родственныя отношенія, при коихъ, по собственнымъ воспоминаніямъ преосв. Антонія, приходилось ему иногда проводить цѣлыя ночи до самопожертвованія и здоровьемъ и удобствами для студенческихъ занятій... Подобныя воспоминанія бывали не рѣдки и, главное, были живымъ отраженіемъ въ душѣ и состояніи преосв. Антонія того, такъ сказать, накипѣвшаго чувства состраданія, какое имѣлъ и выражалъ онъ при видѣ бывшей слабости своего глубокачимаго брата. Все это обыкновенно проявлялось въ тѣхъ случаяхъ, когда Владыка получалъ напр. рѣ-

(1) Смотр. біограф. очеркъ—стр. 136—137.

(2) Смотр. Клев. епарх. вѣдомости № 47 1879 г. стр. 10.

порты о лицахъ съ такими же недугами, или прочитывать консисторскіе журналы съ опредѣленіями касательно такихъ лицъ... Въ этомъ случаѣ не трудно было подмѣтить его чувствованія или точнѣе борьбу между закономъ и долгомъ и между его собственнымъ благосердіемъ и готовностію къ возможному снисхожденію, или, во всякомъ случаѣ, къ тому, какія бы употребить мѣры и средства къ поднятію впадающихъ въ эту слабость. Пишущему, по званію и должности Настоятеля монастыря, приводилось не однажды слышать отъ него: „возми-ка ты въ свою обитель такого-то и постарайся приложить пластырь—доброе усердіе и вліяніе“... Потомъ, бывало, спрашивалъ: „ну что!? какъ имѣлъ себя N N во все время и есть ли надежда въ будущемъ?! И всякій отвѣтъ искренній, утвердительный принималъ съ отраднымъ чувствомъ.

Такъ же точно, чтобы опредѣлить истинное значеніе отношеній высокопреосв. Филарета къ своему племяннику-студенту, довольно только припомнить, кѣмъ былъ первый для послѣдняго отъ дней самаго дѣтства. Со стороны послѣдняго, болѣе чѣмъ естественно, входило одно главнѣйшее, чтобы сколько изъ личныхъ чувствъ родственныхъ, столько, если угодно, изъ благороднаго гонора всячески стараться оправдать указываемыя отношенія. Со стороны же перваго и какъ дяди, и какъ Митрополита было бы даже странно не имѣть не только вліянія, но даже и поощренія въ дѣлѣ успѣховъ своего племянника, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ его отличныя дарованія,—поощренія, чтобы онъ могъ быть лучшимъ изъ студентовъ. Вопросъ только въ томъ, въ чемъ и какъ все это проявлялось?

Извѣстный авторъ свѣдѣній о преосв. Антоніи даетъ отвѣтъ на это прямой такой: „Понятно, что самая встрѣча въ Кіевѣ, въ описываемую пору, дяди Митрополита и племянника студента для обоихъ была особенно радостна, и что теперь и тотъ, и другой не представляли себѣ будущаго призванія и предназначенія иначе, какъ въ видахъ высшаго служенія Церкви и именно въ званіи иноческомъ. Тогда впрочемъ считалось самымъ ес-

тественнымъ и обычнымъ то, чтобы лучшіе студенты поступали въ монашество; Я. Г. Амф—въ считался такимъ въ своемъ курсѣ“ (1).

Эти слова, само собою, не новы для читателей, помнящихъ, что было уже сказано въ началѣ о монахолюбіи митр. Филарета вообще и въ отношеніи къ монашеству ученому. Для большей полноты и ясности мы приведемъ подлинныя слова одного воспоминателя изъ бывшихъ студентовъ же Академіи собственно по этому предмету.—„Мы знали его (высокопр. Филарета), какъ доблестнѣйшаго подвижника, умѣвшаго при томъ и воспитывать подвижниковъ. И подлинно, онъ столько любилъ монашество, что, казалось, и насъ всѣхъ студентовъ академіи желалъ бы видѣть монахами. Во всякомъ случаѣ съ особенною любовію благословлялъ онъ на сей св. путь, избравшихъ его себѣ, студентовъ и съ особеннымъ вниманіемъ постоянно относился, при всѣхъ посѣщеніяхъ Академіи, къ монашествующимъ изъ студентовъ, поощряя ихъ во всемъ подобающемъ для нихъ состояніи, начиная съ успѣховъ въ наукахъ, говоря имъ прямо, что и успѣхи ихъ должны быть непременно доброплодны и свидѣтельствовать о ихъ внутреннемъ настроеніи, соответственномъ ихъ званію, такъ чтобы самое ученіе ихъ въ Академіи было духовно-иноческимъ подвигомъ“ (2).

Нужно ли же спрашивать: на комъ ближе всего и сильнѣе должно было отразиться такое вліяніе и расположеніе со стороны Филарета къ поступленію въ монашество, какъ не на лучшемъ студентѣ и любимомъ родномъ племянникѣ, котораго онъ, въ отличіе отъ другихъ, именовалъ своимъ *сыномъ первенцемъ*?! „Правда, Я. Г. Амф—въ, говоритъ тотъ же авторъ, не принялъ постриженія ни во время студенчества (хотя это бывало не рѣдко), ни даже тотчасъ по окончаніи курса, (что бывало чаще); но, по всей вѣроятности, самъ же дядя вы-

(1) Клев. епарх. вѣдомости № 47, стр. 11.

(2) Изъ матеріала для жизнеописанія высокопр. Филарета; и еще смотр. Душеполезное Чтеніе, Октябрь 1865 г.

сокопр. Филаретъ или двоюродный братъ Як. Козмичь сдерживали и самый порывъ аскетическій молодаго призванника къ монашеству. предоставляя ему утвердиться въ принятомъ рѣшеніи уже впоследствии, по вступленіи на путь самостоятельной жизни“ (1).

Признавая, высказанную авторомъ, вѣроятность совершенно естественною, мы знаемъ, тѣмъ не менѣе, изъ рассказовъ и самыхъ писемъ преосв. Антонія, что онъ имѣлъ свои причины и побужденія, чтобы помедлить принятіемъ монашества, истекавшія сколько изъ родственныхъ чувствъ и отношеній, столько же изъ его собственнаго состоянія. Такъ самую первую вакацію, по окончаніи академическаго курса до времени утвержденія его Баккалавромъ въ Сентябрѣ 1839 г., онъ пожелалъ употребить и употребилъ на поѣздку въ Калугу и Орловскую губернію. Въ первомъ мѣстѣ онъ желалъ исполнить свой сыновній долгъ по отношенію къ родительницѣ и родителю. чтобы отъ первой лично получить пока совѣтъ. а у втораго молитвенно на его могилѣ испросить себѣ благословеніе хотя и на потаенную еще въ немъ мысль о поступленіи въ монашество.—Родительница его сколько ни предвидѣла и сама такое призваніе въ своемъ сынѣ, но мысль, что онъ у нея одинъ изъ всѣхъ дѣтей, и что она, при его монашествѣ, должна оставаться и впредь навсегда на чужой опекаѣ, сильно опечалила ее; равно и меня привела въ сильную грусть, говорилъ преосв. Антоній; потому я и не высказывалъ ей своихъ намѣреній, какъ рѣшительныхъ. Къ тому же, сказать по правдѣ, подъ влияніемъ, особенно въ ту пору выражавшихся ко мнѣ, чувствъ любви отъ всѣхъ родныхъ, я и самъ какъ-то растрогался и старался уже не показывать и вида по части своихъ предположеній и намѣреній о монашествѣ. Наконецъ, такъ какъ въ эту же пору калужскіе родные, а съ ними и я, должны были отправиться въ Орловскую губернію къ тамошнимъ роднымъ по приглашенію на свадьбу, то тутъ уже я и порядочно развлекся и разсѣялся въ своихъ даже мысляхъ и настроеніи. Са-

(1) Киев. епарх. вѣдомости 1879 г. стран. 11.

мое мое возвращеніе въ Кіевъ сопровождалось тоже особенною пріятною веселою обстановкою; мы ѣхали цѣлымъ обозомъ потому, что, непосредственно послѣ свадьбы⁽¹⁾, всѣ родные, и калужскіе и орловскіе, начиная съ новобрачныхъ, собрались ѣхать въ Кіевъ для свиданія съ Владыкою Филаретомъ. Всѣ эти впечатлѣнія какъ-то особенно живо, по крайней мѣрѣ небывало для меня, толмашались у меня въ головѣ и тѣмъ болѣе, что Яковъ Козмиць съ своей стороны тоже вторилъ мнѣ частенько. Такимъ образомъ почти въ цѣлый первый годъ, особливо при новости служебнаго положенія, было не до мысли и тѣмъ болѣе до рѣшимости относительно монашества“.

Такое состояніе преосв. Антонія, кромѣ достовѣрности его личнаго разсказа, вполнѣ свидѣтельствуется однимъ изъ его писемъ къ калужскимъ роднымъ, писаннымъ почти ровно чрезъ годъ. Въ письмѣ этомъ сначала прямо говорится, что онъ и на другой-то годъ собирался было ѣхать въ Калугу, о чемъ и писалъ еще прежде, какъ о непремѣнномъ своемъ желаніи и намѣреніи, а потомъ, въ концѣ концовъ, выражается и послѣднее слово о монашествѣ.—Приводимъ здѣсь болѣе существенныя выдержки изъ подлиннаго письма, посланнаго къ калужскимъ роднымъ отъ 9-го Іюля 1840 г., какъ разъ наканунѣ подачи самаго прошенія о постриженіи въ монашество. „Дорогіе и вселюбезнѣйшіе мои родные! Вы вѣрно ожидаете меня со дня на день въ Калугу; вѣрно уже не разъ переходили Оку, желая встрѣтить меня на дорогѣ и обнять. Это я знаю, ибо знаю, какъ вы всѣ любите меня, особенно какъ вы, добрыя дѣти ласковыя ко мнѣ; вы даже не отвѣчаете на то письмо, въ которомъ я извѣщалъ васъ, что Владыка не благословляетъ меня ѣхать, и просилъ я у Васъ, любезнѣйшій Петръ Степановичъ, рѣшительнаго совѣта на то: хорошо ли, благо-разумно ли ѣхать при такихъ обстоятельствахъ, когда у васъ голодъ и необыкновенная дороговизна, и дороги

(1) Свадьба эта была по случаю женитьбы на племянницѣ выскопр. Филарета однокурсника товарища преосв. Антонія Алексѣя Алексѣевича Петина—нынѣшняго архіепископа Полтавскаго, о которомъ была рѣчь еще прежде.

очень небезопасны и почти совѣмъ нѣтъ извощиковъ. Развѣ вы не получали этого письма, посланнаго, кажется, еще 14-го Юня? Въ такомъ случаѣ очень жаль и крайне досадно, потому что вы напрасно безпокоитесь, дожидаясь меня. Я рѣшительно сижу дома и мы не увидимся, необнимемъ другъ друга. Грустно это и мнѣ, какъ и вамъ, моя дорогая—маменька, мой благодѣтель Петръ Степановичъ, мои любезныя дѣти. Грустно, очень грустно! Но вѣрно такъ должно быть. Видить Богъ, что я всею душою собирался къ вамъ и былъ увѣренъ, что буду въ Калугѣ. Вдругъ откуда ни взялась у Владыки мысль рѣшительная, что безразсудно и совѣмъ недолжно ѣхать въ такое неблагополучное время. Слово Владыки для меня сильно; я увѣренъ, что всегда слышу изъ устъ его для себя голосъ самого Промысла, а потому я никакъ не могъ слишкомъ долго и горячо настаивать вопреки его волѣ. И такъ полно вамъ и мнѣ скучать и досадовать, и браниться, и сердиться, что не сбылось наше предположеніе... Пусть будетъ, что Богу угодно. Потрудитесь, сдѣлайте одолженіе, писать ко мнѣ подробно о домашнихъ дѣлахъ вашихъ и вашихъ намѣреніяхъ и планахъ. *Я никогда не буду имѣть своего семейства, а Ваше—мое родное и я чрезвычайно о немъ забочусь душою. Маменька, безъ сомнѣнія, продолжаетъ свое попеченіе о внучкахъ. Что же касается до меня, то молю Васъ, наконецъ благословите уже меня рѣшиться исполнить свое намѣреніе.* Надобно, чтобы самъ Владыка успѣлъ облечь меня въ черную ризу, пока не уѣдетъ въ Питеръ. А какъ неизвѣстно, возвратится ли онъ на слѣдующій годъ, то надобно, чтобы это исполнилось въ нынѣшнемъ же году. Правда, *какая-то нерѣшимость овладела было мною; но я наконецъ рѣшился завтра же на память св. препод. Антонія Печерскаго* подать свое прошеніе Владыкѣ. Помолитесь же о мнѣ всѣ крѣпко и усердно и напутствуйте своими родственными благожеланіями. Черезъ мѣсяцъ буду ожидать рѣшенія отъ Св. Синода“. „Я живу теперь большею частію въ Св. Лаврѣ (1),

(1) Жилъ, по словамъ его, именно въ самыхъ келліяхъ о. Иеросхимонаха Пароенія.

и здѣсь намѣрень принять постриженіе въ какой нибудь пещерской церкви.— *Дасте* рублей—первая лепта моя роднымъ отъ избытка моего. Прощайте! обнимаю васъ всѣхъ и цѣлую“.

Что касается до родительницы преосв. Антонія, то она, на первыхъ же порахъ по припятіи имъ монашества, наложила-было на него крестъ испытанія... Дѣло въ томъ, что самъ преосв. Антоній неосторожно обнадеживалъ ея тѣмъ, что она можетъ пріѣхать въ Кіевъ и житьъ тутъ; она и не замедлила скорѣ же явиться. Но Владыка Филаретъ сразу взглянулъ на это совершенно иначе... Неизвѣстно намъ, какъ онъ поступилъ непосредственно при личномъ свиданіи съ прибывшею гостьей-старицею, за то ясно и безцеремонно писалъ тогда же Владыка Филаретъ опекуну П. С. Алексинскому слѣдующее: „Мнѣ не очень пріятно, или, лучше сказать, очень непріятно, что Татіана Григорьевна оставила своихъ кровныхъ въ Калугѣ, перебравшись, какъ видно, совсѣмъ сюда. Впрочемъ я постараюсь всячески проводить ее отсюда къ вамъ. Ей не слѣдъ оставлять Калугу, гдѣ для нея положено столько залоговъ родственныхъ.—Да и *для о. Антонія былъ бы крестъ* довольно тяжкій имѣть ее при себѣ. Намъ,—монахамъ, нѣтъ приличія, ни удобства нянчиться съ родными особенно женскаго пола.—Другое дѣло доставлять содержаніе. Это есть наша обязанность“. Уже впоследствии (послѣ пятидесятихъ годовъ) высокопреосв. Филаретъ согласился, чтобы старушка перѣехала на жительство въ Кіевъ гдѣ и „доживала, по словамъ автора, послѣдніе свои годы, помѣщаясь въ домѣ одного, особенно дружнаго съ сыномъ ея (бывшаго сослуживца ему по семинарской службѣ) о. протоіеря Д. М. Смолодовича и изо-дня въ день выдаясь съ сыномъ по самой близости къ Академіи, въ которой въ это время преосв. Антоній состоялъ Ректоромъ. Онъ отдалъ ей и послѣдній долгъ, оплакавъ кончину ея (1) съ са-

(1) Матушка Татіана Григорьевна скончалась въ 1856 году въ августѣ, почти въ самый день коронаціи. Это обстоятельство имѣло свою замѣчательность, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ по порядку времени.

мою нѣжною сыновнею любовію, которая сохранила всю свою живость въ его аскетически настроенной душѣ“ (1).

Итакъ, послѣ этого небольшого эпизода, обращаясь къ оставленной впереди рѣчи, каждый видитъ и долженъ убѣдиться въ томъ же, въ чемъ, по словамъ автора, глубоко искренно убѣждены были въ свое время самые товарищи по Академіи, т. е. что принятіе Як. Гав. Амф—вымъ монашества было плодомъ, давно и твердо сложившагося, направленія и потому было глубоко-искреннимъ, безукоризненно чистымъ и даже строгимъ. Не будь даже и самаго высокопр. Филарета и взаимныхъ отношеній между дядей и племянникомъ, непринятіе послѣднимъ монашества было бы скорѣе чѣмъ-то недомыслимымъ (2).

И замѣчательно, что окончательная рѣшимость призванника къ монашеству созрѣла и проявилась самымъ дѣломъ въ отсутствіе высокопр. Филарета. Послѣдній, съ конца 1839 года до весны 1840 г., по званію члена Св. Синода, находился въ Петербургѣ. Нельзя не замѣтить здѣсь и того факта, что о желаніи и готовности Я. Г. Амф—ва принять монашество зналъ и преосв. Иннокентій, который принималъ въ этомъ дѣлѣ личное участіе въ значеніи даже посредничества между призванникомъ къ монашеству и самимъ высокопр. Филаретомъ. Это очевидно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ въ письмѣ (отъ 7-го Мая 1840 г.), писанномъ изъ С.-Петербурга Филаретомъ къ Иннокентію. „*Малаго Якова* я отнюдь не тороплю къ рѣшимости, но совершенно предоставляю избраніе состоянія волѣ его, а совершеніе—Волѣ Божіей“. Послѣ уже этого вскорѣ и обратился *малый Яковъ* съ рѣшительнымъ изъявленіемъ своему дядѣ-Филарету своего желанія, и оттуда же изъ Петербурга послѣдовалъ отвѣтъ о согласіи послѣдняго. Къ прискорбію мы не имѣемъ теперь этого отвѣтнаго письма, чтобы привести его въ подлинникъ (3). Во всякомъ случаѣ,

(1) Кіев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 47 стр. 13.

(2) Тамъ же.

(3) Это письмо въ послѣднее время и самъ покойный владыка

содержаніе его можетъ быть понятно всякому изъ внимательно прослѣдившихъ все изложенное по этому предмету. Намъ, читавшимъ не разъ подлинное письмо, извѣстно, что главная мысль и содержаніе его заключалось въ томъ, что высокопр. Филарету было особенно приятно, что его надежды оправдались, и что оправдывающей ихъ на себѣ поступилъ въ столь важномъ намѣреніи не слѣща и самостоятельно. Въ частности же Первосвяtitель вручалъ юнаго призванника къ священно-иночеству свышнему покрову Пречистой Богородицы и св. первооснователей иноческаго житія въ Россіи и самой Лавры—преподобныхъ Антонія и Феодосія. Изъ видимыхъ же живыхъ руководителей для него былъ указанъ именно о. Пареній, который и былъ при самомъ постриженіи его духовнымъ отцемъ-восприемнымъ. Самое же постриженіе въ монашество совершено было высокопр. Митрополитомъ Филаретомъ 12 Сентября 1840 г. въ Кресто-воздвиженской церкви, что на верху Антоніевыхъ, или ближнихъ пещеръ. Въ соотвѣтствіе сему наречено было новопостриженнику имя *Антоній*, такъ какъ и самое прошеніе о монашествѣ было подано въ день памяти св. Антонія Печерекаго 10-го Юля. А какъ самъ высокопр. Филаретъ вмѣстѣ съ схимничествомъ принялъ имя *Феодосія*, то нельзя не видѣть въ этомъ сочетаніи именъ своего рода знаменательности, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что духовно-благодатное общеніе этихъ, прославленныхъ уже, Первооснователей иноческаго житія и самой Лавры вмѣстѣ съ ихъ именами было особенно присуще и дѣйственно надъ ихъ „соземениками“ въ мѣру и силу ихъ благоговѣйнаго святопочитанія и посылно ревностнаго хожденія по стопамъ ихъ, „во еже, по изреченію церковному, по именамъ ихъ быти тако и житію ихъ“.

Антоній озабоченно отыскивалъ, и, не знаемъ, нашелъ ли онъ его въ числѣ прочихъ,—хотя оно и было нами же пронумеровано по порядку времени въ числѣ материаловъ.

ОТДѢЛЪ II.

(1839—1859 г.)

ГЛАВА V.

Во окончаніи академическаго курса и по утвержденіи въ степени магистра, Яковъ Г. Амфитеатровъ былъ опредѣленъ Св. Синодомъ Баккалавромъ (по нынѣшнему Доцентомъ) Греческаго языка въ той же Кіевской академіи ^{27 Сентября} ~~31 Декабря~~ 1839 года. За тѣмъ, по постриженіи въ монашество 12-го Сентября 1840 года, рукоположенъ былъ во іеродіаконы 14-го Сентября и во іеромонахи 15 ч. того же мѣсяца.

Порученный ему для преподаванія. учебный предметъ — Греческій языкъ, по общепринятымъ взглядамъ, понимается и до днесь не очень многозначущимъ. или приурочивается, обыкновенно, къ такъ называемымъ специальностямъ, равно какъ и изучается онъ, болѣе всего, лишь избранниками— „ex amore“. Излишне и неумѣстно говорить здѣсь. какъ эти взгляды и сужденія противорѣчатъ существенному истинному понятію о классическихъ языкахъ, въ особенности же Греческомъ и собственно для насъ славяно-руссомъ. Мы не можемъ не сказать только одного, чему были свидѣтелями: во первыхъ преосв. Антоній обладалъ весьма основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, особенно Греческаго, и во вторыхъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, онъ. бывши еще въ Смоленскѣ, явился первымъ ревнителемъ и дѣйствователемъ въ проэктѣ о преобразованіяхъ нашихъ среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній, гдѣ у не-

го. между прочимъ, имѣлъ свос, по достоинству, мѣсто и значеніе и вопросъ о древнихъ языкахъ. преподаваніе коихъ приходило въ ту пору въ крайнее ослабленіе, особенно въ семинаріяхъ. Съ самаго же перваго времени преподаванія Греческаго языка въ Академіи онъ со всею любовію взялся за этотъ языкъ, и только, по его собственнымъ словамъ, сдѣлалъ большую ошибку, что изучалъ его не прямо по оригиналу, по классикамъ, а при пособіяхъ переводовъ и, къ прискорбію, французскихъ. Во всякомъ случаѣ онъ обладалъ основательнымъ знаніемъ Греческаго языка особенно по тексту Новозавѣтному, и вообще богословскому ⁽¹⁾. Меньше зналъ онъ его съ историко-филологической стороны; за то относился всегда къ филологическимъ изъясненіямъ съ полнымъ вниманіемъ, чему способствовалъ ему его особенно-строгій и твердый логическій анализъ.—Любилъ, впрочемъ изрѣдка, къ случаю, высказывать и свои остроты или анекдоты на счетъ филологичности. На нынѣшнюю систему классицизма, собственно по части преподаванія, смотрѣлъ не вполнѣ сочувственно и главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что и учебники и самые методы чужеродные, и что слишкомъ много тратится времени, и при томъ безъ всякаго почти приложенія къ изученію роднаго языка и русской словесности. Въ доказательство этихъ недостатковъ преосв. Антоній обыкновенно указывалъ на былыя времена, основывая эти указанія на опытахъ его личныхъ, начиная съ практики его собственной даже въ училищѣ, гдѣ,—какъ сейчасъ увидимъ,—онъ состоялъ ректоромъ одного изъ духовныхъ училищъ въ Кіевѣ же—совмѣстно съ бакалаврствомъ въ Академіи.

Какъ и почему выпало на долю бакалавра Акаде-

(1) Въ этомъ отношеніи онъ обладалъ огромнымъ знаніемъ на память весьма многихъ, если не всѣхъ, классическихъ (т. е. входящихъ въ учебныя богословскія системы) текстовъ,—чѣмъ онъ обязанъ былъ, по его словамъ, своимъ трудамъ по составленію Догматическаго Богословія, такъ какъ приводимые тексты онъ провѣрялъ съ подлиннаго греческаго. Потому на экзаменахъ и при домашнихъ бесѣдахъ нужно было быть всегда на сторожѣ. что вотъ-вотъ спросить: «а какъ стоятъ въ Греческомъ текстѣ тотъ или другой терминъ или цѣлое выраженіе?» хотя зналъ это самъ твердо.

ми, въ эту пору уже іеромонаха, Антонія назначеніе быть одновременно и ректоромъ духовнаго училища. въ отвѣтъ на это мы ограничимся только нѣсколькими главными свѣдѣніями. Учрежденіе этого училища совпадаетъ, по времени, съ началомъ служенія преосв. Антонія и произошло не по мысли только и инициативѣ высокопреосв. Филарета, но и совершилось на его почти исключительныя средства, такъ что по всѣмъ правамъ это училище должно быть наименовано „Филаретовскимъ“. Вотъ свидѣтельство объ этомъ, изреченное предъ гробомъ въ Бозѣ почившаго Основателя этого училища. „Милосердый Архипастыръ нашъ, нашъ истый Филаретъ милостивый, основавши въ своемъ Софійскомъ митрополитанскомъ домѣ (въ 1839 г.) духовное училище, изъявилъ тогда же свою благую волю, ежегодно на полномъ иждивеніи содержать въ семь училищъ сорокъ воспитанниковъ сиротъ. И вотъ съ тѣхъ поръ по настоящее роковое время кончины (въ 1857 г.) въ теченіи слѣдовательно 18-ти лѣтъ, сорокъ безпріютныхъ, беззащитныхъ сиротъ ежегодно находили себѣ и пристанище и покровъ въ дому первоначальнаго воспитанія и ученія православнаго и чрезъ это имѣли постоянные способы не только одѣться и прокормиться, а и просвѣтить себя свѣтомъ ученія Христова и, чрезъ все это, приготовить какъ къ дальнѣйшему образованію, такъ и къ достойному вступленію на благочестивое служеніе Церкви и отечеству“ (1). И нужно замѣтить, что въ числѣ призрѣваемыхъ и обучавшихся въ этомъ училищѣ, кромѣ дѣтей духовнаго званія находились ученики изъ разныхъ званій и чиновниковъ, и мѣщанъ, и штатныхъ служителей (монастырско-митрополитанскихъ), и наконецъ новокрещенцевъ изъ евреевъ, для коихъ всѣхъ, сверхъ 40 сказанныхъ казеннокоштныхъ вакансій, были дѣлаемы особыя вспомошествованія ежегодныя тѣмъ же Первосвятителемъ (2). „Поэтому-то (какъ сказано въ опи-

(1) Рѣчь, сказанная бывшимъ ректоромъ Клево-Софійскаго училища предъ самымъ опущеніемъ тѣла въ могилу въ Бозѣ почившаго Митроп. Филарета.

(2) Смотр. Историч. описаніе этого училища—Киевск. епарх. вѣдом. 1868 г.

саніи этого училища) невольно благоговѣшь къ памяти въ Возѣ почившаго основателя и покровителя, слѣдя за всѣми разнообразными его благодѣянiями этому училищу. Какъ нѣжно любящій отецъ съ родными своими дѣтми. онъ дѣлился съ учениками-сиротами какъ будто однимъ кускомъ насущнаго хлѣба (1).

Въ виду однѣхъ этихъ только свѣдѣній, кто сталъ бы сомнѣваться, что столь отечески радѣвшій объ устройствѣ своего разсадника въ матеріальныхъ отношенiяхъ. благосердый основатель и покровитель его еще болѣе былъ озабоченъ выборомъ достойнаго и благонадежнаго главнаго приставника, особливо на самыхъ первыхъ порахъ. Жребій же такого выбора на кого всего ближе и прямѣ могъ выпасть, какъ на не того, кто самъ былъ для него и *дитей его сердца*, и обязанъ былъ его же попеченiямъ и матеріальнымъ и учебно-нравственнымъ воспитанiемъ своимъ, и наконецъ извѣстенъ ему былъ тѣмъ направленiемъ и состоянiемъ, которыя онъ только-что увѣнчалъ сугубыми обѣтами призванiя своего на служеніе Церкви и въ частности дѣлу духовнаго воспитанiя и образованiя?!—Кто какъ не достойный ученый инокъ-Антоній? Назначеніе его на эту должность хотя шло путемъ формальнымъ чрезъ Академическое Правленіе и состоялось съ утвержденiя Св. Синода, но все-таки зависѣло отъ исключительнаго распоряженiя высокопр. Филарета. Преосвящен. Антоній припоминалъ даже самую флюву своего дяди-Владыки, который имѣлъ въ этомъ дѣлѣ и другую сторону и цѣль въ отношенiи къ самому назначаемому. „Я самъ,—были слова Влад. Филарета,—началъ службу учебную съ низшихъ классовъ, а затѣмъ,—о чемъ и во снѣ конечно не гадалъ,—попалъ даже въ Ректоры Академіи. Ты же, хотя попалъ на службу прямо въ Академію, но, какъ теперь монахъ, не отрицайся принять и это

(1) Тамъ же. Понятно, какова была, ежегодная и взятая въ сложности за всѣ 13-ть лѣтъ, цифра всѣхъ матеріальныхъ благодѣній; но этого мало. Онъ *не забылъ* и въ своемъ духовномъ завѣщанiи *мамыхъ сихъ и сирыхъ*, назначивши въ пользу ихъ половину всего оставшагося послѣ него капитала въ количествѣ 1586 р. 25 к. (Смотр. въ рѣчи надгробной въ подстрочн. текстѣ).

служеніе въ низшемъ заведеніи, какъ возлагаемое на тебя послушаніе. Есть пословица: „плохой тотъ генераль, который не могъ быть хорошимъ простымъ солдатомъ“. И я тебѣ говорю, пачинай снизу съ самаго основанія и тогда, если Господь судить дойти и до верху заслуженнаго, первое будетъ всегда на пользу особенную и для втораго-высшаго въ дѣлѣ опытности“. При такихъ мудро-практическихъ, сколько и сердечно-назидательныхъ словахъ, что могло слѣдовать, въ комъ угодно, какъ не одно сочувственное желаніе и готовность оправдать ихъ самымъ дѣломъ, дабы воспользоваться и самыми плодами такого дѣланія въ будущемъ.

Въ чемъ и какъ именно оправдалось со стороны новоопредѣленнаго Ректора это назначеніе, мы не можемъ указать никакихъ особенныхъ фактическихъ данныхъ; да и по самой недолговременности (съ 16-го Декабря 1840 г. по 2-е Сентября 1841 г.) было бы неосновательно требовать какихъ либо особенныхъ заслугъ. Несомнѣнно только, что какъ со стороны самаго учредителя и покровителя училища было самое полное отеческое участіе, такъ и со стороны перваго главнаго приставника были употреблены вся энергія и соотвѣтственное искреннѣйшее участіе, чтобы положить первое прочное и надежное основаніе и направленіе для будущаго. Впрочемъ, такъ какъ, вслѣдъ за этимъ, Баккалавръ Академіи и Ректоръ Софійскаго училища, Геромонахъ Антоній былъ назначенъ Инспекторомъ кievской духовной Семинаріи, то, на основаніи тогдашнихъ уставовъ для семинарій и училищъ, поставлявшихъ послѣднія въ самыхъ близкихъ и прямо подчиненныхъ во всѣхъ частяхъ отношеній и условіяхъ, новая должность Инспектора давала ему законныя права для его вліянія на то же училище.—При томъ самъ высокопреосв. Филаретъ, по рассказамъ преосв. Антонія, давалъ ему свои особыя, касавшіяся сего училища, порученія: а когда самъ посѣщалъ Софійское училище, и частнымъ и официальнымъ образомъ, почти всегда имѣлъ его же своимъ сопутникомъ. Это продолжалось даже и тогда, когда преосв. Антоній былъ ректоромъ не только Семинаріи, но и Академіи,—однимъ

словомъ, продолжалось до самой кончины высокопреосв. Филарета.

Назначеніе Иеромонаха Антонія на инспекторскую должность въ Семинаріи состоялось по опредѣленію Св. Синода 1841 г. Іюля 19-го. Но оно произошло помимо обыкновенной процедуры, т. е. не по представленію отъ академическаго Правленія, а по личному отъ самаго высокопр. Филарета, какъ значится и въ формулярномъ спискѣ. Сдѣлалось это такъ потому, что высокопр. Филаретъ, находясь въ это время въ Петербургѣ, какъ Членъ Св. Синода, самъ возымѣлъ это намѣреніе и сдѣлалъ представленіе, не давши знать предварительно не только академическому начальству, но и самому кандидату. Нельзя не замѣтить, что перемѣщеніе на должность Инспектора семинаріи съ должности Баккалавра академіи. по понятію о карьерѣ и о самомъ рангѣ по службѣ, не составляло повышенія, а нѣкоторымъ образомъ наоборотъ... Предвидя со стороны кандидата тѣ или иные резоны, а въ извѣстной мѣрѣ, и чувства честолюбія, высокопр. Митрополитъ такъ и поступилъ, чтобы не давать знать о своемъ намѣреніи. По словамъ самого преосв. Антонія, это перемѣщеніе дѣйствительно озадачило его, доколѣ не узналъ онъ лично отъ высокопр. Филарета, по какимъ причинамъ и видамъ онъ такъ поступилъ. Въ этомъ перемѣщеніи имѣла главное значеніе должность собственно не инспекторская, а профессорская, и именно въ отношеніи преподаванія богословскихъ наукъ вообще, и въ частности Богословія Догматическаго, для преподаванія коихъ были въ то время въ кievской семинаріи два отдѣленія;—профессоромъ богословскихъ наукъ въ 1-мъ отдѣленіи обыкновенно состоялъ Ректоръ, а во 2-мъ—Инспекторъ.

Въ чемъ именно заключались указываемые виды высокопр. Филарета, объ этомъ рѣчь будетъ съ своимъ мѣстѣ; въ настоящемъ же скажемъ о самомъ служеніи преосв. Антонія въ Семинаріи сначала на должности инспекторской, а потомъ и ректорской (съ 1841 по 1851 г.). Свѣдѣнія объ этомъ времени служенія, насколько онѣ намъ вполнѣ извѣстны, довольно достаточно и характе-

ристично изложены и у пзвѣснаго уже читателямъ автора (1). Мы воспользуемся этими свѣдѣніями съ надлежащими по мѣстамъ объясненіями и дополненіями, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ.

„Въ 1841 г. опредѣленный инспекторомъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ кievскую Семинарію, магистръ соборный Іеромонахъ Антоній сразу заявилъ себя строгимъ начальникомъ, и во первыхъ въ отношеніи къ воспитанникамъ семинаріи. Взглядъ его на воспитаніе, на благоповеденіе юношества, воспитывающагося для священнаго служенія Церкви, былъ взглядъ аскетическій. Онъ строго преслѣдовалъ всякое уклоненіе отъ порядка, всякую шалость, тѣмъ болѣе распушенность, грубость, не щадилъ лѣности. Относительно виновныхъ становился иногда неумолимъ. Исключеніе изъ Семинаріи практиковалось, по его настоянію, иногда за первый проступокъ семинариста. А это тогда было страшною карою: исключенный изъ семинаріи сынъ священника часто обрекался на вѣчную долю причетника, или горемыки-писца въ какомъ либо присутственномъ мѣстѣ. Очищая такимъ образомъ Семинарію отъ худыхъ воспитанниковъ, Инспекторъ—строгій моралистъ надѣялся, сообразно своему взгляду, воспитать наиболѣе достойныхъ кандидатовъ священства.—Онъ давалъ чувствовать свое инспекторство и паставникамъ семинаріи. Самъ крайне аккуратный въ преподаваніи, онъ не смотрѣлъ равнодушно на пропуски уроковъ или опаздываніе на уроки со стороны наставниковъ. Онъ имѣлъ обычай расхаживать по корридору, по обѣимъ сторонамъ котораго были двери въ классы, дотолѣ,—пока послѣдній преподаватель уходилъ въ классъ. „Совѣсть ходитъ по корридору“, выражались о немъ по этому поводу сослуживцы. Слѣдуетъ прибавить, что въ своихъ заявленіяхъ, предположеніяхъ, требованіяхъ онъ былъ тѣмъ настойчивѣе, что зналъ, какъ знали и другіе, что его всегда поддержитъ своимъ авторитетомъ и властію дядя-Митрополитъ, имѣвшій къ нему полное довѣріе. Даже Ректоръ семинаріи,

(1) Кіев. епарх. вѣд. № 47. 1879 г. стран. 11—12.

какимъ былъ тогда Архим. Евсевій (впоследствии Экзархъ Грузин), человекъ болѣе мягкій и снисходительный, находилъ иногда нужнымъ уступать строгимъ требованіямъ Инспектора, котораго впрочемъ уважалъ“.

„Въ 1845 г., по перемѣщеніи А. Евсевія на ректору въ Литовскую епархію, Антоній опредѣленъ былъ Ректоромъ кievской Семинаріи, съ возведеніемъ въ санъ Архимандрита. Взглядъ его на воспитательную и учебную часть въ семинаріи въ сущности не измѣнился. Но личное отношеніе его къ этому дѣлу приняло нѣсколько другой характеръ. Въ воспитательно-учебной дѣятельности его выступили, такъ сказать, болѣе положительныя черты. Онъ весьма серьезно занялся обработкою своихъ лекцій по Догматическому Богословію, и въ три первые года ректорства составилъ, а въ 1848 г. издалъ сочиненіе „Догматическое Богословіе Православной Церкви“, за которое удостоенъ очень рѣдкой тогда, степени „Доктора богословія“, и которое тогда же признано было Св. Синодомъ въ качествѣ руководства для семинарій. Это былъ, въ свое время, единственный печатный и, признанный общимъ для семинарій, учебникъ Догматическаго Богословія.—Говорятъ, онъ въ рукописи былъ тщательно разсмотрѣнъ самимъ митр. Филаретомъ кievскимъ, а по его просьбѣ и Филаретомъ московскимъ, который также вполне одобрилъ его. Иннокентій, бывший ректоръ и профессоръ Антонія въ академіи, также сердечно привѣтствовалъ его по поводу этого труда“.

Въ этихъ изложенныхъ данныхъ автора личность и служебныя дѣйствія Ректора А. Антонія, какъ уже сказано, обрисованы вѣрно и довольно характеристично. Но эти данныя, тѣмъ не менѣе, взяты лишь съ одной стороны, съ традиціи, сложившейся въ свое время подъ влияніемъ тогдашнихъ взглядовъ и мнѣній и на основаніи фактовъ не болѣе, какъ видимыхъ или казавшихся явленій. Между тѣмъ подъ послѣдними была своя почва и свои условія. Не говоря напр. о томъ, что у новоопредѣленнаго Инспектора былъ взглядъ на воспитаніе вообще и на свою инспекторскую дѣятельность особый, именно аскетическій и строгій, эта самая сторона

нмѣла и свои отъѣски, смягчавшіе эту, казавшуюся суровою, сторону дѣйствій и отношеній. Мысль эта отчасти и невольно проглядываетъ даже и у самаго автора въ томъ указаніи, что Инспекторъ—строгій моралистъ *надѣялся*, сообразно своему взгляду, достигнуть не своихъ личныхъ выгодъ въ смыслѣ напр. преимущественнаго вліянія, но чтобы, *очистивъ* семинарію отъ худыхъ воспитанниковъ, *воспитать* за то *наибольше достойныхъ* кандидатовъ священства. Пусть это *очищеніе*, по словамъ автора, отъзвучало тяжело на тѣхъ, на долю коихъ оно приходилось; но этого требовала самая сущность дѣла и того положенія, въ какомъ находилась самая епархія по наличному составу и состоянію тогдашняго духовенства и собственно священниковъ. Въ рукахъ пишущаго были самыя вѣрныя и полныя данныя, чтобы статистически опредѣлить этотъ вопросъ и личныя дѣйствія самого высокопр. Филарета по епархіальному управленію въ этомъ отношеніи. Приведемъ здѣсь хотя только числовыя данныя.

При самомъ вступленіи высокопр. Филарета (въ 1837 г.) во всей Кіевской епархіи состояло священниковъ 1.213; и что же? изъ этого числа было окончившихъ полный курсъ семинарскаго образованія только 377 человекъ; вышедшихъ изъ философскаго отдѣленія 95, а всѣ остальные 741 были или изъ обучавшихся лишь въ низшихъ классахъ семинаріи или въ училищахъ, или наконецъ изъ необучавшихся ни въ какихъ школахъ (1). Излишне говорить, какія дѣйствія и мѣры вызывались и долгомъ и чувствомъ ревности Первосвященителя, каковъ былъ высокопр. Филаретъ, особливо когда онъ ясно видѣлъ, что такой печальный низкій уровень образованія въ цѣлыхъ двухъ третяхъ всего наличнаго состава священниковъ систематически происходилъ именно отъ того, что въ Семинаріи, хотя число поступавшихъ

(1) Изъ матеріаловъ по биографіи высокопр. Филарета Митроп. Кіевскаго. НВ. Въ концѣ же его митрополитскаго служенія въ Кіевской епархіи, по вѣрнымъ даннымъ, состояло священниковъ: кромѣ протоиереевъ, изъ кончившихъ полный курсъ семинарскій 887, кончившихъ курсъ философскій 66 и прочихъ 286—изъ числа остававшихся изъ прежнихъ 741.

въ нее было громадное, не было обращено вниманіе на качественную сторону и по успѣхамъ и по поведенію, и не были принимаемы и употребляемы правильныя учебно-и нравственно-педагогическія средства и мѣры съ строгою разборчивостію. Со стороны же самыхъ родителей этотъ порядокъ практиковался, между тѣмъ, въ тѣхъ расчетахъ, что, хотя бы сынъ побылъ и недолго въ семинаріи, онъ могъ со временемъ быть и священникомъ. за неимѣніемъ кандидатовъ изъ кончившихъ полный курсъ. Эту-то мысль и прямую задачу, и цѣль, и условія ихъ осуществленія зналъ и. болѣе чѣмъ кто, ревностно принималъ къ сердцу и новоопредѣленный Инспекторъ Антоній, какъ пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ самаго главнаго распорядителя и ревнителя въ этомъ дѣлѣ—высокопр. Филарета. Слѣдовательно, если и справедливы слова автора, что Инспекторъ Антоній въ своихъ дѣйствіяхъ былъ тѣмъ пастойчивѣе, что зналъ напередъ. какъ знали и другіе, что его всегда поддержитъ дядя-Митрополитъ, имѣвшій къ нему полное довѣріе,—то эти дѣйствія его, очевидно, получаютъ уже здѣсь болѣе прямой и ясный смыслъ и колоритъ, нежели какъ можно бы ихъ понимать иначе... Чтобы еще болѣе понять такой образъ дѣйствования Инспектора Антонія, надобно знать, подъ какимъ строго-пастойчивымъ контролемъ состоялъ онъ самъ со стороны высокопр. митр. Филарета. Вотъ, напр., что писалъ въ письмѣ своемъ изъ С.-Петербурга (отъ 17 Сентября 1841 г.) послѣдній первому: „*Еженедѣльные твои репорты о благосостояніи Семинаріи, (которые требовались лично отъ инспектора по тогдашнему уставу), предписываю тебѣ неупустительно присылать ко мнѣ сюда, дабы я имѣлъ всегда полныя свѣдѣнія о Семинаріи и о всемъ, случившемся въ оной*“.

Ставши Ректоромъ семинаріи, Архимандритъ Антоній, тѣмъ естественнѣе, сталъ проводить и осуществлять опредѣлившійся свой взглядъ на учебную и воспитательную часть не только въ Семинаріи. но по праву и власти, предоставленнымъ тогдашнимъ ректорамъ семинарій, и въ подвѣдомыхъ духовн. училищахъ,—особливо

въ ближайшихъ мѣстно-кіевскихъ — Подольскомъ и новоучрежденномъ Софійскомъ, изъ коихъ обыкновенно поступало особенно громадное число учениковъ въ Семинарію. Достоинъ замѣчанія и подражанія при этомъ образъ дѣйствования самого высокопр. Филарета. По заведенному однажды навсегда порядку, онъ требовалъ, чтобы еженедѣльно, именно въ субботу, являлись къ нему съ обычными репортами о благосостояніи заведеній, и непременно одновременно, какъ инспекторы академіи и семинаріи, такъ и смотрители училищъ. Здѣсь-то въ присутствіи и въ слухъ всѣхъ ихъ безраздѣльно, (исключая развѣ самыхъ важныхъ секретныхъ случаевъ и предметовъ), онъ разсматривалъ репорты и выслушивалъ словесныя дополненія, и съ своей стороны высказывалъ, что находилъ нужнымъ. При этомъ, сводя, такъ сказать, къ одному знаменателю всѣ свѣдѣнія о благосостояніи трехъ разностепенныхъ заведеній, онъ все одобрительное предлагалъ къ общему исполненію и внушалъ съобща и дружно содѣйствовать къ пресѣченію противнаго. Тутъ же давалъ онъ или письменныя резолюціи на репортахъ или словесныя распоряженія, какъ провести тотъ или другой вопросъ путемъ формальнымъ чрезъ Правленіе, или сверху внизъ, или снизу вверхъ. Ректоровъ Академіи и Семинаріи тоже принималъ не рѣдко вмѣстѣ, а иногда нарочито приглашалъ обоихъ одновременно въ тѣхъ же видахъ (1).

По отношенію ко всѣмъ вообще училищамъ въ Кіевской епархіи Ректоръ Семинаріи Антоній оказалъ, между прочимъ, особенную важную услугу и пользу тѣмъ, что всемѣрно озабочивался какъ непосредственнымъ выборомъ хорошихъ студентовъ изъ своей Семинаріи въ учителя, такъ и, по праву непремѣннаго участія въ дѣ-

(1) Преосв. Антоній и самъ, въ большинствѣ, держался этого же порядка, напр. въ Смоленскѣ. Здѣсь въ Казани въ началѣ тоже; а затѣмъ, когда совершилось преобразование не только въ семинаріи и училищѣ, но и въ академіи, онъ со скорбію отзывался, указывая на то, въ какомъ разобщеніи оказались эти три духовно-учебныя заведенія по части ихъ управленія въ явный ущербъ польддняго.

дахъ Конференціи и Высшаго (окружнаго) Правленія Академіи. имѣлъ особенное попеченіе и вліяніе въ выборѣ самыхъ начальниковъ училищъ—смотрителей и инспекторовъ, ходатайствуя при этомъ, въ случаѣ нужды, непосредственно предъ самимъ высокопр. Митрополитомъ.—Впрочемъ пресв. Антоній не скрывалъ, что, при такой его ревностной попечительности и при всей, безъ лести говоря, его аккуратности и предусмотрительности, стоило великаго труда, чтобы въ иную пору, въ присутствіи своего дяди—Владыки, не только начинать рѣчь, но и выслушивать сужденія его самого о тѣхъ или другихъ вопросахъ, касавшихся учебно-административныхъ предметовъ.—„Бывало, явившись съ семинарскимъ журналомъ или представленіемъ, въ которыхъ, напередъ знаешь, ничего нѣтъ особеннаго; но Владыка непременно заставить если не прочитать все, то передать на словахъ; и тутъ-то, гдѣ менѣе всего предполагалось, онъ не рѣдко останавливался съ особеннымъ вниманіемъ и высказывалъ такіе взгляды и сужденія, что съ трудомъ сообразишь впослѣдствіи, какъ привести ихъ въ самое исполненіе. При этомъ Владыка обладалъ такою памятію, что избави Богъ надѣяться, что то или другое пройдетъ безслѣдно. Если же случалось начинать рѣчь о чемъ нибудь въ видѣ предположеній, то, рѣдко-рѣдко, обходилось безъ такой примолвки съ его стороны: „понимаю, что ты хочешь сказать,—но не совѣмъ такъ“... или: „хорошо это кажется, да на дѣлѣ-то не выйдетъ“... Особливо послѣ экзаменовъ, на которыхъ онъ почти постоянно присутствовалъ, тѣмъ болѣе по предметамъ богословскимъ, и вообще по называвшимся тогда главнымъ предметамъ, не одно, не два посѣщенія къ нему обыкновенно сопровождались самыми многосторонними указаніями на недостатки и на мѣры и условія къ улучшенію. И здѣсь у него тоже была удивительная память, такъ что онъ указывалъ не только на извѣстныя мѣста въ системѣ, но и на отдѣльныя фразы; при чемъ весьма вѣрно опредѣлялъ и самыхъ лицъ-преподавателей, коихъ подъ часъ нещадилъ и въ лицо, хотя въ тонѣ своей обычной простодушности, или въ видѣ какого либо анекдота.—Наконецъ когда онъ

выражалъ словесно или письменно свои положительныя, напередъ обдуманныя, распоряженія, тогда неумѣстечъ и напрасенъ былъ бы всякій, сколько бы ни благовидный, намекъ на неудобство, или что либо подобное. „Сдѣлать, что сказано, а какъ будетъ сдѣлано—ладно или неладно.—я самъ увижу и поправлю“. Впрочемъ, въ случаѣ неудобствъ, съ готовностію выслушивалъ предварительныя словесныя доклады,—и, сдѣлавъ всегда меткія указанія, снова настаивалъ на исполненіи.

Видя и болѣе, чѣмъ кто нибудь, вполне понимая такой духъ и образъ дѣйствованія высокопр. Филарета въ строгомъ официальномъ отношеніи, естественно, и самъ бывший Инспекторъ и Ректоръ Антоній не могъ и держать себя иначе, какъ официально строго же, хотя бы даже и въ отношеніи къ своимъ сослуживцамъ. Здѣсь нельзя не обратить вниманія и на самое значеніе, сложившагося въ средѣ самихъ сослуживцевъ, выраженія: „*совѣсть ходитъ по корридору*“. Ясно, что въ приложеніи собственно къ олицетворявшему эту, такъ сказать, официальную совѣсть, смыслъ этого выраженія былъ истинный, нравственный и чистосердечный, такъ какъ сослуживцы дѣйствительно видѣли его образцовую аккуратность, чтобы не злоупотреблять ни временемъ, ни зависящимъ отъ времени дѣломъ и успѣхомъ дѣла преподавательскаго. Такъ же точно, если они видѣли эту совѣсть въ отношеніи къ самимъ себѣ въ смыслѣ и чувствѣ самообличенія, хотя бы подъ часъ не всегда пріятнаго,—то сама совѣсть здѣсь, очевидно, невиновна.—Напротивъ какъ самая совѣсть внутренняя, духовная благотворно спасительна, такъ можно ручаться, что никто изъ достопочтенныхъ сослуживцевъ преосв. Антонія не поминалъ и не помянетъ его имени не добрымъ словомъ за такую олицетворенность для нихъ столь высокихъ нравственныхъ и благородныхъ вліяній и побужденій въ дѣлѣ ихъ призванія и служенія. Извѣстна ли была, или нѣтъ, эта сложившаяся поговорка самому преосв. Антонію, мы не имѣли случая никогда слышать; но знаемъ только за несомнѣнное, что онъ о себѣ, при случаяхъ, свидѣтельствовалъ, какъ о самомъ неустанномъ труженикѣ

какъ по части несенныхъ имъ служебно-административныхъ обязанностей, такъ и классныхъ и кабинетныхъ занятій. „Чего, бывало, стоило только, говаривалъ онъ, чтобы успѣвать самымъ тщательнымъ образомъ прочитывать письменныя упражненія учениковъ цѣлаго богословскаго отдѣленія, а иногда и двухъ отдѣленій ⁽¹⁾, такъ какъ эти упражненія давались на двѣ педѣли исключительно по однимъ собственно богословскимъ предметамъ. Сверхъ этого, бывало, къ каждому воскресному и праздничному дню представлялись тремя воспитанниками проповѣди ихъ сочиненія, которыя неотложно нужно было прочитывать, исправлять, и, если которая оказывалась достойною къ произношенію, выслушивать предварительно дома самое произношеніе, — и даже учить этому произношенію“. Какъ Ректоръ семинаріи, обязанный наблюдать и направлять всю учебно-образовательную часть по всѣмъ разнообразнымъ наукамъ, А. Антоній показывалъ особенную дѣятельность даже до ревности по части развитія и успѣховъ учениковъ въ болѣе важныхъ и существенныхъ наукахъ. Объ этомъ, между прочимъ, читаемъ въ одномъ изъ писемъ его къ преосв. Иннокентію слѣдующее: „Недавно предписано намъ ввести въ Семинаріи уроки тригонометріи, землѣмѣрія, архитектуры... Это, осмѣлюсь сказать, очень походить на то, какъ Египтяне увеличивали непрестанно уроки работы для Израильтянъ. а *плевз* имъ не давали для *плиноодыланія*... Ибо и намъ, вводя эти науки, не даютъ ни болѣе времени, ни болѣе средствъ, ни учебниковъ, ни руководствъ... Это еще ничего бы..., но то больно, что множество подобныхъ, вновь введенныхъ въ Семинарію, наукъ, очевидно, влечетъ за собою ущербъ въ другихъ болѣе важныхъ и существенныхъ отношеніяхъ.—Напр. въ мысленіи и сочиненіи ученики, видно, далеко отстали и болѣе и болѣе отстаютъ отъ прежняго, потому что имъ рѣшительно не-когда

(1) Воспоминалъ онъ объ этомъ обыкновенно, когда требовагъ къ себѣ упражненія и проповѣди учениковъ здѣшней Казанск. семинаріи, и видѣлъ какъ сравнительную ихъ малость по количеству, такъ и неудовлетворительность въ ихъ прочитываніи и исправленіи наставниками, — о чемъ давалъ даже особыя предложенія.

ни думать, ни обрабатывать своихъ сочиненій, не-когда и книгъ читать... Но да будетъ воля Господня и Начальства... (1).

Наконецъ, что сказано авторомъ объ особыхъ. ученыхъ и капитальныхъ трудахъ бывшего Ректора Антонія по обработкѣ своихъ лекцій по 'Догматическому Богословію въ три первые года ректорства (1845—47), въ теченіи коихъ онъ составилъ, а въ 1848 г. издалъ полную систему этого Богословія,—это во многомъ не точно. Указаніе на эту неточность вызывается съ нашей стороны собственно тѣмъ, что уже отчасти выше сказано было о связи этого предмета съ самымъ перемѣщеніемъ преосв. Антонія изъ Академіи на службу въ Семинарію, во вторыхъ же въ виду какъ документальныхъ данныхъ, такъ и заподлинныхъ рассказовъ самого преосв. Антонія,—закрывающихъ въ себѣ, справедливо сказать, цѣлую исторію по этому предмету, особенно интересную въ области научно-богословской.

Изложимъ эту исторію, хотя по мѣстамъ и въ сокращенномъ видѣ.

Первое изъ указываемыхъ данныхъ есть письмо высокопр. Филарета, писанное автору изъ С.-Петербурга еще отъ 9 Января 1842 г. Буквальное содержаніе этого письма слѣдующее: „Прочитавъ изъ Догматики, тобою сочиняемой, введене и трактаты о Богѣ Единомъ и Трѣипостасномъ, зѣло утѣшаюсь о благодати Духа Святаго, свѣтомъ Своимъ озаряющаго твое доброе и дѣвственное сердце. Возгрѣвай, сыне возлюбленне о Господѣ, даръ Божій пребываніемъ въ молитвѣ и цѣломудріи и продолжай весьма полезный трудъ твой. Теперь ясно вижу волю Божию благую и благотворящую *намъ* въ назначеніи тебя въ Семинарію, гдѣ открывается для тебя и возможность и обязанность собрать въ сердцѣ твоемъ и преподавать ученикамъ всю Богословію, а не часть нѣкую, какъ бываетъ въ Академіи въ званіи бакалаврскомъ. Что въ твоихъ урокахъ замѣчательно, это—главное направленіе къ православію, преподаанному намъ св. вселенскою

(1) Письмо отъ 15 Апрѣля 1850 г.

Церковію. — *Въ нынѣшнее особенно время такое направ-
леніе весьма важно.* Давать волю уму своему, составлять
Догматику изъ одного Священнаго Писанія безъ настав-
ленія и руководства Православной Церкви значить *вво-
дитъ въ школы религиозную демагогію*, можетъ быть, бо-
лѣе вредную, нежели *политическая*. Замѣть сіе, чадо
возлюбленное, *на всю твою жизнь*; ибо одна Православ-
ная Вѣра спасительно освящаетъ сердце наше“.

Изъ содержанія этого письма всякій видитъ не толь-
ко время начатаго труда и столь сочувственное отноше-
ніе высокопр. Филарета, но разъяснительное указаніе на
то, почему высокопр. Филаретъ рѣшился перемѣстить ав-
тора изъ Академіи въ Семинарію и наконецъ, — какія по-
бужденія были у него личныя внутреннія, чтобы немед-
ленно приступить къ составленію системы Догматическаго
Богословія въ такомъ именно видѣ и духѣ, и возло-
жить это дѣло не на кого иного, какъ на свое *возлюб-
ленное о Господь чадо*.

Далѣе хотя и вызывается вопросъ, что именно ра-
зумѣлъ высокопр. Филаретъ въ тѣхъ, между прочимъ,
словахъ письма, что *„даютъ волю уму своему состав-
ляютъ Догматику изъ одного Священнаго Писанія и пр.
значить вводитъ въ школы религиозную демагогію“*... и что
потому *„такое направленіе*, какое онъ сразу усмотрѣлъ
въ прочтенныхъ имъ первыхъ отдѣлахъ новосоставляемой
Антоніемъ Догматики, *весьма важно особенно въ нынѣш-
нее время*; но отвѣтъ на это конечно незатруднителенъ
для читающихъ изъ встрѣчавшагося имъ уже прежде ука-
занія съ упоминаніемъ даже лица, къ которому должна
относиться, указываемая въ настоящемъ письмѣ, харак-
теристика богословствованія. Какъ ни сильны до рѣзко-
сти выраженія въ письмѣ высокопр. Филарета, но въ
своей мѣрѣ онѣ не преувеличены и въ тоже время, если
кому, то получившему это письмо вполне понятны и со-
чувственны. Свидѣтельство на это было уже приведено
изъ исторической записки (1). Но вотъ и другое свидѣ-

(1) Смотри. «Пятидесятилѣтній юбилей Киевской духовной Ака-
демии» и въ немъ «Историч. записку о состояши Академии въ ми-
нувшее пятидесятилѣтіе».

тельство, которое еще болѣе подходитъ къ настоящему предмету и вполне оправдываетъ слова въ письмѣ высокопр. Филарета. „Лекціи Иннокентія отличались смѣлостію, даже нѣкоторою самопадѣяностію теоретической мысли, новымъ оригинальнымъ отношеніемъ къ вопросамъ богословской науки и часто поэтическимъ изложеніемъ богословскихъ трактатовъ. Все это возбуждительно дѣйствовало на умы и пролагало новые пути для болѣе широкаго и сильнаго воздѣлыванія богословской науки... но такой *новый свободный духъ* лекцій Иннокентія вызвалъ опасенія у тѣхъ, которые носили на себѣ священный долгъ попеченія о сохраненіи цѣлости и чистоты Православія⁽¹⁾. Такимъ образомъ, если въ этихъ, получающихъ уже теперь историческое значеніе, свидѣтельствахъ не указано, *въ комъ* именно и *въ какой мѣрѣ* вызваны были опасенія за этотъ свободный духъ и направленіе въ лекціяхъ Иннокентія, столь возбуждительно дѣйствовавшіе на умы и пролагавшіе пути для дальнѣйшаго болѣе широкаго и сильнаго воздѣлыванія богословской науки въ этомъ же, конечно, родѣ,—то справедливо сказать, что вышеприведенное письмо высокопр. Филарета составляетъ документъ, достойный тоже историческаго значенія. Цѣнность же его здѣсь тѣмъ болѣе и выше, что высокопр. Филаретъ не только вѣрно понялъ духъ и направленіе тогдашняго богословствованія и не только выразилъ свои опасенія за это, по его столь меткому выраженію. „*введеніе религіозной демагогіи*“, но высказалъ положительный взглядъ на то, что особенно важно и благотворно въ этомъ дѣлѣ. Онъ же наконецъ не ограничился только словами и проектами, но немедленно приступилъ къ самому выполненію съ такимъ непосредственнымъ искреннѣйшимъ участіемъ, хотя, по свойственному ему смиренномудрію, и сохранялъ послѣднее до времени въ тайнѣ отъ другихъ, кромѣ избраннаго имъ же самимъ благопотребнаго для этого и благонадежнаго призванника и

⁽¹⁾ Рѣчь профессора В. О. Пѣвницкаго на томъ же юбилѣе «О судьбахъ Богословской науки въ нашемъ отечествѣ»,—стр. 193—194.

дѣателя. — Не даромъ же и въ самыхъ позднѣйшихъ, даже до настоящихъ дней, свѣдѣнiяхъ объ этомъ дѣлѣ (какъ напр. и у цитуемаго нами автора) остается указанiе не болѣе, какъ въ значенiи неопредѣленнаго преда- нiя, подѣ выраженiемъ— „говорятъ“... Ясно, что это важ- ное священное дѣло творилось, по слову Евангелiя, въ *тайной клятвѣ* духовнаго дѣланiя, почему и внушалось самому избраннику-дѣлателю „*воззрѣвать сей даръ Божiй* и, слѣдовательно, самый трудъ пребыванiемъ въ молитвѣ и цѣломудрiи“.

По поводу, однако, самой сокровенности совершав- шагося дѣла—составленiя Догматики, когда, наконецъ, она уже явилась въ свѣтъ, авторъ ея не избѣгъ извѣст- ной, общей для подобныхъ явленiй, доли по части тол- ковъ и слуховъ о происхожденiи его труда; хотя послѣд- нiе исходили не болѣе какъ въ видѣ недоумѣнiй и имѣ- ли къ тому же едвали не исключительно мѣстное только значенiе, сколько и недолговременное. Толки эти и слу- хи происходили, очевидно, изъ того же источника, изъ какого и прежнiя о самомъ времени еще студенчества ав- тора, т. е. изъ предположенiй касательно отношенiй его къ Я. К. Амфитеатрову въ смыслѣ прямаго участiя по- слѣдняго въ новоявившемся трудѣ. Съ другой стороны, ходили слухи и о томъ, что составленная система Дог- матическаго Богословiя много зависѣла въ своемъ достоин- ствѣ отъ воспользованiя трудомъ другихъ, преимущест- венно же бывшаго Ректора Академiи Димитрiя. Самое же участiе и влиянiе въ отношенiи къ этому дѣлу со сторо- ны собственно высокопр. Филарета представлялись не такими, чтобы послѣднiй могъ обладать достаточнымъ запасомъ и силою научно-богословскаго вѣдѣнiя и быть главнымъ самостоятельнымъ заправителемъ и цѣнителемъ настоящаго дѣла.

Извѣстны ли, или нѣтъ, кому изъ читающихъ эти или подобныя свѣдѣнiя, по какимъ либо дошедшимъ до нихъ сказанiямъ, мы не знаемъ. Указываемъ же на нихъ здѣсь собственно потому, что мы не только знали объ нихъ въ разное время, но имѣли случаи слышать указа- нiя на нихъ изъ устъ самого преосв. Антонiя и даже вы-

зывать его на нихъ, именно по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ при составленіи нами полной біографіи преосв. Филарета, именно тамъ, гдѣ изложеніе касалось опредѣленія достоинствъ послѣдняго въ разсматриваемомъ теперь отношеніи. Замѣтимъ, что когда заводилась рѣчь въ излагаемомъ смыслѣ и гдѣ она относилась собственно къ его лицу, тогда видимо-превидимо отражалась въ немъ вся внутренняя печать его смиренномудрія. Однажды, помнимъ какъ теперь, преосв. Антоній сказалъ въ заключеніе одного изъ подобныхъ разговоровъ: „Ты самъ-то учился по составленной мною Догматикѣ и хорошо ее изучилъ? А читалъ ли и, тѣмъ болѣе, заучилъ ли ты то, что поставлено въ ней эпиграфомъ и предисловіемъ?“. И тутъ же повторилъ самъ до юты: *„Выволахъ, тѣмъ же возглаголахъ (Псал. 115. 1). Мнѣ меньшему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія благовѣстити неизслѣдованное богатство Христово... (Еф. 3, 8. 9. 12). Всякою убо молитвою и моленіемъ молящися на всяко время духомъ... да дастся ми слово во отверженіе устъ моихъ... съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія... (6, 18. 19...).* Преклоняю колѣни... да дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія и просвѣщена очеса сердца вашего и пр. до конца (Еф. 1, 17—20. 3, 14. 21). Немного помолчавъ, онъ продолжалъ: „Да, я знаю, что и какъ говорилось, и въ свою пору и въ послѣдствіи, по предмету моихъ трудовъ; но, видно, ни кто не вникалъ въ самую суть дѣла; главнѣе всего занимало вниманіе всѣхъ то, что я возведенъ былъ въ степень Доктора,—и это тѣмъ болѣе, что я явился съ этою степенью, будучи Ректоромъ Семинаріи... (1). Между тѣмъ у меня на душѣ

(1) Ректоромъ Киевской духовной Академіи былъ въ эту пору архим. Димитрій (Муретовъ), неимѣвший степени Доктора. Въ силу сказанныхъ толковъ о томъ, что догматика Антонія составлена изъ многихъ заимствованій изъ академическихъ лекцій Димитрія, и слагалось ходячее мнѣніе, что-де «Докторство» восхищено первымъ изъ-подъ рукъ и глазъ послѣдняго, къ тому же бывшаго Ректора Академіи.—На это преосв. Антоній просто на-просто отвѣчалъ, что заимствованій, въ смыслѣ матеріаловъ, со стороны моей и не могло быть по самой невмѣстительности ихъ въ моей Догматикѣ и по со-

было не исканіе этой высокой степени, а лишь выполненіе долга, къ которому я былъ призванъ Владыкою. коимъ собственно предназначены были и самый эпитаграфъ и предисловіе исключительно изъ словъ св. Апостола. Я помню, какъ онъ наизусть прочиталъ мнѣ посланіе къ Ефессямъ почти вее, отъ слова до слова, и сказалъ: „вотъ тебѣ и планъ и методъ, но, главное, самый источникъ и весь духъ и характеръ, которые ты долженъ осуществить въ твоёмъ трудѣ по мѣрѣ вѣры и благодати тебѣ данной“,—а потому и въ письмахъ и лично постоянно руководилъ меня въ этомъ же“. На вопросы о достоинствѣ богословскихъ познаній самого высокопр. Филарета преосв. Антоній разъ, между прочимъ, отвѣтилъ такъ: „я и теперь бы готовъ поступить къ нему въ „ученики“. А когда, въ другой разъ, была проводима мысль, что не слѣдуетъ ли сдѣлать новое изданіе его Догматическаго Богословія въ исправленномъ и дополненномъ видѣ,—онъ какъ бы невольно высказался: „хотя я и самъ подумывалъ и даже намѣревался сдѣлать это, но никогда не рѣшусь, чтобы не парушить печати, какая *назnamenovana* на этомъ трудѣ духомъ разума и вѣдѣнія въ Бозѣ почившаго Владыки, и не соглашусь никогда на это тѣмъ болѣе, что, понятно, какъ мало поймутъ *этотъ духъ* нынѣшніе журнальные библиографисты и критики, хотя бы и богословы и *докторы* Богословія“.

Съ своей стороны, касательно богословскаго вѣдѣнія высокопр. Филарета, мы могли бы привести многообраз-

держанію и по объему ея, какъ учебника.—По кончинѣ преосв. Дмитрія было дѣйствительно опубликовано во многихъ газетахъ такое свѣдѣніе: «Высокопр. Дмитрій (Муретовъ), будучи глубоко ученымъ человѣкомъ и прекраснымъ профессоромъ, въ то же время отличался необыкновенною скромностію: *большая часть его лекцій, съ его же согласія, вошла въ извѣстный трудъ его ученика*—покойнаго митропол. Московскаго *Макарія* (Булдакова)». Въ *Историческомъ же Вѣстникѣ*, (1884 г. Февраль, стран. 344) въ статьѣ автора В. К. подъ заглавіемъ: «Памяти Архіепископа Дмитрія Херсонскаго» значится даже такой фактъ, что (выписываемъ подлинныя слова) «Преосвященный Дмитрій говаривалъ полуглуштво, смотря на огромные томы Макаревскаго Богословія: *тутъ мой крестъ* (разумѣется *докторскій*), а его (Макарія) *цѣлочка*».

ныя свѣдѣнія; но ограничимся нѣкоторыми для примѣра. Таковы свѣдѣнія во первыхъ тѣ, которыя внесла уже въ свои лѣтописи самая Академія. „Двадцать лѣтъ стоя на высокому свѣщникѣ первопрестольной кафедрѣ Кіевской, онъ—высокопр. Филаретъ—былъ поистинѣ свѣтильникомъ и для высшаго святилища духовнаго просвѣщенія—Академіи. Онъ, обладая самъ поистинѣ глубокимъ вѣдѣніемъ высокихъ истинъ христіанскаго ученія, съ столь же глубокою и опытно-тонкою наблюдательностію бдительно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ мысли и слова (¹). И самыхъ философовъ нашихъ архимандритъ-монашескихъ научалъ и невольно преклонялъ плѣчатыя разумъ въ послушаніе вѣры, сдерживая ихъ смѣлыя паренія (²). Когда онъ говорилъ самъ (на экзаменахъ въ академіи), то, казалось, говорилъ большею частію то, что не могло быть неизвѣстно всякому изъ насъ; но въ устахъ его каждое слово имѣло такую жизнь и значеніе, что не новое для слуха было всегда ново для сердца, и давно принятое разумно и понятое какъ бы въ первый разъ дѣлалось понятнымъ по глубокому внутреннему смыслу (³).

Само собою эти краткія, но столь высокія и характеристичныя, свидѣтельства составляютъ результатъ не голословныхъ и не случайныхъ, а положительныхъ данныхъ; и потому нѣтъ нужды приводить другія. А чтобы понять самый духъ и источникъ такого, соединеннаго съ простотою и глубиною, богословскаго вѣдѣнія въ лицѣ въ Бозѣ почившаго Первосвятителя, и въ частности духъ его ревности о сохраненіи цѣлости и чистоты самыхъ истинъ вселенско-богословскихъ, довольно знать.

(¹) Смотр. въ надгробн. рѣчи Архимандрита Филарета, бывшаго бакалавра, потомъ Еп. Рижскаго, сконч. въ Январѣ 1882 г.

(²) Смотр. Историч. записку по случаю юбилея Кіевской Академіи, стран. 118.

(³) Смотр. Слово, на панихидѣ въ первый годъ по кончинѣ высокопр. Филарета, бывшаго профессора академіи Наз. Ант. Оаворова, а теперь профессора Кіевскаго университета. Протоіерея и Доктора Богословія.

какъ онъ прилагалъ самъ къ себѣ слова апостола: „себе испытайте, еще въ вѣръ есте“. Такъ напр. въ Возѣ почившій, во время своихъ пощень и говѣній. (неопустительныхъ во всѣ посты), прочитывалъ каждый разъ Катихизисъ то Петра Могилы, то митр. Филарета московскаго. Знвшіе это долго недоумѣвали и дивились. Наконецъ, когда спросили: „для чего это онъ дѣлаетъ!“ „Для того, смиренно отвѣчалъ онъ, чтобы напечатлѣть глубже въ сердцѣ своемъ истинное исповѣданіе Богоспасительной вѣры Христовой и провѣрить себя, не погрѣшилъ ли я, не поуметвовалъ ли въ чемъ либо черезъ мѣру по личному своеразумію, хотя бы. по видимому, и благословному.— Не бось у васъ на умѣ-то, что я-де Докторъ Богословія. и что для меня Катихизисъ?! Ну гдѣтъ! Когда потребуютъ *добраго отвѣта на страшномъ судищи Христовомъ*, то, вѣдь, не по диплому докторскому“.— Въ силу такихъ сужденій о самомъ себѣ, онъ также просто-душно, но глубокомысленно разсуждалъ и отзывался и о другихъ представителяхъ тогдашней богословской учености, не исключая даже и самаго высокопр. Филарета митроп. Московскаго.

На вопросъ, предложенный однажды преосв. Антонію, — „какое участіе и вліяніе имѣлъ Московскій Первосвященитель при разсматриваніи его Догматическаго Богословія, такъ какъ изъ біографическихъ данныхъ видно, что Владыка Филаретъ Кіевскій обращался къ нему по этому предмету?“ — полученъ былъ такой, (представляемый здѣсь вкороткѣ), отвѣтъ: „Владыка Московскій принималъ участіе самое сочувственное; но не дѣлалъ никакихъ письменныхъ указаній и отзывовъ. Это тѣмъ болѣе, что онъ разсматривалъ первую часть системы въ ту пору, когда былъ вмѣстѣ съ нашимъ Владыкою въ Петербургѣ. Впослѣдствіи же въ письмахъ ко Владыкѣ Московскій Филаретъ выражалъ только то, что онъ съ удовольствіемъ исполнялъ желаніе перваго, но что довѣрялъ ему въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ себѣ самому и всячески ожидалъ скорѣйшаго исполненія всего труда. Впрочемъ, сказалъ въ заключеніе своего отвѣта преосв. Антоній, иначе и быть не могло; нашъ Владыка, болѣе чѣмъ кто.

понялъ бы сразу значеніе тѣхъ или другихъ указаній (1). Онъ сколько читилъ и любилъ, можно сказать, до безпредѣльности, Московскаго Филарета, столько же, по самой ревности, бывало говаривалъ, когда прочитывалъ его проповѣди: „хорошо-то хорошо и паидательно, и говорить нечего; но больно ужъ умно и мудро. Чай, это несовсѣмъ добро и пріятно предъ Самимъ Спасителемъ нашимъ Богомъ. Вѣдь не даромъ же мы слышимъ постоянное воззваніе въ церкви: *Премудрость! Прости!* Вотъ катихизисъ его (Митр. Филарета) я отъ всего сердца люблю и чту: все такъ кратко, просто, ясно.— Когда читаешь, то чисто самъ себя исповѣдаешь, какъ предъ лицомъ духовника“.

„Другое дѣло, (продолжалъ по поводу того же вопроса преосв. Антоній) когда преосв. Григорій, бывшій тогда архіепископомъ Казанскимъ, поднялъ-было цѣлую бурю полемическую противъ моей Догматики (при пятомъ ея уже изданіи). Тогда и нашъ Владыка подвинулся всею своею ревностію духа и силою своего богословскаго вѣдѣнія, чтобы застоять слово и дѣло истины. И здѣсь Владыка дѣйствительно проявилъ свою наукообразную сторону въ такой степени, что оправдалъ истину Евангельскую: „*нѣсть ученикъ надъ учителемъ*“, такъ какъ

(1) Замѣчательно, что мы, писавши эти строки, встрѣтили *совсѣмъ иное*, что свидѣтельствуетъ авторъ «*Очерка жизни Прот. Г. П. Павскаго по новымъ матеріаламъ*» о томъ же *высокопр. Филаретъ* М. Московскомъ и по поводу *подобнаго же труда* высокопр. Макарія, бывшаго Митроп. Московскаго. Вотъ его слова: «Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что *учебникъ* его (высокопр. Макарія) по *Догматическому Богословію* нѣсколько лѣтъ пролежалъ подъ сукномъ на столѣ у Митроп. Москов. Филарета и могъ быть изданъ, съ одобренія Св. Синода, не раньше, какъ только уже по кончинѣ Митр. Филарета»... (Смотр. «Русск. Старица», 1880 г. Январь, стр. 123, составл. проф. С.-Петербур. Академи Н. И. Барсовымъ). Не отрицая этого сказанія, мы, впрочемъ, будемъ имѣть мѣсто сказать объ этомъ фактѣ свое слово, которое относится лично и къ жизнеописуемому нами преосв. Антонию, такъ какъ онъ имѣлъ ближайшій поводъ къ этому и особенный интересъ и рассуждалъ даже съ высокопр. Филаретомъ Митр. Московскимъ при свиданіи въ Москвѣ въ 1866 году.

преосв. Григорій на самомъ дѣлѣ былъ ученикомъ его въ Петербургской Академіи, когда Владыка Филаретъ состоялъ тамъ Инспекторомъ, и тогда же получили степень Доктора вмѣстѣ съ Ректоромъ Академіи Филаретомъ (Митропол. Московскимъ)“.

Наконецъ, чтобы составить еще болѣе полное понятіе о степени богословскихъ познаній высокопр. Филарета (Кіевского) и о томъ, на сколько, по этому, онъ могъ дѣйствительно быть руководительнымъ участникомъ при составленіи разсматриваемаго Догматическаго Богословія, нужно знать, что онъ носилъ титулъ „Доктора Богословія“ не номинально, какъ поднесенный ему въ свое время въ смыслѣ только почетномъ. Въ теченіи службы академической инспекторской, и по преимуществу ректорской въ Московской дух. Академіи (1814—1819 г.), онъ тогда же составилъ самъ Догматическое Богословіе, находившееся и въ разсмотрѣніи бывшей тогда Коммисіи духовныхъ училищъ, а также „толкованіе на книгу Прор. Исаи“ съ общимъ введеніемъ къ истолковательному чтенію пророч. книгъ. О достоинствѣ перваго труда существуетъ уже вполне достойный отзывъ въ послѣднее время (1). При чтеніи этого Богословія нельзя было не замѣтить даже отраженія нѣкоторыхъ сторонъ и чертъ его въ Богословіи Догматическомъ А. Антонія. Касательно же самаго преподаванія Ректоромъ Филаретомъ богословскихъ лекцій въ аудиторіи (въ Москов. Академіи) свидѣтельствовали сами слушатели, что „слова его слушались не только съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ, но съ благоговѣніемъ, такъ какъ и самъ онъ говорилъ благоговѣйно и даже какъ бы молитвенно“ (2). Въ этомъ преподаваніи всегда явственно было и то, какъ преподающій, кромѣ положительнаго раскрытія истинъ, при всякомъ

(1) Смотри Исторію Моск. дух. Академіи, соч. С. К. Смирнова.

(2) Свѣдѣнія объ этомъ получены были нами въ письмѣ (20-го Декабря 1866 г.) отъ проф. Москов. Академіи С. К. Смирнова, нынѣшняго о. Ректора, а ему были доставлены въ письмѣ (отъ 15 Мая 1864 г.) вмѣстѣ съ рукописнымъ экз. Догматическаго Богословія Филарета отъ као. Протоіерея Вятскаго Азарія Тимоѣевича Шиллегодскаго, бывшаго студента 1-го курса Москов. академіи.

умѣстномъ случаѣ, проводить особенное противодѣйствіе, господствовавшему тогда, немалому увлеченію къ ложному мистицизму ⁽¹⁾. Сверхъ всего этого, достойны особеннаго замѣчанія, въ смыслѣ глубокаго назиданія, самый образъ и порядокъ самоличныхъ занятій и дѣйствій Филарета по приготовленію читанныхъ имъ лекцій. Это былъ истинно подвижническій молитвенно-богомысленный подвигъ. Мы имѣли благоприятный случай выслушать самый подробный достовѣрнѣйшій рассказъ объ этомъ отъ такого лица, въ устахъ котораго онъ слышался съ такою назидательностію и умилительностію, въ силу которой и на очахъ его собственныхъ искрились слезы. Такъ же точно, когда прочитанъ былъ нами этотъ до слова записанный въ свое же время, рассказъ преосв. Антонію, онъ пришелъ въ такое же состояніе сердечнаго умиленія. А потому и проговорилъ: „Да! теперь не только мнѣ, но и тебѣ понятно, что значило первое письмо Владыки ко мнѣ, которое, помнишь, прислано было мнѣ изъ С.-Петербурга по прочтеніи моихъ первыхъ отдѣловъ Богословія, и гдѣ наказано было, въ какомъ духѣ и состояніи должно продолжать это дѣло“ ⁽²⁾.

Изложеніе свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла по Догматическому Богословію, именно объ официальныхъ рецензіяхъ послѣдняго и самыхъ изданіяхъ, (въ количествѣ восьми) и о разныхъ отзывахъ о достоинствѣ его составить отдѣльную слѣдующую главу. Настоящую же главу мы признаемъ вполне умѣстнымъ и интереснымъ закончить, въ смыслѣ эпилога, хотя и не полнымъ ⁽³⁾ изложеніемъ вышеказаннаго рассказа, въ свое время выслушаннаго и воспринятаго самимъ преосв. Антоніемъ съ чувствомъ глубокаго назиданія.

Предлагаемый рассказъ сообщенъ былъ пишущему въ 1866 г. высокочтимымъ (сконч. въ 1877 г.) о. Ар-

(1) Смotr. Замѣтки о жизни высокопр. Филарета Митр. Клев.. составл. преосв. Антошемъ (1-я половина). Казань. 1879 г. стр. 20.

(2) Полное содержаніе этого письма было изложено прежде.

(3) Во всей подробности этотъ рассказъ относится къ биографіи высокопр. Филарета, гдѣ онъ и помѣщенъ.

химандритомъ Антоимъ, бывшимъ Намѣстникомъ Троицко-Сергіевой Лавры, — сообщенъ, по его словамъ, совершенно въ первый разъ, такъ какъ онъ и вызванъ былъ въ его памяти собственно тѣми обстоятельствами, съ которыхъ начался и самый разговоръ между имъ и мною.

„Простите! Согрѣшилъ я, что прежде упорно, хотя и искренно, но только по забвенію, отнѣживался, что не знаю-де ничего особеннаго и интереснаго, что могъ бы сообщить вамъ о времени жизни приснопамятнаго Владыки Кіевскаго Филарета за бытность его здѣсь на службѣ въ Академіи. а совѣтовалъ только вамъ покопаться хорошенько въ архивѣ академическомъ и обратиться къ нашему Владыкѣ. теперь кстати проживающему здѣсь въ Геосиманіи ⁽¹⁾. отъ котораго я возвратился только-что сейчасъ. Я засталъ его въ прогулкѣ по лѣсу и тутъ-то вдругъ далъ мнѣ Господь память. Да и Владыка-то нашъ зналъ объ этомъ прежде отъ меня же, и потому мы, вспомнивъ васъ, что вы собираете матеріалы, съобща вспоминали. Выслушайте же, что я скажу.

„Въ 1842 г., въ Маѣ мѣсяцѣ, проѣздомъ изъ С.-Петербурга въ Кіевъ, посѣтилъ нашу Лавру высокопреосвященнѣйшій митропол. Филаретъ. Во время пребы-

(1) Въ Бозѣ почившій великій Первосвятитель Филаретъ Московскій дѣйствительно удостоивалъ меня не разъ своихъ воспоминательныхъ бесѣдъ о высокопр. Филаретѣ Кіевскомъ. Одно изъ замѣчательнѣйшихъ при этомъ выражений его таково: «Да, по истинѣ *по имени его* (Филарета Кіевскаго) *было тако и житіе его*». Со скорбію воспоминалъ онъ при этомъ, что не видѣлся съ Кіевскимъ Филаретомъ, при жизни его, въ теченіи 15-ти лѣтъ (съ 1842 г.). высказавшись такъ: «и это собственно моя уже вина и даже точнѣе невыполненіе моего обѣта слодобиться когда-либо побывать въ Кіевѣ и Печерской Лаврѣ. Было мнѣ отъ Кіевскаго Владыки не разъ и напоминаніе объ этомъ, но немощи мои напоминали объ одномъ— «сидѣть дома». Въ архивѣ духовнаго соборнаго Кіево-Печерской Лавры есть собственно-ручное письмо высокопр. Филарета Москов., въ которомъ онъ, выражая сказанныя мысли, препроводитъ отъ себя священные сосуды въ приношеніе Лаврѣ съ просьбою дать имъ мѣсто и употребленіе въ одной изъ пещерныхъ церквей.—Письмо это въ полуофициальной формѣ было на имя высокопр. Филарета Кіевскаго и имъ сдано съ резолющею въ Лаврскій духовный Соборъ къ исполненію. Копія съ этого письма имѣется у пишущаго.

ванія своего, онъ пожелалъ посѣтить, между прочимъ, Виѳанію, куда и пригласилъ меня сопутствовать ему. На пути я сталъ рассказывать ему о состоявшемся уже тогда, по мысли и желанію нашего высокопр. Владыки, предположеніи устроить скитъ—пынѣшнюю Геосиманію. Дѣло оставалось лишь за выборомъ мѣста для скита. А какъ въ ту пору нашъ Владыка находился въ Петербургѣ по званію Члена Св. Синода, и имѣлъ возвратиться не ранѣе, какъ въ Сентябрѣ—именно къ празднику Св. Угодника Препод. Сергія, то я и вошелъ съ нимъ въ переписку касательно выбора мѣста. И вотъ, въ послѣднемъ изъ писемъ своихъ къ нашему высокопр. Владыкѣ, я осмѣлился доложить ему, что находилъ бы болѣе всего удобнымъ и приличнымъ! положить основаніе скиту *на Карбухъ*.

„Но чтожь? Владыка нашъ, замѣтно, даже оскорбился такимъ моимъ докладомъ о выборѣ мѣста для скита. „Нашелъ мѣсто... писалъ онъ въ отвѣтъ на мое письмо; тамъ, гдѣ бывали прежде гульбища и игрища съ пѣснями, плясками, хороводами, — ты вздумалъ устроить скитъ“. Дѣйствительно близко этого мѣста во время бывшихъ Высочайшихъ посѣщеній Лавры Императрицами Елизаветою Петровною и Анною Иоанновною, давались, бывало, народныя празднества.

Въ продолженіи всего моего, какъ и теперь, разсказа слушавшій меня высокопр. митроп. Кіевскій не промолвилъ ни слова.—и мы пріѣхали въ Виѳанію. На обратномъ же пути лишь поровнялись съ мѣстностію Карбухи, онъ вдругъ обратился ко мнѣ: „ну-ка покажи мѣсто, гдѣ ты думалъ бы устроить вашъ скитъ? Я приказалъ повернуть лошадей на тутъ же бывшую небольшую дорогу; но какъ проѣхать въ каретѣ до самого мѣста не было возможности, то мы тотчасъ же вышли изъ кареты, и пошли пѣшкомъ. Идучи къ мѣсту, я не могъ не замѣтить, что Владыка вовсе не имѣлъ нужды въ указаніи пути; каждый поворотъ онъ напередъ зналъ едвали не лучше меня. Когда же мы подошли къ самому, предъизбранному мною пункту, онъ остановившись спросилъ: „пу, гдѣ же именно хотѣлъ бы ты, отецъ, устро-

ить скитъ и, главное, поставить церковь“. — Я отвѣчалъ: „да вотъ, Владыка святой, на этомъ-то самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь остановились“. — Осмотрѣвшись кругомъ съ глубокимъ въ лицѣ и душѣ вниманіемъ, онъ продолжалъ: „Такъ дѣло-то, говоритъ ты, остановилось за тѣмъ, что Владыка митрополитъ вашъ не соглашается на выборъ этого мѣста? — Да! отвѣчалъ я съ душевною грустію. — А вотъ если бы я былъ у васъ владыкою. — то знаешь ли, что я сдѣлалъ бы? Я указомъ предписалъ бы тебѣ, отецъ Намѣстникъ, а не то и силою заставилъ бы тебя строить храмъ и устроить весь скитъ нигдѣ, какъ именно здѣсь, гдѣ мы теперь стоимъ. — Я устремилъ все свое вниманіе въ слова и лице говорившаго. Онъ же продолжалъ: я открою тебѣ, въ чемъ здѣсь дѣло“.

„Когда ты меня велъ къ этому мѣсту, я уже напередъ его зналъ, и безъ тебя пришелъ бы прямо къ этому пункту. Вѣдь я здѣсь бывалъ по-больше твоего. Да я лп, грѣшный только?! Нѣтъ, при мнѣ, и до меня было довольно здѣсь лицъ, по тропинкамъ коихъ мнѣ, грѣшному, приводилось ходить лишь въ слѣдъ ихъ. Вотъ какъ было это дѣло: когда я былъ опредѣленъ въ здѣшнюю академію сначала инспекторомъ, а потомъ и ректоромъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и профессоромъ богословскихъ наукъ, то, признаюсь, слишкомъ мнѣ трудно было проходить эту службу, особенно же преподавать лекціи академическія. Въ академіи-то я не былъ, да и вообще кончилъ курсъ лишь семинарскій, и къ тому же по старинному образованію; сослуживцы же мои почти всѣ, не только профессора, но и бакалавры, были образованія новаго и академисты. Готовыхъ лекцій не было, а только лишь конспекты... Нужно было труда и труда, а не меньше того и разныхъ свѣдѣній по своей наукѣ. Такъ вотъ, бывало, всячески дома-то хлопчешь, кропочешь, чтобы приготовить ту или иную лекцію, а тутъ еще то отрываютъ отъ занятій по разнымъ служебнымъ обязанностямъ, то самъ развлекаешься чѣмънибудь, а потому и мысли какъ-то не клеятся въ головѣ и не ложатся на бумагу, и все дѣло, просто на-просто, изъ рукъ ва-

лится. Правда стараешься бывало заниматься, большею частію, по почамъ, которыя не рѣдко приводилось просяживать на пролетъ; по все какъ-то дѣлю мало зрѣю и спѣлю; вѣрно отъ того, что среди подобныхъ почей не успѣешь, бывало, исполнить, какъ должно, правила монашескаго, да и у утрени и ранней обѣдни за усталостію не побываешь. Что было дѣлать? Вотъ я и стать уходить изъ академіи, подъ предлогомъ прогулки въ Виѳанію. (сада-то тогда никакого еще не было при академіи) ⁽¹⁾ въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время ⁽²⁾; возьму съ собою св. Библію и другія нужныя книги, бумагу, черпилицу съ перомъ или карандашъ; приду сюда, усядусь гдѣ либо подъ кустомъ, чтобы ни кто не видѣлъ, да и давай размышлять и писать. А чтобы дѣло шло успѣшнѣе и съ истинною пользою, то съ самаго начала, и въ частые промежутки, особливо когда мысли не такъ-то свободно идутъ, встанешь, и тепло-тепло возмолишься къ Господу, и Угодника Божія препод. Сергія призываешь въ помощь, воспоминаая какъ ему въ лѣсу явился благодатный старецъ и открылъ въ немъ способности къ ученію и разумъ къ вѣдѣнію; и какъ впоследствии *водворился онъ въ пустыни, шя Бога спасающаго*, и тамъ на *маковцѣ* устроивъ храмъ и обитель во имя Св. Троицы, и самъ содѣлался вселеніемъ Ея, и вотъ и насъ, недостойныхъ ученыхъ невѣждъ, не отринуть пріять подъ кровъ своей обители... Ну словомъ, — много-много, бывало, перемыслишь и перечувствуешь въ молитвенномъ своемъ состояніи, твердя однако одно, какъ напечатано въ старинныхъ нашихъ азбукахъ: *Боже, въ помощь мою воими и вразуми мя во ученіе сіе*. Такимъ образомъ то помолишься, то поразмыслишь о своемъ пред-

(1) Терешинъ академическій садъ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ юности, графъ М. Толстой, насажденъ студентами VII курса, при чемъ и я работать вмѣстѣ съ ними. Смotr. Душеполезное Чтеніе. Іюнь 1866 г. отд. II стр. 48.

(2) Высокопр. Филаретъ не рѣдко рассказывалъ, что въ бытность въ Академіи, онъ часто хаживалъ на пруды Виѳаніи и тамъ тайкомъ удить рыбу, въ чемъ, однакоже, смиренно признавался бывшему тогда Архiep. Августину.

метѣ по наукѣ и глядишь, Слава Богу, приготоуишь и довольно-таки своихъ лекцій. И замѣчательно, что когда станешь, бывало, преподавать устно съ каеэдры классической обдуманныя и записанныя здѣсь мысли, то чувствуешь самъ, что онѣ такъ и просятся изъ души съ языка, и студенты тоже особенно внимательно слушаютъ и принимаютъ ихъ съ особенною увѣренностію и искренностию“.

Послѣ полминутнаго молчанія высокопр. Митрополитъ продолжалъ: „Это я говорю тебѣ о себѣ; а что дѣлали здѣсь другіе ⁽¹⁾ сюда пришельцы? Конечно они дѣлали дѣланіе далеко не такое, какъ я грубный. Вѣрно, эти всѣ тропинки орошены, да и кусты-то окроплены были ихъ покаянными воздыханіями и слезами, и, вѣрно, по всей этой *Корбухъ* всюду пасѣяны имп сѣмена богомыслія, подобно тому, какъ тамъ на *маковицѣ*, гдѣ тоже была сначала чаща и пустынь, а затѣмъ процвѣла *яко кринь*, и въ ней возросли, толико благодатные и животносные плоды для всѣхъ, приходящихъ въ нее съ вѣрою...“

Къ этому сказанію о *Корбухъ*, т. е. что она дѣйствительно была лѣсистою глухою мѣстностію, и что на ней-то наконецъ послѣдовало устройство Скита-Геосиманіи, присоуокупимъ здѣсь нѣсколько словъ изъ задушевныхъ воспоминаній другаго святителя—преосв. Леонида, извѣстнаго викарія Московскаго и бывшаго недолго архіепископомъ Ярославскимъ. Этотъ святитель (въ мірскомъ состояніи бывшій небольшой помѣщикъ и служившій въ морскомъ вѣдомствѣ—Левъ Сладкопѣвковъ)—въ молодости жилъ въ родномъ семействѣ въ Сергіевомъ Посадѣ, и потомъ, состоя на службѣ, часто пріѣзжалъ сюда и любилъ посѣщать окрестности Посада. Въ одинъ изъ послѣднихъ уже годовъ своей жизни, посѣтивши Свято-Троицкую Лавру и Скитъ-Геосиманію, преосв. Леонидъ

(1) Въ воспоминаніяхъ графа М. Толстаго перечисляются нѣсколько старцевъ-подвижниковъ, современныхъ даже высокопр. Фигарету въ бытность послѣдняго на ректорской должности въ Моск. Академи. (Смолр. Душенол. Чтеніе. Іюнь 1866 г. отдѣлъ II).

такъ изобразилъ въ своемъ письмѣ къ своему другу ⁽¹⁾ свои впечатлѣнія и чувствованія. „Поѣхалъ я чрезъ Виоанку въ Скитъ... И что же думалось мнѣ дорогой?! Давно ли, кажется, то время, когда покойная матушка моя жила въ Посадѣ, и тотъ, памятный мнѣ, между прочимъ, пасмурный лѣтній день, когда я, въ мірской еще одеждѣ, выѣхалъ отъ нея верхомъ на прогулку. Поѣхалъ я въ *Корбухинскій* лѣсъ и, чтобы не возвращаться однимъ и тѣмъ же путемъ, спросилъ напередъ встрѣчныхъ крестьянъ о другой для обратнаго проѣзда дорогѣ... И вотъ тѣсною тропею я пробрался сквозь древесную *чищу* и *глушь всей Корбухи* сначала въ поле и потомъ на самый конецъ Первеевской (первеевской улицы въ Посадѣ). Да, мнѣ думалось: „давно ли *Корбуха* была такою глухою мѣстностію, чистою дебрию, а теперь тутъ и *скитъ* и *пещеры* и *пустынка!*!“ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Пыньшинъ высокопр. Слва архiep. Тверскій. Смотри. между прочимъ, Прав. Обзор. въ отдѣлѣ «Извѣстія и замѣтки» 1880 г.

⁽¹⁾ Пустынка называемая *Филаретушкина*, такъ какъ ее устроилъ въ близн скита отдѣльно, бывший юродствовавшій по мірскому имени *Филитъ*, а по иноческому *Филаретъ*, именуемый всѣми богомольцами *Филаретушкой*.

ГЛАВА VI.

Трудъ по составленію системы Догматическаго Богословія. начатый преосв. Антоніемъ съ самыхъ первыхъ поръ его профессорства по кафедрѣ богословскихъ наукъ въ Киевской Семинаріи въ 1841 г., былъ въ окончательной обработкѣ завершеиъ имъ въ 1847 г. Для такого труда столько времени (шесть лѣтъ), казалось бы, не мало и очень. Но не говоря уже о томъ, что авторъ совершалъ этотъ трудъ среди многосложныхъ служебныхъ обязанностей, ускореніе или замедленіе дѣла зависѣло, между прочимъ, не отъ него одного. Высокопр. Филаретъ, говорилъ самъ преосв. Антоній, не ограничивался только прочитываніемъ представляемыхъ ему отдѣловъ системы; неудовольствовался онъ и тѣмъ, когда вся система была кончена и имъ снова прочитана. Онъ требовалъ, чтобы въ теченіи по крайней мѣрѣ двухъ курсовъ (по тогдашнему двухгодичныхъ) было опытомъ провѣрено и известно, на сколько эта система и по плану и по содержанію и даже самому объему могла быть соотвѣтствующею усвоенію учениковъ и удовлетворительною по самымъ качествамъ ихъ успѣховъ. По этому-то Владыка Филаретъ и самъ на экзаменахъ особенно вникалъ и слѣдилъ, что и какъ оказывалось на дѣлѣ. А какъ въ эту же пору въ первомъ богословскомъ отдѣленіи преподавалъ Догматическое Богословіе Ректоръ (архим. Езсевій) (1), отчасти

(1) Въ послѣдствіи еписк. Каменецъ-Подольскій, затѣмъ Экзархъ Грузіи и наконецъ архіеписк. въ Твери, гдѣ и скончался въ 1879 г. По кончинѣ высокопр. Филарета, ему было назначено Св. Синодомъ прибыть на погребеніе его и затѣмъ управлять временно Киевскою епархіею. Въ это-то время онъ совершилъ и нареченіе и

по догматикѣ Терновскаго. отчасти же по издавна переходившимъ изъ курса въ курсъ запискамъ, а я по новосо-ставленной мною системѣ,—то, бывало, для Владыки было еще вѣрнѣе слѣдить и точнѣе опредѣлять сравнительно и самое достоинство системъ и качество и степень развитія познаній самыхъ учениковъ. Да и мнѣ-то самому, при необходимомъ, по тогдашнимъ порядкамъ, присутствованію на этихъ экзаменахъ, весьма кстати и полезно было слѣдить и сравнивать тоже, чтобы воспользоваться тѣми или иными данными для обработки своей системы. Впрочемъ была при этомъ, говорилъ онъ, и другая сторона испытательная и щекотливая для меня,—откуда, бывало, выходили и нѣкоторыя послѣдствія невыгодныя, хотя совершенно безвинныя съ моей стороны. Владыка слушаетъ-слушаетъ, затѣмъ сдѣлаеть нѣкоторые вопросы ученикамъ или обращенія къ Ректору и потомъ вдругъ, спросить: „а какъ у тебя въ системѣ сказано объ этомъ? Само собою немедленно отвѣтишь ему въ подлинникѣ отъ слова до слова... И онъ тутъ-то, бывало, спроста и скажетъ: „ну да... вотъ это такъ, хорошо: и коротко, и ясно, и понятно“. Такая простодушная прямота и самая цѣль благая, къ несчастію, не всегда-то и не всѣми понималась, какъ должно“.

Затѣмъ, по прошествіи двухъ курсовъ, когда Ректоръ Евсеій былъ перемѣщенъ и Инспекторъ Антоній сначала (съ 12 Февраля 1845 г.) былъ назначенъ временно-исправл. должность ректора и преподавателемъ богословія въ обоихъ отдѣленіяхъ, и наконецъ вскорѣ опредѣленъ былъ дѣйствительнымъ ректоромъ и профессоромъ того же богословія въ первомъ отдѣленіи, высокопр. Филаретъ лично распорядился, чтобы въ обоихъ отдѣленіяхъ богословскихъ была преподаваема одна и таже система, составленная архимандр. Антоніемъ. Не смотря однако на законченность этой системы, высокопр. Фила-

хиротонію въ викаріи киевскіе покойнаго влад. Антонія въ 1858 г. Марта 27. 30. Замѣчательно, что ихъ. совмѣстное по началу, служебное поприще и окончаніемъ своимъ совпало въ одинъ и тотъ же годъ (1879 года).

реть продолжалъ ея провѣрку на практикѣ еще на цѣ-
лѣй двухгодичный курсъ, дабы убѣдиться, какъ одна и
таже система, въ рукахъ не самого только автора, но и
другаго сторонняго, окажется вполнѣ удовлетворительною.

И вотъ, по минованіи уже этого послѣдняго срока,
приступлено было наконецъ къ заявленію объ этомъ тру-
дѣ официальнымъ образомъ. По порядку этой послѣдней
процедуры новосоставленное Догматическое Богословіе
представлено было авторомъ въ Конференцію мѣстной
Академіи Кіевской. Здѣсь—въ Конференціи ни затруд-
неній, ни замедленія въ самомъ времени, естественно, и
предполагать было бы излишне. Главнымъ представи-
телямъ богословеской специальности—извѣстнѣйшему тогда
Доктору Богословія Прот. Ив. Мих. Скворцову, и тог-
дашнему Ректору Академіи архимандриту Димитрію (1),
представленный трудъ былъ извѣстенъ не заочно только
и по слухамъ, а конфиденціально находился уже въ ру-
кахъ ихъ еще прежде и вызывалъ полное сочувствіе и
одобреніе. Потому официальный отзывъ Конференціи
былъ необходимъ для соблюденія только формы и поряд-
ка. Въ удовлетворительности же самаго отзыва по до-
стоинству со стороны и труда и цѣнителей само собою
не было и мѣста для сомнѣнія. Все это скорѣе тѣмъ и про-
ще могло состояться, что самый трудъ былъ представленъ
авторомъ не въ видахъ соисканія степени Доктора Бого-
словія, а лишь на разсмотрѣніе для права изданія его
въ печати.

По представленіи Конференціею своего опредѣленія,
высокопр. Филаретъ самъ уже отъ себя обратился въ Св.
Синодъ по этому дѣлу; при чемъ выразилъ прямо, что
представляемая система Догматическаго Богословія была
составляема авторомъ „*подъ его руководствомъ*“.

Св. Синодъ однако, при имѣвшейся въ дѣлѣ рецен-
зии мѣстной академической Конференціи (Кіевской), опре-
дѣлили подвергнуть новосоставленную систему *новой ре-*
цензии, именно чрезъ Конференцію же Академіи С.-Пе-

(1) Бывшій *двакратно* Одесскимъ архіепископомъ, сконч. 14
Ноября 1883 г.

тербургской. Узнавъ объ этомъ распоряженіи, высокопр. Филаретъ, (сказывалъ покойный владыка Антоній), крѣпко покачалъ головой и примолвилъ: „знаю, знаю все... Но пождемъ, увидимъ, а не увидимъ, такъ услышимъ, *что сіе хочетъ быти* и, главное, что изъ этого выйдетъ“.

Рецензія со стороны Конференціи С.-Петербургской Академіи не замедлила послѣдовать. Главный членъ ея тогдашній Ректоръ Академіи Архим. Евсевій (бывшій высокопр. Архіеписк. Могилевскій) ⁽¹⁾ въ отзывѣ своемъ сказалъ, что сочиненіе, по тщательномъ разсмотрѣніи, найдено имъ соответствующимъ своему назначенію и по содержанію и изложенію, хотя и указалъ при этомъ на нѣкоторыя мѣста, требующія пересмотра и исправленія со стороны автора. Что это дѣло вообще не замедлилось видно изъ того, что въ томъ же 1847 г. послѣдовалъ уже и указъ изъ Св. Синода съ сказаннымъ сей часъ отзывомъ (именно отъ 30-го Декабря) ⁽²⁾.

Высокопр. Филаретъ, говорилъ покойный влад. Антоній, прочитавъ сначала самъ, присланный при указѣ. отзывъ, прямо отдалъ его мнѣ съ словами: „на-ко сообрази, что именно не ладно въ твоей системѣ сравнительно съ этимъ отзывомъ; и главное представъ мнѣ поскорѣе. Я радъ и благодаренъ, что *тамъ* не замедлили, а намъ тѣмъ болѣе не слѣдуетъ задерживать дѣло; да я самъ сразу вижу, что тутъ не предстоитъ никакой серьезной работы“.—Слова его оправдались дѣйствительно, такъ что отъ 11-го уже Февраля 1848 г. ⁽¹⁾ (слѣдов. со времени полученія указа съ отзывомъ ни-какъ не болѣе какъ чрезъ мѣсяцъ), высокопр, Филаретъ прямо же отъ себя донесъ Св. Синоду, что требуемое исполнено, и снова просилъ немедленнаго разрѣшенія и благословенія Св. Синода на напечатаніе системы.

(1) Скопч. въ Январѣ 1883 г.

(2) Указъ Св. Синода отъ 30 Декабря за № 14550-мъ.

(3) Донесеніе было отъ 11 Февраля 1848 г. за № 392.—Затѣмъ, 5 Апрѣля, Митроп. Филаретъ просилъ въ письмѣ преосв. Иннокентія, бывшаго въ Синодѣ. «употребить возможное содѣйствіе къ разрѣшенію напечатать Богословіе; ибо оно *прошло всѣ переходы для цензуры—самой строгой*».

Послѣ этого представленія не предвидѣлось уже препятствій къ разрѣшенію печатанія и оно послѣдовало скоро. Но за тѣмъ Св. Синодъ вошелъ въ разсужденіе о достоинствѣ и пользѣ этого ученаго труда. И вотъ результатъ сего разсужденія Св. Синода, какъ значится въ подлинной выпискѣ изъ опредѣленія Св. Синода по этому дѣлу, которую сообщили, при отношеніи своемъ отъ 30 Ноября 1848 г. ⁽¹⁾ на имя высокопр. Филарета тогдашній г. Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Графъ Н. А. Протасовъ. „1) Такъ какъ духовныя Семинаріи доселѣ не имѣютъ печатнаго руководства на русскомъ языкѣ по классу Догматическаго Богословія, которое бы (руководство) вполне удовлетворяло требованіямъ сей науки, составляющей главный и важнѣйшій предметъ духовнаго образованія, Богословіе же Архимандрита Антонія составлено имъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Преосвященнаго Филарета Митрополита Кіевскаго и по разсмотрѣннн одобрено въ учебномъ отношеніи Конференціями С.-Петербургской и Кіевской Академій: то ввести немедленно сію книгу въ классическое употребленіе во всѣхъ дух. семинаріяхъ. 2) Преосвященному Митрополиту Кіевскому Филарету за архипастырское руководство въ составленіи сего, столь полезнаго въ учебномъ отношеніи, сочиненія, совершенно согласнаго съ духомъ ученія Православной Каѳолической Церкви, изъяснить отъ лица Св. Синода полную признательность. 3) Архимандрита Антонія, въ уваженіе какъ вообще усердныхъ и полезныхъ учебныхъ трудовъ его по преподаванію богословскихъ наукъ въ Семинаріи, такъ, въ особенности, по вниманію къ настоящему опыту высшаго духовнаго просвѣщенія, представленному имъ во вновь составленномъ сочиненіи, возвестъ на высшую ученую степень „*Доктора Богословія*“.

Когда вскорѣ за симъ былъ полученъ дипломъ и самый крестъ *Докторскій*, и когда отъ всѣхъ, особливо искренно сочувствовавшихъ и труду и автору, выражались разныя привѣтствія, высокопр. Филаретъ, какъ пе-

(1) Отношеніе отъ 30-го Ноября за № 15501-мъ.

редавалъ покойный влад. Антопій, тоже не скрывалъ и предъ другими своего полного удовольствія. „Я радуюсь, говорилъ онъ, конечно и тому, что твой трудъ увѣнчанъ честію и для тебя; но болѣе всего утѣшалось, что Господь благословилъ совершить это дѣло такъ, какъ душа моя хотѣла и радѣла. Я увѣренъ, что эта система должна будетъ выдержать себя на много лѣтъ, и хотя науки богословскія будутъ усовершенваться съ теченіемъ времени и быстро, по эта система должна оставаться, какъ прочное основаніе. Если Св. Синодъ благоизволилъ выразить мнѣ полную признательность за посильное мое руководство, то я съ своей стороны приношу мою всеполнѣйшую благодарность Св. Синоду и благоговѣйнѣйшую радость о Господѣ, что Онъ Своєю, Богодарованною священно-начальникамъ паче же всего въ лицѣ Священнаго Собора, благодатию выну просвѣщаетъ и умудряетъ, *во еже быти намъ, по Дару Всесвятаго Духа, право правящими Слово Его истины.* Здѣсь собственно не лицо—авторское важно, а единеніе духа и вѣры въ союзѣ мира. Молю Того же Господа, дабы и преподающіе и изучающіе ученіе Вѣры Христовой и не только въ семипаріяхъ, для которыхъ составлено настоящее руководство, но и въ академіяхъ, держались вѣрно и неотступно изложенныхъ въ немъ истинъ, паче же всего уразумѣвали, что эти истины не философемы какія либо, а суть Глаголы Господа, а Онъ Самъ рекъ: *Глаголы яже Азъ глаголю—духъ и животъ суть...* Тебѣ же говорю, что если ты и удостоенъ высшей чести, заключающейся въ ученой степени Доктора, то прими сіе съ одной стороны яко и достойное по Апостолу: „*Прилежащии добръ пресвитеры сугубья чести да сподобляются, паче же труждающихся въ словъ и ученіи* (1 Тим. 5, 17); а ты дѣйствительно *потрудился* много, и *прилежалъ добръ*; а главное, принявъ на перси твои крестъ докторскій, внимай, что на немъ означено (Матѹ. 5, 19.—*Иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречетъ въ царствіи небеснѣмъ*). Что ты еще молодъ для такого высокаго званія, это правда; но скажу словами того же Апостола къ св. Тимоѳею: „*никто о юности твоей да не радитъ*

(1 Тим. 4, 12), токмо *буди вѣренъ званію* по повой твоей степени, не по имени... и самъ же первый *не неради о своемъ дарованіи, да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ* (ст. 14, 15).—Однимъ словомъ. говорилъ покойный влад. Антоій, высокопр. Филаретъ повторилъ при этомъ чуть не все первое посланіе къ св. Тимофею, подобно тому, какъ. при самомъ началѣ поручаемаго имъ мнѣ составленія Догматич. Богословія, прочиталъ почти все посланіе къ Ефесеямъ. Въ заключеніе же сказали: „Я и самъ почти въ твои же годы (1) получилъ степень Доктора; теперь же разница между нами та, что *мнѣ подобаетъ малитися, тебѣ же множитися* (2), *множитися* не въ ученыхъ только званіяхъ и почестяхъ. а въ *преспѣяніи* и въ дальнѣйшихъ трудахъ и, дай Богъ. подобно же успѣшныхъ“.

При другомъ случаѣ, еще ранѣе, именно по полученіи только разрѣшенія на напечатаніе системы, тотъ же высокопр. Филаретъ говорилъ автору ея: „ну вотъ видишь, какъ я тебѣ правду говорилъ. что начинать службу снизу лучше; не будь ты опредѣленъ въ Семинарію, я увѣренъ, не былъ бы ты въ возможности составить и полную систему, именно такую, за которую теперь можно вполнѣ ручаться, что она какъ разъ придется вездѣ къ дѣлу и на пользу всѣмъ, и учащимъ и учащимся, такъ какъ она составлялась прямо на практикѣ съ натуры; къ тому же сколько принесетъ она пользы уже и тѣмъ одиимъ, что избавитъ учащихся отъ излишняго и тягостнаго труда въ писаніи и переписываніи“. Наконецъ, для скорѣйшаго изданія въ печати и, главное, для возможно-тщательнаго и исправнаго напечатанія, дабы и опечатками, особенно на первый

(1) Высокопр. Филаретъ получилъ степень Доктора въ 1814 г.. слѣдов. *на 35 году* его жизни, а высокопр. Антоій въ 1848 г.. когда ему было отъ роду *33 года*.

(2) Это выраженіе буквально употреблено и въ письмѣ высокопр. Филарета къ извѣстному П. С. Алексисскому объ А. Антоии. когда этотъ послѣдній находился на чредѣ въ С.-Петербургѣ (письмо отъ 11 Февраля 1849 г.). Письмо это будетъ приведено еще въ своемъ мѣстѣ.

разъ, не ввести кого въ педоумѣніе и не подать повода къ какимъ либо кривотолкованіямъ. высокопр. Филаретъ настоятельно требоваль, чтобы самая корректура не только проходила чрезъ руки автора, но оттиски по отдѣламъ были предварительно представлены лично ему. Вообще, сказываль покойный Антоній, Владыка-дядя радовался этому дѣлу, кажется, болѣе чѣмъ я самъ. „Я теперь, приговариваль онъ, и умру спокойнѣе, что дождался, по милости Божіей, исполненія моего задушевнаго желанія. Вѣдь заслугъ у меня не много, а, можетъ и никакихъ; за-то дерзаю сказать словами Апостола: „*втру соблюдохъ*“ (1). Самъ же авторъ Богословія—А. Антоній, по полученіи степени Доктора, немедленно писалъ къ преосв. Иннокентію, между прочимъ, слѣдующее: „Благословить душа моя Господа и вся внутренняя моя Святое Имя Его, за неизреченныя благодѣянія, которыми Его всеблагая Десница такъ изобильно ущедрила меня. Съ глубочайшею признательностію повергаю себя къ стопамъ Св. Синода, такъ милостиво принявшаго трудъ мой и *такъ щедро наградившаго!* Въ чувствованіи живѣйшей благодарности лобызаю и десницу Вашу, которая, навѣрно преимущественно, дѣйствовала ко благу моему“ (2).

Экземпляры новоставленной системы Догматическаго Богословія, какъ только появилась она въ печати, стали расходиться тогда же въ 1848 г. повсюду, хотя распоряженія о введеніи этой системы въ учебникъ еще тогда не послѣдовало. Первое изданіе было обозначено именемъ автора—Ректора Кіевской Духовной Семинаріи, Архимандрита Антонія, еще безъ титула Доктора Богословія. Не смотря на это, и самый трудъ и авторъ были почтены тотчасъ же самыми достойными и лестными отзывами отъ разныхъ лицъ, какъ многихъ изъ тогдаш-

(1) Это выраженіе значитъ и въ замѣткахъ рукописныхъ, имѣющихся у насъ, веденныхъ въ свое время со словъ самого высокопр. Филарета покойнымъ влад. Антоніемъ.

(2) Письмо отъ 14 Декабря 1848 г. XV. Въ трудахъ Кіевск. духовн. Академіи 1884 г. Іюнь. стран. 259. *ошибочно* обозначено это письмо отъ 14 Дек. 1843 г.—т. е. ошибка въ годѣ.

нихъ святителейъ, такъ и состоявшихъ въ нашей духовно-учебной администраціи, не исключая самого г. Оберъ-Прокурора Св. Синода Графа Н. А. Протасова (1).

Выписываемъ здѣсь хотя кратко и нѣкоторые, особенно характеристичные, отзывы. „Не могу и не знаю чѣмъ, хотя отчасти, выразить (писаль высокопр. *Анатолій*—архіеп. Могилевскій) всеискреннѣйшую мою благодарность Вашему В—бію за пріятнѣйшій и поистинѣ благодатный даръ Вашъ. Съ душевнымъ наслажденіемъ, какого давно не испытываль, я просмотрѣлъ и съ полувину уже прочиталь Ваше Догматическое Богословіе, которое въ нашей отечественной Церкви по своей стройности раскрытія истинъ, твердости доказательствъ и ясной точности ихъ изложенія есть, по истинѣ, явленіе тѣмъ вожделеніе и восхитительнѣе, чѣмъ *неожиданнѣе*. Это благодѣяніе для нашихъ семинарій и въ особенноти для воспитанниковъ въ оныхъ, которые, Богъ вѣсть, за какой грѣхъ, болѣе тридцати лѣтъ будто *египетскимъ плиноодъланіемъ* денно и ноцно отягощаются списываніемъ, неизвѣстно какихъ, системъ. По сему если по изреченію св. Апостола „*слава и честь всякому дѣлающему благое*“, то я и опредѣлить не въ состояніи, какой достойны славы и чести люди, которые, подобно Вамъ, отъемлютъ отъ нашихъ Семинарій *укоризну въ позорной ихъ скудости* учебниками. И если бы это отъ меня зависѣло, то я немедленно ввелъ бы во всеобщее употребленіе Ваше Богословіе въ семинаріяхъ и пр.“ (2). „Благодарю Васъ (писаль *Гедеонъ* архіеп. Полтавскій) за Вашъ истинно полезнѣйшій трудъ. Стоило на такой плодъ уче-

(1) Подлинныхъ писемъ съ таковыми отзывами имѣлось у насъ въ рукахъ болѣе десяти, а именно: отъ *Анатолія*, архіепископа Могилевскаго, — *Гавріила*, архіеп. Тверскаго, — *Иннокентія*, архіеписк. Херсонскаго, — *Гедеона* архіеп. Полтавскаго, — *Гавріила*, архіеп. Рязанскаго, — *Илюдора*, архіеп. Курскаго, — *Аркадія*, архіеп. Пермскаго, — *Николая*, епископа Тамбовскаго, — *Гереміи*, еписк. Кавказскаго, еще отъ Ректора Москов. духов. Академіи архим. *Алексія*, и отъ г. Оберъ-Прокур. Св. Синода Графа Н. А. Протасова и отъ Директоровъ Дух. Учебн. Управленія Карасевскаго и Сербиновича.

(2) Письмо отъ 23 Ноября 1848 года.

ности посвятить и время и трудъ. Въ нашемъ образованіи духовномъ недоставало *надежнаго руководства* въ преподаваніи Богословія *Вы теперь подарили насъ имъ...*“ (1). „Не туне благословенъ Вашъ трудъ Св. Синодомъ на его печатаніе; не туне возблагодарить Васъ за эту богатую дань ей и св. Церковь. Ставь въ ряды ея чадъ, за тотъ же трудъ Вашъ поклоняюсь и я Вашему В—бію“ писалъ *Гавріилъ* архіеп. Тверскій“ (2). „Этотъ благословенный трудъ Вашъ, писалъ преосв. *Геремія* бывший тогда еписк. Кавказскій, зѣло обрадовалъ мою душу и по благопотребности его для Церкви Божіей и по внутреннему достоинству его и важности, и еще потому, что сей превосходный плодъ возросъ въ томъ вертоградѣ, гдѣ и я былъ, *еще и не плоднымы дѣятелемъ*. Молю Господа, да и впредь во славу Его приносится плодъ въ тридцать и шестьдесятъ и во сто словомъ и дѣломъ, благимъ поученіемъ и житіемъ Вашимъ по Бозѣ“ (3). „Наконецъ не будетъ преувеличенія, писалъ Ректоръ Московской дух. Академіи (*Алексій*—впослѣдствіи архіеп. Тверскій), если скажу что Ваша книга принята будетъ всюду съ радостію и самое имя Ваше увѣнчается благословеніями. Этого и желаю Вамъ болѣе всего, съ этимъ за ранѣе и поздравляю Васъ“ (4). Самъ г. Оберъ-Прокуроръ гр. Протасовъ писалъ по этому поводу на имя самало высокопр. Филарета хотя въ выраженіяхъ, болѣе официальныхъ, за то при первомъ личномъ представленіи къ нему автора, прибывшаго вскорѣ въ С.-Петербургъ на чреду служенія, отнесся къ нему со всею благовнимательностію и благодарилъ его съ совершенною искренностію въ такихъ между прочимъ буквальныхъ выраженіяхъ: „*Вы оказали намъ великую услугу... Вы сняли съ насъ позоръ, что досель не было въ Россіи своей системы Богословской*“ (5).

(1) Письмо отъ 4 Декабря 1848 г.

(2) Письмо отъ 1 Января 1849 г.

(3) Письмо отъ 27 Декабря 1848 г.

(4) Письмо отъ 30 Ноября 1848 г.

(5) Слова эти буквально слышаны были нами изъ устъ преосв. Антонія при разныхъ случаяхъ.

Писаль наконецъ по этому же поводу и высокопр. Иннокентій, бывшій тогда въ С.-Петербургѣ присутствующимъ въ Св. Синодѣ. Онъ писалъ, впрочемъ, уже не по поводу только изданія Догматики, хотя отъ всей души привѣтствовалъ автора съ благо-успѣшнымъ вообще окончаніемъ дѣла, а по поводу увѣнчанія его высшею степенью Доктора, и спѣшилъ съ особенною радостію извѣстить его, что они скоро должны увидѣться лицомъ къ лицу въ Петербургѣ (1). Въ этомъ же письмѣ, (какъ говоритъ прежде указываемый авторъ) Иннокентій выразилъ самую дружескую заботливость объ А. Антоніи, совѣтуя ему теплѣе одѣться на дорогу и вообще беречь свое здоровье слабое ради Церкви“ (2).

Кромѣ писемъ на имя автора съ отзывами о его трудѣ, были письма и прямо на имя самого высокопр. Филарета по этому же поводу. Хотя мы не имѣемъ ихъ подъ рукою, даже и въ выпискахъ, но содержаніе ихъ понятно. А какъ письма къ первому и второму были въ свое время взаимно читаны тѣмъ и другимъ, то высокопр. Филареть, по рассказамъ преосв. Антонія, и словъ не находилъ выразить свою духовную радость не столько уже за успѣхъ труда, сколько собственно о томъ, что въ лицѣ святителей русской Церкви сохраняется благодатію Божіею такой духъ и чувство ревности по Бозѣ о дѣлѣ истинно-православнаго просвѣщенія и о соблюденіи чистоты самаго ученія Христовой Церкви. „Вѣдь это, говорилъ онъ, не какія либо ученія рецензій, хотя бы и высокоученыхъ людей, а голосъ и свидѣтельство всей нашей помѣстной Церкви“.—Еще болѣе, кажется, радовался онъ духомъ, что Догматическое Богословіе принято учебникомъ и въ свѣтскихъ высшеучебныхъ заведеніяхъ (3). Последнее понятно, если скажемъ здѣсь кста-

(1) О возведеніи въ степень Доктора и о вызовѣ на чреду слушенія въ Спб. состоялись опредѣленія Св. Синода одновременно, именно по первому предмету 22^{1/2} ноября, а по второму 26²³ ноября 1848 г.,—о чемъ Иннокентій, какъ присутствующій въ Синодѣ, и знать занодливно.

(2) Смотр. Киев. епарх. вѣдом. 1879 г. № 47, стран. 12.

(3) Въ формулярн. спискѣ преосв. Антонія значится это, меж-

ти, что высокопр. Филареть, еще въ бытность его Ректоромъ Московск. дух. Академіи, пользуясь особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ тогдашняго Министра Народн. Просвѣщ. Князя Голицына, имѣлъ благоприятный случай подать ему мысль ввести въ университетахъ преподаваніе богословской системы. тогда какъ прежде этого тамъ преподавался только Катихизисъ (¹). Нужно знать также, что онъ же, въ бытность свою Митрополитомъ Кіевскимъ, относился къ нравственно-религіозному преподаванію въ Кіевскомъ Университетѣ съ особенною наблюдательностію и не оставлялъ безъ своихъ внушеній самыхъ преподавателей тѣмъ болѣе, что послѣдніе были не только по богословію, но и по философіи изъ профессоровъ же Кіевской Академіи. Такъ въ Историч. Запискѣ по случаю юбилея (стран. 119) говорится: „О. А. Теофану, преподававшему философію въ Академіи и Университетѣ, иногда тяжело обходились указываемыя внушенія. Ревнитель богословской истины—Архипастырь рѣзко и строго выражался не рѣдко о философскихъ терминахъ и трактатахъ, гдѣ ему противны были не только философскія формулы, но даже самыя имена какого либо Спинозы или Гегеля. Архим. Теофанъ, какъ главный профессоръ философіи, вызывался къ наибольшей отвѣтственности за нее, особливо какъ монахъ. Онъ, однако, кротко покорялся своей судьбѣ, искренно уважая чистоту побужденій, въ слѣдствіе которыхъ нападали на его философствованіе“. Приведемъ здѣсь одинъ фактъ, который передавалъ самъ покойный влад. Антоній съ объясненіемъ, что этотъ фактъ не ускользнулъ въ свое же время отъ борзониснаго пера В. Ип. Аскоченскаго, занесшаго его въ свои мемуары, какъ бывшаго личнаго свидѣтеля-слышателя.

ду прочимъ, буквально такъ: «Св. Правител. Синодомъ за сочиненіе «Догматическое Богословіе», принятое учебникомъ въ дух. семинаріяхъ и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскихъ возведенъ на степень Доктора Богословія».

(¹) Замѣтки о жизни высокопр. Филарета, составл. покойнымъ влад. Антошемъ, 1879 г. стр. 20.

„Однажды А. Теофанъ, проводя, по обычной тактикѣ своихъ мистифирующихъ воззрѣній, параллель между духовнымъ и чувственнымъ бытіемъ, задался вопросомъ: „что значить, что, когда рѣжутъ, напр., курицу, она такъ сильно трепещется и бьется?...“ и разрѣшилъ это тѣмъ, что будто-бы не страхъ смерти и боль отъ рѣзанія приводитъ ее въ такое состояніе, а какое-то чувство восторга, что вотъ она (курица), назначенная въ пищу человѣка, чрезъ процессъ питанія обратившись въ соки организма, какъ существа высшаго тѣлесно-духовнаго, переходитъ изъ своего чувственнаго животнаго бытія въ высшее... и что она предвкушаетъ здѣсь какъ бы сладость того состоянія, котораго по слову Апостола, часть вся тварь: *яко и сами тварь освободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ*. Мысль эта, сама собою оригинальная и въ своемъ родѣ завлекательная, легко могла быть принята студентами-слушателями съ особеннымъ сочувствіемъ, чуть не съ восторгомъ и, въ слѣдствіе этого самаго, скоро изъ стѣнъ аудиторіи разнеслась и сдѣлалась извѣстною, кому слѣдовало знать, и наконецъ самому высокопр. Филарету. Послѣдній, воспользовавшись случаемъ, когда собирались къ нему начальствующіе и профессеры Академіи, монашествующіе и другіе ⁽¹⁾, по просту на домашній обѣдъ, завелъ рѣчь о предметахъ, близкихъ къ сказанному, и наконецъ поставивъ вопросъ, какъ разъ тотъ же самый, какимъ задавался о. Теофанъ, вдругъ обратился къ послѣднему: „а ну-ка, отче, какъ бы ты разрѣшилъ этотъ вопросъ по твоей велемудрой наукѣ?! Когда о. Теофанъ началъ-было повторять свое мнѣніе, высокопр. Филаретъ обычнымъ простодушнымъ тономъ сказалъ ему: эхъ отче-отче Теофане! Хотя имя твое значить „*Богоявленный*“, по точному переводу съ Греческаго. но вѣрно, что такое разумѣніе не *Богъ явилъ* тебѣ, какъ речено Господомъ Спасителемъ св. Ап. Петру, а *плоть и кровь...* а съ другой стороны, хотя ты, по имени, *Богоявленный*,

(1) Какъ обычный завсегдатай при подобныхъ собраніяхъ у Митроп. Филарета былъ и В. И. Аскоченскій.

по забыть, видно, про того, кто не по имени только, а по благодатному дарованію вѣдѣнія *естество сущихъ уяснилъ* и который наименованъ св. Церковію *небожественнымъ* (1),—разумѣй св. Василия Великаго! Но вѣдь и этотъ великій Тайникъ природы въ своемъ *Шестодневъ* не доходилъ до такихъ откровеній таинъ природы... А потому я вотъ что тебѣ скажу по моему не философско-метафизическому, а простому разсужденію. „Если намъ—монахамъ не положено по уставу употреблять въ пищу куриць, а только яйца, то этимъ самымъ, по моему, и не дано знать, что чувствуетъ курица, когда ее рѣжутъ, и въ какой восторгъ приходитъ она отъ представления, что перевариваясь въ питательные соки съѣдающихъ ее, будто бы переходитъ въ какое-то высшее бытіе... А сказать прямѣе: развѣ животныя назначены были изъ начала въ пищу человѣку?! А вѣдь, по твоему толкованію, это необходимо слѣдовало бы... Да и самый текстъ св. Апостола противъ твоего же толкованія. Сказано: *освободится тварь отъ работы истлѣнія*; а какъ она, при существованіи человѣчества въ этомъ земномъ мірѣ, не освободится, пока міръ не измѣнится и пока онъ во *зль лежитъ*, то тварь и должна быть жертвою работы и истлѣнія... Какой же здѣсь для твари, слѣдовательно и для твоей курицы, восторгъ?! Не сказано ли прямо у того же св. Апостола, что, напротивъ, *тварь воздыхаетъ, страдаетъ, повинувшись суетъ за повинувшаго ее человека?* Не такъ ли и ты разсудишь теперь?.. Постарайся же измѣнить, высказанное тобою предъ студентами, мнѣніе, представивъ его не болѣе, какъ въ значеніи парадоксальности и неумѣстной софистики; да и впредь-то не задавайся никакими подобными созерцаніями, которыя какъ нельзя болѣе справедливо уподобить *куриной же слѣпотѣ* въ значеніи извѣстной подъ этимъ названіемъ болѣзни глазъ. Для устраненія же этой куриной-слѣпоты—мыслительной болѣзни запасись тѣмъ

(1) Выразеше—*«естество сущихъ уяснилъ еси»*—буквальное въ тропарѣ Св. Василию Великому, а наименование—*«небожественный»* тоже въ кондакѣ ему же.

коллуриемъ, о которомъ сказано въ Апокалипсисѣ, и *помазываетъ чаще очи твои, да видиши* (Апок. 3, 18). Да и слѣдующему-то рядомъ стиху внем.и, гдѣ речено отъ лица Самого Господа: *Азъ, ихже аще люблю, обличаю и наказую: ревнуй убо и покайся* (тамъ же ст. 19).

Съ описываемой поры (1848 г.), говоритъ извѣстный авторъ, „Ректоръ Семинаріи А. Антоній сталъ пользоваться уже большою извѣстностію и отличною репутаціею, и потому такъ скоро, непредвидѣнно, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ на чреду священно-служенія и проповѣди Слова Божія“ (1). Но, при этихъ искренне-правдивыхъ словахъ достоуважаемаго автора, нельзя миновать той грустной истины, что гдѣ честь и извѣстность и вообще счастье, тамъ за нимъ, какъ тѣнь за тѣломъ, слѣдуютъ и иные взгляды и толки, хотя часто неимѣющіе силы и значенія и проводимые желающими лишь для того только, чтобы сказать *свое слово*. Въ настоящемъ разѣ подобные взгляды и толки были дѣйствительно, хотя бы не болѣе, какъ остатки, илп, такъ сказать, осколки прежнихъ, касавшихся самаго хода и образа составленія Догматическаго Богословія. Такъ какъ противъ очевиднѣйшихъ достоинствъ этого сочиненія, признанныхъ уже высшимъ авторитетомъ, не оставалось говорить ничего, то стали проводиться догадки касательно самаго вызова автора на чреду въ Петербургъ. По соображеніямъ, основанія которыхъ вѣдомы были, конечно, самимъ только виновникамъ ихъ, выходило будто такъ, что этотъ вызовъ потому-де такъ скоро и непредвидѣнно состоялся, что *тамъ* желали увидать на лицо и дознать въ дѣйствительности достоинства автора столь достойнаго ученаго труда...

Этихъ обстоятельствъ не-не знали въ свое время и самъ преосв. Антоній и даже вспоминалъ объ нихъ хотя не иначе, какъ съ улыбкою... Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ и письменное указаніе на эти именно *толки и предразсудки*, о которыхъ писавшій выразился именно такъ: „Ликую духомъ и радуюсь, что Ваше В—біе пре-

(1) Смотр. Клев. Епарх. вѣд. 1879 г. стр. 12.

зираете *оныя толки и предризудки*, коими другія наши талантливья лица, по какому-то малодушію, удерживаются отъ составленія и изданія своихъ трудовъ и пр. (1).

Впрочемъ, подобныя толки, по словамъ самого же преосв. Антонія, продержались недолго. „И замѣчательно, говорить онъ, на чемъ болѣе всего мнили утверждать свои догадки выдававшіе ихъ, на томъ же и обрушились они сами. Подобнымъ мнителямъ представлялись какія-то будто затаенныя недобрья, собственно къ высокопр. Филарету, а не раздѣльно и ко мнѣ, чувствованія и отношенія преосв. Иннокентія, и по сочувствію къ послѣднему, нѣкоторыхъ и другихъ, *сущихъ тамъ сверху...* и собственно будто бы изъ-за того, что Влад. Филаретъ съ издавна отзывается не въ пользу богословствованія Иннокентіевскаго и что предпринялъ самый трудъ составленія Догматическаго Богословія какъ бы въ упоръ Иннокентію и въ пониженіе его ученой богословской авторитетности. А тутъ какъ разъ доказалось иное“.

Изъ приведеннаго уже прежде письма болѣе чѣмъ очевидно искренность чувствъ и отношеній преосв. Иннокентія къ Антонію, не смотря на то, что послѣдній въ эту пору занималъ еще такое положеніе, каково—Ректора Семинаріи. Изъ дальнѣйшихъ же писемъ преосв. Иннокентія, писанныхъ къ тому же безраздѣльно, по отношенію и къ высокопр. Филарету и Антонію, таже искренность выражалась постепенно яснѣе и полнѣе, хотя преосвящ. Иннокентій зналъ очень твердо, что *архистареицъ*.—какъ наименовалъ онъ въ одномъ письмѣ къ преосв. Антонію высокопр. Филарета.—дѣйствительно носилъ въ душѣ нѣкое несочувствіе къ нему, и зналъ прямо изъ-за чего именно. Однажды, говорилъ преосв. Антоній, Владыка Филаретъ, при личномъ свиданіи съ преосв. Иннокентіемъ, въ самомъ простодушномъ смыслѣ и тонѣ, высказалъ ему такъ: „Отъ чего это вы, Преосвященный, восходя по *Петровой лѣстницѣ* добродѣтелей (2 Петр. 1. 5. 6. 7.), по видимому, *тщаніе все привнесше*, такъ не

(1) Письмо Анатоля, архіеп. Могилевскаго, писанное А. Антонію, находившемуся на чредѣ въ С.-Петербургѣ.

такъ, а частенько поскользаетесь и оступаетесь на одной ступени, на коей изображено: *въ разумъ же воздержаніе* (1). Преосвящ. Антоній особенно твердо помнилъ это указаніе Владыки Филарета и нерѣдко самъ употреблялъ его въ разговорахъ при умѣстныхъ случаяхъ.

Наконецъ, когда, по поводу испрашиваемаго у Св. Синода *пятого* уже изданія Догматики, преосв. Григорій. (бывшій тогда архіеп. Казанскимъ) поднялъ было открытую официальную полемику противъ нѣкоторыхъ пунктовъ, и когда преосв. Иннокентій въ эту пору находился въ Синодѣ же и слѣдовательно могъ бы, такъ или иначе, придержаться стороны полемиста, тогда, напротивъ, онъ же первый отнесся въ положительную пользу Догматики и самыхъ слѣдовательно лицъ—и автора и руководителя, и въ послѣдствіи лично пересказалъ тому и другому, какъ происходило все дѣло.

Преосв. Антоній, при воспоминаніяхъ объ этомъ, равно и о самыхъ письмахъ, однажды даже не утерпѣлъ, потребовать подлинныя письма преосв. Иннокентія. — При

(1) Въ полномъ текстѣ слова Св. Ап. Петра слѣдующія: *«...тицаніе же все привнесіе, подадите въ вѣръ вишей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумъ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, во благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь»*. Въ родѣ подтвержденія указываемыхъ отношеній между обоими іерархами приведемъ слѣдующій рассказъ, бывшій извѣстнымъ въ свое же время и между нами—студентами. Когда была получена телеграмма о кончинѣ Иннокентія и прочитана Митр. Филарету, онъ будто бы перекрестился и сказалъ: «ну, слава Богу! и я теперь умру спокойно». Видѣвшие и слышавшие это недоумѣвали. Онъ же проговорилъ: «Я вѣдь часто думалъ и боялся, какъ бы онъ послѣ меня не былъ митроп. Кіевскимъ». Это вызвало новое удивленіе... а онъ продолжалъ: «да! тогда бы досталось, не бось, всему—даже и святымъ пещерамъ и самимъ-то св. Угодникамъ. Я знаю, какъ онъ и мнѣ однажды планировалъ, что и что нужно бы сдѣлать въ пещерахъ, какіе устроить разные новые входы и выходы, трубы, вентиляци и пр. пр. И чтожь! Случись бы быть еѹ здѣсь митрополитомъ, не бось, онъ планировалъ бы и еще, не знай чего... Я помню, и тогда на силу урезонилъ его и даже въ глаза ему посердилъ на него за такіе неумѣстные его проэктъ и просто-на-просто фантази; въ концѣ же концовъ сказалъ я: «станемъ, Преосвященный, лучше помнитъ словицу, что *«бодливой коровъ не даромъ и Богъ не даетъ рога»*».

этомъ, перелистывая ихъ и видя въ нихъ обозначенныя уже мною, особенно замѣчательныя и идущія къ біографіи высокопр. Филарета, мѣста, многія повторяя оныя вслухъ съ своими комментаріями, и въ заключеніе сказалъ: „Да! многіе ли повѣрятъ этому, особенно изъ тѣхъ, коимъ представлялось это въ свое время на изнанку ⁽¹⁾. А попадись самыя эти письма въ руки какого нибудь *роденьки* ⁽²⁾ Ростиславова, то онъ постарался бы, пожалуй, и тутъ пайти *свои тѣни* и подыскать *свои краски по своему вкусу*, какъ.—прости Господи!—„*несъ, возвращаяйся на свою блевотину*“.

Что чувствованія и отношенія преосв. Иннокентія къ самому преосв. Филарету выражались, между прочимъ, въ письмахъ на имя А. Антонія, это уже одно свидѣтельствовало, какъ нераздѣльно понималъ писавшій достоинства того и другаго. Выпишемъ слѣдующія самыя краткія выдержки изъ нѣкоторыхъ подлинныхъ писемъ этого именно рода ⁽³⁾. „Владыкѣ поклонитесь отъ меня до ногъ и просите отеческаго благословенія и лобызайте за меня его святую десницу“. „Владыкѣ *Архистарцу* поклонъ до земли сыновнѣйшій“. „Скоро будетъ у насъ

(1) Напечатанныя въ Трудахъ Киев. дух. Академіи въ нынѣшнемъ 1884 г. «Письма высокопр. Филарета Митроп. Киевскаго къ Иннокентію архіеп. Херсонскому» служатъ прекраснѣйшимъ свидѣтельствомъ истинно-добрыхъ отеческихъ отношеній перваго къ послѣднему, начиная съ самаго титула привѣтственнаго, въ верѣдкихъ письмахъ: *Eminentissime!*.—Для образчика же довольно прочесть напр. слѣдующія строки, свидѣтельствующія объ истинно-отеческомъ духѣ и чувствахъ *архистарца*: «Въ вашемъ *многодѣльномъ* служеніи невозможно убѣжать отъ погрѣшностей. А потому и В. Преосвященство ничего болѣе не сдѣлали, какъ только заплатили на ряду со всѣми общую дань немощамъ человѣческимъ... Я и упомянулъ только въ нужную Вамъ предосторожность на будущее время служенія Вашего».

(2) Авторъ извѣстныхъ статей Д. И. Ростиславовъ, родной братъ теперешняго протоіерея Калужскаго А. И. Ростиславова, жень котораго, по завѣщанію преосв. Антонія, назначено въ наследство оставшееся послѣ него все вещевое имущество. Имя перваго, особливо въ послѣднее время, преосв. Антошій не могъ равнодушно даже слышать.

(3) Подлинныя письма въ материалахъ по составленію біографіи высокопр. Филарета.

большой имянинникъ (т. е. 1-го Декабря); не забудьте же привѣтствовать его и отъ меня съ поцѣлованіемъ за меня святой десницы его. Я не пишу къ нему въ подобные дни, чтобы не дать ему труда отвѣчать на писанное; о здоровьѣ же Владыки (того же Филарета) я зналъ уже отъ него самого недавно вѣсть добрую и радуюсь о семъ. Святители, ему подобные, какъ *драгоценныя антики*, составляютъ незамѣнимыя украшенія для Церкви православной“. „Владыкѣ поклонитесь до земли отъ меня; хотѣлось бы еще повидѣться съ нимъ, но какъ и когда.—и сбудется ли?!“ На это послѣднее выраженіе, говорилъ преосв. Антоній, тогда же обратилъ вниманіе высокопр. Филаретъ и сказалъ: „да, это свиданіе, вѣрнѣе всего—что не сбудется; по крайнеи мѣрѣ на меня пусть не рассчитываетъ, а о себѣ самъ *да помыслитъ*“. И сбылось дѣйствительно такъ:—сказанное желаніе высокопр. Иннокентія было выражено въ письмѣ его отъ 28 Декабря 1856 г., а въ слѣдующемъ 1857 г. оба они скончались—Иннокентій чрезъ пять мѣсяцевъ (26-го Мая), а Филаретъ почти ровно чрезъ годъ (21 Декабря).

Что же касается до чувствованій и отношеній, выражавшихся въ многочастныхъ письмахъ преосв. Иннокентія собственно къ самому преосв. Антонію, то трудно бы даже вѣрить, если бы не видѣть этихъ писемъ въ подлинникѣ. Самъ получавшій эти письма, какъ оказывается, не могъ и не умѣлъ, нѣкоторымъ образомъ, быть соотвѣчающимъ писавшему, если не въ чувствахъ, то въ выраженіяхъ и приемахъ. По крайней мѣрѣ самъ преосв. Иннокентій, наконецъ, какъ бы возревновалъ объ этомъ, желая и прося болѣе тѣснѣйшихъ безцеремонныхъ отношеній къ себѣ со стороны корреспондента-Антонія. „За чѣмъ бы вамъ, писалъ онъ однажды, не писать ко мнѣ по моему же—*безъ титуловъ* и безъ всякой *форменности*. Это и проще и легче“. Самъ же онъ (Иннокентій), писалъ большею частью, какъ говорится, *ex abrupto* и *ex-promptu*, начиная прямо съ той мысли и предмета, какіе занимали его въ минуты, когда онъ брался за перо. Во всѣхъ же письмахъ видны отличительнѣйшія качества и черты.—совершенная братственность, откровенность, до-

вѣрность, какихъ бы предметовъ и дѣлъ ни касалась его рѣчь. Содержаніе писемъ было весьма разнообразное; кромѣ обычныхъ текущихъ свѣдѣній, въ нихъ заключались многія важныя по своему значенію—и ученныя и административныя и даже государственно-политическія; послѣднія были собственно по дѣламъ въ Крымскую войну, коихъ, какъ извѣстно, писавшій былъ не свидѣтелемъ только, но и участникомъ. Вотъ для образчика выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ (автографовъ): (1) „какъ къ неоскудѣвающему *источнику*, къ Вамъ мы опять съ своимъ *почерталомъ*. Пожалуйста намъ законоучителя. Если же такимъ образомъ *ожесточаемъ просити* (это выраженіе извѣстное славяно-библейское), то вѣдайте, что это не только для пользы своей, но и по ревности о репутаціи Вашей и вашей Академіи“. „Воспитанники ваши, какъ Вами же выбранные (писано въ послѣдующемъ письмѣ) подвизаются съ похвалою“ (2). „Въ наступающемъ лѣтѣ Благодати желаю Вамъ всего благодатнаго; съ вашимъ лицомъ соединено все благо Академіи; да укрѣпите Васъ Господь во всемъ“. „А что же Вы невыполняете задачи N a равно и N (3), иначе можно, пожалуй, возбудить тревожный ропотъ въ ученomъ мѣрѣ“. „Не хотите ли взять для изданія и, разумѣется, для предварительнаго *усовершенія* мой сборникъ догматическій“. „Посылаю Вамъ свои рѣчи (4) для напечатанія, писалъ онъ, по въ рѣчахъ этихъ, если что окажется нужнымъ *измѣнить, переменяйте смѣло, не спрашивая меня*“.

(1) Автографы (письма преосв. Иннокентія къ А. Антонію) находятся у пишущаго въ сохранности—въ материалахъ по составленію биографіи высокопр. Филарета. Письма же самого А. Антонія, въ количествѣ 23-хъ, къ преосв. Иннокентію напечатаны въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи въ 1884 г.

(2) Преосв. Иннокентій, извѣстно, слишкомъ озабочивался хорошимъ подборомъ лицъ, служащихъ въ Семинаріи и въ другихъ заведеніяхъ въ своей епархіи; но сколько ни обладалъ способностью для этого онъ самъ, тѣмъ не менѣе вполне довѣрялъ и, бывшему тогда Ректоромъ Академіи, Антонію.

(3) Это—задачи митр. Евгения и графа Румянцева, на что завѣщаны ими капиталы.

(4) Эти рѣчи, говоренныя въ Крымскую войну.

Эти и подобныя обращенія въ письмахъ, не говоря уже о томъ, какую дышать онѣ неподдѣльностію чувствъ и отношеній, имѣютъ, между тѣмъ, то важное значеніе, что въ нихъ, вопреки ходившимъ толкамъ, ясно всякому, какое высокое понятіе имѣлъ писавшій о лицѣ, къ коему обращался онъ по такимъ разнообразнымъ серьезнымъ предметамъ и вопросамъ, и какую выражалъ безусловную довѣренность къ его достоинствамъ.

Указанныя отношенія преосв. Иннокентія къ высокопр. Филарету и Антонію были не временныя и не случайныя, зависѣвшія только отъ обстоятельствъ и явившіяся подъ какими либо впечатлѣніями и вліяніями. Начавшись съ той именно поры, какъ извѣстно уже читателямъ, когда преосв. Иннокентій выразилъ истиннобратственное сочувствіе къ вызываемому на чреду служенія А. Антонію (въ 1848 г.), эти отношенія и продолжались неизмѣнно до конца жизни перваго (въ 1857 г.). Въ послѣдній же разъ онѣ выразились въ Сентябрѣ 1856 г. ⁽¹⁾ уже лицомъ къ лицу, усты ко устамъ. Здѣсь, среди многихъ разнообразныхъ предметовъ собесѣдованія, были на первомъ, можно сказать, планѣ свѣдѣнія, во всей подробности и откровенности переданныя преосв. Иннокентіемъ о томъ дѣлѣ, которое начато было еще въ 1852 г. преосв. Григоріемъ въ значеніи полемики противу „Догматики“, хотя высокопр. Филарету и А. Антонію было уже извѣстно о результатѣ этого дѣла, только въ краткой официальной формѣ ⁽²⁾.—Преосв. же Иннокентій, какъ бывший во весь предъ Коронаціею годъ въ С.-Петербургѣ, зналъ о послѣднемъ ходѣ этого дѣла даже болѣе, нежели самъ, начавшій его, преосв. Григорій ⁽³⁾. Все, что выяснилъ, какъ говорится, на чистую преосв. Иннокентій при этомъ свиданіи, заинтересовало, гово-

⁽¹⁾ Въ Сентябрѣ 1856 г. преосв. Иннокентій былъ въ Клевѣ на пути въ Одессу изъ Москвы послѣ Коронаціи.

⁽²⁾ Послѣдній указъ по этому дѣлу послѣдовалъ изъ Св. Синода, отъ 9 Юля 1856 г. за № 6443.

⁽³⁾ Преосв. Григорія Казанскаго во время самаго зарѣшенія этого дѣла не было въ Петербургѣ.

рилъ преосв. Антоній, по преимуществу самого Владыку Филарета. такъ какъ онъ же болѣе всего и встревожился при самыхъ первыхъ свѣдѣнїяхъ о начавшемся дѣлѣ. Встревоженность его имѣла тотъ смыслъ, чтобы, по пословицѣ, „отъ искры не дошло до пожара“. Владыка готовъ былъ выступить съ открытымъ не только апологетизмомъ, но даже протестомъ. Благо, что скоро доставлена была ему, сначала конфиденціально, буквальная копія съ того заявленія, которое внесъ отъ себя въ Св. Синодъ преосв. Григорій, съ изложеніемъ своихъ замѣчаній (болѣе сорока) противъ многихъ мѣстъ Догматическаго Богословія, а затѣмъ послѣдоваль и указъ Св. Синода (отъ 31 Декабря 1853 г.) съ выпискою тѣхъ же замѣчаній. Увидѣвъ уже въ этой выпискѣ, въ чемъ дѣло, Владыка видимо успокоился, и, отдавая мнѣ для прочтенія, онъ сказалъ: „ну, не ахти же какая велемудрость! Впрочемъ ты-то, чадо, хоть и Докторъ, да готовься-ка къ экзамену, который я тебѣ самъ дамъ; а меня уже пусть проэкзаменуетъ самъ Св. Синодъ, коли я дожилъ до этого... Эхма-Эхма! невольню скажешь словами блаженнаго старца о. Пароенія. Есть же люди, которые отъ большаго-то ума если не являются, по слову св. Апостола, прямо *куящими мысли злы*, за-то оказываются оправдывающими на себѣ выраженіе: „отъ большаго-то ума всегда жди и онїбки или, напросто, глупости большой же“.

Повторивъ эти же, сейчасъ сказанныя, выраженія почти до слова при личномъ собесѣдованіи съ преосвящ. Иннокентіемъ въ присутствіи моемъ, говорилъ преосв. Антоній, Владыка продолжалъ между прочимъ такъ: „Ну скажите пожалуйста, Преосвященный, съ чего, кромѣ какъ съ бухту-барахту, пришло въ голову преосв. Григорію затѣвать это дѣло и тѣмъ паче проводить его путемъ официальнымъ чрезъ Св. Синодъ.—Судя уже по тому одному, что преосв. Григорій съиздавна состоялъ Членомъ Св. Синода, онъ болѣе и ближе, чѣмъ кто, могъ бы сдѣлать подобное заявленіе или при самомъ первоначальномъ разсматриваніи Догматическаго Богословія, или, по крайней мѣрѣ, при первомъ или второмъ изданіи“.—

„Да. страннымъ казалось это дѣло и тамъ. въ Св. Синодѣ. отвѣчалъ преосв. Иннокентій со всею откровенностію. Я самъ, какъ и нѣкоторые другіе, былъ даже противъ того, чтобы давать значеніе и ходъ заявленію преосв. Григорія, такъ какъ, изложенныя въ немъ, замѣчанія сразу оказывались и неумѣстными и невыдерживающими своей силы и значенія, но преосв. Григорій былъ тогда совершенно далекъ, чтобы согласиться на это. Въ послѣдствіи же, хотя онъ и былъ согласенъ уступить, но крайней мѣрѣ готовъ былъ перемѣнить свое прежнее изложеніе, но послѣднее было уже поздно, потому что замѣчанія его были уже препровождены Вашему В—ству въ выпискѣ при указѣ Св. Синода“ (1).

Уступчивость со стороны преосв. Григорія сколько представлялась новою своего рода странностію. столько же она вызвана была другимъ, неожиданнымъ для него самого, обстоятельствомъ, изъ котораго онъ не могъ не понимать, что замѣчанія его ясно давалось мало вѣсу. Дѣло было въ томъ, что въ описываемый промежутокъ отъ Духовно-Учебнаго Управленія, при предложеніи г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, послѣдовало представленіе о безотлагательной нуждѣ приступить къ новому выпуску Догматическаго Богословія А. Антонія по причинѣ, во множествѣ поступающихъ отвсюду, требованій на эту книгу, какъ учебникъ. И Св. Синодъ, не смотря на продолжавшееся дѣло по поводу замѣчаній преосв. Григорія, тутъ же опредѣлилъ „разрѣшить выпустить новое изданіе Богословія А. Антонія *немедленно въ прежнемъ его видѣ*“.

Съ другой стороны, таже уступчивость, хотя и поздняя, со стороны преосв. Григорія объяснилась и изъ самаго содержанія его замѣчаній. Онѣ дѣйствительно были отнюдь не важны, по словамъ преосв. Иннокентія, и не выдерживали сами по себѣ силы и значенія, или, какъ выразился самъ высокопр. Филаретъ, представляли *не ахти какую велимудрость*... Это подтверждается уже и

(1) Указъ былъ на имя высокопр. Филарета, отъ 31 Декабря 1853 года.

тѣмъ самымъ, что и какъ доносить высокопр. Филаретъ Св. Синоду въ отвѣтъ на указъ по этому предмету. Изъ сорока пунктовъ оказались важными, и то сравнительно, собственно два пункта а) о богословскомъ терминѣ *Religія* и б) о Таинствѣ св. Муропомазанія, именно о повторяемости и неповторяемости этого св. таинства. Последнему вопросу придавалъ и самъ Св. Синодъ особенную важность, такъ что, одновременно съ указомъ высокопр. Филарету о представленіи отвѣтовъ, поручилъ Духовно-Учебному Управленію отнестись къ другому автору Богословія, бывшему тогда Ректору С.-Петербургской духовной Академіи Доктору Богословія преосв. Макарію, съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ свое мнѣніе касательно этого вопроса.

По поводу разсматриваемаго дѣла самъ авторъ Догматики А. Антоній писалъ къ преосв. Иннокентію: „Вотъ уже третій годъ ⁽¹⁾, какъ не давали мнѣ разрѣшенія печатать вновь мою Догматику, и наконецъ въ этомъ только мѣсяцѣ (письмо было отъ 23 Марта 1854 г.) получены при указѣ Св. Синода Владыкѣ замѣчанія, сдѣланныя на мою книгу *известнымъ критикомъ*, послѣ *двухлѣтняго* содержанія ихъ *въ секретъ*... Удивительно, какъ поступаютъ и поощряютъ у насъ ученые труды, и самыя безкорыстныя пожертвованія вознаграждаютъ!.. Что же замѣчанія?.. Онѣ противъ прежняго нѣсколько измѣнены, но въ основѣ тѣ же. Чѣмъ дальше и больше читать ихъ, тѣмъ,—скажу откровенно съ сыновнею довѣренностію Вашему Высокопреосвященству,—болѣе надобно изумляться тому, что занимаются у насъ *такія лица* такимъ *школьническимъ ребячествомъ* и такъ тщательно и серьезно *процѣживаютъ комаровъ!*.. Замѣчанія присланы Владыкѣ на разсмотрѣніе съ тѣмъ, чтобы онъ представилъ свое заключеніе. Не знаю, что онъ будетъ дѣлать съ ними. Впрочемъ самъ я не бросаю дѣла, а сижу и усовершеншаю

(1) Прежде же еще за два года онъ писалъ: «Впрочемъ я и не претендую, чтобы книга моя была непремѣннымъ исключительнымъ учебникомъ: по зачѣмъ же задерживать ея издаше—уже *пятое*—собственно для меня самого и для желающихъ?... (Письмо 25 Октября 1852 г.).»

свою книгу частію по замѣчаніямъ, а болѣе по своимъ соображеніямъ. Нѣсколько сотъ экземпляровъ я просилъ *продать мнѣ моей же книги* изъ запаса Дух.-Учебн. Управленія, и мнѣ обѣщано. Тогда, какъ получу, буду имѣть возможность „удѣлить нѣсколько и для епархіи Вашей“ (1).

Составленіе отвѣтовъ на замѣчанія, равно какъ и нѣкоторыя по нимъ исправленія поручены были высокопр. Филаретомъ самому автору А. Антонію. „И я, говорилъ онъ, дѣйствительно занялся этимъ дѣломъ весьма серьезно: отъ этого работа моя вышла очень значительная по объему. Но Владыка Филаретъ какъ только увидѣлъ мою рукопись, тутъ же замѣтилъ: „ну ты, кажется, и впрямь какъ на экзаменъ или диспутъ написалъ цѣлую диссертацию. По моему же не стоитъ и не слѣдуетъ“. Заставляя меня не разъ прочитывать по частямъ, онъ дѣйствительно настойчиво требовалъ выпускать очень многое, а наконецъ и самъ собственноручно еще болѣе сократилъ. Когда же пришлось представлять въ Св. Синодъ, то онъ окончательно передумалъ и оставилъ только то, что касалось собственно двухъ вышеуказанныхъ пунктовъ—о терминѣ *Религія* и о Тайнствѣ Мѣропомазанія.

Въ донесеніи своемъ Св. Синоду (2) высокопр. Филаретъ писалъ: а) что имъ поручено было автору Богословія разсмотрѣть сдѣланныя замѣчанія и, если гдѣ и что можно и нужно, исправить въ своей системѣ; б) это и было имъ сдѣлано, а именно: нѣкоторыя незначительныя выраженія замѣнены другими, по мѣстамъ вставле-

(1) Преосв. Иннокентій просилъ А. Антонія выслать 600 экз. Догматики для церквей. На это-то письмо А. Антоній отвѣчалъ еще прежде такъ: «Отъ души радъ бы снабдить епархію Вашу книгою за самую ничтожную цѣну: но не имѣю не только 600, а даже и 60 экз., не смотря на большія требованія моей книги изъ многихъ мѣстъ».—Въ другихъ же предшествовавшихъ письмахъ А. Антоній тоже часто спрашивалъ о судьбѣ своей Догматики. Такъ напр. въ письмѣ отъ 18 Ноября 1852 г. онъ писалъ къ преосв. Иннокентію: «О Догматикѣ моей доселѣ не слышу ничего. Между тѣмъ въ пей очень нуждаются. Семинаристамъ опять угрожаетъ Египетское *пленводъланіе*—переписка уроковъ какъ по сей наукѣ, такъ и по многимъ другимъ».—И еще ранѣе отъ 25 Октября.

(2) Донесеніе было отъ 13 Ноября 1854 г. за 3086.

ны цитаты, гдѣ ихъ не было; на нѣкоторые догматы приведены свидѣтельства изъ св. преданія и изъ св. отцевъ ⁽¹⁾; нѣкоторые §§ переставлены съ одного мѣста на другое безъ измѣненія ихъ содержанія, и вообще сдѣлано только то, что относилось лишь къ школьно-учебной сторонѣ дѣла. в) Но тѣ изъ замѣченныхъ мѣстъ, кои касались серьезной внутренней стороны, по его личному усмотрѣнiю и соображенiю, оставлены какъ было прежде. г) Касательно значенія и употребительности богословскаго термина *Религiя* и вопроса „о неповторяемости св. Таинства Муропомазанiя“ при семъ представляется особое изложенiе“. Это изложенiе, во всей подлинной точности, помѣщаемъ здѣсь, какъ замѣчательное по своему содержанiю.

1) „Не найдено нужнымъ и справедливымъ вытѣснять изъ нашего учебнаго Богословскаго языка слово— *Религiя*. Ибо а) оно хотя не русское, а латинское, но усвоено уже русскимъ языкомъ и принято во все европейскiе языки. Не заключая въ себѣ ни по составу своему, ни по значенiю ничего противнаго истинѣ, и напротивъ весьма удачно выражая мысль, въ немъ заключающуюся, оно, подобно многимъ другимъ словамъ иноязычнымъ, вошедшимъ въ употребленiе на нашемъ языкѣ, напр. *догматы, вѣстась, символъ, канонъ, система, исторiя* и проч., ничѣмъ не заслуживаетъ того, чтобы изгонять его, тогда какъ прочiя указаннiя слова терпятъ и пользуются правомъ гражданства. б) Трудно согласиться съ тѣмъ, будто слово „*Религiя*“ можно вполне замѣнить словомъ *Вѣра*, будто то и другое слово означаетъ одно и то же, и будто два эти слова, употребляемыя для означенiя одного и того же, производятъ только сбивчив-

(1) Эти свидѣтельства, какъ говорилъ преосв. Антонiй, были и въ самой первоначальной моей рукописи; но Владыка же Филаретъ тогда еще сказалъ: «къ чему ихъ теперь на лицо?—и безъ того книга выйдетъ большая, такъ что лишь въ пору, чтобы усвоили ее всю учащiеся. А съ тѣмъ вмѣстѣ для чего такiя *готовыя указки* для наставниковъ?—они при всемъ готовомъ-то, пожалуй, совѣмъ сложать руки и не заглядывать ни въ одно изъ святоотеческихъ творенiй; а пусть-ка сами покопаются, почитаютъ и извлекаютъ все нужное.

вость въ понятіяхъ. Напротивъ, слово *Религія* имѣеть обширнѣйшее значеніе, а *Вѣры* тѣснѣйшее. Первымъ означается совокупность всѣхъ христіанскихъ истинъ, а вторымъ только часть ихъ. Понятіе *Религіи* заключаетъ въ себѣ и догматы, и нравоученія, и Богослуженіе, и каноны, а понятіе *Вѣры* только догматы, какъ и св. Апостоль Павелъ опредѣляетъ вѣру: „*Есть же вѣра умова-емыхъ извѣщеніе, вещей облеченіе невидимыхъ*“ (Евр. XI, 1.). Религія объемлетъ всѣ отношенія наши къ Богу; а Вѣра одно отношеніе—принятіе умомъ и сердцемъ истинъ откровенія, и составляетъ не все, а только половину потребнаго ко спасенію; другая половина—добрыя дѣла, только по мнѣнію Лютеранъ, тождественна съ вѣрою, и потому и вопросъ о добрыхъ дѣлахъ, какъ о чемъ либо отличномъ отъ вѣры, у нихъ не имѣеть мѣста. А по Православному не такъ: посему и въ Св. Писаніи вѣра различается отъ добрыхъ дѣлъ. Іак. гл. 11, ст. 14. 2 Тимоѳ. гл. 1, ст. 13. в) Что Цицеронъ толкуеть слово Религія по своему, въ смыслѣ не совсѣмъ благопріятномъ для насъ, это не важно: ибо Лактанцій и Августинъ, не менѣе Цицерона, знали свой природный языкъ, и они въ семъ случаѣ болѣе достойны довѣрія ⁽¹⁾.

(1) По вопросу о терминѣ «Религія»—*religio* у пишущаго была не разъ рѣчь съ преосвящ. Антоніемъ; при чемъ сводился вопросъ главнымъ образомъ къ тому филологическому изслѣдованію: «слѣдуетъ ли это слово признавать чисто латинскимъ и производить его отъ глагола *ligo*», какъ дѣлаетъ Лактанцій, или отъ Греческаго *λέγω*, откуда и *λόγος*?“ Преосв. Антоній, нужно сказать, по меньшей мѣрѣ полусоглашался съ послѣднимъ или оставался всегда въ какомъ-то колебаніи, хотя сведеніе понятія, заключающагося въ богословскомъ употребленіи термина «религія» съ понятіемъ о „*λόγος-ѣ*“ по Евангельскому ученію въ приложеніи этого термина,—какъ наименованія Втораго Лица Пресвятой Троицы—Сына Божія—*Возродителя* падшаго человѣчества—особенно занимало и удовлетворяло его. Строго-филологическое изслѣдованіе слова „*λόγος*“ показываетъ тожество съ „*λόγος*“, равно какъ и глаголь *λέγω* тождественъ съ *λέγω*; а *λέγω* и *λόγος* выражаютъ прямѣйшее понятіе о *рожденіи*, именно—о ношеніи въ утробѣ матери зародившагося существа: отсюда и Славянское слово—«*ложесна*» напр. въ церк. пѣсни Богородицъ: «*ложесна бо Твоя престога сотвори*»...

II) Замѣчено, что въ Догматикѣ не сказано въ ученіи о Таинствѣ Муропомазанія, — „какихъ отступниковъ пынѣ Православная Церковь принимаетъ чрезъ Муропомазаніе“. Во 1-хъ, это относится болѣе къ Каноническому Праву и ученію объ обрядности церковной, чѣмъ къ Догматикѣ; во 2-хъ, не сказано это потому, что, по ученію нашей Церкви, Таинство Муропомазанія не совершается ни надъ какими отступниками, какъ только надъ тѣми, которые принимаются въ общеніе съ Православною Церковію, не бывъ прежде никогда муропомазаны, поелику это Таинство есть одно изъ трехъ *неповторяемыхъ* Таинствъ. Хотя же въ книгѣ: „Православно-Догматическое Богословіе“ Епископа Винницкаго Макарія сказано, что „Муропомазаніе, будучи не повторяемо, подобно Крещенію, повторяется однакоже, не подобно ему, надъ тѣми, которые отрицались отъ имени Христова и вновь обращаются къ православію“ (томъ IV, стр. 154); но *сей важный предметъ требуетъ предварительнаго глубокаго разсужденія Святыишаго Синода*. Ибо а) если допустить, что Муропомазаніе повторяется надъ обращающимися отступниками, то его нельзя уже называть *неповторяемымъ*, подобно Крещенію, иначе будетъ явное противорѣчіе: неповторяемое потому и неповторяемо, что не повторяется; если же оно повторяется, то уже не есть неповторяемо. Значитъ надобно будетъ измѣнить основное догматическое понятіе о Муропомазаніи и исключить его изъ числа *неповторяемыхъ* Таинствъ. б) Не вѣрно въ историческомъ отношеніи. Вопросъ о томъ, — какъ принимать отпадшихъ отъ вѣры Христовой, рѣшаемъ былъ въ Церкви пздревле, еще во времена гоненій, и рѣшенъ былъ такъ, чтобы принимать ихъ чрезъ публичное покаяніе, проводя чрезъ различные степени онаго, или эпитиміи; болѣе ничего не было узаконено и повтореніе надъ ними Муропомазанія не положено. в) Не согласно съ древними канонами Соборовъ. Вселенскій Соборъ II-й разсуждалъ о томъ, какъ присоединять иновѣрцевъ къ Церкви Православной, и указалъ въ 7-мъ правилѣ, — кого именно принимать чрезъ Крещеніе, кого чрезъ Муропомазаніе. Объ отступникахъ, вторично обращающихся,

тамъ ничего не узаконено, и ни на какомъ другомъ Соборѣ, ни въ правилахъ отеческихъ также нѣтъ о семъ постановленій, хотя Трулъскій Соборъ въ 95-мъ правилѣ весьма близко касался сего предмета, и, повторивъ узаконенное въ 7-мъ правилѣ II-го Собора, дополнилъ оное, указавъ, какихъ еретиковъ должно принимать въ Православную Церковь и безъ Муропомазанія, съ однимъ рукописаніемъ объ отъерженіи еретическихъ мѣтній.

г) Повтореніе Муропомазанія надъ отступниками отъ христіанской вѣры не согласно съ настоящимъ чиномъ Церкви нашей. издаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода въ особой книжцѣ и взятымъ изъ древняго чина, изложеннаго въ большомъ Требникѣ Петра Могилы. Тамъ яснѣйшимъ образомъ указано. (см. лист. 56 на обор., 57, 58, 95 изд. 1837 г.), что принятіе обращающихся изъ отпавшихъ къ жидовству или магометанству, послѣ известной обрядности, должно оканчиваться разрѣшительною молитвою Таинства Покаянія съ наложеніемъ на нихъ только известной эпитиміи. Муропомазаніе же совершать надъ таковыми указано только въ томъ случаѣ, когда, по тщательномъ распросѣ обращающагося, окажется, что надъ нимъ не было совершенно Муропомазаніе, какъ-то надъ обращающимися изъ римско-католиковъ, прежде совершенія надъ ними Муропомазанія, которое отлагается у нихъ иногда на долго послѣ Крещенія, или изъ Лютеранъ и другихъ сектъ, вовсе не имѣющихъ сего Таинства.

д) Хотя въ книгѣ Православнаго Исповѣданія Каѳолической и Апостольской Церкви Восточной сказано, что Таинство Муропомазанія повторяется для тѣхъ, которые, отвергнувшись Имени Христова, опять обращаются: но сіе очевидно внесено въ Катихизисъ Петра Могилы предстоятелями Греческой Церкви, когда оный былъ ими разсматриваемъ, потому что въ Греціи въ то время былъ уже допущенъ обычай даже крестить вновь всѣхъ инновѣрцевъ—Католиковъ и Лютеранъ. Ибо нельзя согласиться, чтобы Петръ Могила сказалъ въ Катихизисѣ своемъ одно, а въ Требникѣ написалъ совсѣмъ другое“.

Донесеніе это высокопр. Филаретъ заключилъ такъ:

„Долгомъ поставляю присовокупить, что какъ первоначально Догматическое Богословіе Архимандрита Антонія составлено было подъ моимъ руководствомъ и неоднократно было разсматриваемо впоследствии, такъ и въ настоящей разъ, разсмотрѣвъ всё, исправленныя имъ, мѣста, я нахожу ихъ достойными одобренія, самую же книгу въ настоящемъ видѣ ея признаю тѣмъ болѣе достойною того мнѣнія, съ какимъ она первоначально была принята всѣми, удостоена была особеннаго вниманія Св. Синода и назначена имъ тогда же въ учебное руководство въ семинаріяхъ и также принята въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ свѣтскихъ.—Но сіе съ глубокимъ смиреніемъ представляю благоусмотрѣнію Святѣйшаго Правительствующаго Синода“.

Что именно представлено было другимъ авторомъ Богословія (бывшимъ тогда ректоромъ С.-Петербургской Академіи еп. Винницкимъ Макаріемъ) на требованіе отъ него Св. Синодомъ мнѣнія по вопросу о повторяемости и неповторяемости Таинства Мвропомазанія, сколько ни интересно бы это было, мы доселѣ не знаемъ. Самъ преосв. Антоній тоже не имѣлъ объ этомъ подлинныхъ свѣдѣній; между тѣмъ на счетъ термина „*Религія*“ онъ не разъ высказывался *рѣзковато* въ томъ смыслѣ, что-де напрасно и самъ преосв. Макарій поступился въ этомъ отношеніи и какъ *будто подъ прямымъ вліяніемъ тогдашнихъ замчаній* преосв. Григорія, такъ какъ въ его богословіи прежде былъ этотъ же господствующій терминъ, какъ общепринятый классическій ⁽¹⁾.

Вышеизложенное допесеніе высокопр. Филарета представлено было, какъ сказано прежде, въ Ноябрь 1854 г.; а указъ съ окончательнымъ состоявшимся по нему опредѣленіемъ Св. Синода послѣдовалъ только въ Іюль 1856

(1) Въ Богословіи преосв. Макарія напр. и въ самомъ «Введеніи» терминъ этотъ употребляется же, но въ такихъ выраженіяхъ,—напр. въ § 2 Введения: «Подъ именемъ Православнаго Богословія разумѣется систематическое изложеше *Христіанской Вѣры или Религіи*». По въ самомъ господствующемъ, если не исключительно, употребленіи является у него слово: *Христіанская Вѣра* или *откровенная Вѣра*.

года. Причина такой продолжительности дѣла, по словамъ преосв. Антонія, заключалась въ томъ, что въ Св. Синодѣ хотя сразу вполне соглашались съ содержаніемъ донесенія высокопр. Филарета и готовы были бы рѣшить это дѣло скоро, но выжидали, какъ отнесется къ нему лично самъ преосв. Григорій, или того времени, когда его не было бы въ самомъ Петербургѣ. Эти свѣдѣнія преосв. Антоній получилъ прямо изъ устъ преосв. Иннокентія въ бытность его въ послѣдній разъ въ Кіевѣ послѣ коронаціи (въ 1856 г.). Онъ (Иннокентій) говорилъ, что воспользовались именно отсутствіемъ преосв. Григорія ради его успокоенія, и чтобы положить конецъ этому дѣлу ⁽¹⁾.

Въ чемъ же состоялъ этотъ конецъ?

Отвѣтъ на это—въ указѣ Св. Синода, посланномъ на имя высокопр. Филарета отъ 9-го Іюля 1856 г., который гласилъ такъ: „Принимая въ разсужденіе, что книга Догматическое Богословіе Архимандрита Антонія нынѣ имъ исправлена по замѣчаніямъ преосв. архіепископа Казанскаго Григорія, другія же мѣста одобрены Вашимъ Преосвященствомъ (М. Филаретомъ), Св. Синодъ опредѣляетъ: I) Означенную книгу въ исправленномъ видѣ разрѣшить къ напечатанію новымъ изданіемъ. II) А какъ въ этой книгѣ, по особо возникшему вопросу, подлежитъ еще исправленію § 298 о таинствѣ Муропомазанія, то сей § выразить въ новомъ изданіи слѣдующимъ образомъ: „Таинство Муропомазанія, однажды совершившееся надъ вѣрующимъ, простираетъ свое благодатное дѣйствіе на всю его жизнь“.

Въ немедленно послѣдовавшемъ, послѣ этого указа, новомъ изданіи Богословія сказанный § 298 явился подѣ

(1) По справкамъ здѣсь въ Казани у лицъ знающихъ оказалось, что преосв. Григорій получилъ въ 1856 г. увольненіе въ епархію въ Маѣ, и затѣмъ на другой день Успенія отправился на Коронацію, и съ той поры уже не возвращался, бывъ пожалованъ въ Коронацію Митрополитомъ, а въ концѣ Сентября назначенъ С.-Петербургскимъ Митрополитомъ. Слѣдовательно сказанное опредѣленіе состоялось въ отсутствіе его, какъ показываетъ и самое время указа—9 Іюля 1856 года.

§ 295 подъ заглавіемъ: „*Неповторяемость Муромомазанія*“, въ буквальной изложеніи согласно указу. Но къ этому § присоединено съ тѣмъ вмѣстѣ *примѣчаніе* такое: „Что касается Помазанія Св. Муромъ Благочестивѣйшихъ Государей при вѣнчаніи ихъ на царство: то св. Церковь, по примѣру ветхозавѣтнаго помазанія царей, совершаетъ сіе для испрошенія Царствующимъ особенныхъ благодатныхъ дарованій благопотребныхъ для ихъ высокаго служенія“. Что же касается спорнаго термина „Религія“, онъ остался въ новоизданной Догматикѣ въ прежнемъ употребленіи и силѣ навсегда.

Такимъ образомъ, продолжавшееся съ 1853 г. по 1856 г., дѣло по возникшей полемической перепискѣ получило наконецъ результатъ, вполне достойный и самаго предмета и благопріятный для тѣхъ, кои не жданно, сколько и не заслуженно, вызваны были на поле полемики. Значеніе этого результата высокопр. Филаретъ съ своей стороны весьма мѣтко и характеристично выразилъ въ слѣдующихъ словахъ, какъ передавалъ самъ преосв. Антоній: „Держа въ рукахъ, только-что представленный ему, экземпляръ новаго изданія въ исправленномъ видѣ, Владыка Филаретъ сказалъ мнѣ: „Ты, вѣдь, получилъ бронзовый крестъ за минувшую войну Крымскую?! А обратилъ ли ты вниманіе, что на немъ написано на лицевой сторонѣ? А мнѣ такъ вотъ теперь же больно бросилось въ глаза, знаешь ли что? Догадайся-ка? А вотъ тебѣ въ рукахъ моихъ живая ассоціація. Вѣдь на крестѣ-то изображены годы 1853, 1854, 1855, 1856, а твоя Догматика не точъ ли въ точъ въ теченіи этихъ же самыхъ годовъ подвергалась полемической *бомбардировкѣ*, хотя осталась крѣпче твердынь Севастопольскихъ... и дастъ Богъ, устоитъ и впредь. Потому и намъ остается только исповѣдывать тѣ же слова, какія обозначены на томъ же крестѣ на другой сторонѣ—*„на Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки“*“.

Догматическое Богословіе, напечатанное въ первый разъ въ 1848 г. и въ 1856 г. вышедшее уже шестымъ изданіемъ, продолжало издаваться и распространяться болѣе и болѣе до тѣхъ самыхъ поръ, пока, при послѣднемъ пре-

образованіи духовныхъ семинарій въ 1867 г., не уступило своего мѣста, въ смыслѣ учебника, другому, какъ составленному соотвѣтственно новой программѣ, выработанной вмѣстѣ съ проектомъ сказаннаго преобразования. Оно имѣло исключительное и господствующее употребленіе въ классно-учебномъ отношеніи двадцать лѣтъ и даже болѣе. Значеніе его, (по несомнѣннымъ достоинствамъ), свидѣлствуется уже тѣмъ, что оно было введено въ употребленіе и въ высшихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, да и въ самыхъ академіяхъ духовныхъ, едва ли не въ большинствѣ, употреблялось оно же при репетиціяхъ для экзаменовъ. Это же Богословіе можно встрѣтить и теперь едва ли не во всѣхъ церковно-приходскихъ бібліотекахъ и у большинства духовныхъ лицъ—отъ священниковъ до архипастырей. Во всякомъ случаѣ извѣстно за несомнѣнное, что касательно пріобрѣтенія этой книги въ разныя времена какъ были мѣстныя распоряженія Преосвященныхъ по своимъ епархіямъ (и едва ли не прежде всѣхъ высокопр. Иннокентія), такъ и въ составленномъ высокопр. Филаретомъ, Митр. Московскимъ, и утвержденномъ Св. Синодомъ каталогѣ книгъ, признанныхъ необходимыми для всѣхъ церковно-приходскихъ бібліотекъ, Догматическое Богословіе А. Антонія поставлено было въ ряду первыхъ. Наконецъ изданіе и распространеніе этого сочиненія не ограничилось предѣлами только нашего отечества. Оно явилось въ переводѣ и печатномъ изданіи на *Новогреческомъ* языкѣ и тамъ введено въ учебныхъ высшихъ заведеніяхъ въ классическое употребленіе (1). Греческій переводъ и изданіе были сдѣланы съ подлинника, (напечатаннаго въ исправленномъ уже видѣ въ 1856 г.), въ Афинахъ въ 1858 г. О переводчикѣ-издателѣ обозначено на главномъ листѣ такъ: „*Δογματικὴ Θεολογία ἐξελληνισθεῖσα ἐκ τῆ Ρωσικῆ ὑπο Θεοδῶρου Βαλλιάνου, συνταγματάρχου τῶν Γενικῶν ἐπιτελῶν τῆ στρατῆ τῆς*

(1) Свѣдѣніе это основывается, между прочимъ, на свидѣтельствѣ глубокопочтимаго графа М. Толстаго въ его письмахъ изъ Кіева по случаю празднованія юбилея Кіев. дух. Академіи. Смотри. Душеполезное Чтеніе, Ноябрь, 1869 г. отд. II, стр. 53.

Ελλάδος. Ἐν Ἀθήναις Τύποις Χ. Νικολαΐδου Φιλαδέλφειος“ (1). На предметъ изданія, равно какъ и за труды переводчику Θεодору Валлиану покойный влад. Антопій сдѣлалъ весьма значительныя пожертвованія изъ своихъ средствъ (2). Король Эллиповъ Оттонъ I, когда былъ ему поднесенъ экземпляръ повоизданнаго Догматическаго Богословія, благоволилъ удостоить автора Архимандрита Антонія пожалованіемъ ему Греческаго ордена Спасителя 2-й степени при граматѣ за собственноручнымъ подписомъ Его Королевскаго Величества. Сверхъ сего экземпляры Догматическаго Богословія на русскомъ языкѣ въ немаломъ количествѣ распространялись по рукамъ многихъ лицъ въ Болгаріи, Сербіи и Молдавіи. Такое распространеніе совершилось прежде всего чрезъ лицъ, получившихъ образованіе въ Кіевской Академіи и Семинаріи. При отпускѣ ихъ на родины въ разныя времена и мѣста авторъ А. Антопій вручалъ имъ въ даръ по нѣскольку экземпляровъ; затѣмъ и послѣ посылалъ не мало, по ихъ желанію, для распространенія между другими образованными туземцами, могущими понимать достаточно русскій языкъ.

Послѣ первыхъ изданій, —сколькихъ именно, заподлинно не знаемъ, —авторъ передалъ свой трудъ въ собственность духовно-учебнаго управленія при Св. Синодѣ навсегда, но съ пазначеніемъ цѣны не болѣе 25 коп. за экземпляръ для всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній (3). Этотъ фактъ имѣетъ замѣчательное значеніе, характери-

(1) На оборотной сторонѣ заглавнаго листа сдѣлана переводчикомъ-издателемъ чернильная собственноручная подпись въ предупрежденіе незаконной перепечатки, и тутъ же напечатано заявленіе: „Πάν ἀντίτυπον, μὴ φέρον τὴν κάτωθι ὑπογραφήν, θεωρεῖται ὡς κλοπιμαῖον“.

(2) Съ переводчикомъ-издателемъ Θεодоромъ Валлианомъ покойный влад. Антопій былъ лично знакомъ и велъ переписку долгое время; не оставлялъ онъ его безъ пособій и впоследствии, когда его личныя обстоятельства были неблагоприятны въ материальномъ отношеніи.

(3) На послѣднихъ изданіяхъ печаталось положительное объявленіе такого рода: «Цѣна сей книги, въ корешковомъ переплетѣ, для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній 25 коп. сер.».

зующее такъ явственно извѣстную сторону духовныхъ чувствъ автора—нестыжательность для себя и готовность облегчить для другихъ затруднительность въ средствахъ. Цѣнность же этой книги, заключающей въ себѣ *тридцать пять* печатныхъ листовъ весьма убористой печати, само собою, должна бы равняться далеко не такой стоимости. А если принять во вниманіе все число изданій въ теченіи *двадцати лѣтъ* въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какое требовалось для удовлетворенія всѣхъ духовно-учебныхъ среднихъ заведеній и высшихъ свѣтскихъ и прочихъ библіотекъ, то не трудно представить, какова должна бы быть вся сумма за все время за всѣ изданія, и отсюда какова, значить, была жертва автора и какова услуга въ разсматриваемомъ матеріальномъ отношеніи для учащихся ⁽¹⁾.

Наконецъ, что сказать о заслугѣ автора и пользѣ его ученаго труда по отношенію собственно къ наукѣ и духовному просвѣщенію? Въ отвѣтъ на это достаточно пока представить то, что уже засвидѣтельствовано и чего не признать было бы конечно несправедливо со стороны всякаго.—Такъ въ стѣнахъ того самаго разсадника духовно-высшаго просвѣщенія, изъ котораго произошелъ и авторъ и его трудъ, въ торжественной рѣчи на юбилейномъ празднествѣ, было сказано, между прочимъ: „Дѣятели позднѣе Иннокентія, преемственно выступавшіе на учебное поприще въ Кіевской Академіи, не уронили знамени, имъ высоко поднятаго. Идя въ уровень съ увеличившимися требованіями науки, они отвѣчали на нихъ уже не смѣлыми построеніями самоувѣренной мысли, но твердымъ провѣреннымъ и основательнымъ знаніемъ и

(1) Когда извѣстно стало о пожертвованіи покойнымъ высокопр. Макаріемъ 120-ти тысячъ. вырученныхъ имъ собственно отъ своихъ сочиненій, тогда предложенъ былъ вопросъ преосв. Антонію: «А что? сколько могло бы быть выручено отъ всѣхъ изданій вашего Догматическаго Богословія въ теченіи цѣлыхъ 20 лѣтъ, если бы, при томъ, цѣну назначить издательско-книгопродавческую, вмѣсто 25 коп. приблизительно втрое-вчетверо? и сколько бы получалось процентовъ на всю скопившуюся сумму?! Улыбнувшись онъ отвѣчалъ: «денежному счетоводству я никогда не учился, а о процентныхъ вычисленияхъ и понятія не имѣю».

болѣе солидною разработкою научныхъ предметовъ, болѣею твердостью и точностью убѣжденій. Такъ (между прочимъ) мы помнимъ, съ какою радостью и благодарностью духовная Школа приняла „*Догматическое Богословіе*“ бывшего Ректора Кіевской Семинаріи, затѣмъ Академіи А. Антонія, въ сжатомъ, твердомъ и строгомъ, ясномъ и отчетливомъ видѣ представляющее всю полноту Символа Православной Каѳолической Восточной Церкви (1). Наконецъ при самомъ гробѣ автора были особенно задушевные и впечатлительны слова говорившихъ объ этомъ же его трудѣ, столь благотворномъ въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія. „Мы сами (было говорено однимъ заслуженнымъ пастыремъ-педагогомъ) и учились и учили другихъ истинамъ Вѣры и обязанностямъ христіанскимъ по руководствамъ, его рукою начертаннымъ, кои навсегда останутся памятникомъ его высокаго и чистаго богословствованія“. „Самымъ важнѣйшимъ дѣломъ въ обширнѣйшемъ служеніи его было научное служеніе христіанской истинѣ, сказано было другимъ лицомъ. Благотворнѣйшимъ плодомъ этого его служенія слѣдуетъ признать, конечно, знаменитый трудъ его „*Догматическое Богословіе*, по которому нѣсколько поколѣній теперешнихъ пастырей Русской Церкви учились достодолжному вѣрованію въ Бога и ревностному исповѣданію Его. Можно полагать, что научная слава этой краткой, но точной и основательной системы Богословія высокопр. Антонія не умретъ со смертію его. Высшая церковная власть достойно и праведно почтила его еще въ свое время за этотъ трудъ высшею ученою степенью и пр.“ (2).

Но если таковы отзывы лицъ, кои свидѣтельствуютъ объ этомъ предметѣ и дѣлѣ, какъ о прошедшемъ, и во всякомъ случаѣ заочно, то понятно, что должны сказать тѣ, кои изучали ту же систему не по книгѣ толь-

(1) Рѣчь «О судьбахъ Богословской науки въ нашемъ отечествѣ». Проф. Кіев. Академіи В. О. Пѣвницкаго по случаю юбилея. стран. 194.

(2) Смотр. въ Некрологѣ, 1879 г. стран. 48—50. Надгробн. рѣчи: Запопуч. Родіоновскаго Института благор. дѣвицъ Прот. Ир. Ив. Лепоринскаго и Ректора Семинаріи Прот. Н. Т. Каменскаго.

ко. а съ живаго личнаго преподаванія самого автора и въ Семинаріи и въ Академіи. О преподаваніи Догматическаго Богословія въ Академіи мы могли бы свидѣтельствовать и сами по собственному сознанію и чувству, но на это есть уже высшее свидѣтельство, которое внесено уже на страницы исторіи, и которое, замѣтимъ, тѣмъ болѣе правдиво и безлестно, что его выслушивать привелось самому же *свидѣтельствуемому* среди столь торжественнаго акта. каковъ былъ по случаю празднованія юбилея Кіевской Академіи. „Въ характерѣ преподаванія преемника Архим. Димитрія—профессора и Доктора Богословія Архим. Антонія, мы,—говорилъ читавшій свою историч. записку,—ограничимся указаніемъ одной, между прочимъ, черты, особенно знаменательной въ пору перехода нашей науки къ извѣстному направленію: это духъ нѣкотораго особеннаго благоговѣнія къ святынь христіанской истины,—это духъ благоговѣйнаго *истиннолюбія*, который *послушающихъ* его настраиваетъ къ тому, чтобы они *вся искушающе, доброе держали*, чтобы, среди наплыва разныхъ искусительныхъ воззрѣній, умѣли блюсти самую сущую прямую истину“ (1).

Преподаваніе же въ Семинаріи Догматическаго Богословія опредѣляется уже, само собою, тѣми качествами и условіями, что самая система этого Богословія составлялась и выработывалась, какъ говорится, на головахъ самихъ же учащихъся, и потому авторъ-преподаватель, естественно, долженъ былъ проводить истины въ умы и сердца слушающихъ съ особеннымъ вниманіемъ и вліяніемъ. чтобы и самыя выраженія были въ мѣру ихъ возраста и сознанія и усвоились съ желаемою плодотворностію. Личная же провѣрка всего этого самимъ высокопр. Филаретомъ на экзаменахъ, двукратно въ каждый годъ, и его, извѣстные уже читателямъ, взгляды и отзывы служатъ столь же несомнѣннымъ ручательствомъ за достоинство личнаго преподаванія автора. Однимъ сло-

(1) Смотри. Историч. Записку о состояніи Кіев. Академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе, Проф. Академіи Ив. Игн. Мальшевскаго, стран. 119.

вомъ все, относящееся къ авторскому труду преосв. Антонія по составленію „Догматики“, и къ личнымъ и служебнымъ его достоинствамъ, доставило ему тогда же, по справедливому выраженію извѣстнаго автора, большую уже извѣстность и отличную репутацію, послужившую и къ вызову его на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія въ С.-Петербургѣ, что въ тогдашнюю пору, нужно замѣтить, признавалось весьма важнымъ и почетнымъ постомъ.

О пребываніи преосв. Антонія на сейчасъ сказанной чредѣ въ С.-Петербургѣ будетъ рѣчь, по самому порядку служебнаго его поприща, въ слѣдующей же главѣ. Но пишущій не можетъ не перенестись здѣсь воспоминаніемъ къ тому, что и какъ было въ описываемую пору въ Уфѣ, куда тоже проникла сказанная общеизвѣстность имени преосв. Антонія, какъ автора Догматическаго Богословія и Доктора Богословія, а затѣмъ вскорѣ получены были и экземпляры этого Богословія, какъ учебника для Семинаріи.— При первомъ извѣстіи тогдашній ученый и духовный міръ Уфимскій, такъ сказать, всколыхнулся какъ бы подъ обаяніемъ чего-то небывалаго, неслыханнаго... И тутъ-то, сказать по правдѣ, впервые спохватились, узнавши за подлинное, кромѣ, разумѣется, родственниковъ Несмѣловыхъ, что столь знаменитый авторъ и Докторъ есть уроженецъ Уфимскій, и что онъ племянникъ Филарета митр. Киевскаго, который былъ пѣкогда и самъ въ Уфѣ ректоромъ и настоятелемъ монастыря, что большинству тоже было невѣдомо, а другими уже и забыто.— Но никто, твердо помнится мнѣ, не воспринялъ этого извѣстія такъ глубокоискренно, какъ находившійся въ ту пору на покоѣ (упоминавшійся уже разъ прежде) преосв. Михайль, особливо же, когда онъ прочиталъ доставленную ему мною самую Догматику. „Знаете ли,—говорилъ мнѣ въ ту пору этотъ Преосвященный, что я вамъ скажу, или лучше, въ чемъ я вамъ исповѣдуюсь... Вѣрите ли, что чѣмъ болѣе и болѣе я читалъ Догматику, тѣмъ все болѣе чувствовалось, что вотъ-вотъ такъ и дышетъ и вѣетъ во всемъ содержаніи духъ незабвеннѣшаго бывшаго моего

о. Ректора и профессора въ Московской Академіи—досто­б­ла­жен­на­го Филарета... А такъ какъ я те­перь при­ви­таю здѣсь въ томъ же самомъ монастырѣ, гдѣ нѣко­гда жилъ и онъ,—то у меня до того живо расхо­ди­лось вооб­ра­женіе, что я готовъ былъ пред­ста­в­лять его какъ бы лицомъ къ лицу въ томъ видѣ и состо­я­ніи, какъ, бы­вало, видѣлъ его и слушалъ истинно съ благоговѣніемъ его лекціи въ Академіи (1). Да,—продолжалъ какъ бы юношески воодушевленный, старецъ Святитель.—*забвена буди десница моя, аще забуду я* все бывшее ака­де­мическое мое состояніе и главнѣе—виновника его, быв­ша­го для всѣхъ истиннаго отца и наставника богомуд­ра­го. Ахъ! какъ я радуюсь за него теперь тою же не­со­мнѣнною его радостію, какую получилъ онъ для себя во всей полнотѣ души, при видѣ этого самаго все­до­стой­нѣйшаго и для всѣхъ вожделеннѣйшаго труда—„До­г­ма­ти­ческаго Богословія“, совершеннаго никѣмъ инымъ, какъ истинно-благочестивою отраслю отъ его же благо­честиваго корене и по плоти и, паче же, по духу. Да, вѣрна и народная пословица, что истинно-хорошее яб­ло­ко упадетъ непременно у самаго корня добропло­до­витой яблони.—Ахъ какъ я радъ теперь и за нашихъ любезныхъ знакомыхъ Несмѣловыхъ. Кстати я не былъ у нихъ давненько; поѣдемъ вмѣстѣ сейчасъ къ нимъ, *да радость наша будетъ сугубо исполненна*“.

При послѣдовавшемъ немедленно свиданіи съ Не­смѣловыми, преосв. Михаилъ еще болѣе оживился въ своихъ чувствованіяхъ и воспоминаніяхъ, подобныхъ вы­с­казаннымъ. Семейные Несмѣловы, отъ мала до велика, всѣ были тоже въ восторгѣ... и особливо помнившіе лично и высокопр. Филарета и Яшеньку, на перерывѣ говорили о томъ и о другомъ. Когда же, однако, было сказано однимъ изъ протоіереевъ.—Петромъ Григорье-

(1) Преосв. Михаилъ (Матвѣй Добровъ, уроженецъ Москов­скій) былъ студентъ и магистръ самаго перваго курса Москов. Ака­де­мии, слѣдовательно всѣ четыре года обучался при инспекторствѣ и ректорствѣ Филарета. Проживалъ онъ въ Уфимскомъ третьеклас. монастырѣ, гдѣ настоятельствовалъ Филаретъ въ бытность Ректоромъ Семинарии 1804—1810 г.

вичемъ, „что очевидно-де по всему, что Господь даровалъ такое угѣшеніе высокопр. Филарету за его истинно-образцовое смиреніе, какое онъ являлъ во всемъ и предъ всѣми, не исключая даже отношеній къ намъ, бывшимъ семинаристамъ“...—тогда преосв. Михайлъ, слегка покачавши головою и улыбнувшись, промолвилъ: „твоя правда, отецъ Петръ..., но и я, кстати на общей радости, расскажу тоже одну правдушку, именно касательно того, что ты сейчасъ высказалъ о смиреніи высокопр. Филарета въ отношеніи къ семинаристамъ. Не таковъ бывалъ онъ по временамъ къ нашему брату—академистамъ. Мигъ, и подъ омофоромъ уже архіерейскимъ на плечахъ, какъ-то чувствовалось то, что положено было на нихъ во дни оны не десницею, а *палцею*,—по просту же *палкою* незабвеннѣйшаго Филарета... Дѣло состояло, понятно, въ чемъ...—въ нашей молодежной товарищеской глупости, состоявшей въ гулянкѣ съ возліятельными угощеніями, за которою какъ разъ и застигъ насъ самъ, бывший тогда Ректоръ. Филаретъ. Въ мигъ взволнованный конечно не отъ злобности, а отъ ревности за состояніе насъ же, оболтусовъ, онъ какъ началъ тутъ же своею палкою пробирать каждаго, кому во что попало, да и всѣ угощенія-то наши тутъ же пошвырялъ со стола,—тогда ужъ, братъ, отецъ Петръ, нечего было рассчитывать на смиреніе его, а только развѣ на ускореніе ногъ, насколько и куда кто могъ ⁽¹⁾. А я какъ и теперь неповоротливый ⁽²⁾, и тогда былъ таковъ, и потому-то наполучалъ сугубыхъ тук-

(1) Этотъ фактъ въ самой полной подробности изложенъ у г. Измайлова (студента 1-го же курса) въ его сочиненіи «Взглядъ на собственную прошедшую жизнь». Изд. 1860 г. Онъ помѣщенъ въ подробности въ биографіи высокопр. Филарета.

(2) Преосв. Михайлъ дѣйствительно выдавался своею неповоротливостію, былъ приземистый и сутуловатый и съ вида угрюмый; голосъ имѣлъ глухо-басоватый и говоръ протяжный съ прикрываньемъ,—такъ что, по самому его имени, его титуловали нѣкоторые въ простодушіи «*Мишуукъ*» въ значеніи неповоротливости его движеній и пр. Самъ же онъ былъ доволенъ этою неповоротливостію и угрюмостію потому, что она согласовалась съ неподвижною молчаливою усидчивостію его во время уженья, которое онъ любилъ до страсти съиздавна, и въ теченіи 22 лѣтъ пребыванія на покой рѣ-

маковъ. Впрочемъ этотъ случай въ насъ, студентахъ, возжегъ еще большую любовь къ незабвеннѣйшему Филарету; а онъ и на лекціяхъ, какъ бы издалека, по глаголю боко внушительно преподавалъ намъ не разъ нравственно практическіе уроки, соотвѣтствовавшіе допущенной нами глупости. И вотъ вамъ теперь сугубое утѣшеніе, что, несомнѣннѣе всего, и вашъ Яшенька—нынѣшній Архимандритъ и Докторъ, вышелъ изъ-подъ пѣстунства своего дяди—высокопр. Филарета сколько *maxime proficiens in litteris*, столько же *et in moribus* чтобы *простирагься и въ предняя* по стопамъ своего дяди, столь великославнаго въ іерархахъ нашей православной Россійской Церкви. Онъ ужъ вотъ теперь же догналъ его, и притомъ въ такой высшей ученой степени „Доктора Богословія“, которую имѣютъ во всей Россіи только пятеро. А наконецъ онъ же явно призывается и къ дальнѣйшему самымъ вызовомъ его въ Петербургъ на столь почетный постъ—на чреду священнослуженія и проповѣди Слова Божія. Дай только Богъ ему тамъ здоровья и счастья; я и самъ бывалъ на этомъ постѣ и помню, что онъ подъ часъ бывалъ очень *постный* въ разныхъ отношеніяхъ... Благо мнѣ было, что я большинство чреды провелъ въ отдаленнѣйшей командировкѣ—въ Тифлисѣ.

шительно погружался въ это свое любимѣйшее занятіе... На берегу рѣчки Уфы, протекающей подъ самымъ монастыремъ, ему тѣломъ готовили и обѣдъ и чай; посѣтителн изъ города прїѣзжали къ нему, бывало, прямо туда же.

ГЛАВА VII.

8 назначеніи своемъ къ вызову въ С.-Петербургъ на чреду служенія преосв. Антоній заблаговременно, какъ извѣстно, былъ увѣдомленъ въ письмѣ преосв. Иннокентія, бывшаго тогда присутствующимъ въ Св. Синодѣ. При этомъ извѣщеніи писавшій выразилъ свою особенную предупредительность и даже озабоченность о томъ, во что одѣться потешлѣ отправляющемуся въ дорогу и, вообще, какъ беречь въ пути свое слабое здоровье ради пользы Церкви (1). По существовавшимъ тогда путямъ сообщенія на пространствѣ полуторы тысячи верстъ предупредительность эта имѣла дѣйствительно большое значеніе для предупреждаемаго. Узнавъ о содержаніи этого письма преосв. Иннокентія, высокопр. Филаретъ съ своей стороны понялъ и оцѣнилъ сказанную предупредительность, кажется, болѣе, чѣмъ самъ преосв. Антоній. По рассказамъ послѣдняго, онъ тутъ же проговорилъ: „Ну, смотри не забудь первымъ дѣломъ сказать преосв. Иннокентію большущее спасибо и отъ меня за это. Видно по всему, что онъ человекъ ѣзжалый, знаетъ по опыту, каково быть въ дорогахъ-то, особенно нашему брату. Впрочемъ пусть не хвалится болыно своею опытностію; я-то побольше его поѣздилъ по бѣлу свѣту, не миновалъ и самой Сибири... Потомъ прижился-было въ срединной Россіи, какъ вдругъ опять попалъ почти подъ Сибирь—въ Казань. Ахъ да—кстати... у меня даже цѣль тотъ самый малахай (2), въ которомъ

(1) Кіев. спарх. вѣд. 1879 г. № 47, гдѣ эти подлинныя слова.

(2) Для незнающихъ этого мѣстнаго названія неизлишне пояснеше: *malaхай* есть теплая шапка съ длинными наушниками, до-

я ѣздилъ по монастырямъ въ Казанской епархіи въ зимнюю пору; да въ немъ же и отсюда, изъ Кіева, ѣздилъ я не разъ въ Петербургъ. — Вотъ и славно будетъ, что и ты въ немъ поѣдешь и, дастъ Богъ, оттуда пріѣдешь въ немъ же (1). Здоровье же твое ты и впрямь береги хорошенько и въ дорогѣ, да и тамъ въ Питерѣ-то, гдѣ небось и самыя-то помѣщенія для вашего брата-пріѣзженцовъ чередовыхъ не ахти-то каковы...; а наконецъ еще тамъ же припомни и выполняй совѣтъ Св. Ап. Павла Св. Тимоѳею „не ни воды (одной), но мало вина съ нею *пріемли. стомаха ради* (1 Тим. 5, 23.); иначе, братъ, невская-то водича процедить кишки, особливо на первыхъ порахъ“. Съ своей стороны, собиравшійся въ путь. А. Антоній за нѣсколько дней до своего выѣзда писалъ къ преосв. Иннокентію, между прочимъ, такъ: „Какъ ни прискорбно мнѣ оставлять родное, богатое гдѣздо свое въ Кіевѣ, гдѣ столько узъ духовныхъ, привязывающихъ къ нему душу мою, однако я съ благодушіемъ и покорностію волѣ Господа Бога и Начальства собираюсь въ

ходящими до самаго подбородка, на которомъ концы нухъ соединяются и связываются пришитыми тесемками.

(1) Малахай этотъ я видѣлъ самъ въ Кіевѣ: онъ выстеганъ на ватѣ, сваружи по краямъ обшитъ куннымъ мѣхомъ, верхняя же крышка изъ темно-фиолетоваго бархата. Случай, по которому мнѣ привелось его видѣть, былъ таковъ: Въ 1858 г. въ Февралѣ мѣсяцѣ былъ назначенъ бывший бакалавръ Кіев. Акад. Архим. Филаретъ на должность Инспектора въ Казан. дух. Академію. Озабочиваясь съ своей стороны объ удобствахъ отирающагося въ далекій путь и въ холодное еще время, преосв. Антоній, бывший тогда еще Ректоромъ Кіев. Академіи, вспомнилъ про сохранившійся малахай своего дяди-Владыки и тутъ же предложилъ его къ услугамъ архим. Филарета съ такими словами: «Этотъ малахай получить свое прохождение въ Казани и былъ носимъ тамъ Владыкою; пусть же онъ и побываетъ тамъ черезъ 25 почти лѣтъ»... Архим. Филаретъ дѣйствительно въ немъ и отправился 16-го Февраля, чему пришлось мнѣ быть очевидцемъ въ числѣ провожавшихъ Архим. Филарета до первой станицы Броваринской. Неизвѣстно, какова была дальнѣйшая судьба этого малахая въ рукахъ послѣдняго владѣльца. Когда собирався покойный влад. Антоній изъ Смоленска въ Казань въ концѣ Ноября 1866 г., онъ искренно вспоминалъ его, говоря: «вотъ бы теперь-то особенно кстати былъ тотъ малахай Владыкинъ».

путь. Утѣшаю себя тою мыслию, что возвращусь опять подъ сѣнь благодатныхъ горъ Кіевскихъ... Семинаріи моей оставаться нѣсколько затруднительно; но уповаю, что все будетъ хорошо при распоряженіяхъ Владыки“ (1).

При такихъ заботливыхъ сборахъ и папутствіяхъ вѣдливыхъ житейскихъ, само собою, не забыты были, со стороны высокопр. Филарета, наставленія, совѣты и благожеланія касательно главнаго, — разнообразныхъ условій и отношеній и самыхъ дѣйствій на мѣстѣ будущаго служенія въ столицѣ, въ глазахъ всего высшаго духовнаго начальства. Во всемъ этомъ высокопр. Филаретъ поручалъ отправлявшемуся, главнѣе всего, обращаться къ самому же преосв. Иннокентію, видя изъ письма его такое искреннее сочувствіе и участіе къ преосв. Антонію. Правда, преосв. Антоній, и по самому характеру своему и по тому, что и въ Кіевѣ при дядѣ-Филаретѣ вращался въ средѣ высокихъ лицъ, былъ не изъ тѣхъ, чтобы напередъ смущаться чѣмъ либо при ожидавшемъ его новомъ служебномъ положеніи, а, напротивъ, онъ надѣялся поставить и выдержать себя съ достоинствомъ. „Только на самыхъ первыхъ шагахъ, говорилъ онъ, едва было я не поскользнулся по отношенію собственно къ лаврскому чиновничеству“.

Всѣ, извѣстныя намъ, свѣдѣнія за время пребыванія преосв. Антонія на чредѣ о его личномъ и служебномъ положеніи и о разныхъ привходящихъ обстоятельствахъ мы изложимъ, по преимуществу, приблизительно собственными словами отъ лица самого рассказывавшаго, начиная съ самыхъ первыхъ сказанныхъ шаговъ.

„Прямо изъ дорожной повозки, довольно перезябнувшій, явился я въ Александро-Невскую Лавру къ вечерней порѣ. Узнавъ, по разпросамъ, о мѣстѣ помѣщеній для чередовыхъ архимандритовъ, я съ увѣренностію рассчитывалъ, что тамъ все было, что нужно, готово и удобно. Оказалось же, что комнаты не топлены были съ самаго времени выбытія моего предмѣстника. — Въ по-

(1) Письмо отъ 14 Декабря 1848 г.

нятной досадѣ и не имѣя возможности гдѣ шибудь ни отогрѣться, ни переодѣться. я обратился прямо къ о. Намѣстнику. Послѣдній, сначала видимо сконфузилъ, или какъ бы озадаченный тѣмъ, что я подъявился прямо къ нему. хотя успокоивалъ меня. пригласивши даже ночевать у него и сдѣлавши немедленное же распоряженіе на счетъ приготовленія квартиры, — но мнѣ отъ этого мало было легче... Пробывъ у него и весь другой день, когда, между тѣмъ, мой багажъ былъ перенесенъ совсѣмъ въ назначенныя для меня комнаты, я и самъ, поблагодаривъ о. Намѣстника, отправился туда же. Но каково было удивленіе, когда въ комнатахъ, не говоря уже о сырости, оставался еще на половину неуходившійся дымъ; а явившійся тутъ же истопникъ преспокойно разсуждалъ, что это не въ-первые, и что скоро нельзя будетъ и вовсе топить печи, такъ какъ ихъ хотѣли-было перекладывать еще въ прошлое лѣто, да, видно, забыли. или раздумали. Тутъ-то я уже и не выдержалъ, вскипѣлъ, приказалъ пригласить эконома и проч... Оказалось же, что отъ послѣдняго, равно какъ и отъ истопника самого пошли толки дагѣе... а до меня чрезъ моихъ послушниковъ дошли слухи въ родѣ такихъ: „видно-де сразу, что прѣхалъ племянникъ митрополчій, да только забылъ онъ, что здѣсь для него не кіево-печерская Лавра“. Я спохватился, и чуть было не поздно, чтобы уладить все по возможности. Благо, что о. Намѣстникъ, отлично знавшій и глубоко почитавшій владыку Филарета, своимъ личнымъ вниманіемъ и участіемъ ко мнѣ, выручилъ меня изъ пелозкихъ обстоятельствъ. Впрочемъ, продолжалъ онъ, пѣтъ худа безъ добра. Не имѣя возможности оставаться въ своей квартирѣ и принявъ даже на себя часть расходовъ и давши приплаты самымъ рабочимъ для ускоренія работъ, я имѣлъ неожиданное и преріятнѣйшее утѣшеніе помѣститься, на все время работъ—почти на цѣлый мѣсяць, въ комнатахъ бывшаго тогда Инспектора Академіи А. Макарія (бывшаго высеконр. Митр. Московскаго). Не безъ утѣшенія я перемѣтился впоследствии и въ свою квартиру, которая въ отдѣлкѣ вышла такою, что завидовали другіе, и

послѣ моей чреды она считалась, на долгое время, лучшею по удобству; — за это нѣкоторые изъ ближайшихъ преемниковъ чередовыхъ даже меня благодарили въ письмахъ”.

Этотъ разсказъ былъ повторяемъ съ буквальною почти точностію нѣсколько разъ, и вызывался обыкновенно при каждомъ свиданіи съ тѣми изъ лицъ, кои рано или поздно бывали на чредѣ. Къ числу таковыхъ лицъ относятся бывшіе здѣшніе: — преосвященный Нпканоръ, Епископъ Одесскій, преосв. Симбирскій Варсонофій и преосв. Саратовскій Павелъ ⁽¹⁾, и нѣкоторые изъ проѣзжавшихъ чрезъ Казань въ разное время преосвященныхъ. Самимъ пишущимъ этотъ разсказъ былъ тоже не разъ слышанъ и вполне былъ понятенъ, какъ бывавшему нѣсколько разъ въ Петербургѣ, начиная съ 1857 г. и посѣщавшему нѣкоторыхъ знакомыхъ изъ чередовыхъ о. архимандритовъ и знавшему твердо тамошнія ихъ помѣщенія. Но замѣчательно, что, при всей многоповторяемости, этотъ разсказъ не терялъ въ устахъ разсказчика своей свѣжести и живости. Этимъ свидѣтельствовалось, что пребываніе въ Петербургѣ для преосв. Антонія было благопріятное и удовлетворявшее воспріимчивой натурѣ и положенію его въ тамошней столичной сферѣ, разумѣется, въ доступной средѣ. Это очевидно уже изъ того, что когда, въ теченіи перваго же мѣсяца по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, преосв. Антоній успѣлъ уже прислать два письма высокопр. Филарету, и когда послѣдній не замедлил подѣлиться сколько содержаніемъ этихъ писемъ, столько и своими чувствованіями съ своимъ задушевнымъ другомъ и родственникомъ П. С. Алексинскимъ, то вогъ что, между прочимъ, писалъ онъ: „Отецъ Антоній два раза уже успѣлъ написать ко мнѣ изъ столицы. Онъ утѣшается многимъ благопріятнымъ для него; утѣшаюсь и я и пр... А все-таки безъ него я теперь *обезчидьлѣ*. Но воля Господня да будетъ о немъ! Ему *подобаетъ расти, а мнѣ малиться*.”

(1) Первый былъ на чредѣ въ 1865 г., второй въ 1875 г., третій въ 1877 году.

Вотъ я уже вѣдь отпраздновалъ и монашескій и священническій юбилей свой“ (1).

Первымъ, и по времени и по своему значенію, предметомъ и источникомъ благопріятности и утѣшенія для преосв. Антонія были, по его задушевнымъ словамъ, близкія и самыя искреннія отношенія, какія онъ встрѣтилъ въ лицѣ припавшаго его къ себѣ на сожительство, бывшаго тогда Инспекторомъ С.-Петербургской Академіи Макарія. „Хотя инспекторскія комнаты, говорилъ онъ, были не на столько удобны, чтобы не чувствовать тѣсноты для самого хозяина, но то особенно и дорого и мило было, что онъ, по слову Апостола, *не тѣсно вмѣщалъ* меня въ своемъ добромъ радушномъ сердцѣ; надъ нами и въ насъ взаимно сбылась русская пословица: „не бѣда — тѣснота, лишь бы не явилась лихота“. Для послѣдней же, конечно, не было и тѣни мѣста. Напротивъ все насъ связывало и объединяло, пачиная съ воспоминаній о первомъ нашемъ мѣстѣ и времени пребыванія въ Кіевской Академіи до самаго тогдашняго нашего служебнаго положенія и самаго званія“.

Дѣйствительно, если провести параллель между обоими описываемыми лицами за все время, отъ академическаго воспитанія по 1849 г., соотвѣтствіе оказывается самое рѣдкостное съ малѣйшими лишь, такъ сказать, колебаніями въ разности по времени на одинъ годъ; и по возрасту они различились тоже годомъ съ небольшимъ (2).

(1) Письмо отъ 14 Февраля 1849 г.

(2) Преосв. Антоній кончилъ курсъ въ 1839 г., высокопр. Макарій въ 1841 г.; тотъ и другой опредѣлены были бакалаврами въ той же Академіи и приняли монашество одинъ въ 1840 г., а второй въ 1841 г.; пробыли каждый на бакалаврствѣ очень не по долгу, — первый — одинъ годъ, а другой еще менѣе, бывши перемѣщенъ въ С.-Петербургскую Академію. Далѣе высокопр. Макарій упредилъ преосв. Антонія годомъ по архимандритству и годомъ по докторству; за-то преосв. Антоній въ описываемое время былъ выше его по служебному посту; онъ былъ Ректоромъ Семинаріи, а высокопр. Макарій — Инспекторомъ Академіи. Каждому изъ нихъ было въ эту пору лѣтъ — Антонию 33, а Макарію, вѣроятно, не болѣе 32. Въ послѣдующихъ ближайшихъ производствахъ они оба тоже не расходились далеко: такъ Макарій назначенъ былъ Ректоромъ С.-Петербург-

Преосв. Антоній въ разказахъ своихъ особенно живо рисоваль тогдашнее свое состояніе по отношенію къ ихъ возрасту, почтенному, между тѣмъ, самую высшую степень ученаго званія *Доктора*. „На насъ, говорилъ онъ, видимо обращалось общее вниманіе, особенно когда являлись мы вмѣстѣ, напр. при богослуженіяхъ, или другихъ парадныхъ случаяхъ, оба при *докторскихъ крестахъ* (1). Одинъ только ростъ представлялъ въ насъ рѣзкую разность, но и эта послѣдняя имѣла тоже особенное значеніе рельефности“.

„Начиная съ самыхъ первыхъ дней сближенія моего съ Макаріемъ, говорить преосв. Антоній, я, во все мое пребываніе на чредѣ въ Петербургѣ, на столько утѣшался нашими взаимными отношеніями, что прижился къ временному мѣсту служенія, какъ бы постоянному“. О той же обязательности, какую онъ видѣлъ въ приѣмѣ его Макаріемъ къ себѣ на жительство, онъ воспоминаль, и желалъ и готовился отплатить ему съ глубочайшею благодарностію, когда въ 1874 г. дошли первыя извѣстія, что высокопр. Макарій назначается Св. Синодомъ въ Казань для обревизованія мѣстной духовной Академіи. Преосв. Антоній заранѣе сожалѣль, что прибытіе его послѣдуетъ поздною осенью, потому что онъ хотѣль-

ской Академіи въ 1850 г., а покойный Антоній въ Январѣ 1851 г.; самостоятельнымъ епископомъ въ Тамбовѣ первый бытъ назначенъ въ 1857 г., а второй въ Смоленскѣ въ 1859 г. Архiepископомъ пожалованы—первый въ 1862 г., а Антоній въ 1867 г.; за то послѣдній чрезъ 9-ть лѣтъ отъ пачала епископства, а тотъ чрезъ 12-ть. Затѣмъ уже настала слишкомъ большая разность въ служебномъ ихъ положеніи...

(2) Докторскій крестъ и всегда, впоследствии, нельзя было видѣть на преосв. Антоніи иначе, какъ выраженіе чего-то многого и особеннаго, и потому надѣваемого имъ не такъ часто. Привѣтствуя лицъ, въ послѣднее время получавшихъ докторскую степень изъ числа свѣтскихъ, служащихъ въ Академіи, профессоровъ, онъ не пропускаль случая, чтобы съ любезностію не указать имъ на отсутствіе у нихъ докторскаго креста, съ желательнымъ намекомъ постараться получить его въ натурѣ, т. е. съ принятіемъ священнаго сана... «Иначе, говариваль онъ, хотя какой либо знакъ, да нужно бы учредить для нынѣшнихъ г.г. Докторовъ въ достойно заслуженное отличие».

было уступить ему весь городской домъ, а самъ оставаться въ загородномъ. Но, къ сожалѣнью, это не устроилось. Самъ преосв. Антоній не могъ не перемѣститься въ городскую домъ въ концѣ Сентября; а съ другой стороны высокопр. Макарій въ послѣднемъ, предъ прибытіемъ своимъ, письмѣ прямо просилъ назначить ему помѣщеніе въ какомъ либо монастырѣ, а если можно, въ томъ именно, гдѣ жилъ и погребенъ преосв. Кирилль, бывшій епископъ Мелитопольскій, какъ сослуживецъ его по Академіи. Преосв. Антоній сначала смутился было этимъ письмомъ, предполагая кое-что... но тутъ же сообразилъ, что высокопр. Макарій ѣдетъ для дѣла слишкомъ серьезнаго и притомъ въ такую пору, когда нужно было дорожить каждымъ днемъ и часомъ и шагомъ въ виду, могущаго вдругъ прекратиться, пароходства ⁽¹⁾; потому съ готовностію исполнилъ его желаніе. Такимъ образомъ неожиданная счастливая доля принять подъ своей кровью суждена была одной изъ самыхъ скромныхъ по устройству обитателей, находящейся, впрочемъ, на самомъ видномъ и центральномъ, по отношенію къ мѣстамъ администраціи, пунктѣ города.—Это—заштатный Иоанно-Предтеченскій монастырь, состоявшій тогда подъ настоятельствомъ пишущаго.

Въ чемъ и какъ выразилъсь, возобновившіеся чрезъ цѣлыя 24 года, личныя чувствованія и отношенія съ самыхъ первыхъ минутъ свиданія обоихъ іерарховъ и во все дальнѣйшее время при весьма частыхъ ихъ взаимныхъ посѣщеніяхъ здѣсь въ Казани, рѣчь объ этомъ оставляется къ своему мѣсту и времени. Въ настоящія же минуты мы не можемъ прерывать текущей рѣчи въ виду особенно того обстоятельства, которое составляетъ здѣсь теперь самую живую неотразимую ассоціацію. Это—воспоминаніе выше въ письмѣ высокопр. Макарія лицо—покойный преосв. Кирилль. Какъ высокопр. Макарій, по глубокому чувству къ памяти этого своего достойнѣйшаго сослуживца, естественно, желалъ повидѣть

(1) Высокопр. Макарій прибылъ утромъ 1 Октября, а выбылъ 10 ч., такъ какъ съ 8 на 9 выпалъ вдругъ значительный снѣгъ, что и побудило его ускорить отъѣздомъ.

здѣсь въ Казани хотя мѣсто его заточническаго ⁽¹⁾ пребыванія и посмертнаго покоеца; такъ же, естественно, желалъ въ свое время по прибытіи въ Петербургъ и преосв. Антоній видѣть того же, бывшаго тогда бакалавромъ Академіи. Иеромонаха Кирилла (Наумова), какъ земляка своего по Калугѣ.

Взаимныя чувства и отношенія лицъ-земляковъ, извѣстно, бываютъ особенно дороги и пріятны для нихъ на чужбинѣ, и всего болѣе для тѣхъ, кто прибываетъ на новое мѣсто, и тамъ встрѣчаетъ земляка, хотя бы прежде мало знаемаго и даже иногда не лично, а посредственно. Землячество же воспоминаемыхъ теперь лицъ имѣло особое значеніе; оно было даже родословное. Родители того и другаго—Антонія Протоіерей, а Кирилла діаконъ служили при одной и той же церкви Архангельской въ самомъ г. Калугѣ, а потому и семейства ихъ находились въ особенно близкихъ отношеніяхъ, и какъ бы родственныхъ ⁽²⁾. По расчету времени встрѣтившіеся теперь земляки были далеко не ровесники, когда находились въ Калугѣ. „Разница по возрасту была между нами, говорилъ преосв. Антоній, лѣтъ на 8-мь; но это не мѣшало намъ быть близкими до дружества,—и во всякомъ случаѣ вполнѣ твердо знать другъ друга, чтобы встрѣтиться искренними знакомыми въ пріѣздъ мой въ Петербургъ. Намъ особенно было пріятно и даже льстило самолюбію обоихъ, что мы оба земляки вышли на

. ⁽¹⁾ Это *заточничество* бывшаго преосв. Мелитопольскаго Кирилла состоялось вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся для него обстоятельствъ въ Іерусалимской мисси, которой онъ былъ, первый въ санѣ епископскомъ, начальникъ. Обстоятельства этого дѣла излагать здѣсь было бы неумѣстно. За то одинъ фактъ изъ времени назначенія и отправленія преосв. Кирилла въ Іерусалимъ, имѣвшій тогда же отношеніе и къ преосв. Антонию, мы изложимъ въ достаточной подробности скоро въ своемъ мѣстѣ.

⁽²⁾ Эти отношенія со стороны преосв. Кирилла, въ бытность его еще семинаристомъ въ Калугѣ, выразились, между прочимъ, въ томъ, что онъ, вмѣсто влад. Антонія, (бывшаго уже студентомъ Академіи и далѣе), обучалъ любимаго брата его Сережу и былъ репетиторомъ для него въ училищѣ и руководителемъ въ дальнѣйшее время до самой смерти послѣдняго.

одну дорогу и по званію монашескому и ученому. Зная о Кириллѣ, какъ вполнѣ даровитого и съ прекраснымъ направлениемъ, я тогда же и благожелатель, и, такъ сказать, подстрекалъ его, чтобы онъ не опускалъ времени взяться, возможно немедленно, за капитальный трудъ по разработкѣ предметовъ по занимаемой имъ тогда кафедрѣ Пастырскаго и Нравственнаго Богословія“.—Это дѣйствительно и оправдалось. Известно, что въ 1856 г., бывший тогда инспекторомъ Петерб. Академіи Архим. Кириллъ былъ возведенъ на степень Доктора Богословія за сочиненіе его. „*Пастырское Богословіе*“ (1).

Что же касалось самыхъ предметовъ—Нравственнаго и Пастырскаго Богословія, преподаваемыхъ бакалавромъ Кирилломъ, они и сами по себѣ, какъ увидимъ очень скоро, занимали особенно и самого А. Антонія, по крайней мѣрѣ предъ самымъ временемъ окончанія его чередоваго служенія въ Петербургѣ. „Однимъ словомъ я

(1) По поводу этого сочиненія пишущій съ своей стороны не можетъ не высказать здѣсь нѣкоторыхъ свѣдѣній, которыми онъ обязанъ, въ бытность въ Петербургѣ въ первый разъ (въ 1857 г.) еще въ свѣтскомъ званіи, одному случайному обстоятельству. Это обстоятельство поставило-было меня даже въ очень неловкое положеніе къ самому автору-Доктору при малѣйшемъ только напоминаніи объ одномъ лицѣ. Имя послѣдняго я не могу указать, потому что, и въ самое описываемое время, считалъ себя нравственно-обязаннымъ хранить это въ благородномъ секретѣ. Дѣло, касавшееся сочиненія и самого автора, принявшаго такъ щекотливо одно лишь высказанное напоминаніе объ Н., заключалось въ томъ, что система Пастырскаго Богословія была на предварительномъ разсмотрѣнн, между прочимъ, у высокопр. Филарета, Митр. Московскаго. Послѣдній, прочитавъ его слегка и сразу замѣтивъ многое такое, что ему—маститому возрастомъ и умомъ Иерарху,—показалось ниже его достоинства, чтобы самому лично и собственноручно дѣлать разборъ и давать отзывъ о сочиненн.—поручить это дѣло одному изъ лицъ Моск. дух. Академіи, сказанному Н. Разборъ и отзывъ со стороны послѣдняго волей-неволей вышли не въ пользу автора. Митр. же Филаретъ прямо представилъ подлинникъ рецензента Н., сказавъ, что вполнѣ раздѣляетъ изложенное въ рецензії. Это-то и запало глубоко въ душу автора арх. Кириллѣ, какъ что-то неприязненное будто бы со стороны самого рецензента Н., хотя у послѣдняго, какъ несомнѣнно мнѣ известно, и тѣни подобнаго не могло быть. Фактъ этотъ былъ рассказанъ мною въ свое же время и рецензенту Н. а впоследствии пре-

и о. Кириллъ, говорилъ покойный влад. Антоній, не только возобновили въ памяти, но и самыхъ дѣйствіяхъ нашихъ прежнія земляческія отношенія. Какъ молодой монахъ и свободный распредѣлять своимъ временемъ, кромѣ опредѣленнаго для академическихъ лекцій, онъ частенько проводилъ у меня не только вечера, но даже и почевываль. Отъ него-то я пользовался весьма многими свѣдѣніями, самыми откровенными съ его стороны, и для меня весьма нужными и полезными на время пребыванія въ столицѣ. Онъ же ввелъ въ знакомство со мною и товарища своего по академіи, бывшаго профессора тамошней семинаріи о. Геромонаха Леонтія (нынѣшняго высокопр. Архіепископа Холмскаго и Варшавскаго). И о. Леонтія, сказать по правдѣ, съ разу пришелся мнѣ особенно по душѣ; я тогда же возымѣлъ мысль переманить его на службу въ Кіевъ при первомъ удобномъ случаѣ, на что онъ и самъ соглашался. Вскорѣ это и сбылось, какъ только открылась вакансія ин-

освящ. Антонию. Послѣдній однако и самъ, при всей дружественности къ автору-Доктору, былъ не вполне выгоднаго мнѣнія о достоинствѣ сочиненія, хотя и доставившаго автору степень Доктора. Что же касается до авторскаго труда самого преосв. Антонія по составленію имъ «*Пастырскаго Богословія*»—то онъ дѣйствительно занимался этимъ трудомъ неотложно и усердно, хотя и не окончилъ его вполне. Вотъ свѣдѣнія по этому предмету изъ собственныхъ писемъ преосв. Антонія къ преосв. Иннокентію: 1) «Недавно получилъ я (писано 7 Юля 1851 г.) разрѣшеніе печатать свои уроки по Богословію Пастырскому, и началъ уже печатать. Но нѣсколько опасаясь: ибо разрѣшеніе послѣдовало прямо отъ Св. Синода,—безъ цензуры. А кажется принято за правило, чтобы подобныя сочиненія Св. Синодъ одобрялъ не иначе, какъ чрезъ посредство цензуры. Какъ бы не взяли назадъ свое разрѣшеніе!.. Науки этой у меня только половина. Надобно доканчивать, но не знаю, на новомъ мѣстѣ службы, (здѣсь разумѣется поступленіе его на ректуру въ Академію), достанетъ ли возможности. Съ началомъ курса академическаго мнѣ и самому придется *вновь* братья за многое. Какъ бы необходимо было, при этомъ, мудрое и опытное мнѣше Вашего В—ства!.. Если дерзну просить въ чемъ либо онаго, не откажите. Высокопресвященнѣйшій Владыка!» 2) Въ письмѣ отъ 8-го Января 1852 г. (слѣдов. ровно чрезъ полгода) писано было: «...Хотѣлось бы и Пастырское Богословіе продолжить и окончить... Но духъ бодръ, а плоть немощна!..»

спекторская въ Кіевской Семинаріи. Изъ инспекторовъ же Семинаріи онъ перемѣщенъ былъ чрезъ недолгое время въ Инспекторы Академіи. чѣмъ я былъ особенно доволенъ, такъ какъ самъ же и просилъ объ этомъ влад. Филарета“.

Изъ такихъ и подобныхъ разсказовъ очевидно было, что время пребыванія преосв. Антонія на чредѣ протекло для него. какъ говорится, въ соединеніи пріятнаго съ полезнымъ. Поставленный сразу въ столь близкія искреннія отношенія съ сказанными тремя лицами, преосв. Антоній, по его же словамъ, имѣлъ пріятную честь войти въ большій или меньшій кругъ знакомства и съ другими лицами и въ академической и семинарской корпораціяхъ. Кромѣ же личныхъ знакомственныхъ отношеній, онъ хорошо также ознакомился съ состояніемъ и порядками обоихъ этихъ учебныхъ заведеній, какъ столичныхъ, и потому представлявшихъ въ себѣ нѣчто особенное, если и не образцовое. Этимъ всемъ онъ не могъ не воспользоваться впоследствии въ мѣстахъ своего дальнѣйшаго служенія въ Кіевской Семинаріи, а больше всего въ Академіи, въ которую назначенъ былъ онъ Ректоромъ скоро (чрезъ годъ) по возвращеніи съ чреды. Потому-то вѣрна замѣтка прежде упоминавшагося автора, гдѣ онъ говоритъ такъ: „Надобно сознаться, что молва о назначеніи А. Антонія Ректоромъ Академіи, какъ показавшаго себя въ Семинаріи строгимъ начальникомъ, сначала нѣсколько беспокоила студентовъ. Но безпокойство оказалось напраснымъ. Уже во время (последнее) ректорства въ Семинаріи пріемы воспитательно-административной дѣятельности А. Антонія принявъ нѣсколько другой оттѣнокъ, а въ Академіи еще болѣе, благодаря конечно и новой средѣ и нажитой опытности“⁽¹⁾.

При описываемомъ благопріятномъ положеніи состоявшаго на чредѣ А. Антонія среди сказанныхъ отношеній, само собою, вызывается мысль еще объ одномъ лицѣ, находившемся въ эту пору въ Петербургѣ же, отношенія котораго и не замедлили выразиться къ тому

(1) Кіев. Епарх. Вѣд., 1879 г. № 47. стр. 12.

же А. Антонію въ столь же благопріятномъ значеніи, если не болѣе, чѣмъ со стороны другихъ лицъ. Мы разумѣемъ здѣсь преосв. Иннокентія.

Въ самомъ дѣлѣ, если преосв. Иннокентій и заочно отнесся и высказался въ такихъ искрѣннѣйшихъ чувствованіяхъ къ вызываемому еще только на чреду А. Антонію, то было бы даже оскорбительно для его имени одно предположеніе о какой либо измѣнчивости тѣхъ же чувствъ и отношеній при личномъ свиданіи и послѣдующемъ совмѣстномъ пребываніи въ Петербургѣ. И дѣйствительно, преосв. Антоній рассказывалъ, что самое первое представленіе его какъ къ высокопр. Митрополиту Никанору, такъ и къ г. Оберъ-Прокурору Св. Синода Графу Н. А. Протасову было для него особенно благопріятно вслѣдствіе участія преосв. Иннокентія. Послѣдній, какъ было видимо сразу, такъ или иначе предпамянилъ и Митрополиту и Графу о личности новопривышаго чередоваго архимандрита, какъ автора Догматическаго Богословія и, только что, нововозведеннаго въ степень Доктора. „Высокопр. Митр. Никаноръ, сказывалъ преосв. Антоній, началъ даже самыя первыя слова, при принятіи меня, именно съ того, что, какъ бы указывая мнѣ на крестъ докторскій, благосклонно привѣтствовалъ меня съ этою высокою наградою за мой трудъ“ (1). А графъ Протасовъ выразилъ это еще прямѣе въ извѣстныхъ уже, приведенныхъ прежде, словахъ, обращенныхъ въ первый разъ къ представлявшемуся къ нему А. Антонію: „вы оказали великую услугу, — вы сняли съ насъ позоръ, что доселѣ не было въ православной Россіи своей системы богословской“.

Дальнѣйшія личныя отношенія преосв. Иннокентія

(1) Самъ высокопр. Митрополитъ Никаноръ въ это время не имѣлъ еще степени Доктора. Впослѣдствіи уже въ 1854 г., съ одобренія и утвержденія Св. Синода, Конференція С.-Петербургской Академіи имѣла честь поднести ему дипломъ на званіе Доктора «за покровительство дух. просвѣщенію при справедливомъ уваженіи къ обширнымъ его познаніямъ въ предметахъ духовной учености». Смолр. Истор. С.-Петерб. Академіи, сочин. И. Чистовича 1857 г., стран. 398.

къ А. Антопію выразились, немедленно же, въ томъ, что, по настоящему желанію перваго, послѣдній долженъ былъ бывать у него чаще и притомъ не официально-домашнимъ какимъ либо образомъ, а знакомственно-домашнимъ. Въ этотъ разъ, очевидно, преосв. Иннокентій поступалъ такъ, чтобы доказать свои чувствованія и отношенія и къ высокопр. Филарету Кіевскому. „Оставляя напр. меня, рассказывалъ преосв. Антоній, нерѣдко обѣдать. преосв. Иннокентій прямо говорилъ, что „онъ съ особенною пріятностію платить этимъ за хлѣбъ-соль влад. Филарету, которую раздѣлять съ нимъ и впредь утѣшается падеждою и желаніемъ какъ истинной *манны*“. А какъ я самъ преаккуратно писалъ каждый мѣсяцъ, два и даже три раза, влад. Филарету, и отъ него часто получалъ, то преосв. Иннокентій, при каждомъ, бывало, свиданіи, непремѣнно интересовался знать, что получено оттуда; а равно болѣе интересное въ дѣлахъ синодальныхъ и вообще въ столицѣ онъ передавалъ мнѣ. при обыкновенныхъ разговорахъ, съ тѣмъ, чтобы написать о томъ или другомъ такъ или иначе тому же влад. Филарету. „Иначе мы будемъ подъ часъ угощать или точнѣе, выразился онъ, *отягощать архистарца дулетами*, —разумѣя свои и мои письма одновременныя“. Кромѣ посредственной передачи подобныя свѣдѣнія, впрочемъ, были весьма интересны и для меня лично, а иногда прямо нужны были къ свѣдѣнію въ кругу моеѣ тогдашней служебной дѣятельности“, говорилъ преосв. Антоній.

Въ чемъ же состояла служебная дѣятельность и весь кругъ официальныхъ отношеній состоявшаго на чредѣ Арх. Антонія.—отвѣтъ на это опредѣляется—во 1-хъ самую цѣлю вызова подобныхъ лицъ въ С.-Петербургъ, и во 2-хъ нѣкоторыми частными случаями, по коимъ дѣлаются особыя временныя назначенія или порученія тѣмъ же чередовымъ архимандритамъ, которыхъ обыкновенно вызываютъ двоихъ на каждый годичный срокъ.

Сослуживцемъ А. Антопію на чредѣ былъ Архимандритъ Аполлоній, ректоръ Нижегородской Семинаріи,

изъ бывшихъ воспитанниковъ Кіевской же Академіи, кончившій курсъ въ 1837 г. со степенью старшаго кандидата. Такимъ образомъ оба чередовые сослуживца были взаимно другъ другу извѣстны заранѣе, хотя и не видѣлись послѣ того пятнадцать лѣтъ. Нельзя, къ слову, не замѣтить, что между чередовыми сослуживцами, естественно, проявляется своего рода конкуренція; равно какъ и въ глазахъ не только лицъ начальственныхъ, но и другихъ, призванныхъ или непризванныхъ, наблюдателей, личныя достоинства и всѣ дѣйствія, (не исключая иногда очень частныхъ и случайныхъ проявленій), опредѣляются, едва не въ большинствѣ, сравнительно; при чемъ перевѣсъ въ пользу того или другаго обнаруживается иногда очень скоро подъ первыми даже впечатлѣніями.

При бывалыхъ случаяхъ къ разговору о томъ, какъ чувствовалъ и сознавалъ себя въ сказанныхъ отношеніяхъ и условіяхъ преосв. Антоній, оказывалось, что А. Аполлоній былъ далеко не ровня первому и, въ частности, держалъ себя оригинально на столько, что это, по выраженію преосв. Антонія, слишкомъ рѣзало глаза и нерѣдко заставляло конфузиться за него же. „Ума онъ былъ, по всѣму виду, крѣпкаго, познаній основательныхъ и сердца положительно добраго; но какъ *хохолъ*, хотя и не истый (родомъ изъ екатеринославской губерніи), онъ проявлялъ свою натуру до неумѣстности, и даже до искусственности, видимо неумѣлой. Въ одиночной ли, бывало, бесѣдѣ, въ кругу ли другихъ, иногда очень стороннихъ и серьезныхъ лицъ, о. Аполлоній не измѣнялъ своихъ манеръ, начиная съ своего малороссійскаго говора, которымъ онъ, видимо, пользовался для большей занимательности своихъ анекдотовъ, остротъ и т. п., запасъ которыхъ у него былъ неистощимъ и которыми онъ перемѣшивалъ почти всякій разговоръ о какихъ бы то ни было предметахъ. На нѣкоторыя минуты онъ былъ препріятный собесѣдникъ, но не болѣе. Я пробовалъ иногда высказываться ему касательно этого, но не тутъ-то было. „*А що, чи мы здесь якіе заарестованцы... мабуть такъ и треба, щобъ понурыты головы, да и годи*“.. Не бывало ничего не сноснѣе, когда приводилось ѣхать съ нимъ въ

одномъ экипажѣ, на чередовое Богослуженіе, напр., въ Казанскій Соборъ и чаще всего въ Петропавловскій въ крѣпости, на царскія паннихиды. Прежде всего ждешь, бывало, не дождешься, когда-то онъ соберется и выйдетъ изъ своей комнаты; не вытерпишь, зайдешь, чтобы ускорить; не тутъ-то было; у него сейчасъ же готовъ какой нибудь анекдотъ. Или: выйдетъ уже совсѣмъ, дойдетъ до крыльца,—какъ вдругъ окажется, что что нибудь забылъ, или четки, или *табаки* ⁽¹⁾ (по его стереотипному выраженію). Этого мало. На всемъ пути о. Аполлоній не пропуститъ, бывало, ни одного предмета и о каждомъ толкуетъ про себя вслухъ: увидитъ ли, напр. вывѣску, и тутъ же начинается „*Эге! це нова...*“ „*бачъ, якъ размалевана...*“; пройдетъ ли кто мимо насъ особенно быстро, онъ и тутъ: „*ажъ его несе, якъ на сломъ головы*“.—Но верхъ несносности и положительной конфузливости было то, когда о. Аполлоній продолжаетъ, бывало, харкать и выплевывать на сторону въ дверцы экипажа; а если нужно было ему вычистить носъ, то онъ позволялъ себѣ не церемониться на столько, что, приподнявшись съ мѣста, высунется чуть не поясь въ дверцы и тамъ совершитъ эту операцію. Въ Консистеріи, бывало, онъ оказывался большимъ знатокомъ и тактикомъ

(1) Подъ *табаки* разумѣлся нюхательный табакъ. Кстати замѣтить, что преосв. Антоній относился къ нюхательному табаку даже до брезгованья, по причинѣ почти неизбѣжной при этомъ нечистоплотности и подъ носомъ и на усахъ и на самыхъ пальцахъ. Въ лицахъ духовныхъ онъ преслѣдовалъ эту *дурацкую*, по его выраженію, привычку тѣмъ болѣе, что привыкше нюхаютъ даже и въ алтарѣ и иногда во время богослуженія. Къ куренью табаку духовными лицами онъ относился, по меньшей мѣрѣ, полуснисходительно подъ условіемъ соблюденія возможной осторожности, чтобы не подавать соблазна никому, особливо въ средѣ прихожанъ-простолудиновъ и тѣмъ паче, гдѣ есть придерживающешя раскола. Крайне недоволенъ бывалъ онъ, когда кто либо позволялъ себѣ невѣжливость являться къ нему лично съ явно обоняемымъ запахомъ или отъ недавняго куренья, или вообще отъ перегару дымнаго въ роту и тѣмъ худшаго, чѣмъ ниже сортъ табаку. «*Ажъ натютюнился*». Говаривалъ онъ при этомъ (*тютюнь* по малороссійски называется табакъ курительный простаго, по крѣпкаго сорта).—Самъ покойный Влад. Антоній не куривалъ и не нюхалъ отъ роду.

въ дѣлопроизводствѣ и въ рѣшеніяхъ, но и мѣшкотность, и флегматичность, и разсыпаніе тѣхъ же анекдотовъ и пр. и тутъ его не оставляли. Вообще же его любили; любилъ и я“.

Подобныя характеристическія свѣдѣнія объ описываемомъ лицѣ, Арх. Аполоніи, приводилось намъ слышать и отъ другихъ лицъ, знавшихъ его и по Нижнему-Новгороду и Москвѣ (1). Но рассказы изъ устъ покойнаго влад. Антонія представлялись особенно понятными и живыми по одному уже тому, что характеръ А. Аполлонія составлялъ такой нагляднѣйшій контрастъ съ характеромъ А. Антонія во всѣхъ отношеніяхъ, что излишне представлять это. Излишне же указывать и на то, что подобная разность между обоими чередовыми Архимандритами не могла не быть усмотрѣна, кѣмъ слѣдуетъ, а въ какомъ смыслѣ и значеніи относительно того и другаго, — это тоже понятно.

Въ формулярномъ спискѣ высокопр. Антонія за описываемую пору читаемъ, что, кромѣ обязанностей чередоваго священнослуженія и проповѣданія Слова Божія, онъ, по опредѣленію Св. Синода, былъ назначенъ не только Членомъ С.-Петербургской Консисторіи, но еще Членомъ Высочайше утвержденнаго Комитета для сооруженія въ С.-Петербургѣ зданій женскаго Воскресенскаго Монастыря, и наконецъ Указомъ Св. Синода, отъ 8-го Іюня 1849 г., былъ командированъ въ г. Петрозаводскъ съ особымъ порученіемъ къ Олонецкому Архіепископу, — въ каковой командировкѣ и находился по 12-е Августа.

Говорить объ исполненіи первыхъ обязанностей — священнослуженія и проповѣданія — мы не имѣемъ ничего особеннаго. Намъ подстрекало любопытство узнать, — въ какіе дни, на какія темы и гдѣ именно были говорены

(1) Архимандритъ Аполлоній, по возвращеніи на прежнее ректорство въ Нижегород. Семинарію, вскорѣ былъ назначенъ Настоятелемъ одного изъ монастырей въ Москвѣ, гдѣ нѣкоторыя изъ его оригинальностей, какъ намъ передавали за вѣрное, доходили даже до свѣдѣнія самого высокопр. Филарета, который, впрочемъ, снисходилъ къ нему.

проповѣди покойнымъ влад. Антоніемъ. и какія были впечатлѣнія и результаты;—но любопытство это не было удовлетворено по отсутствію самыхъ случаевъ. Одно только твердо помнится, что самъ покойный Владыка признавалъ себя проповѣдникомъ не для столицы, разумѣя собственно свой ростъ и голосъ, а съ другой стороны громадность храмовъ, каковы соборы въ Александровской Лаврѣ и Казанскій, и особливо устройство кафедры въ послѣднемъ. на которой, говорилъ онъ, едва можно было снизу меня замѣтить. О служеніи же его по званію Члена Консисторіи онъ самъ свидѣтельствовалъ, что былъ въ ряду Членовъ далеко не номинальныхъ, а дѣловыхъ. Этимъ, само собою, онъ былъ обязанъ тому, что не только былъ Членомъ Консисторіи въ Кіевѣ, по самому званію Ректора, но, главное, видѣлъ весьма много руководственнаго въ этихъ дѣлахъ въ лицѣ и административной дѣятельности самого высокопр. Филарета, у кого, бывало, онъ исполнялъ подъ часъ обязанности какъ бы домашняго Секретаря. „Да и самъ Владыка-дядя, говорилъ онъ, нарочито, при всякомъ удобномъ и особенно серьезномъ случаѣ, подробно разсуждалъ о тѣхъ или другихъ епархіальныхъ дѣлахъ и приговаривалъ: „Такъ-то нужно архіерею быть иногда самому не только въ должности члена консисторіи, а и секретаря и даже столоначальника, чтобы уразумѣть и умѣть разрѣшить иное дѣло во всей надлежащности“ (1).

О дѣятельности по званію Члена Высочайше утвержденаго Комитета по сооруженію С.-Петербургскаго Воскресенскаго женскаго монастыря, само собою, говорить нечего; это званіе, какъ говаривалъ самъ покойный влад. Антоній, дало ему только возможность знать и твердо запомнить самую мѣстность этого монастыря въ Петербургѣ.

Слѣдуетъ остановиться вниманіемъ на командировкѣ А. Антонія въ Петрозаводскъ съ особымъ порученіемъ

(1) Въ дѣлахъ нѣкоторыхъ, напр. въ архивѣ и Казанской Консисторіи, намъ приводилось видѣть примѣры, что высокопр. Филаретъ собственноручно писывалъ по цѣлымъ листамъ изложеніе дѣла и прилагалъ къ журналамъ консисторскимъ съ своимъ выводомъ и опредѣленіемъ.

къ тамошнему Архіепископу Олонецкому Венедикту. Въ чемъ состоялъ самый предметъ этого порученія, въ формулярномъ спискѣ не обозначено; изъ отвѣта же самого влад. Антонія на этотъ собственно вопросъ можно было только вызнать, что порученіе это относилось къ нѣкотораго рода нестроеніямъ по епархіальному управленію. Изъ разсказовъ же его о самомъ Архіепископѣ Олонецкомъ выходило заключеніе, что и порученіе касалось преимущественно личности этого архіпастыря, его разныхъ странныхъ до крайности дѣйствій, начиная съ домашней жизни и обстановки.

Поводомъ къ одному болѣе подробному разсказу пресвящ. Антонія обо всемъ этомъ послужила статья, помѣщенная въ Вѣстникѣ Европы за 1872 г. подъ заглавіемъ: „С.-Петербургская духовная Академія до Графа Протасова“ (1). Вызванный любопытствомъ, вслѣдствіе сообщенія мною содержанія этой статьи, покойный влад. Антоній заставлялъ меня прочитатъ лично ему нѣкоторыя, болѣе интересныя, выдержки. Въ ряду послѣднихъ заинтересовалъ его болѣе всего отдѣлъ о бывшихъ ректорахъ С.-Петербургской Академіи. въ числѣ коихъ былъ особенно характеристически изображенъ (бывшій ректоромъ въ 1831—1833 г.) архим. *Венедиктъ* (Григоровичъ—родомъ изъ Могилевской губерніи), тотъ самый, впослѣдствіи архіеп. Олонецкій, къ которому былъ командированъ съ особымъ порученіемъ А. Антоній.

Слушая чтеніе статьи, влад. Антоній, видимо, припоминалъ и провѣрялъ что-то, и наконецъ сказалъ: „Да! многое изъ прочитаннаго мнѣ знакомо и слышано было именно отъ высокопр. Иннокентія, когда только я еще имѣлся въ виду у Св. Синода для командировки меня въ Петрозаводскъ. Мнѣ-то больно не хотѣлось отправляться въ эту командировку. Но высокопр. Иннокентій, находя всякое мое отнѣкиванье неумѣстнымъ, по доброжелательству своему ко мнѣ, высказалъ не только о предметѣ порученія, но и все, что зналъ о личномъ характерѣ пресвящ.

(1) Статья эта пропечатана въ книжкахъ за Іюль, Августъ и Сентябрь. Объ Ректорѣ же Венедиктѣ Григоровичѣ изложено въ Іюльской книжкѣ на стран. 235—240.

Венедикта и, въ томъ числѣ, о времени службы его на ректорствѣ въ С.-Петербургской Академіи. Нельзя не сказать, чтобы въ этой, прочитанной, статьѣ не было прикрасъ и не малыхъ,—но и то, что я слышалъ отъ высокопр. Иннокентія, и что наконецъ встрѣтилъ на мѣстѣ въ лицѣ и дѣйствіяхъ преосв. Венедикта, ставило меня въ тупикъ,—какъ выполнить данное Св. Синодомъ порученіе. Мнѣ привелось пробыть у него почти два мѣсяца, и это была—постоянная пытка. Крайне своеобразный и никому ни въ чемъ недовѣрившій, къ тому же тревожный до гнѣвливости и даже бранчивости, онъ не давалъ положительно никакой возможности прѣдти къ чему либо опредѣленному въ объясненіяхъ съ нимъ по дѣламъ. Однѣ его непрестанныя поговорки: „*погодите-то и отходите-то*“ прожужжали мнѣ уши. Радъ-радехонекъ бываешь, что подь часъ скорѣе уйдешь отъ него. Самая обстановка въ его комнатахъ мнѣ и теперь живо представляется. На самыхъ же первыхъ порахъ меня рѣшительно изумило, находившееся въ его залѣ, не то—огромное корыто, не то—лодка, наполненная навозною землею; и эта принадлежность занимала его всего болѣе. Потому, прервавъ какой нибудь разговоръ о дѣлѣ поговоркою „*погодите-то*“ и прибавивъ другую „*отходите-то*“ вотъ сюда..., онъ непременно велъ къ указываемому имъ мѣсту и объяснялъ что-то, ему одному только понятное. или, точнѣе, воображавшееся“.

По возвращеніи изъ командировки, прежде письменнаго донесенія о результатахъ исполненія моего порученія, мнѣ назначено было, говорить преосв. Антоній, явиться къ высокопр. Митрополиту и къ г. Оберъ-Прокурору Гр. Протасову для словесныхъ объясненій. Этому я былъ даже радъ потому, что на словахъ мнѣ легче и смѣлѣе было высказать многое, что неумѣстно было бы на бумагѣ; а съ другой стороны я тутъ же призналъ взгляды и самихъ ихъ—Митрополита и Графа—на значеніе дѣла и еще болѣе, на состояніе личное самого преосв. Венедикта. Оказалось, что командированъ я былъ собственно для провѣрки, извѣстныхъ уже имъ, данныхъ и разныхъ свѣдѣній. Потому-то я и свое донесеніе сдѣлалъ въ возмож-

но общихъ и краткихъ чертахъ. Чѣмъ продолжилось это дѣло впослѣдствіи, мнѣ неизвѣстно; да едва ли было и сдѣлано что нибудь. Преосв. Венедиктъ, какъ извѣстно, скончался въ слѣдующемъ же 1850 году,—а донесеніе мною представлено было не задолго до окончанія срока моей чреды“.

Такимъ образомъ изъ одного этого, хотя и краткаго, разсказа понятно, почему отнѣкивался А. Антоній отъ предназначаемой ему командировки, на сколько онъ могъ знать напередъ о самой личности преосв. Венедикта отъ высокопр. Иннокентія. Но при этомъ были и другія причины. Еще въ Маѣ мѣсяцѣ (1849 г.), слѣдовательно не задолго предъ временемъ опредѣленія Св. Синода о командировкѣ, А. Антоній получилъ два письма съ совершенно неожиданнымъ для него содержаніемъ. Неожиданность эта была тѣмъ больше, что ему хотя сообщалось со стороны, но отъ лица высокопр. Филарета, то, о чемъ самъ послѣдній еще и не намекалъ ему въ своихъ письмахъ.

Содержаніе этихъ писемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Послѣ Св. Пасхи (1849 г.) высокопр. Филаретъ, нашъ общій отецъ и благодѣтель, писалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ, хотя и не скоро, вашего возвращенія, но имѣетъ уже въ виду занять васъ составленіемъ или *Нравственнаго* или *Пастырскаго* Богословія“. Такъ писалъ А. Антонію Гавріиль архіеп. Рязанскій. Анатолій же архіеп. Могилевскій писалъ такъ: „Ликую духомъ, радуясь, что Ваше В—біе, презирая *толки и предразсудки*, коими наши талантливые ученые удерживаются отъ составленія и изданія своихъ трудовъ, собираетесь писать Пастырское и Нравственное Богословіе. Благодать Св. Духа да укрѣпитъ Васъ и поможетъ Вамъ совершить такое благое намѣреніе. Во всякомъ случаѣ не отставайте отъ своего предположенія, и за молитвами и воздыханіями семинаристовъ, постоянно пишущихъ и пишущихъ, не вѣдомо, какіе листики, Богъ да поможетъ Вамъ совершить съ успѣхомъ Ваше предпріятіе“.

Если и недопускать, что А. Антоній, прежде полученія этихъ писемъ, былъ чуждъ всякой мысли, хотя бы

и гадательной, объ указанныхъ въ письмахъ трудахъ, во всякомъ случаѣ, по его словамъ, это было неожиданно. Между тѣмъ, говорилъ онъ же, это оказалось весьма кстати. Во первыхъ это послужило для меня еще большимъ побужденіемъ объяснить и съ о. Кирилломъ, чтобы расположить его къ разработкѣ своихъ предметовъ — Нравственнаго и Пастырскаго Богословія; для сего я ему прочиталъ даже буквальныя слова изъ письма Архіепископа Гавріила, гдѣ говорилось, что „изъ-за толковъ и предразсудковъ нѣкоторые талантливые наши ученые напрасно удерживаются отъ составленія и изданія своихъ достойныхъ трудовъ“. Во вторыхъ же и для меня самого это дѣло стало насущнымъ вопросомъ и предметомъ предварительныхъ обсужденій и соображеній. Съ тѣмъ же самымъ о. Кирилломъ у меня чаще и чаще возобновлялись бесѣды, очень серьезныя, касательно разсматриваемыхъ наукъ Нравственнаго и Пастырскаго Богословія. Я интересовался, само собою, и тѣмъ, что и какъ онъ преподавалъ въ текущее время, и чѣмъ руководствовался, и что вообще зналъ. Для этого же добылъ я себѣ записки по этимъ наукамъ, какія были въ учебномъ употребленіи въ Петербургской Семинаріи. При томъ же, на сколько хватило у меня свободнаго времени, я уже нѣчто планировалъ въ видѣ подробнаго конспекта, имѣя главнымъ образомъ въ виду то, что и какъ мною прежде преподавалось по этимъ же наукамъ.

Наконецъ самъ Владыка Филаретъ не утаилъ отъ меня своего намѣренія касательно возложенія на меня труда по возвращеніи моемъ въ Кіевъ, чему онъ особенно радовался. Свидѣтельство объ этой радости встрѣчаемъ и въ письмѣ его (Филарета) къ П. С. Алексинскому: „Любезный другъ! поздравь меня съ великою моею радостію. Я теперь, какъ Іаковъ патріархъ, получившій вѣрную вѣсть о своемъ возлюбленномъ Іосифѣ и чающій скорого съ нимъ свиданія. Разница въ томъ только, что не я туда къ нему... а онъ сюда ко мнѣ въ *нашъ Сионъ* благодатный“ (1). Меня же самого, говорилъ преосв. Антоній

(1) Изъ матеріаловъ по биографіи высокопр. Филарета.

предъ самымъ уже отъѣздомъ изъ Петербурга, Владыка утѣшилъ тѣмъ, чтобы я. на обратномъ пути въ Кіевъ, заѣхалъ къ роднымъ въ Калугу. Такое соизволеніе его окончательно увѣнчало и, такъ сказать, усладило все мое, и безъ того вообще благопріятное, пребываніе въ столицѣ. Какъ бы тамъ и кому ни думалось, что я долженъ былъ возвратиться во свояси, какъ говорится, съ тѣмъ же, съ чѣмъ выѣхалъ оттуда; но у меня на душѣ было одно, составлявшее верхъ утѣшенія съ благодареніемъ Господу, что я и все время чреды провелъ благополучно и разстался со всѣми моими знакомыми петербургскими искреннимъ пріятнымъ образомъ, а равно и отъ лицъ высшихъ видѣлъ выраженіе полного благовниманія. Въ частности съ о. Леонтіемъ разставаніе мое было для меня особенно пріятно въ несомнѣнной надеждѣ, что онъ скоро же прибудетъ въ Кіевъ и въ лицѣ своемъ возобновитъ для меня все, пережитое и перечувствованное въ столицѣ. Что же касается до разставанья съ о. Кирилломъ, то съ одной стороны онъ, зная что я на пути въ Кіевъ заѣду на нашу общую родину въ Калугу, надавалъ мнѣ цѣлую кучу поклоновъ своимъ роднымъ и моимъ, для него близкимъ же; а съ другой стороны мы оба надавали другъ другу столько же взаимныхъ обязательныхъ обѣщаній вести переписку, возможно неопустительно, особливо въ виду нашихъ ученыхъ занятій. Разставались мы все-таки и не безъ надежды когда либо еще увидѣться. Надежда эта была дѣйствительно необманчива. Съ начала 1857 года мы начали другъ друга привѣтствовать уже съ скорымъ свиданіемъ въ Кіевѣ. Посвященный уже въ епископы Мелитопольскіе, Кириллъ писалъ мнѣ въ Маѣ мѣсяцѣ 1857 г., чтобы я къ его пріѣзду въ Кіевъ, на пути въ Іерусалимъ, озаботился подыскать особенно благонадежныхъ лицъ изъ студентовъ нашей Академіи, желающихъ поступить въ его миссіонерскую свиту. Все это было сообщено мною и Владыкѣ Филарету. Но нужно знать, что Владыка, еще при самыхъ первыхъ извѣстіяхъ о новомъ составѣ Іерусалимской миссіи подъ главенствомъ епископа Кирилла, относился къ этому дѣлу весьма не сочувственно. Относительно этого онъ высказывался

такъ: „Ужь коли приспѣло время и открывалась бы дѣйствительная надобность въ образованіи такой миссіи-епископальной. то нужно бы прежде и крѣпче всего подумать о лицѣ, избираемомъ на такой постъ. Тамъ потребенъ не Докторъ, а тѣмъ паче человѣкъ не такихъ лѣтъ и не таковой опытности, каковъ преосв. Кирилль. Мнѣ даже напередъ его жаль; и вотъ, когда дастъ Богъ увидѣть его лично въ проѣздъ черезъ Кіевъ, я потолкую съ нимъ о многомъ, какъ должно. Его бы—Кирилла всего лучше и полезнѣе оставить при Академіи и для науки и для службы ректорской. къ которой онъ какъ разъ теперь подготовился, и къ тому же онъ свой доморощенный въ тамошней Академіи“. Но вдругъ пронесся слухъ, а вскорѣ и вѣрное дошло извѣстіе, что преосв. Кирилль направитъ свой путь помимо Кіева прямо изъ Харькова на Одессу. Сильно поскорбѣлъ я объ этомъ и еще сильнѣе напередъ смутился, что Влад. Филаретъ взглянетъ на это извѣстіе не просто, а крутенько. Предчувствіе мое сбылось даже въ большей мѣрѣ. Съ первыхъ моихъ словъ Влад. Филаретъ напустился было прямо на меня:—„ты смотри у меня, чадо мое... ты не услужился ли, по добротѣ твоей и откровенности, сообщить ему *велико-снѣ-сивому*-то епископу Іерусалимскому что нибудь изъ моихъ прежнихъ разсужденій и отзывовъ... Эта услуга, братъ, не больно статна“. Получивъ же увѣреніе въ совершенно отрицательномъ, онъ сказалъ: „Ну этого-то только и не доставало, чтобы убѣдиться мнѣ окончательно. что не будетъ ни проку въ новосоставленной миссіи. ни добра и самому главѣ ея. Помяни мое слово, а коли хочешь. это даже напиши ему—Кириллу, чтобы онъ зналъ и твердо помнилъ... Посуди самъ.—слыханное ли дѣло даже и между мірекими благоразсудливыми людьми, чтобы. отправляясь въ дальній древній Іерусалимъ. не побывать прежде въ своемъ отечественномъ Іерусалимѣ и не принять напутствіе отъ Сіона подъ благодатною сѣнію здѣшнихъ святынь; а онъ-то. Епископъ. вотъ что учинилъ, бывши отсюда не за горами и морями. Истинно говорю. *не узритъ онъ благая тамъ въ Іерусалимъ!* Не бось ему.—Кириллу, и самому-то лестно было выйдти въ такихъ мо-

лодыхъ годахъ въ архіереи... куда бы то ни было,—но не даромъ есть стариковская поговорка: „болно рано пташечка заплѣла, какъ бы кошечка не съѣла“. Къ тому же если онъ писалъ и къ тебѣ, чтобы ты подобралъ ему лицъ не болѣе, какъ изъ студентовъ, то навѣрное и тамъ набралъ онъ, или насовали ему тоже стрыгановъ и разныхъ любителей путешествій заграничныхъ... По моему отъ этихъ-то всѣхъ свитниковъ прежде всего и придется ему жутко... Конечно, здѣсь виноваты не ваши молодые ученія головушки, а тѣ, кои должны бы тутъ гораздо-гораздо сообразить все съ умомъ-разумомъ и съ значеніемъ самаго дѣла; а у нихъ, видно, вышло все какъ бы по щучьему велѣнью... тяпъ-ляпъ... да и вышелъ корабль“.

По отношенію собственно къ преосв. Кириллу такъ и сбылось: онъ не только *не узрѣлъ благая въ Иерусалимѣ*, подвергшись тамъ разнымъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ по дѣламъ миссіи и личному своему положенію; но и здѣсь въ отечествѣ, уволенный отъ миссіи, онъ былъ назначенъ на жительство въ Казань безъ всякихъ опредѣленныхъ правъ, гдѣ и скончался въ Спасскомъ монастырѣ 10 Февраля 1866 года, за 10 мѣсяцевъ до назначенія преосв. Антонія на Казанскую кафедру. Такимъ образомъ оба земляка по Калугѣ нашли себѣ общее землячество на вѣки опять таки въ одной мѣстности и покоятся теперь близко одинъ отъ другаго въ двухъ самыхъ первыхъ въ г. Казани храмахъ.

Сказанное выше соизволеніе высокопр. Филарета, чтобы А. Антоній заѣхалъ на пути изъ Петербурга въ Калугу, вызывалось, между прочимъ, особыми обстоятельствами. Послѣднія были извѣстны уже самому А. Антонію изъ непосредственныхъ къ нему писемъ отъ родныхъ его калужскихъ и послужили, незадолго предъ его выѣздомъ изъ Петербурга, поводомъ къ знакомству съ однимъ лицомъ, одно имя котораго впоследствии, какъ уже замѣчено, приводило его въ душевное потрясеніе.—Лицо это—бывшій профессоръ Петербургской дух. Академіи Д. И. Ростиславовъ. „Въ ту-то впрочемъ пору, вспоминая о своемъ знакомствѣ съ Ростиславовымъ, говорилъ преосв. Антоній, онъ походилъ на человѣка и въ средѣ акаде-

мической имя его было даже особенно известно, какъ профессора, выдававшася по его специальности ⁽¹⁾. Самый поводъ къ этому знакомству состоялъ въ томъ, что у проф. Ростиславова былъ родной братъ Александръ Ив. Ростиславовъ, кончившій курсъ въ Петербургской же Академи въ 1845 г. и бывшій въ это время учителемъ въ Калужской Семинаріи. Этотъ Александръ Ив. Ростиславовъ, въ описываемое время, возымѣлъ намѣреніе жениться на родной племянницѣ пресв. Антонія, о чемъ и писали родные А. Антонію, равно какъ и самому высокопр. Филарету, прося перваго войти въ знакомство тамъ въ Петербургѣ съ братомъ жениха.

„Въ женитьбѣ моей, писалъ въ послѣднее время ⁽²⁾ самъ Александръ Ив. Ростиславовъ, (состоящій теперь Протоіереемъ при Воскресенской церкви въ Калугѣ), принималъ самое живое участіе покойный влад. Антоній; это было какъ разъ въ его проѣздъ изъ Петербурга въ Кіевъ послѣ архимандричьей чреды. Жену мою (Надежду), равно и сестру ея старшую—Татьяну, онъ особенно помнилъ и любилъ, равно какъ и онѣ его потому, что въ свое время, (въ бытность еще въ семинаріи) онъ училъ ихъ начальной грамотѣ. Жена моя была дочь Петра Степ. Алексинскаго, того самаго, который въ свое время былъ вторымъ отцемъ для самого владыки Антонія, и принялъ къ себѣ въ домъ все тогдашнее семейство по смерти отца его. Онъ же, покойный влад. Антоній, равно какъ и высокопр. Филаретъ принимали участіе въ устройствѣ и дальнѣйшей моей жизни, такъ что, по смерти П. Ст. Алексинскаго, я занялъ его священническое мѣсто, оставаясь однако наставникомъ при

(1) Смотр. Русск. Старин. 1880 г. Январь, статья: «Записки бывшаго проф. Петерб. дух. Академии Д. И. Ростиславова». Въ предисловіи къ этой статьѣ отъ Редакціи (стр. 2) говорится между прочимъ: Проф. Ростиславовъ преподавалъ Физику и Математику и съ 1841 по 1849 г. включительно былъ самый цвѣтущій періодъ его профессорства, хотя онъ начиналъ уже съ 1848 г. страдать хроническою болѣзью; въ 1852 г. вышелъ въ отставку; скончался 18 Февраля 1877 г.

(2) Письмо отъ 23 Января 1880 г.

Семипаріи. Это-то участіе наконецъ выразилось въ томъ, что покойный влад. Антоній назначилъ наслѣдницами своего имущества мою жену и сестру ея—вдову протоіерейшу Холминскую“.—Объ этомъ посѣщеніи и самъ влад. Антоній высказывалъ, что оно имѣло для него и для родныхъ особенное значеніе. „Родные въ эту пору видѣли меня еще въ первый разъ въ монашескомъ званіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ уже Архимандритомъ и, что важнѣе, —Докторомъ. Это даже стѣсняло ихъ, нѣкоторымъ образомъ, въ чувствахъ и отношеніяхъ ко мнѣ, поставляя ихъ не столько въ родственное, сколько въ почитательное положеніе. Съ своей же стороны желая и стараясь всячески поставить себя въ простыя родственно-любовныя отношенія, я провелъ все время среди ихъ такъ, что отдохнулъ и оживился тѣлесно и душевно, особливо послѣ столичной замкнутой и, волей-неволей, натянутой жизни. Отправляясь въ Кіевъ, я чувствовалъ себя какъ бы студентомъ послѣ пріятно проведенной вакаціи, и это при самомъ разставаньѣ живо вспоминалось и самыми родными (1). Матушка же моя, радуясь за все мое положеніе, не чуяла, по ея выраженію, и ногъ подъ собою среди самыхъ заботливыхъ хлопотъ; особенно утѣшалась она тѣмъ, что послѣ этого свиданія разлука наша была не надолго. Съ согласія влад. Филарета я тутъ же просилъ матушку переселиться въ Кіевъ навсегда, что и исполнилось лѣтомъ того же 1850 г. Самъ влад. Филаретъ, по прибытіи моемъ въ Кіевъ, прежде и болѣе всего, интересовался знать о нашихъ калужскихъ родныхъ, чѣмъ о дѣлахъ петербургскихъ, такъ какъ о послѣднихъ я постоянно аккуратно, не менѣе двухъ, иногда трехъ разовъ въ каждый мѣсяць, сообщалъ ему обо всемъ, что для меня было доступно знать и что я находилъ достойнымъ его вниманія“.

(1) Объ этомъ разставаньѣ и пр. сообщила намъ въ послѣднее время въ письмѣ свои воспоминанія и сама племянница покойнаго влад. Антонія—протоіерейша Надежда Петр. Ростиславова, которая провожала его и при первомъ отъѣздѣ для поступленія въ академию и въ другіе разы, когда онъ прѣзжалъ въ Калугу на вакацію изъ академи.

Чтобы понять, каковы были чувствованія и отношенія, которыя были такъ пріятны и дороги не только для родныхъ-калужскихъ, какъ для людей мірскихъ, но и для А. Антонія и даже самого высокопр. Филарета, мы представимъ здѣсь во всей буквальной точности одно изъ писемъ А. Антонія, хотя писанное имъ за пять лѣтъ предъ этимъ временемъ. Письмо это замѣчательно уже тѣмъ самымъ, что писано было къ такимъ лицамъ изъ родныхъ, которыя были тогда не болѣе, какъ молоденькія дѣвицы, а нѣкоторыя даже дѣвочки. „Добрыя и драгоценныя мои племянницы—Марія, Надежда, Татьяна и Любовь Петровны! Не знаю какъ васъ и благодарить за ваши прекрасныя, преназидательныя и претѣшительныя письма. Я ихъ много разъ перечитывалъ. Глубокое участіе возбуждали онѣ въ душѣ моей каждый разъ, разстрогивали мое сердце до самыхъ внутренностей его и нерѣдко исторгали слезы. Но это слезы не скорби, а утѣшенія и облегченія отъ скорби. Какъ вы прекрасно чувствуете! какія добрыя у васъ сердца! Какъ вы любите незабвенныхъ покойниковъ ⁽¹⁾! Какъ глубоко скорбите о ихъ потерѣ! Но съ тѣмъ вмѣстѣ какъ вы прекрасно разсуждаете, какъ глубоко *богословствуете!* Слава Тебѣ, Господи! Добрыя племянницы мои исполнены духомъ Евангелія святаго, дышать вѣрою и упованіемъ истинно-христіанскими, умѣютъ глубоко скорбѣть, но знаютъ и все то, чѣмъ утѣшить себя въ скорби; проникнуты святыми истинами о благодати и премудрости Промысла Божія, о безсмертіи, о жизни будущей лучшей, совершеннѣйшей, о ничтожности всего земнаго и пр. и пр. О, это прекрасно! Истинно я радуюсь о васъ! Испытаніе тяжкое обнаружило въ васъ особенно прекрасныя свойства. Да благословитъ стократно васъ милосердый Господь Богъ; предайте только и себя со-

(1) Покойники здѣсь разумѣются, какъ объяснила на самомъ этомъ письмѣ Надежда Петр. Ростиславова, родные его (влад. Антонія) сестра и братъ любимый Сергій, которые жили у насъ (т. е. въ семействѣ П. С. Алексинскаго) и по смерти которыхъ онъ (влад. Антоній) остался одинъ единственный у своей матушки, проживавшей тоже у насъ, какъ нашей родной бабушки.

вершенно въ Его святую волю. Послѣ вашихъ писемъ мнѣ теперь уже нечего утѣшать васъ. Я боялся за васъ и скорбѣлъ вдвое отъ этого; теперь же я спокоенъ и самъ утѣшаюсь вами же. Еще спасибо вамъ, и еще да благословить васъ Господь вселѣнмъ благословеніемъ и утѣшеніемъ! Вчера былъ я у Владыки и прочиталъ ему ваши письма. О! посмотрѣли бы вы, съ какимъ удовольствіемъ онъ все слушалъ, какъ радовался о васъ, какъ благословлялъ васъ! Онъ мнѣ приказалъ написать вамъ объ этомъ и передать отъ него обильнѣйшія и многократныя благословенія съ желаніями всякихъ вамъ благъ и радостей отъ Господа. Подѣлитесь ими и со всеми домашними: съ бабушкой своей, съ паленькой, съ Васильемъ Макаровичемъ ⁽¹⁾, съ Гаврюшей и Володей. Вотъ нынѣ и сороковой день... Вы посѣтите покойниковъ конечно на кладбищѣ! Прекрасно! и я бы съ вами пошелъ туда, взглянулъ на могилы, поклонился, помолился, поплакалъ бы... Но вмѣсто того ѣду въ Лавру, въ пещеры къ св. Антонію преподобному. Тамъ *пролію свои молитвы* объ усопшихъ. Тамъ особенно прекрасно молиться; эти святые своды исполняютъ какимъ-то вдохновеніемъ чуднымъ; подъ ними тамъ необыкновенно раздаются пѣнія, особенно заупокойныя. Какъ бы я желалъ, чтобы и вы когда нибудь побывали подъ этими святыми сводами!... Бабушка ваша.—моя маменька—все плачетъ... пишете вы. О, это не хорошо! Утѣшайте же ее непремѣнно, какъ можно. Это вашъ долгъ. И вы теперь для нея все, и она для васъ одна. Бога ради утѣшайте! Но я и увѣренъ, что вы утѣшаете по внушенію вашего добраго сердца и умѣете утѣшать. Я самъ молюсь за нее, какъ умѣю и буду писать скоро. А теперь крѣпко все обнимите ее за меня и цѣлуйте. Также и паленьку вашего и Василія Макаровича. Къ нимъ я буду писать по полученіи отъ нихъ письма. Цѣлуйте Гаврюшу и Володю, и всемъ знакомымъ кланяйтесь. Роднымъ могиламъ земной поклонъ, когда будете на кладбищѣ.

(1) Вас. Макар. Вертоградовъ женатъ былъ на родной сестрѣ преосв. Антонія; овдовѣвши поступилъ въ монашество.—скончался въ санѣ Епископа Томскаго въ 1867 г.

которое вы теперь любите. Усердно поздравляю васъ и всѣхъ съ вел. постомъ и желаю свято и богоугодно провести и удостоиться Св. Таинствъ.—Простите. Обнимаю васъ крѣпко—вашъ преданнѣйшій и искреннѣйшій другъ Антоній“.

Такъ какъ всѣ, эти самыя, племянницы во время послѣдняго гощенія А. Антонія въ Калугѣ были на лицо и уже возросшія, то излишне и говорить, въ какой мѣрѣ были искренни и пріятны тѣ же взаимныя чувствованія и отношенія при личномъ свиданіи и при разставаніи. Подъ этими-то свѣжими впечатлѣніями, оживившими аскетическую, но съ тѣмъ вмѣстѣ столько нѣжно-родственную и воспріимчивую, душу А. Антонія, совершилось возвращеніе его въ Кіевъ на прежнюю должность.

ГЛАВА VIII.

Хотя А. Антоній возвратился въ Кіевъ съ тѣмъ же, по его выраженію, съ чѣмъ и отправился изъ него въ Петербургъ, и, такимъ образомъ, слова самого высокопр. Филарета объ немъ, что ему (Антонію) *подобаеть расти*, по видимому, неоправдались, но, въ сущности, *ростъ* у него прибылъ. Тамъ въ Петербургѣ, какъ видно изъ многого, составилось и осталось понятіе объ немъ вполне достойное; равно и здѣсь въ Кіевѣ, вступивъ въ ту же должность Ректора Семинаріи, онъ, естественно, чувствовалъ и сознавалъ себя и давалъ разумѣть другимъ о себѣ иначе, въ пользу его личныхъ достоинствъ. Указаніе на послѣднее мы уже видѣли въ приводимыхъ прежде словахъ воспоминателя.—Что же касалось явнаго *роста* въ значеніи повышенія по службѣ, то прежде, чѣмъ оно состоялось, не трудно было всякому предугадывать, что оно должно было послѣдовать скоро.

Но прежде изложенія указываемыхъ предположеній прочитаемъ здѣсь то, что выражалъ о себѣ самъ А. Антоній въ письмѣ къ преосв. Иннокентію, писанномъ немедленно ⁽¹⁾ по возвращеніи своемъ въ Кіевъ. „Совершивши благополучно путь свой изъ столицы до Кіева, паки обращаюсь *туда же* душею моею съ глубочайшимъ чувствомъ признательности къ Вашему В—ству за то вниманіе и тѣ, по истинѣ отеческія, милости и ласки, которыхъ я удостоивался отъ Васъ и которыми утѣшаемъ былъ въ своемъ *пришельствіи*. Благодарю за все сіе Господа Бога, устроившаго о мнѣ *так* и съ живѣйшею

(1) Письмо это отъ 31 Января 1850 г.

благодарностию повергаюсь къ столамъ Вашего В—ства. Никогда не забуду Вашихъ благихъ и мудрыхъ бесѣдъ. Навсегда сохранию въ молитвенной памяти Ваше отеческое благорасположеніе ко мнѣ и потщусь пребыть достойнымъ онаго. Еще сущу мнѣ въ пути, Ваше В—ство уже предупредило меня въ Кіевѣ милостивѣйшимъ отзывомъ обо мнѣ ко святому Владыкѣ нашему. Еще и еще благодарностию исполняется душа моя, и я стократно лобызаю десницу Вашу.—Въ Семинаріи своей я нашелъ все въ должномъ порядкѣ, и благодареніе Господу Богу и Святѣйшему Синоду, обрѣлъ и для себя новое прекрасное помѣщеніе, и для наставниковъ и учениковъ очень значительный просторъ въ *Лаврскомъ подворьѣ* ⁽¹⁾, которое недавно, по моимъ же впрочемъ хлопотамъ, приобрѣтено въ пользу Семинаріи. Это весьма утѣшаетъ меня и вознаграждаетъ за все не малые труды чередоваго служенія. Владыку нашего, благодареніе Господу, я нашелъ въ добромъ здравіи. Отъ всей души молю Господа, да сохранитъ и Ваше В—ство въ вождедѣльномъ здравіи и благоденствіи, и, смиреннѣйше испрашивая Архипастырскаго благословенія Вашего и молитвъ о мнѣ, повергаю себя къ столамъ Вашимъ съ глубочайшею сыновнею преданностию—Архимандритъ Антоній“.

Изъ прямого содержанія этого письма очевидно, что А. Антоній не помышлялъ о своемъ положеніи ничего болѣе, какъ продолжать свое прежнее служеніе, утѣшаясь, съ тѣмъ вмѣстѣ, новыми удобствами въ новомъ прекрасномъ помѣщеніи.—Но то справедливо, что сказанныя предположенія были не несбыточны и скоро осуществились.

Бывшій Ректоръ Кіевской духовной Академіи Архим. Димитрій (Муретовъ), по самому уже времени своего служенія на настоящей должности (съ 1841 г. 24 Апрѣля), былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ кандидатовъ на епископство. Въ случаѣ же послѣдняго назначенія для А. Димитрія, достойнымъ и ближайшимъ по мѣсту прием-

(1) Это Лаврское подворье находилось какъ разъ совмѣстно съ дворомъ семинарскимъ, и состояло изъ каменнаго двухъ-этажнаго довольно большаго корпуса. Въ одной части нижняго этажа и доселѣ помѣщается Лаврская книжная торговая лавка.

никомъ его, по общему признанію, былъ никто иной, какъ А. Антоній. Ровно черезъ годъ это и состоялось. О. Ректоръ А. Димитрій въ Январѣ 1851 г. былъ вызванъ въ Петербургъ для хиротоніи въ санъ Епископа на Тульскую кафедру, а одновременно съ этимъ послѣдовало, по опредѣленію Св. Синода ^{10/24} Января 1851 г., назначеніе Ректоромъ Кіевской духов. Академіи и Настоятелемъ Кіевобратскаго первокласснаго монастыря Ректора Кіевской Семинаріи А. Антонія.—Назначеніе это послѣдовало прямо отъ Св. Синода, безъ всякихъ предварительныхъ представленій со стороны Академіи и самого высокопр. Филарета. Академія приняла такое назначеніе, какъ вполне соответствовавшее ея достоинству, по самому уже ученому званію новоназначеннаго лица, какъ Доктора. Послѣ Доктора и прозваннаго самимъ высокопресв. Филаретомъ „rector rectorum“—Иннокентія, и Доктора—бывшаго профессора Протоіерея Ивана Мих. Скворцева. Кіевская Академія, за все свое двадцатилѣтіе, въ лицѣ А. Антонія встрѣчала еще только третье лицо съ этою высшею ученою степенью. Съ своей стороны и самъ А. Антоній, по его собственнымъ словамъ, хотя и чувствовалъ себя какъ будто не совсемъ ловко въ новой средѣ, гдѣ были многіе изъ его сослуживцевъ гораздо старше его и даже бывшіе его профессора; но самая степень Доктора давала ему сознавать свои права и все свое положеніе такъ, какъ только онъ могъ желать и надѣяться. Нѣтъ сомнѣнія, что извѣстныя и неизмѣняныя отношенія къ нему высокопр. Филарета служили еще болѣе къ тому, чтобы А. Антоній могъ поставить себя въ вполне надлежащее положеніе на новой должности, такъ какъ эти же самыя отношенія сама Академическая корпорація понимала вѣрно и цѣнила глубоко еще прежде въ лицѣ бывшаго Ректора ея А. Димитрія. Достойные представители Академіи въ этихъ отношеніяхъ, близкихъ и родственныхъ между главнымъ Протекторомъ и Ректоромъ Академіи, естественнѣе всего, видѣли и признавали особенное ручательство въ пользу благосостоянія заведенія и своего личнаго и служебнаго положенія. Къ этому же обще-бла-

гопріятному убѣжденію должно было приводить всѣхъ и то, что новый Ректоръ былъ для всѣхъ не новый, а можно сказать, свой, имѣвшій, и на прежнемъ мѣстѣ службы, прямыя и ближайшія отношенія, какъ служебныя, (особенно по званію напр. Члена Внѣшняго Академическаго Правленія и Конференціи),—такъ и личныя знакомственныя.

Однимъ словомъ, при вступленіи А. Антонія на ректорство Академіи, если кому и что либо представлялось, или казалось въ видѣ перемѣнъ въ состояніи и порядкѣ академической жизни, сравнительно съ ректорствомъ А. Димітрія, посившимъ характеръ общепризнаваемой *благостности* во всѣхъ отношеніяхъ, то это или было, по свидѣтельству воспоминателя, совершенно напраснымъ безпокойствомъ, или скоро сгладилось и замѣнилось инымъ. Такъ, по словамъ этого же воспоминателя, „съ наставниками Академіи Ректоръ Антоній былъ вообще въ добрыхъ отношеніяхъ и очень нерѣдко обнаруживалъ замѣчательную терпѣливость и уступчивость во время случавшихся преній въ тогдашней Конференціи или въ частныхъ бесѣдахъ, которыя (бесѣды) составлялись преимущественно по его же инициативѣ. Онъ, какъ и всегда, оставаясь строгимъ аскетомъ и постникомъ, любилъ, однакоже, товарищескіе приемы у себя или свиданія у сослуживцевъ ради откровенной неофициальной бесѣды, хотя о дѣлахъ не рѣдко официальныхъ“ (1).

Должно сказать, что, сейчасъ указанная, черта личныхъ отношеній покойнаго владыки Антонія была одною изъ достойнѣшихъ и рѣдкостныхъ чертъ и сохранилась въ немъ на всю дальнѣйшую жизнь и въ санѣ архипастырскомъ. И въ Смоленскѣ и въ Казани, какъ увидимъ впослѣдствіи, едва ли кто найдетъся, чтобы не вспоминать съ искреннѣйшею благодарностію о подобныхъ, какъ-бы товарищески-общительныхъ, отношеніяхъ въ Бозѣ почившаго Архипастыря въ средѣ лицъ не только академической, но и семинарскихъ корпорацій, преимущественно Смоленской, не смотря на разность его сло-

(1) Смотр. Кіев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 47.

женія съ соучастниками въ подобныхъ вѣд-служебныхъ общеніяхъ.

Впрочемъ въ составѣ тогдашней корпораціи Кіевской Академіи были только пять лицъ, которыя были старше А. Антонія и по возрасту, и по службѣ. Прочіе были всё моложе и, притомъ, нѣкоторые поступили только за одинъ курсъ ранѣе его на службу въ Академіи (въ 1849 г.), другіе въ самомъ же этомъ 1851 году и уже при его ректорствѣ; затѣмъ постепенно чрезъ курсы поступали уже его воспитанники. Всѣ эти лица, начиная со старѣйшихъ пяти, и оставались безысходно на академической службѣ за все время ректорства А. Антонія—до начала 1858 года. Это обстоятельство самъ покойный владыка Антоній признавалъ знаменательнымъ и благопріятнымъ для заведенія и для себя самого. „Вѣрно, говорилъ онъ, я не былъ *пришельцемъ* и *наемникомъ. нже расшудитъ... и самъ бѣжитъ..* „Высокопр. Филаретъ, съ своей стороны, тоже смотрѣлъ какъ на назначеніе А. Антонія, такъ и на составъ самой корпораціи особенно благоволительно. Онъ говаривалъ: „тотъ улей особенно хорошъ и по пчеламъ и по меду, въ которомъ матка своя доморошенная, а не принесенная изъ далека изъ чужаго улья“.—(Разумѣлось подъ этимъ, что А. Антоній былъ изъ воспитанниковъ Кіевской же Академіи). Во все время ректорства А. Антонія можно указать только на перемѣны въ инспекторахъ Академіи. Первый инспекторъ, бывшій при самомъ вступленіи А. Антонія, былъ Архим. Данилъ. и пробылъ на этой должности до 1853 года. Выбытіе о. А. Данила, по словамъ самого же покойнаго, было не ощутительно для Академіи, въ смыслѣ лишенія. „Онъ, какъ и предмѣстникъ его А. Теофанъ. были. не въ обиду сказать, не на мѣстѣ для этой должности, какъ отличавшіеся особенно своеобразною сосредоточенностію исключительно теоретическаго и мистическаго характера. Въ частности для самаго А. Антонія перемѣна въ инспектурѣ была желательна особенно потому, что онъ имѣлъ въ виду готоваго преемника въ лицѣ о. Леонтія, бывшаго въ это время уже Инспекторомъ въ Кіевской Семинаріи, того

самаго, съ которымъ онъ душевно сошелся еще въ бытность свою на чредѣ въ Петербургѣ и здѣсь въ Кіевѣ еще болѣе сблизился. Насколько было пріятно назначеніе о. Леонтія, возведеннаго при этомъ въ санъ Архимандрита, Инспекторомъ Академіи, доказательствомъ служитъ то, что А. Антоній не замедлилъ подѣлиться этою пріятностію даже съ своими родными-калужскимп. „Порадуйтесь со мной, писалъ онъ, новости пріятной для меня по службѣ. Вотъ у меня наконецъ новый Инспекторъ о. Леонтій. Надѣюсь съ полною и пріятнѣйшею увѣренностію, что онъ будетъ добрый и единодушный сотрудникъ мнѣ на пользу общую“⁽¹⁾. Послѣ А. Леонтія, назначеннаго въ 1856 году въ Ректоры Владимірской Семинаріи, опредѣленъ былъ А. Іоанникій (нынѣшній высокопреосв. Митрополитъ Московскій), который и пробылъ на этой должности до времени назначенія А. Антонія Епископомъ Чигиринскимъ, Викаріемъ Кіевскимъ, въ Мартѣ 1858 г. и исправлялъ послѣ него должность Ректора Академіи до назначенія и прибытія новоопредѣленнаго Израиля—до Августа 1858 г.,—а въ Сентябрь получилъ и самъ назначеніе въ Ректоры Кіевской Семинаріи.—Сослуженіе А. Антонія и А. Іоанникія отличалось особенною единодушностію; по крайней мѣрѣ А. Антоній относился къ А. Іоанникію съ особеннымъ довѣріемъ какъ въ дѣлахъ надзора за студентами, такъ и по части экономическаго управленія. Последнее было особенно доступно пишущему, какъ бывшему студенту и притомъ дѣлопроизводителю по экономическому Правленію.

Обращаясь къ частнымъ служебнымъ дѣйствіямъ А. Антонія, какъ Ректора Академіи, мы, по связи рѣчи о сейчасъ сказанномъ инспекторствѣ, изложимъ прежде всего извѣстныя намъ свѣдѣнія по отношенію къ студентамъ.

„Первая вѣсть, по словамъ извѣстнаго автора, о назначеніи новаго Ректора А. Антонія, какъ извѣстнаго въ

(1) Письмо къ Протоіер. Александру Ів. Ростиславову и женѣ его Надеждѣ Петр. отъ 20 Февраля 1853 года.

Семинаріи за строгаго начальника, нѣсколько беспокоила студентовъ Академіи, видѣвшихъ особенно въ прежнемъ Ректорѣ А. Дмитріи отеческое благостное отношеніе къ нимъ. Но беспокойство это оказалось напраснымъ“ (1). Въ чемъ и почему оказалась такая переменна въ лицѣ и дѣйствіяхъ Ректора А. Антонія, было замѣчено прежде; что же касается сравнительнаго опредѣленія характера и образа дѣйствій и отношеній въ лицѣ бывшаго Ректора и настоящаго, то большая или меньшая разность въ подобныхъ случаяхъ зависитъ скорѣе всего отъ первыхъ проявленій и впечатлѣній, начиная даже съ внѣшнихъ пріемовъ и манеръ самыхъ начальниковъ. Не бывши личными свидѣтелями указываемой разности въ ея дѣйствительности, мы имѣли, однако, случаи слышать рассказы отъ очевидцевъ-студентовъ. Рассказы эти выходили подчасъ, видимо, не безъ прикрасъ и отчасти не безъ юмора, но въ самомъ невинномъ значеніи. Рассказчики, съ особенно живымъ характеромъ и воображеніемъ, представляли даже нѣкоторые обычные пріемы и манеры Антонія, выраженіе его лица и походку. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ прилагалось къ нему понятіе объ особенной, до изысканности, аккуратности въ держаніи себя, во внѣшнемъ одѣвнн и вообще, по представленію и выраженію малороссійскому, о чемъ-то *вельможно-панскомъ*—въ смыслѣ гонора и повелительности. Къ числу такихъ пзображателей А. Антонія, пужно сказать, принадлежалъ и давній другъ его—Викторъ Ипатьевичъ Аскоченскій, способный, какъ извѣстно, и готовый всегда на красное словцо и вообще мало любившій разбирать и различать „*блестки и изгарь*“ (2). Въ описываемую же пору онъ былъ особенно досужъ на подобное, такъ какъ не состоялъ *ни у коихъ долъ* и часто вращался въ средѣ студентовъ, участвуя иногда въ хоровыхъ спѣвкахъ и не чурался при этомъ студенческой столовой.—

(1) Киевская епарх. вѣдомости 1879 г. № 47.

(2) Въ его Домашней Бесѣдѣ, извѣстно, былъ особый, и по преимуществу имъ излюбленный, отдѣлъ подъ заглавіемъ: «*Блестки и изгарь*».

„Дневникъ“ его, недавно пропечатанный, можетъ служить яснымъ свидѣтельствомъ настоящихъ указаній (1). В. И. Аскоченскій былъ неуправимъ въ своихъ словахъ въ присутствіи самого даже высокопр. Филарета. Последній по временамъ любилъ его остроты и каламбуры, но иногда замѣчалъ ему внушительно. — „Ты знаешь, — гдѣ-то сказано: *языкъ яко бритва...* но есть и русское народное выраженіе: „на такой-то языкъ нужно бы бритву“. А къ тебѣ, братъ, идетъ и то и другое. Мы приведемъ для образчика хотя одинъ случай, который собственно относился къ одному обстоятельству въ жизни самого же преосв. Антонія. Когда преосв. Антоній получилъ докторство и самый крестъ докторскій и, по этому случаю, у высокопреосв. Филарета былъ обѣдъ; одинъ изъ присутствовавшихъ — свѣтскихъ лицъ, разсматривая изъ любопытства крестъ докторскій и увидѣвъ на оборотной сторонѣ цитату изъ словъ Св. Евангелія, желалъ знать, какое здѣсь разумѣется изреченіе. Аскоченскій тотчасъ подскочилъ съ услугою объяснить и сказалъ: Эти слова слѣдующія: *ни Моисеовъ съдалници съдома книжницы и фарисее. Вся зубо елика аще рекуть вамъ блюсти, соблюдайте и творите: по дѣломъ же ихъ не творите; глаголютъ бо и не творятъ.* (Матѳ. XXIII 2. 3.). Услышавъ это объясненіе Аскоченскаго, высокопр. Филаретъ тутъ же подхватилъ его: „а что же ты не досказалъ, что *„глаголютъ и врутъ“* тотъ-въ токъ какъ теперь ты... и. сказать правду, заврался ужъ больно *нестатно*“ (2).

Впрочемъ отзывы студентовъ какъ бы иногда ни оказывались довольно меткими, въ сущности придавать имъ значеніе возможно лишь въ самой ограниченной мѣрѣ. Одно то, что у разныхъ за разное время эти отзывы были слишкомъ разнообразны, заставляютъ видѣть здѣсь.

(1) На этотъ-то *Дневникъ* В. И. Аскоченскаго справедливо указалъ авторъ брошюры: «Поминки по преосв. Филаретѣ. Епископъ Рижскомъ». 1882 г. Кишиневъ. Стран. 12.

(2) Чтобы понять значеніе *нестатно* выходки Аскоченскаго, нужно знать, что на оборотной сторонѣ докторскаго креста написана цитата: Матѳ. гл. V, стр. 19 и этотъ стихъ читается такъ: «*Иже сотворитъ и научитъ, сеи велии наречетъ въ Царствіи Небеснѣмъ*».

больше всего. личные вкусы и свои причины. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ приводилось намъ къ случаю воспоминать предъ самимъ же преосв. Антоніемъ; и онъ вообще смотрѣлъ на подобные факты холодно, или, по обычной своей манерѣ, махая лишь рукою, даже и тогда, когда разсказы относились къ нему въ прямую достойную сторону. „Что и хорошее-то въ подобномъ родѣ слагалось въ средѣ студентовъ, говаривалъ онъ, и это не хорошо, потому что выходитъ, что студенты забираютъ себѣ право быть судьями своихъ начальниковъ и наставниковъ“. Такіе отзывы его бывали не рѣдки послѣ посѣщенія имъ публичныхъ актовъ или диспутовъ университетскихъ и академическихъ. „Меня просто поражаетъ, высказывался онъ, нынѣшняя беспорядочность и безтактность въ подобныхъ явленіяхъ. Лишь только успеетъ кончить рѣчь или диспутацію ктонибудь, какъ вдругъ самымъ неистовымъ образомъ посыплотся хлопанья—и отъ кого же и откуда прежде всего?.. Отъ студентовъ изъ разныхъ угловъ, гдѣ и слова-то трудно бываетъ конечно скольконибудь разслышать... И что за цѣнители и что за честь отъ такой оцѣнки?! Къ тому же если подобные цѣнители имѣютъ право, или по крайней мѣрѣ допущенную возможность, выражать одобрительныя хлопанья, то кто же ручается, что отъ нихъ же можно ожидать и шиковъ и свистовъ въ противную сторону? И тогда что же?! Я давно хочу, да забываю, сказать о Ректору Академіи, чтобы это было выведено изъ моды“.—Былъ одинъ случай, вызвавшій преосв. Антонія на болѣе опредѣленные объясненія въ этомъ родѣ. Въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ, еще въ 1869 году, были напечатаны воспоминанія о Кіевской духовной Академіи и собственно о высокопр. Филаретѣ, касавшіеся истинно-отеческихъ отношеній послѣдняго къ студентамъ. Пищущему нужно было провѣрить и рѣшить.—можно ли эти воспоминанія внести цѣликомъ въ біографію высокопр. Филарета. Оказалось, что эти факты, изложенные въ воспоминаніяхъ, были не новы для преосв. Антонія; нѣкоторые онъ зналъ, какъ бывшіе прежде его ректорства въ Академіи, а одинъ относился къ его ректорству и даже собственно къ его

лицу. Мы приведемъ этотъ послѣдній въ подлинныхъ словахъ воспоминателя (1).

„Однажды, послѣ экзаменовъ, зашелъ высокопр. Филаретъ въ наши номера, и въ одномъ изъ нихъ, взявъ книгу, присѣлъ на койку и сталъ говорить: „вотъ какъ прекрасно здѣсь! Студенту можно и заняться и вмѣстѣ отдохнуть. То-ли дѣло такъ по старому! А то нынѣ заводятъ тамъ и сямъ отдѣльныя спальни, общія занятныя комнаты: бѣдные студенты!“ „И мало ли еще чего пестрено прекраснаго и высокаго знали мы, студенты, въ незабвенномъ старцѣ святителѣ, что влекло сердца всѣхъ насъ въ благоговѣйную любовь къ нему, и что соединяло всѣхъ насъ самихъ въ одну семью, для которой Митрополитъ былъ поистинѣ отцемъ, такъ что всѣ и каждый изъ насъ звали его не иначе, какъ „нашъ возлюбленнѣйшій дядушка“ (2).

Касательно всѣхъ случаевъ, изложенныхъ у воспоминателя, покойный владыка Антоній выразился прежде всего: „такъ-то такъ!.. честь воспоминателю, что онъ былъ столько наблюдателемъ и слогалъ такъ глубоко и свято въ сердцѣ своемъ все видѣнное въ лицѣ и дѣйствіяхъ Владыки Филарета“. „Но, продолжалъ онъ, въ этихъ воспоминаніяхъ все таки одна сторона медали, которая доступна была студентамъ. А надо знать и то, что и какъ бывало въ этихъ же самыхъ случаяхъ въ отношеніи къ намъ — начальникамъ и приставщикамъ. — Для меня особенно памятенъ и чувствителенъ былъ случай послѣдній, т. е. какъ Владыка отзывался, сидя на кой-

(1) Въ разсказахъ воспоминателя изложены четыре факта: а) какъ высокопр. Филаретъ, посѣтивши столовую студенческую, нашелъ приготовленную рыбу недоброкачественною; б) какъ онъ же, прибывши во время Литургии въ академическую церковь, засталъ студентовъ, стоявшихъ въ особомъ отдѣленіи запертыми на замокъ; в) какъ онъ отнесся къ табачному сильному запаху въ одной изъ студенческихъ комнатъ и наконецъ — г) тотъ самый фактъ, который приведенъ въ настоящемъ изложении.

(2) Изъ матеріаловъ по биографіи высокопр. Филарета. Эти воспоминанія напечатаны были въ свое время въ одномъ изъ дух. журналовъ.

кѣ, что безраздѣльность комнатъ занятныхъ отъ спальныхъ особенно прекрасна.—Эти слова, да и самое посѣщеніе комнатъ въ этотъ разъ были мнѣ не въ бровь, а въ глазъ. Благо, что студенты объ этомъ не знали, да и вообще вѣдали не многіе“.

„Дѣло было такъ, — продолжалъ покойный Владыка, — еще находившись въ Петербургѣ и зная, что тамъ въ постановкѣ жизни студентовъ была большая разность съ нашею академическою, я и заочно конфузился, что у насъ такая патріархальность и халатность... Послѣднее главнымъ образомъ было въ томъ, что студенты занимаются подчасъ лежа на кроватяхъ и, при посѣщеніяхъ Инспектора и даже Ректора, остаются буквально въ халатахъ. Объ этомъ-то я и высказывался не разъ предъ Владыкою. Онъ сначала пропускалъ, какъ бы мимо ушей; однажды же только сказалъ: „ну а что же? поди и въ самомъ дѣлѣ лучше по петербургскому-то!“ По этому, не предвидя въ дальнѣйшемъ какихъ либо возраженій и тѣмъ болѣе рѣшительнаго отрицанія, я и взялся провести эту мысль болѣе рѣшительно. Онъ на это опять таки сказалъ только: „ну что же? ты, можетъ быть, уже и напроэктировалъ что нибудь касательно этого?“ Это выраженіе уже болѣе убѣдило меня въ возможности привести въ исполненіе свое намѣреніе. Я даже и потолковалъ кое съ кѣмъ, какъ бы устроить, и въ общихъ чертахъ написалъ домашнимъ образомъ. Вскорѣ представился случай, казавшійся мнѣ благопріятнымъ, чтобы доложить Владыкѣ окончательно, какъ приступить къ самому дѣлу. Но тутъ-то и объяснилось, что значила его прежняя уклончивость... Я не зналъ, какъ и поправить дѣло, особливо когда неосторожно позволилъ указать какъ на примѣръ—на Петербургскую Академію и назвать его настолько достойнымъ, что полагалъ бы излишнимъ и разсудать объ этомъ“.

„Вотъ тебѣ и на!, видимо раздраженно сказалъ Владыка,—этого только и недоставало, т. е. сравненія „Вавилонскаго съ Сіонскимъ“ (1). Зналъ я и прежде тебя и

(1) Это выраженіе употреблялось высокопр. Филаретомъ въ

побольше. что тамъ заведено... Тамъ есть и полицмейстеръ какой-то при Академіи. и въ баню-то сопровождаетъ студентовъ фельдшеръ или лекарь, чтобы опредѣлять степень жара и кому дозволить, а кому нѣтъ—париться.—Знай, что. пока я живъ, этого не будетъ; никто меня не убѣдитъ, чтобы студенты, уже столько взрослые, матерые. держали себя на пружинкахъ и были какъ на иголкахъ. Эка бѣда. что студентъ въ халатѣ; халатъ съ пояскомъ, то же что подрясникъ; а въ подрясникахъ ходять вездѣ и въ церковь; а что студенты иные иногда уснуть послѣ обѣда. это и естественно; и не думай, что спать отъ лѣности, отъ бездѣлья, а вѣрнѣе. чтобы отдохнуть, и снова живѣе и усерднѣе заняться дѣломъ; лѣниваго-то и празднаго и не уложишь въ эту пору; онъ скорѣе это время свободное употребить на что либо праздное; а если захочетъ и не въ пору полежать, то и въ отдѣльныхъ комнатахъ онъ не затруднится и не спросить, какъ это сдѣлать; самъ сдумаетъ лучше всякаго. Такъ оставь ты, что тебѣ втемяшилось по этому дѣлу. Смотрика, чѣмъ хотѣлъ урезонить: тамъ-де въ Петербургской Академіи такъ и такъ... Да *тамъ* и *ректоры* стали дѣлать *безмъстными архіереями*... (1). Что

письмахъ изъ Петербурга въ бытность его тамъ по званію Члена Синода, именно въ послѣдніе годы, разумѣя подъ *Вавилонскимъ*—петербургское, а подъ *Сіонскимъ*—киевское и въ частности киево-лаврское.

(1) Первымъ Ректоромъ въ архіерейскомъ санѣ въ Петербург. Академіи былъ (съ 1842 г. по 1847 г.) *Аванасій Дроздовъ*. впоследствии Епископъ Саратовскій и Астраханскій. По словамъ покойнаго влад. Антонія, это лицо было одно изъ сторонниковъ извѣстной партіи противъ *обоихъ Филаретовъ*, одновременно уволенных навсегда отъ личнаго присутствованія въ Св. Синодѣ въ 1842 г., послѣ чего не замедлило послѣдовать и возведеніе въ санъ Епископа Ректора Академіи Аванасія. При немъ-то были и тѣ нововведенія, на которыя указывать высокопр. Филаретъ. А какъ сильно было несочувствие Владыки Филарета, основанное на несомнѣнныхъ для него фактахъ. къ Аванасію, доказательство въ томъ, что когда Аванасій, предъ выбытіемъ высокопр. Филарета изъ Петербурга въ 1842 г., явился къ нему на прощаніе,—то Филаретъ сказалъ ему послѣднія слова такія: „*Ὁ ποιεῖς, ποιήσου τάχιον*“... (Іоан. 13. 27.). «*Еще твориши, твори скоро*». Замѣчательно къ прискорбію,

же ты не говоришь, что и здѣсь бы такъ же нужно, тѣмъ болѣе, что здѣсь былъ уже Ректоръ-Архіерей (Иннокентій), хотя и въ другомъ значеніи, потому что онъ былъ здѣшній же Викарій и занимался дѣлами епархіальными. Не думаешь ли и ты о себѣ, чтобы быть Ректоромъ-Архіереемъ. Да если бы и вздумали *тамъ*, я ни за что не соглашусь“.—По достовѣрному разсказу одного высокостепеннаго лица. А. Антоній въ концѣ концовъ при этомъ случаѣ, желая смягчить тревожное состояніе Владыки Филарета, въ чувствѣ искренняго смиренія выразился было такъ, между прочимъ: „Что же, Владыка Святый, простите!—И я готовъ быть въ этомъ дѣлѣ предъ Вами *яко агнецъ безгласенъ* и пожертвовать своими убѣжденіями“... Но старецъ-Митрополитъ и тутъ ему сказалъ: „да! хорошъ ты больно *агнецъ*,—готовый на жертву... Агнцы-то *не брыкаются*, а ты куды было какъ *забрыкался*... Чтобы устоять на своемъ.—Оставь, говорю, навсегда, что втемяшилось тебѣ,—и только“.

Но этимъ однимъ разомъ, говорилъ преосв. Антоній дѣло не кончилось. Ясно было, что Владыка былъ затронутъ за живое. Въ другіе разы онъ, видимо намѣренно, возобновлялъ разговоры если не прямо объ этомъ предметѣ, то о соприкосновенныхъ, гдѣ главная мысль была все таки объ образѣ и характерѣ отношеній къ сту-

что бывший Ректоръ Спб. Академіи Аѳанасій Еписк. Винницкій оставилъ по себѣ память, явно неблагопріятную для него со стороны и бывшихъ ближайшихъ его сослуживцевъ. Вотъ что писалъ, бывший тогда Инспекторъ Спб. Академіи, Архим. Макарій (впослѣдствіи Митроп. Московскій) къ преосв. Иннокентію Херсонскому; «Съ какими чувствами провожаемъ мы изъ Академіи преосв. Аѳанасія?.. «Увы! съ радостью... всѣ, всѣ, всѣ!!.. Урокъ преподавательный!.. Занималъ такой постъ, могъ сдѣлать столько добра многимъ и, въ частности, своимъ подчиненнымъ, могъ привлечь къ себѣ сердца наши и заставить на-долго бы благословлять свое имя... И!!!—Нѣтъ! Никогда не позавидуешь подобной участи!.. Я—грѣшнѣйшій въ послѣдній годъ также не мало поиспыталъ тяготу его.—какъ бы сказать, не знаю...—его ученой зависти, что ли, и згоизма!.. Да проститъ его Господь!.. (Смотр. Христ. Чтеніе 1884 г. Май—Іюнь. «Письма Макарія Митроп. Московскаго къ Иннокентію Архіеписк. Херсонскому». Сообщ. Н. Б.—Приведенное нами письмо значится отъ 28 Января 1847 года.

дентамъ и вліятельныхъ и дѣйственныхъ. Любимыми выраженіями его при этомъ были изреченія Св. Апостола: „*Яко же доулицца грѣтъ чада своя...* такъ и начальники и всѣ наставники должны чувствовать себя и выражать свои дѣйствія къ воспитанникамъ, *послабляюще* имъ, по тому же Апостолу, и *самыя прещенія*, а главное, не насилуя ихъ положеніе одними казенными порядками по заведеннымъ формамъ и инструкціямъ. Последнія если и потребны, то опять-таки не на одинъ ладъ для всѣхъ мѣсть“. Такъ однажды, опять заговоривъ про отдѣльныя и спальныя комнаты, Владыка Филаретъ высказался, „что это раздѣленіе помѣщеній и въ видахъ гигиеническихъ-то здѣсь въ Кіевѣ излишне. Тамъ въ Петербургѣ напр. извѣстно, что двойныя оконныя рамы хоть цѣлый годъ не вынимай отъ сырости и перемѣнчивости погоды, потому и воздухъ, понятно, долженъ быть освѣжаемъ чрезъ перемѣну помѣщеній; а здѣсь чистая благодать; зимнія-то окна хоть и не вставляй,—а лѣтнія-то открывать можно съ Марта по Ноябрь... Да здѣсь, слава Богу, и больныхъ-то воспитанниковъ я вижу по репортамъ весьма мало. Да кстати,—я какъ теперь помню, что когда получилъ самый первый репортъ, въ бытность мою въ Петербургѣ еще до пріѣзда сюда—въ Кіевъ,—(репортъ бывшаго тогда Инспектора А. Дмитрія о благосостояніи Академіи), то перекрестился, что больныхъ студентовъ не было ни одного ⁽¹⁾. А какъ мнѣ приходилось въ Петербургѣ посѣщать тогда своего племянника студента (Егора Васильевича Амфитеатрова), бывшаго больнымъ, то я предъ тамошними Ректоромъ и Инспекторомъ прямо похвалился, что вонъ-де въ Кіевской Академіи не такъ,—больныхъ вовсе нѣтъ“.

„Однимъ словомъ, по рассказамъ покойнаго влад. Антонія, вопросомъ о спальныхъ и занятныхъ комнатахъ вызывалось со стороны Владыки Филарета весьма много разсужденій. Однажды же Викторъ Ипатьевичъ, желая

⁽¹⁾ Высокопр. Филаретъ на этомъ самомъ первомъ рапортѣ Инспектора дѣйствительно выразилъ, между прочимъ, въ своей резолюціи такія же именно чувства.

смягчить и сгладить самое состояніе Владыки Филарета. подеунулся было съ своимъ словцомъ, рассчитаннымъ на то, чтобы, такъ сказать, ублажить его“. „Да, Ваше В—ство, и сама исторія подтверждаетъ, что въ здѣшной Академіи былъ на столько освященъ порядокъ въ образѣ житья воспитанниковъ, что можно по традиціямъ опредѣлить, —кто, когда, въ какой камерѣ жилъ и гдѣ была его койка. Я напр. во весь курсъ помѣщался въ той комнатѣ, и моя койка была на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почиваль, учившись въ Академіи. Святитель Димитрій Ростовскій“.—Владыка, улыбувшись, сказалъ: „да ты бы хорошенько справился, —быть можетъ и самая-то кровать досталась тебѣ именно та, на которой почиваль Святитель Божій?!“ „Этого-то я не знаю“, отвѣчалъ Ас-коченскій. „Ну такъ я тебѣ скажу: если бы намъ съ тобою досталось хоть подъ кроватью-то Святителя Божія полежать, и то слишкомъ много бы чести. А если бы и предположить, что ты жилъ и спалъ въ той комнатѣ, гдѣ Святитель Димитрій, то ужъ несомнѣнно, что этимъ самымъ и комната и мѣсто, гдѣ стояла кровать Св. Угодника, обратилось тогда же *въ мѣсто запустѣнія* по пророку Даниилу, потому что, вѣрно, ты и *на мѣстѣ святѣ* не въ состояніи былъ воздерживаться отъ твоихъ пустыхъ и гнилыхъ рѣчей, и, вмѣсто воскуренія ѳиміама, и горѣнія елея предъ иконою, скорѣе всего воскурался тамъ у васъ табакъ, а можетъ и бывали возліянія изъ называемой по здѣшнему *горьлки*“. „А вотъ и кетати“. обращаясь ко мнѣ, сказалъ Владыка: „Вѣдь ты насмотрѣлся всего тамъ въ Петербургѣ-то и знаешь, что въ спальныхъ комнатахъ ставятся ночники въ видахъ какихъ-то особенныхъ, даже нравственно-воспитательныхъ; а я тебѣ предлагаю, —хорошо бы весьма завести порядокъ, чтобы въ каждой комнатѣ была предъ иконою лампадка и зажигалась бы, начиная со чтенія вечернихъ молитвъ, и горѣла до прочтенія утреннихъ. Это будетъ не то, что ночники... Кто и проснется ночью, увидитъ, что свѣтъ исходитъ отъ св. иконы, небось, перекрестится“. Лампадки дѣйствительно были и въ мое время и зажигались, по крайней мѣрѣ, на время молитвы, а на всю

ночь оставлялись на воскресные и праздничные дни, хотя не всегда и не вездѣ.

Что же касается безраздѣльности комнатъ на спальныя и занятныя, то этотъ порядокъ оставался не только до кончины высокопр. Филарета, но и послѣ. Студенты съ своей стороны были довольны этимъ положеніемъ и даже боялись, что оно скоро, или поздно измѣнится. Въ мое же время (въ половинѣ 1858 г.) дошло извѣстіе, по тогдашнему секретное, что вотъ-вотъ придетъ какой-то важный изъ Петербурга чиновникъ по Духовно-учебному Вѣдомству; и тутъ-то студенты подумывали, что существовавшій порядокъ въ житьѣ-бытьѣ ихъ болѣе всего бросится ему въ глаза и непременно будетъ отмѣненъ.—Извѣстіе это дѣйствительно оправдалось; въ концѣ Сентября пріѣхалъ Директоръ Канцеляріи г. Оберъ-Прокурора Св. Синода—дѣйствит. стат. совѣтн. П. И. Саломонъ. Назначеніе его, на сколько было доступно знать намъ,—студентамъ, послѣдовало будто бы по поводу статей по разнымъ предметамъ церковнаго и духовно-учебнаго управленія, напечатанныхъ въ пресловутомъ тогдашнемъ заграничномъ „*Колоколѣ*“. Съ этимъ „Колоколомъ“, привезенномъ въ своемъ портфельѣ, какъ говорили тогда, и осматривалъ прибывшій Директоръ все, что подходило подъ его программу, и, по преимуществу, по части воспитательной и экономической. И чтожь? Когда онъ посѣщалъ комнаты студентовъ въ существовавшемъ порядкѣ и видѣ, то студенты, какъ говорится, не вѣрили своимъ ушамъ, слыша, какъ посѣщавшій отзывался объ обстановкѣ студенческой жизни почти такими же словами, какія извѣстны были, по преданію, изъ устъ высокопр. Филарета. И тутъ-то имя и память послѣдняго еще болѣе стали благословляться.

Всѣ, доселѣ изложенныя, свѣдѣнія хотя разновременны и разнослучайны, и относились къ лицу Ректора Академіи А. Антонія не всѣ непосредственно, тѣмъ не менѣе въ нихъ видны, уже достаточно, полныя и характеристическія данныя для опредѣленія его управленія по отношенію собственно къ студентамъ и для вѣр-

наго пониманія того самаго значенія, какое имѣло здѣсь личное вліяніе со стороны высокопр. Филарета.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ своимъ особенно любимымъ родственникамъ ⁽¹⁾ А. Антоній выражался о своемъ состояніи такъ: „Ахъ, да! вѣдь этотъ первенецъ вашъ новорожденный мнѣ-то приходится уже внукъ. Вотъ тебѣ и новость, пока не гаданная!! Стало быть я сдѣлался уже *дядушкой!*... Кстати сказать, не даромъ и сѣдые волосы уже начали показываться на головѣ. О! когда бы далъ Господь съ этими новинками обновленія многихъ ветхостей души моей, и съ сѣдинами—прибавлялось и болѣе мудрости духовной и опытности житейской. А слава Богу, что *для руководствованія во всемъ этомъ* не старѣеть, а преизбыточествуетъ духомъ мудрости и вѣдѣнія, разума и совѣта тотъ, кто для новорожденнаго уже теперь *пра-прадѣдъ*, который и благословляетъ молитвенно своего потомка, *радуясь, яко человекъ родися въ міръ*“.—Въ этомъ же самомъ письмѣ А. Антоній просилъ родныхъ порадоваться съ нимъ его пріятной по службѣ новости, что у него новый Инспекторъ—А. Леонтій,—въ добрыхъ единодушныхъ отношеніяхъ котораго А. Антоній былъ совершенно увѣренъ.

Дѣйствительно, по извѣстнымъ намъ разсказамъ лицъ изъ студентовъ этого времени (XVI курса), оказывается, что при нихъ Ректоръ А. Антоній былъ уже такимъ, какъ изображаетъ его извѣстный авторъ въ слѣдующихъ чертахъ: „На ректорствѣ А. Антонія въ Академіи новыя приемы проявились въ немъ еще болѣе (т. е. сравнительно съ ректорствомъ его въ Семинаріи) и это, конечно, благодаря той средѣ, на которую приводилось ему теперь дѣйствовать и также благодаря и самымъ лѣтамъ его и нажитой опытности. На студентовъ онъ старался дѣйствовать мѣрами болѣе положительными, чѣмъ отрицательными, т. е. мѣрами отеческаго назиданія, убѣжденія, чѣмъ устрашенія и каранія. Никто изъ студентовъ за его время не подпалъ тяжелымъ по-

(1) Письмо это на имя Протоіерея Александра Ивановича Ростиславова и жены его Надежды Петровны отъ 20 Февраля 1853 г.

слѣдствіямъ за какой либо проступокъ молодости. Вообще онъ приобрѣлъ несомнѣнное нравственное вліяніе на студентовъ“ (1).

Что выражено въ приведенныхъ словахъ автора о значеніи самой среды, имѣвшей прямое вліяніе на образъ и характеръ ректорствованія преосв. Антонія, — это совершенно правда. Будь А. Антоній тотъ же Ректоръ, но изъ другой среды по мѣсту его воспитанія, или даже не находись онъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ той же Академіи по мѣсту его всей предшествовавшей службы, онъ не такъ чувствовалъ и проявилъ бы себя во всемъ настоящемъ. Это сознавалъ и засвидѣтельствовалъ онъ самъ и лично и письменно въ своемъ привѣтствіи Кіевской Академіи при торжествѣ ея пятидесятилѣтія. „Ровно половина минувшаго пятидесятилѣтняго періода Академіи протекла на моихъ глазахъ и я былъ, во все это время, въ постоянной, живой родственной связи съ Академіею. Съ безпредѣльною благодарностію къ Промыслу Всевышняго и съ глубочайшею признательностію къ этой самой Академіи воспоминаю я объ этомъ времени, начиная съ воспитанія, какъ *наилучшемъ въ моей жизни*, которому я обязанъ задатками всего того, чѣмъ я былъ тогда и чѣмъ есмь благодатию Божіею“ (2). Сюда же наконецъ, какъ нельзя болѣе, идутъ и тѣ слова, которыя были выражены однимъ изъ воспитанниковъ той же Академіи, хотя и позднѣйшимъ по времени, но вполне убѣжденнымъ въ истинности, сохранившихся и ему сдѣлавшихся извѣстными, преданій, — слова произнесенныя при гробѣ преосв. Антонія: „Ты до конца жизни питалъ глубокую любовь къ воспитавшей тебя Академіи, и сохранилъ тѣ завѣты и направленіе, какіе воспринялъ отъ нея и какіе самъ утверждалъ и охранялъ, и какіе та же самая Академія желала бы видѣть во всѣхъ питомцахъ своихъ. И нѣтъ сомнѣнія, что Кіевская Академія, съ благоговѣніемъ и любовію почитаю-

(1) Кіевскія епарх. вѣдомости 1879 г. № 47 стран. 12.

(2) Смолр. пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духов. Академіи 28 Сентября 1869 г. стр. 220.—Привѣтствіе высокопр. Антонія, Архіеп. Казанскаго и Свіяжскаго.

щая память своихъ великихъ наставниковъ и начальниковъ, и твое великое имя съ благодарностію впишетъ на страницахъ своей славной исторіи. Воспитанники же ея по преимуществу сохранятъ въ сердцахъ и памяти совмѣщеніе въ тебѣ главныхъ свойствъ, которыя они видѣли и читали въ лицѣ твоёмъ,—это великую силу любви и твое искреннее горячее чувство ревности и твоихъ священныхъ убѣжденій“ (1).

Личныя воспоминанія самого преосв. Антонія объ академической жизни, дѣйствительно, были всегда постоянно живы и задушевы, какъ *о времени самомъ наилучшемъ въ его жизни*. Особенно замѣчательно въ его подобныхъ разказахъ было то, что воспоминанія о тѣхъ или другихъ случаяхъ и явленіяхъ сливались въ какую-то безраздѣльность, или взаимную переходность во времени. Говоря напр. о чемъ либо изъ времени своего ректорства, онъ бывало приговаривалъ: „но во время моего студенчества было это такъ и такъ“; и наоборотъ вспоминая о чемъ нибудь изъ времени студенчества, онъ присовокуплялъ: „но при моемъ ректорствѣ это было уже не такъ,—а вотъ какъ“. Съ тѣмъ вмѣстѣ эти слова и воспоминанія были не передачами только фактовъ, но дышали. въ самую пору разказовъ, такою живою участливостію, что воспоминаемое было какъ бы присутимъ ему.—Самыя имена и фамиліи студентовъ, съ ихъ даже физиогноміями и характеристическими свойствами, онъ зналъ и опредѣлялъ такъ вѣрно, что надобно было только удивляться. Во мнѣствѣ онъ зналъ всю дальнейшую жизнь и судьбу ихъ, и при этомъ опять удивительно мѣтко сопоставлялъ настоящее съ прошедшимъ-студенческимъ. „Да въ немъ (такомъ-то) видно было то и то еще въ его студенствѣ, или даже въ Семинаріи, и потому можно было ожидать, что выйдетъ такъ, т. е. въ добрую или худую сторону“. Когда онъ узнавалъ что

(1) Рѣчь Доцента Казан. дух. Академіи Сергія А. Терновскаго, бывшаго воспитанника Кіевской Академіи, сказанная имъ по совершении панихиды при гробѣ въ Бозѣ почившаго Архіеп. Антонія, совершенной отъ лица академической корпораціи на третій день по кончинѣ его 10 Ноября.

либо особенно хорошее и достойное, то говаривалъ: *Esse quomodo nostri!*“ Самыя искреннія откровенныя письма очень многихъ лицъ, изъ учившихся при его ректорствѣ, служили большею частію поводами для преосв. Антонія къ разнымъ воспоминаніямъ о разныхъ фактахъ изъ времени его академическаго и семинарскаго служенія. По обычной его манерѣ вводить въ живое соучастіе въ своихъ разсказахъ самихъ слушающихъ, онъ обращался бывало съ такимъ вопросомъ: „да, вѣдь ты знаешь то и то? или: это при тебѣ было или прежде?“ и т. п. Отсюда же, отъ одного частнаго случая рѣчь его иногда распространялась далеко и широко. И, что главное, при подобныхъ разсказахъ всегда замѣтно было въ немъ какое-то чувство внутренняго удовольствія, такъ что бывшее, и неблагопріятное въ свое время, при воспоминаніи сглаживалось въ его сужденіяхъ. Онъ, видимо, боялся, чтобы не помянуть, по пословицѣ, чего либо худомъ или кого либо лихомъ. — На письма, въ которыхъ обращались къ нему лица изъ бывшихъ его воспитанниковъ съ содержаніемъ, иногда очень грустнымъ по обстоятельствамъ жизни писавшихъ, преосв. Антоній отвѣчалъ неукоснительно съ полнымъ участіемъ, предлагая совѣты, или оказывая содѣйствіе, а иногда и матеріальную помощь. Пинущему приводилось быть иногда посредникомъ въ подобной корреспонденціи, по личному порученію преосв. Антонія. — Подобныя письменныя обращенія бывшихъ воспитанниковъ преосв. Антонія основывались именно на томъ главномъ, истинно рѣдкостномъ, свойствѣ души преосв. Антонія, съ нравственной и житейской стороны, проявленіе котораго было для всѣхъ студентовъ такъ очевидно и убѣдительно изъ разнообразныхъ фактовъ и случаевъ, бывшихъ во время его ректорства и относившихся прямо къ средѣ студенческой. Студенты знали, что никто, какъ Ректоръ А. Антоній не могъ не принимать къ сердцу все:—и доброе и похвальное, и то, что выходило изъ порядка и правилъ благоразумія и благородства; за то и, въ послѣднихъ случаяхъ, всегда были положительно и сердечно увѣрены, что всякая подобная выходка не выведетъ его изъ предѣловъ и мѣры терпѣнія и благоду-

шія. по крайней мѣрѣ, когда пройдутъ первыя впечатлѣнія. Всего же болѣе считалось нравственно невысказаннымъ, чтобы опасаться за какое либо, личное съ его стороны, преслѣдованіе. и мстительность. Всякій зналъ только, что въ данное время, при личныхъ объясненіяхъ съ А. Антоніемъ. нужно было глубоко прочувствовать всякое слово и даже самое выраженіе его лица, кои на этотъ разъ бывали особенно внушительно-строги. или, на сколько возможно, предупредить его въ этомъ состояніи, хотя бы посредственнымъ искреннѣйшимъ объясненіемъ сути и обстоятельствъ факта (1). Не излагая самаго содержанія подобныхъ фактовъ, мы утверждаемъ за несомнѣнное. что въ средѣ разныхъ курсовъ бывали именно такіе случаи; но при сказанныхъ условіяхъ они оканчивались благополучно для проступившихся, за-то всегда не безслѣдно, какъ прямые уроки для будущаго. О подобныхъ случаяхъ бывали иногда уже и донесенія формальныя со стороны инспекціи Ректору А. Антонію; но онъ и здѣсь находился проводить дѣло такъ, чтобы не ослаблялись и власть и вліяніе инспекторскія, и достигалась цѣль положительная. Наконецъ доходили даже и до самого высокопр. Филарета свѣдѣнія въ этомъ родѣ; но и тутъ Ректоръ А. Антоній, безъ всякихъ прикрывательствъ, своею тактичностію умѣлъ и успѣвалъ направлять дѣло такъ, что-и самъ высокопр. Филаретъ не могъ относиться къ студенческимъ проступкамъ неодобрительно, въ особенно строгой мѣрѣ. а присовокуплялъ лишь свои внушенія.

Въ силу такой искренней предупредительности со стороны студентовъ и самъ Ректоръ А. Антоній, чему

(1) На первыхъ порахъ. да и въ послѣдствіи, въ глазахъ нѣкоторыхъ такой образъ и порядокъ предупредительныхъ объясненій. особенно посредственныхъ. напр. черезъ старшихъ или избранныхъ. представлялся въ иномъ смыслѣ,—именно будто бы эти самые посредствующе дѣйствовать въ свою личную пользу и въ ущербъ прочимъ, но въ концѣ концовъ эта система признана была всѣми въ самомъ безукоризненномъ смыслѣ. во всякомъ случаѣ, со стороны самого А. Антонія. Системы этой онъ держался и на епархіаль. гдѣ онъ безотказно принималъ воспитанниковъ семинарскихъ и даже училищныхъ и выслушивалъ отечески ихъ объясненія.

мы сами были свидѣтелями, какъ бы предвѣрять, могущіе встрѣтиться, случаи. Онъ хотя рѣдко и неожиданно посѣщаль студенческія камеры, но не трудно было догадываться, что посѣщенія эти были не безъ особыхъ поводовъ и цѣлей. Зная многіе студенческіе обычаи, бывавшіе еще во время его студенчества, при которыхъ могло происходить то или иное не рекомендуемое, онъ какъ разъ подъявлялся иногда подъ эту пору. Замѣтивъ же, при этомъ, что либо похожее на извѣстное ему бывающее и не касаясь прямо замѣченнаго, онъ начиналъ что либо побочное въ противоположную сторону и тѣмъ дѣйствительно какъ бы обезоруживалъ всѣхъ и всякаго. — Здѣсь въ состояніи студентовъ происходило именно тоже, что выражалось въ извѣстныхъ словахъ наставниковъ Семинаріи, т. е. „совѣсть ходитъ по комнатамъ студенческимъ“. Впрочемъ, и помимо чего либо не рекомендуемаго, посѣщавшій давалъ, кому слѣдовало, разумѣть наприм. особенно выдававшуюся халатность, тѣмъ болѣе соединенную съ неопрятностію; видимая же недостаточность у кого либо въ приличномъ костюмѣ какого либо рода не оставлялась безъ вниманія. Извѣстны многіе примѣры, что, оказывавшіеся въ послѣднемъ видѣ, студенты незамѣтно были призываемы Ректоромъ и получали пособіе на удовлетвореніе ихъ нуждъ. Вообще на внѣшность студентовъ А. Антоній обращалъ большое вниманіе, проводя чрезъ нее вліяніе на сторону внутреннюю. Онъ съ не скрываемымъ чувствомъ отличалъ въ своихъ понятіяхъ всѣхъ, выдѣлявшихся умѣніемъ держать себя возможно прилично и въ маперахъ и въ одеждѣ. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, что нѣкоторые изъ студентовъ имѣли входъ въ хорошіе дома. Въ его же время, какъ замѣчено и въ исторической юбилейной запискѣ о состояніи Академіи, „не рѣдко почтенные отцы семействъ съ особеннымъ довѣріемъ вручали воспитаніе дѣтей своихъ нѣкоторымъ изъ студентовъ“ (1). Мы, — старшіе студенты, въ числѣ избранныхъ, имѣли даже ту честь, что бывали приглашаемы самими господами профессорами въ

(1) Смотри юбилей Кіев. Академіи стр. 136.

ихъ семейные праздники на вечера, гдѣ участвовали въ танцахъ ⁽¹⁾. Самъ же о. Ректоръ А. Антоній въ день напр. Пасхи (по крайней мѣрѣ этотъ случай былъ въ нашу курсъ) назначалъ старшимъ студентамъ быть у него на разговорнѣ въ первый день Св. Пасхи. Равно и, бывшій въ нашу пору, о. Инспекторъ А. Иоанникій со- зывалъ къ себѣ на вечерній чай и угощеніе насъ же— старшихъ студентовъ. Въ средѣ своей, во взаимныхъ отно- шеніяхъ, „студенты“, говоря словами исторической за- писки, „какъ собиравшіеся съ разныхъ концовъ Россіи. хотя, особенно съ самаго начала, не чувствовали слиш- комъ тѣсныхъ связей съ новою мѣстною средою, за- то важною была въ нравственномъ смыслѣ, скоро возникав- шая и утверждавшаяся среди ихъ, внутренняя товарище- ская связь. Пройдетъ какихъ нибудь нѣскольکو недѣль. и въ братской семьѣ студентовъ, при личныхъ особен- ностяхъ каждаго, при своеобразностяхъ, условленныхъ ре- дпною, выработывался общій нравственный обликъ ака- демическаго студента, имѣвшій свою симпатичность, свои несомнѣнныя достоинства нравственныя“ ⁽²⁾. Эти слова, насколько приложимы ко всему времени пятидесятилѣтія и. характеризованной въ запискѣ, средѣ и жизни студен- товъ, можно смѣло сказать, преимущественно должны от- носиться къ курсамъ за время ректорства А. Антонія въ болѣе очищенномъ и возвышенномъ смыслѣ и видѣ. Но

⁽¹⁾ Одно, чувствовавшееся всѣми студентами, лишеніе состояло въ томъ, что съ довольно давняго времени и въ наше не давались, такъ называемыя, маевки или рекреации, которыя составляли, по преданію, одно изъ лучшихъ, особливо въ смыслѣ свободности, сту- денческихъ развлеченій и удовольствій. Эти маевки совершались обыкновенно въ *Борщоговку*; такъ называлась дача, принадлежавшая Академіи и вмѣстѣ Братскому монастырю, находившаяся въ разстоя- нии отъ города верстахъ въ восьми.—Лишеніе же это восполѣдова- ло, впрочемъ, по винѣ самихъ же студентовъ, такъ что самъ высокопр. Филаретъ лично отъ себя воспретилъ всякія студенческія посѣще- нія въ Борщоговку, хотя и самъ прежде изрѣдка посѣщалъ, быв- шия тамъ, маевки. Виною былъ одинъ несчастный фактъ, который, по рассказамъ самого покойнаго влад. Антонія, угрожалъ крупными послѣдствіями и стоялъ ему великихъ безпокойствъ.

⁽²⁾ Смотри. Историч. записку по случаю юбилея стр. 136.

какъ въ средѣ студентовъ были не только собиравшіеся со всѣхъ концовъ Россіи, а даже изъ странъ иностранныхъ соплеменныхъ и единовѣрныхъ, преимущественно изъ Сербіи и Болгаріи, и какъ число послѣднихъ въ ректорство А. Антонія было особенно значительное ⁽¹⁾, то, та же вышесказанная, характеристическая сторона общаго нравственнаго студенческаго облика не замедляла отображаться и на этихъ послѣднихъ и, должно сказать, опять таки подъ нравственнымъ вліяніемъ преимущественно самого А. Антонія.—Причина въ томъ, что нѣкоторые изъ Сербовъ и Болгарь, предварительно, находились въ Семинаріи Кіевской при ректорствѣ еще А. Антонія, потомъ при немъ же воспитывались и въ Академіи. Довольно указать на двоихъ только, чтобы составить понятіе и отдать всю справедливость и честь воспитывавшимся и воспитывавшему ихъ—главному начальнику—и по Семинаріи и по Академіи—А. Антонію. Эти лица—бывшій Первосвятитель Сербскій Михайль (Іоанновичъ) и бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія въ Болгаріи Ѳ. Стояновъ, изъ коихъ одинъ кончилъ курсъ въ 1853 г., а другой въ 1857 г. Первый, какъ принявшій въ Академіи же монашество отъ руки самого А. Антонія, питалъ и выражалъ, въ полномъ смыслѣ, сыновнѣйшія чувства и отношенія къ покойному владыкѣ Антонію, и, отъ самаго начала до послѣднихъ дней, велъ съ нимъ постоянную переписку, заключавшую въ себѣ весьма важные предметы и интересы по части церковныхъ и политическихъ событій и вопросовъ, особливо въ послѣднее военное время.—Покойный владыка Антоній и самъ дѣлился съ нимъ нѣкоторыми важными вопросами, по поводу наприм. возникавшаго дѣла о духовно-судебной реформѣ у насъ въ Русской Церкви и, помнит-

(1) Въ исторической запискѣ по случаю юбилея Кіевск. дух. Академіи говорится: «Поступленіе въ Академію воспитанниковъ изъ иностранцевъ, намъ единовѣрныхъ и одноплеменныхъ, началось съ I-го курса.—но до XV-го курса (1851 г.) случаи такого поступленія были рѣдки. Съ этого же курса такихъ воспитанниковъ видимъ уже *въ каждомъ курсѣ* и при томъ все *въ большемъ и большемъ числѣ*». Смотри, стран. 135.

ся, не разъ читая письма, высказывался: „Воигъ тамъ— въ юной, по своей самостоятельности, Церкви какія прекрасныя церковныя установленія. и какъ представительный элементъ церковный, въ лицѣ святителей и Митрополита, поставленъ и дѣйствуетъ самостоятельно отъ среды свѣтской власти и особенно отъ всякихъ чиновническихъ дирекцій“. **Θ.** Стояновъ переписывался съ нимъ, по преимуществу, въ первые годы своей жизни на роднѣ, гдѣ онъ, какъ видно было изъ его писемъ, вступилъ сразу въ самое энергическое противодѣйствіе Болгарской униатской партіи, имѣвшей своимъ извѣстнымъ органомъ газету— „*Цареградскій Вѣстникъ*“. Съ этою цѣлію онъ и самъ нѣкоторое время издавалъ газеты:— сначала „*Время*“, потомъ „*Совѣтникъ*“. Много онъ трудился тогда же по дѣлу о Болгарскихъ школахъ. По этимъ-то дѣламъ и вопросамъ онъ и обращался съ своими письмами къ покойному владыкѣ Антонію, который съ своей стороны не только ободрялъ его своими совѣтами, но, по его требованіямъ, высылалъ ему достаточное количество книгъ, особенно нужныхъ. Вообще же въ послѣднее на Востокѣ движеніе и военное и церковное, если покойный влад. Антоній слѣдилъ преимущественно зачѣмъ въ современной печати, то болѣе всего за тѣмъ, что касалось положенія дѣлъ, гдѣ являлись дѣятелями упоминаемыя лица—высокопр. Михаилъ и **Θ.** Стояновъ и другія ему извѣстныя, воспитывавшіяся въ Кіевской Академіи и, тѣмъ болѣе, въ его ректорство.

Нельзя не вспомнить здѣсь, въ частности, о личности **Θ.** Стоянова, того, что, несомнѣнно, глубоко навсегда осталось и хранится въ воспоминаніяхъ всякаго, бывшаго свидѣтелемъ того торжественнаго акта—публичнаго экзамена въ Кіевской Академіи,—который былъ въ 1857 году—въ годъ окончанія **Θ.** Стояновымъ академическаго курса, и на которомъ произносилъ онъ рѣчь. Рѣчь эта, по значенію и характеру своему, прощально-благодарственная, обращенная къ мѣсту своего воспитанія и въ отдѣльности къ высокопр. Филарету и къ лицамъ—начальникамъ воспитателямъ. была настолько глубоко трогательна, что по лицу самого маститаго Іерарха струились

слезы, и онъ началъ было говорить, но вмѣсто словъ, подзвавъ сказавшаго рѣчь Θ . Стоянова, сперва возложилъ на его голову свою святительскую руку, а потомъ прижалъ его къ своей груди и оросилъ его своими слезами, какъ истинною росой благодати, изшедшей изъ глубины его святительско-аскетическаго духа. При видѣ этого никто, и съ самою крѣпкою патурою, не могъ уже удержаться отъ слезъ умиленія. Надобно знать, что этотъ актъ былъ послѣдній въ жизни высокопр. Филарета и вообще онъ былъ одинъ изъ особенно торжественныхъ по самому присутствію лицъ, собравшихся изъ всѣхъ высшихъ сферъ гражданской и военной администраціи,—и рѣчь Θ . Стоянова составила верхъ всего, что только можно было вынести особенно впечатлительнаго. Этотъ же актъ былъ послѣдній и для ректорства А. Антонія, и онъ самъ слишкомъ живо помнилъ и воспроизводилъ всю картину этого акта, такъ какъ видѣлъ во всемъ этомъ плоды и вѣнецъ для себя за все время трудовъ своихъ въ дѣлѣ воспитанія, въ которомъ сила и дѣйствіе преимущественно его нравственнаго вліянія были такъ благотворны, что и самыя чужестранные питомцы проникались и исполнялись такимъ духомъ, настроеніемъ и чувствомъ, какіе могутъ служить образцами и для своихъ соотечественныхъ.

Но, при столь отрадныхъ воспоминаніяхъ, покойный владыка Антоній не проходилъ молчаніемъ, какихъ особенныхъ трудовъ и хлопотъ стоило ему, чтобы не только приобучить поминаемыхъ воспитанниковъ изъ чужестранцевъ къ порядкамъ здѣшней семинарской и академической жизни, но и акклиматизировать ихъ физически въ отношеніи даже пищи ⁽¹⁾. Не скрывая истины, онъ от-

(1) Объ этомъ преосв. Антоній писалъ и въ письмѣ къ преосв. Анатолию Могилевскому (по поводу греко-болгарской распри по дѣлу о церковной іерархіи) между прочимъ такъ: «А сколько хлопотъ для насъ же о воспитаніи у насъ Болгаръ?.. Теперь требуютъ ежедневнаго отчета: что они ѣдятъ, чѣмъ ихъ занимаютъ, каково ихъ здоровье и проч.». (Смотр. Церковн. Вѣстникъ 1883 г. № 48. въ статьѣ: къ биографіи Антонія Архiepископа Казанскаго). Въ числѣ студентовъ Киевской Академіи были и Греки... И вотъ что писалъ

звался объ ихъ характерѣ національномъ, подчасъ, какъ очень неспокойномъ и притязательномъ на какія-то, по ихъ понятіямъ, особенныя права на то и другое, яко бы условленныя самимъ правительствомъ... Бывали случаи, особенно въ началѣ, при которыхъ дѣлались, хотя и не прямыя и рѣшительныя, заявленія, иногда коллективныя, что они-де, въ противномъ случаѣ, „*потребуютъ своихъ паспортовъ*“... Сколько пужно бывало толковать имъ, при этомъ, что самое ихъ представленіе о своемъ положеніи здѣсь чуть не дѣтское, и что само правительство, ихъ приславшее, первое поставитъ имъ въ вину такой образъ ихъ поведенія и т. п. Непокійность же ихъ выражалась то со стороны неудобства въ помѣщеніяхъ, то по части стола, начиная съ самаго хлѣба, такъ какъ черный хлѣбъ для нихъ былъ не по вкусу.—Для удовлетворенія, по мѣрѣ возможности, нанимался на нѣкоторое время для нихъ даже отдѣльный домъ; но и тутъ было мало довольства. Въ Академіи же нѣкоторые изъ монашествующихъ простирали свои желанія до того, чтобы имъ разрѣшено было открытое употребленіе обще-студенческой мясной пищи. Но это и помыслить было невозможно при жизни Владыки Филарета, хотя послѣдній, выслушивая нѣкоторыя, по необходимости доводимыя до него, въ этомъ родѣ свѣдѣнія.—говаривалъ: „Имъ поди, мяса хочется... но тогда съ ними и совѣтъ не сладишь... въ головы-то ихъ полезеть еще большая дурь“. Была одна еще сторона, которая хотя явно и не проявлялась, но въ ихъ убѣжденіяхъ существовала и будто бы тамъ на родинѣ у

относительно послѣднихъ А. Антоній къ преосв. Иннокентію (отъ 23 Марта 1854 г.): «Быль у насъ (въ Академіи) и третій Грекъ—Іеродіаконъ или даже *архидіаконъ* Григорій, который, хотя и крѣпко былъ обласканъ нами и представленъ даже къ степени магистерской—не по достоинству, а по братскому участию нашему къ Грекамъ, о которыхъ давно сказали кто-то: «О Греки, Греки, кто васъ не любитъ?!»—однако же оказался не такимъ, какъ должно... По этому неволью приходишь къ такому заключенію: Богъ бы съ нами—съ этими пришельцами!.. Лучше бы безъ нихъ... Впрочемъ—паче всего любовь христіанская. Постараемся наиболѣе съ нею и соображаться въ отношеніи къ подобнымъ лицамъ».

нихъ этотъ порядокъ былъ почти въ канонической практикѣ. Дѣло состояло въ томъ, что когда изъ студентовъ-чужестранцевъ, бывшіе въ священномъ санѣ, іерейскомъ и діаконскомъ, назначаемы были къ сослуженію, то они полагали, что нѣтъ имъ надобности приготовляться къ сему служенію по принятымъ правиламъ и непременно за всякою литургіею приобщаться Св. Таинъ; что это безусловно обязательно будто только для главнаго священнодѣйствующаго лица, а предстоящіе могутъ приобщаться только по произволенію подобно тому, какъ діаконы въ нашей Церкви могутъ участвовать въ литургіи и съ приготовленіемъ и безъ приготовленія. Когда объ этомъ узналъ Владыка Филаретъ, говорилъ преосв. Антоній, то отнесся слишкомъ сръзною; хотѣлъ было снестись по этому предмету формально съ извѣстными ему святителями Болгарскими и Сербскими, а мнѣ поручилъ строжайше слѣдить за малѣйшимъ проявленіемъ чего либо подобнаго. Нужно знать, что въ числѣ студентовъ, въ наше напр. время, были уже очень пожилые изъ священниковъ, а изъ монашествующихъ находились одинъ, изъ Сербовъ, въ званіи протосинкелла, а одинъ (изъ Болгаръ) архидіаконъ, бывшій прежде на родинѣ въ родѣ директора училища и, по словамъ его, извѣстный тамъ сочинитель чего-то. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ, и въ большинствѣ, не выживали полнаго академическаго курса, а возвращались на родину въ видахъ полученія хорошихъ назначеній; даровитостію способностей они обладали почти всѣ значительною. Въ нравственномъ отношеніи какихъ либо неодобрительныхъ наклонностей и проступковъ въ нихъ вообще не замѣчалось; взглядовъ и убѣжденій въ смыслѣ національно-политическаго чувства и настроенія тоже, хотя личный патріотизмъ выражался иногда до энтузіазма, особливо въ виду, бывшихъ въ это время, военныхъ событій по поводу Крымской войны. При этихъ-то нравственно добрыхъ началахъ и задаткахъ, дѣйствительно, не могло не прививаться къ нимъ всякое доброе вліяніе въ дѣлѣ ихъ образовательнаго воспитанія и не развиваться сознательно-благородное и благодарное сочувствіе ко всему русскому, а непосредственно къ мѣсту

воспитанія и лицамъ—воспитателямъ, и въ особенности къ стоявшему во главѣ А. Антонію.

Обращаясь опять къ общей средѣ студенческой жизни и къ дѣйствіямъ А. Антонія на эту среду, мы не можемъ не высказать здѣсь того, что въ свое время было тайною въ дѣйствіяхъ А. Антонія, разумѣя послѣднюю въ смыслѣ христіанскомъ по слову Евангельскому. Чтобы удовлетворить требованіямъ и условіямъ жизни студентовъ въ возможно сколько нибудь улучшенномъ видѣ, средства экономическія въ Академіи были слишкомъ ограничены и прямо недостаточны по существовавшимъ тогда штатамъ. На полное содержаніе студента полагалось въ годъ 85 руб. 71½ коп. Со времени же начала Крымской войны—съ 1853 года цѣны на все жизненные потребности возвышались постепенно и, въ послѣдніе годы той же войны, достигали степени весьма значительной. Хотя, по особенному ходатайству, прибавлено было къ сказанной суммѣ еще по 14 руб. 28½ коп., но и этой суммы въ 100 руб., тоже было недостаточно. По этому поводу и выразилась, разумѣемая нами, сторона благодѣтельныхъ дѣйствій А. Антонія, совершавшихся имъ въ тайнѣ. Намъ приводилось знать это еще въ свое время при непосредственныхъ отношеніяхъ къ дѣламъ экономіи и къ самому эконому; а затѣмъ былъ одинъ случай вызвать и самого покойнаго влад. Антонія къ признанію и подтвержденію дѣйствительности. Впрочемъ это же самое проявилось для насъ еще при самыхъ начальныхъ пріемахъ у высокопр. Митрополита Филарета, о которыхъ была уже рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Узнавъ изъ моихъ разказовъ, что я поступаю въ Академію уже послѣ восьмилѣтней служебной свѣтской жизни, высокопр. Филаретъ, помню какъ теперь, сначала разказалъ и о себѣ, какъ будучи уже Префектомъ Сѣвской Семинаріи, онъ тоже посылалъ прошеніе къ тогдашнему Московскому Митрополиту Платону о дозволеніи ему поступить учиться въ бывшую образцовую Троицкую Семинарію (¹). Но я, вѣдь, говорилъ онъ, былъ монахъ,—это другое дѣ-

(¹) (Смotr. Замѣтки о жизни высокопр. Филарета.

ло... А вотъ какъ-то ты, мой землякъ, станеши привыкать къ академической жизни. У насъ, братъ, сказать по правдѣ, не больно привадно житье-то студентовъ, хотя для нихъ—молодыхъ людей, не испытавшихъ еще свободной жизни, ничего, хорошо. Ну, а для тебя-то не больно будетъ по вкусу, начиная съ здѣшнихъ галушковъ (по уфимски тоже, что *салма татарская*, только гораздо крупнѣе) и продолжая коржами и фасолью ⁽¹⁾. Благо, что вонъ и онъ-то (покойный влад. Антоній въ эти минуты занятъ былъ чѣмъ-то за особымъ столомъ) такой Ректоръ добрый и заботливый; да и я-то его постоянно и прошу и понукаю, чтобы онъ всячески радѣлъ объ студентахъ. Я вижу и самъ, что на казенныя-то суммы не все можно сдѣлать, что нужно и хотѣлось бы. Потому-то слава Богу, мы съ нимъ по маленьку поправляемъ дѣло. Послушай-ка, о. Антоній! (обратился къ нему Владыка Филаретъ), я вотъ говорю съ нимъ объ жизни-то академической, чтобы ему не пришлось подь часъ поскорбѣть. Такъ ты смотри же, построй для него, что нужно, получше. Да кстати, ты давно что-то не бралъ у меня денегъ, или твоихъ пока хватаетъ“.

На дѣлѣ,—о чемъ собственно мы хотимъ теперь сказать,—было такъ, что Ректоръ А. Антоній, особливо въ послѣдніе годы Крымской войны и до самаго затѣмъ конца своего ректорства, все свое жалованье по должности ректорской и профессорской или прямо оставлялъ въ рукахъ эконома и въ немъ только росписывался, или же передавалъ все эти деньги тому же эконому въ восполненіе разныхъ недостатковъ въ экономіи по содержанию студентовъ. Кромѣ того, какъ замѣчено было уже прежде, при тѣхъ или другихъ недостаткахъ, усмотрѣнныхъ имъ лично при посѣщеніяхъ студентовъ, онъ передавалъ имъ лично деньги на необходимыя нужды и потребности. О себѣ мы можемъ свидѣтельствовать тоже. Такъ какъ поступленіе мое въ Академію бы-

(1) Эти-то кушанья—галушки, коржи и фасоль—дѣйствительно въ послѣдствіи послужили поводомъ къ демонстраціямъ своего рода со стороны недовольныхъ или вѣрнѣе—притязательныхъ.—о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

ло въ порядок, прямо въ высшій курсъ и слѣдов. сверхъ наличнаго комплекта. и, къ тому же, прибытіе мое было еще въ началѣ Мая—за три мѣсяца до времени пріемныхъ экзаменовъ, то тотъ же Ректоръ А. Антоній восполнилъ все, потребное на содержаніе и устройство спального прибора, и, наконецъ, принялъ на свой счетъ первоначальную студенческую экипировку. хотя высокопреосв. Филаретъ, самъ отъ себя, высказалъ А. Антонію, чтобы не стѣснять меня въ правѣ носить и прежнюю мою свѣтскую одежду, не исключая самаго фрака.—При отъѣздахъ на родину, или на назначенныя должности большинство студентовъ пользовались денежными пособіями изъ рукъ того же А. Антонія. Содержаніе хора пѣвчихъ, въ составѣ котораго находилось значительное число мальчиковъ изъ училищныхъ учениковъ, во многомъ восполнялось изъ средствъ его же.

Въ улучшеніи хора А. Антоній принималъ особенно живое участіе, и въ его время академической хоръ славился по городу; были особенно замѣчательные голоса, въ лицѣ напр. Чумачевскаго. Самый В. И. Аскоченскій, въ это время свободный отъ всѣхъ должностей и служебныхъ званій, частенько являлся въ хоръ и на спѣвкахъ, и въ храмѣ. Студенты были всѣ въ восхищеніи отъ пѣнія. Самъ А. Антоній скорбѣлъ подѣ часъ, что не могъ часто совершать Богослуженіе у себя въ Монастырѣ, бывши приглашаемъ къ каждому служенію высокопр. Филарета. За то онъ бывалъ не рѣдко на спѣвкахъ въ особомъ пѣвческомъ флигелѣ, около котораго, бывало, въ лѣтнюю пору толпились прогуливающіеся студенты и затѣмъ, наслушавшись пѣнія, переносили его и въ комнаты, распѣвая, какъ кто умѣлъ и могъ. Тоже бывало и по выходѣ изъ церкви въ праздники, когда пѣты были особенно избранныя св. пѣсни и концерты и пѣты были дѣйствительно художественно. Расположеніе къ пѣнію вносило и развивало въ студентахъ вообще настроеніе церковное, выражавшееся въ томъ, что не нужно было запереть ихъ на замокъ, какъ случилось, въ прежнее время, застать ихъ однажды и самому высокопр. Филарету (1).

(1) Изъ преяде приводимыхъ воспоминаній.

Студенты не рѣдко имѣли усердіе бывать не только за поздней общей обѣдней, но и за ранней. Не рѣдко можно было знать, что нѣкоторые успѣвали, раннимъ утромъ, побывать въ Лаврѣ въ св. пещерахъ и возвращались къ поздней обѣднѣ въ братскій академическій Соборъ. Въ этомъ отношеніи прямое и живое вліяніе на студентовъ было въ личномъ примѣрѣ самого же А. Антонія. Всѣмъ студентамъ было извѣстно, какъ онъ, при всѣхъ разнообразныхъ обязанностяхъ, неопустительно бывалъ почти на всѣхъ ежедневныхъ церковныхъ службахъ, особливо на ранней литургіи. О ревновавшихъ этому примѣру студентахъ бывали иногда толки двусмысленныя. Нѣкоторые думали, что со стороны поспѣвавшихъ Богослуженіе было только желаніе быть замѣченнымъ Ректоромъ въ церкви, но въ сущности оказывалось иное, т. е. искреннее усердіе. Сюда-то вполнѣ и идутъ слова извѣстнаго автора, что „не осталось безъ особеннаго вліянія на студентовъ и извѣстное аскетическое настроеніе Ректора А. Антонія. Первые курсы его ректорства въ Академіи дали сравнительно много монашествующихъ изъ студентовъ, хотя (впрочемъ) А. Антоній ограничивался тѣмъ, что только благоволиительно принималъ заявленія желающихъ принять монашество, отнюдь не беря на себя склонять къ тому“ (1). И въ другомъ мѣстѣ: „Какъ ревностный блюститель иноческаго устава и монастырскаго благочинія (по званію Настоятеля Кіево-Братскаго монастыря, въ которомъ находилась Академія) А. Антоній былъ и воспитателемъ молодыхъ иноковъ (изъ студентовъ), усвоившихъ иноческое благочестіе его“ (2). На первыхъ словахъ воспоминателя нельзя въ особенности не остановиться вниманіемъ. Въ нихъ, очевидно, проблескиваетъ извѣстная мысль, что принятіе воспитанниками монашества въ самую пору студенчества происходило подъ вліяніемъ, въ смыслѣ вербовки, и даже подъ давленіемъ лицъ начальственныхъ и, такимъ образомъ, жизнь ихъ, неразвившаяся и незрѣлая, не рѣдко *загублялась навсегда*. По-

(1) Кіевскія епарх. вѣдомости 1879 г. № 47, стран. 12.

(2) Кіев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 47, стран. 12—13.

добныя *печальническія*, а въ сущности „наполненныя“. по выраженію Церковнаго Вѣстника ⁽¹⁾ „ложными извѣ-
тами и злословіемъ“, описанія вошли въ особенную мо-
ду подъ перомъ Ростиславовыхъ и К^о. Но въ отношеніи
къ лицу А. Антонія едва ли кто изъ самыхъ досужихъ
и рьяныхъ собирателей подобныхъ матеріаловъ нашелся
бы приложить какое либо пятно. А то вѣрно, что въ его
ректорство, начиная съ 1851 г., въ теченіи почти пяти
курсовъ, приняли монашество 27 студентовъ, изъ коихъ
двѣнадцать лицъ ⁽²⁾ теперь уже въ санѣ святительскомъ,
а прочіе, кромѣ умершихъ. въ архимандритскомъ. Съ
окончаніемъ же ректорства А. Антонія число желавшихъ
поступать въ монашество уменьшилось до рѣзкости; не
стали принимать монашества даже вдовыя священники,
обучавшіеся въ Академіи, хотя казалось бы,—кому всего
естественнѣе переходъ въ это званіе, какъ не этимъ
лицамъ?!

Не принимая на себя дѣла—располагать, какъ либо
по своему почину, кого либо изъ студентовъ къ мона-
шеству,—о чемъ замѣчено выше,—А. Антоній, очевидно.
оставался вѣрнымъ тѣмъ своимъ разсужденіямъ, какія вы-
ражалъ. еще въ юношескомъ возрастѣ, въ письмѣ къ сво-
ему двоюродному брату (Александру Несмѣлову), о чемъ
извѣстно уже читателямъ. За то относительно поступи-
енія студентовъ въ духовное званіе онъ поступалъ иначе.
По поводу того, что преосв. Иннокентій много разъ
обращался къ А. Антонію съ просьбою избрать кандида-
товъ изъ окончившихъ курсъ въ Академіи для поступле-

⁽¹⁾ Церковный Вѣстникъ 1880 г. № 3 и поправки къ некро-
логу В. А. Орлова—бывшаго Иеромонаха Валеріана—Инспектора
Кіев. Академіи (1859—61 г.).

⁽²⁾ Эти лица суть слѣдующія: 1) *Михаилъ*—Митрополитъ
Сербскій, 2) *Феохистъ*—еписк. Рязанскій, 3) *Евгений*—еп. Астра-
ханскій, 4) *Веніаминъ*—еп. Черниговскій, 5) *Владимиръ*—еп. Том-
скій, 6) *Павелъ*—еп. Саратовскій, 7) *Веніаминъ*—еп. Оренбургскій.
8) *Сергій*—викарій Литовскій, 9) *Иосифъ*—викарій Экзарха Грузин,
10) *Сильвестръ*—викарій Кіевскій, 11) *Филаретъ*—еп. Рижскій и
12) *Далматъ*—викарій Херсонскій. Последніе двое—уже скончав-
шеся.

нія въ законоучители въ его—Херсонской епархіи. А. Антоній съ своей стороны отзывался такъ: „Не знаю, какъ было прежде, но я стараюсь у себя въ Академіи, между прочимъ, всячески возбуждать въ воспитанникахъ и питать расположеніе къ пастырскому служенію, и имѣю довольно опытовъ, что это расположеніе и охота у нихъ теперь есть, такъ что многіе, тотчасъ по окончаніи курса, изъявляютъ прямое желаніе быть священниками, какъ и у Васъ напр. до пяти человѣкъ и едва-ли не болѣе“⁽¹⁾.

Въ заключеніе изложенія дѣйствій и отношеній Ректора А. Антонія къ средѣ студенческой, проявлявшихся во всемъ въ положительно достойномъ видѣ и значеніи нельзя пройти молчаніемъ и нѣкоторыхъ свѣдѣній иного рода и свойства. Прежде всего мы должны сказать, хотя вкороткѣ, объ академической больницѣ, состояніе которой было просто изъ рукъ вонъ. При первомъ взглядѣ на такое запусѣніе больницы оставалось развѣ только думать, что въ самомъ дѣлѣ Кіевская мѣстность настолько, по выраженію высокопр. Филарета, была благодатна, что и болѣзни не могли проявляться и, слѣдовательно, нечего было заботиться о благоустройствѣ больницы.—Но какъ при видѣ больницы, въ такомъ или иномъ устройствѣ и обстановкѣ, соединяется неминуемое представленіе о докторѣ, то въ лицѣ только послѣдняго и можно было найдти ключъ къ разрѣшенію всякихъ недоумѣній. Докторомъ былъ съ незапамятныхъ временъ статскій совѣтникъ Пелехинъ. Онъ же, надобно знать, былъ съ самаго прибытія высокопр. Филарета на митрополию и его домашнимъ докторомъ. Онъ-то и былъ виновникомъ такого запусѣнія больницы. По словамъ самого же преосв. Антонія, это лицо имѣло такой кредитъ у Владыки Филарета, что бѣда, бывало, и заикнуться по какому либо вопросу о неудовлетворительности условій для больныхъ студентовъ. П—хину Владыка Филареть, бывало, непременно высказать все; а тогда-то и П—хинъ въ свое, хотя и мнимое, оправданіе, случалось, наговаривалъ кое-что на студентовъ же. Были факты, по коимъ

(²) Письмо отъ 22 Марта 1855 г.

Владыкъ Филарету было докладываемо даже официально, чтобы замѣнить П—хина другимъ, — но и это не имѣло успѣха. Дѣлали иногда уже такъ, что, незавѣдомо для П—хина, въ важныхъ случаяхъ приглашали доктора со стороны. — Но какъ по пословицѣ „нѣтъ худа безъ добра“, то выходило, что и дѣйствительно заболѣвшіе студенты большею частію неохотно шли въ больницу, а не то, чтобы иногда воспользоваться случаемъ притворно поболѣть. — Съ кончиною только Митрополита Филарета кончилось такое владычество доктора П—хина; онъ былъ уволенъ и больница явилась въ другомъ видѣ, очень приличномъ.

Другое свѣдѣніе въ томъ же, неблагопріятномъ для академической жизни, свойствѣ и значеніи есть то самое, котораго не могъ не указать и авторъ „Исторической Записки“, читанной на юбилейномъ торжествѣ (1). Вотъ подлинное изложеніе этого свѣдѣнія: „Едва ли не единственный случай нѣкотораго безпокойства между студентами былъ въ 1858 г. Оно объясняется отчасти тревожнымъ настроеніемъ общества въ то время и броженіемъ разныхъ незрѣлыхъ идей, а еще болѣе — неудачною постановкою въ Кіевской Академіи нѣкоторыхъ новыхъ элементовъ администраціи. Благодѣтельно, впрочемъ, было тогда же участіе въ этомъ дѣлѣ прежде бывшаго Ректора Академіи, а съ 1858 г. Викарія Кіевской Митрополіи, *преосв. Антонія*, успокоившаго студентовъ своими отеческо-пастырскими объясненіями съ ними. Но и къ чести студентовъ того тревожнаго времени должно присовокупить, что нѣкоторые изъ нихъ, выбывъ изъ Академіи, оказались людьми дѣльными въ другихъ мѣстахъ, гдѣ доканчивали свое образованіе, или куда поступили на службу. Ходилъ иногда слухъ о существованіи въ академической корпораціи какихъ-то исключительныхъ малорусскихъ симпатій, идей; но слухъ былъ неосновательный. Если между студентами малороссами, особенно въ началѣ курса, завязывались товарищескіе споры объ от-

(1) Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи, стр. 137 въ примѣчаніи.

личительныхъ достоинствахъ народности малорусской и великорусской. особенно народной поэзіи, народныхъ пѣсень, — то далѣе этихъ споровъ, впрочемъ полезныхъ, занимательныхъ, или же служившихъ пріятнымъ развлеченіемъ, дѣло не заходило; научно-литературныя стремленія студентовъ были всегда не иныя, какъ общерусскія“.

Свѣдѣніе это, при всей его вѣрности, требуетъ, однако, нѣкоторыхъ дополненій и объясненій. Указываемое безпокойство, дѣйствительно, зависѣло отчасти отъ тогдашняго тревожнаго настроенія въ обществѣ, а въ частности отъ начинавшаго уже *гудѣть* и въ ушахъ студентовъ тогдашняго „*Колокола*“, книжки котораго попадали тайкомъ уже въ руки студентовъ. Первоначальное же броженіе исходило, сказать правду, изъ ближайшаго источника и вовсе не изъ-за *идей*, а изъ-за *идей*... и началось оно собственно въ студентахъ *младшаго курса*, и ими только ограничивалось; *старшіе* студенты, всѣ до едины, были рѣшительно безъучастны. Этою самою разпостію состоянія студентовъ и доказывалось, какъ было благотворно вліяніе во время ректорства А. Антонія, котораго, по краткости времени, не могли воспринять младшіе студенты. Исторія этого безпокойства скоро попала на страницы того же „*Колокола*“ чрезъ посредство нѣкоторыхъ, изъ тѣхъ же младшихъ, студентовъ. Видѣть же въ дѣйствительности всю эту исторію, начиная съ факта — подачи коллективнаго прошенія полною гурьбою прямо въ присутственную камеру Академическаго Правленія предъ зеркало, было, въ своемъ родѣ, прекомично... Кому-то изъ главныхъ заправителей вообразилось, что подача прошенія, въ такомъ родѣ, есть актъ чрезвычайной важности, и потому онъ же самъ, какъ избранный представитель, при входѣ въ присутствіе, возложилъ прошеніе (нужно замѣтить, написанное на гербовой бумагѣ) на голову и, затѣмъ, колѣнопреклоненный, спявъ съ головы своей прошеніе, положилъ на присутственный зеркальный столъ. Все прочее собраніе, сопровождавшее эту *челобитную*, оставалось въ благоговѣйномъ безмолвіи предъ воображаемымъ великимъ значеніемъ совершавша-

гося... Начальство, впрочемъ, встревожилось не на шутку, особливо бывший тогда Ректоръ А. Израиль, который, какъ говорили тогда, даже заперся у себя дома. Но не замедлила осуществиться въ состояннн самнхъ студентовъ пословица: „блудливъ какъ коника, а трусливъ какъ заяць“. Спустя нѣсколько часовъ, въ средѣ тѣхъ же студентовъ пошли уже разъединенные тихомолвочные толки. Многихъ страшно озадачила самая необычайность церемонн, совершенной съ *челобитной*; отъ важности ея стали заключать къ важности послѣдствнй. Стали, туда и сюда, обращаться съ распросами и совѣтами: „можно ли де отказаться отъ подписи и какъ это сдѣлать?“. Къ пишущему, какъ, по положенню своему, считавшемуся за человѣка болѣе опытнаго и бывшему къ тому же дѣлопроизводителю, было нѣсколько такихъ одиночныхъ потаенныхъ обращеннй. Само собою, немного нужно было благоразумнй и соображеннй, какъ подѣйствовать на обращающихся трусовъ, а, чрезъ посредство ихъ, и на другихъ. Къ вечеру уже вся коллективность была близка къ распаденню, хотя еще потаеннымъ только образомъ. Между тѣмъ эта исторн всетаки требовала, чтобы положить ей конецъ болѣе рѣшительный. Доложено было тогда же бывшему Викарню Преосвященному Антонню, управлявшему въ это время митрополнсю, за неприбытнемъ еще высокопреосв. Митрополита Исидора. Скорое ожиданн послѣдняго, всего болѣе, придавало значенн этой исторн и требовало, возможно скорѣе, уладить дѣло. Преосвященный Викарнй Антоннй вечеромъ же часовъ въ семь прибылъ въ Академню и распорядился, чтобы недовольные собрались въ комнаты бывшаго тогда Инспектора А. Иоанпикнй (1). Самъ же Ректоръ А. Израиль такъ и не являлся—сколько изъ страха, столько, очевидно, изъ сознанн своей неосторожности, породившей эту самую исторню.—Онъ прибылъ въ Академню мѣсяца за два предъ этнмъ. Уже почти отживши свои служебные годы, (онъ былъ изъ воспитанниковъ втораго курса

(1) Назначеннаго уже въ это время на должность Ректора въ Киевской Семинарн.

1821—25 г.) и, главное, не выдавши во все это время стѣнь академическихъ, онъ, между тѣмъ, хотѣлъ показать себя и во всей, прежде бывалой, важности академическаго Ректора, и въ современномъ видѣ и вкусѣ; относился рѣзко и неосторожно въ слухъ самихъ студентовъ къ разнымъ сторонамъ въ жизни академической, хвалился и обѣщался все поставить по своему и т. п. Это-то и послужило первою искрою для недовольства нѣкоторыхъ изъ младшихъ студентовъ. Исходнымъ пунктомъ было недовольство столомъ; а тутъ Ректоръ самъ первый и оказался несостоятельнымъ, чтобы удовлетворить ихъ требованіе.

Принятое просвящ. Антоніемъ, участіе въ этомъ дѣлѣ, какъ сказано въ исторической запискѣ, дѣйствительно сразу оказалось самымъ вліятельнымъ и благодѣтельнымъ. При личномъ посѣщеніи Академіи онъ успокоилъ всѣхъ недовольныхъ студентовъ, разъяснивши имъ самое дѣло, послужившее поводомъ къ ихъ неосновательнымъ заявленіямъ, и, главнѣе всего, какъ онъ и самъ сказывалъ, подѣйствовалъ на всѣхъ однимъ даже напоминаніемъ имени высокопр. Филарета, духъ котораго, несомнѣнно, тревожился такимъ, небывалымъ въ любимой имъ Академіи явленіемъ. Напоминаніе это дѣйствительно не могло не имѣть своей силы, такъ какъ имя высокопр. Филарета было еще слишкомъ живо въ памяти и чувствахъ всѣхъ—даже и младшихъ студентовъ, курсъ которыхъ начался еще при жизни его. Въ доказательство такихъ всеобщихъ чувствованій въ отношеніи къ имени и памяти высокопроев. Филарета въ средѣ студентовъ мы можемъ указать на слѣдующій фактъ, имѣющій приложеніе и къ настоящему предмету, т. е. къ экономической сторонѣ академической жизни.

Приближалось 1-е Декабря (1858 года),—бывшій день тезоименитства высокопроев. Филарета. Привыкнуши это число считать въ числѣ табельныхъ—неучебныхъ, и желая почтить его въ этомъ году особеннымъ молитвеннымъ поминовеніемъ имени въ Божѣ почившаго Іерарха, мы всѣ, студенты, папередъ съ полнѣйшею увѣренностію рассчитывали и планировали, какъ это со-

вершить благоприличіе. Ректору даже и не докладывали заранѣе въ силу той же увѣренности, что онъ и самъ приметъ полное участіе во всемъ, начиная съ Богослуженія. Студенты всѣ, сколько нибудь умѣвшіе и способные пѣть, желали составить общій хоръ, особенно, для паннихиднаго служенія. — Каково же было удивленіе, когда наканунѣ дежурный старшій, послѣ доклада Ректору, объявилъ, что онъ — Ректоръ не согласенъ закрывать классовъ 1-го Декабря и даже желанія студентовъ назвагь фантазіями; а о высокопр. Филаретѣ будто бы выразился, что онъ-де и „безъ того святъ и что въ молитвахъ не нуждается“. Не станемъ говорить, какъ это было понято и принято студентами... Только на другой день, дѣйствительно, начались классы. Пользуясь долгимъ непріходомъ г.г. Наставниковъ, — тоже полагавшихъ, что ученія не будетъ, — мы, студенты, приготовленнымъ прежде общимъ хоромъ пропѣли по частямъ чуть не всю паннихиду; а пѣснь: „*Покой Спасе съ праведными раба Твоего*“ повторяли нѣсколько разъ и, въ полномъ смыслѣ, *сквозь слезы* (1) каждый. Лекціи, однако, начались... Вдругъ часовъ въ 11-ть прибѣжалъ служитель Правленскій, блѣдный какъ смерть, и, обратившись ко мнѣ (пшущему), чуть не кричалъ: „*паньчу, паньчу! скорійше послышайте до Правленія, бо васъ тамъ дуже треба*“... Что же оказалось?! Въ этотъ день, какъ въ первое число мѣсяца, подлежало быть свидѣтельствванію суммъ. Суммы академическія хранились въ своей, такъ называемой, „казенкѣ“, находившейся въ одномъ корридорѣ съ Правленіемъ, — имѣвшей крѣпкую желѣзную дверь и заноры, а окна за двойною рѣшеткою; однимъ словомъ „казенка“ считалась неприступною. Но оказалось, что казенка-то осталась нетронутою, а того, что въ ней хранилось, не осталось и слѣдовъ, — т. е. бывшихъ наличныхъ суммъ. Денегъ по документамъ числилось къ 1-му Декабря 6,452 р. 45¹/₂ коп. и онѣ-то

(1) Пѣснь эта пѣта была *по паньчу нечерско-лаврскому*. Кто хоть разъ слышалъ этотъ пѣснь въ указываемой пѣсни, тотъ пойметъ, что выраженіе, употребленное здѣсь, не преувеличено, а даже болѣе бы нужно сказать...

были похищены до копѣйки; найдены только разбросанными банковые пмонные академическіе билеты. Можно вообразить, каковъ былъ переполохъ въ средѣ начальства, особливо же въ состояніи самого Ректора А. Израиля! А студенты съ своей стороны, проникнутые предъ этимъ извѣстными чувствами, не могли не признать здѣсь какъ бы явнаго „*знаменія отъ лица*“ въ Бозѣ почившаго Первосвятителя-Филарета въ воздаяніе Ректору за его столь рѣзко-выраженное отношеніе къ дню его памяти... Нѣкоторые втихомолку выражались: „вотъ тебѣ, о. Ректоръ, и „*Филаретовъ день*“, т. е. въ смыслѣ извѣстнаго выраженія „вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день“.

Похищенные деньги, при всѣхъ розыскахъ, такъ и пропали безслѣдно навсегда. А какъ деньги необходимы же были для текущихъ расходовъ и на жалованье и на содержаніе вообще Академіи, то Правленіе вопло къ Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту тогдашнему—Исидору съ ходатайственнымъ представленіемъ, разрѣшить взять заимобразно деньги изъ суммъ Лаврскихъ. Но высокопр. Митрополитъ отклонилъ этотъ заемъ, и указалъ на ближайшій источникъ изъ суммъ Кіево-братскаго монастыря,—что и было исполнено. Когда же донесено было Высшему Начальству о похищенныхъ деньгахъ, оно во первыхъ сдѣлало распоряженіе, по этому поводу, между прочимъ, циркулярное, чтобы впредь всѣ казенныя суммы отправлять на храненіе въ мѣстное казначейство,—во вторыхъ, чтобы похищенные деньги восполнялись изъ указаннаго источника изъ суммъ Кіево-братскаго монастыря, а о возвратѣ ихъ не упомянуло (1).

Результатъ всего этого понятенъ.—Ректору А. Израилю, какъ Настоятелю Кіево-братскаго монастыря, очевидно, пришлось, въ слѣдствіе употребленной на содержаніе Академіи столь значительной суммы монастырской, получить личный дефицитъ по части доходовъ. Въ силу же катастрофы и по содержанію Академіи и въ

(1) Въ бытность мою въ Кіевѣ, въ послѣднее время, стало извѣстно мнѣ за несомнѣвное, что похищенные деньги восполнены были изъ суммъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ.

частности студентовъ, особливо по части стола, расходы были ведены въ возможно ограниченномъ видѣ. Такимъ образомъ досталось, по пословицѣ. „всѣмъ сестрамъ—по серьгамъ“. Послѣ этого Ректоръ А. Израиль, вмѣсто своихъ широкихъ и заносчивыхъ предположеній и общаній сдѣлать то и то въ улучшеніе жптя-бытя студентовъ, даже уже слишкомъ принизился, имѣвши при этомъ повую неосторожность высказываться предъ студентами же, что онъ страшится увольненія отъ должности за эту катастрофу въ связи съ прежнею исторією. Студенты же—бывшіе виновники этой послѣдней исторіи, тоже почувствовали свое состояніе и готовы были желать хотя того же, что было въ прежнее время по части содержанія. Но и этого, особенно на первыхъ порахъ, нельзя было возвратить. Всѣ чувствовали и сознавали, что нѣтъ уже того *потопнаго* источника, изъ котораго, бывало, восполнялись тѣ или другіе недостатки по части ихъ содержанія. Высокопр. Филарета не стало навсегда, а высокопреосвященнѣйшій Митроп. Исидоръ не имѣлъ еще пока основаній и побужденій къ особенному расположенію къ студентамъ, особливо зная о недавней исторіи; Ректоръ же А. Антоній былъ уже въ сторонѣ отъ Академіи, и въ пемь, такъ или иначе, та же исторія подорвала уже нѣкоторыя чувствованія и отношенія къ студентамъ. Однимъ словомъ прежній элементъ, и духъ, и весь строй академической студенческой жизни, съ выбытіемъ не только Ректора А. Антонія, но и Инспектора А. Іоанникія (назначеннаго въ Октябрѣ 1858 г. въ Ректоры Кіевской Семнаріи), перемѣнился слишкомъ рѣзко. Рѣзкость обозначилась тѣмъ болѣе, когда при томъ же Ректорѣ А. Израилѣ поступилъ въ это же время новый Инспекторъ Іеромонахъ Валеріанъ (Орловъ), самъ по себѣ, человекъ въ высшей степени симпатичный, но слишкомъ молодой и неопытный и, къ прискорбію всѣхъ, говоря словами Церк. Вѣстника,— „если отбросить всякую прикровенность, имѣвшій слабость (1), не особенно даже прикрываемую имъ самимъ,

(1) Пишущему приводилось выполнять къ бывшему о. Ин-

и потому скоро доведшую его до увольнения отъ службы (1). Наконецъ въ лицѣ этихъ же обоихъ начальниковъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, главныхъ профессоровъ Богословія, и самое преподаваніе этой науки приняло другой характеръ, со стороны одного по его устарѣлости, а другаго—по молодости и склонности ставить нѣкоторые взгляды и вопросы, неумѣстные для слушавшихъ студентовъ... Отсюда-то могло статься, что въ средѣ студентовъ, особливо при отсутствіи нравственнаго вліянія, могли вкрадываться и производить броженіе нѣкоторыя незрѣлыя идеи вопреки тому, что было, на оборотъ, мудро и вліятельно охраняемо въ преподаваніи, преимущественно, самого Ректора А. Антонія.—Объ этой учебной и ученой его дѣятельности и о прочихъ сторонахъ его служенія на должности Ректора Академіи рѣчь въ слѣдующей главѣ.

спектору Валериану въ подобномъ его состояніи тоже, что преосв. Антонию въ отношеніи къ Якову Козмичу Амф—рову.

(1) Смотр. Церк. Вѣстникъ 1880 г. № 3, стр. 9.—О. Валерианъ даже дошелъ, къ сожалѣнію, до того, что снять съ себя санъ священно-иноческій.

ГЛАВА ІХ.

О характерѣ и направленіи преподаванія А. Антонія, какъ Профессора Богословія въ Академіи, мы уже видѣли свидѣтельство, въ своемъ родѣ историческое. Главною и знаменательною чертою его преподаванія признано то, что въ немъ проявлялся духъ, нѣкотораго-особеннаго, благоговѣнія къ святынь христіанской истины. — духъ его личнаго благоговѣйнаго *истиннолюбія*, который *послушающихъ* его настраивалъ къ тому, чтобы они, *вся искушающе. добрая держали*, чтобы, среди наплыва разныхъ искусительныхъ возрѣній, они умѣли блюсти самую сущую прямую истину (1). Воспоминатель же позднѣйшій говоритъ объ этомъ такъ: „Какъ Профессоръ А. Антоній, надобно правду сказать, не обнаруживалъ такой глубокой и многосторонней учености, такого увлекающаго таланта, какимъ восторгались студенты въ Арх. Димитріи. Но Антоній былъ человѣкъ сильной вѣры, глубокаго убѣжденія, живой любви къ истинѣ, — и это восполняло не особенно сильную научную сторону его богословскихъ чтеній, тѣмъ болѣе, что онъ не опускалъ поощрять проявленія самостоятельной научной работы въ студентахъ (2).“

Въ этихъ обоихъ свидѣтельствахъ преподаваніе А. Антонія въ его характерѣ и значеніи опредѣляется, очевидно, сравнительно, — въ первомъ по отношенію вообще къ тогдашнему и послѣднему движенію и направленію богословской науки, въ послѣднемъ же непосредственно

(1) Смотр. Историч. записку по случаю юбилея стр. 119.

(2) Кіев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 47, стр. 12.

къ предшественнику А. Антонія Говоря же безотносительно, мы позволяемъ сами по себѣ выразиться о преподаваніи А. Антонія въ такихъ краткихъ словахъ: „въ какомъ духѣ, направленіи и характерѣ составлялось имъ его Догматическое Богословіе, точь въ точь, таково же было и самое его преподаваніе.—Такая тождественность наглядно доказывалась уже тѣмъ самымъ, что, бывало, А. Антоній не иначе являлся въ аудиторію, какъ съ своею же Догматикою въ рукахъ. Видно было всегда, какъ на души его лежала, и въ лицѣ, и голосѣ выражалась одна забота, одна задача,—чтобы все, содержащееся въ Догматикѣ его въ сжатомъ, но твердомъ, строгомъ, ясномъ и отчетливомъ видѣ, преподать во всей полнотѣ, и чтобы, при этомъ, внушить и внѣдрить въ слушающихъ вѣрующую мысль и чувство о томъ, чтобы все Богопреданное ученіе Православной Церкви сохранять во всей чистотѣ и неприраженности къ нему никакого свободнаго слова, хотя бы, по видимому, и вызывавшагося при тѣхъ или другихъ предметахъ и изъясненіяхъ. По видимому это бывало скучно; но достаточно было только слѣдить за всѣми выраженіями преподававшаго, чтобы проникнуться всѣмъ вниманіемъ, или точнѣе—сочувствіемъ къ тому, какъ все это выходило у него и изъ него искренне-молитвенно, благодатственно... Въ концѣ класса, бывало, непременно на лицѣ А. Антонія выступалъ самый нѣжный, дѣвственный румянецъ...

Преподаваніе Догматики въ его время было раздѣлено между двумя Профессорами. А. Антоній читалъ одну первую половину,—а вторую, начиная съ трактата о Благодати, Инспекторъ.—При преподаваніи нѣкоторыхъ трактатовъ, напр. самаго Введенія, о свойствахъ сущности Божіей, о Таинствѣ Пресвятой Троицы, само собою, трудно было бы и требовать особенной оживленности и такъ называемой научности. За то трактаты о Промыслѣ Божіемъ, о свойствахъ жизни Божіей и т. п. выходили особенно оживленны и порождали самоуглубленіе, въ смыслѣ и духовной созерцательности, и нравственнаго чувства и дѣятельности. Вообще преподаваніе А. Антонія было скорѣе похоже на проповѣдь; потому кто слышалъ,

или даже читаль его проповѣди, тотъ легко составитъ полное понятіе о его преподаваніи Богословія. Въ послѣднемъ легко можно было сразу видѣть въ началѣ лекцій своего рода приступъ, гдѣ напередъ высказывалось общее содержаніе всей лекціи, или преподаваемого отдѣла, и затѣмъ, пезамѣтно, дѣлался краткій выводъ съ нравственнымъ, смотря по содержанію, приложеніемъ.

О такомъ методѣ своего преподаванія самъ покойный влад. Антоній и, въ послѣдствіи, высказывался всегда, какъ благотворномъ и цѣлесообразномъ. Онъ говаривалъ, что изъ класса студенты не должны выходить иначе, какъ воспринявши выслушанное въ полномъ цѣломъ, и вынося его, какъ свой запасъ, хотя въ теченіи класса добытый въ частности, въ отрывкѣ, но такъ, чтобы они сами находили ему мѣсто въ связи всей системы. Такой методъ и характеръ преподаванія и сами студенты не могли не признавать цѣлесообразнымъ и даже выгоднымъ. Нужно знать, что въ тогдашнее время были экзамены полугодичные; предъ каждымъ же были репетиціи; и отвѣты, какъ на репетиціяхъ, такъ и на экзаменахъ, требовались точные по программѣ, которою служила именно Догматика А. Антонія.

Впрочемъ, о характеристикѣ преподаванія разными профессорами въ Кіевской Академіи сохранились преданія, слышать кои приводилось намъ не безъ интереса. Для обозначенія разнообразности этой характеристики былъ цѣлый рядъ терминовъ, оканчивающихся на „ительно“. Выходило, что преподаваніе было: „*поучительное, вразумительное, умилительное, зиждительное, вдохновительное, восхитительное, утомительное и даже давительное и усыпительное*“... Къ кому именно и въ какой мѣрѣ прилагались эти термины, всякій разумѣлъ по своему и про себя. Изъ этихъ-то категорическихъ терминовъ, само собою, относились и къ А. Антонію, какіе были свойственны по достоинству, именно первые изъ пяти.

По званію и обязанности Ректора, А. Антоній посѣщалъ лекціи другихъ профессоровъ не часто. Цѣль этихъ посѣщеній, какъ оказывалось, была, собственно,

дисциплинарная, чтобы наблюсти, всё ли студенты бьвають въ классѣ и внимательно ли держать себя. По справкамъ выходило, что къ этому онъ вызывался, иногда доходившими до него, свѣдѣніями со стороны инспекціи или же самихъ г.г. профессоровъ, или тѣмъ, что приводилось ему самому, случайно, замѣчать студентовъ, ходившихъ по аллеямъ въ часы лекцій. Сочиненія студентовъ (срочныя на мѣсяцъ и болѣе), разсматривалъ онъ внимательно; потому писавшимъ неудовлетворительно онъ не опускалъ случая дѣлать личныя внушенія. Особенное же вниманіе обращалъ на проповѣди, по одобренію профессора, назначавшіеся къ произношенію. Онъ самъ не мало исправлялъ ихъ и, когда назначалъ кому говорить за поздней или ранней обѣдней, требовалъ къ себѣ студентовъ и руководилъ по части произношенія. По проповѣдямъ онъ болѣе всего опредѣлялъ и даровитость и настроеніе студентовъ; цѣнилъ, по преимуществу, тѣ проповѣди, въ коихъ видѣлъ много текстовъ изъ св. Писанія, свидѣтельствъ свято-отеческихъ, и, наконецъ, изъ богослужебныхъ книгъ. Такія проповѣди онъ называлъ истинно церковными, назидательными; въ противномъ случаѣ—говаривалъ: „это не проповѣдь, а просто *каляканье* или свѣтско-литературное фразерство“. Во всемъ этомъ, очевидно, было сильное отраженіе на немъ самомъ духа и вліянія *Гомилетическихъ чтеній* Якова Коз—ча Амфитеатрова.

Курсовыя сочиненія студентовъ, признаваемыя рецензентомъ-профессоромъ достойными степени Магистра, онъ тщательно разсматривалъ и оцѣнивалъ лично. Побужденіемъ къ этому служило, между прочимъ, то, что такія сочиненія, обыкновенно, представлялись вмѣстѣ со спискомъ магистрантовъ въ Св. Синодъ, и, по распоряженію послѣдняго, разсылались къ разнымъ лицамъ—епархіальнымъ Преосвященнымъ для окончательной рецензіи и отзыва о достоинствѣ. „Слишкомъ бывало щекотливо, говорилъ онъ, когда получались оттуда тѣ или другія указанія и замѣчанія, поставлявшіяся, само собою, на видъ Академической Конференціи и, во главѣ ея, Ректору. Но еще болѣе требовалось осмотрительности въ

этомъ дѣлѣ въ отношеніи къ ближайшему цѣнителю—самому Владыкѣ Филарету. Онъ, бывало, не дастъ отдыха еще съ ранней весны, какъ только переѣдетъ въ Голосѣву пустынь, чтобы ему представлять курсовыя сочиненія постепенно. Причитавши же то или другое, онъ прежде всего начиналъ, бывало, толковать вообще о степени развитія сравнительно съ прежними курсами. Когда же усматривалъ что либо въ частности, особенно въ направленіи, то рѣдкія объясненія принималъ въ уваженіе; иногда же прямо отрицалъ, чтобы такой трудъ могъ быть магистерскій. Это высказывалъ онъ не мнѣ только, но и другимъ академическимъ. Для меня же подобные случаи были вдвойнѣ щекотливы. Инымъ думалось, подѣ часъ, что здѣсь было мое личное участіе. Между тѣмъ я самъ первый иногда былъ на сторонѣ достоинства сочиненія, а выходило не такъ. Или, наоборотъ, бывало, по мнѣнію общему, и сочиненіе и вообще личность студента были, какъ говорится, средняго достоинства,—Владыка же Филаретъ усматривалъ и признавалъ что-то особенное и, при самомъ утвержденіи уже списка, говорилъ иногда такъ: „ну нѣтъ!.. вотъ этотъ-то студентъ пусть будетъ тутъ; я помню его сочиненіе и на экзаменѣ я послѣдилъ за нимъ: онъ стоитъ магистра. Пусть тѣ всѣ будутъ ваши.—а этотъ мой“. Тутъ же своей рукой сдѣлаетъ, бывало, перемѣну въ списокѣ и отдастъ переписать и представить снова;—что и исполнялось безмолвно и съ общимъ полнымъ признаніемъ справедливости сдѣланнаго распоряженія.

Въ доказательство того, какъ смотрѣлъ на сочиненія и какъ понималъ и проникалъ ихъ значеніе и духъ высокопр. Филаретъ, умѣстно привести слѣдующія слова одного изъ воспоминателей (прежде уже указываемаго) (1). „Даромъ различія духовъ, *еще отъ Бога суть*, о которомъ говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ (Іоан. IV. 1.) покойный Митрополитъ Филаретъ (кіевскій) обладалъ, по свидѣтельству любимѣйшаго и достойнѣйшаго изъ профессоровъ нашихъ, въ высшей степени“. „Про-

(1) Смотр. Душеполезное Чтеніе 1865 г.

читавъ курсовое сочиненіе студента Л—ва, сказываль этотъ самый Профессоръ, Владыка неожиданно поручилъ мнѣ его для прочтенія же. Исполнивъ со всею тщательностію порученіе, я представилъ обратно сочиненіе съ положительнымъ отзывомъ, что трудъ по всему заслуживаетъ степени магистра. „Такъ ли полно!“ возразилъ Владыка. Затѣмъ сталъ перелистывать сочиненіе и указывать по мѣстамъ на такія начала и мысли, которыхъ, при собственномъ моемъ чтеніи, я и не замѣчалъ, по указанію же Владыки ясно усмотрѣлъ и вполнѣ уразумѣлъ. Святитель въ концѣ концовъ сказалъ: „Помяните же мое слово. Этому писателю не одобровать; не окончить онъ своей жизни хорошо“.—Поразительно помянулись мнѣ и другимъ знавшимъ эти слова Святителя-провидца, когда, года два спустя, дошла вѣсть, что Л—въ кончилъ свою жизнь самоубійствомъ“.

Вспоминая этотъ фактъ и другіе подобные, покойный влад. Антоній говариваль съ улыбкою: „Интересно бы видѣть, что было бы при теперешнихъ академическихъ порядкахъ, когда бы воскресить что либо похожее на дѣйствія Владыки Филарета, и какъ бы онъ самъ взглянулъ на всѣ таблицы съ баллами изъ голыхъ цифръ съ разными дробями—половинными, четвертными, осьмушными... А при тогдашнихъ разсужденіяхъ въ собраніяхъ Конференціи много было нужно сообразительности, чтобы не ограничиваться одними только цифирными данными“. Дѣйствіямъ Конференціи, замѣтно было всегда, покойный влад. Антоній отдаваль полное значеніе сколько по серьезности, столько и взаимной откровенности членовъ. „Самыя пренія, иногда случавшіяся, онъ признаваль благотворными и, главное, никогда не приводившими къ какимъ либо раздѣленіямъ. Одно то, что эти собранія бывали въ комнатахъ самого Ректора, имѣло особенное значеніе и характеръ. Тутъ не было и мысли о какихъ либо протоколахъ съ изложеніемъ въ нихъ подробностей процедуры.—которыя могли быть затѣмъ печатно извѣстны всему міру,—и служить предметомъ газетныхъ толковъ“.—Послѣднее высказывалось имъ съ глубокимъ прискорбіемъ, по поводу подобныхъ явленій въ Кіевской же Академіи,

по случаю напр. баллотировки профессора N. N. на пятилѣтне и соисканія степени докторской N. N. При воспоминаніяхъ о тѣхъ же конференціальныхъ собраніяхъ преосв. Антоній всегда останавливался на имени Ивана Михайловича Скворцова, представляя его не иначе, какъ въ видѣ Аристиды; онъ умѣлъ, бывало, какимъ угодно, разпоряднымъ мнѣніямъ и хотя бы шумнымъ преніямъ давать прямое направленіе и приводить къ общему доброду изходу. Я же и онъ въ отдѣльности всегда болѣе всего сходились во взглядахъ, что и давало явный перевѣсъ. Былъ одинъ, впрочемъ, случай, когда и онъ всталъ было противъ меня; но и это произошло собственно отъ недоумѣнія и отчасти общаго предположенія, что я будто-бы предрѣшилъ вопросъ, во что-бы то ни стало, по своему, — именно оставить бакалавромъ одного изъ студентовъ монашествующаго, а не свѣтскаго, въ избраніи котораго всѣ папередъ были увѣрены. Дѣло состояло въ томъ, что самъ Владыка Филаретъ, дѣйствительно, проводилъ мысль, что лучше бы имѣть въ виду монаха, но я не раздѣлялъ даже и этой мысли съ особеннымъ желаніемъ, хотя и высказывалъ ее нѣкоторымъ. Замѣтивъ же, могущую быть, оппозицію, я поступилъ такъ, что предоставилъ право разсужденія всѣмъ, но себя самого исключилъ, сказавъ открыто, что безусловно буду согласенъ съ общимъ рѣшеніемъ, что и было исполнено. И самъ влад. Филаретъ даже не возобновлялъ своей мысли. Потому-то вполне вѣрны и характеристичны слова воспоминателя, „что А. Антоній съ профессорами Академіи былъ въ добрыхъ отношеніяхъ и, очень не рѣдко, обнаруживалъ замѣчательную терпѣливость и уступчивость во время напр. преній въ тогдашней Конференціи. или въ частныхъ бесѣдахъ“ (1). Съ всегдашнимъ искреннѣйшимъ удовольствіемъ воспоминалъ онъ и самъ о всѣхъ бывшихъ сослуживцамъ; къ особенной чести и для Академіи и лично для себя относилъ и то, что изъ числа его бывшихъ воспитанниковъ оказались такіе достойнѣйшіе профессоры. изъ которыхъ трое теперь въ званіи

(2) Кіев. епарх. вѣдомости 1879 г. № 47. стр. 12.

ординарныхъ профессоровъ со степенію доктора. Всегда радовался онъ и за ихъ ученые труды, видя въ послѣднихъ то именно направленіе, въ которомъ напередъ всегда былъ увѣренъ, видя это въ нихъ еще и во время ихъ студенчества и въ начальные годы ихъ службы. Говаривалъ однако и такъ: „пу что это за докторство въ свѣтскомъ званіи? То ли бы дѣло, когда бы они (разумея двоихъ) приняли священный санъ. Это были бы тѣ же Иваны Михайловичи Скворцовы и для города, и для Академіи, особенно въ виду оскудѣнія кандидатовъ на ректорство. Да и для Церкви они были бы отличные пастыри и проповѣдники“. Намъ не безызвѣстно, что онъ проводилъ эту мысль и въ письмахъ, по крайней мѣрѣ, къ одному изъ этихъ лицъ, и намъ самимъ былъ случай выражать тоже въ своихъ письмахъ отъ лица влад. Антонія.

Вмѣстѣ съ такими чувствованіями къ самимъ лицамъ въ Кіевской Академіи, покойный влад. Антоній съ постояннымъ сочувствіемъ слѣдилъ также за всѣми явленіями литературы въ гамошной Академіи. Не мало сожалѣлъ онъ, когда, въ послѣдствіи времени, Академія выпустила изъ своихъ рукъ Редакцію журнала „Воскреснаго Чтенія“ и тѣмъ самымъ понизила его значеніе. Какъ же высоко цѣнили Воскресное Чтеніе А. Антоній въ свое время, видно уже изъ того, что онъ самъ, будучи Ректоромъ и, не имѣя надобности ни въ какихъ матеріальныхъ выгодахъ, состоялъ главнымъ Редакторомъ и, по его словамъ, принималъ даже на себя послѣднюю корректуру. Соредакторами же его были тоже лица особенно авторитетныя—Ив. Мих. Скворцовъ и орд. проф. Ив. Петр. Максимовичъ. Журналъ этотъ дѣйствительно былъ въ свое время таковъ, что, по всему праву, назывался церковно-популярнымъ, удовлетворяя вообще интересамъ христіанскаго назиданія и доставляя самое разнообразное обиліе для религіозно-нравственныхъ размышленій, и служа, съ тѣмъ вмѣстѣ, органомъ литературнаго, въ то время еще рѣдкаго и малаго, общенія Академіи съ духовными писателями.—Во все время ректорства и редакторства А. Антонія этотъ журналъ держалъ

ся на своей достойной высотѣ и А. Антоній заботился объ этомъ до ревности. Это особенно видно изъ его писемъ, неоднократныхъ по этому предмету, къ преосв. Иннокентію. Какъ только сталъ быть Редакторомъ Воскреснаго Чтенія самъ А. Антоній, онъ писалъ такъ: „Вмѣсто краснаго яйца примите, высокопреосвященнѣйшій Владыко, и отъ меня и отъ всей Академіи Кіевской, приснопамятующей Васъ... нѣсколько экз. Воскреснаго Чтенія, имѣющагося продолжаться и въ наступающемъ новомъ для него годѣ ⁽¹⁾. Какъ бы журналъ сей и *самъ новыи его Редакторъ почли себя счастливыми*, если бы В—ше В—ство удостоили иногда украсить его своими какими либо статьями!.. Ихъ давно уже не было въ семь журналѣ и потому тѣмъ пріятнѣе было бы ихъ появленіе“ ⁽²⁾. Въ другомъ же письмѣ было писано слѣдующее: „Усерднѣйше прошу Ваше В—ство, —пришлите намъ для Воскреснаго Чтенія своихъ проповѣдей. Ихъ давно уже не видно. и подумаютъ, что Ваше В—ство прогнѣвались на Воскресное Чтеніе, какъ далеко. будто бы, отставшее отъ прежняго своего положенія... Между тѣмъ оно усиленно старается быть вѣрнымъ своему первоначальному назначенію и направленію, хотя, конечно, теперь и матеріаль лучшій разобрался и нѣсколькихъ даровитѣйшихъ сотрудниковъ не стало“ ⁽³⁾. Впрочемъ журналъ — Воскресное Чтеніе выдерживалъ себя въ своемъ достоинствѣ вообще, съ небольшою разностию только къ самому концу времени редакторства А. Антонія. Причина послѣдней перемѣны зависѣла сколько отъ указанныхъ выше, въ письмѣ А. Антонія, обстоятельствъ. столько же и отъ того, что въ послѣднюю пору ректорства А. Антонія, въ силу движенія и потребностей духовной науки, сознавалась и выработывалась въ академической корпораціи мысль о новомъ научномъ періодическомъ изданіи. Тотъ же А. Антоній вполне сочувствовалъ этой мысли, устраивалъ собранія у себя для обсужденія дѣла. Мысль эта скоро и

(1) Журналъ Воскресное Чтеніе начинался въ своемъ годовомъ изданіи всегда съ Св. Пасхи и оканчивался всегда страстною седмицею.

(2) Письмо отъ 3-го Апрѣля 1851 года.

(3) Письмо отъ 14-го Октября 1851 г.

осуществилась, хотя уже по выходѣ его изъ Академіи. именно 1860 г. Мы разумѣемъ періодическое изданіе подъ названіемъ: „Труды Кіевской духовной Академіи“.

Серьезно и съ ревностію занимаясь дѣломъ редактированія „Воскреснаго Чтенія“, А. Антоній, въ тоже время, немало печаталъ въ немъ и своихъ статей. Последнія были, кромѣ нѣкоторыхъ его проповѣдей, систематическіе трактаты по двумъ Богословіямъ—*Нравственному* и *Пастырскому*. Начальное происхожденіе этихъ ученыхъ трудовъ,—какъ уже извѣстно читателямъ,—относится еще ко времени ректорства А. Антонія въ Семинаріи; выполненіе же ихъ, хотя не доведенное до конца, принадлежитъ къ періоду настоящему. Нравственное Богословіе, появившееся въ немногихъ отдѣльныхъ статьяхъ, этими статьями и покончилось; Пастырское же вышло и отдѣльною книгою, заключающею въ себѣ одну, впрочемъ, первую часть. Въ рукописяхъ же то и другое было приготовлено вполне. Въ этихъ трудахъ видимъ тоже участіе высокопр. Филарета, какое и въ Догматическомъ Богословіи. Такъ самое начинаніе этихъ трудовъ было обязано прямому порученію высокопр. Филарета, затѣмъ онъ же самъ представлялъ объ нихъ и въ Св. Синодъ, испрашивая благословеніе на ихъ печатаніе въ видахъ употребленія ихъ, въ послѣдствіи, въ качествѣ учебныхъ руководствъ, съ такимъ присовокупленіемъ, что имъ самимъ лично они разсмотрѣны и, по указанію его, исправляются авторомъ.—По временамъ, здѣсь уже въ Казани, было у покойнаго влад. Антонія намѣреніе, или вѣрнѣе, проявлялись случайныя порывы заняться окончательною обработкою Нравственного Богословія,—но проходили почти безслѣдно. Порывы же происходили, большею частію, послѣ экзаменовъ въ Семинаріи, гдѣ, наслушавшись, по его выраженію, *Солярцины* и *Халколывановщины*⁽¹⁾, онъ иногда не удерживался тутъ же указывать разныя несообразности, и главное, чрезмѣрную распложенность и раздробленность, возможныхъ и невозможныхъ, видовъ обязанностей,—гдѣ, какъ онъ выра-

(1) Подъ этими наименованіями разумѣются два труда по Нравственному Богословію о.о. Протоиереевъ—Сотирскаго и Халколывалова.

жался, съ понятіемъ о обязанностяхъ и добродѣтеляхъ христіанскихъ перемѣнаны обязанности и цеховыхъ ремесленниковъ, — не доставало-де только, чтобы упомянуть тутъ же и объ извозчикахъ и т. п. Особенно не жаловалъ онъ и статью, напечатанную въ Христ. Чтеніи. А. Хрисанова, гдѣ были безпощадные нападки на схемы и рубрики въ системѣ Нравственнаго Богословія и, въ силу этого, самое Богословіе признано было, въ такомъ составѣ, одною изъ *наискурильнѣйшихъ наукъ для учащихся* ⁽¹⁾. „Ну что же?!“ говорилъ онъ, — если старое такъ негодно, то гдѣ же новое? а вѣдь послѣднее-то, само собою, требуетъ отъ того же перваго, кто обраковалъ и захотѣлъ урочить на повалъ прежнее. Иначе же походить на что-то въ родѣ желанія „*зажечь море*“.

Что было причиною недоконченности разсматриваемыхъ систематическихъ трудовъ А. Антонія въ свое время, — неизвѣстно. Извѣстно только, что эти труды, именно Пастырское Богословіе, явившееся въ печати отдѣльною книгою, вызвало сочувствіе и привѣтствія трудившемуся такія же восторженныя, какъ и къ Догматическому Богословію, со стороны тѣхъ же архипастырей. Примѣръ этому мы уже видѣли; а здѣсь приведемъ еще письмо папр. Архіепископа Ярославскаго Евгенія на имя самого А. Антонія, въ которомъ, въ частности, видно и то, какое имѣло значеніе самое участіе въ этомъ дѣлѣ высокопр. Филарета. „Приношу сердечную благодарность Вашему Высокопреподобію за новый даръ вашъ для меня, сугубо пріятный и по предмету сочиненія и *по родству* сочинителя съ Архипастыремъ, мною безпредѣльно уважаемымъ. Да благословитъ Господь доброе начатое и совершить съ благимъ успѣхомъ. Это будетъ руководствомъ не только для кандидатовъ на пастырство, но и для самыхъ пастырей. Буду съ вождѣлѣніемъ ожидать окончанія, чтобы распорядиться выписать экземпляры для здѣшней епархіи“.

А. Антонію, какъ Ректору и какъ главному Редак-

(1) Статья эта была помѣщена въ Христіанск. Чтеніи въ 1-й книжкѣ 1870 г., гдѣ употреблены буквально эти выраженія, обозначенныя нами курсивомъ.

тору Воскреснаго Чтенія, принадлежитъ еще одно дѣло, которое началось-было съ давнихъ поръ, но выполнилось только при немъ и его личнымъ усердіемъ и трудомъ. Это— „Собраніе поученій на воскресные и праздничные дни“. Это изданіе имѣло большой успѣхъ. Въ немъ принималъ живое участіе и высокопр. Иннокентій. Въ письмѣ своемъ (отъ 11 Января 1857 г.) вотъ что писалъ онъ къ А. Антонію по этому предмету: „Искреннѣйше благодарю васъ за вашу дружелюбную память о моемъ недостойнствѣ и прошу быть болѣе, чѣмъ увѣреннымъ въ моему сочувствію ко всѣмъ начинаніямъ и трудамъ вашимъ. Книга—„Собраніе поученій“ несомнѣнно пойдетъ себѣ, воплѣвъ надлежащее, употребленіе и принесетъ столь же несомнѣнный добрый плодъ. Только позвольте сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ указаній. Зачѣмъ вы печатаете эту книгу шрифтомъ мелкимъ, да еще въ двѣ колонны? Вѣдь это не журналъ какой и не листокъ, а книга для чтенія въ церкви, гдѣ чтецы не очень, подь часъ, острозрительны... Желалось бы также, чтобы поученія на праздники избѣрались похарактеристичнѣе и поодушевленнѣе,—иныя какъ-то мертвы“. Затѣмъ, когда вышелъ уже второй томъ „Собранія поученій“, и когда А. Антоній сталъ составлять „Собраніе поученій и на каждый день“, тотъ же Иннокентій первый не замедлилъ писать къ А. Антонію: „Я велѣлъ уже выписать для епархіи втораго тома столько же экземпляровъ, сколько и перваго. „Почуенія же на каждый день“—собирайте: это будетъ весьма полезно, и, мнѣ кажется, въ составъ ихъ можно взять все, что есть лучшаго въ давнемъ Синодальномъ Сборникѣ на сей же предметъ“.

Къ числу издательскихъ трудовъ А. Антонія относится и сочиненіе „Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ—Академією“. Главный авторъ этого сочиненія былъ В. И. Аскоченскій. жившій тогда не удѣлъ въ Кіевѣ; но А. Антоній ⁽¹⁾ много содѣйствовалъ ему и лич-

(1) Объ этомъ писалъ онъ (отъ 22 Марта 1855 г.) къ преосв. Иннокентію, между прочимъ, такъ: «Получилъ я и рукописи и глубочайшую приношу Вамъ благодарность. Акты, относящяся къ нашей Академіи, составляютъ прекрасную собственность ея. Къ нимъ я

нымъ трудомъ и, главное, средствами къ изданію. При этомъ вышло и литографированное изданіе вида Академіи, нарисованнаго весьма удачно однимъ изъ воспитанниковъ Семинаріи съ натуры изъ оконъ Семинаріи. Съ своей стороны Аскоченскій поусердствовалъ тогда же издать и литографированный портретъ самого А. Антонія, но усердіе его было неудачное противъ оригинала. Самъ покойный владыка Антоній говаривалъ, — что „если это былъ я, то не иначе, какъ нарисованный только съ моего какого нибудь „alter ego“... Впрочемъ и за самый успѣхъ указываемаго изданія А. Антоній опасался. Вотъ, между прочимъ слова его въ письмѣ къ преосв. Иннокентію: „Исторія нашей Академіи пишется—полная; но трудно надѣяться на изданіе ея по причинѣ цензуры. Если потребуютъ прислать рукопись въ Питеръ, тамъ ей не будутъ благопріятствовать... ибо *Кіева тамъ явно не жалуютъ*“...

Плодомъ лично авторскихъ трудовъ А. Антонія, кромѣ сказанныхъ выше, Богословій, были еще: 1) „Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ“. 2) „Собраше словъ (въ количествѣ 40), говоренныхъ имъ самимъ въ разное время, исключительно въ Кіево-печерской Лаврѣ“. 3) „Сказаніе о жизни Геросхимонаха о. Пароснія“ и 4) „Послѣдніе дни жизни высокопр. Филарета митр. Кіевскаго“. Сверхъ же этого имъ была составлена служба св. Равноапостольнымъ Просвѣтителямъ Славянъ—Кириллу и Меѳодію ⁽¹⁾.

присоединилъ еще много другихъ подобныхъ... Исторія составляетъ теперь самая полная Г. Аскоченскимъ, который здѣсь живетъ безъ должности, и потому я и предложилъ ему это дѣло; и онъ горячо принялся... Жаль его бѣднаго,—а Бибииковъ (бывшій Кіевскій Генераль-Губернаторъ) вовсе бросилъ его».

(1) О составленіи этой службы и, тѣмъ болѣе, о введеніи ея въ церковное употребленіе пишущему приводилось слышать изъ устъ преосв. Антонія цѣлую, какъ онъ выражался самъ, *митарственную исторію*; но излагать послѣднюю, хотя бы и вкратцѣ, на основаніи только своихъ воспоминаній, за неимѣніемъ подъ руками письменныхъ данныхъ, пишущій не рѣшается.—Можно только сказать за вѣрное, что указываемая служба въ первой ея рукописи не была пропущена у насъ въ Россіи для печатанія. Затѣмъ она

Занимаясь самолично духовно-литературными трудами, преосв. Антоній бдительно слѣдилъ и умѣлъ цѣнить, по достоинству, и труды другихъ духовно-литературныхъ дѣятелей. Довольно указать, какъ онъ первый отнесся напр. къ трудамъ тогдашнихъ архіепископовъ—Анатолія Могилевскаго и Филарета Черниговскаго. Дѣло это началось уже въ самое послѣднее время ректорства преосв. Антонія въ Кіевской Академіи, и пишущему было извѣстно тогда же изъ самыхъ данныхъ въ Конференціи Академическаго Правленія. Преосв. Антоній во главѣ, а съ нимъ и о. Протоіерей Иванъ Мпхайловичъ Сквирицкій первые вошли отъ себя запискою въ Конференцію о томъ, чтобы Конференція сдѣлала ходатайственное представленіе Св. Синоду о возведеніи сказанныхъ святителей въ достойную ихъ трудовъ авторскихъ степенъ „Доктора Богословія“. Дѣло это двигалось, однако, не безъ колебаній и, во всякомъ случаѣ, очень медленно. Въ этомъ смыслѣ преосв. Антоній самъ же писалъ въ Петербургъ, между прочимъ, такъ: „Не знаю, утвердить ли журналъ Конференціи нашъ Владыка (Митр. Исидоръ). А кому же послѣ этого украшаться этимъ званіемъ—„Докторскимъ“, какъ не сочинителямъ подобныхъ книгъ?! Думаю, что и въ Питерѣ не имѣютъ причинъ отказать...“ Одному изъ архипастырей-докторантовъ Анатолію Могилевскому, онъ же писалъ такъ: „Напрасно изволите беспокоиться, что сочиненіе Ваше (объ отношеніяхъ Римской Церкви) не довольно отдѣлано: оно прекрасно и полезно и вполне достаточно для своей цѣли. А привязкамъ *оцъ живиющихъ* (при цензурѣ) *комаровъ* ничто въ свѣтѣ не удовлетворитъ, ни даже ангельское совершенство“.—Когда же, наконецъ, дѣло это увѣчалось успѣхомъ, то преосв. Антоній рассчитывалъ было, что самые кресты докторскіе онъ будетъ имѣть пріятнѣйшій случай лично доставить обоимъ архипастырямъ въ ту именно пору, когда состоялось назначеніе его въ Смоленскую епархію и когда

была препровождена покойнымъ влад. Антошемъ къ высокопр. Михаилу Митроп. Сербскому и напечатана была въ шестидесятыхъ годахъ въ Константинополь. Наконецъ въ 1863 г., въ исправленномъ видѣ, напечатана въ С.-Петербурѣ.

путь свой въ послѣднюю онъ избралъ себѣ Бѣлорусскимъ трактомъ, проходящимъ чрезъ Черниговъ и Могилевъ ⁽¹⁾. Сюда же, наконецъ, должно отнести и сочиненія студентовъ, — (курсовыя), писанныя на степень Магистра. Прежде всего преосв. Антоній обращалъ самое серьезное вниманіе на выборъ самыхъ темъ для подобныхъ сочиненій, строго сообразуясь съ достоинствомъ магистрантовъ и съ значеніемъ самыхъ предметовъ; затѣмъ, когда сочиненія выходили весьма хорошими, давалъ имъ ходъ въ печати или въ отдѣльныхъ изданіяхъ, или въ выдержкахъ въ Воскресномъ Читеніи. — Съ другой стороны преосв. Антоній многого не одобрялъ въ современной ему духовной журналистикѣ. Съ такой именно стороны онъ смотрѣлъ (въ послѣдствіи) на столичные журналы: „Духъ Христіанина“, „Странникъ“, „Православное Обзорніе“ и на „Христіанское. даже, Читеніе“. „Жаль, писалъ онъ напр. о Православномъ Обзорніи, что оно чѣмъ дальше, тѣмъ больше уклоняется отъ надлежащаго *строго православнаго* направленія. О полемикѣ же бранчивой и говорить нечего“. — При разговорахъ же преосв. Антоній о Православномъ Обзорніи отзывался, что оно, въ довольно многихъ отношеніяхъ „*право же не славное*“ ⁽²⁾.

(1) Сейчасъ сказанныя свѣдѣнія изложены были въ настоящемъ мѣстѣ въ свое, довольно давнее, время; но, въ послѣднюю пору, мы съ удовольствіемъ встрѣтили на страницахъ Церковнаго Вѣстника (1883 года отъ 26 Ноября № 48 стр. 2—4) статью подъ заглавіемъ: «Къ биографіи Антонія Архіеп. Казанскаго», — гдѣ очевидно полное подтвержденіе, сказанныхъ нами, свѣдѣній въ выдержкахъ изъ подлинныхъ писемъ преосв. Антонія, имѣющихся у автора этой послѣдней статьи. Содержаніе этой статьи мы приняли во вниманіе и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ при окончательной обработкѣ нашего труда.

(2) Какіе взгляды и сужденія имѣлъ преосв. Антоній относительно литературы духовной и отчасти свѣтской, (и въ периодическихъ изданіяхъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ), въ послѣдующее время епископскаго служенія своего въ Смоленскѣ и въ Казани. — Объ этомъ будетъ рѣчь еще въ своемъ мѣстѣ. Что же касается его личныхъ авторскихъ трудовъ за все время его жизни, мы имѣемъ въ виду, особое въ отдѣльной главѣ, изложеніе по этому предмету съ подробнымъ, доступнымъ для насъ на основаніи, по преимуществу,

Слагая всѣ труды авторскіе и редакторскіе вмѣстѣ съ служебными обязанностями, нельзя не признать жизнь покойнаго влад. Антонія, въ разсматриваемый ея періодъ, начиная съ службы въ Семинаріи, положительно неутомимо-труженическою, особливо при его невидномъ и слабосильномъ тѣлосложеніи. Плоды же отъ этого труженничества, въ значеніи матеріальномъ, имѣли у него постоянное назначеніе отнюдь не въ личную пользу, а на употребленіе благотворительное и, въ томъ числѣ, на благоуукрашеніе храмовъ управляемаго Кіево-Братскаго монастыря и Академіи. Ясно, что онъ смотрѣлъ на свои труды, какъ на подвиги въ высшемъ иноческомъ смыслѣ подобно, какъ древніе подвижники, все, дѣлаемое своими руками и выручаемое за это дѣланіе, раздавали на пользу другихъ или созиданіе и благоуукрашеніе обителей и храмовъ. „Въ Братскомъ монастырѣ, говоритъ позднѣйшій воспоминатель, А. Антоній остался памятнымъ, какъ попечительный Настоятель, по части сдѣланныхъ имъ многихъ обновленій въ монастырскихъ церквахъ, и по строгому охраненію иноческаго устава и монастырскаго благочинія, подавая самъ примѣръ иноческаго благочестія. Отношенія между академическими и монашествующими были всегда хорошия, начиная съ того, что и духовники для первыхъ были постоянно изъ числа послѣднихъ. Богослуженіе, за отсутствіемъ (большею частію) самого А. Антонія, совершалось академическими архимандритами (напр. Инспекторомъ) всегда по *чину и благообразно* въ общемъ сослуженіи братскихъ монашествующихъ (1). Самъ А. Антоній дѣйствительно, во все время ректорства, во всѣ, болѣе или менѣе значительные,

биографическыхъ же данныхъ, разборомъ и оцѣнкою этихъ всѣхъ трудовъ, соответвенно ихъ происхожденію, содержанію, задачамъ и направленію.

(1) Послѣ же А. Антонія очень скоро вышло, наоборотъ, грустное раздѣленіе. Службы собственно для академическихъ стали совершаться въ такъ называемой Конгрегационной церкви. Это было, впрочемъ, не долго,—только въ ректорство А. Израиля,—и было проявленіемъ того же беспокойства младшихъ студентовъ, о которомъ была рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

праздники былъ всегда въ сослуженіи съ высокопр. Филаретомъ въ Лаврѣ. Въ 1858 г., уже по кончинѣ Митрополита, онъ совершалъ служеніе въ Св. Пасху въ Братскомъ монастырѣ и говорилъ: „вотъ нынѣ я здѣсь встрѣтилъ Свѣтлый праздникъ въ первый разъ, по за-то и въ послѣдній“.

Кромѣ Богослуженія А. Антопій бывалъ въ Лаврѣ вообще весьма часто, какъ только позволяло ему свободное время. Это условливалось, прежде всего, его извѣстными отношеніями къ высокопр. Филарету; потомъ, глубоко-чтимый имъ, духовный его отецъ Іеросхимонахъ Паросній, видимо, приближался къ кончинѣ (сконч. въ 1855 г.); и наконецъ Намѣстникомъ Лавры былъ А. Іоаннъ (нынѣшній Архіеп. Полтавскій), который былъ ему и товарищъ по академическому курсу и близкій родственникъ и, справедливо сказать, другъ духовный единомысленный и единоправный... Все это влекло А. Антонія въ Лавру, гдѣ онъ проводилъ время иногда по цѣлымъ днямъ, пользуясь, между тѣмъ, удобствомъ для возможно частаго посѣщенія тамошнихъ святынь, столь благоговѣнно имъ чтимыхъ.—Обо этомъ и вообще о всемъ послѣдующемъ времени служенія покойнаго влад. Антонія въ Кіевѣ, оканчивая его викаріатствомъ, будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА X.

Указанныя въ предыдущей главѣ, посѣщенія А. Антоніемъ Лавры стали особенно учащаться съ конца 1855 г., когда высокопр. Филаретъ, послѣ вынесенной имъ тяжкой болѣзни, сталъ, по словамъ А. Антонія, видимо ослабѣвать въ силахъ, такъ что не могъ постоянно самъ заниматься дѣлами по всѣмъ многосложнымъ его обязанностямъ. А. Антонію приводилось быть при немъ въ родѣ домашняго Секретаря, или писца подъ диктовку, и вообще сотрудника въ его дѣлахъ и занятіяхъ. Въ имѣющихся въ нашихъ рукахъ бумагахъ, при составленіи біографіи высокопр. Филарета, весьма многія черновыя бумаги оказываются дѣйствительно писанными рукою А. Антонія отъ лица Митрополита. Это, по преимуществу, письма къ Августѣйшимъ Особамъ и другимъ высшимъ лицамъ, въ томъ числѣ и къ заграничнымъ православнымъ Святителямъ Греческимъ—Іерусалимскимъ и Константинопольскимъ и Славянскимъ ⁽¹⁾; а наконецъ и нѣкоторыя представленія собственно отъ лица высокопр. Филарета Св. Синоду и г. Оберъ-Прокурору. Часть ихъ, по объясненію самого покойнаго владыки Антонія, была

(1) Эта переписка отъ Греческихъ Іерарховъ была получаемая на Греч. языкѣ и съ каллиграфіею, самою подъ часъ вычурною, и потому крайне трудною для чтенія и перевода. А. Антоній имѣлъ обязанностію готовить переводъ. Черезъ эту-то переписку и имя его самого (А. Антонія) стало тамъ извѣстнымъ, такъ какъ на нѣкоторыя письма отвѣты шли отъ его имени, по порученію высокопр. Филарета, а затѣмъ и письма получались на его имя.—Особенно же имя А. Антонія стало извѣстно по поводу изданія имъ Догматики на Еллинскомъ языкѣ.

писана (особенно карандашемъ) подъ диктовку; другія же были составляемы имъ, а Владыкою Филаретомъ исправляемы. — Къ числу этихъ бумагъ относится переписка по извѣстному важному вопросу о переводѣ Ветхозавѣтныхъ книгъ Св. Писанія на Русскій языкъ. Сюда же, наконецъ, относятся автобіографическія замѣтки высокопр. Филарета, которыя записывались вкратцѣ А. Антоніемъ большею частію, по его словамъ, когда Влад. Филаретъ бывалъ боленъ и, въ этомъ состояніи, особенно располагался вспоминать свое бывшее. Въ эту пору сидя около него и держа бумагу на колѣнахъ, А. Антоній вносилъ въ запись, что было особенно интересное. — Такого же происхожденія было и описаніе послѣднихъ дней жизни, законченное самою кончиною Владыки-Митрополита. — „А. Антоній, по свидѣтельству воспоминателя, неотступно, вмѣстѣ съ Намѣстникомъ А. Іоанномъ, былъ у смертнаго одра Первосвятителя до послѣдняго его вздоха, и, при всей скорби, утѣшался живѣйшею вѣрою, что взиралъ на кончину праведника“ (1), послѣдовавшую 21-го Декабря 1857 г. На сколько сильно и живо было впечатлѣніе и самое утѣшеніе вѣры при этой кончинѣ, можно было видѣть при каждомъ, по временамъ, воспоминаніи его; особливо же оно выразилось во время его собственной предсмертной болѣзни и въ послѣдніе дни предъ самою кончиною, — чему свидѣтелемъ-очевидцемъ имѣлъ утѣшеніе быть и я — пишущій, что, по возможности, и было мною описано въ свое же время и напечатано (2).

Послѣдніе дни жизни высокопр. Филарета Митроп. Кіевскаго, описанные А. Антоніемъ, какъ очевидцемъ не отступнымъ, были напечатаны въ Воскресномъ Чтеніи и изданы отдѣльною книжкою. Но въ этомъ описаніи нѣтъ, между прочимъ, интересныхъ свѣдѣній, заключающихъ въ себѣ свидѣтельство о взаимныхъ отношеніяхъ между въ Бозѣ почившимъ Митроп. Филаретомъ и другимъ Филаретомъ Митроп. Московскимъ, посредникомъ коихъ (отношеній), въ пору кончины перваго, былъ именно А. Ан-

(1) Кіев епарх. вѣдом. 1879 г. № 47 стр. 13.

(2) Смотри. Церковн. Вѣстникъ 1879 г. № 50.

тоній. Считаемо совершенно умѣстнымъ представить здѣсь эти свѣдѣнія въ подлинныхъ данныхъ. А. Антоній, по кончинѣ Владыки Филарета, тотчасъ телеграфироваль высокопр. Филарету Московскому. Послѣдній въ тотъ же день ⁽¹⁾ отвѣтилъ телеграммою такого содержанія: „Раздѣляю печаль не только Кіевской паствы но и Россійской Церкви, а потомъ и Вашу. Припадите къ стопамъ въ Возѣ почившаго Владыки съ мыслию о мнѣ и съ послѣднимъ на земли отъ меня цѣлованіемъ благоговѣнія и любви, да помолится, да иду по немъ въ мирѣ—Филаретъ М. Московскій“. Затѣмъ А. Антоній немедленно, по переносѣ тѣла въ Возѣ почившаго въ великую Лаврскую церковь, отправилъ къ тому же Московскому Митроп. Филарету письмо слѣдующаго (буквально) содержанія⁽²⁾:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастыръ и Отець!—Настаетъ всерадостный Праздникъ Святыя Церкви—Воплощенія Господа нашего Иисуса Христа, принесшаго спасительное обновленіе человѣческому роду и всему міру. Съ сыновнимъ дерзновеніемъ поставляю себя мысленно предъ Святительское лицо Ваше и вмѣстѣ съ ближайшими и присными чадами Вашими, присущими Вамъ, приношу Вашему Высокопреосвященству всеусерднѣйшее поздравленіе и вмѣстѣ благожеланіе, да Господь, Воплотившійся насъ ради, подастъ Вамъ отъ неистощимаго сокровища благодати Своя вся потребная къ временной и вѣчной жизни и обновитъ Ваши силы въ пастушащемъ новомъ году къ новымъ трудамъ и подвигамъ на пользу всей Святой Церкви.

„Живѣйшую благодарность приношу Вашему Высокопреосвященству, что подали скорое утѣшеніе намъ,

(1) Телеграмма въ Москвѣ подана была—21 Дек. 3 ч. по полудни, въ Кіевѣ получена 3 ч. 35 мин. по полудни.—Эта телеграмма отвѣтная—отъ Филарета Митроп. Москов. сохранилась *подлинная* у меня.

(2) Съ этого письма имѣется самая точная копія, полученная мною отъ бывшаго о. Намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры Архим. Антонія, пожелавшаго спрятать эту копію для себя съ подлиннаго письма, даннаго ему для прочтенія самимъ высокопр. Митропол. Филаретомъ.

сырымъ, въ постигшей насъ печали, которая и наступающій свѣтлый Праздникъ превращаетъ для насъ въ жалость. Земной поклонъ Вашъ я передалъ гробу Почившаго въ Бозѣ, передалъ и желаніе Ваше.—но признаюсь.—съ прибавленіемъ своего собственнаго желанія, чтобы Ваше желаніе еще долго и долго не исполнилось,—да свѣтитъ памъ. и да радуется насъ свѣтомъ своимъ хотя Московскій свѣтильникъ, когда Кіевскій уже погасъ. Послужите подольше хотя Вы, Святой Владыко, когда нашъ Владыка оставилъ и осиротилъ всѣхъ насъ! Сего желалъ Вамъ и Почившій, который, во время послѣдней болѣзни своей, среди тяжкихъ страданій своихъ, часто обращался мыслию своею къ Вамъ и высказывалъ свою глубокую преданность и живѣйшее сочувствіе къ Вашему Высокопреосвященству и тѣсный духовный союзъ души своей съ Вашею. Онъ рассказывалъ мнѣ и поручилъ написать Вамъ, по своей кончинѣ, свой сонъ, видѣнный имъ въ самомъ началѣ болѣзни. „Видѣлъ я, говорилъ онъ, будто я прихожу въ покои Московскаго Владыки; въ рукахъ у меня Казанская Икона Богоматери, вся сіяющая лучами. Выходитъ ко мнѣ Владыка, и я встрѣчаю Его умоляющимъ тономъ произнесенными словами: „Владыко Святой, помолись Господу Богу, чтобы принялъ духъ мой съ миромъ“. Велѣдъ за симъ Владыка (Московскій) будто бы бросился ко мнѣ, заплакалъ съ горькимъ рыданіемъ и я проснулся“.— „Вѣрно,—прибавлялъ онъ,—это послѣдняя моя болѣзнь, и мнѣ больше не встать“.—Такъ и исполнилось.—Не задолго предъ кончиною онъ отыскалъ между вещами, забытую было имъ, папагію, подаренную ему Вами, еще въ бытность его Ректоромъ Московской Академіи, когда Вы пріѣзжали ревизовать эту Академію. Папагію сію онъ приказалъ положить съ собою въ гробъ, что и исполнено. Заболѣлъ онъ 7-го Декабря катарромъ. Но поправился въ началѣ, такъ что 14-го занимался уже дѣлами, а вечеромъ вдругъ страшно заболѣлъ и едва пережилъ ночь. Медицинскія пособія ему помогли нѣсколько. Воспаденіе, поразившее у него правое легкое, было не по его уже лѣтамъ. Ровно недѣлю страдалъ онъ тяжело, и

все всѣ дни причащался литургійными Дарами, облачаясь самъ въ малое облаченіе и оставаясь сперва въ Церкви, а потомъ въ спальнѣ въ креслахъ и только послѣдній разъ причастился на постели, но все-же въ облаченіи. Надобно было было видѣть, какъ обнялъ онъ припесенную ему св. Чашу, какъ цѣловалъ ее и прильнулъ къ ней устами. Страданія его еще продолжались послѣ того „отъ часа шестаго до девятаго“. Но при воспоминаніи обо всемъ этомъ у меня нѣтъ силъ писать.... Завѣщаніе его дало намъ знать, что онъ давно уже принялъ схиму и нареченъ въ ней „*Теодосіемъ*“. Облачивъ его сперва въ архіерейское облаченіе, мы, согласно волѣ его, сверхъ облаченія возложили на него схиму; 22-го вынесли въ Церковь, а 26-го или 27-го ⁽¹⁾ думаемъ совершить погребеніе, ожидая для сего Преосвященнаго Подольскаго. — Съ глубочайшимъ сыповнимъ смиреніемъ и преданностію повергаю себя къ стопамъ Вашимъ и лобызая Вашу десницу. — Вашего Высокопреосвященства нижайшій послушникъ Ректоръ Кіевской Академіи Архимандритъ Антоній“.

Не задолго, — за годъ до кончины высокопр. Филарета, какъ истиннаго своего отца отъ дней ранняго дѣтства, А. Антоній, по словамъ воспоминавателя ⁽²⁾, „оплакалъ кончину своей матери-старицы, которая доживала при немъ въ Кіевѣ послѣдніе годы своей жизни. Она помѣщалась въ домѣ бывшаго, особенно дружнаго съ А. Антоніемъ, по Семинаріи сослуживца наставника прот. Дан. Макс. Смолодовича и, по близости дома къ Братскому Монастырю, неупустительно являлась къ каждому Богослуженію, гдѣ, встрѣчаясь съ своимъ усерднымъ молитвенникомъ-сыномъ, заходила за тѣмъ къ нему въ ту или иную пору“. По временамъ бывала она и у высокопр. Филарета, любившаго дѣлиться съ нею воспоминаніями объ Уфѣ и особливо, по общей старческой манерѣ, перебирать родныхъ по годамъ, кто кого старше...

(1) Погребеніе было совершено въ *девятый* день — 29 Декабря, по случаю замедленія преосв. Евсевія.

(2) Кіевск. епарх. вѣдом. 1879 г. № 47, стран. 13.

При этомъ влад. Филаретъ особенно любилъ представлять себя старше всѣхъ изъ родныхъ. „Однако, говорилъ онъ ей, я и тебя-то. мать, еще переживу“. Покойный влад. Антоній, вспоминая объ этихъ свиданіяхъ и разговорахъ между старцами, говорилъ, что послѣднее выраженіе врѣзалось ему глубоко, и оправдалось слѣдующимъ фактомъ.

„Въ 1856 г. къ торжеству Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ Владыка Филаретъ былъ назначенъ въ число, имѣющихъ участвовать въ этомъ Іерарховъ. Но онъ заблаговременно отписалъ къ г. Оберъ-Прокурору, что за старостію и недугами, къ прискорбію его глубочайшему, долженъ будетъ лишиться этого величайшаго счастія. Въместо же него все-таки должны были быть представители отъ лица древнѣйшей въ Россіи каѳедры. Владыка самъ не разъ заговаривалъ, что нужно-де послать двоихъ.— „Вотъ я и о. Іоаннъ (бывшій Намѣстникъ) разсудили и положили между собою, что это никто, какъ мы оба. Я даже проговаривался объ этомъ и предъ Владыкою. Онъ, видимо, ничего... Время приближалось къ самому Августу; мы оба ожидали со дня на день официальнаго распоряженія о командированіи насъ. Правда, противъ котораго либо изъ насъ имѣлся въ виду нами самими одинъ конкурентъ—это Иванъ Михайл. Скворцевъ; но и онъ, какъ было извѣстно, самъ отнѣкивался, особливо въ виду тогдашнихъ дорогъ. Однимъ словомъ я-то самъ болѣе, чѣмъ о. Іоаннъ, былъ увѣренъ въ назначеніи меня. Но вдругъ Владыка объявляетъ: „пусть собираются Намѣстникъ и Иванъ Михайловичъ. Я сперва было не вѣрилъ. Наконецъ пришлось разувѣриться... „Нѣтъ и нѣтъ!!“ былъ одинъ постоянный отвѣтъ со стороны Владыки. Такъ я и остался,— сколько, сказать правду, ни тяжело было разстаться съ самою мыслию.— Но векоръ. совершенно неожиданно, заболѣла моя маменька, хотя и не сильно; затѣмъ болѣзнь такъ повернула круто, что какъ разъ предъ 26 Августа она скончалась. Лишь только успѣлъ я прибыть ко Владыкѣ съ грустною вѣстію, какъ онъ ко мнѣ: „А что? вотъ тебѣ и Коронація... что было бы, если бы я по-

слушалъ твоихъ резоновъ, отпустилъ бы тебя въ Москву. Что ты самъ сказалъ бы мнѣ, когда столько времени покоилъ мать при жизни, и лишился бы утѣшенія закрыть ей глаза и воспѣть самъ: „со святыми упокой“ . Я радуюсь, что мнѣ не даромъ вдругъ почувствовалось тогда какая-то непреклонная рѣшимость не отпускать тебя“ .

Ректорство А. Антонія въ Киевской Академіи продолжалось *семь лѣтъ*. Во все это время онъ состоялъ по существовавшимъ тогда положеніямъ, первенствующимъ Членомъ Духовной Консисторіи. По словамъ воспоминателя, „голосъ его въ дѣлахъ консисторскихъ имѣлъ особенный вѣсъ при его отношеніяхъ къ митр. Филарету. Вообще онъ любилъ административное дѣло, любилъ проявлять и проводить свое вліяніе, когда и гдѣ находилъ нужнымъ“ (1). Къ роду этихъ же административныхъ дѣйствій А. Антонія относится его особенная наблюдательность за дѣлами по Высшему (Окружному) Правленію Академіи. Къ этому открывалась ему возможность тѣмъ болѣе, что съ ректорами семинарій и многими Пресвященными онъ велъ переписку и потому получалъ разныя свѣдѣнія; а равно и письма Пресвященныхъ къ высокопр. Филарету по дѣламъ, касающимся учебныхъ заведеній, ему были извѣстны. Такъ какъ отъ академическаго Окружнаго Правленія зависѣло назначать въ Семинаріи ревизіи и при этомъ давались инструкціи, то, кромѣ общаго содержанія послѣднихъ, онъ сообщалъ назначавшимся ревизорамъ и частныя указанія, на что и какъ обратить вниманіе. Былъ онъ и самъ (въ 1852 г.) ревизоромъ въ Волынской и Подольской семинаріяхъ. Быть въ первой онъ имѣлъ особенное желаніе, именно чтобы посѣтить Почаевскую Лавру и помолиться предъ св. Чудотворною Иконою Божіей Матери, именуемою Почаевскою. Это желаніе было у него даже обѣтное. Въ теченіи ректорства въ Академіи А. Антоній былъ удостоенъ Высочайшихъ наградъ, — послѣ первыхъ двухъ годовъ св. Анны 2-й степени съ Императорскою Короною, и затѣмъ чрезъ два же года св. Владиміра 3-й степени.

(1) Киевск. епарх. вѣдом. 1879 г. № 47.

Судя и по годамъ службы, а еще болѣе по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ, едва ли не вѣсьмъ думалось, что А. Антоній непременно будетъ въ санѣ святительскомъ еще при жизни высокопр. Филарета. Мнѣнія эти усиливались особенно съ той поры, когда Филаретъ сталъ уже видимо изнемогать отъ старческихъ годовъ и отъ повторявшихся недуговъ его. Болѣе всего думалось, что онъ будетъ просить самъ о назначеніи А. Антонія въ Викаріи ему, такъ какъ бывшій Викарій—Пресвященный Аполлинарій имѣлъ давно уже право на занятіе самостоятельной каѳедры.—Иные, правда, высказывали иное: „зачѣмъ ему—Антонию—быть Викаріемъ, когда онъ и безъ того править цѣлою митрополіей?!“ Между тѣмъ самъ высокопр. Филаретъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ по своему. Съ одной стороны онъ понималъ своего Викарія очень хорошо ⁽¹⁾, да и самъ Викарій тоже сознавалъ свое положеніе такъ, что не имѣлъ ни нужды, ни желанія быть Епископомъ самостоятельнымъ. Съ другой стороны онъ былъ внѣ всякаго сомнѣнія, что А. Антоній созрѣлъ и для епископства, но, по словамъ же послѣдняго, имѣлъ существенную нужду въ присутствіи его при себѣ до самой своей кончины,—какъ втораго „*костыля*“ по его выраженію. Выраженіе это имѣло даже смыслъ буквальный. Высокопр. Филаретъ въ послѣдніе годы ходилъ, и по комнатамъ дома большею частію, съ *костылемъ*; когда же случалось ему, послѣ сплѣднія, перейти на другое мѣсто и не захватить съ собою костыля,—тогда онъ по просту обращался къ А. Антонию, если отсутствовалъ келейный: „ну-ка. подай мнѣ оттуда костыль-то, или, коли хочешь будь самъ вмѣсто его, пособи-ко мнѣ приподняться и пройти“. Покойный влад. Антоній взялъ себѣ на память этотъ *костыль* и любилъ съ нимъ гулять по саду и даже выѣзжалъ съ нимъ въ разныя мѣста. Костыль этотъ онъ сохранилъ

(1) Высокопр. Филаретъ лично за-душевно любилъ Викарія преосв. Аполлинарія и величалъ его *землякомъ суубымъ* по той причинѣ, что преосв. Аполлинарій былъ въ свое время Ректоромъ же въ Уфѣ—въ Оренбургской Семинаріи, а родомъ былъ изъ Рязанской губерніи, гдѣ и самъ высокопр. Филаретъ былъ Арменископомъ.

при себѣ до гроба, и тоже употреблялъ во время болѣзни подобно высокопр. Филарету.—имѣвши его постоянно при своей кровати.

Отношенія же между высокопр. Филаретомъ и его Викаріемъ, — преосв. Аполлинаріемъ, продолжались до конца жизни обоихъ столь неизмѣнно, сколько не измѣненъ общій конецъ всѣхъ—смерть. Владыка Филареть, узнавши о болѣзненномъ состояніи Викарія, начавшемся еще ранѣе его собственной болѣзни, —(Викарій заболѣлъ, во время поѣздки, въ Сентябрь 1857 г., по епархіи, какою-то злокачественною лихорадкою), сталъ поговаривать: „ну вотъ когда я скоро заболю, то и будемъ вмѣстѣ приближаться ко гробу“. Во время же начавшейся уже болѣзни митр. Филарета (съ начала Декабря), когда Викарій, перемогаясь, все-таки посѣтилъ его, то первый сказалъ: „а что Преосвященный?! вѣрно будетъ такъ, что вмѣстѣ служили здѣсь, вмѣстѣ и туда перейдемъ; только чуръ я прежде, по старѣйшинству, а потомъ уже вы собирайтесь“. Такимъ рѣчамъ, правда, не придавалось особеннаго значенія, а признавались онѣ скорѣе за обычныя простодушныя выраженія. Но когда 17 Декабря (за три дня до кончины) высокопр. Филареть пожелалъ, чтобы надъ нимъ было совершено Таинство Елеосвященія архіерейскимъ служеніемъ, и когда ему сказали, что Преосвященный Викарій не можетъ по своей болѣзни явиться, —онъ проговорилъ: „да, теперь вѣрно, что онъ не отстанетъ отъ меня на долго“. Дѣйствительно по кончинѣ высокопр. Филарета къ выносу его тѣла изъ покоевъ въ великую Церковь. Преосвященный Викарій, къ изумленію всѣхъ, явился хоть чрезъ силу, ѿ совершилъ это перенесеніе. Но это пересиленіе себя и, стоявшая тогда, сильно холодная погода были причиною, что онъ слегъ окончательно и не могъ уже вставать; а 10-го числа Января, ровно въ 20-й день по кончинѣ митр. Филарета, и самъ перешелъ во слѣдъ его на вѣки.

При такомъ рѣдкостномъ и поразительномъ совпаденіи двухъ кончинъ одномѣстныхъ святителей, естественнѣе всего, и тамъ—въ средѣ высшихъ властей признано было необходимымъ возможно ускорить дѣломъ за-

мѣщенія оспротѣвшею кафедрой Кіевскою. И если избраніе Кандидата на Митрополию могло бытъ, по самой важности, замедлено,—за то о кандидатѣ на викаріатство не приходилось, очевидно, и разсуждать. Онъ былъ тутъ уже на лицо на мѣстѣ. При самомъ даже погребеніи преосв. Аполлинарія, и взоры и разговоры со стороны всѣхъ обращались прямо къ лицу А. Антонія, какъ несомнѣннаго преемника. Въ Св. Синодѣ, какъ сообщалось изъ Петербурга въ частныхъ письмахъ, дѣло это предрѣшено было немедленно. Бывшій тогда Оберъ-Прокуроръ Св. Синода Графъ Александръ Петровичъ Толстой, какъ особенно почитавшій покойнаго влад. Филарета и лично знавшій съ отличной стороны самого А. Антонія, прежде еще внесенія доклада Св. Синода на Высочайшее воззрѣніе и утвержденіе Государя Императора, сообщилъ уже письмомъ А. Антонію о его повомъ назначеніи, гдѣ, между прочимъ, выражалъ свое личное утѣшеніе, что въ этомъ назначеніи, несомнѣнно, совершается молитвенное заgrabное желаніе въ Божѣ почившаго влад. Филарета. Графъ Александръ П. Толстой, надобно замѣтить, во время Крымской войны, долго находился въ Кіевѣ, въ званіи Начальника Нижегородскаго ополченія, и здѣсь-то произошло личное знакомство между нимъ и А. Антоніемъ. И во все дальнѣйшее время тотъ же Графъ Толстой, а равно и бывшій Директоръ дух.-учебнаго Управленія при Св. Синодѣ Князь С. Н. У—въ⁽¹⁾, имѣли самыя искреннія и достойныя отношенія къ нему. Самъ покойный владыка Антоній во все время глубоко цѣнилъ эти отношенія, особенно зная и почитая въ этихъ лицахъ глубокое пестинно-христіанское настроеніе, всегда проявлявшееся и въ дѣйствіяхъ ихъ начальническихъ. Съ такими же чувствованіями воспоминалъ онъ и то, какъ, въ бытность его въ Смоленскѣ, князь С. Н. У—въ провелъ у него въ его домѣ всю первую недѣлю поста, и говѣлъ тутъ, и пріобщался у него.

(1) Князь Сергій Николаевичъ Урусовъ, вносльдетви Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и пожалованный даже орденомъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, сконч. въ началѣ 1883 г.

Высочайшее повелѣніе быть А. Антонію Епископомъ Чигиринскимъ, Викаріемъ Кіевской Митрополи, послѣдовало 1-го Марта 1858 г. По полученіи Указа, нареченіе его было назначено 27 Марта, и хиротонисаніе 30-го. Первое, по бывшей тогда слишкомъ ранней Пасхѣ, пришлось въ четвергъ пасхальной недѣли. А какъ, за два дня предъ этимъ, былъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы—на Пасхѣ же во вторникъ, то А. Антоній, въ своей рѣчи при нареченіи, воспользовался этимъ совпадениемъ праздника для выраженія своихъ чувствъ. Съ другой стороны, такъ какъ и сами участвовавшіе въ совершеніи сего обряда и затѣмъ самой хиротоніи были тѣ же святители—(Евсевій Еписк. Подольскій и проживавшій въ Лаврѣ Еписк. Болгарскій Стефанъ-Ковачевичъ), которые погребали и высокопр. Филарета и (одинъ изъ нихъ) преосв. Викарія Аполлинарія,—то онъ и это ввелъ въ свою рѣчь, какъ нѣчто знаменательное. Накопецъ самое мѣсто нареченія (въ Консисторіи близъ Софійскаго Собора) и хиротоніи въ самомъ этомъ соборѣ—какъ древнѣйшемъ въ нашемъ отечествѣ,—дало ему новый источникъ для признанія знаменательности и соотвѣтственныхъ чувствованій.

Не выписывая буквально всей, довольно пространной, рѣчи, мы приведемъ только тѣ мѣста изъ нея, гдѣ выражены сказанные три мотива. Въ самомъ началѣ рѣчи новонареченный Епископъ—Архимандритъ Антоній говорилъ: „Ты всѣи, Сердцевѣдче Господи, какъ ужасастся душа моя при мысли о предстоящемъ мнѣ новомъ служеніи въ Церкви! Держаю рещи къ Тебѣ слово Пречистой Матери Твоей, реченное Архангелу, вѣщавшему Ей глаголы благовѣщенія: „*како будетъ сіе?!*“. Но умоляю Тебя, Едине Святе и Едине Сильне, аще не можетъ мимоити меня чаша сія, рщи мнѣ слово Архистратига Твоего къ Преблагословенной Дѣвѣ Маріи: „*Духъ Святыи найдетъ на тя и сила Вышняго осмытитъ тя*“.—Далѣе же: „Дивны пути Господни! Васъ ⁽¹⁾ послалъ сюда Господь отдать послѣдній долгъ угасшему свѣтильнику Церкви Кіев-

(1) Обращене къ святителямъ, совершившимъ наречене.

ской—почившему въ Бозѣ Архипастырю нашему; затѣмъ единъ изъ Васъ, вскорѣ неожиданно, проводилъ туда же и того, кто помогать ему нести бремя трудовъ пастырскихъ. Но, вотъ, Вамъ же судилъ Господь и поставить новаго вспомошествоющаго пастыря осиротѣвшей Церкви Кіевской въ лицѣ моемъ“... Наконецъ А. Антоній выразился такъ: „Надъ паствою сею, древнѣйшею и знатнѣйшею въ отечествѣ нашемъ, почиеть и въ вѣковомъ храмѣ семъ,—(при этомъ, помнимъ, говорившій сдѣлалъ обращеніе и указаніе рукою на самый храмъ Софійскій, виднѣвшійся тутъ же въ окно),—въ храмѣ великаго Ярослава. витасть блаженный духъ цѣлаго сонма блаженныхъ іерарховъ, начиная отъ Михаила святаго до Филарета праведнаго: *уйми же* (обращеніе къ Господу) отъ духа сего и даждь мнѣ, елико вмѣстить могу, да и мое служеніе паствѣ сей, коей уже не невѣдомъ гласъ мой (разумѣются его проповѣди), будетъ плодоносно для ней, и да буду я благоугоднымъ и благопотребнымъ сотрудникомъ и споспѣшникомъ будущему новому Іерарху нашему“.

Эта рѣчь, и говорить нечего, произвела на всѣхъ присутствовавшихъ глубокое впечатлѣніе, такъ какъ, ясно, она исходила отъ всей чистоты и благоговѣйности чувствованій говорившаго ея. Въ ближайшемъ же № Воскреснаго Чтенія она была напечатана въ подлинникѣ (¹). Всѣ одобряли безусловно; но только, спустя не много времени, пришлось самому же первому составителю этой рѣчи почувствовать и сознать нѣчто, сказанное въ ней, далеко иначе... На первыхъ порахъ это едва ли кто и зналъ кромѣ его одного. Впослѣдствіи же времени (именно уже въ Казани). по совпаденію нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ преосв. Антоній высказалъ наконецъ то, что было, естественно, щекотливо для его докторства, по крайней мѣрѣ, въ свое время.

Принявши санъ Епископа. Антоній, по долгу и въ духѣ святительскаго общенія. если къ кому. то прежде всѣхъ къ Московскому Митроп. Филарету обратился съ

(¹) Въ Воскресномъ Чтеніи 1858—1859 г. № 4, отъ 13 Апрѣля 1858 г. стран. 31—32.

писаніемъ. При этомъ онъ представилъ ему и свою рѣчь. И что же? Въ чемъ никто и самъ преосвященный Антоній не предполагалъ и тѣни чего либо несоотвѣтственнаго христіанско-догматической истинѣ въ выраженіяхъ въ рѣчи, то усмотрѣлъ и не замедилъ, со всею однако осторожностію, высказать глубокой Богословъ Филаретъ Московскій. Онъ указалъ преосвящ. Антонію въ отвѣтномъ письмѣ своемъ на неумѣстность приложенія словъ, изреченныхъ Пречистою Богородицею и Архангеломъ Гавріиломъ къ Тайнству Священства, а всего еще болѣе къ личному состоянію самого, кого бы-то ни было, посвящаемаго, такъ какъ смыслъ словъ, относящихся къ Благовѣщенію, есть высшій исключительный, выражающій *еще отъ вѣка таинства явленіе, составляющее спасенія нашего главицу...*

Какъ принялъ это благое указаніе въ свое время преосв. Антоній, неизвѣстно; только рѣчь его печатная такъ и осталась въ своемъ первоначальномъ подлинникѣ. Но по одному случаю между разговорами о нѣкоторыхъ, незначительныхъ, по видимому, разностяхъ въ образѣ дѣйствій священнослужебныхъ въ краѣ кievскомъ и московскомъ, пишущимъ предложенъ былъ вопросъ преосв. Антонію такого рода: „что значить, что когда служить священникъ съ діакономъ, то, по совершеніи великаго входа, діакопъ обращается къ священнику съ словами: *„Помолися о мнѣ, владыко святой“*“,—а священникъ отвѣтствуетъ ему: *„Духъ Святый найдетъ на тя и сила Вышняго осыплетъ тя“*—и затѣмъ тотъ же діакопъ заканчиваетъ обращеніемъ къ священнику: *„тойже Духъ содѣйствуетъ намъ вся дни живота нашего“*. Но когда совершаетъ литургію Архіерей, то выходитъ наоборотъ: всѣ сослужащіе обращаются къ Архіерю съ словами: *Духъ Святый найдетъ на тя* и пр. Владыка Антоній, при этомъ сначала улыбувшись, сказалъ: *„ταῦτα λέγω καὶ ἡμεῖς ὑβρίζεις“* ⁽¹⁾ (Лук. XI—45); а потомъ, вдумавшись въ сущность вопроса, проговорилъ: Эхъ жалко, что теперь Владыки Московскаго нѣтъ въ живыхъ; вотъ бы

(1) «Сія глаголя, и намъ досаждаеши».

ему поставить этот вопрос не только из желанія объясненія, спрашиваемой тобою, разности, но касательно того смысла, въ какомъ эти слова— „*Духъ Святой найдеть на тя* и пр., здѣсь *употребляются и прилагаются къ лицамъ Священнослужащимъ*. Говорю я это теперь собственно къ тому, что касательно этихъ именно словъ, употребленныхъ мною въ рѣчи при нареченіи, онъ мнѣ сдѣлалъ довольно назиданіе, и я принялъ его промолчавши. А жалко, что мнѣ тогда не пришло въ голову то, на что ты навелъ теперь меня; я бы тогда же не утерпѣлъ, чтобы не обратиться къ нему съ вопросомъ настоящимъ“. Впрочемъ, я давно что-то не нахожу этого письма; и крайне жалѣю. если я его какъ нибудь затратилъ. Оно для меня дорого тѣмъ въ особенности, что въ немъ видѣнъ былъ вѣрный задатокъ личныхъ отношеній его ко мнѣ, замѣнявшихъ въ своей мѣрѣ тѣ, какихъ я лишился съ кончиною нашего Владыки—Филарета. Съ той поры постоянно я и самъ привыкъ обращаться къ нему во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ и вопросахъ съ сыновнимъ дерзновеніемъ, и онъ относился ко мнѣ истинно-отечески,—что особенно доказалось съ его стороны при личномъ двукратномъ моемъ у него пребываніи въ Москвѣ“. — (Объ отношеніяхъ этихъ мы будемъ имѣть рѣчь въ своемъ мѣстѣ съ достаточною подробностію).

До рукоположенія въ Епископы А. Антоій, до послѣдняго дня, не переставалъ еще быть Ректоромъ Академіи и жилъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. Корпорация академическая выразила ему свои чувства, при послѣднемъ разставаніи, поднесеніемъ ему очень цѣнной панегіи, экстренно выписанной изъ Петербурга. Студенты же,—впрочемъ только мы старшіе,—поднесли ему икону Св. Іоанна Богослова, обложенную серебрянымъ вызолоченнымъ бордюромъ и съ вычеканенною подписью на придѣланной къ низу лицевой стороны пластинкѣ: „Отъ студентовъ XIX курса Кіевской дух. Академіи“. — Эта икона, чему мы были всегда очевидцами, употреблялась покойнымъ влад. Антоіемъ при Богослуженіи въ день св. памяти Іоанна Богослова; предъ нею обыкновенно пѣлось величаніе на всенощныхъ и совершался въ каждый

праздникъ послѣ литургіи молебень; по его же предсмертному распоряженію ей назначено мѣсто въ ряду другихъ иконъ, поставленныхъ въ особомъ кивотѣ предъ его могилою.

По совершеніи хиротоніи преосвященнаго Антонія, преосв. Евсевій (Подольскій), по кончинѣ высокопр. Филарета и бывшаго Викарія, управлявшій до сего времени Кіевскою епархією, немедленно отправился къ своему мѣсту. Новопосвященный же Викарій Антоній, по этому, съ слѣдующаго же дня, 31-го Марта, какъ значится въ формулярномъ спискѣ, вступилъ въ управленіе Кіевскою епархією, что и продолжалось до 31-го Октября, до самаго прибытія новоназначеннаго Митрополита высокопр. Исидора. Но какъ тотъ же Подольскій преосвященный Евсевій вскорѣ назначенъ былъ Экзархомъ Грузіи, то Св. Синодъ опредѣлилъ поручить преосвященному же Антонію управленіе и Подольскою епархією. Такимъ образомъ, съ первыхъ же дней святительскаго служенія, преосв. Антоній оказался, по его выраженію, вмѣсто викаріальнаго поста на quasi экзархатномъ. „Благо, говоритъ онъ, что состояніе и дѣла Кіевской епархіи были мнѣ хорошо извѣстны, равно какъ и самыя лица, служащія въ Консисторіи, и учебныя заведенія, начиная съ Академіи, всего болѣе. По дѣламъ академическимъ, помнится, было даже такъ, что преосв. Антоній долженъ былъ подписывать нѣкоторыя вѣдомости и отчеты экономическіе, и въ то же время они поступали къ нему же на разсмотрѣніе и утвержденіе, какъ къ Управляющему епархією. Въ слѣдующемъ 1859 г., по случаю экстреннаго очень ранняго, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, вызова ⁽¹⁾ высокопр. Митрополита Исидора, какъ Члена Св. Синода, въ Петербургъ, опять тому же преосв. Антонію привелось завѣдывать на мѣстѣ дѣлами Кіевской епархіи, что и продолжалось (по формулярному списку), съ 22 Сентября по 27 Января 1860 г. И такъ изъ всего времени его викаріатства, продолжавшагося восемнадцать мѣсяцевъ, цѣлыхъ двѣ трети

(1) Такой вызовъ состоялся тогда по поводу разсужденія о вопросѣ по дѣлу обезпеченія духовенства.

проведены были имъ въ управленіи, какъ бы самостоятельнымъ, дѣлами Кіевской епархіи.

Что преосв. Антоній дѣйствительно былъ способенъ и, еще болѣе, ревностенъ къ исполненію всѣхъ столь многосложныхъ обязанностей, это едва ли подлежитъ и малѣйшему сомнѣнію. Не безъ основанія позднѣйшій воспоминатель, сказавъ, приводимыя уже прежде, слова, что „Антоній вообще, бывши еще на ректорствѣ, любилъ административное дѣло, и любилъ и заявлять свое вліяніе, когда считалъ го нужнымъ“, присовокупилъ и такія: „тогда же говорили объ немъ, что это будетъ ревностный, дѣятельный, заботливый архипасгырь“ (1). Для объясненія же отношеній между бывшимъ тогда Кіевскимъ Митрополитомъ Высокопреосвященнѣйшимъ Исидоромъ и Викаріемъ при немъ преосв. Антопіемъ довольно знать, въ какихъ отношеніяхъ и чувствованіяхъ истиннѣйшей почтительности и преданности былъ самъ высокопр. Митрополитъ Исидоръ къ почившему въ Бозѣ предмѣстнику своему Митроп. Филарету. А это знали едва ли не всѣ напередъ на столько, что и въ рѣчахъ привѣтственныхъ, при вступленіи высокопр. Исидора сначала въ Софійскій Соборъ, а потомъ въ Кіево-Печерскую Лавру, свидѣтельствовали ему самому, равно какъ и самъ онъ въ словѣ своемъ, сказанномъ въ Лаврѣ, выразилъ о себѣ тоже, — указавъ даже на то, что назначеніе его на Митрополию Кіевскую совершилось по особенному желанію самого же высокопр. Филарета (2). Такъ напр., бывшій тогда намѣстникомъ Лавры, А. Іоаннъ говорилъ въ рѣчи своей такъ: „Шестнадцать лѣтъ тому назадъ Св. Лавра имѣла утѣшеніе встрѣчать тебя въ стѣнахъ своихъ, какъ смиреннаго богомольца и благоговѣйнаго поклонника здѣшнимъ святынямъ. Глубоко трогательны и поучительны были тогда для насъ и то высокое уваженіе, и та, можно сказать, благоговѣйная сыновняя почтительность и любовь, съ коими ты относился тогда къ прис-

(1) Кіев. епарх. вѣдом. 1879 г. № 47, стр. 13.

(2) Въ свое время было извѣстно и сохранилось въ запискахъ, что высокопр. Филаретъ, разсуждая о преемничествѣ послѣ него,

нопамятному нашему Отцу, а твоему Предмѣстнику, праведному во святителяхъ Вожіихъ Филарету“ (1).

Преосв. Антоній съ своей стороны, несомнѣнно, глубоко чувствовалъ и цѣнилъ отношенія высокопр. Исидора, и самъ былъ въ состояніи поставить себя въ отношеніи къ нему вполне надлежащимъ образомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что и самое, столь скорое, — черезъ полтора только года, — назначеніе его на кафедру Смоленскую зависѣло, преимущественно, отъ лица высокопр. Исидора, тѣмъ болѣе, что послѣдній былъ въ эту пору въ Петербургѣ. Первую же вѣсть, однако, онъ получилъ объ этомъ, — хотя и не непосредственно, — отъ высокопр. Филарета Московскаго. Посредничество же, смѣемъ сказать, было счастливою долею для пишущаго. При отъѣздѣ моемъ изъ Кіева (19 Окт. 1859 г.) преосв. Антоній, напутствуя меня, какъ сына по постриженію и посвященію въ санъ Іеромонаха, и зная путь мой черезъ Москву въ Петербургъ, поручилъ мнѣ первымъ дѣломъ представиться къ Митрополиту Московскому и поклониться ему отъ его лица, буквально, земнымъ поклоненіемъ. При произношеніи же мною имени преосв. Антонія, — Викарія Кіевскаго, — высокопр. Филаретъ совершенно озадачилъ меня такими словами: „А вотъ въ первыхъ же словахъ вашихъ вы сказали мнѣ неправду“. — Я быстро взглянулъ... и онъ тутъ же: „Да, я хочу сказать вамъ, что не отъ преосв. Викарія я съ достодолжнымъ братственнымъ чувствомъ приѣмлю черезъ васъ пріятное для меня привѣтствіе, — а отъ Епископа Смоленскаго. Вы знали ли что объ этомъ прежде!“ „Нѣтъ былъ мой отвѣтъ; а если были въ Кіевѣ доселѣ какіе слухи, то это о назначеніи преосв. Антонія будто въ Полтаву. Но этимъ слухамъ, —

указывалъ поименно на двоихъ: высокопр. Исидора и высокопр. Арсения, бывшаго тогда Варшавскимъ Архіепископомъ, — но первый, говорилъ онъ, лучше для здѣшней паствы. Исполнилось же такъ, что и тотъ и другой были его преемниками, потому что первый пробылъ на Кіевской кафедрѣ только два года, а на его мѣсто непосредственно назначенъ былъ второй.

(1) Рѣчь эта напечатана въ Воскресн. Чтеніи 1858—59 г., стран. 403—404.

вырвалось у меня выраженіе, —мы потеряли уже вѣру“. Владыка съ самою протодушною полуулыбкою сказалъ: „Что же?.. а моимъ словамъ вѣру емлете?!“ Я, проникшись тутъ же какимъ-то чувствомъ ободренія и дерзновенія, отвѣчалъ: „Не только вѣру, но и дерзновенное желаніе имѣю, испросить у Вашего Высокопреосвященства позволеніе, немедленно же сообщить объ этомъ преосв. Антонію“. „Да! былъ отвѣтъ; я съ тѣмъ и высказалъ вамъ. Я думалъ отъ себя сообщить; но появленіе ваше облегчаетъ мой трудъ и нѣкотораго рода неудобство для меня. — Высочайшее утвержденіе должно послѣдовать только еще сегодня (31 Октября) ⁽¹⁾, но сообщенное мною вамъ для передачи несомнѣнно, какъ дѣло совершившагося“. „Не полагаю, продолжалъ высокопр. Филаретъ, чтобы это назначеніе заставляло его почувствовать что нибудь относительно мѣстности. Я знаю онъ уроженецъ не изъ южныхъ. Главное же для него здѣсь то, что Смоленскъ городъ—древній и святынный; потому переходъ предстоитъ ему отъ подобнаго къ подобному въ своей степени. — Въ замѣнъ же удрученнаго лѣтами старца-предмѣстника ⁽²⁾, его свѣжія силы особенно благопотребны для этой епархіи; а въ его дѣятельности благоуспѣшной и благоплодной я первый увѣренъ и впередъ соутѣшаюсь ему братственно. Такъ и напишите; я и самъ не иначе и не больше бы передалъ на письмѣ, если бы предстояла надобность писать, въ настоящій разъ миновавшая моихъ немощей, ему не безызвѣстныхъ“. Письмо, съ самымъ точнѣйшимъ изложеніемъ всего сейчасть сказаннаго, было послано мною къ преосв. Антонію на другой же день.

Впослѣдствіи, уже въ Смоленскѣ, при воспоминаніи объ этомъ времени и въ частности о сейчасть сказанномъ моемъ письмѣ, покойный влад. Антоній говорилъ: „Твоя вѣсть была дѣйствительно для меня тогда первая. Что же было особенно пріятно для меня, это, — что Владыка

⁽¹⁾ Высочайшее утвержденіе, дѣйствительно, послѣдовало 31-го Октября 1859 г. (Смотр. въ формулярномъ спискѣ).

⁽²⁾ Этотъ предмѣстникъ—былъ Архiep. Тимоеей, святительствовавшій въ Смоленскѣ 25 лѣтъ.

Филаретъ такъ вѣрно изобразилъ мое состояніе, какъ будто былъ у меня на душѣ. Я поспѣшилъ отписать ему, тогда же по этому поводу, со многими подробностями. — То правда, что я уроженецъ не въ южномъ краѣ, но *двадцать четыре года*, безъисходно проведенные мною въ Кіевѣ, со времени поступленія въ Академію въ 1835 г., сдѣлали свое дѣло. Съ другой стороны мнѣ было грустно разставаться и съ Михайловскимъ монастыремъ. Я только что привелъ къ концу устройство домової церкви и своихъ помѣщеній ⁽¹⁾ и началъ-было приступать къ нѣкоторымъ исправленіямъ въ главномъ Соборѣ, и, всего болѣе, желалось мнѣ обновить тотъ придѣлъ храма, гдѣ почиваютъ Св. Моуди Великомученицы Варвары. Однимъ словомъ—я не прочь былъ, чтобы, возможно подольше, пожить на викаріатствѣ“.

„Смоленскъ былъ, впрочемъ, для меня не безъизвѣстенъ, говорилъ преосв. Антоній. О самомъ Архіеписк. Тимоѳеѣ, какъ старцѣ и желавшемъ выйдти на покой, я зналъ еще прежде изъ писемъ его къ Владыкѣ Филарету. Но послѣдній, помню, отсовѣтовалъ ему тогда, водясь обыкновенными при этомъ разсужденіями при мысли объ отставкѣ: „Старость не радость, но и не наша вина; а думать о томъ, что изъ-за нея могутъ быть опущенія по дѣламъ, значить винить самую старость. На старости переходить на новое мѣсто это другое дѣло,— не статно; а оставаться неизмѣнно на своемъ, особенно долговременномъ, мѣстѣ служенія намъ и старикамъ нечего смущаться. Во всякомъ случаѣ упреждать волю Божию и Правительства намъ не должно; не бѣда, если пришлось бы дожить и до того, что будетъ предложено уволиться“. Преосв. Тимоѳей и дожилъ до этого послѣдняго. „Во всякомъ случаѣ оставалось думать, что дѣла

(1) Домъ для Викарія и при немъ особая Церковь были выстроены заново преосв. Аполлинаріемъ, и онъ, не устроивши еще всего до конца, поспѣшилъ перейти въ него на жилье. И какъ это было въ Октябрѣ мѣсяцѣ, то говорили, что и самая его болѣзнь—лихорадка получила особый злокачественный характеръ именно вслѣдствіе страшной сырости отъ непросохшаго еще новопостроеннаго каменнаго зданія.

при немъ не могли идти съ желаемою исправностію, и, слѣдовательно, мнѣ.—говорилъ преосв. Антоній,—нужно было готовиться къ трудамъ не малымъ“. Къ этому нужно присовокупить, что такъ какъ преосв. Тимоѳей Архіеп. Смоленскій уволенъ былъ на покой 16 Мая 1859 г. и назначеніе, на мѣсто его, преосв. Антонія послѣдовало чрезъ полгода (31 Октября), то, само собою, разумѣется, что такое продолжительное отсутствіе Епископа въ епархіи не могло обойтись безъ запущенности и запутанности въ дѣлахъ еперхіальнаго управленія. „Для преосв. Антонія,—какъ замѣтилъ авторъ статьи ⁽¹⁾,—зорко слѣдившаго за всѣми даже и мелкими событіями современной церковной жизни, такое промедленіе, въ назначеніи преемника преосв. Тимоѳею, не казалось простою случайностію“. „Изумительно для меня,—писалъ по этому случаю преосв. Антоній, уже послѣ назначенія своего на кафедру Смоленскую,—что за цѣль была бросить безъ архіерейскаго управленія Смоленскую паству на столь продолжительное время!..“ И сдѣлавшись Епископомъ Смоленскимъ (въ концѣ 1859 г.), преосв. Антоній, дѣйствительно, со всею энергіею принялся за благоустройство этой своей паствы ⁽²⁾.

„Кромѣ этихъ заочныхъ свѣдѣній о послѣднемъ состояніи Смоленской епархіи, говорилъ самъ же преосв. Антоній, мнѣ приводилось еще съ давнихъ поръ ознакомиться съ нею, во многихъ отношеніяхъ, при моемъ долговременномъ и самомъ близкомъ личномъ знакомствѣ съ предмѣстникомъ преосв. Тимоѳея—преосв. Іосифомъ. Послѣдній состоялъ на кафедрѣ Смоленской съ 1821 по 1834 г. За болѣзнію испросивъ себѣ увольненіе, онъ проживалъ остальную жизнь въ Кіево-Печерской Лаврѣ, гдѣ и скончался въ 1852 г. Проникнутый искреннимъ благочестіемъ и отличаясь особеннымъ простодушіемъ, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, свѣтлымъ умомъ и нѣкотораго рода остроуміемъ, преосв. Іосифъ какъ бы неволью привлекалъ

⁽¹⁾ Смotr. статью «Къ біографіи Антонія Архіеп. Казанскаго»—Церковн. Вѣстникъ № 48, Ноябрь 1883 г.

⁽²⁾ Тамъ же.

къ себѣ расположеніе всѣхъ. Я питалъ къ нему, еще со времени студентства, глубокую сыновнюю привязанность. Владыка Филаретъ и о. Геросхимонахъ Пароеній были къ нему съ полнѣйшимъ расположеніемъ. Первый любилъ слушать его разговоры, въ которыхъ отражалась мудрая остроумность, а въ послѣдней всеискреннѣйшая смиренномудренность.—На мой взглядъ и чувство въ немъ отобразалось, что-то и многое, сходственное съ св. Димитріемъ Ростовскимъ. Въ поученіяхъ его былъ видѣнъ духъ и характеръ послѣдняго же. Нѣкоторыя изъ его поученій, говоренныхъ къ Смоленской паствѣ, были начатаны въ Воскресномъ Читаніи; а прощальная его рѣчь можетъ считаться истинно образцовою. При знакомствѣ съ этимъ-то преосв. Іосифомъ, я и въ одиночныхъ съ нимъ бесѣдахъ слыхивалъ многія воспоминанія его о Смоленскѣ, и при его разговорахъ съ Владыкою Филаретомъ, любившимъ особенно вспоминать былое“.

„Наконецъ, когда уже получено было извѣстіе о назначеніи меня въ Смоленскъ, я тутъ-то проникся особенными воспоминаніями о преосв. Іосифѣ; да и то, что,—сказать правду,—прежде почти не приходило мнѣ на мысль, въ эту-то пору особенно живо представилось. Вѣдь преосв. Иринея (Фальковскій) тоже былъ, хотя и слишкомъ мало, на кафедрѣ Смоленской. откуда перепросился снова въ Кіевъ на прежнее викаріатство, съ званіемъ *Кoadъютора* Кіевской Митрополи, гдѣ и скончался въ 1823 г. (29 Апрѣля) и погребенъ въ Соборѣ Михайловскаго монастыря въ придѣлѣ св. Великомученицы Екатерины. Потому-то, совершивъ напутственныя мои моленія и прошенія предъ всѣми святынями Кіева и Лавры, я испросилъ себѣ напутствія и при мѣстахъ упокоенія: приснопамятнѣйшаго для меня Владыки Филарета и о. Геросхимонаха Пароенія, такъ и предмѣстниковъ моихъ по будущему моему Смоленскому служенію—преосвященныхъ Іосифа и Иринея“.

„Что же касается живыхъ, разстававшихся со мною и напутствовавшихъ меня, то я былъ столько увѣренъ въ ихъ истинныхъ чувствахъ и отношеніяхъ, сколько самъ желалъ, и могъ, и умѣлъ выразить свои къ нимъ,

особливо къ сослуживцамъ по Академіи“.—Воспоминатель говоритъ, что „предъ отъѣздомъ преосв. Антонія на Смоленскую паству, вся академическая корпорація разставалась съ нимъ, какъ бывшимъ начальникомъ и сослуживцемъ, оставлявшимъ навсегда о себѣ истинно добрыя и почтительныя воспоминанія“. Это доказалось и въ послѣдствіи, когда покойн. влад. Антоній ѣздилъ въ Кіевъ на юбилей Академіи. Потому и въ заключеніи своихъ воспоминаній о почившемъ уже влад. Антоніи отъ лица той же корпораціи онъ (воспоминатель) выразилъ: „Уповаемъ, что душа сего Архипастыря не лишена была, въ предсмертныя минуты, того высокаго утѣшенія, что онъ старался служить св. Церкви Божіей съ доброю вѣрою и чистою совѣстію,—и служилъ со всею искренностію такъ, какъ разумѣлъ по истинѣ свое служеніе по всѣмъ, лежавшимъ на немъ, служебнымъ обязанностямъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ“ (1).

Сказавъ о разставаньѣ преосв. Антонія собственно съ бывшими его сослуживцами по Академіи во все время его ректорства,—разставаньѣ, благопріятномъ и взаимно-утѣшительномъ, мы не можемъ, однако, не сказать о томъ, что чувствовалось преосв. Антонію по отношенію собственно къ состоянію самой Академіи, которое, естественно, опредѣлялось качествами лицъ, новопоставленныхъ тогда во главѣ ея управленія. „Да, Академія наша,—писалъ преосв. Антоній въ одномъ письмѣ),—въ полномъ кризисѣ... и, къ крайнему прискорбію, подобный кризисъ не обходится, уже и теперь, безъ нѣкоторыхъ очень неблагопріятныхъ послѣдствій. (Здѣсь, очевидно, разумѣлся фактъ прежде сказаннаго движенія въ средѣ студентовъ). И надобно же такъ перемѣнить начальниковъ заведенія, что вдругъ всѣ собраны съ разныхъ концовъ, не знающіе ни другъ друга, ни своихъ сослуживцевъ на новомъ мѣстѣ и—ничего... Душа моя болитъ при этомъ и крѣпко сѣтуетъ на преосвященнаго теперешняго Экзарха (Евсевія), что онъ обидѣлъ Академію. Богъ съ нимъ!“ И еще писалъ онъ: „крѣпко оби-

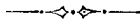
(1) Кіев. епарх. вѣдом. 1879 г. № 47.

дѣли нашу Академію въ послѣднее время,—обобрали, набросали сюда, кого пошало,—парализовали все... Богъ вѣсть, какъ она выйдетъ изъ этого положенія“ (1). Въ поясненіе словъ въ первомъ письмѣ о сѣтованіи преосв. Антонія на преосв. Евсевія—нужно сказать, что это сѣтованіе, едва ли, было справедливо во всей полнотѣ, а выходило, кажется, болѣе изъ однихъ предположеній. То правда, что преосв. Евсевій, временно управлявшій Кіевской Митрополіей, показалъ себя въ отношеніи къ академической корпораціи и къ самому Ректору—преосв. Антонію, видимо, не расположеннымъ. Это было замѣтно и со стороны и подтвердилось особенно тогда, когда преосв. Евсевій отправлялся изъ Подольска чрезъ Кіевъ на экзархатство (а на пути туда онъ долженъ былъ захватить предварительно въ Петербургъ);—здѣсь-то академическая корпорація, при послѣднихъ проходахъ его, показала съ своей стороны почти явную безучастность къ отъѣзжавшему, начиная съ самого преосв. Антонія, бывшаго тогда уже Викаріемъ, но управлявшаго и Академіей.—Сюда-то и должно отнести слова еще одного письма, въ которомъ преосв. Антоній писалъ такъ: „Но увы! съ новымъ саномъ я скоро долженъ буду оставить вовсе Академію. А мнѣ особенно больно разставаться съ нею, и я радъ бы за нее животъ положить... Къ сожалѣнію, преемникъ мнѣ кто будетъ, не извѣстно.—Но я боюсь, какъ бы не обошли у насъ *своихъ* достойныхъ и готовыхъ и не прислали кого со стороны. Безъ Владыки (бывшаго митр. Филарета) теперь постоять *за своихъ* некому... Но да будетъ во всемъ воля Божія“ (2). А такъ какъ это опасеніе преосв. Антонія дѣйствительно сбылось, т. е. *мѣстныхъ* достойныхъ и готовыхъ лицъ въ Академіи обошли, а собрали съ разныхъ сторонъ и набросали,—по его же выраженію,—сюда, кого пошало,—то преосв. Антоній первый приписывалъ это личнымъ дѣй-

(1) Смотр. ст.: «Къ біографіи Антонія Архіеп. Казанскаго» Церк. Вѣстникъ 1883 г. № 48, стр. 3.

(2) Письмо къ Анатолю Архіеп. Могилевскому, отъ 17 Марта 1858 г. Смотр. Церк. Вѣстникъ № 48—1883 г. стран. 4.

ствіямъ преосв. Евсевія, отправившагося непосредственно изъ Кіева въ Петербургъ... Впрочемъ, преосв. Антоній, когда уже состоялось самое назначеніе новыхъ Ректора и Инспектора въ Академію, не удерживался выражать свое сѣтованіе и на самого высокопр. Исидора на томъ именно основаніи, что въ Ректоры Академіи онъ, какъ бы, самъ предъизбралъ, бывшаго при немъ въ Тифлисѣ, Ректора Семинаріи А. Израіля, а кандидатомъ на инспекторство ему отрекомендовали лично же въ Петербургѣ, бывшаго въ тамошней Академіи, очень молодого и съ виду ловкаго, симпатичнаго Баккалавра Геромонаха Валеріана ⁽¹⁾. Это душевное соболѣзнованіе и сѣтованіе о судьбѣ Кіевской Академіи преосв. Антоній продолжалъ выражать и впослѣдствіи въ Смоленскѣ, доколѣ наконецъ исполнилось его завѣтное желаніе, чтобы не были обойдены *свои* достойные и готовые. Къ вящему его утѣшенію это совершилось очень скоро. Ректоръ Израиль и Инспекторъ Валеріанъ были уволены, и на мѣсто перваго опредѣленъ былъ о. Архимандритъ Іоаннскій, бывший Ректоромъ Кіевской Семинаріи, а на мѣсто втораго Баккалавръ Архим. Меодій, — воспитанникъ и постриженникъ преосв. Антонія; и хотя тотъ и другой прослужили тутъ не долго, за то опять назначены были *свои* же достойные и готовые — Ректоромъ Архим. Филаретъ, а Инспекторомъ Арх. Сильвестръ, которые оба были воспитанники и постриженники преосвященнаго же Антонія ⁽²⁾.

(1) Назначеніе это дѣйствительно состоялось въ бытность высокопр. Исидора въ Петербургѣ, куда онъ заѣзжалъ прежде прибытія своего въ Кіевъ.

(2) Ректоръ Архим. Филаретъ, впослѣдствіи, оставаясь и на ректорствѣ въ Академіи, былъ возведенъ въ санъ Епископа — втораго Викарія Кіевской Митрополи; потомъ былъ назначенъ въ епископы самостоятельные — въ Рижскую епархію, — гдѣ скоро и скончался. — Архим. Сильвестръ, бывший еще Инспекторомъ, возведенъ былъ на степень Доктора Богословія; потомъ опредѣленъ Ректоромъ этой же Академіи, — а наконецъ, не давно (во время уже печатанія нашего труда) возведенъ въ санъ Епископа — *третьяго* Викарія Кіевск. Митрополи, съ наименованіемъ — Епископомъ Каневскимъ, съ оставленіемъ, впрочемъ, на должности ректорской.

ОТДѢЛЪ III.

(1860—1866 г.)

ГЛАВА XI.

Вуть изъ Кіева въ Смоленскъ, рассказывалъ покойный владыка Антоній, я избралъ нѣсколько не прямой, именно—по такъ называемому Бѣлорусскому тракту ⁽¹⁾. Мнѣ непремѣнно хотѣлось побывать въ Могилевѣ, куда просили меня и тамошніе родные по матушкѣ, которыхъ я, однако, до той поры не знавалъ лично. Главный родственникъ тутъ былъ мой родной дядя,—родной братъ матушки, служившій Старшимъ Совѣтникомъ въ Могилевскомъ Губернскомъ Правленіи, Яковъ Григорьевичъ Несмѣловъ. Онъ учился въ Московской духовной Академіи въ самую пору ректорства Владыки Филарета, а въ Семинаріи до среднихъ классовъ обучался въ Уфѣ, гдѣ былъ Ректоромъ тотъ же Владыка Филаретъ. Какъ онъ интересовался свѣдѣніями о Влад. Филаретѣ за дальнѣйшую, особливо послѣднюю, его жизнь, такъ и я—о жизни его прежней; потому все разговоры, при личномъ съ нимъ свиданіи, особенно интересные, вращались на имени въ Бозѣ почившаго.—Въ Могилевѣ въ это время былъ Архіепископъ Анатолій, тоже глубокий почитатель Влад. Филарета; съ нимъ я былъ знакомъ по перепискѣ ⁽²⁾. Остановился-было я у своего дяди, но преосв. Анатолій перетянулъ меня къ себѣ. Онъ, по его искренней откровенности, особенно былъ радъ мнѣ, такъ какъ на душѣ

(1) Объ этомъ смотр. въ статьѣ «къ биографіи Антонія Архiep. Казанскаго». Церк. Вѣстн. 1883 г. № 48 стр. 3.

(2) Смотр. тамъ же пѣкорыя пропечатанныя письма преосв. Антонія къ Анатолію.

у него была уже рѣшимость непремѣнно испросить себя увольненіе на покой, что и исполнилось дѣйствительно въ томъ же 1860 г. Съ истиннымъ умиленіемъ я выслушивалъ его, глубоко умудренный опытомъ, — и духовнымъ и практическимъ. — разсужденія; весьма много воспользовался отъ него и свѣдѣніями о мѣстномъ краѣ, къ которому согранична и Смоленская епархія. Отъ Могилева до Смоленска разстояніе было только 150 верстъ. Отдохнувши и тѣлесно и душевно въ первомъ, я преспокойно и поспѣшно доѣхалъ до втораго. На пути приближенія къ Смоленску, мнѣ живо воспомнились слова высокопр. Филарета Московскаго, что я дѣйствительно изъ Кіева переселюсь сюда, какъ „отъ подобнаго къ подобному“. Древность Смоленска, его историческія судьбы, самыя его столпостѣны, и главная святыня его, столь извѣстная во всей Россіи, чудотворная Икона Божіей Матери. — все это такъ живо изобразительно представлялось мнѣ, что будь я, на этотъ разъ, расположенъ къ поэзіи, или къ ораторскому витійству, — я могъ бы сложить изъ всего этого вступительное слово, если бы не смотрѣлъ на подобнаго рода восхитительныя изображенія далеко иначе, по истинному понятію о каедрѣ церковной и пастырскомъ званіи и служеніи“ (1).

Дѣйствительно въ словѣ преосв. Антонія, при первомъ служеніи въ Смоленскѣ, только въ начальныхъ обращеніяхъ, съ преподаніемъ мира и благословенія паствѣ Смоленской, выражено было, между прочимъ, указаніе на древне-святынный Кіевъ, какъ Матерь Церквей русскихъ, и сказано, что „миръ и благословеніе эти — отъ св. горъ Кіевскихъ, отъ дому Пречистыя Богоматере, отъ чудотворныя Лавры Печерскія, отъ всѣхъ тамошнихъ преподобныхъ Отецъ и Чудотворцевъ, отъ цѣльбоносныхъ мощей Св. Великомученицы Варвары и отъ всѣхъ Святынь Кіевскихъ граду сему и всѣмъ градамъ и вѣсямъ паствы сего, и домамъ, и сердцамъ живущи, въ нихъ“. Затѣмъ все слово имѣло своимъ содержаніемъ

(1) Эти же мысли, почти буквально, были изложены въ письмѣ преосв. Антонія ко мнѣ — пишущему въ бытность мою на службѣ въ Томской Семинаріи.

изложеніе значенія высокаго пастырскаго служенія, обязанностей и взаимныхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми, долга и ревности къ содѣлыванію своего спасенія; въ концѣ же сдѣлано указаніе „на самое время благопріятное къ послѣдному. да не застигнетъ насъ всѣхъ не готовыми оный страшный день, который приводитъ намъ на память нынѣ св. Церковь“. Это указаніе было ко времени, потому что первое служеніе преосв. Антонія было 7-го Февраля, въ день воскресный предъ масленицею, когда воспоминается страшный судъ Христовъ.

Самый пріѣздъ и обычная встрѣча новоприбывшаго Архипастыря въ Соборѣ были 5-го Февраля, гдѣ была произнесена ему привѣтственная рѣчь бывшимъ тогда Ректоромъ Семинаріи Архимандритомъ М—емъ.—Рѣчь эта, за скорымъ перемѣщеніемъ говорившаго ее, не сохранилась; да, по сказанію слышавшихъ, не заключала въ себѣ ничего особеннаго.—Между тѣмъ у всѣхъ, разумѣется, преимущественно въ средѣ духовныхъ, напередъ уже чувствовались и ожидались большія перемѣны отъ дѣйствій и распоряженій новаго Архипастыря сравнительно съ прежними порядками.

Намъ пришлось быть въ Смоленскѣ въ послѣдніе уже два года святительства Преосвященнаго Антонія. Но узнать, болѣе или менѣе, все преждебывшее было совершенно не трудно. Нѣкоторыя данныя сами о себѣ давали разумѣть, что онѣ не давнія;—таковы наприм. разныя постройки и передѣлки въ архіерейскомъ домѣ. Въ другихъ сразу можно было увѣриться, что тутъ дѣйствоваль уже преосв. Антоній;—сюда относятся порядки въ совершеніи богослуженій, носившіе на себѣ явное сходство съ Кіевскими. Далѣе многое можно было видѣть какъ продолжающееся и улучшаемое въ послѣдніе годы. Съ тѣмъ вмѣстѣ преосв. Антоній, принявъ и поставивъ меня съ разу въ прежнія къ нему отношенія, любилъ при разныхъ случаяхъ рассказывать, что и какъ онъ засталъ, и что и когда имъ было сдѣлано. Прочее же все восполнялось изъ рассказовъ другихъ очевидцевъ,—особливо одного старожилы о. Архимандрита, бывшаго въ

свое время экономомъ архіерейскаго дома при предмѣстникѣ преосв. Антонія—архіеписк. Тимоѳѣ, святительствовавшемъ въ Смоленскѣ цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ. Онъ же хорошо зналъ и время епископства преосв. Юсифа. Его рассказы, поэтому, были живыми историческо-статистическими данными, и отличались простодушною откровенностію и живою изобразительностію въ силу его личной мѣткой наблюдательности (1). Въ этихъ разсказахъ хотя и видна своеобразность и, отчасти, несочувствіе къ пововведеніямъ преосв. Антонія, но и съ этой стороны они не теряютъ ни вѣрности, ни интересности; а даютъ даже особенный колоритъ бывшему въ дѣйствительности.

Наконецъ, какъ намъ самимъ привелось быть свидѣтелемъ-очевидцемъ всего, бывшаго при прощаніи преосв. Антонія съ Смоленскою паствою, по назначеніи его въ Казань, и какъ, при этомъ, съ рѣдкою искреннею открытостію, и такою же подробною полнотою, изображены были и въ рѣчахъ къ нему, и въ его словахъ къ другимъ, равно и въ самомъ его послѣднемъ церковномъ словѣ. всѣ черты и стороны его личнаго духа, характера, и всѣхъ дѣйствій, и отношеній пастырско-служебныхъ, — то мы не чувствуемъ недостатка въ данныхъ для возможно подробнаго повѣствованія о всей *семилѣтней* святительской жизни и служебной дѣятельности преосв. Антонія въ Смоленскѣ. Мало сего; не останавливаясь на этомъ, такъ сказать, рубежѣ, мы въ состояніи указать и на то, что изъ сдѣланнаго имъ устояло въ дальнѣйшее ближайшее время при преемникѣ его—преосв. Иоаннѣ. Указать же на это мы вызываемся, между прочимъ, тѣмъ, что преосв. Иоаннъ извѣстенъ со многихъ, въ полномъ смыслѣ, оригинальныхъ сторонъ, и въ не-

(1) Этотъ о. Архимандритъ былъ Членомъ Консисторіи и Благочиннымъ всѣхъ монастырей. При разрѣшеніи вопроса о свѣчныхъ церковныхъ доходахъ, какъ главнымъ источникомъ средствъ для улучшения дух. учебныхъ заведеній, онъ оказалъ весьма большую услугу преосв. Антонию, составивъ всѣ нужныя вычисления по свѣчной операци.—Преосв. Иоаннъ поручалъ ему даже обзоръ епархіи вмѣсто себя и избралъ его своимъ духовникомъ.

маломъ, должно сказать напередъ, представлялъ прямой контрастъ съ преосв. Антоніемъ.—Оставаясь при преосв. Іоаннѣ въ Смоленскѣ около года, по вступленіи его на паству, а затѣмъ перемѣстившись къ преосв. Антонію въ Казань, мы имѣли возможность изъ устъ обоихъ знать многое, что не такъ разумѣлось и передавалось, между прочимъ, даже и въ печати другими,—то въ пользу того, то другаго и, отчасти, въ томъ же духѣ и смыслѣ, образцы коихъ мы видимъ въ извѣстныхъ въ печати „Мелочахъ изъ архіерейской жизни“ (1).

Обращаясь къ времени, еще только ожидаемаго, прибытія преосв. Антонія въ Смоленскъ, мы живо припомнимъ разговоръ преждеуказаннаго старца-Архимандрита. „Да, батюшка мой, одно уже то, что онъ (преосв. Антоній) былъ Ректоръ Академіи, извѣстный сочинитель Догматики, Докторъ,—озадачило насъ такъ, что мы и разсуждать-то ничего не смѣли. Къ тому же въ Семинаріи нѣкоторые наставники знали его, учившись при немъ въ Академіи, и высказывали то и то..., что выходило совершенно вопреки тому, какъ мы привыкли видѣть въ лицѣ старца—владыки Тимофея. Однимъ только мы ободрялись и утѣнялись, что онъ, вѣдь,—родной племянникъ и ближайшій воспитанникъ Митроп. Филарета Кіевскаго; значить тоже благосердный и благочестивый. И самъ владыка Тимофей обнадеживалъ и успокаивалъ насъ въ этомъ, хотя ему-то самому первому, разумѣется заочно (2). пришлось почувствовать,—какъ, съ первыхъ же поръ, пошла ломка во всемъ, начиная съ помѣщеній и оканчивая всѣми прежними порядками въ архіерейскомъ домѣ. При этомъ особенно не было пощады деньгамъ,

(1) Въ послѣднихъ дѣйствительно помѣщены рассказы о преосв. Іоаннѣ въ Смоленскѣ и, какъ разъ, въ значеніи указаннаго нами контраста его дѣйствій и отношеній сравнительно съ преосв. Антоніемъ... (Соч. Лѣскова изд. 1878 г.).

(2) Архiep. Тимофей, уволившись на покой, избралъ себѣ мѣсто для жительства въ Ордынскоіи пустыни, гдѣ и скончался въ 1862 г., и тутъ же погребенъ. за оказавшеюся крайнею трудностію перевозки тѣла его въ Смоленскъ для погребенія въ устроенной при Каедр. Соборѣ усыпальницѣ для тамошнихъ святителей.

которыя, преосв. Тимоѳей, между тѣмъ, тщательно сберегалъ, не любивши никакихъ излишнихъ затѣй“.

Преосв. Антоній и самъ признавался, что какъ ни не приятно и досадно было ему увидѣть, по части помѣщеній и прочаго устройства, все въ устарѣвшемъ и запустѣвшемъ видѣ, но онъ былъ доволенъ, что денегъ скоплено было очень достаточно. Въ первомъ отношеніи помѣщеніе собственно архіерейское было таково, что, помимо всякой мысли о затѣяхъ, нужно было неотложно приступить къ возстановленію главнаго архіерейскаго корпуса. Послѣдній, при преосв. Тимоѳеѣ, былъ съ издавна оставленъ, такъ какъ преосв. Тимоѳей по старости затруднялся всходить по лѣстницамъ на второй этажъ. Для своего жилья имъ былъ избранъ деревянный флигель и тѣсноватый, и темный, по самому мѣсту нахождения его въ углу двора. — „Я ужасался, рассказывалъ самъ преосв. Антоній, что мнѣ придется волей-неволей прожить тутъ до той поры, пока можно будетъ успѣть отстроить, почти совершенно заново, главный корпусъ. Крайне меня беспокоило и то, что домовая церковь тоже была рядомъ съ какими-то кладовыми, темная, затхлая отъ сырости и плесени. Далѣе, самый дворъ, чрезъ который нужно было проходить для служенія въ теплый и холодный соборы, былъ буквально заваленъ навозомъ, такъ что лошади и экипажи, въ весеннюю и вообще дождливую пору, тонули, какъ на болотистомъ мѣстѣ“.

Въ первый же годъ, дѣйствительно, все это измѣнилось. вмѣстѣ съ отстройкою главнаго корпуса, возстановлена въ немъ въ новомъ красивомъ видѣ и домовая церковь во имя Св. Апостоловъ. Нижний же этажъ, который былъ обращенъ въ экономическія кладовыя, перестроенъ въ жилыя помѣщенія собственно для пѣвчихъ, для надзора за коими былъ опредѣленъ особый смотритель. Дворъ тоже очищенъ и, по срединѣ его, устроенъ былъ овальный скверъ съ сквознымъ мощенымъ проходомъ чрезъ него къ холодному собору. Къ теплому же собору возобновлена, крытая со всѣхъ сторонъ, галлерея. „За то всѣ эти ремонты и повытянули, говорилъ старецъ-Архимандритъ, едва ли не дотла всѣ, сбереженныя

дотолѣ. денежки; а что и осталось, то не долго же *за-лежалося*. Кромѣ сквера пошли и другія затѣи. *Рыжу* ⁽¹⁾ въбковую, чуть не всю, прорубили и прокопали уступами и дорожками; настроили бесѣдокъ. въ верхнемъ садикѣ развели цвѣтники и, наконецъ, устроили орапжерею... Словомъ, явилось все то, что теперь въ рѣдкость и у самыхъ баръ, развѣ осталось только у большихъ магнатовъ“.

Въ словахъ старца рисовалось все это, положимъ, по его личному взгляду; но устройство всего сказаннаго было въ дѣйствительности такъ. Самую *Рыжу* преосв. Антоній любилъ особенно, переименовавъ ее по своему въ *дебрь*. Прогулку въ ней по извилистымъ тропинкамъ, составлявшимъ постоянные переходы то внизъ, то вверхъ по значительнымъ крутизнамъ, онъ находилъ особенно полезною, какъ лучший моціонъ. Во всякое свободное время, даже и ненастное, рѣдко можно было не заставить его тамъ. Являвшіеся знакомые, а иногда и бывавшіе по дѣламъ, обыкновенно отправлялись туда же, хотя иногда очень не скоро можно было и отыскать тамъ преосв. Антонія при разнообразномъ направленіи, часто пересѣкаемыхъ, тропинокъ и при чащѣ лѣса. — Бывалъ тамъ и старецъ-Архимандритъ и говаривалъ, „что ходить тамъ все равно, что *играть въ кулюкушки*“. Для самого же преосв. Антонія, по его словамъ, вся эта мѣстность представляла въ миниатюрѣ нѣчто, похожее на нагорную мѣстность Кіево-Печерской Лавры, и въ частности ту, гдѣ расположены ближнія и дальнія пещеры, которыя ему были извѣстны, и вдоль и поперекъ, по всѣмъ направленіямъ и изгибамъ. А какъ эта самая *Рыжа* устроена была преосв. *Пароеніемъ* (епископствовавшимъ въ

(1) Название *Рыжи* мѣстное и трудно объясняемое филологически. По виду же мѣста и устройства она была не иное что, какъ, обсаженный большими деревьями, возвышенный крутой скатъ съ восточной и южной стороны, такъ называемаго, въпца, находящагося надъ Днѣпромъ, хотя и не вблизи его. Пространствомъ эта *Рыжа* была, по меньшей мѣрѣ, на треть версты въ длину; находилась она за оградой вокругъ дома, а внизу ея была другая ограда, отдѣлявшая архіерейскій дворъ отъ городской мѣстности, состоявшей изъ овраговъ.

Смоленскѣ съ 1761 по 1795 г.).—то одно это имя, еще болѣе живо, представляло ему сейчасъ сказанное сходство. О. Иеросхимонахъ Парѣеній имѣлъ свои келліи, находившіяся прямо надъ крутизнами Кіево-Лаврскими, по которымъ внизъ простиралась тоже лѣсная чаща. Любилъ также преосв. Антоній часто выѣзжать въ загородныя архіерейскія дачи, — „Новый дворъ“ и „Дресна“, гдѣ были устроены, хотя и плохенькія отъ обветшалости, помѣщенія и при нихъ домовыя церкви. Одну изъ этихъ дачъ онъ представлялъ себѣ въ родѣ *Голоснявой Пустыни*—любимаго лѣтняго пребыванія высокопр. Филарета, гдѣ и преосв. Антонію чаще всего приводилось бывать; а другую въ родѣ *Борцаговки*, составлявшей дачу Братскаго Кіевского Монастыря и нераздѣльно академическую. Самый Днѣпръ въ Смоленскѣ, хотя не идущій въ сравненіе съ Днѣпромъ „широкимъ и глубокимъ“ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ теченіемъ своимъ, уносилъ его думы и взоры въ тѣ же мѣста и воспоминанія о быломъ Кіевскомъ. Теченіе Днѣпра въ западную сторону видно было изъ оконъ кабинета, спальной и моленной преосв. Антонія, чисто какъ на ладони.

Вообще подѣ влияніемъ чувствованій и самыхъ живыхъ воспоминаній обо всемъ Кіевскомъ, на преосв. Антонія сильно дѣйствовало все, что только имѣло сходство съ Кіевскимъ, хотя бы и по одному названію. Съ своей стороны и онъ, въ чемъ и какъ только могъ, вносилъ во все подобное духъ, характеръ и отпечатокъ Кіевскій, а особливо все то, что относилось къ церковно-религіозной сторонѣ. Въ этомъ-то отношеніи имѣли для него особенную знаменательность два Соборныхъ Храма въ Смоленскѣ—холодный *Успенскій* и теплый *Богоявленскій*... Хотя эти Соборы, какъ говорилъ самъ преосв. Антоній, произвели на него съ перваго же раза сильное и пріятное впечатлѣніе своимъ видомъ, особливо первый своею величественностію ⁽¹⁾, какъ по громадности размѣ-

(1) Въ Историч. статистич. описаніи Смоленск. епархіи значится: «Успенскій Соборъ есть одинъ изъ самыхъ видныхъ храмовъ въ Россіи; высота его до креста 32 саж., длина 24 и ширина 19

ровъ, такъ и по самому характеру древности въ архитектурѣ и въ иконномъ росписаніи. но онъ даже проследился отъ умиленія собственно потому, что древній величественный соборъ своимъ наименованіемъ, такъ живо, отобразилъ ему *Великую, небеси подобную, Церковь Успенскую* въ Кіевской Лаврѣ, а Соборъ—теплый *Богоявленскій* напомнилъ ему Соборъ *этого же наименованія*, бывшій въ Кіево-братскомъ академическомъ Монастырѣ, гдѣ онъ былъ Настоятелемъ въ теченіи восьми лѣтъ ректорства въ Академіи.

Потому если прочіе мѣстные предметы, по внѣшнему совпаденію ихъ съ подобными Кіевскими, или даже по ассоціаціи. естественно, имѣли то или иное значеніе для преосв. Антонія, отражавшееся, явственно и для другихъ, въ образѣ и обстановкѣ его жизни, то, очевидно, всего болѣе и глубже имѣли это значеніе, сейчасъ сказанные. Соборы. Одно то, что эти соборы произвели на него, съ перваго же раза, столь глубокое впечатлѣніе и вызвали такія умилительныя чувствованія,—было уже свидѣтельствомъ, что это было не въ родѣ временнаго только порыва и не подъ вліяніемъ лишь одной живости воспоминаній о чемъ-то бывшемъ и прошедшемъ навсегда. Напротивъ, эти чувствованія, не скрываемаыя и отъ другихъ, были явнымъ предвѣстіемъ того, чего должно было ожидать отъ преосв. Антонія по части священнослуженій. Это, съ одной стороны,—возможное осуществленіе того духа, характера и образа, какіе столь глубоко и благоговѣйно восприняты имъ тамъ—въ *небеси подобной Церкви Кіево-Лаврской*, которую такъ живо отобразилъ для него Соборъ *Успенскій*, а съ другой стороны—его неустанное усердіе къ совершенію священнослуженій, и. нераздѣльно съ этимъ. то. какое вліяніе имѣли эти священнослуженія на религіозное чувство и состояніе пасомыхъ.

Чтобы читающіе могли составить сразу понятіе о томъ. въ какомъ значеніи и въ какой мѣрѣ оправдались

саяж.—Сравнительно съ Москов. Успенскимъ Соборомъ Смоленскій почти вдвое больше перваго.

указываемыя стороны, мы обратимся къ тому, что засвидѣтельствовано о священнослуженіяхъ преосв. Антонія. по преимуществу, въ двухъ главныхъ Соборахъ.— Вотъ что говорилъ объ этомъ предъ лицомъ самого преосв. Антонія въ прощальной рѣчи къ нему, бывший тогда, кафедральный Протоіерей П. І. Ждановъ:— „Не забудеть тебя Смоленскъ, горамъ коего ты принесъ въ лицѣ твоёмъ благословеніе горъ Кіевскихъ, не словомъ, а дѣломъ. Въ частности, не забудеть тебя Смоленскій кафедр. Соборъ, этотъ, столь любимый тобою, *Храмъ Успенія*. Особенно живо будетъ воспоминать онъ тебя во дни—Успенія, Одигитрій, Пятидесятницы, Воздвиженія и въ другіе великіе праздники. когда благолѣпнымъ чиномъ святительскаго своего служенія ты преображалъ его въ храмъ *небеси подобный*—въ святолѣнное святилище Кіево-печерское. — Не забудеть тебя и этотъ Соборъ *Богоявленскій*, обязанный тебѣ многимъ обновленіемъ. Этотъ храмъ, особенно, вспомнить тебя во дни св. Четырдесятницы и пречистыхъ Страстей Христовыхъ, когда ты своимъ неотложнымъ и неустаннымъ служеніемъ въ немъ и молитвами уподоблялъ его, можно сказать, *Саду Геосиманскому*,—также въ день Св. Пасхи, когда ты торжественностію священнослуженія своего сообщалъ ему свѣтлость и красоту *Іерусалимскаго храма Воскресенія*, а равно и въ прочіе праздники и дни, или лучше—во всѣ воскресные и праздничные дни, изъ коихъ ты не пропускалъ ни одного безъ священнослуженія, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда служилъ въ другихъ градскихъ храмахъ или отсутствовалъ“ (1).

Въ этихъ, хотя краткихъ, словахъ рѣчи, дѣйствительно вполнѣ вѣрно и характеристично выражены первыя двѣ главныя стороны и качества, какими отличались священнослуженія преосв. Антонія, и о которыхъ рѣчь будетъ еще впереди. Что же касается того, какое значеніе и вліяніе имѣли эти священнослуженія на присутствовавшихъ при нихъ, едва ли найдется кто изъ жителей Смоленска, которые могли бы не раздѣлять тѣхъ

(1) Рѣчь эта напечатана въ Смоленск. епарх. вѣдом. 1866 г.

чувствованій, какія засвидѣтельствованы были самимъ Начальникомъ губерніи ⁽¹⁾ въ слѣдующихъ, между прочимъ, словахъ, обращенныхъ къ преосв. Антонію при прощаніи: „Послѣ Вашихъ святыхъ словъ любви къ оставляемой Вами Смоленской паствѣ, выраженныхъ сегодня въ храмѣ, безсильны будутъ слова мои... Но для насъ всѣхъ одна неотъемлемая отрадная надежда, что Вы вѣрите всегдашней, неизмѣнной любви нашей къ Вамъ и тѣмъ благоговѣйнымъ чувствамъ, какія воспринимали мы всѣ въ сладостнѣйшіе умильтельнѣйшіе часы, столь частыхъ и столь благолѣпныхъ, священнослуженій Вашихъ въ св. нашихъ храмахъ“. „Да,—были при этомъ и другія слова:—вѣрите, Владыка святой, что и самыя стѣны сихъ храмовъ на долго-долго будутъ давать намъ живо ощущать то богатое вѣяніе, которое осѣняло и одушевляло сердца наши при Вашихъ священнослуженіяхъ, и которое чувствовалось всегда на столько, чтобы каждому, по мѣрѣ достоинства, приложить къ себѣ слова Псалмопѣвца: „*Возвеселихся о рекахъ моихъ мнѣ: въ домъ Господень поидемъ*“. Потщитесь же, Владыка, приумножить это богатое вѣяніе на насъ Вашимъ и заочнымъ моленіемъ о насъ предъ Престоломъ Господнимъ, дабы мы не опасались, что надъ нами можетъ сбыться тоже, что надъ жителями Царяграда по отшествіи отъ нихъ одного великаго Святителя. Какъ Цареградцы говорили во слѣдъ этого Святителя ⁽²⁾, что онъ вмѣстѣ съ собою унесъ отъ нихъ самое исповѣданіе Св. Троицы, такъ и намъ чтобы не привелось сказать,—что Вы вмѣстѣ съ собою унесли наши чувства, молитвы и усердіе къ храмамъ Божіимъ“.

Что чувствовалъ и сознавалъ самъ преосв. Антоній, когда видѣлъ столь несомнѣнное, примѣрное усердіе своихъ пасомыхъ,—касательно этого мы приведемъ прежде всего собственныя его слова, въ которыхъ выразилась

(1) Начальникомъ Смоленской губерніи, во все почти время епископства преосв. Антонія, былъ Дѣйств. Стат. Сов. Николай Петровичъ Бороздна, отличавшійся, дѣйствительно, глубокою религиозностію и усердіемъ къ церковнымъ Богослуженіямъ.

(2) Очевидно, это указаніе на Св. Григорія Богослова.

вся его задушевность, при послѣднемъ прощаніи съ своею паствою, по преимуществу, съ разсматриваемой стороны.— „Если я, по мѣрѣ силъ моихъ, глубоко чувствовалъ и чувствую теперь и навсегда истинную живую духовную связь Пастыря съ своею паствою, то, возлюбленные мои, здѣсь предъ лицомъ Алтаря Господня, *спослушавшій мнѣ совѣсти*, могу свидѣтельствовать о себѣ и о васъ, что эта связь скрѣпилась и соединила насъ не разрывными узами о Господѣ. По истинѣ вы всѣ стали мнѣ родные, — вы мнѣ отцы, вы мнѣ братья и сестры, вы мнѣ всѣ чада о Господѣ... И эта связь, если въ чемъ имѣла особенную силу, и давала чувствовать всю вашу искреннѣйшую привязанность ко мнѣ, и самого меня влекла и столь крѣпко привязала къ вамъ, — то именно въ томъ, въ чемъ душа моя находила источникъ всегда духовной святой радости. Это-то благочестивое и ревностное усердіе ваше, съ какимъ стекались вы всегда на Божественныя службы, мною совершаемыя, любили молиться вмѣстѣ со мною неустанно и, при такихъ служеніяхъ, которыя иногда были особенно продолжительны, а для иныхъ, быть можетъ, и утомительны по слабости силъ. Но вы не ограничивались этимъ только; вы, и выходя изъ храмовъ, слѣдовали за мною, любили окружать меня, желая общенія со мною; — и я, если не устранился сего общенія ни въ своемъ, ни въ вашихъ домахъ, то опять въ силу той же живой духовной связи между Пастыремъ и пасомыми, дабы дать каждому посильное, или назиданіе, или утѣшеніе, и вообще удовлетвореніе по потребности души его“ (1).

Дѣйствительно, выслушавши эти слова, въ которыхъ, вмѣстѣ съ задушевностію, выражается столь глубокой и истинно святительской взглядъ на значеніе священнослуженій въ дѣлѣ живаго духовно-благодатнаго общенія между Пастыремъ и пасомыми. — только и можно вѣрно понять и, безпристрастно, оцѣнить всѣ тѣ стороны и качества, до частнѣйшихъ особенностей, которыя всегда

(1) Это прощальное слово преосв. Антонія было напечатано въ Смоленскихъ епарх. Вѣдомостяхъ въ Декабрѣ 1866 г.

видѣлись и чувствовались при священнослуженіяхъ преосв. Антонія и производили на всѣхъ столь назидательное и умилительное дѣйствіе.

Такъ, выходя изъ этого именно взгляда и обращаясь къ той, особенно выдававшейся сторонѣ въ священнослуженіи, преосв. Антонія, что онъ съ первыхъ же поръ ввелъ въ немъ многое по подобію Кіево-Лаврскому, — всякій пойметъ, что это нововведеніе не было въ родѣ только внѣшнихъ показныхъ особенностей, или личнаго подражанія, которыя бывають, какъ говорится иногда ни къ мѣсту, ни къ лицу. Напротивъ, если, какъ сказано въ приведенныхъ прежде словахъ рѣчи преосв. Антоній „святолѣпнымъ чиномъ святительскаго своего служенія преобразалъ и самый храмъ *въ небеси подобное* святилище Кіево-Печерское, — то очевидно, какое значеніе имѣли здѣсь и всѣ указываемые Кіево-Печерскіе церковно-служебные порядки. Въ самомъ дѣлѣ, когда извѣстно, какъ для всего Православнаго Русскаго народа, и заочно по одному чутью, представляется и чувствуется вся благолѣпность чина и образа Кіево-Лаврскаго служенія, — а съ другой стороны, когда несомнѣнно, что самъ преосв. Антоній, еще со студенчества своего, на столько былъ проникнутъ и пропитанъ духомъ и характеромъ Кіево-Лаврскаго Богослуженія, что, по чувству особеннаго благоговѣнія и ревности, составилъ и издалъ, впоследствии, описаніе знаменательныхъ великихъ дней сего Богослуженія. — то, что естественнѣе и соотвѣтственнѣе, могло быть, когда въ его служеніяхъ дѣйствительно отражались сколько внѣшнія особенности по подобію Кіево-Лаврскому, столько же внутреннее личное его настроеніе. Въ этомъ отношеніи, большее или меньшее, отсутствіе подобныхъ особенностей скорѣе бы служило въ обличеніе ему самому и въ ущербъ значенія самыхъ священнослуженій. И на самомъ дѣлѣ, если гдѣ, то въ Смоленскѣ, служенія преосв. Антонія отличались указываемыми особенностями. — Въ этомъ отношеніи преосв. Антоній даже поступилъ такъ, что, соотвѣтственно извѣстнымъ днямъ, перѣдко прочитывалъ и самъ изложенное въ описаніи Кіевскаго Богослуженія, какъ особенно ус-

лаждавшее и настраивавшее его душу.—Равно и въ самыхъ храмахъ онъ особенно восторгался,—что видимо было и со стороны,—когда Богослуженіе шло возможно соотвѣтственно чину и образу Кіево-Лаврскому. Мало сего, послѣ каждаго подобнаго служенія, когда обыкновенно собирались у него во множествѣ посѣтители, онъ считалъ первымъ дѣломъ завести разговоръ непремѣнно о томъ, что видѣлось и чувствовалось, бывало, имъ самимъ въ Кіевѣ при подобныхъ праздничныхъ служеніяхъ, и старался какъ бы перелить въ души всѣхъ свои чувства. Не довольствуясь разказами, онъ тутъ же раздавалъ и самыя брошюры сказаннаго описанія, которыя сотнями были у него всегда въ запасѣ. Передавая ихъ не только лично присутствующимъ, но и для раздачи другимъ, онъ приговаривалъ: „На-те, если не вѣрите мнѣ въ чемъ, прочитайте внимательно и увидите сами и, дастъ Богъ, восчувствуете“.—Если же случался кто изъ бывавшихъ лично въ Кіевѣ, то преосв. Антоній непремѣнно вызывалъ его на разговоры объ этомъ же, не стѣняясь высказываться прямо, что „и Смоленское служеніе не во многомъ уступить Кіевскому“.

Для характеристики подобныхъ разговоровъ приведемъ одинъ изъ нихъ, бывший лично со мною. Спустя нѣсколько времени по прибытіи моемъ въ Смоленскъ (въ 1865 г.), когда мнѣ привелось, впрочемъ, быть уже не разъ въ сослуженіи съ преосв. Антоніемъ, онъ повелъ однажды такую рѣчь: „ты не былъ въ Кіевѣ со времени выѣзда послѣ окончанія академическаго курса?“ Да,—былъ мой отвѣтъ. „А чтожь, поди, и забылъ уже о Кіевскомъ-то Богослуженіи... Ну, такъ вотъ, посмотришь хорошенько, увидишь и у насъ, въ Смоленскѣ, нѣчто и многое по тамошнему Кіевскому... Во всякомъ случаѣ я самъ, хотя столько же времени, какъ и ты, не бывалъ въ Кіевѣ, но могу смѣло сказать, что почти все Кіевское вижу и чувствую и здѣсь. И радуюсь, не нарадуюсь, какъ это все сразу привилось здѣсь. На этотъ разъ Владыка Московскій—Филаретъ былъ истинно провидцемъ, когда,—помнишь его слова, тебѣ же лично высказанныя имъ для сообщенія мнѣ,—сказалъ, что я изъ

Кіева въ Смоленскъ перемѣщусь, какъ *отъ подобнаго къ подобному*. Этого подобнаго я нахожу здѣсь даже столько, что, по извѣстному изреченію, „видѣніе наче слуха и наче чаянія“. Сказать по правдѣ, я и о себѣ-то не чаялъ, что буду въ состояніи на столько имѣть и времени и силъ, чтобы сподобляться такъ часто служить, имѣя въ виду множество дѣлъ, довольно запущенныхъ по епархіи ⁽¹⁾, и, съ другой стороны, представляя то, что не привелось бы возносить священнодѣйственныя моленія, какъ бы въ обличеніе своей святительской совѣсти, при видѣ отсутствія пасомыхъ;—а теперь боюсь, чтобы и временнымъ какимъ либо отступленіемъ отъ заведеннаго порядка Богослуженій не нарушить примѣрнаго усердія другихъ. Теперь, послѣ шестилѣтняго почти моего служенія здѣсь, мнѣ кажется, что у жителей города составился особенный церковный календарь. Мнѣ даже иногда прямо напередъ говорятъ: „а что, В. П—ство,—вы несомнѣнно будете служить тогда-то и тогда!; вы, вѣдь, служили въ эти дни въ прежніе годы неупустительно. Съ подобными же докладами обращались ко мнѣ и ключарь и регентъ. Признаюсь, что это, между прочимъ, и было поводомъ къ тому, что, въ начавшихся издаваться Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, я позволилъ печатать въ отдѣлѣ „Епархіальная Хроника“ перечень моихъ служеній за каждый прошедшій мѣсяць, по которому теперь и самъ, подъ часъ, соображаю, когда и гдѣ предстоить мнѣ служеніе. Мало этого—ключарь и регентъ даже, напоминали мнѣ своими вопросами, что и какъ было прежде, по части пѣнія и тѣхъ или иныхъ дѣйствій, по примѣру Кіевскому; да и многіе изъ лицъ мірскихъ знали это напередъ и, видимо, ждали и желали того же“.

Въ подтвержденіе этихъ словъ преосв. Антонія приводилось слышать рассказы и другихъ со многими дополненіями. Такъ, извѣстный старецъ-Архимандритъ го-

(1) О запущенности дѣлъ, по причинѣ самой долговременности незамѣщенія Смоленской кафедръ, указано было уже прежде, гдѣ приведены были подлинныя слова преосв. Антонія изъ одного письма его по этому предмету.

варивалъ обыкновенно: „ну, батюшка мой, ужъ если въ чемъ святой долгъ правды требуетъ отдать всю истинно святительскую честь нашему Владыкѣ,—то именно въ его усердіи къ служенію. Я,—грѣшный, сначала подумывалъ, что этотъ жаръ усердія только на первыхъ порахъ. и небось, пройдетъ со временемъ, да и сами-то горожане не выдержатъ, чтобы бывать такъ часто и въ такомъ множествѣ на всѣхъ службахъ архіерейскихъ; но не тутъ-то было... Нашъ Смоленскъ теперь и узнать нельзя сравнительно съ тѣмъ, что было прежде. Самые бары и даже барыни, которыхъ, бывало, когда-когда увидишь въ Соборѣ, теперь какъ бы наперерывъ, являются какъ къ обѣднямъ, такъ и ко всенощнымъ. Всенощныхъ-то архіерейскихъ прежде почти никогда и не бывало, а теперь, напротивъ, рѣдкій и небольшой праздникъ проходить, чтобы не было литіи и величанія, на которыхъ всегда самъ Владыка. О большихъ же праздникахъ и высказать трудно, особливо, когда въ нихъ вошло, съ первыхъ же поръ, многое по Кіевскому и Лаврскому. И не смотря на то, что эти всенощныя иногда продолжаются не только три, четыре часа, но и болѣе, всё, какъ говорится, не шелохнется до самаго окончанія и, даже во множествѣ, провожаютъ Владыку чуть не до самыхъ покоевъ,—стараясь на перерывъ принять его благословіе. Такъ же точно, хотя Владыка никогда не любитъ замедлять приходомъ въ Соборъ ⁽¹⁾, по народу уже полнымъ-полно всегда, и

(1) Незамедлительность и аккуратность въ соблюденіи опредѣленнаго времени прибытія къ Богослуженію у преосв. Антонія были примѣрнѣйшія, хотя бы приводилось ему служить въ какой либо церкви на весьма значительномъ разстояніи. Потому-то онъ въ Казани, зная, что бывше при немъ викарные поступали иначе, не стѣснялся высказываться предъ ними о неумѣстности такихъ порядковъ. Однажды, въ полунутку, сказалъ преосв. Іоанну: «у васъ благовѣсть къ обѣднѣ продолжается иногда чуть не до часу времени... А что если сосчитать, сколько ударовъ долженъ сдѣлать бѣднѣй звонарь въ это время?!.. Полагая по 40—50 ударовъ въ минуту, выйдетъ вѣдь, болѣе 2500!!! Нужно же пожалѣть и самаго звонаря, да и самый-то колоколь... а, наконецъ, и тѣхъ самыхъ, которые имѣютъ усердіе являться въ храмъ при первыхъ звукахъ благовѣста.

множество стараются стоять еще на пути его. хотя бы онъ шель и безъ такъ называемой славы. Однимъ словомъ. кто бывалъ въ Кіевѣ, всѣ въ однѣмъ голосѣ твердятъ, что все это чисто по Кіевскому. по Митрополичьему“.

Въ справедливости какъ этихъ. такъ и другихъ разсказовъ, не трудно было увѣриться и безъ особенной наблюдательности. Главною и замѣчательною чертою преосв. Антонія въ этомъ отношеніи было то, что онъ оставался неизмѣнно вѣрнымъ однажды принятому порядку и образу отправленія Богослуженій. Сюда должно отнести, едва ли не безпримѣрное, усердіе его совершать Богослуженіе на столько часто, что можно вѣрнымъ счетомъ опредѣлить число дней его служенія равняющимся цѣлой. если не болѣе, трети года, не включая чтенія акаѳиста. которое онъ совершалъ самъ же неопустительно въ каждый вторникъ предъ Чудотворною Иконою Божіей Матери, именуемой Оциптріи, съ употребленіемъ при этомъ пѣнія Кіево-Лаврскаго. Что же касается прежде приведенныхъ словъ рѣчи, что преосв. Антоній „своимъ неотложнымъ и неустаннымъ служеніемъ и молитвами въ одномъ изъ Соборовъ (Богоявленскомъ тепломъ), уподоблялъ этотъ Соборъ, можно сказать, саду Геосиманскому“,—то это происходило именно такъ: преосв. Антоній во всю первую седмицу поста читалъ въ Соборѣ самъ великій канонъ. и былъ тамъ же на всѣхъ службахъ. Затѣмъ, въ теченіи всего поста, въ Соборѣ же совершалъ самъ всѣ Преждеосвященныя Литургіи; наконецъ съ пятницы шестой недѣли до самаго Свѣтлаго Воскресенія, изо дня въ день, совершалъ онъ всѣ службы, при томъ съ неопустительнѣйшею точностію всего, положеннаго по уставу, какъ въ чтеніи, такъ и въ пѣніи.—А такъ какъ онъ прибылъ въ Смоленскъ къ самому началу великаго поста и. въ первый же годъ, выполнилъ все сказанное отправленіе службъ всей св. Четырдесятницы, —то, это самое сколько произвело на всѣхъ особеннѣйшее впечатлѣніе. столько же вызвало и тѣ опасенія, о коихъ высказывалъ старецъ-Архимандритъ, что такой порывъ усердія проявился, быть можетъ, на первыхъ только порахъ, а со временемъ пройдетъ... Между тѣмъ, это постоянно,

неизмѣнно выполнялось. Кстати замѣтить, что совершеніе всѣхъ Преждеосвященныхъ Литургій было у преосв. Антонія своего рода обѣтомъ, или, какъ намъ было извѣстно изъ собственныхъ словъ его, унаслѣдовано имъ отъ дяди—высокопр. Митрополита Филарета. Послѣдній же, дѣйствительно, съ самаго времени принятія епископства, поставилъ себѣ, въ значеніи обѣта, правиломъ во весь великій постъ служить въ каждую среду и пятокъ. — что и было означено имъ, въ свое время, въ его собственныхъ запискахъ, и исполняемо было въ послѣдствіи до конца жизни.

Продолжительность служеній преосв. Антонія, собственно всенощныхъ, зависѣла, естественно, отъ строгаго и точнаго выполненія всей церковной уставности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ того, что въ большинствѣ праздничныхъ службъ многое совершалось по подобію Кіево-Лаврскому. Сюда входили нѣкоторыя обрядовыя дѣйствія, а главнѣе всего, напѣвы Кіево-Лаврскіе, отличающіеся, какъ извѣстно, особенною протяженностію. Таковы напр. напѣвы самыхъ начальныхъ псалмовъ: „*Благослови, душе моя, Господи*“, и „*Блаженъ мужъ*“, или „*Господи помилуй*“—простое и тройное. Сюда же нужно отнести и то, что всѣ стихиры всегда были пѣты по числу уставному, хотя бы, и съ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же, равно какъ и каѳизмы вычитывались сполна до іоты.

Впрочемъ, продолжительность описываемыхъ служеній вовсе не представлялась какою либо тягучею медлительностію, и не была утомительна для предстоявшихъ въ храмѣ. Слова старца-Архимандрита, что народъ, не смотря на продолженіе всенощныхъ три-четыре часа, какъ говорится, не шелохнется до самаго окончанія, совершенно справедливы. Правда, нѣкоторые заводили-было рѣчь съ самимъ преосв. Антоніемъ, что, по крайней мѣрѣ, чтеніе каѳизмъ можно бы было сокращать; но преосв. Антоній на это никакъ не соглашался. Онъ говорилъ, что Богослуженіе, по духу и значенію своему, не есть мѣсто и время для однѣхъ только молитвенныхъ чувствованій, но и для подвига духовнаго и тѣлеснаго. Съ дру-

гой стороны. говорилъ онъ, — начини сокращать канѣзы, откроется потребность, тоже, по видимому, благословная, ради немощей молящихся, сокращать и пѣніе стихирь и чтеніе канонѣвъ. А уставать, расположенные къ этому. все-таки будутъ и найдутъ свои резоны. Мнѣ наоборотъ кажется, — и это вѣрно, — говариваль онъ, что утомительность и даже невольная разсѣянность въ молящихся скорѣе происходитъ тогда, когда для нихъ самихъ становятся явными пропуски въ чинопослѣдованіи, или когда чтеніе перебивается на половинѣ напр. псалма или стихирьы пѣніемъ, или эктеніею, или когда бываетъ замѣтна явная ускоренность въ служеніи чуть не въ перегонки... При всемъ подобномъ для самихъ молящихся становится очевиднымъ, что сами-то совершители Богослуженія, какъ бы первые, чувствуютъ утомленіе и подають собою примѣръ для другихъ, потому что такъ и рвутся и мечутся, какъ бы только скорѣе отдѣлаться отъ службы. Бывали при подобныхъ разговорахъ и тѣ общеходячія возраженія, что чтеніе во первыхъ не слышно на всю церковь, и во вторыхъ — славянскій текстъ читаемаго и поемаго во многомъ недоступенъ къ уразумѣнію присутствующихъ по незнакомству ихъ съ славянскимъ языкомъ. — „Что же? отвѣчалъ преосв. Антоній на послѣднее возраженіе. — кто виновать, что вы, какъ сами свидѣльствуете о себѣ, не знакомы съ славянскимъ языкомъ. тогда какъ можете говорить по французски, или по нѣмецки“. — При первомъ же возраженіи говариваль: „не бѣда, что и не всякое чтеніе и даже пѣніе въ церкви можно отчетливо выслушивать. — это физически невозможно при большемъ пространствѣ; — нужно знать только, что именно читають или поють стихирьы ли. пареміи, каноны; и, по самому значенію праздничнаго дня, воспроизводить самыя истины вѣры въ общемъ домостроительствѣ спасенія, какія соотвѣтствуютъ самому празднеству. Известно, что и въ театрахъ, — во 1-хъ не всѣ слова, на сценѣ произносимыя, явственно слышимы для всѣхъ; во 2-хъ бываютъ піесы и не на очень знакомомъ языкѣ, и, наконецъ, есть піесы пантоминныя — чисто нѣмыя. *безсловесныя*, — по возраженій, въ

смыслъ протестовъ, противъ чего либо подобнаго, кажется. не слышно... Значить, есть возможность и неслышимое, или непонимаемое, восполнять изъ того, что видится въ дѣйствіяхъ по общему содержанию и значенію самой пѣсы“.

Вообще за чиноположенія и уставы церковные преосв. Антоній стоялъ крѣпко и до ревности. Знаемъ же устава церковно-служебнаго, какъ по его содержанию, такъ и выполненію, не исключая даже напр. всѣхъ напѣвовъ церковно-обиходныхъ, преосв. Антоній обладалъ въ совершенствѣ, и, при томъ, не по книжному формальному только составу, но по догматическо-нравственному и духовному аскетическому значенію самаго содержанія. Поэтому-то онъ такъ свято читалъ и ревностно соблюдалъ самъ, и охранялъ возможную точность выполнения его другими. Самыя, такъ называемыя *Марковы*, главы, въ коихъ содержатся возможныя частности и случайности совпаденія и распредѣленія разныхъ службъ церковныхъ, онъ зналъ даже на память, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, раскрывалъ самыя основанія того или другаго распредѣленія службъ по этимъ главамъ. По этому, бывало, предъ какими либо празднествами онъ непремѣнно старался не только самъ прослѣдить, указанное въ уставѣ, распредѣленіе всей службы, но въ устраненіе недоумѣній и, могущихъ быть, сбивчивостей на клиросахъ, приглашалъ и ключаря и регента для предварительнаго разъясненія всего порядка. При этомъ онъ дѣлалъ указанія даже и на то, что и гдѣ можно оставить, какъ не нарушающее полноты и цѣльности смысла и содержанія праздничной службы.—Когда (въ 1866 г.) Благовѣщеніе случилось въ Великій Пятокъ, и, по недостатку въ самомъ уставѣ прямыхъ указаній по части нѣкоторыхъ Богослужебныхъ дѣйствій, при такомъ совпаденіи двухъ разнородныхъ службъ, возникли затрудненія со стороны даже считавшихся за знатоковъ устава, преосв. Антоній заблаговременно собственноручно изложилъ на такой случай полное и подробное чинопослѣдованіе, съ указаніемъ даже того, когда переменять самыя облаченія черныя на свѣтлыя и обратно, и распорядился заблаговременно же напечатать

это изложеніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, предписавъ, чтобы оно было выполнено всюду неизмѣнно (1).

Такое знаніе церковнаго устава и самую радѣтельность объ его выполненіи можно было видѣть въ лицѣ преосв. Антонія не при самомъ только отправленіи церковныхъ службъ. Онъ любилъ заводить рѣчь о подобныхъ предметахъ при разныхъ случаяхъ, особливо въ кругу, собиравшихся у него послѣ литургій, лицъ сослужащихъ, вызывая всякаго на соразсужденіе. Болѣе другихъ вызывался на это тотъ же старецъ-Архимандритъ, слышій за особеннаго знатока устава и толковника самыхъ „*Марковскихъ*“ главъ. Но, оказывалось, и этотъ не во многомъ выдерживалъ свою компетентность. За то онъ и заочно титуловалъ преосв. Антонія всегда не иначе, какъ *Докторомъ* по части устава, дивясь-не-надивясь такому основательному его знанію, какъ архіерея, при томъ такого еще молодаго и великоученаго... Это выходило, по его убѣжденію, рѣдкость изъ рѣдкостей въ наши времена. „Не въ обиду будь сказано, говорилъ онъ, я вѣдь видѣлъ на своемъ вѣку многихъ ученыхъ нынѣшнихъ архимандритовъ, напр. здѣшнихъ ректоровъ и инспекторовъ Семинаріи, которые тоже все готовились къ архіерейству, и многіе изъ нихъ, по достоинству, сдѣлались архіереями; но, бывало, и не зашкайся о чемъ либо поговорить по части церковной уставности. Ректоры были всегда и настоятелями Монастыря, но службы-то отправлялись всегда по семинарски... Только и было заботы, чтобы больше выходило по партесу, дабы привлечь баровъ и барынь въ свою церковь. Теперь вотъ, только при Владыкѣ этомъ, стало уже слышно другое—похожее на монастырское служеніе, хотя, когда Владыка заводитъ теперь рѣчь объ уставности, тутъ-то оказывается, что больно-больно не много докумекують отцы-ученые архимандриты“.

Чтобы понять, отъ чего и какъ пріобрѣлъ преосв. Антоній такія практическія познанія по части церковно-

(1) Это же самое было сдѣлано преосв. Антошемъ и въ Кавказѣ, когда Благовѣщеніе было въ Венгій же Пятюкъ.

служебнаго устава, довольно только знать, на что вѣрно указать одинъ изъ воспоминателей о преосв. Антоніи въ бытность его въ Казани ⁽¹⁾, а именно: „преосв. Антоній не только въ своей моленной при отправленіи ежедневныхъ служеній въ домовоі церквѣ, но и въ Соборѣ всегда имѣлъ предъ собою на аналоѣ всѣ надлежащія церковно-служебныя книги ⁽²⁾, мншею, октоихъ или тріодъ и даже псаитирь, и по нимъ все, что читалось и пѣлось, прочитывалъ до буквы самъ про себя. Это дѣлалъ онъ, какъ и самъ высказывалъ, собственно для поддержанія молитвенно-духовнаго настроенія“ ⁽³⁾.

Къ слову о духовно-молитвенномъ настроеніи преосв. Антонія, при совершеніи имъ священнослуженій, нельзя не указать на нѣкоторыя особенныя черты и стороны. Это во первыхъ то, что разсматриваемое настроеніе его было явственно и чувствовалось для всѣхъ, хотя, въ тоже время, онъ самъ менѣе всего давалъ разумѣть это о себѣ. При совершеніи имъ священнослуженій ни въ пропозношеніи, ни въ дѣйствіяхъ и движеніяхъ, словомъ во всемъ держаніи себя, нельзя было подмѣтить и тѣни разсчитанности на что либо показное. Если же явственно выступали въ немъ самыя глубочайше-благоговѣйныя чувствованія, то и тутъ ни въ одной чертѣ и выраженіи лица не проявлялось у него ничего въ родѣ порывовъ

(1) Смотр. Душенолезное Чтеніе 1880 г. Апрѣль, стр. 487.

(2) Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ онъ бралъ съ собою даже и въ дорогу, когда ѣздилъ по обзорѣнну епархіи.

(3) Изъ прочитываемаго въ богослужебныхъ книгахъ преосв. Антоній большею частію,—какъ заплодивно извѣстно пишущему,—извлекалъ полное содержаніе для своихъ проповѣдей, которыя онъ излагалъ на бумагѣ непосредственно послѣ всенощной службы. Если же не успѣвалъ это сдѣлать отъ усталости съ одного прѣема, то доканчивалъ уже послѣ утренняго правила къ служенію. Случалось, говаривалъ онъ, что написанной проповѣди онъ не успѣвалъ и разу прочитать, потому что приводилось оканчивать даже въ ту минуту, когда начинался уже благовѣсть къ литургіи. Послѣднее, дѣйствительно, не трудно было видѣть какъ по свѣжести чернилъ и бѣглости почерка въ письмѣ, такъ и потому, что онъ, чтобы не сбѣяться въ теченіи мыслей и рѣчи, водилъ даже пальцемъ подѣ строками, когда говорить проповѣдь.

особеннаго умиленія или воспаренія духа. Онъ былъ весь—лицетвореніе сосредоточенности и только.—Крестныя знаменія, поклоненія, воздѣванія рукъ, скорѣе можно было бы считать какъ бы за ускоренныя, но и это все въ дѣйствительности было естественно и къ нему, какъ нельзя болѣе, шло, судя по его структурѣ и живости во всѣхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ обыкновенныхъ. Въ минуты только, по причащеніи Св. Таинъ, нельзя было не видѣть особеннаго проявленія въ лицѣ его въ видѣ тонкаго, какъ бы сквозящаго, румянца и свѣтлости въ глазахъ... Это все на столько дѣйствовало и на другихъ сослужащихъ и отражалось въ самой обстановкѣ священнослуженій, что, дѣйствительно, какъ выражено въ рѣчи каедр. прот. Жданова, „самые храмы въ его присутствіи преображались и самые дни священнослуженій становились, хотя бы обыкновенные воскресные, какими-то свѣтло-празднественными для всѣхъ“. Потому-то быть въ сослуженіи съ преосв. Антоніемъ составляло духовную отраду.—„Владыка нашъ Антоній, говаривалъ старецъ-Архимандритъ, какъ будто и родился съ тѣмъ, чтобы быть ему святителемъ и служить; я,— грѣха таить нечего,—тяжеловатъ на службу, а при немъ какъ будто окривляешься; взглянешь ли на него, помотришь ли на всѣхъ сослужащихъ и на все, такъ и чувствуешь, что это какая-то живая духовная гармонія, гдѣ именно можно сказать словами Апостола,—*„вся по чину и благообразно бывають*; все какъ въ струнку и съ тѣмъ вмѣстѣ такъ свободно, братственно, задушевно“.

Всѣ эти стороны и качества въ церковно-служебныхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ преосв. Антонія, само собою ближе всего, были извѣстны между Соборянами. Потому въ прощальныхъ своихъ рѣчахъ каедр. Протоіерей и Ключарь не находили какъ бы словъ для выраженія своихъ чувствованій въ этомъ родѣ и смыслѣ. „Уже по самому мѣсту.—говорилъ между прочимъ первый изъ нихъ,—служенія нашего мы были къ тебѣ ближе всѣхъ. Съ тобою каждый разъ молились, на глазахъ твоихъ всегда читали, пѣли..., потому союзъ нашъ съ съ тобою былъ тѣснѣе, живѣе, ощутительнѣе. тѣмъ ко-

го либо. Всюмной же въ молитвахъ твоихъ о насъ, въ частности, о насъ, Соборянахъ, какъ ближайшихъ и всегдашнихъ твоихъ послушникахъ“.

Излагая здѣсь подробно все, касающееся служебно-церковной дѣятельности преосв. Антонія, мы напередъ должны сказать, что она такую же была и въ Казани. насколько соответствовали этому условія мѣста и времени. Этому живые свидѣтели—жители Казани. Преосв. Антоній, вводя многое по части Богослуженія въ Казани, что было заведено имъ въ Смоленскѣ, даже какъ бы забывалъ уже, что это было Кіевское, а, за частую, приводилъ въ примѣръ, что и какъ бывало у него собственно въ Смоленскѣ. При этомъ, однако, онъ не скрывалъ, что въ Смоленскѣ условія были гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ Казани. Эти условія, съ одной стороны, были историческія и мѣстныя. Онѣ заключались въ духѣ мѣстнаго древле-православнаго населенія г. Смоленска и всей епархіи.—Далѣе, сравнивая Казань и Смоленскъ, преосв. Антоній говаривалъ: „да, много значило въ Смоленскѣ самое то, что Соборы и архіерейскій при нихъ домъ находились въ самомъ центрѣ города; при небольшомъ пространствѣ послѣдняго, естественно, удобно было всѣмъ усердствующимъ возможно часто являться и къ архіерейскимъ служеніямъ. Къ тому же тамъ въ Соборахъ находилась и главная святыня—Чудотворная Смоленская Икона Божіей Матери. Съ другой стороны,—на что указывалъ преосв. Антоній, не въ обиду Казанскихъ Соборянъ, личный составъ соборнаго штата въ Смоленскѣ былъ въ его время наилучшій, отличавшійся усердіемъ и аккуратностію, а также и самымъ подборомъ голосовъ съ отличнымъ знаніемъ и вкусомъ въ пѣніи. Отъ этого всякое отправленіе Богослуженія архіерейскаго, имѣвшее всегда видъ и характеръ благолѣпія и торжественности, естественно, привлекало и вліяло на всѣхъ и cadaго, хотя бы и съ изысканнымъ вкусомъ. Преосв. Антоній и въ Смоленскѣ не стѣснялся, бывало, самъ высказывать свои чувства и отзывы въ похвалу совершавшагося при немъ соборнаго служенія. А какъ онъ любилъ приравнивать все, возможное въ этомъ отноше-

ни. къ Кіево-Лаврскому, то говариваль, что Смоленское соборное служеніе развѣ въ маломъ чемъ уступитъ послѣднему. При такомъ уподобленіи онъ видѣль особое и для себя самого значеніе въ составѣ и личномъ состояніи сослужащихъ, а именно:—такъ какъ три старшихъ протоіерея и два діакона были вдовые, слѣд. какъ бы монашествующіе, и какъ къ служенію обыкновенно приглашались еще архимандриты (въ большіе праздники—трое) и іеромонахи изъ братіи архіерейскаго дома, то преосв. Антоній представляль себя въ такой средѣ не только архіереемъ, но и священноархимандритомъ. Подъ вліяніемъ этихъ-то чувствованій онъ обращался иногда къ вдовымъ протоіереямъ: „а что, отцы и братія?!.. Цвѣтныя-то камилавки не лучше ли бы перемѣнить на иныя: вотъ тогда ужъ бы нашъ Смоленскій Успенскій Соборъ былъ по-истинѣ подобенъ Успенскому Кіево-Лаврскому“⁽¹⁾.

Такимъ образомъ, разсматриваемая сторона церковно-служебной дѣятельности преосв. Антонія сколько была особенно свойственна его личному религіозно-духовному настроенію и съ тѣмъ вмѣстѣ отражала духъ и характеръ Кіево-Печерскій, столько же нашла вполне соответственную и воспріимчивую среду для себя въ Смоленской паствѣ. Въ сердцахъ пасомыхъ сложилось несомнѣнное убѣжденіе, даже вѣрованіе въ него, какъ естаго святителя, усерднѣйшаго служителя Церкви, ревнителя св. ея уставовъ и преданій, любителя благолѣпія и молитвенника-подвижника, словомъ—такого святителя, о которомъ выражено было о. кафедральнымъ Протоіереемъ въ прощальной рѣчи: „мы теперь чувствуемъ и по-

(1) Эти благожеланія преосв. Антонія сбылись, какъ бы пророчественныя. О. кафедральный Протоіерей *П. І. Ждановъ* приняль монашество еще въ Смоленскѣ съ именемъ *Іоанна*; былъ затѣмъ Викаріемъ въ Казани при преосв. ле Антоніи, наконецъ Викаріемъ ле въ Клевѣ,—гдѣ и скончался. О. ключарь. Протоіерей *І. Е. Юшеновъ* тоже поступилъ въ Настоятели Смоленскаго-Троицкаго монастыря съ именемъ *Иларіона* и съ возведеніемъ въ санъ Архимандрита; затѣмъ назначенъ Намѣстникомъ Кіево-Печерской Лавры.—Теперь же (съ Апрѣля 1884 г.) возведенъ въ санъ Епископа съ званіемъ Викарія Полтавской губернии, съ титуломъ *Прилуцкаго*.

знаемъ, что мы жили подь руководствомъ и молились не просто съ Предстоятелемъ и Архипастыремъ, но именно съ ангеломъ Смоленской Церкви. Потому Епископъ Антоній, гдѣ бы впоследствии онъ ни былъ, и въ памяти сердечной и въ преданіи народномъ и въ описаніяхъ навсегда останется первѣе всего Епископомъ Смоленскимъ и Дорогобужскимъ; и всѣ, а мы духовные твои сослужители тѣмъ паче, пребудемъ съ тобою въ общеніи молитвенномъ, въ единеніи духа и союзѣ любви, *никогдаже отпадающаи*. Къ сему будетъ призывать всѣхъ, твоихъ пасомыхъ, самыя даже стѣны храмовъ не сихъ только Смоленскихъ, но и всѣхъ, такъ какъ ты во всѣхъ пребывалъ и въ градахъ и весяхъ, и въ самой большей части ихъ или священнодѣйствовалъ, или присутствовалъ при Богослуженіяхъ, даже и во время трудныхъ твоихъ путешествій, когда только была пора или вечерни, или утрени, или литургіи, поучая этимъ твоимъ примѣромъ всѣхъ и каждаго, а тѣмъ паче священнослужителей, неотложному и неустанному исполненію своего долга и, съ тѣмъ вмѣстѣ, руководя ихъ въ самомъ выполненіи службъ во всей полнотѣ и точности устава. Пребудетъ вѣдомо и незабвенно для всѣхъ и то, что и какъ совершалъ ты и въ домахъ, въ коихъ останавливался на ночлеги;—это твои келейныя молитвенныя правила, выполняемыя съ самою строгою послушническою неопустительностію въ духѣ и образѣ подвижническомъ. Да, теперь, когда ты отходишь отъ насъ, мы еще болѣе чувствуемъ и познаемъ, что мы жили подь руководствомъ и молились не просто съ Предстоятелемъ и Архипастыремъ, но именно съ ангеломъ Смоленской Церкви, который теперь за недостойнство, быть можетъ, наше вземется отъ насъ въ иную страну, дабы свѣтлѣе и пространнѣе свѣтился свѣтъ его предъ челоуѣки“.

Отъ чего зависѣла такая повсюдная общеизвѣстность, а съ другой стороны, въ чемъ и какъ выражалась самая благовлятельность дѣйствій и отношеній преосв. Антонія въ средѣ всей Смоленской паствы, для отвѣта на это нужно знать.—до какой степени простиралъ свою ревность преосв. Антоній по части обозрѣнія всей епархіи.

Въ этомъ отношеніи мы опять, вмѣсто собственнаго изложенія, воспользуемся тою же прощальною рѣчью, гдѣ, послѣ вышеприведенныхъ словъ, говорившій продолжалъ слѣдующее.

„Такъ, преосвященнѣйшій Владыка, ты по истинѣ былъ отецъ нашъ для всѣхъ и во всемъ.—и никто, никто не забудетъ тебя въ твоей Смоленской частвѣ. *Семь лѣтъ* только ты пребывалъ съ нами; но кто не скажетъ, что ты оставляешь въ сердцахъ всѣхъ неизмѣнную священную память о тебѣ. Ибо что были всѣ эти *семь лѣтъ*, какъ не дни твоего *творенія*, обновленія, возвышенія, — словомъ преобразованія всѣхъ насъ. И главное. — ты творилъ и совершалъ все это въ духѣ полнѣйшей отеческой любви и ангельской кротости. И мы всѣ, наконецъ, до того привыкли къ этому, — скажу небесному, — образу твоихъ дѣйствій и отношеній, что мы почти перестали думать о себѣ, что мы, подчиненные тебѣ, потому что такъ возлюбили тебя, или правильнѣе — ты своею ангельскою и христородажательною любовію къ намъ и кротостію привелъ насъ къ такому состоянію и вложилъ и вѣдрилъ въ насъ такія чувствованія. Потому-то, не только не забудутъ тебя Смоленскія чада твои, но не престанутъ и всегда благословлять тебя въ сердцахъ своихъ, живо и наглядно воспоминаая всѣ тѣ пути и стези твои, гдѣ только ты совершалъ неустанныя шествія твои, — а гдѣ ты ихъ не совершалъ?!. Да, не взирая ни на какія препятствія и едва преодолимыя трудности, ты достигалъ самыхъ отдаленныхъ, самыхъ глухихъ, и едва проходимыхъ мѣстъ, пространной области Смоленской, по коимъ до тебя еще ни одинъ изъ святителей не ходилъ, но кои только ты лично и неоднократно извѣдалъ и обозрѣлъ. Но и это не все... ты же, при путешествіяхъ своихъ, достигалъ и туда, куда, и при всей близости и легкости, едва ли кто подобный тебѣ думалъ бы и заглянуть; а ты не думою, не выраженіемъ желанія только, но самымъ дѣломъ достигалъ туда: — въ убогія и едва обитаемыя хижины столь же убогихъ и бѣдныхъ вдовиць-сиротъ; гдѣ вкушалъ даже скудную ихъ трапезу и претворялъ такимъ образомъ и самый черствый хлѣбъ въ мяг-

кій, и горькую, — конечно отъ слезъ ихъ, — воду превращаль въ сладкую, удѣляя, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ ихъ утѣшеніе не скудныя твои лепты. Да, отецъ нашъ, всѣ и всѣ не забудутъ тебя, — даже и тѣ крестьянскія дѣти, коихъ ты своею доступностію и ласковостію до того привлекъ и расположилъ къ себѣ, что, — какъ и самъ ты вѣдаешь, — онѣ не только не скрывались, но предвстрѣчали тебя, вездѣ преслѣдовали путь твой, гнались за тобою и горько плакали, когда, почему либо, не удавалось кому приблизиться къ тебѣ, или прочитатъ предъ тобою своихъ молитвъ и за то получить изъ рукъ твоихъ книжку, или крестикъ, или иконку. И нужно ли говорить, что эти чувства и эта память, вмѣстѣ съ ихъ дальнѣйшимъ возрастомъ, когда они и сами будутъ отцами и матерями, перейдетъ къ ихъ дѣтямъ и въ дальнѣйшіе роды“.

Нечего и говорить, что все, высказанное въ этихъ словахъ рѣчи, было такъ въ дѣйствительности; точнѣе же сказать, все это снято прямо съ природы; такъ какъ говорившій рѣчь былъ безотлучнымъ спутникомъ преосв. Антонія при всѣхъ его поѣздкахъ по епархіи. При томъ о. каедр. Протоіерей (говорившій рѣчь), былъ старожилъ по службѣ и даже уроженецъ Смоленской епархіи; слѣдовательно онъ болѣе всякаго могъ знать съ-издавна духъ и состояніе мѣстной паствы, и, стало быть, опредѣлить и оцѣнить значеніе и вліяніе всего бывшаго на мѣстахъ посѣщеній и дѣйствій преосв. Антонія при поѣздкахъ его по епархіи. Потому содержаніе его рѣчи можно справедливо признать, въ извѣстной степени, историческо-статистическимъ. — Но, съ другой стороны, въ приведенныхъ словахъ рѣчи, очевидно, представлены лишь однѣ краткія указанія въ видѣ голыхъ одиночныхъ фактовъ изъ разсматриваемой дѣятельности преосв. Антонія; между тѣмъ, при оцѣнкѣ всего подобнаго, особенно важно то, какіе имѣлись здѣсь мотивы и цѣли въ значеніи практическомъ, собственно въ общемъ ходѣ и образѣ епархіальнаго управленія паствою, и насколько все это дѣйствительно соотвѣтствовало потребностямъ паствы и благопріятствовало прямымъ успѣхамъ ея благосостоянія.

На эти послѣднія требованія и запросы мы имѣемъ въ виду представить удовлетворительныя данныя, въ связи съ другими многими, епархіальными дѣйствіями преосв. Антонія, для коихъ и отдѣляемъ особую послѣдующую главу. Въ настоящій же разъ мы остановимся на тѣхъ, въ частности, данныхъ, относительно которыхъ, еще въ свое время, были нѣкоторые взгляды и сужденія не совсѣмъ въ пользу личныхъ дѣйствій преосв. Антонія. Эти послѣднія касались, какъ тѣхъ же самыхъ поѣздокъ преосв. Антонія по епархіи, такъ и его распоряженій по нѣкоторымъ церковно-служебнымъ предметамъ. Представить здѣсь эти сужденія, хотя бы въ видѣ эпизода, тѣмъ болѣе уместно, что во 1-хъ въ нихъ указываются нѣкоторыя характеристическія черты самого преосв. Антонія и образъ его дѣйствій во время поѣздокъ; во 2-хъ характеризуются отношенія къ нему, нѣкоторыхъ высшихъ лицъ изъ Іерархіи, съ ихъ взглядами на его дѣятельность. а, наконецъ, тутъ же обнаруживается и степень устойчивости самого преосв. Антонія въ своемъ характерѣ и образѣ дѣйствій.

ГЛАВА XII.

Ванныя. о которыхъ предлежитъ теперь рѣчь, относятся къ тому времени, когда, только что, кончилось управленіе преосв. Антонія Смоленскою паствою, и когда, слѣдовательно, самыя свѣдѣнія объ нихъ исходили подь особенно живыми воспоминаніями и, такъ сказать, не остывшими еще впечатлѣніями сообщавшихъ ихъ лицъ. Послѣднихъ мы напередъ назовемъ по имени: это во первыхъ тотъ-же, не разъ упоминавшійся старецъ-Архимандритъ, далѣе высокопреосвященный Арсеній, Митрополитъ Кіевскій, и, наконецъ, высокопреосвященный Филаретъ, Митрополитъ Московскій; между ними же и преосв. Іоаннъ, какъ преемникъ преосв. Антонія и самъ составлявшій, въ лицѣ своемъ, живой предметъ нѣкоторыхъ изъ этихъ свѣдѣній.

„Вотъ тебѣ и на, батюшка мой!! Только-что успѣли, быть можетъ, многіе прочитатъ въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ напечатанное о проходахъ Владыки Антонія, гдѣ, помните, въ рѣчи о. кафедральнаго Протоіерея Павла Іоновича, такъ живо и трогательно изображены были всѣ путешествія Владыки по епархіи, — какъ вдругъ теперь узнаютъ, что новый-то Владыка Іоаннъ все подобное, какъ говорится, по-боку“... Такъ началъ свой рассказъ, однажды, старецъ-Архимандритъ. „Я это узналъ сегодня въ Консисторіи, что онъ самъ не находитъ пужнымъ дѣлать личныя обзорнія епархіи, и, какъ видно, однажды навсегда... И на нынѣшнее лѣто, къ моему удивленію и горю, хочетъ возложить на меня обзорніе нѣкоторыхъ уѣздовъ, для чего приготовлены уже имъ, говорятъ, особыя инструкции и формы самыя

подробныя. Ну ужъ не знай, что-то я съумѣю и успѣю въ этомъ дѣлѣ, особливо послѣ того, что велось. бывало, преосв. Антоніемъ; при чемъ, само собою, такъ много значило самое личное его и наблюденіе и вліяніе. Тѣмъ болѣе, что я смогу сдѣлать тамъ, гдѣ дѣло касается самыхъ прихожанъ въ отношеніяхъ ихъ къ причтамъ и проч. Владыка-то Антоній, извѣстно, какъ поставилъ это дѣло; ему самому-то чуть въ пору было управиться при разныхъ положеніяхъ и отношеніяхъ причтовъ и прихожанъ.— Не даромъ, особенно въ первые годы, послѣ каждой поѣздки по епархіи, Владыка Антоній дѣлалъ такую перетасовку въ духовенствѣ, что, бывало, гужомъ перемѣщались священники одинъ на мѣсто другаго. Незнай-незнай, что-то будетъ моей старой головушкѣ, и чѣмъ-то я удовлетворю Владыку Иоанна“...

По окончаніи командировки о. Архимандритъ не замедилъ, съ обычною словоохотливостью, пуститься въ разные подробные рассказы о своихъ впечатлѣніяхъ, по поводу сужденій о новомъ порядкѣ обозрѣнія епархіи. слышанныхъ имъ среди духовенства, вставляя, по мѣстамъ, и свои личныя сужденія объ этомъ предметѣ.— „Что и толковать, — говорилъ онъ, поѣздки бывшаго Владыки Антонія, дѣйствительно, были вообще, по трудамъ его и вліянію, истинно святительскія. Что выражено въ рѣчи Павла Ионовича, такъ все и было въ дѣйствительности. Вотъ при моихъ поѣздкахъ, по обозрѣнію церквей, гдѣ только заводимы были разговоры, всѣ въ одинъ голосъ твердятъ объ этомъ. Относительно же отказа теперешняго Владыки дѣлать личныя обозрѣнія что-то вездѣ недоумѣваютъ: „почему и для чего это такъ и, тѣмъ болѣе, съ перваго раза навсегда“. Эдакъ, говорятъ, пожалуй, и въ лицо повидать Владыку не придется никогда... а бывало за радость и счастье считали видѣть и принимать Владыку Антонія вездѣ и всѣ. Только вотъ что, говорили многие, у владыки Антонія карета-то была ужъ больно уемистая, какъ есть *митрополитская*... (1).

(1) Названіе кареты *митрополитскою* здѣсь имѣетъ и буквальный смыслъ. Она, дѣйствительно, досталась преосв. Антонию послѣ

Пока увидятъ самого Владыку, а между тѣмъ начнутъ вылезать изъ кареты одинъ, другой, третій, да сзади соскочитъ четвертый, и спереди слезетъ еще одинъ, — тутъ-то матушки-попадейки и руками, бывало, развести не знаютъ какъ, — особливо, когда прїѣздъ случался къ вечеру, къ ночлегу. Домъ-то у пнаго священника обь одной только, приличной для приѣма, комнаткѣ, которая не больше самой кареты: тутъ-то куда кого дѣнешь, да и гдѣ чего наберешь для постелей?! Просто, бѣднушки, онѣ, когда и рассказывали про это, то обомлѣвали, какъ будто снова было предъ глазами у нихъ тоже“. — По рассказамъ другихъ семействъ духовныхъ, у коихъ прїѣздъ Владыки приходился къ обѣду, тоже и столованья-то доставались съ сокомъ. При Владыкѣ, извѣстно, и въ скоромные дни нельзя было приготовить, даже для не монашествующихъ, мясную пищу, а все одно рыбное. А рыбку-то приводилось добывать, въ иныхъ мѣстахъ, изъ-за десятковъ версть... Къ тому же все знали, какой ѣдокъ-то самъ Владыка, — лизнетъ только того да другаго, — а, между тѣмъ, любилъ, чтобы больше было наготовлено разныхъ кушаньевъ. Гдѣ же и каково было какой-нибудь матушкѣ справить и то, и другое, и третье, особенно, когда кромѣ чугуна, горшка и сковороды и изъ посуды-то ничего нѣтъ, а достать негдѣ, да и печка не позволяетъ ставить многого. Счастливы и радешеньки были тѣ, каторыя были въ селахъ помѣщичьихъ, гдѣ можно было и посуду достать и повара пригласить, или же, что бывало не рѣдко, помѣщики сами желали принять у себя Владыку, — а духовнымъ приходилось угощать только свиту. Бывали случаи и такіе, что духовенство, чуть не изъ всего какого-нибудь благочинническаго округа, само предназначало какое-нибудь мѣсто и, тамъ сообщая, устраивало обѣдъ для Владыки; это дѣло обходилось безъ семейныхъ стѣсненій, хотя и не безъ хлопотъ, и не безъ значительныхъ расходовъ. При самомъ выѣздѣ Владыки Антонія по епархіи дѣлались иногда

высокопр. Филарета; въ ней онъ прїѣхалъ изъ Кіева въ Смоленскъ, и затѣмъ въ ней же отправился и въ Казань. Она была старинная Вѣнской конструкции.

тоже проводы. Верстахъ въ 7—10-ти отъ города на избранномъ красивомъ мѣстѣ устроилась палатка, и въ ней происходили провожальныя угощенія, на которыя ѣзжали, бывало, и семинарскіе архимандриты и я. Все это выходило хорошо, пріятно, да какъ-то все же въ какую-то диковинку для всѣхъ. Благо, что самъ Владыка, дѣйствительно, умѣлъ чувствовать и цѣнить это; а мы-то, сказать правду, только *захребетничали*, и чувствовали одно, — что пили, да ѣли даровое. Подъ часъ, бывало, право-же какъ-то совѣстно; а отказать нельзя. Владыка смотрѣлъ на подобныя уклоненія не ловко и готовъ былъ какъ-бы обижаться, видя въ этомъ необщительность и какъ бы внутреннюю между духовными разъединенность. Извѣстно также, какъ Владыка Антоній не любилъ, когда замѣчалъ, что кто-нибудь изъ служащихъ и другихъ лицъ не заходилъ къ нему послѣ обѣдни, особливо когда былъ приготовленъ завтракъ или обѣдъ. О послѣднихъ вы сами знаете по опыту; только уже все это, года съ два, стало рѣже и уменьшеннѣе. Начиная же съ первыхъ поръ, подобныя столованья были чисто по Лаврскому—по митрополичьему. Благо, что тогда были экономическія деньги въ достаточномъ запасѣ. Затѣмъ дѣло дошло до того, что нужно было назначить особую ревизію, такъ какъ оказалось довольно счетовъ изъ разныхъ лавокъ не оплаченными. Конечно самъ-то Владыка Антоній тутъ не былъ виноватъ, а мастерили тутъ его приставники-келейные, которые, послѣ каждаго параднаго угощенія, оставляли себѣ не менѣе гостей... Съ этой стороны злоупотребленій, и говорить нечего, было много. То ли, бывало, дѣло, какъ преосв. Тимоѳей, велить отсчитать на мѣсяць себѣ по рублю ассигнаціями на день, — и все тутъ; небось и келейнику-то не на что было облизнуться“.

„Впрочемъ, говорилъ о. Архимандритъ, видно было, что иные сообщали не факты, а высказывали лишь свои взгляды и сужденія, имѣя въ виду, что при повомъ Преосвященномъ ничего этого не стало... Видна, отчасти, была при этомъ лезть и мнѣ, какъ довѣренному отъ лица Преосвященнаго. Вообще же сказать, какъ легко и ско-

ро отмѣнили новый влад. Іоаннъ порядки Антоніевскіе, такъ же точно другимъ могутъ быть отмѣнены Іоанновскіе.—Такія перемѣны не въ диковинку, едва ли не во всѣхъ епархіяхъ. А судить объ нихъ не нашему брату, — *шелудивымъ*“ (1).

Замѣчательно, однако, что, сейчасъ изложенные, факты сколько ни были частными и мѣстно-личными, еще въ свое же время, какъ мы уже сказали, не оставались не невѣдомыми и вдали отъ предѣловъ Смоленской епархіи, и, — что важнѣе, — интересовали собою лицъ высокоавторитетныхъ. — Мы должны указать здѣсь на Перво-святителя Кіевскаго высокопр. Арсенія.

Въ первый же годъ епископства преосв. Іоанна въ Смоленскѣ (1867 г.) мнѣ привелось провести время въ Іюль и Августъ въ Кіевѣ для собиранія матеріаловъ по біографіи высокопр. Филарета. Высокопр. Митрополитъ Арсеній, при одномъ домашнемъ со мною разговорѣ, спросилъ: „а что, — новый вашъ преосв. Іоаннъ ѣздилъ ли по епархіи подобно преосв. Антонію?“ Послѣ отвѣта отрицательнаго и указанія на то, что вмѣсто себя, онъ командировалъ N; высокопр. Арсеній, улыбнувшись, сказалъ: „да въ этомъ и напередъ можно было быть увѣреннымъ. Я знаю ихъ обоихъ хорошо, и могу сказать, что если нужно было бы подобрать на заказъ противоположность между личностями, то трудно бы отыскать болѣе той, — какая между ними. — Я не безъ основанія и спросилъ васъ о поѣздкѣ по епархіи. Впрочемъ, что преосв. Іоаннъ поступилъ такъ въ самый первый годъ, — это своего рода крайность. Если когда, то на первыхъ порахъ, въ годъ, въ два, нужно лично ознакомиться съ епархіею. Но что преосв. Антоній каждый годъ не опускалъ поѣздокъ и, такимъ образомъ, перебывалъ въ разныхъ мѣстахъ въ большинствѣ по нѣскольку разовъ, это тоже крайность. А, какъ извѣстно, что онъ за долго напередъ сообщалъ весь свой маршрутъ, то еще болѣе трудно опредѣлить значе-

(1) Этотъ терминъ былъ, между прочимъ, излюбленнымъ у старца-Архимандрита; онъ употреблялъ его, бывало, и предъ Владыкою Антоніемъ, который хотя и морщился при этомъ неприглядномъ словечкѣ, но не дѣлалъ замѣчанія.

ніе и цѣль учащательныхъ его поѣздокъ. Это скорѣе прогулка, при которой напередъ знаютъ, гдѣ, когда и какъ принять жданнаго гостя... Говорю это не къ этому одному случаю; мнѣ думается даже, что скоро-скоро въ самомъ Министерствѣ Финансовъ поднимется вопросъ касательно, отпускаемыхъ на этотъ предметъ, казенныхъ денегъ. Тогда-то и придется для этого отыскивать новыя средства свои—епархіальные, которыхъ и безъ того не хватаетъ. Во всякомъ случаѣ тогда уже нечего и думать о тѣхъ обѣдахъ и проводахъ, какіе полюбилъ, какъ извѣстно, преосв. Антоній.—Впрочемъ, тамъ теперь—въ Казани, навѣрное, не встрѣтитъ онъ такихъ комфортавъ при поѣздкахъ между татарами, черемисами и прочими инородцами, а также и раскольниками; тогда какъ если гдѣ, то тамъ-то, дѣйствительно, и нужна такая энергія и всевозможная общительность, которыми онъ былъ извѣстенъ по Смоленской епархіи. Что же касается, указываемой мною, противоположности между преосв. Іоанномъ и Антоніемъ, то я ручаюсь, что опредѣляю ее совершенно вѣрно, какъ по личнымъ ихъ свойствамъ, такъ и по характеру, и образу ихъ дѣйствій по части управленія, и даже по самому взгляду въ значеніи принципа. Вамъ, какъ знающимъ лично обоихъ, притомъ на одномъ и томъ же мѣстѣ служенія, излишне объяснять это; а моихъ словъ я не оставляю только между нами. Такъ какъ придется вамъ скоро перемѣститься въ Казань,—я желаю, чтобы съ братственнымъ отъ меня выраженіемъ благожеланій преосв. Антонію, вы могли передать ему и настоящую мою рѣчь, какъ искреннѣйшую. Кстати, замною есть должокъ, чтобы отвѣчать ему. Соберусь писать, не премину и самъ ему сообщить кое-что по этому предмету“.

Исполнилъ ли высокопр. Арсеній это свое обѣщаніе—писать преосв. Антонію, или ограничился только словами, высказанными лично мнѣ, и мною переданными преосв. Антонію въ дословной точности,—неизвѣстно. Зато другой Первосвятитель Митрополитъ Московскій, не замедлилъ письменно отнестись къ преосв. Антонію, по части тѣхъ же поѣздокъ по епархіи, но въ иномъ отно-

шеніи. Поводомъ къ этому послужили для него не частныя, по слуху доходившія, свѣдѣнія, а положительныя, напечатанныя въ епархіальныхъ Смоленскихъ Вѣдомостяхъ.

Послѣ обзорѣнія епархіи въ 1865 и 1866 г. въ Вѣдомостяхъ епархіальныхъ были напечатаны, въ первомъ году, подробныя извлеченія изъ путевого журнала преосв. Антонія касательно нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства и, сдѣланныхъ преосв. Антоніемъ, замѣчаній по части разныхъ опущеній и неправильностей при Богослуженіи. Во второмъ же году (1866 г.) былъ напечатанъ особый циркуляръ тоже съ разными замѣчаніями ⁽¹⁾. Высокопр. Филаретъ, прочитавъ, какъ оказалось, съ особеннымъ вниманіемъ №№ Вѣдомостей, гдѣ были помѣщены замѣчанія преосв. Антонія, обратилъ вниманіе и самого преосв. Антонія на нѣкоторые пункты. Побужденіе это, надобно знать, было тѣмъ естественнѣе, что, какъ извѣстно, тотъ же высокопр. Филаретъ смотрѣлъ неблаговоительно на самое изданіе епархіальныхъ Вѣдомостей, какъ нововведеніе, и писалъ даже, по этому предмету, къ преосв. Антонію, какъ введшему эти Вѣдомости въ числѣ первыхъ, тогда очень не многихъ еще, начинателей. По крайней мѣрѣ, намеки, на это послѣднее, видны и въ его письмѣ ⁽²⁾. „Въ чувствѣ и особенной силѣ ревности Архипастырской Вашего Преосвященства, я никогда не находилъ и повода имѣть сомнѣніе, писалъ Московскій Владыка—и утѣшался, вполне убѣжденный въ чистотѣ источника сей ревности. Но держась самъ правила,—про вѣрять себя въ степени и мѣрѣ этого чувства и состоянія, не желалъ бы знать, на сколько руководитесь и Вы этимъ же правиломъ. Вы не почтете, конечно, не-

(1) Въ извлеченіи изъ путевого журнала значится *шесть* пунктовъ замѣчаній; въ циркулярѣ же одиннадцать. (Смотр. Смоленскія епарх. Вѣдомости 1866 г.).

(2) Настоящее письмо приводилось намъ читать въ подлинникѣ; списано же было оно только въ главныхъ мысляхъ съ удержаніемъ и нѣкоторыхъ слововыраженій. Письмо это, сколько намъ извѣстно, было, кажется, уничтожено въ числѣ разныхъ другихъ самимъ покойнымъ влад. Антоніемъ.

умѣстнымъ и неумѣреннымъ сего моего желанія, вызы-
вающагося теперь на выраженіе его въ словѣ и въ дѣлѣ.
Не подлежитъ сомнѣнію и желательнo, чтобы бдитель-
ность и наблюдательность обозрѣвающаго свою паству
Архипастыря возможно проникала во все и соприкасалась
даже и съ тѣмъ, что для иныхъ можетъ остаться не за-
мѣчаемымъ и даже прикровеннымъ; но качество и сте-
пень достоинства таковыхъ дѣйствій и отношеній, сами
изволите знать, опредѣляются особенно строгими предѣ-
лами и условіями. Иначе обозрѣніе паствы будетъ пере-
ходить въ нѣчто иное, и тѣмъ болѣе несоответственное свое-
му значенію, когда обозрѣваемое имѣетъ быть повѣдано
вслѣзъ чрезъ печатаніе въ Вѣдомостяхъ, а не остается вѣ-
домымъ, кому только надлежитъ“. Затѣмъ, въ письмѣ
указано было на нѣкоторые предметы и дѣйствія.

Для примѣра представляемъ слѣдующее: Въ цир-
кулярѣ (пункт. 7) было поставлено на видъ: „Многіе
діаконы предъ литургіею до того намазываютъ свои го-
ловы помадою, что, по снятіи съ ихъ головы дискаса и
поставленій онаго на престолъ на антиминосѣ, на семь
послѣднемъ образуются масляные кружки. Лучше бы,
по сему, смачивать волосы водою“... На этотъ-то пунктъ,
своего рода дѣйствительно оригинально-курьезный, Ми-
трополитъ Московскій обратилъ свое вниманіе и выра-
зился такъ: „Не безъ великаго труда, если не съ совер-
шеннымъ самонасиліемъ, можно согласиться, чтобы въ
селахъ, въ средѣ клира, была извѣстна, а тѣмъ паче
употребительна помада въ такой притомъ степени, что
умащались бы ею лица духовныя съ такимъ избыткомъ,
каковъ оказывается въ изложенномъ пунктѣ“.

Касательно же нѣкоторыхъ дѣйствій, замѣченныхъ
преосв. Антоніемъ, какъ отступленій отъ богослужебной
практики, высокопр. Митроп. Филаретъ писалъ: „Труд-
но вообще опредѣлить, — гдѣ предѣлы права на господ-
ство тѣхъ или иныхъ обрядовыхъ дѣйствій при священ-
нослуженіи по отношенію къ самымъ мѣстностямъ епар-
хіи. Смоленская же епархія, какъ стоящая на рубежѣ
между двумя главными половинами—Малорусскою и Ве-
лкорусскою, — всего болѣе могла повременно принимать

и употреблять образы дѣйствій со стороны и той и другой. Измѣнять же ихъ на одинъ исключительный образъ и характеръ Малорусскій-Кіевскій значило бы, по меньшей мѣрѣ, поступать по личному произвольному взгляду и вкусу.—Прибудетъ другой Епископъ изъ великоруссовъ, тоже можетъ сдѣлать по своему, и тогда выйдетъ что-же?.. одинъ рядъ повременныхъ видоизмѣненій, могущихъ, наконецъ, привести ни къ чему опредѣленному, и усугубить лишь разнообразность чрезъ самое непостоянство. Такимъ образомъ *будутъ послѣдняя горшч первыхъ*“.

Наконецъ, такъ какъ печатное опубликованіе въ Вѣдомостяхъ послѣдовало въ 1866 г., слѣдовательно въ концѣ уже шестилѣтняго епископствованія преосв. Антонія и послѣ многократныхъ обзорѣваній епархіи, то высокопр. Филаретъ не опустилъ случая указать и на эту несообразность. „На нѣчто, несогласующееся съ предметами и дѣйствіями, подлежащими указаніямъ и самымъ распоряженіямъ, указываетъ и самое время опубликованья тѣхъ и другихъ.—Является одно изъ двухъ: или прежде вовсе не замѣчалось то и другое, или оставлялось безъ вниманія при обзорѣннн церквей. Если же допустить сего не позволительно,—то, значить, замѣчаемое прежде оставалось безъ исправленія, а сіе, естественно, могло быть или отъ недостатка сознанія самой потребности въ исправленіяхъ, или недостаточности самыхъ распоряженій. Предавать же теперь, спустя долгое время, гласности подобныя неисправности, значило бы, или дѣлать дѣло заднимъ числомъ, или не признавать тѣхъ мѣръ, какія дѣйствительно потребны, но не этимъ уже путемъ, а административнымъ указнымъ по отношенію собственнo къ виновнымъ“.

Не говоря о послѣднихъ указаніяхъ высокопр. Филарета, какъ полученныхъ письменно, преосв. Антоній хорошо зналъ и о прочихъ заочныхъ разсказахъ, въ родѣ разсказовъ Смоленскаго Архимандрита и, всего болѣе, о томъ, что послѣдовало по выбитіи его изъ Смоленска.

О всѣхъ, даже малѣйшихъ, дѣйствіяхъ преемника своего преосв. Іоанна преосв. Антоній получалъ отъ

преданныхъ ему лицъ, изъ Смоленска, самыя свѣжія и подробныя свѣдѣнія, которыя, какъ оказывалось, были во многомъ преувеличены и, еще въ большемъ, неправильно понимаемы и перетолковываемы (1). Подобныя сообщенія проистекали или изъ неумѣреннаго усердія сообщающихъ, или, всего естественнѣе, завистли отъ самаго непониманія личнаго характера и образа дѣйствій преосв. Іоанна, во многомъ, дѣйствительно, оригинальныхъ до рѣзкости, особливо въ глазахъ провинціаловъ. Впрочемъ преосв. Антоній если и принималъ что особенно къ сердцу, даже до скорби, такъ это преимущественно то, что касалось церковно-служебной части, къ которой, нельзя скрывать, преосв. Іоаннъ относился не съ особеннымъ раченіемъ. А что преосв. Іоаннъ поступилъ какъ-бы намѣренно въ контрасть преосв. Антонію, не признавъ нужнымъ лично обозрѣвать епархію, на счетъ этого преосв. Антоній предобродушно высказывался: „Само собою, вольному воля; только напередъ можно сказать, что онъ (преосв. Іоаннъ) спохватится и спокается, если проживетъ подольше, что заочными ревизіями, съ самыми широкими инструкціями, не достигнетъ того, чего бы онъ хотѣлъ. Управлять епархією далеко, по моему, не то, что управлять академическо-учебнымъ округомъ... Я здѣсь, въ Казани, не нахожу удобнымъ и цѣлесообразнымъ поручать подобныя обозрѣнія даже преосв. Викарію, хотя-бы чего еще сподручнѣе и полноправнѣе“.

Вообще по поводу какъ этихъ свѣдѣній, такъ и выше приведенныхъ указаній высокопр. Филарета и проч., преосв. Антоній любилъ не рѣдко высказываться; и это случалось особенно при свиданіяхъ съ нѣкоторыми Преосвященными при проѣздахъ ихъ чрезъ Казань (2). Са-

(1) По прибытіи въ Казань чрезъ годъ мнѣ приводилось выслушивать не мало отъ преосв. Антонія переименованныхъ свѣдѣній, и не безъ труда можно было возстановлять истину и дѣйствительность.

(2) Такія свиданія имѣли съ преосв. Антоніемъ слѣдующіе Преосвященные: *Герасимъ* бывший Самарскій, *Аполлосъ* Вятскій, *Григорій* Пензенскій, *Антоній* Пермскій, *Филаретъ* Уфимскій, *Ан-*

тому же высокопр. Филарету онъ имѣлъ случай объяснить, что было нужно, при двукратномъ личномъ съ нимъ свиданіи въ 1866 и 1867 г.г. (1). Передавая объ этихъ личныхъ объясненіяхъ, онъ признавался, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ долженъ былъ уступить предъ мудроопытными сужденіями Первосвятителя. „Когда-же, говорилъ онъ, сдѣланъ былъ лишь одинъ намекъ на пунктъ замѣчаній о намащеніи волосъ помадою, я, признаюсь, сконфузился, какъ школьникъ. Я тутъ сдѣлалъ, дѣйствительно, промахъ, не вчитавшись хорошенько въ извлеченіе изъ моего путевого журнала, гдѣ было внесено это замѣчаніе только на случай, про себя“. Впрочемъ, это былъ не единственный предметъ, по которому относился Митроп. Московскій къ преосв. Антонію съ своими указаніями. Въ своемъ мѣстѣ увидимъ, что между ними была переписка полемическая, въ полномъ смыслѣ,—именно по вопросу о назначеніи Благочинныхъ по выбору.

Сводя представленныя данныя, если и нельзя, съ одной стороны, не видѣть, что онѣ наводятъ своего рода тѣнь на нѣкоторыя дѣйствія преосв. Антонія,—за то, съ другой стороны, въ нихъ же видится и чувствуется то, что значительно искупааетъ эти видимыя тѣни. Последнее свидѣтельствуется ясно въ самыхъ даже отзывахъ Первосвятителей,—Кіевскаго и Московскаго. Оба они, очевидно, не упрекали и, тѣмъ болѣе, не осуждали дѣйствій преосв. Антонія, а только благожелательно предупреждали и въ тоже время направляли его энергію и ревность, отдавая ему самымъ этимъ должную честь, какъ выступившему современному дѣятелю. Такъ разумѣлъ и принималъ это и самъ преосв. Антоній. Онъ сколько глубоко чувствовалъ и цѣнилъ благовниманіе Первосвятителей,—въ особенности Московскаго,—выражавшееся въ практическихъ указаніяхъ, столько же не

лоній Красноярскаго, Евфремъ бывшій Тобольскій, Платонъ Томскій, Петръ Уфимскій, Феоктистъ Симбирскій и Никаноръ Уфимскій.

(1) Въ 1866 г. преосв. Антоній нарочно ѣздилъ въ Москву, воспользовавшись только что разрѣшеннымъ тогда правомъ отлучки на 8 дней, а въ 1867 г. по случаю проѣзда своего въ Казань.

преклонялся предъ ними, какъ только лично авторитетными, ни въ чемъ, касательно чего имѣлъ свои личныя мнѣнія и убѣжденія особыя. Въ дальнѣйшемъ подробномъ обзорѣнн разныхъ сторонъ его епархіальной дѣятельности, мы увидимъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ и оригинальныхъ мѣропріятіи по многимъ вопросамъ епархіальной жизни, которыя, по праву и достоинству, выдвинули его впередъ и поставили на степень едва ли не самыхъ передовыхъ, въ тогдашнее время, дѣятелей епархіально-административной области, или даже, какъ выразился авторъ статьи, преосв. Антоній во многихъ отношеніяхъ *отередилъ* другихъ епархіальныхъ начальниковъ. Такая архипастырская дѣятельность и заслуги преосвящ. Антонія въ Смоленской епархіи были тогда же извѣстны высшему духовному Правительству и удостояны были Высочайшаго вниманія и благоволенія, особливо по поводу вполне успѣшныхъ мѣръ къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній, послужившихъ примѣромъ и для нѣкоторыхъ другихъ епархіи (¹). Правда, такая дѣятельность и самая извѣстность имени преосв. Антонія въ Смоленской епархіи, давали поводъ нѣкоторымъ думать о немъ, какъ объ архіереѣ *прогрессистѣ* и даже *либералѣ* (²) и отсюда дѣлать свои наведенія на неблагопріятыя для него послѣдствія въ дальнѣйшей службѣ въ Казани. Но преосв. Антоній,—говоря словами автора одной позднѣйшей статьи, относящейся къ его біографіи,—„оставался вѣренъ себѣ, не сидѣлъ сложа руки, а энергически дѣйствовалъ, боролся, на сколько только представлялось для него это возможнымъ“ (³).

(¹) Послѣднія слова буквально выражены въ изъявленномъ Высочайшемъ благоволеніи 25 Янв. 1866 г.

(²) Напр. покойный Влад. Антоній самъ рассказывалъ, что Преосв. Архiep. Аванасій (бывшій Казанскій), который, по увольненіи на покой, проживалъ въ одномъ изъ Казанскихъ монастырей, самъ признавался ему, что заочно онъ считалъ его именно прогрессистомъ, прожектеромъ, либераломъ, но что теперь, послѣ многократныхъ личныхъ собесѣдованій, позналъ его иначе...

(³) Церк. Вѣстн. 1883 г. № 48. Статья: къ біографіи Антонія Архіепископа Казанскаго.

По этому, напередъ должно сказать, что между прежнимъ образомъ и направлениемъ всѣхъ дѣйствій преосв. Антонія въ Смоленской епархіи и послѣдующимъ въ епархіи Казанской, не было существенной разницы, такъ какъ не было никакой перемѣны и въ его личномъ характерѣ и направленіи во всѣхъ отношеніяхъ. Разница была только въ томъ, что зависѣло, съ одной стороны, отъ самыхъ мѣстныхъ условій, съ другой же стороны, отъ тѣхъ условій и отношеній, которыя касались служебнаго его положенія, но зависѣли не отъ него... Это, впрочемъ, видно будетъ само собою въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи какъ Смоленскаго, такъ и Казанскаго служенія преосв. Антонія, гдѣ даже неизбѣжны будутъ взаимныя сопоставленія между многими фактами его дѣятельности въ той и другой епархіи, такъ какъ и самъ преосв. Антоній въ Казанской епархіи, зачастую, обращался ко времени Смоленскаго своего служенія, не въ смыслѣ только вспомянутельныхъ разсказовъ, но въ видахъ приложенія многого изъ тамошней практики къ дѣламъ управленія въ Казани. Однимъ изъ такихъ разсказовъ мы и начнемъ дальнѣйшее изложеніе о тѣхъ дѣйствіяхъ, на коихъ остановились въ своемъ мѣстѣ.

ГЛАВА XIII.

Разсказъ преосв. Антонія, который только-что преднамѣченъ нами въ предъидущей главѣ, относится къ 1875 году. Подробное изложеніе его имѣетъ то, особенное здѣсь, значеніе, что во первыхъ, въ немъ выразился судъ самого преосв. Антонія о своихъ прежнихъ дѣйствіяхъ въ Смоленской епархіи; во вторыхъ, въ этомъ же разсказѣ читающимъ можно видѣть, какъ бы въ перспективѣ, предметы, ходъ и образъ всей тогдашней дѣятельности преосв. Антонія по части епархіальнаго управления.

Поводомъ къ этому разсказу послужили, напечатанныя въ 1875 г., весьма значительныя выдержки (вызавшія тогда же разныя газетныя сужденія), изъ отчета по обзорѣнію Астраханской епархіи въ первый годъ по поступленіи туда преосвященнаго Хрисанѳа. Прочитавъ ихъ, преосв. Антоній, прежде всего, улыбаясь, проговорилъ: „Ну, счастливъ преосв. Хрисанѳъ, что теперь нѣтъ въ живыхъ Владыки Московскаго Филарета..., а то досталось бы ему не то, что мнѣ... За то тѣмъ больше для него несчастія, что онъ попалъ теперь на судъ досужихъ газетныхъ цѣнителей“... „Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я и самъ теперь вижу, что здѣсь у преосв. Хрисанѳа, уже чрезчуръ многое, представляется такимъ, что сколь ни свѣжо его преданіе, а вѣрится съ трудомъ... Здѣсь изображены такія нестроенія и такое запустѣніе, что развѣ допустить только, что Астраханская епархія находилась, многіе десятки лѣтъ, безъ епископскаго управления, а завѣдывалась какими-то калмыцкими начальниками—„зайсанами“... Во всякомъ случаѣ, въ

самомъ отчетѣ преосв. Хрисанѳа, неотразимо, бросается въ глаза то, что все захвачено съ одного разу и, такъ скоро, однимъ взмахомъ, разбито на поваль... Такъ и видно, что онъ вступилъ въ управленіе епархіею прямо изъ за того бюро (—изъ Членовъ Дух.-Учебнаго Комитета), гдѣ подъ главенствомъ Предсѣдателя, всѣ задались исключительными тенденціями, или, по-просту, замашками, — всѣ прежніе порядки въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ бить на поваль, и ревизорскіе отчеты, составляющіеся именно въ этомъ духѣ и видѣ, публиковать на весь міръ... Между тѣмъ, менѣе всего вѣрится, чтобы и самъ-то преосвящ. Хрисанѳъ, могъ отчетливо усвоить и сообразить, чего онъ хотѣлъ и думалъ достигнуть. Очевиднѣе же всего здѣсь та ошибка, что онъ своимъ образомъ дѣйствій, и тѣмъ болѣе съ *опубликованіемъ* во всеобщее извѣстіе, не только не могъ вызвать сочувствіе въ духовенствѣ, а напротивъ... Я самъ, едва было, не впалъ въ эту ошибку, и, благо, скоро созналъ ее, и тутъ же исправилъ. Потому-то у меня и пошло дѣло иначе и съ явнымъ успѣхомъ“.

„Я сталъ постепенно вглядываться во все и во всѣхъ, изучалъ на мѣстѣ и, болѣе и прежде всего, старался приводить къ сознанію усматриваемыхъ мною недостатковъ само же духовенство, и вызывать его сочувствіе и довѣріе. Если же при этомъ выходило съ моей стороны нѣчто неблагопріятное и, даже подъ часъ жуткое, для духовенства, это, — вызванная существенною необходимостію, первая мѣра, чтобы *перетасовать* не малую часть духовенства, соображаясь какъ съ личностями причтовъ, такъ и потребностями приходовъ. На меня были даже за это жалобы. Писалъ мнѣ, по этому поводу, и высокопр. Владыка Московскій. Вообще доходили до меня свѣдѣнія въ такомъ смыслѣ, что будто бы я поставилъ духовенство въ положеніе *походное*, и что ему приходилось только думать о *перевозочныхъ фурихъ*... Это выраженіе употребилъ даже и самъ Московскій Владыка. Но я устоялъ, все-таки, на принятой мною мѣрѣ, доколѣ не заставилъ и самыхъ лѣнивыхъ и безпечныхъ пробудить-

ся и сознательно взяться за дѣло. Эта мѣра направлена была собственно къ тому, чтобы уравнять личный составъ духовенства не только по уѣздамъ, но и благочинническимъ округамъ собственно по личнымъ достоинствамъ. Иначе выходило, какъ я убѣдился лично при объѣздахъ епархіи, что цѣлый десятокъ и болѣе приходо-въ сряду заняты были лицами достойными и благонадежными; за то цѣлая другая полоса, не меньшая по числу приходо-въ, состояла изъ среднихъ и плохихъ по составу приходскихъ причто-въ. Тутъ-то, естественно, и оправдывалась пословица: „каковъ поць, таковъ и приходъ“.

„Достигнутое этимъ путемъ, возможное уравненіе съ разу же дало свои благіе результаты и еще болѣе послужило мнѣ на пользу тогда, когда я призналъ и рѣшился ввести систему выборовъ благочинныхъ. Иначе, безъ перваго, я едва ли бы приступилъ къ введенію послѣдняго. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшительно нельзя было и предвидѣть, чтобы утвердить кого либо Благочиннымъ въ округѣ, хотя бы мѣстное духовенство и избрало; приводилось бы развѣ назначать изъ другаго округа. Но это значило бы прямо конфузить само же духовенство, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, признавши въ замѣщеніи благочинническихъ должностей выборное начало, въ тоже время не давать права пользоваться имъ. Съ другой стороны, назначенный и перемѣщенный изъ другаго округа, Благочинный скоро бы и самъ созналъ и другимъ далъ почувствовать, что „одинъ въ полѣ не воинъ“.

„Впрочемъ, такъ какъ дѣланная мною перетасовка, — что я и самъ сознавалъ и чувствовалъ, — естественно, отзывалась тягостію для перемѣщаемыхъ въ отношеніи матеріальномъ, хозяйственномъ, то, дабы искупить эту тягость, я тогда же пришелъ къ вѣрной мысли, которую тутъ же и сталъ осуществлять, пользуясь сначала удобными случаями, и затѣмъ поставивши это, какъ говорится, условіемъ, *sine qua non*. Вся тягость состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, что перемѣщаемые должны были оставлять на прежнихъ приходахъ собственные дома, а на новыхъ опять заводить. Вслѣдствіе этого

я поступилъ такъ, чтобы каждый, оставляемый прежнимъ священникомъ. домъ былъ покупаемъ и обрацаемъ въ церковный, если новопоступившій не желалъ приобрести его во всегдашнюю собственность. — Тамъ же, гдѣ мѣсто дѣлалось вакантнымъ за смертію священника, и если оставшееся семейство не хотѣло продавать своего дома, то прихожане обязывались устроить новый домъ на собственные средства и отчасти на церковныя, гдѣ таковы были достаточны. Введеніе этого порядка было, правда, соединено съ очень не малыми трудностями, такъ какъ по мѣстамъ было оно встрѣчено несочувственно со стороны прихожанъ; но я рѣшилъ на такую даже мѣру, — не назначать въ приходъ священника до-толѣ, пока не воспослѣдуетъ согласіе прихожанъ и притомъ не временное только въ смыслѣ вынужденной уступки, а въ смыслѣ формальнаго приговора, обязательнаго навсегда. А какъ мнѣ приводилось, въ иныхъ случаяхъ, лично при обзорѣніи епархіи убѣждать прихожанъ и вообще располагать и привлекать ихъ къ ближайшему участию въ нуждахъ церковно-приходскихъ, ради ихъ же прямой и существенной пользы, чтобы имѣть у себя священниковъ болѣе радѣтельныхъ, — то этимъ самымъ предоткрывался уже путь и къ учрежденію приходскихъ попечительствъ. Къ этому же я склонялъ и располагалъ и самыхъ помѣщиковъ, которые, дѣйствительно, примѣрно оправдали мои желанія и надежды. Многіе изъ нихъ, по мѣрѣ личныхъ условій по мѣсту жительства, съ готовностію принимали на себя званіе предсѣдателей приходскихъ попечительствъ и, притомъ въ большинствѣ, совмѣстно съ мѣстными священникани. При такомъ составѣ попечительства и духовенство и прихожане, безъ различія сословій, естественно, сближались и въ личныхъ общихъ интересахъ и въ интересахъ приходскихъ церквей“.

„Далѣе, совмѣстно съ этимъ, и еще ранѣе, при всякихъ посѣщеніяхъ приходоѡ, обращалъ я всевозможное вниманіе на средства церковно-приходскія и самыя источники ихъ и, въ частности, на доходы свѣчныя. Результатомъ послѣдняго и былъ тотъ счастливый ус-

пѣхъ въ моемъ дѣлѣ, которое я рѣшился предпринять по части улучшенія матеріальнаго содержанія духовно-учебныхъ заведеній Смоленской епархіи на собственные ея средства. Удовлетворивши эти нужды матеріальныя, которыя, само собою, заставляли всякаго, какъ говорится, опускать руки отъ охотнаго дѣланія, я не сомнѣвался уже, что вызову благородное сочувствіе и энергію въ лицахъ служащихъ въ заведеніяхъ; потому тогда же рѣшился приступить, и исполнилъ самымъ дѣломъ, преобразованіе и въ самой учебно-воспитательной части. Такимъ образомъ все шло постепенно, какъ бы изъ кольца въ кольцо, снизываясь въ одну цѣлостную цѣпь. Размышляя, и теперъ самъ съ собою, я изумляюсь, какъ все устроилось тогда съ явнымъ благословеніемъ Божиимъ и благопоспѣшеніемъ ⁽¹⁾. Много, впрочемъ, обязанъ я въ успѣхахъ своихъ дѣйствій лицамъ, при мнѣ служившимъ и въ Консistorіи и въ Семинаріи, въ особенности же, бывшему въ продолженіи всего почти моего епископства въ Смоленскѣ, о. Ректору Семина-

(1) «За то столько же изумительно, говорилъ при другомъ случаѣ преосв. Антоній,—и еще болѣе болѣзненно для моего сердца было то, что послѣднему, самому дорогому для меня, дѣлу преобразованія учебныхъ заведеній, дали только быть посѣяннымъ и, затѣмъ, не дождавшись и первыхъ плодовъ, несомнѣнно благотворныхъ, вдругъ ввели новое преобразование и, какъ бы намѣренно, изъ опасенія, чтобы Смоленскія заведенія, оставаясь при своемъ преобразованномъ состояннн, не обличили своимъ превосходствомъ вновь спроектированнаго,—включили въ число первыхъ епархій, подлежащихъ преобразованію, епархію Смоленскую. Не больно сочувствовалъ я, говорилъ преосв. Антоній, и тому, что назначили на наши заведенія полтора милліона. Это, по моему, была хотя и *золотая цѣпь*, а все-таки *цѣпь*, накинувши которую на насъ, и ведутъ теперь наши заведенія и все образованіе, *аможетъ* только *хотятъ*.... между тѣмъ на плечи-то духовенства и епархіальнаго начальства все таки вложили такія тяготы по части добыванія средствъ на тѣ же заведенія, что приходится служителямъ алтаря Господня вступать *въ разрядъ заводчиковъ*—свѣче-торговцевъ... Потому я и писалъ бывшему Предсѣдателю Комитета преосв. Нектарію Нижегородскому на прямки,—что быть *«мастеромъ»* составлять проекты по устройству *свѣчныхъ заводовъ* далеко не то, что быть *таковымъ же* въ дѣлѣ составленія *устава для духовно-учебныхъ заведеній*».

рии (1). Сколько по моей личной инициативѣ, столько же по его собственной готовности принять на себя трудъ Редактора, я воспользовался первыми удобствами, чтобы завести изданіе епархіальныхъ Вѣдомостей. Это послѣднее дѣло превзошло даже мои ожиданія, благодаря тому же о. Ректору, съумѣвшему такъ ясно, полно и соотвѣтственно времени представить всякому, понимающему значеніе и задачи этого изданія, какъ органа для взаимнаго безстѣснительнаго обмѣна мыслей, свѣдѣній, предположеній касательно всѣхъ явленій жизни епархіальной и разнообразныхъ вопросовъ и прямыхъ потребностей. Тогдашнія Смоленскія Вѣдомости, дѣйствительно, были полны жизненнаго содержанія; онѣ-то послужили для всѣхъ моихъ и прежнихъ распоряженій и исполненій, и окончательнымъ уясненіемъ ихъ значенія, и средствомъ къ проведенію въ сознаніе и жизнь духовенства. Я помню, говорилъ преосв. Антоній, что, когда высокопреосв. Филаретъ Московскій выражалъ мнѣ свое несочувствіе касательно изданія Вѣдомостей, я отвѣчала ему, что напротивъ готовъ бы скорѣе сожалѣть, что не могъ приступить къ изданію Вѣдомостей гораздо ранѣе“.

Сопоставляя содержаніе этого разсказа самого преосв. Антонія о его дѣятельности въ теченіи всего времени его епископства въ Смоленскѣ съ тѣмъ, что явилось въ печати—въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ хотя за послѣдніе только два года, нельзя не видѣть, что самое изданіе Вѣдомостей было, отнюдь, не дѣломъ подражанія примѣру другихъ епархій, а зародилось и вышло изъ запросовъ и потребностей мѣстной епархіальной жизни, возбужденныхъ и вызванныхъ самымъ движеніемъ и раз-

(1) Нынѣшній Экзархъ Грузіи Архіепископъ Павелъ, поступившій Ректоромъ Смоленской Семинаріи изъ Инспекторовъ С.-Петербургской Академіи въ 1861 году, и, затѣмъ, перемѣщенный въ 1866 г. въ Петербургъ же въ Ректоры тамошней Семинаріи.— Преосв. Антоній, когда, чрезъ годъ его служенія въ Казани—именно въ концѣ 1867 г., открылась вакансія Викарія Казанскаго, сильно желалъ имѣть его своимъ Викаріемъ и писалъ-было объ этомъ, кому слѣдовало.

витиёмъ ея на почвѣ подготовленныхъ данныхъ. Самъ Редакторъ, издавая передовую статью „о значеніи и задачахъ епархіальныхъ Вѣдомостей“ (1) въ той только мѣрѣ и могъ, какъ намъ думается, поставить этотъ предметъ во всей полнотѣ и основательности, въ какой онъ имѣлъ предъ глазами, и своими и всѣхъ читающихъ, оправдавшіяся уже опытомъ, данныя изъ всей предшествовавшей дѣятельности преосв. Антонія. Точно такъ же, въ той только мѣрѣ, и все содержаніе, начавшихся издаваться, епархіальныхъ Вѣдомостей оказывалось жизненнымъ, въ какомъ отражались въ немъ духъ и характеръ и направленіе постоянныхъ личныхъ дѣйствій преосв. Антонія. Однимъ словомъ: что видѣли читающіе въ приведенномъ выше разсказѣ преосв. Антонія, тоже самое, по преимуществу, какъ бы по жизненной канвѣ выводилось и вырабатывалось въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ строгой соотвѣтственности времени, мѣсту и всѣмъ предметамъ и случаямъ. Не даромъ преосв. Антоній самъ постоянно и бдительно слѣдилъ за выпускомъ каждаго № Вѣдомостей, требуя къ себѣ, иногда, листы корректурные, а предварительно и самыя рукописи, дѣлая въ иныхъ случаяхъ самый подборъ ихъ по своимъ соображеніямъ.— „Здѣсь, говорилъ онъ, я воскресилъ свою прежнюю редакторскую дѣятельность академическую, когда не рѣдко держалъ даже самую корректуру, а съ тѣмъ вмѣстѣ я пользовался здѣсь всякимъ случаемъ, чтобы, смотря по той или другой статьѣ, заключающей въ себѣ какія либо заявленія, недоумѣнія или прямыя возраженія, дѣлать тотчасъ же отъ себя соотвѣтствующія распоряженія, или указывать на прежнія, которыя не могли быть въ свою пору всѣмъ извѣстны. Потому-то и высокопр. Филаретъ Московскій хотя справедливо указалъ мнѣ, что нѣкоторыя замѣчанія и распоряженія дѣлались мною заднимъ, будто бы, числомъ, но онъ не зналъ, какъ и почему это происходило“.

(1) Статья эта, очень капитальная, напечатана бывшимъ Редакторомъ и авторомъ ея—Ректоромъ Смоленской Семинаріи Архимандр. Павломъ въ № 1 прибавленій къ Смолен. епарх. Вѣдомостямъ отъ 1-го Января 1865 г. стр. 10—25.

Потому-то и мы, хотя, съ настоящаго мѣста нашего изложенія. будемъ держать раскрытыми предъ собою страницы Смоленскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей. чтобы изъ нихъ почерпать содержаніе; тѣмъ не менѣе, держась порядка времени и послѣдовательности самыхъ дѣйствій въ приведенномъ разсказѣ преосв. Антонія, мы должны будемъ неизбѣжно касаться многого и изъ прежде бывшихъ его распоряженій до времени еще изданія епархіальныхъ Вѣдомостей. Неизбѣжность эта обусловливается самымъ тѣмъ, что и предложенія преосв. Антонія, печатавшіяся въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, начинались въ большинствѣ такъ: „Еще прежде мнѣ было извѣстно...“, или: „Въ свое время было обращено мною вниманіе на то и то“, или: „Нахожу благовременнымъ, чтобы...“ и т. п. Сюда должно отнести также циркуляры и извлеченія изъ его отчетовъ по обозрѣнію епархіи. такъ какъ и въ нихъ включались такіе предметы и дѣйствія, которые усматривались въ приходахъ лично преосв. Антоніемъ, не въ послѣднюю только пору, но слѣдились и наблюдались имъ съиздавна постепенно, а тутъ уже сводились къ общему итогу.

Прежде всего нужно замѣтить, что наряду съ многими, дѣлаемыми преосв. Антоніемъ, указаніями на нѣкоторыя усмотрѣнныя имъ лично неисправности и опущенія въ средѣ духовенства, въ его же отчетахъ и циркулярахъ встрѣчаемъ, сравнительно даже въ большинствѣ, и указанія на явленія одобрительныя и заслуживавшія благосклонные отзывы самого преосв. Антонія, и, большею частію, съ выраженіемъ Архипастырской признательности. А эти-то послѣднія явленія могли быть усмотрѣны и опредѣлены именно при тѣхъ только условіяхъ и отношеніяхъ Архипастыря къ своимъ сослужителямъ и къ ихъ прихожанамъ, въ какихъ являлся преосв. Антоній во время своихъ частыхъ поѣздокъ. — Всегда и вездѣ искренно готовый самъ, и вызывая и привлекая всѣхъ другихъ къ живой общительности, преосв. Антоній, очевидно, извлекалъ для себя самыя живыя свѣдѣнія изъ взаимныхъ разговоровъ присутствовавшихъ при тѣхъ собраніяхъ, которыя составлялись около него во время его

епархіальныхъ объѣздовъ, и которыя (собранія), между тѣмъ, понимались въ томъ смыслѣ, какой видѣнъ напр. въ разказахъ старца-Архимандрита... Преосв. Антоній, съ своей стороны, пользовался здѣсь всякимъ поводомъ, даже намекомъ, чтобы поставить тотъ или другой вопросъ и съобща раскрыть его въ примѣненіи къ практикѣ. Предметомъ такихъ разсужденій, преимущественно, было то, что входило въ кругъ обязанностей и отношеній сельскихъ пастырей по части богослужебныхъ и разныхъ требоисполнительныхъ дѣйствій. При этомъ-то, видно было по всему, что онъ не даромъ былъ авторомъ и „*Пастырскаго и Нравственнаго Богословія*“, и составителемъ „*Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ*“, и, наконецъ, участникомъ въ изданіи сочиненія „*Объ отношеніи Церкви къ христіанамъ*“. Священникамъ преосв. Антоній настоятельно предлагалъ особенно вчитываться глубже и сердечнѣе въ послѣднее сочиненіе, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, его поражали не рѣдкія явленія какой-то черствости чувствъ самихъ священниковъ къ церковности, и отсюда къ самымъ пасомымъ, какъ чадамъ Церкви и ихъ духовнымъ дѣтямъ. „Иначе, говорилъ онъ, только и слышишь, бывало, толки и возгласы со стороны священниковъ, что прихожане, время отъ времени, холодѣютъ къ церкви, грубѣютъ и въ отношеніи къ нимъ самимъ, а отсюда постепенно скудѣютъ и средства матеріальныя...“

„Но когда эта пѣсня показалась мнѣ уже просто приторною, и когда я усилилъ свои наблюденія для возможной повѣрки такого грустнаго состоянія приходовъ, остававливаясь, совершенно неожиданно, въ приходскихъ даже деревняхъ, тогда-то я и разгадалъ, кто правъ и кто виноватъ,—прихожане, или вопіющіе противъ нихъ духовные, и тогда же, вслѣдствіе оказавшихся во множествѣ несправедливыми самыхъ же воплей священниковъ, я и началъ ихъ уже перетасовывать... Благо, что мнѣ привелось употреблять эту мѣру не долго, года съ два, въ самомъ началѣ моего епископства. Многіе, оставаясь на прежнихъ мѣстахъ, скоро очнулись отъ своей апатіи, а прочіе на новыхъ мѣстахъ стали вести себя по

новому, оставивши прежнее свое состояніе или явной апатіи, или видимаго *наемничества*, отражавшагося особенно на взаимныхъ отношеніяхъ между ними и прихожанами“.—Съ другой стороны, желая возбудить въ духовенствѣ возможно искреннія чувства любви и ревности къ прохожденію священнаго служенія и поставить его въ прямыя пастырскія духовно-вліятельныя отношенія къ пасомымъ, преосв. Антоній обратилъ особенное вниманіе на тотъ источникъ и путь, которые, къ прискорбію, едва ли не въ большинствѣ, оказываются въ приходско-пастырской практикѣ одною формальностію. „А, вѣдь, этимъ самымъ, говорилъ преосв. Антоній, ослабляются и подрываются самые чувствительные духовные нервы для живаго благодатнаго воздѣйствія пастырей на душу и всю жизнь пасомыхъ“.—„Возмите сами въ разсмотрѣніе простой наглядный опытъ. Всѣ прихожане обыкновенно титулуютъ священниковъ *батюшками*, *духовными отцами*; но священники, кажется, сами же первые готовы и привыкли видѣть въ этомъ, большею частію, не болѣе, какъ одно общепринятое именованіе, какъ бы даже поговорку и кличку... (1). За-то наблюдайте, когда случается встрѣтить лицъ изъ тѣхъ же мірянъ,—какъ произносятся они это же самое наименованіе, когда даже заочно произносятся имена духовныхъ отцевъ,—у которыхъ они вовсе не состоятъ въ приходѣ, а, быть можетъ, или исповѣдывались у нихъ изрѣдка, или однажды, или имѣли только случай быть при ихъ Богослуженіи, совершенномъ истово и благоговѣйно, или—попросить отслужить молебенъ, наконецъ, даже случайно побесѣдовать и получить духовное назиданіе... Слушая эти одни заочные отзывы отъ мірянъ объ иныхъ священникахъ, кто можетъ не чувствовать, при этомъ, какъ бы своего рода зависти, рев-

(1) При этомъ преосв. Антоній и указывалъ на то, какъ сами священники приникаютъ себя, когда при встрѣчѣ и привѣтствіяхъ съ своими же прихожанами, особливо чѣмъ либо выдающимися, готовы первые подавать имъ руку вмѣсто того, чтобы этою же рукою преподать благословеніе съ такимъ чувствомъ и видомъ, чтобы принявшій благословеніе душевно почувствовалъ и воздалъ священный долгъ цѣлованіемъ руки благословляющей.

ности привести и своихъ прихожанъ въ такія чувствованія и отношенія къ себѣ, какъ истинному духовному отцу и пастырю...—Спрашивается: что же можетъ быть прямо и вѣрно, чище и святѣе для всѣхъ приходскихъ пастырей этого источника и пути для воздѣйствія и вліянія на своихъ прихожанъ, начиная съ совершенія общаго церковнаго Богослуженія и разныхъ требъ и завершая въ особенности Таинствомъ Исповѣди? Между тѣмъ, страшно, вѣдь, сказать, исполненіе этого-то послѣдняго Таинства происходитъ едва ли не заурядъ, какъ дѣло *groinvoe*, потому что сами же священники, къ изумленію, высказывали, что если и исповѣдывать какъ должно и употребить времени на каждого столько-то, исповѣдавшійся все-таки дастъ только *groin*...“—„Вслѣдствіе этого-то, говорилъ преосв. Антоній, я съ первыхъ же поръ всячески, и на единѣ, и въ общихъ бесѣдахъ, по преимуществу, усовѣщевалъ священниковъ сознать силу и значеніе столь важнаго священнѣйшаго пастырскаго долга и устранить всякое нерадѣніе при всѣхъ кажущихся неудобствахъ“.

На этотъ предметъ, дѣйствительно, встрѣчаемъ самыя раннія указанія и распоряженія преосв. Антонія по вступленіи его въ Смоленскую паству. Первое изъ нихъ циркулярное относится еще къ 1861 году, и затѣмъ повторено съ нѣкоторыми другими пунктами въ Вѣдомостяхъ за 1865 г. (1). Это распоряженіе было направлено собственно къ тому, чтобы заставить священниковъ быть неотлучно въ своихъ приходахъ въ теченіи всего великаго поста и совершать служенія во всѣ недѣли для желающихъ говѣть, такъ какъ иначе, скопляющіеся, въ какія нибудь двѣ-три недѣли, говѣльщики, естественно, самою численностію затрудняли священниковъ совершать исповѣдь съ возможною тщательностію, на что, главнымъ образомъ, упирали и сами же священники. По докладу Секретаря Консисторіи о возобновленіи настоящаго распоряженія было опредѣлено, между прочимъ: „Духовенству рѣшительно воспретить отлучать-

(1) Смоленск. епарх. Вѣдомости 1866 г. № 2.

ся отъ церквей въ теченіи всей четырехдесятницы; а, въ случаѣ неотложной надобности представить о чемъ либо епархіальному начальству, присылать чрезъ почту, и за неисполненіе сего подвергать штрафу въ пользу попечительства“. Съ своей же стороны преосв. Антоній, не любя вообще ограничиваться однѣми формальными начальственными предписаніями, объяснялъ, гдѣ только приводилось, что священники, дабы не обременяться исповѣдью, чрезъ чуръ многихъ, говѣльщиковъ въ одну недѣлю, сдѣлають вполне разумное пастырское дѣло, когда предварительно объявятъ прихожанамъ и даже распредѣлять, изъ какого мѣста прихода и въ какую недѣлю имѣютъ являться прихожане для говѣнья. Да и самую исповѣдь рекомендовалъ не пригонять къ одному только времени краткосрочному, къ послѣдному дню.

Со всею архипастырскою ревностію желая возможно благоуспѣшнаго достиженія цѣли въ столь святомъ дѣлѣ, преосв. Антоній обратилъ строгое вниманіе и на веденіе исповѣдныхъ росписей. По этому предмету было такъ же циркулярное, пропечатанное въ Вѣдомостяхъ, его распоряженіе, гдѣ сказано, что „нѣкоторыми причтами исповѣдныя росписи нищутся какъ попало, или просто переписываются изъ года въ годъ безъ надлежащаго вниманія къ значенію этого дѣла (1). Въ дѣйствительности этого преосв. Антоній удостовѣрялся самъ, по его рассказамъ, тѣмъ, что бралъ съ собою при обозрѣніи епархіи вѣдомости какъ клировыя, такъ и исповѣдныя. Имѣя въ обычаѣ, кромѣ назначаемыхъ по маршруту сель, останавливаться по мѣстамъ и въ деревняхъ, иногда сворачивая даже въ сторону, онъ тутъ, среди бесѣдъ съ крестьянами, и обращался къ нимъ съ вопросами:—часто ли бываютъ въ церкви, говѣли ли и на какой недѣлѣ, и кто изъ членовъ семейства? Изъ простодушныхъ отвѣтовъ, само собою, открывались тѣ или иные невѣрности, равно какъ и то, что исповѣдныя росписи, очевидно, составлялись заочно.

„Но послѣ того, какъ внѣшняя сторона и условія,

(1) Епарх. Смоленск. Вѣдомости 1865 г. Сентябрь, № 17.

касающіяся дѣла исповѣди, были установлены достаточно и начали выполняться удовлетворительно, — каково было мое удивленіе и прискорбіе, — говорилъ преосв. Антоній, — когда я убѣдился изъ несомнѣнныхъ фактовъ, что сторона внутренняя и самое совершеніе исповѣди страдало не меньшими недостатками, сколько отъ *попущенности*, происходившей отъ внѣшнихъ причинъ, столько и отъ прямой *небрежности*, и, наконецъ, отъ *неопытности* и, просто на просто, *неуищнѣя* священниковъ, и не только въ селахъ, тѣмъ болѣе отдаленныхъ глухихъ, но и въ городахъ“. Этими качествами и подлинными, курсивомъ обозначенными, терминами, дѣйствительно, охарактеризовано это дѣло въ самомъ циркулярѣ преосв. Антоція всѣмъ приходскимъ священникамъ Смоленской епархіи (1). Въ заключеніе же высказано въ этомъ циркулярѣ слѣдующее: „Архипастырскихъ долгомъ считаю напомнить и внушить всѣмъ приходскимъ священникамъ, чтобы они потщились всѣми силами впредь совершать св. Таинство исповѣди съ крайнимъ вниманіемъ и страхомъ Божиимъ, какъ подобаетъ истиннымъ врачамъ духовнымъ, пастырямъ душъ, вѣрнымъ строителямъ Таинъ Божіихъ и раздаятелямъ даровъ благодатныхъ. Для сего рекомандую всѣмъ, а тѣмъ болѣе неопытнымъ въ дѣлѣ исповѣди, руководствоваться прилагаемымъ при семъ изложеніемъ вопросовъ, самымъ внимательнымъ образомъ соображаясь съ званіемъ и состояніемъ, поломъ и возрастомъ кающихся, и съ симъ вмѣстѣ, внушаю часто прочитывать и твердо помнить, относящееся къ сему дѣлу, изложенное въ книгѣ о должностяхъ приходскихъ пресвитеровъ въ гл. III параграфы, начиная съ 105 по 114 включительно, и руководствоваться въ своей практикѣ изложенными тамъ правилами“.

Въ слѣдъ за изложеніемъ правилъ и вопросовъ для исповѣди мірянъ. напечатано было, отдѣльно, тоже по отношенію къ исповѣди самихъ священниковъ, въ числѣ

(1) Циркуляръ этотъ напечатанъ въ Смоленскихъ епарх. Вѣдомостяхъ 1866 г. № 3-й, гдѣ помѣщено и самое изложеніе вопросовъ на исповѣди по порядку 10-ти заповѣдей. Стран. 67—78.

тридцати вопросовъ. — „Дознано было мною, говорилъ преосв. Антоній, что нѣкоторые священники исповѣдуются были духовниками одинаково, какъ и міряне, а иные священники и вовсе не знали объ исповѣди для лицъ духовныхъ. Въ этихъ видахъ и самая исповѣдь напечатана въ Вѣдомостяхъ особенно крупнымъ шрифтомъ; а съ другой стороны, въ числѣ вопросовъ есть такіе, кои, очевидно, взяты съ опытовъ современно-мѣстныхъ, чтобы дать сознать возможно глубже значеніе тѣхъ дѣйствій священниковъ, въ коихъ они не сознавали и даже не замѣчали своихъ недостатковъ, какъ грѣховъ, при совершеніи исповѣди своихъ прихожанъ и при другихъ священно-церковныхъ служеніяхъ и требоисправленіяхъ. Таковы напр. слѣдующіе пункты:— „Всегда ли совершаешь Богослуженіе и Таинства съ подобающимъ тщаніемъ и благоговѣніемъ, или не дѣлаешь ли при этомъ какихъ либо произвольныхъ измѣненій?— Не тяготился ли ты исповѣдью кающихся, и не выражалъ ли ты этого имъ словомъ, или видомъ своимъ?— Не притѣснялъ ли прихожанъ при исправленіи требъ, особенно при совершеніи исповѣди и причащенія св. Таинъ, вымогательствомъ платы отъ нихъ, и не отказывалъ ли безмездно преподавать сіи Таинства неимущимъ что либо дать, а также не отказывался ли отпѣвать безъ платы умершихъ бѣдныхъ?“.

Изъ числа, сейчасъ указанныхъ, пунктовъ священнической исповѣди обратимъ рѣчь нашу здѣсь, главнымъ образомъ, къ первому, и, собственно, къ тѣмъ словамъ: „не дѣлаешь ли при совершеніи Богослуженія какихъ либо произвольныхъ измѣненій?“ Вопросъ здѣсь прежде всего въ томъ: какія разумѣются тутъ измѣненія, именуемая произвольными. Известно уже читателямъ, что Филаретъ Митр. Московскій дѣлалъ и самому преосв. Антонію указанія на нѣкоторыя распоряженія послѣдняго касательно богослужебныхъ дѣйствій, тоже какъ на произвольныя, хотя и обосновывавшіяся на Кіевскихъ порядкахъ и обычаяхъ церковно-служебныхъ. — Вопросъ этотъ, какъ оказывается, вообще занималъ преосв. Антонія, а въ особенности по поводу указаній Митрополи-

та Московскаго.— „Я, — говорилъ преосв. Антоній, — все не вводилъ чего либо особеннаго, хоть бы даже въ смыслѣ предпочтенія образа и порядка церковно-служебныхъ дѣйствій Кіевскихъ мѣстнымъ Смоленскимъ и вообще великорусскимъ, — какъ взглянулъ на это Владыка Московскій. Я считалъ долгомъ пресѣчь произвольныя измѣненія или опущенія, происходившія отъ нерадѣнія или даже незнанія (1), а чтобы возстановить и привести все въ одинъ образъ и порядокъ опредѣленный, есте-

(1) Къ числу произвольныхъ дѣйствій при совершеши напр. Божественной Литургии преосв. Антоній относилъ слѣдующія, — замѣченныя имъ у священниковъ:— 1) Дѣланіе поклона земнаго при самомъ началѣ пѣнія словъ: «*Достойно и праведно есть поклонятися Отцу и Сыну и Св. Духу*»... 2) Когда служить священникъ съ диакономъ, приготовившимся къ причащенію, и когда возглашаетъ онъ (священникъ) слова: «*Примите ядите и проч.*» и равно «*Идите отъ нея вси и проч.*», тогда неумѣсты его собственныя указанія рукою... такъ какъ въ служебникѣ прямо сказано: «*Сему отъ священника глаголету, показываетъ священнику диаконъ и св. дискось и св. потиръ*»; особенно же неумѣстными признавалъ преосв. Антоній подобныя указанія рукою священника (если онъ служитъ одинъ безъ диакона), когда дѣлаются онѣ или размашисто, или съ жестикулированіемъ, рассчитаннымъ на что-то показное, сценическое... 3) Произвольно и совершенно неправильно поступаютъ священники или сослужаще диаконы, когда при словахъ: «*Твоя отъ Твоихъ и пр.*» подѣмляютъ св. дискось и св. потиръ и, на извѣстной высотѣ, дѣлаютъ крестообразное движеніе ими въ воздухѣ. 4) Равно такъ же неправильно поступаютъ священнослужаще іереи, когда при словахъ: «*Святая Святыхъ*» вознося св. Агнецъ надъ дискомомъ, дѣлаютъ имъ тоже крестообразное движеніе.— Объ этихъ двухъ послѣднихъ пунктахъ напечатано было даже въ циркулярѣ преосв. Антонія въ Смол. епарх. Вѣдомостяхъ.— НВ. По поводу подобныхъ разсужденій, было самому преосв. Антонию высказано пишущимъ недоумѣніе, — отъ чего онъ самъ, когда приобщается св. Тайнъ и долженъ бываетъ, непосредственно, преподавать всѣмъ сослужащимъ Св. Тѣло и Кровь Христовы, не надѣваетъ на голову митры?! Озадаченный какъ бы совершенною новостію указаннаго, преосв. Антоній потребовалъ тутъ же архіерейскій служебникъ, отыскалъ, что нужно, и, пожавши плечами и покачавши головой, сказалъ полукраснѣючи: «вѣрна пословица — не всегда правда только у старшаго, но бываетъ она ясна и у младшаго». «Да, сказалъ онъ, возложеніе митры здѣсь имѣетъ явную знаменательность. И я удивляюсь, какъ это я проглазѣлъ».

ственно. я имѣлъ въ виду здѣсь то, что соотвѣтствовало бы, болѣе всего, вообще древле-обычному, каковымъ, само собою, должно было признать, преимущественно, Кіевское. Я бесѣдовалъ объ этомъ и лично съ Владыкою Московскимъ. Я ставилъ ему вопросъ даже о томъ, — не признаеть ли за благо самъ Св. Синодъ, чтобы заняться разсмотрѣніемъ служебниковъ, требниковъ и всего Типикона, дабы свести все, по возможности, къ единообразному чину. и не вполне ясное въ нихъ выяснить, съ перемѣною, по мѣстамъ, самыхъ словъ и выраженій, какъ устарѣвшихъ и неудобопонятныхъ ⁽¹⁾. Но онъ ко всему этому отнесся уклончиво и, главное, выразился такъ: „Кто вызывается положить начало дѣлу, тѣмъ самымъ онъ возлагаетъ на себя и весь трудъ его выполнения и отвѣтственность за успѣшность... Но кто—я въ подобномъ отношеніи, когда на мнѣ уже тотъ *трудъ* и *болтзнь*, какіе самимъ Дарователемъ силъ и самой жизни возвѣщены для всякаго устами Псалмопѣвца... („*аще въ силахъ восемьдесятъ лѣтъ,—множае же ихъ трудъ и болтзнь...*“). Вы, и сами по праву, усмѣхнулись бы мнѣ въ лицо, если бы я вздумалъ брать на себя званіе начало-положника, когда я не гожусь и въ сопутники и даже восполѣдователи... Вотъ Вамъ на это не прорекаясь свидѣтельства: въ епархіальной хроникѣ, въ вашихъ Смоленскихъ Вѣдомостяхъ печатаемой, значатся, между прочимъ, ваши священно-служенія; и что же? Число вашихъ священнослуженій, въ иномъ мѣсяцѣ, оказывается

⁽¹⁾ Разговоръ этотъ былъ, между прочимъ, въ присутствіи о. Намѣстника Лавры Арх. Антонія, который, передавая мнѣ объ немъ, выражалъ свое особенное сочувствіе къ мыслямъ преосв. Антонія и примолвилъ: «отъ нашего-то Владыки, я знаю по опыту, всего труднѣе надѣяться рѣшительнаго соглашенія въ подобныхъ дѣлахъ... Прекрасно бы, если бы преосв. Антоній, и помимо согласія Митрополита, предпринялъ бы самъ, возможно скорѣе, привести свои мысли въ исполненіе... Вѣдь иначе, изъ-за разнообразій и малыхъ, въ священно-церковныхъ дѣйствіяхъ есть и теперь, своего рода расколъ потаенный... И у насъ, вотъ, бываетъ, что иной—прямо сказать—неучь-монахъ, насмотрѣвшійся тамъ и сямъ службъ церковныхъ, готовъ бываетъ препираться съ нашими за *истовость*, и *неистовость* тѣхъ или иныхъ дѣйствій служебныхъ.

такое, какое съ трудомъ наберется у меня въ полгода, и гораздо болѣе того... Такъ точно, Вы и въ поѣздкахъ по епархіи не минуете ни одного храма, когда наступаетъ время Богослуженія вечерняго и утренняго,—а я не дерзну сказать словами Псалмопѣвца: „*изволихъ приметися въ дому Божіемъ паче, неже оставатися въ своихъ покояхъ*, хотъ между первымъ и послѣдними разстояніе на одинъ порогъ. И,—дозвольте досказать Вамъ за Васъ самихъ,—все это имѣло, внѣ всякаго сомнѣнія, значеніе не одного только удовлетворенія личнаго Вашего духовнаго чувства и всего состоянія, и не ограничивалось, одною ближайшею цѣлію, наблюденія за совершеніемъ Богослуженій мѣстными служителями, но, независимо отъ Васъ, воспринималось и глубоко слагалось въ сердцахъ всѣхъ, видѣвшихъ такой живой примѣръ и образецъ въ лицѣ Архипастыря для пастырей и пасомыхъ“ (1).

Въ самомъ дѣлѣ, держась прямаго смысла послѣднихъ словъ маститаго Первосвятителя, нельзя не согласиться, что, видѣвши хотъ разъ и только нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій и отношеній самого Архипастыря своего—преосв. Антонія въ средѣ простаго народа, приходскіе пастыри не могли не принимать дѣйствій и отношеній своего Архипастыря за самый живой урокъ и образецъ для себя,—а затѣмъ не чувствовать зазора собственной совѣсти и самообличенія предъ глазами своихъ же пасо-

(1) Настоящій разсказъ относится ко времени перваго свиданія, для котораго преосв. Антоній совершилъ нарочитую поѣздку въ Москву въ Іюнь 1866 г. Пишущему вскорѣ же (въ концѣ Августа) привелось быть самому въ Москвѣ и слышать изъ вѣрныхъ разсказовъ, что пріѣздъ преосв. Антонія для свиданія съ Владыкою Московскимъ, былъ для послѣдняго особенно приятенъ, такъ что видѣшіе личные пріемы и отношенія его къ гостю дивились необычайной переимѣнѣ въ состояніи и обычной тактикѣ маститаго Первосвятителя. Самъ преосв. Антоній тоже не находилъ словъ, чтобы высказать вполнѣ, что видѣлъ и чувствовалъ при личныхъ свиданіяхъ съ нимъ. «Я даже конфузился, нѣкоторымъ образомъ, за себя самого, говорилъ преосв. Антоній, когда встрѣтилъ столь близкое и искренне-откровенное обращеніе со мною и ко мнѣ во всемъ со стороны Владыки Митрополита,—начиная съ того напр., что онъ приказывалъ посылать за мною свою карету не иначе, какъ въ *шестерню*».

мыхъ въ случаѣ какихъ либо дѣйствій въ родѣ вымогательствъ платы или отказа бѣднымъ въ дѣлѣ совершенія Св. Тайнствъ и требъ и т. п.

Что произошла, дѣйствительно, болѣе или менѣе явная и скорая перемѣна въ состояніи духовенства и отношеніяхъ его къ прихожанамъ, ясно изъ того, что преосв. Антоній сталъ, чаще и больше, выражать благосклонные отзывы объ этомъ и въ своихъ циркулярахъ, и въ частныхъ предложеніяхъ или резолюціяхъ, которыя и поспѣшалъ объявлять во всеобщую извѣстность духовенству и прихожанамъ чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Въ этихъ отзывахъ замѣчательно, болѣе всего, то, что они носили не столько формально-официальный характеръ; а какъ почерпались изъ живыхъ личныхъ опытовъ, такъ и исходили изъ душевныхъ чувствъ сорадованія, которыми Архипастырь хотѣлъ, такъ сказать, подѣлиться со всею своею паствою, выражая, при этомъ, самыя искреннія надежды и увѣренность въ успѣхахъ на большее и лучшее. Для примѣра приведемъ здѣсь нѣсколько подобныхъ отзывовъ: „Въ средѣ духовенства N. усмотрѣно мною самое пріятное сближеніе духовенства съ прихожанами и вообще съ обществомъ; о чемъ и самое общество открыто свидѣтельствовало предо мною. Съ утѣшеніемъ объ этомъ выражаю мою благодарность духовенству“. „Священникъ N. пользуется особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ прихожанъ, какъ простыхъ, такъ и дворянъ; всѣ единодушно весьма одобряли его, какъ поучительнаго и, во всѣхъ отношеніяхъ, добраго, радѣтельнаго пастыря,—о чемъ мнѣ лично приносили благодарность; вообще этотъ священникъ пріобрѣлъ въ своей мѣстности, очень замѣчательную, популярность“. „Священники (два) N.N. отличаются особенною солидностію и степенностію, благотворно вліяютъ даже на другихъ въ средѣ духовенства“. „Особенно пріятно было видѣть въ г. N. и во всемъ уѣздѣ, что всѣ духовные живутъ между собою и съ прихожанами мирно и дружелюбно и во всемъ, что относится къ ихъ пастырскому званію и дѣлу, являютъ ревностное усердіе“.

Въ особенности же, подобные отзывы публиковались въ Вѣдомостяхъ о священникахъ и причтахъ въ тѣхъ приходсахъ, гдѣ прежде всѣхъ могли учреждаться церковно-приходскія Попечительства. Въ этихъ попечительствахъ преосв. Антоній признавалъ особенно вѣрный залогъ благосостоянія всей паствы какъ съ религиозно-духовной стороны, такъ и матеріальной для удовлетворенія многообразныхъ церковно-приходскихъ потребностей, и въ видахъ православнаго народнаго образованія, улучшенія быта самого духовенства и, наконецъ, общественнаго вспомошествованія на предметы призрѣнія бѣдныхъ и больныхъ.—Значеніе всякаго успѣха въ учрежденіи этихъ Попечительствъ, преимущественно, опредѣляется здѣсь самымъ *тогдашнимъ временемъ*, когда приводилось браться за это дѣло совершенно за-ново, и когда оно, естественно, встрѣчало не сочувствіе и положительныя препятствія со стороны не только прихожанъ, но и самыхъ духовныхъ. О прихожанахъ сами же священники (какъ значится въ одномъ циркулярѣ преосв. Антонія) доносили, что „они (прихожане) не изъявляли своего согласія на открытіе Попечительства, потому, что опасаются новыхъ для себя повинностей и издержекъ, къ которымъ, будто бы, сами же Попечительства ихъ непременно обяжутъ“. Самые же причты хотя сами отъ себя не высказывали причинъ, но не трудно было видѣть, что они тоже боялись этихъ Попечительствъ, дабы не подпасть подъ какой-то, неблагопріятный для себя, контроль своихъ же прихожанъ, а еще (въ чемъ *поддакивали*, болѣе всего, *церковные старосты*),—предвидѣли ограниченіе своихъ правъ, или, точнѣе, произвола въ распоряженіяхъ по части церковныхъ средствъ, и въ особенности свѣчныхъ доходовъ.

На счетъ не сочувствія и препятствій къ учрежденію Попечительствъ со стороны прихожанъ были и формальные репорты къ самому Преосвященному, а также присылались статьи въ Редакцію епархіальныхъ Вѣдомостей. Когда же преосв. Антоній убѣдился, что медленность въ учрежденіи Попечительствъ, все-таки, зависитъ отъ явнаго, или тайнаго не сочувствія самихъ прич-

товъ, то особымъ циркуляромъ предписаль, чтобы въ клировыхъ вѣдомостяхъ, въ ряду прочихъ статистическихъ свѣдѣній о приходахъ, было обозначаемо, — „есть ли приходское Попечительство“; а съ тѣмъ вмѣстѣ дано знать, что отсутствіе этого учрежденія будетъ признаваться за явное свидѣтельство нерадивости мѣстнаго духовенства. Въ видахъ же большаго ободренія стѣснявшихся какими либо дѣйствительными трудностями въ подобныхъ начинаніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы вывести наружу предъ всѣми самыя причины этихъ трудностей, болѣе или менѣе скрываемаыя самимъ духовенствомъ изъ ихъ личныхъ видовъ, — преосв. Антоній рѣшился опубликовать слѣдующій, отъ имени своего, циркуляръ: „Достойно самаго глубокаго сожалѣнія, что 1) есть еще довольно сель, гдѣ доселѣ еще не открыты Попечительства; 2) есть и открытыя Попечительства, но не ознаменовавшія ничѣмъ своей дѣятельности, и едва ли, не номинально только существующія, и ради формы только открытыя; 3) есть Попечительства, въ которыхъ Предсѣдатели встрѣчаютъ крайнія затрудненія, — и отъ кого же?! со стороны самого же приходскаго духовенства, явно не понимающаго и не соответствующаго дѣлу; 4) въ иныхъ мѣстахъ, Попечительства жалуются на крайнюю апатію и безучастность къ дѣлу, прежде всего, со стороны наиболѣе образованной части прихожанъ — помѣщиковъ, и на то, что отъ прочихъ прихожанъ — крестьянъ, смотрящихъ на примѣръ первыхъ, и ожидать нечего; 5) во многихъ же мѣстахъ жалуются на то же со стороны Мирowychъ Посредниковъ, которые не только не стараются располагать къ этому благому дѣлу крестьянъ своимъ на нихъ вліяніемъ, считая это совершенно стороннимъ для себя дѣломъ, но, иногда, даже отталкиваютъ отъ сего, и, наконецъ, 6) есть, къ несчастію, даже случаи самыхъ не благопріятныхъ столкновеній между Предсѣдателями Попечительства (изъ мірянъ) и мѣстными священнослужителями, проистекающія изъ личныхъ взаимныхъ неудовольствій..., каковыя столкновенія угрожаютъ явнымъ вредомъ и разстройствомъ для церквей и приходовъ“.

О содержаніи этого циркуляра преосв. Антоній самъ высказываль, что онъ тутъ позволилъ себѣ поступить по пословицѣ: „всѣмъ сестрамъ—по серьгамъ“, и опасался даже, чтобы не затронулась чья либо амбиція. Потому, пользуясь другимъ поводомъ, онъ разъяснилъ циркулярно же, что и какъ нужно разумѣть и прилагать къ самой практикѣ въ дѣлѣ взаимнаго соглашенія между причтами и прихожанами, и, въ частности, лицами представительными и вліятельными. Главное же, онъ не опускалъ никакихъ случаевъ лично относиться къ послѣднимъ съ архипастырскими увѣщаніями для расположенія ихъ къ столь благому общественному дѣлу; въ чемъ, дѣйствительно, и имѣлъ всегданній успѣхъ, находясь самъ со всѣми подобными лицами въ постоянныхъ отличныхъ отношеніяхъ. Самымъ благопріятнымъ послѣдствіемъ сего было то, что въ Предсѣдатели Попечительствъ избирались и поступали люди изъ среды образованныхъ и, по преимуществу, совмѣстно съ приходскими священниками. —Послѣдняго же, болѣе всего, и желалъ самъ преосв. Антоній, видя въ этомъ несомнѣнный залогъ и внутренняго и внѣшняго единенія въ личномъ составѣ всего Попечительства въ интересахъ не только церковно-приходскихъ, но и мѣстно-общественныхъ. —Вмѣстѣ съ тѣмъ, при поѣздкахъ по епархіи, онъ не опускалъ удобныхъ случаевъ не только разсматривать журналы Попечительскихъ постановленій, но и лично посѣщать самыя собранія Попечительствъ. Получаемыя, такимъ образомъ, свѣдѣнія объ особенно выдающихся добрыхъ и успѣшныхъ дѣйствіяхъ Попечительствъ, равно какъ и о личныхъ взаимныхъ отношеніяхъ между самими членами, при всей ихъ разносословности, преосв. Антоній старался тоже приводить въ общую извѣстность.

Для примѣра, вотъ одно изъ подобныхъ сообщеній въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: „Церковное Попечительство, открытое только-что въ прошедшемъ году, при моемъ посѣщеніи этого села N. въ Сентябрѣ сего года, имѣло свое годовичное собраніе въ моемъ личномъ присутствіи. Въ высшей степени пріятно было видѣть это, скромное по обстановкѣ, но вполнѣ благоприличное со-

брагіе членовъ Попечительства. Здѣсь, рядомъ застѣвая лица всѣхъ сословій, и дворяне-помѣщики, и духовные и крестьяне, согласно разсуждали о нуждахъ церкви и прихода и единодушно постановляли свои рѣшенія. Въ этомъ собраніи произведены были новые годовичные выборы исполнителей разныхъ порученій Попечительства, изложены прямыя нужды по церкви и приходу, и самыя предположенія для ихъ удовлетворенія. Такая дѣятельность Попечительства, несомнѣнно, обѣщаетъ вѣрные и самыя благіе плоды на пользу церкви и прихода, которые и теперь уже очевидны, въ особенности, въ весьма хорошемъ состояніи церковно-приходской школы и въ клиросномъ пѣніи въ церкви.— Считаю Архипастырскимъ долгомъ указать на такое состояніе Попечительства, какъ на образецъ и, какъ явное, доказательство того, что учрежденіе церковно-приходскихъ попечительствъ не представляетъ ничего невозможнаго и никакихъ особенныхъ затрудненій при доброй волѣ, рѣшительности, умѣнѣ вести дѣло и при единодушномъ согласіи прихожанъ, не смотря на ихъ разносословность“.

Плодомъ всѣхъ этихъ личныхъ дѣйствій преосв. Антонія и было то, что въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, за послѣднее время его епископства въ Смоленской епархіи, во всякомъ номерѣ, слѣдовательно, чрезъ каждыя двѣ недѣли, встрѣчаются десятки извѣстій о новооткрываемыхъ попечительствахъ съ подробными списками многихъ членовъ всѣхъ сословій не только изъ мѣстныхъ жителей, но и стороннихъ въ званіи почетныхъ.

На ряду съ извѣстіями объ учреждавшихся попечительствахъ, столь же часто встрѣчаются въ епарх. Вѣдомостяхъ какъ постановленія попечительствъ, такъ и приговоры самыхъ прихожанъ объ открываемыхъ церковно-приходскихъ школахъ. Въ послѣднихъ преосв. Антоній находилъ еще болѣе отрадное явленіе, видя въ немъ, болѣе вѣрное и надежное, скрѣпленіе взаимнаго сочувствія къ общественно-церковнымъ интересамъ въ видахъ будущаго развитія дѣятельности попечительствъ и, въ особенности, вліянія духовенства на подростяющее

поколѣніе.—Нужно, впрочемъ, сказать при этомъ, что преосв. Антоній руководился здѣсь тѣмъ главнѣйшимъ убѣжденіемъ, что эти школы должны неуклонно соответствовать самому наименованію своему—„*церковно-приходскія*“, и, потому, имѣть характеръ *церковно-религіозный*.—Объ учрежденіи этихъ церковно-приходскихъ школъ имѣетъ быть рѣчь въ сейчасъ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XIV.

Вѣлу первоначальнаго учрежденія народныхъ школъ церковно-приходскими Попечительствами въ Смоленской епархіи много помогло то, что, по личной же инициативѣ преосв. Антонія, были уже открыты въ нѣкоторыхъ приходахъ школы, заведенныя исключительно трудами священниковъ и, по мѣстамъ, на однѣ собственные ихъ средства. Эти-то школы сразу произвели такое дѣйствіе на мѣстныхъ прихожанъ, что послѣдніе и тогда уже относились къ этому дѣлу съ полнѣйшимъ сочувствіемъ и благодарностію, и именно потому, что оно идетъ „*по-церковному*“. Объ этомъ были даже адреса отъ прихожанъ къ преосв. Антонію. Этими-то примѣрами и воспользовался преосв. Антоній и, держась неуклонно вышеуказаннаго взгляда на заводимыя школы въ границахъ самаго строгаго понятія о нихъ, какъ церковно-приходскихъ, онъ ввелъ въ нихъ и программу обученія такую, гдѣ все направлено, преимущественно, на церковный ладъ, начиная съ церковно-народнаго букваря на славянскомъ языкѣ и продолжая чтеніемъ по церковно-служебному Часослову и Псалтири. При обученіи чтенію въ школахъ по часослову имѣлось въ виду то, чтобы мальчики, тѣмъ самымъ, ознакомлялись съ порядкомъ повседнежнаго церковнаго Богослуженія, который весь видѣнъ въ Часословѣ даже и безъ особаго руководства и, во всякомъ случаѣ, чтобы тѣ же мальчики, бывая въ церкви, могли легче и охотнѣе выслушивать церковныя службы, какъ уже знакомыя имъ и даже въ многомъ извѣстныя наизустъ. Требовалось также отъ мальчиковъ-школьниковъ, чтобы они и сами, по мѣрѣ способности,

участвовали въ чтеніи, и пѣніи на клиросѣ. Для обученія же чтенію по гражданской печати поставлялось правиломъ употреблять Святое Евангеліе въ русскомъ переводѣ, печатаемое совмѣстно съ славянскимъ текстомъ.— „И кому, сразу же, не понятно, говорилъ преосв. Антоній, что этотъ методъ на столько много полезенъ и глубоко важенъ, сравнительно съ нынѣшними педагогическими приѣмами, что желалось бы, чтобы послѣднихъ-то и вовсе не было, особенно рассчитанныхъ на одну механичность и скороспѣшность (1). Мальчикъ самъ, видя предъ собою два текста—славянскій и русскій, или обратно—русскій и славянскій, не замедлитъ вникать въ различіе и самое значеніе славянскихъ словъ и выраженій, не всегда и не во всемъ понятныхъ; главное же здѣсь то, что мальчикъ, не замѣтно, станетъ такъ сказать, „всасывать“ въ себя духъ Евангельскаго ученія и, прежде всякихъ школьныхъ учебниковъ, будетъ твердо и точно, даже до буквы по мѣстамъ, знать и передавать самую большую часть свято-Евангельской исторіи, и по самой книгѣ (по Евангелію) будетъ всегда находить и указывать по главамъ и даже по стихамъ,—гдѣ о чемъ повѣствуется въ св. Евангеліи (2). А отсюда, наконецъ, разсуждалъ преосв. Антоній, несомнѣнное

(1) Въ Церковномъ Вѣстникѣ за 1881 г. № 44 въ статьѣ: «О религиозномъ элементѣ въ нашей сельской школѣ»—эти же мысли раскрываются какъ будто-бы не виданныя и не слыханныя..., а между тѣмъ все это было уже на дѣлѣ,—что видать читающе въ фактическихъ данныхъ, излагаемыхъ за время болѣе 15-ти лѣтъ до настоящаго... Какъ бы взглянулъ теперь на подобныя статьи самъ преосв. Антоній?!

(2) Эти послѣднія мысли преосв. Антоній весьма не рѣдко высказывалъ въ чувствѣ скорби и даже какъ бы. досады и негодованія. когда, бывало. на экзаменахъ, или при частныхъ посѣщеніяхъ Казанской Семинари. замѣчалъ въ отвѣтахъ учениковъ по богословскимъ предметамъ явное незнаніе текстовъ Св. Писанія по подлинному изложенію. и когда отвѣчающій не зналъ объ изреченіяхъ Свято-Евангельскихъ, въ какой главѣ и въ какомъ контекстѣ онѣ находятся. «Стыдъ и позоръ для духовнаго заведенія.... говорилъ онъ.—тогда какъ въ приходскихъ школахъ. наоборотъ. сердце радуется, что мальчики въ состояншіи бываютъ передавать содержаніе чуть не цѣлыхъ главъ

всего, разовьется потребность и вкусъ къ чтенію и другихъ книгъ, не какихъ либо нынѣшнихъ, специально составленныхъ и рекомендуемыхъ учебными комитетами, переполненныхъ криснобайными пустопорожными рассказами, — а книгъ духовно-нравственныхъ, свято-отеческихъ и вообще назидательныхъ. Такимъ-то образомъ будутъ, пожалуй, выходить дѣйствительно тѣ, такъ называемые начетчики, которые имѣются въ виду по семинарскому уставу для приприманія ихъ въ высшіе богословскіе классы въ надеждѣ поступленія въ духовное званіе.

Въ силу такихъ своихъ убѣжденій и, вѣрно рассчитываемыхъ, столь благотворныхъ цѣлей, преосв. Антоній особымъ предложеніемъ распорядился не только печатать вышесказанную программу въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ для однообразнаго обученія въ церковно-приходскихъ школахъ, но издать ее отдѣльными брошюрами, въ количествѣ 1200 экз., для снабженія ими всѣхъ школъ и для распространенія повсюду между прихожа-

Св. Евангелія почти подлинными словами. А съ другой стороны, право же, позавидуешь и раскольникамъ, — съ какою точностью знаютъ они Слово Божіе, когда прежде, чѣмъ произнести текстъ, они высказываютъ, что въ такой-то главѣ, или зачалъ, и въ такомъ-то стихѣ, и даже въ такихъ-то строкахъ, и на такой-то страницѣ глаголется сице... и съ какими чувствами произносится ими это указание, — такъ что сразу видится глубокое благоговѣніе въ самомъ указаніи на приводимое изреченіе, какъ свидѣтельство Божіе... не говоря уже о томъ, что, какъ извѣстно, у тѣхъ же раскольниковъ и къ утѣшенію сказать, у нѣкоторыхъ и изъ нашихъ простолюдиновъ, блюдетъ тотъ святой обычай, чтобы взять въ руки самую книгу Св. Писанія не иначе, какъ *перекрестясь* и даже *поцѣловавши* раскрытое для чтенія мѣсто, а равно, и по окончаніи чтенія, сдѣлать тоже, и, наконецъ, полагать и хранить эту книгу, какъ священную, въ достопріличномъ, у св. Иконъ, мѣстѣ. А у насъ... и гдѣ же въ особенности, какъ не въ учебныхъ заведеніяхъ, — св. Библия даже не кладется, а просто *швыряется* и валяется, гдѣ и какъ попало, и, потому сплошь, оказывается разбитою, растрепанною и въ добавокъ испачканною, какими нибудь пустыми, школьными замѣтками, ради какихъ либо соображеній для легкости и ловкости обычныхъ поверхностныхъ летучихъ отвѣтовъ, чтобы получить только формальный баллъ. А дайте тому же ученику другую Библию. — и онъ на половину не отвѣтитъ, и просто встанетъ въ тупикъ...

намъ, въ видахъ ознакомленія и большаго привлеченія ихъ къ охотному отдаванію дѣтей въ церковно-приходскія школы.—особливо при сочувствіи и содѣйствіи церковно-приходскихъ Попечительствъ.

Такимъ образомъ, когда стало извѣстно, въ послѣдствіи, изъ отчетовъ Г.г. Синодальныхъ Прокуроровъ, что церковно-приходскія школы на первыхъ же годахъ, начиная съ 1860 г., утверждались и развивались съ такою благоуспѣшностію, что уже къ 1866 году существовало ихъ, въ разныхъ епархіяхъ, *болѣе двадцати тысячъ* съ числомъ учащихся *около полу-милліона* ⁽¹⁾, то Смоленская епархія, въ ряду этихъ епархій, занимала одно изъ почетныхъ мѣстъ.—Со стороны собственно преосв. Антонія принимались именно такія мѣры и средства, какихъ только можно было ожидать отъ его энергіи и ревности во всѣхъ предпріятіяхъ на пользу паствы. Такъ, когда при увеличившемся числѣ церковно-приходскихъ школъ, очевидно, требовалось еще одно изъ весьма главныхъ условій.—именно открыть прямой источникъ образовательныхъ силъ, привлечь и прикрѣпить его къ мѣсту дѣятельности и, притомъ, такой источникъ, который бы вполне подходилъ подъ характеръ самыхъ школъ и самыхъ заправителей ихъ ⁽²⁾,—и тутъ преосв. Антоній, едва ли не первый, прекрасно воспользовался для этого слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ тогдашнюю пору въ Смоленской Семинаріи было число учащихся весьма большое, такъ что воспитанники, только что кончившіе курсъ.

(1) Смотр. объ этомъ статью въ Страникѣ 1881 г., Февраль, стр. 284—292. подъ заглавіемъ «къ вопросу объ участи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія».

(2) По написаніи уже объ этомъ предметѣ, мы встрѣтили въ Церковн. Вѣстникѣ (1881 г. № 43) въ Епархіальномъ Обзорѣни какъ, разъ вопросъ объ этомъ же, т. е. что для возрастанія и процвѣтанія церковно-приходскихъ школъ потребно, между прочимъ, одно изъ существеннѣйшихъ условій—привлечеше въ нихъ достаточныхъ воспитательно-образовательныхъ силъ... Здѣсь указывается на то же, по большей части, что было вынолено уже преосв. Антоніемъ. Но разница понятна: видимо это дѣло и теперь только еще въ зачаткахъ.—а тогда—за цѣлые 15 и болѣе лѣтъ, было уже въ силѣ и дѣйстви и благоуспѣшности... Такъ-то мы прогрессируемся!!.

никакъ не могли быть опредѣляемы на священническія и даже діаконскія мѣста, чтобы, при этомъ, не были обойдены и обижены тѣ, кои кончили курсъ гораздо прежде—года за два, за три и болѣе, но оставались, по необходимости, безъ назначенія, за неимѣніемъ свободныхъ мѣстъ. Въ виду этого, преосв. Антоній объявилъ такое распоряженіе, чтобы первые отнюдь не рассчитывали на мѣста, не подавали вовсе и прошеній на какое либо мѣсто, по меньшей мѣрѣ въ теченіи двухъ лѣтъ. Такое распоряженіе сначала показалось крутымъ и тяжелымъ и для кончившихъ курсъ и для ихъ родителей,— что чувствовалъ и самъ преосв. Антоній. И вотъ, чтобы примирить съ этимъ положеніемъ, оставшихся безъ назначенія, воспитанниковъ Семинаріи, онъ открылъ для нихъ прямой путь къ служебной дѣятельности въ званіи учителей въ церковно-приходскихъ школахъ. „Этой мысли и осуществленію ея, говорилъ самъ преосв. Антоній, я особенно обрадовался, когда увидѣлъ, не замедлившія сразу оказаться, такія послѣдствія, коихъ я и не предполагалъ. Послѣдствія эти выразились именно въ томъ, что съ одной стороны воспитанники не только не уклонялись, по съ удовольствіемъ шли въ наставники школь; а съ другой стороны—само духовенство ясно увидѣло, что заведеніе школь служить очевиднымъ источникомъ для первоначальнаго обезпеченія ихъ же собственныхъ дѣтей, и потому, съ большею готовностью стали открывать школы въ своихъ приходахъ; а наконецъ, сами эти учителя, какъ имѣвшіе за собою права, по воспитанію въ Семинаріи, на поступленіе, со временемъ, на священническія мѣста, при своихъ школьно-учительскихъ занятіяхъ успѣвали, въ большинствѣ, весьма хорошо подготавливаться практически и къ будущему своему священно-пастырскому служенію, участвуя въ чтеніи и пѣніи въ церкви, изучая самый бытъ прихожанъ и пріобрѣтая въ глазахъ ихъ вѣсъ и вліяніе, какъ воспитатели ихъ дѣтей. А такъ какъ эти же наставники находились въ близкихъ отношеніяхъ къ мѣстному причту и состояли подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ священниковъ и благочинныхъ, а равно и приходскихъ Попечительствъ, то и самыя рекомендаціи объ

ихъ достоинствахъ, когда они просились, по истеченіи извѣстнаго времени, на священническія или діаконскія мѣста, всегда можно было получить достовѣрныя и обстоятельныя, а не голословныя и поверхностныя.—Въ концѣ же концовъ, такого рода священники изъ учителей, какъ изучившіе практически школьное дѣло и приохотившіеся уже къ нему, коль скоро поступали въ такіе приходы, гдѣ не было школъ, съ особенною ревностію сами старались заводить ихъ, и оказывались вполне опытными руководителями новыхъ наставниковъ, равно—какъ особенно ревностными дѣателями и вообще по устройству школъ“.

Вмѣстѣ со школами для мальчиковъ, не замедляли появляться и отдѣльныя школы для дѣвочекъ. Въ наставницы послѣднихъ преосв. Антоній, съ своей стороны, также постарался рекомендовать приходскимъ Попечительствамъ и самъ назначалъ окончившихъ курсъ въ еперхіальномъ женскомъ училищѣ, дѣвицъ духовнаго званія; для чего ввелъ въ программу этого училища преподаваніе педагогики, хотя и не въ широкомъ видѣ.

Такимъ образомъ, всѣ учреждаемыя церковно-приходскія школы, дѣйствительно, сдѣлались исключительнымъ достояніемъ духовенства; здѣсь участвовали не только члены причта, но и ихъ дѣти.

Все это, впрочемъ, обусловливалось какъ личнымъ вліяніемъ преосв. Антонія на духовенство и сказанными, вполне целесообразными, распорядительными его мѣрами, такъ и тогдашнею постановкою самого вопроса объ учрежденіи не только церковно-приходскихъ школъ, но и вообще начальныхъ народныхъ училищъ. И Министры Народнаго Просвѣщенія за описываемое время—Графъ Путятинъ, А. С. Норовъ и Е. П. Ковалевскій, и Оберъ-Прокуроры св. Синода—Графъ А. П. Толстой, Ахматовъ и другіе государственные сановники (напр. Гр. Блудовъ) всѣ были одного мнѣнія, что дѣло народнаго образованія должно быть непременно въ вѣдѣніи, исключительно, лицъ духовнаго званія. Извѣстно также, что было особое Высочайшее Повелѣніе, чтобы всѣ, открываемыя собственно духовенствомъ и приходскими По-

печительствами, сельскія школы оставались непременно въ вѣдѣніи духовенства, съ тѣмъ при томъ, чтобы Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія оказывало содѣйствіе къ преуспѣянію ихъ, по мѣрѣ возможности, и не привлекало въ свои свѣтскія народныя начальныя училища учениковъ изъ священническихъ школъ никакими мѣрами убѣжденія“ (1).

При этихъ условіяхъ, дѣйствительно, для церковно-приходскихъ школъ было время самое благопріятное, чѣмъ и успѣлъ воспользоваться преосв. Антоній. Тогдашнія народныя училища, существовавшія напр. въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, не только не могли конкурировать и подрывать церковно-приходскія школы, а, напротивъ, сами чувствовали и выражали нужду въ содѣйствіи для нихъ со стороны епархіальной, такъ что обращались къ ней за учителями изъ кончившихъ курсъ семинарскихъ воспитанниковъ. Этихъ фактовъ находится не мало, между прочимъ, пропечатанныхъ въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ Смоленской епархіи, не говоря о другихъ, бывшихъ до времени изданія Вѣдомостей. Преосв. Антоній, съ своей стороны, не видя недостатка въ кандидатахъ на учительство для своихъ школъ, съ готовностію соглашался на поступленіе воспитанниковъ Семинаріи въ учителя училищъ сказаннаго Министерства. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ находилъ въ подобныхъ назначеніяхъ надежный залогъ тѣхъ же благихъ послѣдствій, какъ и въ церковно-приходскихъ школахъ, потому-что эти же самые учителя, по праву своего образованія, оставались кандидатами и на священство. „Наконецъ, говорилъ онъ, пріятно было видѣть, что само начальство вѣдомства Госуд. Имуществовъ явно признавало достоинство за воспитанниками Семинаріи въ дѣлѣ учительства,—чему доказательства могло оно видѣть на опытахъ въ церковно-приходскихъ школахъ, какъ приводилось мнѣ лично слышать объ этомъ отъ лицъ начальствующихъ въ Смоленской Палатѣ Государствен-

(1) Смотр. объ этомъ между прочимъ въ статьѣ: «Къ вопросу въ дѣлѣ народнаго образованія».—Странникъ 1881 г., Февраль. стран. 284—292.

ныхъ Имуществъ. Да и мнѣ-то самому, когда случалось посѣщать эти училища во время поѣздокъ по епархіи, было и сподручно и отрадно имѣть обращеніе къ этимъ учителямъ, какъ своимъ; равно не менѣе отрадно было замѣчать, что въ жителяхъ мѣстныхъ было особенное сочувствіе къ дѣлу обученія своихъ дѣтей въ тѣхъ училищахъ, въ коихъ они видѣли учителей изъ духовныхъ, — изъ семинаристовъ, о каковыхъ знали въ церковно-приходскихъ школахъ“.

Вообще же сочувствіе народа къ учреждавшимся школамъ, а равно и къ ихъ учредителямъ и наставникамъ, выражалось въ такой степени, что бывали примѣры, какъ нѣкоторые прихожане или цѣлыя волости представляли преосв. Антонію адреса, въ коихъ свидѣтельствовалось о достоинствахъ и заслугахъ учредителей школъ—священниковъ, и благодарность самому Преосвященному. — „Мы вполне сознаемъ и цѣнимъ (сказано напр. въ адресѣ отъ одной волости Юхновскаго уѣзда), такое благодѣяніе Вашего Преосвященства, потому что видимъ сами теперь уже многихъ, кончившихъ ученіе, съ вполне достаточными въ крестьянскомъ быту свѣдѣніями по чтенію, письму, церковному пѣнію и другимъ, доступнымъ для дѣтей, предметамъ, и видимъ благотворные плоды этого ученія въ направленіи обучавшихся“ (1).

За то и самъ преосв. Антоній, при всѣхъ поѣздкахъ по епархіи, почиталъ первымъ долгомъ для себя посѣщать церковно-приходскія школы, куда, по его желанію, собирались, по возможности, наличные члены Попечительства. Здѣсь всеми мѣрами и одобренія, и поощренія, и взаимныхъ совѣщаній онъ вызывалъ всевозможное сочувствіе этихъ членовъ, равно какъ и въ учащихся дѣтяхъ своимъ отеческимъ къ нимъ вниманіемъ вызывалъ дѣтскую довѣренность и расположенность и къ учителямъ, и къ Попечителямъ школы изъ числа избранныхъ членовъ приходскаго Попечительства. При этихъ отношеніяхъ выходило, что нѣкоторые члены изъ лицъ образованныхъ, — мѣстныхъ помѣщиковъ, принимали са-

(1) Смоленск. епарх. Вѣдомости за 1865 г. № 8. стр. 139.

ми участіе въ занятіяхъ въ школѣ; чрезъ что подобныя школы выходили, дѣйствительно, лучшими, являлись благоустроенными, а самое развитіе учащихся живѣе и многостороннѣе. Описываемыя посѣщенія школъ всегда отмѣчались въ путевомъ журналѣ и публиковались въ Вѣдомостяхъ, иногда съ значительными подробностями, съ указаніемъ особенно выдавшихся сторонъ хорошихъ; но не скрываются были и недостатки.

До какой степени доведены были нѣкоторыя церковно-приходскія школы, при бытности преосв. Антонія въ Смоленской епархіи, приведемъ для примѣра подлинное изложеніе въ путевомъ журналѣ въ Іюнь 1866 года о школѣ въ селѣ Будинѣ. „Осмотрѣвъ церковь, Его Преосвященство посѣтилъ домъ священника и, затѣмъ, тамошняго помѣщика (Ельчанинова), гдѣ былъ предложенъ ему обѣдъ. Здѣсь же, прежде всего, были собраны мальчики, учащіеся въ мѣстной церковно-приходской школѣ, гдѣ занимается съ ними иногда и самъ помѣщикъ. Спрашиваемые Его Преосвященствомъ на выдержку, мальчики очень осмысленно отвѣчали изъ Катихизиса, изъ Св. Исторіи, изъ Ариѳметики и изъ Русской Грамматики. Затѣмъ, одинъ за другимъ, двое мальчиковъ произнесли стихи; а нѣсколько другихъ декламировали съ жестикоуляціей разговоръ, написанный стихами, на предметъ: „гдѣ наша истинная родина и гдѣ наше истинное счастье“. Предъ началомъ обѣда всѣ мальчики пропѣли „Царю Небесный“, во время обѣда пѣли: „Коль Славенъ“, „Боже Царя храни“ и разныя церковныя пѣнопѣнія и духовныя канты. Словомъ сказать, все было такъ истинно хорошо, по развитости и успѣхамъ учащихся крестьянскихъ мальчиковъ, что эта школа, по всей справедливости, можетъ быть названа образцовою. Въ память своего посѣщенія и утѣшенія и въ благодарность за успѣхи, Его Пр—ство подарилъ мальчикамъ, и отдѣльно въ школу, разныя, духовно-нравственнаго содержанія, книги“ (1).

Читая многіе другіе отзывы о состояніи церковно-

(1) Смотр. Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г. стран. 173.

приходскихъ школъ, пропечатанные въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, нельзя не замѣчать того особеннаго вниманія преосв. Антонія, съ какимъ онъ обращался къ главнымъ дѣятелямъ въ этомъ дѣлѣ—священникамъ, учителямъ и учительницамъ, о чемъ неопустительно свидѣтельствовалъ и въ резолюціяхъ по разнымъ случаямъ, и въ своихъ путевыхъ журналахъ послѣ каждой поѣздки по епархіи. Это искреннее истинно-архипастырское вниманіе, естественно, вызывало, или, какъ выражался самъ преосв. Антоній, расшевеливало силы духовенства, такъ что, со стороны послѣдняго, стали скоро появляться въ печати въ тѣхъ же епархіальныхъ Вѣдомостяхъ статьи, гдѣ оцѣнивались всѣ начинанія и мѣропріятія преосв. Антонія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, не утаивались и тѣ глухія и темныя стороны, отъ которыхъ, такъ или иначе, тормозился ходъ и успѣхъ первыхъ.

Должно сказать къ особенной чести тогдашней Редакціи епарх. Вѣдомостей, а не раздѣльно и самого преосв. Антонія, (который, какъ замѣчено было прежде, прочитывалъ напередъ всѣ статьи, присылавшіяся въ Редакцію) — статьи вышеозначеннаго содержанія не оставались подѣ спудомъ, хотя бы онѣ и выдавались какими либо грустными разоблаченіями существующихъ злоупотребленій. Преосв. Антоній скорѣе не одобрялъ къ печатанію тѣхъ статей, которыя оказывались рановременными, или заключающими въ себѣ проэскты чрезчуръ широкіе или въ смыслѣ, такъ называемыхъ, „*ria desideria*“. Онъ держался строгой разумной осторожности, чтобы подобными вещами не возбуждать несбыточныхъ надеждъ и не отвлекать вниманія и дѣятельности духовенства отъ насущныхъ потребностей и тѣмъ не задерживать возможнаго постепеннаго удовлетворенія послѣднихъ.

Въ настоящемъ мѣстѣ мы имѣемъ въ виду указать на содержаніе одной изъ статей вышесказаннаго содержанія, т. е., гдѣ оцѣнивались по достоинству дѣйствія преосв. Антонія, и гдѣ указано на одну изъ тѣхъ глухихъ и темныхъ сторонъ, безъ устраненія которыхъ мало было бы надежды къ полному достиженію цѣлей „въ

дѣлѣ (какъ выражено буквально въ указываемой статьѣ). животрененціи нашихъ тогдашняго времени и любимѣйшихъ желаній и задушевныхъ стремленій нашего Архипастыря (преосв. Антонія)“. Содержание указываемой статьи намъ (пишущему) тѣмъ болѣе памятно, что преосв. Антоній прочитывалъ ее въ рукописи въ слухъ, и, при этомъ, высказывалъ по пунктамъ свои взгляды и отзывы. Вообще, замѣтно довольный изложеніемъ автора, онъ говорилъ: „esse quomodo nostri!.. а не то, что у васъ тамъ въ Витебской епархіи... Видишь, какъ у насъ священники открыто разсуждаютъ, хотя, по правдѣ сказать, для меня-то все это не новость. Я радъ только тому, что, изложенныя здѣсь, сужденія и факты исходятъ изъ среды самого же духовенства, слѣдовательно, они сами сознаютъ, что благо, и что худо... Иначе нѣтъ ничего, подь часть, тяжелѣе, какъ то, когда приводится самимъ намъ—архіереямъ обнаруживать худыя стороны и затрогивать, какъ говорится, такія болячки, которыя срослись съ самимъ организмомъ такъ, что приводится затрогивать какъ-бы за живое“.

„Нашъ Архипастырь,—такъ начинается разсматриваемая статья.—близко знакомый съ жизнію паствы и вполне сочувствующій всѣмъ добрымъ условіямъ и требованіямъ времени, уже давно заслужилъ славу передоваго дѣятеля. Но поприще дѣятельности его гораздо обширнѣе, и главное здѣсь то, что нашъ Архипастырь дѣйствуетъ, и желаетъ, и требуетъ, чтобы то, или другое, и третіе проявлялось и существовало не по формѣ только и для вида, а дѣйствовало въ жизни свободно, а не указано только, по казенному. Его постоянно занимаетъ одна мысль—о возвышеніи духовенства и утвержденіи его значенія и вліянія въ средѣ пасомыхъ. Къ этой цѣли направлены всѣ его архипастырскія дѣйствія и распоряженія. Таковы его распоряженія объ учрежденіи приходскихъ Попечительствъ, о заведеніи церковно-приходскихъ школъ; объ устройствѣ церковно-общественныхъ домовъ для духовенства; сюда же относится и то, что сначала казалось мѣрою стѣснительною.—это распоряженіе,—чтобы воспитанники, кончившіе курсъ Семинаріи,

удостоивались рукоположенія во священники не прежде, какъ послуживъ, извѣстное время, на степени діакона, или причетника и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наставника въ сельскихъ школахъ. дабы, вѣрнѣе предварительно, практически подготовиться имъ къ будущему пастырскому служенію, такъ чтобы на послѣднее поприще они могли выступить съ возможнымъ сознаниемъ силъ и способностей и съ внутреннимъ призваніемъ къ служенію, не по формѣ только и не по условіямъ только своего традиціоннаго положенія... Не даромъ уже давно упрекаютъ духовенство въ формальности и апатіи къ дѣлу... И вотъ теперь, чтобы дать еще болѣе широкое поприще и вызвать еще къ большей дѣятельности свободныя стремленія и новыя силы духовенства, и не стѣснять ни чьихъ добрыхъ намѣреній и мѣропріятій, нашъ Архипастырь приступилъ къ новой реформѣ въ быту духовенства;— мы разумѣемъ введеніе выборнаго начала въ избраніи Благочинныхъ.—И чтожь?! восклицаетъ авторъ—(священникъ), если мы не можемъ сказать, съ своей стороны, что упреки духовенству въ формальности и апатіи къ дѣлу и въ отсутствіи его самодѣятельности есть клевета и напраслина, напротивъ, если мы не можемъ не сознаться, что въ этихъ упрекахъ много есть правды въ разнообразныхъ явленіяхъ нашей жизни и служенія за прежнія времена до днесь..,— то намъ же, какъ служителямъ Религіи и совѣсти, какъ провозвѣстникамъ воли Божіей и всякой истины и правды, возможна ли мысль и, тѣмъ паче, желаніе коснѣть въ прежнемъ и не отозваться со всею готовностію и всѣми силами послужить дѣлу осуществленія насущныхъ и животрепещущихъ потребностей и любимѣйшихъ желаній нашего Архипастыря?!“ И, вслѣдъ за этимъ, авторъ открыто приводитъ примѣры изъ дѣйствительныхъ фактовъ, доказывающихъ.—какъ, при господствующей формальности, и самыя послѣднія нововведенія по части школъ и Попечительствъ, остаются иногда только на бумагѣ, по формѣ, и, просто на просто, фиктивными... и, при этомъ, не скрываетъ прямой причины въ лицѣ именно представителей сельскаго духовенства—Благочин-

ныхъ.— „Къ несчастію, у насъ (писалъ авторъ) дѣло часто останавливается на одной формѣ. Намъ случилось за вѣрное слышать, что есть напр. сельскія школы, существующія только на бумагѣ и, даже въ воображеніи, въ случаѣ же ревизіи мгновенно формирующіяся изъ мальчиковъ, учившихся вовсе не въ школѣ и не ушкольнаго учителя, который между тѣмъ, выдаетъ ихъ за своихъ учениковъ. Такая исторія случилась напр. въ селѣ М—товѣ, гдѣ, при посѣщеніи Архипастыря, мгновенно составлена была школа. Тоже можно сказать и объ открывающихся церковно-приходскихъ Попечительствахъ. Мы сами, однажды, были свидѣтелями, какъ одинъ Благочинный, исполнитель воли Преосвященнѣйшаго, такъ побуждалъ другихъ къ открытію приходскаго Попечительства: „Открывайте, говорилъ онъ подчиненному своему священнику, — открывайте Попечительство“. На возраженіе же священника, что „не изъ кого составить совѣтъ Попечительства“—онъ—Благочинный отвѣчалъ: „вотъ васъ двое (священниковъ), церковный староста третій, пригласите еще человѣкъ двухъ и довольно... Я знаю, что толку-то изъ Попечительства не будетъ, но чтоже, если такъ угодно начальству“. На сколько намъ извѣстно, въ этомъ приходѣ и доселѣ не открыто приходское Попечительство; вѣроятно, священники смотрятъ на это дѣло серьезнѣе совѣта своего Благочиннаго“⁽¹⁾.

Прочитавши эти, именно послѣдніе, факты, преосв. Антоній, грустно полуулыбнувшись, сказалъ: „охма, охма! Написавшій эти факты, вѣроятно, думалъ, что въ нихъ если для кого, то для меня, какаянибудь диковинка... Мнѣ приводилось лично убѣждаться въ подобныхъ продѣлкахъ, да еще въ большихъ... Къ тому же это только одна сторона медали. Надобно знать и то, какъ сами-то священники проводятъ своихъ Благочинныхъ, а эти, подѣ часъ, бываютъ и рады, когда находятъ подобныя дѣйствія благовидными. А причина въ чемъ?? Въ томъ, что Благочинные, дѣйствительно, преслѣдуютъ только одно, чтобы самимъ казаться исправными предъ

⁽¹⁾ Епарх. Смоленск. Вѣдомости 1865 г., стр. 379—382.

начальствомъ. А что касается самага дѣла, интересовъ паствы и даже личныхъ интересовъ духовенства, то они готовы въ этомъ умыть руки, а все сваливаютъ на начальство епархіальное, не рѣдко приговаривая: „да! подите-ка вы, отцы, сами туда... попробуйте и узнаете, каково нашему брату соваться, съ какими либо, заявленіями,—говорить иной Благочинный. А потому дѣлайте-ка лучше такъ, какъ знаете и умѣете, чтобы и мнѣ за васъ было не отвѣчать...;—а въ случаѣ—смотрите, сами вы—первые отвѣчаете за все и предо мною, коль скоро что воспослѣдуетъ, паче чаянія. прямо *оттуда*“. Вотъ на чемъ виситъ вся связь между Благочинными и подчиненными имъ причтами. А по отношенію къ намъ, напр.. архіереямъ, что такое Благочинный? По положенію, или вообще по принятому выраженію, Благочинный именуется *окомъ* архіерея.—Оно, пожалуй бы, и такъ; но какое же это око?!—На практикѣ оказывается одно, что *это око*, когда находится *предъ очами* самага Архіерея, напр. при обзорѣніи епархіи, только и смотритъ. куда направятся взоры Архіерея, чтобы не промигать, гдѣ, что и какъ предупредить, предварить... и, затѣмъ, зорко прослѣдить, какъ и что усмотрѣно Архіереемъ и тутъ же предусмотрѣть, чѣмъ объяснить, чему приписать то или другое, хорошее или дурное, такъ что *ловкое око* Благочиннаго и не „*моргнетъ*“, чтобы, при глазахъ же и въ слухъ причтовъ, или восписать имъ не бывалую честь достоинства, или же взвалить все худое на ихъ бѣдныя головушки, и, при томъ, такъ искусно и дипломатично, что и, въ послѣднемъ случаѣ, члены причта (если только вина падала бы на всѣхъ сообща, а не на кого либо въ частности, и не касалась личныхъ пороковъ и преступленій), готовы смиренно безмолвствовать въ томъ прямомъ упованіи, что самъ же Благочинный постарается и съумѣетъ ослабить вину и избавить отъ послѣдствій, такъ какъ дѣло поручается, обыкновенно, ему же для разузнанія вины и исправленія виновныхъ и т. п. Потому-то, сколько я зналъ прежде, по дѣламъ еще въ Кіевской Консистеріи, и слыхивалъ мудро-опытные взгляды и сужденія покойнаго нашего Владыки (митр. Кіевскаго), и

сколько теперь увѣрился лично, — пришелъ къ рѣшительному убѣжденію, что доселѣ существовавшіе, Благочинные, вмѣсто значенія — быть *окомъ* Архіерея, могутъ имѣть значеніе развѣ *очковъ*, чтобы, надѣвши послѣдніе на носъ, Архіерей могъ не видѣть, подь часъ, что и какъ дѣлается подь носомъ... если вникать не въ форму только и обращать вниманіе не на внѣшнюю показную сторону, а проникать и преслѣдовать самую жизнь и существенные интересы духовенства и всей паствы по долгу и праву Богодарованной намъ, Архіереямъ, власти. Вотъ почему я рѣшилъ уже дать предложеніе здѣшней Консистоіи о томъ, что нахожу, по примѣру, хотя еще весьма немногихъ, епархій, благовременнымъ ввести съ будущаго 1866 г. порядокъ назначенія благочинныхъ по выбору самого духовенства чрезъ закрытую баллотировку, — по поводу чего и появилась статья корреспондента-священника N., котораго мысли я вполнѣ одобряю“.

Кромѣ указанной статьи были и другія изъ среды же духовенства, изъ которыхъ нѣкоторые заключали въ себѣ и своего рода возраженія, хотя не противъ принципа и самаго введенія выборнаго начала при назначеніи благочинныхъ, а по поводу, болѣе всего, нѣкоторыхъ недоразумѣній при взглядѣ на изданныя Консистоіею правила для выборовъ и по поводу, неизбѣжно на первыхъ порахъ являвшихся, случайностей при самыхъ производствахъ выборовъ. Но всѣ эти недоразумѣнія скоро уладились. Въ одной изъ статей, напечатанной въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ Мартѣ 1866 года, когда уже произведены были выборы во многихъ городахъ и уѣздахъ Смоленск. епархій, читаемъ такіа слова: „Считаемъ нужнымъ сказать, что, не смотря на нѣкоторыя неточности и недостатки въ формѣ производства выборовъ и на нѣкоторыя случайности и даже личное состояніе и дѣйствованіе нѣкоторыхъ въ средѣ избирающихъ и избираемыхъ, выборное начало, какъ и слѣдовало ожидать, произвело въ духовенствѣ пріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые же члены, какъ мы уже замѣтили прежде, отъ удовольствія на выборахъ потирали

руки, и это весьма естественно: всякое расширеніе личныхъ и общечеловѣческихъ правъ не можетъ не радовать каждаго. Но и новоизбранные Благочинные чувствовали себя иначе, нежели прежніе: голосъ духовенства для нихъ, видимо, сталъ очень дорогъ; значитъ выборное начало сразу произвело нормальныя и общечеловѣческія отношенія между благочинными и подвѣдомыми имъ причтами. Одинъ Благочинный, послѣ избранія его открыто и прямо выразилъ это въ своей рѣчи къ избравшему его духовенству.—Онъ благодарилъ избирателей за оказанное ему довѣріе и сказалъ, что прежніе благочинные знали одно только начальство, и произвольно относились къ причтамъ; нынѣ же они поставлены въ новыя отношенія ко всему духовенству. Онъ просилъ себѣ общаго содѣйствія при исполненіи своихъ обязанностей, что ему и было обѣщано единодушно отъ его избирателей.—Не нужно забывать при семъ, что это были еще только первые опыты выборовъ въ духовенствѣ въ нашей епархіи“ (1).

Не смотря, впрочемъ, на выраженную въ только-что приведенной статьѣ, оговорку автора, что „это еще первые только опыты“, слѣдовательно, невольно могущіе заключать въ себѣ, тѣ или другія, неисправности, недостатки; къ чести духовенства надо сказать, что результаты выборовъ были вполнѣ удовлетворительны. Замѣчательно, между прочимъ, то, что во множествѣ оказывались избранными по баллотировкѣ тѣ же, прежде бывшіе, благочинные. Этимъ пресов. Антоній весьма былъ доволенъ, потому что во первыхъ здѣсь доказывалось ясно достоинство прежнихъ благочинныхъ, которые, почти всѣ, были назначены имъ же самимъ, и во вторыхъ—въ средѣ духовенства не проявилось тѣхъ порывовъ, какихъ можно было бы ожидать при новооткрытыхъ правахъ и условіяхъ въ отношеніи къ личной свободѣ,—или личныхъ интригъ въ смыслѣ пристрастія и искательства...—Замѣчательно и то, что, съ перваго же раза, духовенство почувствовало и признало цѣну трудовъ благочинническихъ

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г., стр. 420.

въ виду общихъ интересовъ ихъ служебной дѣятельности. Это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ некоторыхъ благотворительныхъ округахъ стали составляться акты по добровольному соглашенію духовенства такого рода. какъ напр. гласить объ этомъ слѣдующій репортъ: „Духовенство благотворительнаго округа (Благочиннаго Каверзпева) 21 Января 1866 г., по вниманію къ трудамъ Благочиннаго и неизбежнымъ его, при семь, расходамъ (наприм. канцелярскимъ), признаю совершенно справедливымъ и соответственнымъ выборному началу сдѣлать открытою ту денежную благодарность, которая прежде существовала въ способѣ закрытомъ, и довольно неблаговидномъ, и стѣнительномъ и для предлагающихъ и для принимающаго.—именно вносить Благочинному ежегодно, по крайней мѣрѣ, на канцелярскіе расходы 55 рублей, собираемыхъ по росписанію, составленному самимъ духовенствомъ (1).

Вообще, съ этой поры, подъ вліяніемъ почувствованнаго духовенствомъ простора въ своихъ разсужденіяхъ и предпріятіяхъ, стали появляться проекты о разныхъ предметахъ на общую пользу духовенства. Напр. объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ больницъ и богадѣленъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, и даже объ изысканіи мѣстныхъ средствъ къ обезпеченію духовенства вообще... Но преосв. Антоній хотя и пропускалъ въ печать статьи съ подобнымъ содержаніемъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, самыя предпріятія признавалъ и равновременнымъ и чрезчуръ широкими, чтобы выполненіе ихъ на дѣлѣ было подъ силу духовенству. Въ самой же тенденціи духовенства онъ прямо признавалъ благіе плоды введеннаго имъ, выборнаго начала по избранію благочинныхъ. Однимъ словомъ, если само духовенство, какъ выражено въ прежде приведенной статьѣ, „потирало руки отъ удовольствія при сознаніи значенія выборнаго начала“, то и самъ преосв. Антоній, не менѣе того, выражалъ свое удовольствіе при всякомъ, касавшемся этого предмета, случаѣ и разговорѣ.

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г., стр. 142.

Но каково было ему и другимъ, когда, вдругъ, преосв. Антоній получилъ письмо отъ высокопр. Филарета, Митр. Московскаго, содержаніе котораго было прямо направлено противъ нововведеннаго выборнаго начала. — Мы очень жалѣемъ, что не имѣемъ теперь подъ руками полного изложенія этого письма, хотя приводилось, въ свое время, слышать не разъ чтеніе его въ подлинникѣ. Слѣдуя своей неизмѣнной тактикѣ, относиться ко всѣмъ подобнымъ дѣламъ, а равно и къ самымъ убѣжденіямъ другихъ со строжайшею осторожностію, и готовый, въ этихъ случаяхъ, приписывать скорѣе себѣ самому, какъ бы недоумѣніе, и неполноту свѣдѣній по данному вопросу, — Митр. Филаретъ свель, однако, свои сужденія къ слѣдующему, твердо намъ памятнаму, заключенію: „Я не знаю, что Вы подумали и сказали бы обо мнѣ, если бы я, возымѣвши нужду *въ очкахъ* для болѣе яснаго и правильнаго зрѣнія, предоставилъ бы сдѣлать выборъ оныхъ для меня заочно, хотя бы то и многимъ лицамъ!.. А я думаю такъ: не мудрено, что выбранныя „*очки*“ были бы мнѣ „*по носу*“ и сидѣли бы плотно, — но что касается моего зрѣнія, объ этомъ оставалось бы или разсудить много, или, не разсуждая нисколько, признать это дѣло неразсудливымъ... Если же не признавать послѣдняго, то я готовъ самъ о себѣ признаться, что я, при взглядѣ моемъ на предметъ разсужденія, нахожусь *какъ бы въ очкахъ сказаннаго рода*. Впрочемъ, чтобы не расходиться во взглядахъ нашихъ въ конецъ, для этого основаніе и ручательство даетъ намъ самое дѣло. Послѣднее, очевидно, есть только еще опытъ, точнѣе. — попытка и проба; значитъ нужно пождать, чѣмъ и какъ оправдается; желалось бы только, чтобы здѣсь было самое строгое безпристрастіе при наблюденіи и оцѣнкѣ всего, имѣющаго послѣдовать, а не довѣрять новоизбравнымъ *очкамъ*, хоть бы сквозь ихъ представлялось многое, на первыхъ порахъ, и въ радужномъ свѣтѣ“.

Содержаніе этого письма, само собою, задѣло за живое преосв. Антонія, или, по крайней мѣрѣ, было щекотливо для него, такъ что онъ и не скрывалъ этого отъ другихъ, въ тѣхъ видахъ, что слушавшіе подобнаго содержанія письмо и знавшіе, что и какъ совершалось на

дѣлѣ, и прямо сочувствовавшіе, естественно, будутъ на сторонѣ его самого—преосв. Антонія. И дѣйствительно, тутъ же ободряемый многими изъ послѣднихъ, преосв. Антоній не преминулъ высказаться, что онъ почтетъ непремѣннымъ долгомъ и надѣется *отанологетироваться* ⁽¹⁾ предъ высокопр. Филаретомъ и устоять на своемъ.—Тѣмъ не менѣе, извѣстность этого письма породила неизбежные толки и иного рода въ средѣ нѣкоторыхъ.—Какъ теперь помнимъ мы, между прочимъ, слѣдующія сужденія, извѣстнаго уже читателямъ, старца-Архимандрита Алексія. Находившись, въ числѣ прочихъ, при чтеніи письма высокопр. Филарета,—(это было при многихъ посѣтителяхъ у самого преосв. Антонія послѣ литургіи) и выслушавши сужденія преосв. Антонія, старецъ подъ живыми впечатлѣніями слышаннаго, дома у себя разсуждалъ такъ: „Ну, батюшка, вотъ такъ *надъль очки на носъ* нашему-то Преосвященному высокопр. Владыка Митрополитъ!.. Нѣтъ ужъ, хоть и Докторъ—нашъ Преосвященный, а все-таки—куда сравнительно съ Московскимъ-то... Этотъ, вѣдь, истинно—палата мудрости и столпъ опытности... Мнѣ кажется, напрасно нашъ-то хочетъ, во чтобы то ни стало, отстаивать свое... Это будетъ, пожалуй, что плеть противу обуха... Да что и говорить?! Вѣдь это, выборное начало, дѣйствительно, такое новшество, которое, не знай, еще къ чему приведетъ. Вѣдь не даромъ же оно введено только въ епархіяхъ двухъ-трехъ, да и обчелся... Правда, залезать-то нашему брату-шелудивымъ съ своими сужденіями въ эти большія сани не стать; но посмотримъ, что-то нашъ Владыка съумѣетъ отвѣтить,—а чуть ли не оборвется“.

Преосв. Антоній, дѣйствительно, не замедлилъ отписать высокопр. Митрополиту и, при томъ, такъ, что, во время приготовленія этой отписи, содержаніе ея по частямъ стало тоже извѣстно въ кругу нѣкоторыхъ, по обыкновенной манерѣ преосв. Антонія, доходившей, кста-

(1) Этотъ терминъ—«отанологетироваться», въ своемъ родѣ совершенно небывалый, былъ употребленъ, однако, буквально самимъ преосв. Антономъ и, видимо, образовался у него тутъ же какъ бы экспромтомъ подъ понятными впечатлѣніями...

ти сказать, иногда до неосторожности:—разумѣемъ его, въ подобныхъ случаяхъ, неумѣренную, а еще болѣе неумѣстную откровенность, доходившую даже какъ бы до нетерпѣливости и. —къ прискорбію за него,—не всегда и не всемп разумно понимаемую и цѣнимую... Отписъ преосв. Антонія была не въ формѣ письма, а скорѣе трактата. и, потому, изложена была на нѣсколькихъ листахъ. Объ ней извѣстно было, въ частности, то, что преосв. Антоній отстаивалъ, главнымъ образомъ, принципъ выборнаго начала, указывая основанія въ самомъ положеніи Епископовъ и отношеніяхъ ихъ къ пасомому ими стаду Божію и причту, приводя здѣсь слова Апостола Петра (1 Петр. гл. 2, ст. 2.3.): *Пасите еже въ васъ стадо Христово и пр... и ни яко обладающе причту.* и проч., и выводя отсюда то, что при этомъ Епископы будутъ въ болѣеи возможности быть „*право правящими...*“ Приведенныя слова Апостола, сколько намъ твердо лично извѣстно, преосв. Антоній старался выяснить путемъ филологическаго анализа съ подлиннаго текста Греческаго. Изложенное въ этой отписи преосв. Антоній не прочь былъ, по совѣту нѣкоторыхъ, напечатать и въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ формѣ статьи, отнюдь, само собою, не указывая на поводъ къ написанію этой статьи со стороны высокопр. Митрополита и безъ собственной именной подписи. Но разсудилъ за лучшее выждать, прежде всего, отвѣта отъ Митроп. Филарета. Отвѣтъ, дѣйствительно, послѣдовалъ,—но какой?! самый краткій, какъ бы въ намѣренно разсчитанный контрастъ многописанію преосв. Антонія.—Содержаніе его состояло въ слѣдующемъ: Сославшись на свои старческія немощи, не позволяющія ему принимать на себя трудъ отвѣчать подробно, маститый Первосвятитель, съ тѣмъ вмѣстѣ, тонко, но явно, намекнулъ самому преосв. Антонію, что и онъ-то напрасно принялъ на себя такой трудъ... Потомъ высказалъ, что онъ своимъ первымъ висьмомъ и не подавалъ никакого повода и, тѣмъ менѣе, вызова, чтобы входить въ полемику, или ученую переписку.—Что же касается изъясненія словъ Ап. Петра въ приложеніи къ обсуждаемому предмету, то выразилъ сомнѣніе, чтобы

признать это изъясненіе вполне точнымъ и правильнымъ, особливо въ связи съ словами: быть „*право правящими...*“ Такое содержаніе отвѣта самъ преосв. Антоній, конечно, понялъ болѣе, чѣмъ кто, во всемъ его значеніи; а относительно послѣдняго выраженія—*право правящій*,—даже сконфузился, тутъ же спохватившись, что значеніе этихъ словъ не относится къ праву служебному въ смыслѣ управленія.—въ чемъ еще болѣе убѣдился, когда обратился къ Греческому тексту, гдѣ стоитъ выраженіе: *ὀρθοτομήματα...* „Да, примолвилъ онъ, здѣсь съ моей стороны положительная обмолвка... Впрочемъ и самъ-то онъ (Митр. Филаретъ), впадалъ же въ подобныя, иногда, обмолвки, въ чемъ признавался даже печатно“.

Но какъ содержаніе этого отвѣта тоже не оставалось подъ спудомъ, а сдѣлалось, болѣе или менѣе, извѣстнымъ, то дѣло снова не обошлось безъ толковъ. Къ порожденію этихъ толковъ послужило, между прочимъ, то, что преосв. Антоній чрезъ нѣкоторое, очень скорое послѣ этого, время,—когда только что послѣдовало разрѣшеніе епархіальнымъ преосвященнымъ на восьмидневныя отлучки въ предѣлы другихъ епархій,—поспѣшилъ *первый* воспользоваться этимъ правомъ, отправившись въ Москву для личнаго, съиздавна желаннаго для него, свиданія съ Первосвятителемъ. Объ этой-то поѣздкѣ иные и стали судить и рядить такъ, что будто бы высокопр. Филаретъ предложилъ, самъ отъ себя, преосв. Антонию о необходимости личнаго свиданія для объясненій по предмету, дѣлаемыхъ послѣднимъ, разныхъ нововведеній.—По собственнымъ же словамъ преосв. Антонія, хотя, дѣйствительно, были разговоры, при этомъ свиданіи, о разныхъ предметахъ и дѣйствіяхъ его, какъ выдававшихся изъ ряду обыкновенныхъ, и, въ томъ числѣ, о введенныхъ имъ выборахъ Благочинныхъ;—но результатъ всего понятенъ уже изъ того, что преосв. Антоній, и по перемѣщеніи своемъ въ Казанскую епархію, первымъ же дѣломъ сталъ вводить тоже, что и въ Смоленской, поставивши на первомъ планѣ дѣло о выборѣ Благочинныхъ.—Значить, преосв. Антоній, при личномъ свиданіи

даніи съ высокопр. Филаретомъ, какъ въ первый разъ, такъ и во второй, при поѣздкѣ въ Казань, не встрѣтилъ въ его взглядахъ на этотъ предметъ рѣшительной оппозиціи.— „Если же были между нами, говорилъ преосв. Антоній, особенно серьезныя разсужденія, то съ одной стороны о произведенномъ уже мною въ Смоленской епархіи преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній, а съ другой о томъ преобразованіи, которое приготавливалось *тамъ въ высшихъ сферахъ* и имѣло быть вводимымъ, чрезъ годъ же, въ разныхъ, по извѣстной очереди, епархіяхъ. Въ этихъ разсужденіяхъ нашихъ мы сошлись, какъ только возможно близко, и высказывались столько же искренно и откровенно. Относительно же моего Смоленскаго преобразованія, бывшаго уже извѣстнымъ высокопр. Филарету, онъ, говоря безъ лести, отозвался съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ. Когда же я высказывалъ свои мнѣнія о новопроектируемомъ преобразованіи, во многомъ и многомъ, не въ пользу послѣдняго, то и Митрополитъ, становясь на моей сторонѣ, въ концѣ концовъ выразился однако: „Что же—когда нынѣ насъ оттуда мало и спрашиваютъ... а если бы меня теперь и спросили, то возможно ли мнѣ и помышлять, въ мои годы *браться за рало*, когда, и не *озираясь вспяты*, я все-таки не успѣлъ бы *управить* что либо въ этомъ дѣлѣ. Вы же въ немъ столь много и успѣшно потрудились, что остается благожелать, да не оскудѣютъ ваши силы и ревность и впредь для подобныхъ трудовъ, и уповать, что плоды ихъ,—если и не теперь, то въ свое время,—возрастутъ въ мѣру несомнѣннаго и благотворнаго ихъ достоинства“.

Въ самомъ дѣлѣ, когда только, говоря словами автора недавней статьи ⁽¹⁾, „въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ текущаго столѣтія во внутренней жизни нашей Церкви и духовенства возбужденъ былъ знаменательный вопросъ о реформахъ духовно-учебныхъ заведеній, то преосв. Антоній, какъ долго и близко стоявшій къ духовно-учебному дѣлу, горячо относилъ

(1) Церковн. Вѣстникъ 1883 г. № 48, стран. 2—3. Къ біографіи Антонія Архіеп. Казанскаго.

ся къ этому вопросу и зорко слѣдилъ за всѣмъ ходомъ его и происходившими тогда его осложненіями“.—Отъ всѣхъ ректоровъ семинарій, писалъ еще заранѣе преосв. Антоній въ одномъ изъ писемъ своихъ въ Петербургъ. требуютъ соображеній и, при томъ, къ 1-му Апрѣля... Что за цѣль такой поспѣшности?! Видно, что у нихъ (требующихъ) готово уже что либо свое напередъ и требуемая соображенія вовсе излишни. Ужъ если дѣлать что либо, такъ не столь поспѣшно и не на живую нитку. И, при томъ, это требованіе, по видимому, есть дѣло *канцелярское*, а не *Синодальное*: ужели опять допущено будетъ что либо значительное у насъ такимъ порядкомъ?! Надъ проэктомъ о преобразованіи семинарій—инымъ, я думаю, можно хоть плакать“. „И извѣстно, говоритъ тотъ же авторъ, что преосв. Антоній Смоленскій, первый изъ епархіальныхъ начальниковъ, практически разрѣшилъ вопросъ о преобразованіи дух. семинарій и училищъ и объ улучшеніи быта ихъ наставниковъ,—вопросъ, такъ занимавшій наше Правительство и общество въ 60-хъ годахъ. Преосвященному Антонію принадлежитъ энергическій починъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, равно, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, онъ опередилъ другихъ епархіальныхъ начальниковъ“.—Выступая же самъ впередъ, преосв. Антоній, какъ очевидно напр. изъ письма, обнародованнаго недавно другимъ авторомъ⁽¹⁾, вызывалъ и другихъ къ тому же и вообще чтобы *не медлить*. „Я убѣжденъ, писалъ онъ, что и всѣ прочія епархіи, за исключеніемъ какихъ либо десяти—западныхъ, могли бы поступить теперь же по моему примѣру... Но почему-то медлятъ поступить такъ, а въ иныхъ мѣстахъ неудачно приступаютъ къ дѣлу. Очень худо это по моему. Опасно, какъ бы въ случаѣ, обычной намъ, медлительности во всемъ, не вырвали у насъ изъ рукъ *враги наши* и этого единственнаго источника... (по обезпеченію духовно-учебныхъ заведеній)“. Относительно же преобразованія

(1) Труды Кіев. дух. Академіи 1883 г. Іюль. Стран. 527—530. Сообщ. Л. С. Мицѣвичемъ письмо преосв. Антонія (Амфиотрова) къ Анатолію (Мартыновскому) архіеп. Могилевскому.

нашихъ заведеній въ учебномъ отношеніи обнародовавшей настоящее письмо авторъ сказалъ: „И кто знаетъ, не лучше ли было бы, если бы при окончательномъ рѣшеніи этого кореннаго вопроса русской церковной жизни, придерживались, возможно ближе, мнѣній и плановъ преосвящ. Антонія (произведшаго уже ранѣе предъ симъ преобразование Смоленскихъ духовно-учебныхъ заведеній);—если бы поставили духовныя семинаріи въ болѣе непосредственное вѣдѣніе и руководство мѣстныхъ епархіальныхъ Епископовъ, какъ лицъ, кои, наиболѣе всего, должны быть отвѣтственными за то, какихъ пастырей они посвящаютъ, тогда какъ теперь у нихъ отнята возможность инициативы и самостоятельнаго дѣйствования, и, потому имъ, приводится относиться къ разсадникамъ народнаго пастырства болшею частію только *формально*... Въ этомъ же преосв. Антоній и видѣлъ не малыя опасенія за послѣдствія для церковно-народной жизни. Объ нихъ-то и высказывался онъ въ своихъ письмахъ... „Особливо,—писалъ онъ,—пока мы медлимъ и не рѣшаемся дѣлать свое дѣло прямымъ путемъ и яснымъ образомъ,—*благодѣтели* наши успѣютъ крѣпко повредить дѣлу... Тогда-то что мы будемъ дѣлать...“ (1).

Что же касается, въ частности, вышесказанной авторомъ мысли: „кто знаетъ, не лучше ли было бы, если бы ближе придерживались мнѣній и плановъ преосв. Антонія, если бы поставили духовныя семинаріи въ болѣе непосредственное вѣдѣніе и руководство мѣстныхъ епархіальныхъ Епископовъ и проч.“,—то эта мысль хотя при жизни преосв. Антонія, не перестававшаго ратовать за нее и словомъ (письменно) и самымъ дѣломъ противу *благодѣтелей*, не была осуществлена. за то, не чрезъ долгое время послѣ его кончины, послѣдовало, дѣйствительно, такое распоряженіе св. Синода, въ которомъ буквально, въ пунктѣ 3-мъ, изображено слѣдующее: „Предписать епархіальнымъ Преосвященнымъ, чтобы они особенное непосредственное поощреніе имѣли о духовно-учеб-

(1) Тамъ же: Труды Клев. дух. Академи.

ныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются отроки и юноши, готовящіеся къ пастырскому служенію, и, при частыхъ, по возможности, посѣщеніяхъ, наблюдали за здоровымъ и полезнымъ въ нихъ преподаваніемъ, за охраненіемъ чистоты нравовъ и добраго порядка, за ревностнымъ чтеніемъ слова Божія и за приученіемъ воспитанниковъ къ церковному Богослуженію. Все сіе да примутъ Преосвященные не токмо какъ велѣніе и наставленіе отъ власти Церковной, но и какъ послѣднюю волю въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора, всегда ревностно заботившагося о благосостояніи Церкви“.

Да, смѣло должно сказать, — если бы продлилъ Господь жизнь преосв. Антонія, то едва ли не онъ же, первый и, по преимуществу, изъ святителей нашей отечественной Церкви, могъ бы принять такъ благоговѣйно къ сердцу содержаніе приведеннаго пункта въ опубликованномъ указѣ св. Синода, и столь глубоко уразумѣть смыслъ, и вѣрно взвѣснить, и оцѣнить все значеніе его въ приложеніи къ дѣлу и проведенію его въ самую жизнь духовно-учебныхъ заведеній; такъ какъ преосв. Антоній выполнялъ уже, и сугубо, все то, къ чему предписано указомъ св. Синода приступить, какъ бы къ новому порядку и образу дѣйствиі епархіальныхъ Преосвященныхъ. Поступалъ же онъ и дѣйствовалъ именно такъ не въ указываемое только время въ Смоленскѣ, гдѣ онъ самъ совершилъ, по своимъ началамъ, преобразование въ тамошнихъ заведеніяхъ, но и тогда, когда вошелъ уже въ силу и дѣйствіе новый уставъ общій для всѣхъ семинарій и училищъ. Самые напр. Ревизоры, — члены новообразованнаго духовно-учебнаго Комитета, иные удивлялись столь ревностной его дѣятельности и самой непосредственной наблюдательности за всѣмъ, а иные готовы были, пожалуй, находить въ этомъ, по меньшей мѣрѣ, то, что не согласовалось съ ихъ взглядами, или, точнѣе, не соответствовало, даннымъ для нихъ самимъ, „рамкамъ, выкройкамъ и указкамъ“, какъ выражался самъ преосв. Антоній и какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ чемъ именно проявилась главная дѣятельность преосв. Антонія, справедливо называемая авторомъ *передовою*, въ практическомъ разрѣшеніи, въ свое же время, вопроса о преобразованіи духовныхъ семинарій и училищъ и объ улучшеніи быта служащихъ въ этихъ заведеніяхъ, объ этомъ будетъ сказано подробно въ слѣдующемъ, теперь же по порядку, изложеніи.

ГЛАВА XV.

Изложеніе всего хода дѣла по части преобразованій, произведенныхъ преосв. Антоніемъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Смоленской епархіи, напечатано было подробно въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ свое время—въ 1865 и 1866 годахъ. Этимъ изложеніемъ мы и воспользуемся, извлекая изъ него всѣ главныя положенія и стороны разсматриваемаго дѣла,—сначала по учебно-воспитательной части, а затѣмъ—по части матеріальной.

Мысль о преобразованіи учебной части, по словамъ преосв. Антонія, была у него прежде въ умѣ,—чѣмъ объ устройствѣ матеріально-хозяйственнаго положенія. Она зародилась у него еще давно,—именно вскорѣ послѣ преобразованія въ семинаріяхъ, бывшаго въ 1840 г., и затѣмъ по поводу преобразованія въ духовныхъ училищахъ въ 1852 г. И онъ думалъ было приступить къ осуществленію ея вскорѣ, какъ поступилъ на самостоятельную кафедру Смоленскую. Но, говорилъ онъ, такъ какъ при этомъ начинаніи нужно было имѣть въ виду прежде всего состояніе самыхъ лицъ труждающихся,—учащихъ и учащихся, вызвать ихъ и вывести на дѣло и дѣланіе, требующія особенныхъ трудовъ и, тѣмъ болѣе, живой сочувственной энергіи,—то я подумалъ, что нельзя не согласиться съ пословицею: „на некормленномъ-то конѣ подъ гору вскачь, а на гору хоть плачь“; какъ и св. Апостоль изрекъ о труждающихся приуподобительно: „да не обратими устенъ вола молотяща“.

Съ другой стороны преосв. Антоній не выступилъ пока до времени, съ своимъ проэктомъ по преобразова-

нію учебной части потому, что при св. Синодѣ былъ уже составленъ особый Комитетъ для разработки этого предмета и въ 1863 г., при указѣ св. Синода (отъ 18 Февраля) къ нему присланъ уже для предварительнаго разсмотрѣнія самый проэктъ новаго устава, составленный этимъ Комитетомъ, вмѣстѣ съ журналомъ его и другими приложениями. Кромѣ того, такъ какъ, въ промежутокъ этого времени, о сказанномъ новопроэктированномъ уставѣ и вообще по вопросу объ учебной части въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ было много печатано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ статей съ различными взглядами и сужденіями, — то преосв. Антоній долженъ былъ взять все это во вниманіе, чтобы выступить съ изложеніемъ своего проэкта. „Принявъ все это (т. е. новопроэктированный уставъ Комитета и содержаніе разныхъ статей) писалъ онъ ⁽¹⁾, — въ возможно внимательное соображеніе и руководствуясь собственнымъ личнымъ моимъ опытомъ въ семъ дѣлѣ и наблюденіемъ, въ продолженіи *двадцати пяти лѣтъ* моей службы по учебному и епархіальному вѣдомству, я пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ“...

Выводы эти сведены у него къ тремъ категоріямъ.

1) Прежде всего преосв. Антоній, хотя кратко, но точно и вѣско, опредѣлилъ значеніе и характеръ семинарскаго и училищнаго устава 1808 г., неизмѣнно дѣйствовавшаго до 1840 г., и, нераздѣльно съ тѣмъ, наглядно изобразилъ и самыя свойства и достоинства образованія, какое получали въ этотъ періодъ тогдашніе воспитанники, и которое, по общему признанію, далеко преимуществовало предъ всѣми другими средними учебными заведеніями. „Составителями указываемаго устава руководило мудрое правило: „non multa, sed multum“. Достоинство его заключалось и въ самомъ распредѣленіи учебныхъ предметовъ, которое произведено было съ такою постепенностію и правильностію, что вниманіе воспитанниковъ не обременялось и не развлекалось; всякому классу доставлялась возможно-достаточная и, вполне

(1) Смотр. Смоленск. епарх. Вѣдомости за 1865 г., стр. 136.

соотвѣтственная, умственная пища и давалась, какъ можно, больше простора для собственной ихъ самодѣятельности и развитія въ мѣру силъ. Потому воспитанники нашихъ семинарій тогдашняго времени выносили съ собою изъ оныхъ именно то, что всего важнѣе въ дѣлѣ образованія (въ томъ возрастѣ, въ какомъ они выходили обыкновенно 20—22-хъ лѣтъ), а именно—очень значительную зрѣлость и развитіе умственныхъ силъ въ такой мѣрѣ, что, послѣ того, они дѣлались весьма способными къ занятіямъ, какимъ угодно, предметомъ и къ усвоенію себѣ, какихъ угодно, наукъ не только чрезъ дальнѣйшее слушаніе уроковъ въ высшихъ заведеніяхъ, но и чрезъ собственный самостоятельный трудъ. Я самъ учился въ добрую пору того времени и теперь живо еще помню и чувствую все благодѣтельное вліяніе тогдашняго ученія на развитіе, какъ собственное мое, такъ и учившихся со мною, и ту умственную зрѣлость, до которой доводила тогда Семинарія. Глубоко убѣжденъ я, что совершенно ложны и неосновательны тѣ презорливые возгласы и порицанія, какими въ послѣднее время осыпано было со всѣхъ сторонъ, и отъ чужихъ и отъ своихъ, прежнее семинарское образованіе, какъ будто-бы крайне отсталое, схоластическое, мертвое, оторванное отъ всякой живой дѣйствительности и чуждое всякой практичности и пр. и пр.—Если же и были какіе недостатки, то они зависѣли отнюдь не отъ свойства учебнаго устава, а отъ стороннихъ обстоятельствъ, и, едва ли не главнѣе всего, отъ того, что, по скудости, особливо за послѣднее время, матеріальныхъ средствъ для служащихъ, наши заведенія не могли привлекать и удерживать у себя вполне способныхъ и опытныхъ дѣятелей, въ каковыхъ въ настоящее время и весьма оскудѣли“. Во всякомъ случаѣ, если и нужно устранить нѣкоторые недостатки, чтобы улучшить, соотвѣтственно времени, учебную часть, то при этомъ отнюдь не измѣнять радикально первоначальный уставъ (1808 г.), а только развивать болѣе тѣ же самыя начала, на которыхъ онъ основанъ, и, наипаче всего, не уклоняться отъ духа, характера и направленія его (1).

(1) Епарх. Вѣдомости 1866 г., стр. 3—5.

II) Затѣмъ. перейдя къ преобразованіямъ, сдѣланымъ въ 1840 г. въ семинаріяхъ, и въ 1852 г. въ училищахъ, преосв. Антоній прямо указаль, что составители этихъ преобразованій поступили именно вопреки, сдѣланному имъ выше. выводу о неприкосновенности первоначальнаго устава въ его началахъ и главныхъ положеніяхъ. — „Если они, писалъ преосв. Антоній, и не измѣнили его радикально, и не сбили совершенно съ его основъ, то чрезвычайно распатали и сдвинули его съ главнаго направленія и, такимъ образомъ, лишили наше духовно-учебное образованіе прежняго классическаго характера и достоинства. Нельзя отрицать, что этими преобразованіями хотѣли, какъ видно, сдѣлать нѣчто полезное, но, при этомъ полезномъ, оказалось гораздо болѣе не только не полезнаго, но прямо вреднаго. Здѣсь вышло, вопреки мудрому правилу составителей первоначальнаго устава, — вышло: „multa, sed non multum“. Во 1-хъ, введено было нѣсколько наукъ новыхъ, не имѣющихъ никакой связи и цѣли въ общемъ курсѣ семинарскаго образованія; во 2-хъ, науки вообще распредѣлены были по отдѣленіямъ, по новому уставу, безъ соображенія ихъ однородности и послѣдовательности“.

„Грустное, тяжелое впечатлѣніе, помню я (писаль преосв. Антоній), производило часто во мнѣ, въ бытность мою Ректоромъ Семинаріи (Кіевской), посѣщеніе высшаго класса (богословскаго), когда, бывало, — послѣ уроковъ въ ономъ о Пресвятой Троицѣ, или Таинствѣ воплощенія Господа Спасителя, или о другомъ подобномъ предметѣ, — приходилось въ томъ же классѣ слышать вдругъ урокъ (по сельскому хозяйству), о различныхъ матеріалахъ и способахъ для удобренія земли, или (по медицинѣ) о разныхъ отправленияхъ челоуѣческаго организма, или объ иномъ чемъ, еще болѣе не гармонирующемъ съ первыми уроками, до крайности развлекающемъ вниманіе учениковъ и лишаящемъ ихъ душевнаго сосредоточенія, въ особенности требующагося для воспринятія истины спасительнаго вѣроученія и христіанскаго нравоученія. Между тѣмъ, ради этихъ новыхъ, совершенно

неидущихъ ни къ мѣсту, ни къ дѣлу, наукъ ⁽¹⁾, составители разсматриваемаго преобразованія неосновательно исключили большую часть философскихъ наукъ. Далѣе— языки: Еврейскій, Французскій и Нѣмецкій сдѣланы не-обязательными, чѣмъ совершенно ослаблено занятіе ими, а языки Латинскій и Греческій, знаніе которыхъ такъ процвѣтало въ прежніе годы, рѣшительно пали; и въ самыхъ училищахъ (преобразованныхъ въ 1852 году), эти послѣдніе языки окончательно подорваны, и потому самое занятіе ими, не болѣе, какъ жалкое, и, первоначально приобрѣтаемое здѣсь, знаніе ихъ и, продолжаемое какъ бы только для вида, въ семинаріяхъ и потому къ концу семинарскаго курса почти вовсе забываемое и теряемое, очевидно, не имѣетъ никакой цѣны и цѣли. Однимъ словомъ, результаты въ такомъ видѣ совершенныхъ (въ 1840 г. и 1852 г.) преобразованій, естественно не могли быть иные, какъ весьма неблагопріятные ⁽²⁾.

Затѣмъ преосв. Антоній продолжалъ: — „Начавъ службу свою, - годъ-въ годъ, со введеніемъ преобразованія, сперва въ училищѣ въ должности Ректора, потомъ въ Семинаріи въ качествѣ Инспектора и Профессора Богословія, я имѣлъ случай видѣть своими глазами и повѣрить собственнымъ опытомъ и наблюденіемъ то, какія послѣдствія имѣло преобразование 1840 года. Первый курсъ учениковъ, учившихся у меня Богословію, дошелъ ко мнѣ изъ прежняго еще порядка; второй курсъ былъ застигнутъ преобразованиемъ въ среднемъ отдѣленіи, третій курсъ учился уже съ низшаго отдѣленія по преобразованному порядку. Далѣе пошли курсы, коихъ косну-

(1) Здѣсь разумѣлись науки:—сельское хозяйство, естественная исторія, землѣдѣіе и медицина. Эти науки преосв. Антоній тѣмъ смѣлѣе признавалъ не нужными, что еще прежде, при представленіи своего проэкта о матеріальномъ улучшеніи заведеній, онъ не назначилъ даже и жалованья преподавателямъ этихъ наукъ, и ходатайствовалъ о непремѣнномъ исключеніи ихъ изъ Семинарской программы. Это ходатайство его и было удовлетворено св. Синодомъ, по предварительномъ испрошеніи даже Высочайшаго соизволенія, какъ значится въ отношеніи Оберъ-Прокурора св. Синода отъ 4-го Декабря 1864 г. за № 7636.

(2) Смотри. Смоленск. епарх. Вѣдомости 1865 г.

лось преобразование и въ училищѣ. Поразительно для меня было различіе особенно между первыми тремя курсами. Въ самомъ первомъ я видѣлъ, при необширномъ запасѣ свѣдѣній, очень значительную умственную зрѣлость и развитость какъ головы, такъ даже и характера. Во второмъ встрѣтилъ болѣе свѣдѣній положительныхъ, но онъ значительно уступалъ первому въ развитости и зрѣлости, что отражалось не только на умственныхъ силахъ, но даже и въ нравственномъ характерѣ воспитанниковъ; третій—далъ мнѣ, до крайности неразвитыхъ и незрѣлыхъ, юношей, съ трудомъ усвояющихъ сколько нибудь трудные и отвлеченные предметы, въ сочиненіи весьма слабыхъ и неопытныхъ; въ добавокъ къ сему—съ притупленнымъ уже и, какъ бы, пресыщеннымъ и утомленнымъ вниманіемъ и апатією къ наукѣ,—что было самымъ естественнымъ слѣдствіемъ множества, пройденныхъ ими на-скоро и поверхностно, разнородныхъ наукъ. Такое состояніе умственныхъ силъ воспитанниковъ имѣло очень значительное вліяніе на ихъ нравственное развитіе, и въ ихъ характерѣ гораздо болѣе было, въ сравненіи съ прежними, незрѣлости и ребячества. Послѣдующіе, затѣмъ, курсы, одинъ за другимъ, болѣе и болѣе, утверждали меня въ сдѣланномъ мною наблюденіи. Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь о характерѣ цѣлыхъ курсовъ, въ сравненіи одного съ другимъ, а не объ отдѣльныхъ личностяхъ въ каждомъ курсѣ, которыя всегда бываютъ, какъ исключенія изъ общаго уровня“.

III) Что же касается до новопроэктированнаго устава, присланнаго преосв. Антонію въ 1863 г. для разсмотрѣнія, то онъ высказался объ немъ такъ: „Много въ немъ есть и дѣльныхъ, и достойныхъ вниманія, соображеній и предположеній, которыя полезно и нужно привести въ исполненіе для устраненія неудобствъ и недостатковъ настоящаго положенія у насъ учебной части. Главное хорошее въ немъ—стремленіе возвратиться къ (1808 г.) уставу во многихъ отношеніяхъ.—Но есть довольно и такого, съ чѣмъ нельзя согласиться, и что очень хорошо само по себѣ на бумагѣ, но въ приложеніи своемъ къ дѣлу необходимо встрѣчается съ затрудненіями и

препятствіями, почти неодолимыми. Въ частности же, въ новомъ уставѣ распредѣленіе предметовъ по классамъ и назначеніе учебныхъ часовъ сдѣланы неудовлетворительно и безъ надлежащаго соображенія. При этомъ распредѣленіи предметовъ есть ли какая либо вѣроятность, чтобы ученики могли усвоить, съ сколько нибудь достаточнымъ успѣхомъ, все эти науки, сгруппированныя въ такомъ разнородномъ множествѣ въ одномъ классѣ, — и могутъ ли, наоборотъ, не растеряться совершенно ихъ головы и отупѣть въ скоромъ времени, вмѣсто постепеннаго развитія, отъ такого пресыщенія ихъ разными многочисленными науками??. — Въ отдѣльности же, новый уставъ дѣлаетъ математику необязательною и даже вовсе исключаетъ ее изъ программы. Но на это нельзя согласиться: математика, и по общему признанію и, по существу самаго предмета своего, весьма полезна, даже и не при слишкомъ глубокомъ изученіи ея, для строгаго логическаго развитія головы, что для цѣли семинарскаго образованія весьма не безразлично. Наконецъ неудобнымъ и неполезнымъ представляется въ новомъ уставѣ и то, что многія науки растянуты на нѣсколько лѣтъ; не говорю еще и о другихъ частностяхъ, съ которыми также трудно согласиться“ (1).

„Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, писалъ преосв. Антоній, я признаю полезнымъ и потребнымъ преобразовать учебную часть въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ слѣдующимъ образомъ.

а) „Относительно главныхъ началъ, общаго устройства, духа и характера учебно-воспитательной части, я полагаю возвратиться непременно къ первобытному уставу (1808 г.) и при этомъ а) устранить все то, что, впослѣдствіи, пришло къ нему на живую нитку и неразвито изъ его началъ въ строгой системѣ; б) исправить въ немъ то, въ чемъ онъ измѣненъ радикально, и в) въ тоже время дополнить оный тѣмъ, что нужно по настоящему времени, въ такомъ однако видѣ, дабы это дополненіе не нарушало единства и стройности цѣлаго,

(1) Тамъ же.

а было въ строгой систематической связи съ нимъ“ (1).

Выходя изъ этихъ положеній преосв. Антоній находилъ нужнымъ въ частности:

а) „Раздѣленіе епархіальныхъ учебныхъ заведеній на Семинаріи и училища оставить въ прежнемъ видѣ, а не сводить тѣ и другія въ одно заведеніе, какъ предполагено въ новопроектированномъ уставѣ, а равно и, существовавшее доселѣ, раздѣленіе тѣхъ и другихъ на три отдѣленія съ двухъ-годичнымъ курсомъ тоже неизмѣнять. Впрочемъ, что касается низшаго отдѣленія въ училищахъ, то преосв. Антоній предположилъ, чтобы, согласно съ мыслью первоначальнаго же устава (1808 г.)—гдѣ это отдѣленіе, состоявшее изъ двухъ одногодичныхъ классовъ, носило названіе приходскаго училища, преобразовать такъ, дабы если не въ каждомъ селѣ, то въ благочинническомъ округѣ или, по крайней мѣрѣ, въ уѣздномъ округѣ, было по особому училищу—въ значеніи приготовительнаго. Для этого, въ этихъ училищахъ должны быть назначены и науки чисто элементарныя, въ коихъ могли бы учиться не только дѣти духовенства, но и изъ прочихъ сословій, съ прибавленіемъ лишь для дѣтей духовенства первыхъ начатковъ Латинскаго и Греческаго языковъ. Опыты таковыхъ училищъ представляютъ уже и въ настоящее время нѣкоторыя изъ открытыхъ духовенствомъ въ Смоленской епархіи. Объ этихъ опытахъ будетъ еще рѣчь впоследствии (2).

б) вмѣстѣ съ исключеніемъ, прежде уже помянутыхъ, наукъ (сельскаго хозяйства, естественной исторіи, медицины и землѣбрія), преосв. Антоній назначилъ къ исключенію изъ семинарской программы еще слѣдующія:—ученіе о богослужебныхъ книгахъ, катихизическое ученіе и патрологію. Последняя, писалъ онъ, и немислима, чтобы достигала какой либо полезной цѣли, въ томъ видѣ и объемѣ, какъ она доселѣ преподавалась въ семинаріяхъ—въ теченіи одного лишь года и не болѣе, какъ съ назначеніемъ для нея двухъ уроковъ въ недѣ-

(1) Смоленск. епарх. Вѣдомости 1866 г., стр. 11.

(2) Тамъ же, стран. 12.

лю.—Лучшее средство и условіе—изучать писанія святоотеческія, съ усвоеніемъ ихъ мыслей и духа,—это дать ученикамъ возможность и побужденіе наипаче заниматься чтеніемъ оныхъ, вмѣсто чтенія какихъ либо литературныхъ произведеній нынѣшняго времени.—Съ жизнію же и историческою дѣятельностію изъ св. Отцовъ и учителей Церкви необходимо и достаточно должна ознакомиться учащихся общая Церковная Исторія“ (1).

в) Взамѣнъ же исключаемыхъ наукъ преосв. Антоній проэктировалъ, къ преподаванію Логики и Психологіи прибавить преподаваніе фізіологіи, метафизики и обзорѣнія философскихъ системъ, такъ какъ доселѣ бывшее отсутствіе сихъ послѣднихъ наукъ лишало нашихъ воспитанниковъ одного изъ лучшихъ средствъ къ упражненію, развитію и укрѣпленію умственныхъ силъ и, тѣмъ, затрудняло вполнѣ основательное и твердое изученіе самыхъ богословскихъ наукъ и проч. Вмѣстѣ съ этимъ находилъ онъ весьма полезнымъ ввести, въ послѣдніе годы семинарскаго курса, преподаваніе уроковъ по Педагогикѣ, которые, впрочемъ, должны состоять не въ какой либо отвлеченной и мудреной теоріи, а въ самомъ простомъ практическомъ руководствѣ,—чему и какъ воспитанники, по окончаніи курса, должны будутъ сами учить дѣтей въ сельскихъ школахъ (2).

г) Въ отдѣльности, по части преподаванія языковъ классическихъ Греческаго и Латинскаго, а также отечественнаго и Славянскаго, въ проэктѣ преосв. Антонія было изложено: а) о Славянскомъ языкѣ, чтобы изученіе этого языка не ограничивалось, какъ было доселѣ, однимъ лишь прохожденіемъ грамматики въ училищахъ, но чтобы и въ Семинаріи именно преподаватели словесности были обязаны, изучая кратко исторію русской словесности, начинать это дѣло съ перечня и разбора памятниковъ древне-отечественной славянской письменности. б) На Греческій и Латинскій языки онъ полагалъ необходимымъ обратить особенное вниманіе, и изъ на-

(1) Тамъ же, стран. 13.

(2) Тамъ же, стран. 14.

стоящаго крайняго упадка непременно возстановить ихъ изученіе и успѣхи, по возможности, до такой же степени, какъ это было прежде. Не безъ основанія рѣшено нынѣ ввести эти языки и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и довести изученіе ихъ до возможно удовлетворительной степени. Нашимъ заведеніямъ отстать отъ нихъ было бы и стыдно и вредно. Польза отъ изученія этихъ языковъ въ дѣлѣ умственнаго развитія выяснена въ проэктѣ преосв. Антонія чуть не на двухъ печатныхъ страницахъ ⁽¹⁾, гдѣ онъ въ заключеніе, между прочимъ, сказалъ, въ опроверженіе противниковъ классицизма: „Конечно очень пріятно имѣть для питанія на столѣ хорошо испеченный хлѣбъ, но худо то, когда не знать, чрезъ какой длинный и утомительный процессъ достается этотъ вкусный и питательный хлѣбъ. Такъ точно и ученіе, достигающееся безъ труда (даже и безъ понятія объ этомъ трудѣ), безъ напряженія, безъ приученія учащихся къ усидчивости, словомъ, только формальное, поверхностное, даетъ не настоящіе плоды, а пустоцвѣтъ, образуетъ не основательныхъ, зрѣлыхъ и готовыхъ на всякій и ученый и жизненный трудъ дѣятелей,—а верхоглядныхъ, не въ пору разслабленныхъ и способныхъ только къ претензіямъ, а не къ дѣлу и къ самой мысли о дѣлѣ, мечтателей“. „Опытъ, писалъ преосв. Антоній, разительнымъ образомъ подтверждаетъ эту истину. Къ сожалѣнію, въ промежутокъ времени, съ 1840 г. по настоящій, въ семинаріяхъ и училищахъ нашихъ едва ли не забыть и не потерять вовсе самый методъ надлежащаго преподаванія классическихъ языковъ и почти уже перевелись самые наставники, опытные въ этомъ дѣлѣ. По этому необходимо теперь же обзавестись ими вновь, о чемъ всячески должны озаботиться академіи наши въ возможно скоромъ времени. Старинныя учебныя пособія по симъ языкамъ (словари, лексиконы, фразеологии, разговоры и т. п.) и разныя изданія классиковъ, бывшія прежде постоянно въ рукахъ у воспитанниковъ семинарскихъ и училищныхъ,

(1) Тамъ же, стран. 15—16.

нынѣ тоже частію вовсе исчезли, частію погребены, гдѣ либо, въ бібліотекахъ подъ глубокимъ слоемъ пыли. Поэтому необходимо все это опять извлечь на свѣтъ, издавъ ихъ вновь, въ возможно большемъ количествѣ, по примѣру прежнихъ Лейпцигскихъ стереотипныхъ изданій, и также, само собою, воспользоваться новыми дѣльными изданіями, выбравъ изъ нихъ лучшія, — чѣмъ должны заняться наши же академіи. Наконецъ, чтобы успѣшнее началось и пошло изученіе этихъ языковъ, я полагаю нужнымъ, съ одной стороны, увеличить число уроковъ по нимъ какъ въ семинаріи, такъ и въ училищахъ, а съ другой — такъ распорядиться, чтобы преподавали ихъ наставники, исключительно имъ посвященные и свободные отъ преподаванія другихъ предметовъ и, при томъ, во всѣхъ отдѣленіяхъ одни и тѣ же (1).

д) Сгруппировать учебные предметы, и по классамъ и по времени, такъ, чтобы между ними было, сколько возможно, единство и чрезъ это могло быть больше сосредоточенности во вниманіи и въ занятіяхъ учениковъ. Равно и между наставниками распределить предметы преподаванія такимъ образомъ, чтобы они имѣли, по возможности, на рукахъ своихъ по одной наукѣ, если она идетъ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ чрезъ весь семинарскій курсъ. Если же иные наставники, напр. преподающіе словесность, философію, богословіе и будутъ имѣть сравнительно менѣе уроковъ, за то на рукахъ ихъ почти исключительно будетъ лежать обязанность и трудъ читать ученическія сочиненія“.

е) „Нормальное число наставниковъ должно быть — въ семинаріи *десять*, въ училищѣ *шесть*. Классныхъ уроковъ должно приходиться на каждаго въ недѣлю 5—6, и каждый урокъ долженъ быть двухъ-часовой, за исключеніемъ времени, необходимаго при перемѣнѣ наставниковъ (2).

Соотвѣтственно, этимъ послѣднимъ, двумъ пунктамъ изложено въ проэктѣ преосв. Антонія подробное роспи-

(1) Тамъ же, стран. 17.

(2) Тамъ же, стран. 18.

саніе предметовъ по классамъ и распредѣленіе наставниковъ съ назначеніемъ каждому опредѣленнаго числа уроковъ по тѣмъ или инымъ предметамъ въ тѣхъ или другихъ классахъ,—какъ въ семинаріи, такъ и въ училищахъ (1).

Въ дальнѣйшихъ пунктахъ своего проекта преосв. Антоній, частію дѣлая указанія на разсмотрѣнный имъ новопроэктированный уставъ, а всего болѣе руководясь своими собственными соображеніями, изложилъ слѣдующее:

1) Въ новомъ уставѣ высказано (въ § 200) мнѣніе касательно раздѣленія наставниковъ на „старшихъ и младшихъ“. Этому мнѣнію нельзя не признать и отъ осуществленія его, по моему мнѣнію, должно ожидать благихъ послѣдствій,—тѣхъ, что, поощряемые и почетомъ и прибавкою жалованья, наставники будутъ усерднѣе служить и охотнѣе держаться на своихъ мѣстахъ, а не будутъ смотрѣть въ стороны на первыхъ же годахъ съ заботою, какъ бы поскорѣе найти другую, болѣе выгодную, службу; отъ чего въ послѣднее время и въ семинаріяхъ и особливо въ училищахъ бываетъ частовременная смѣна учителей; а долго служащіе опытные учителя почти становятся рѣдкостію“.—Въ слѣдъ за этимъ, въ пяти краткихъ пунктахъ, изложены положенія и условія, въ которыхъ опредѣляется,—сколько должно состоять *старшихъ* наставниковъ въ семинаріи и училищахъ (именно одна половина со включеніемъ лицъ начальствующихъ, если они преподають науки); чрезъ сколько времени заслуживается право на это званіе; кому дается оно съ добавленнымъ жалованьемъ, а кому только для почести по особымъ личнымъ достоинствамъ, и, наконецъ, отъ кого зависитъ право представленія и присужденія къ этому званію (2).

Отсюда переходъ къ организаціи самаго Правленія по дѣламъ касающимся учебно-воспитательной части. Проектъ преосв. Антонія по этому предмету, въ боль-

(1) Тамъ же, стран. 19—21.

(2) Тамъ же, стран. 22—23.

шинствѣ, совпадалъ съ новопроектированнымъ уставомъ, въ которомъ предназначалось призвать къ ближайшему участию въ дѣлахъ Правленія какъ наставниковъ, такъ и нѣсколькихъ лицъ изъ градскаго духовенства. „Это я признавалъ и прежде и нахожу теперь, писалъ преосв. Антоній, весьма нужнымъ и полезнымъ, дабы усилить дѣятельность Правленія, особливо по предметамъ учебно-воспитательной части, и сдѣлать ее возможно оживленнѣе и благоуспѣшнѣе. Я и полагаю привести это въ непремѣнное исполненіе, съ тою однако разностию, чтобы не учреждать какой либо особой отъ Правленія инстанціи, или отдѣленія, и не вводить даже особаго названія, въ родѣ педагогическаго собранія или совѣта, а чтобы въ составъ присутствія въ Правленіи, по подобнымъ дѣламъ, входили, какъ непремѣнные члены, во первыхъ старшіе наставники и лица изъ духовенства, въ числѣ двухъ-трехъ, и, наконецъ, въ случаѣ надобности, приглашались бы и наставники младшіе съ правомъ голоса совѣщательнаго“ (1).— Особливо же, преосв. Антоній не хотѣлъ даже и слышать и въ Смоленскѣ и въ Казани, чтобы для избранія наставниковъ въ члены Правленія употреблялась закрытая баллотировка и назначался срокъ для членства, такъ какъ отсюда проистекали бы самыя грустныя явленія взаимныхъ отношеній между наставниками и столько же зловредныя послѣдствія для успѣшности самаго дѣла учебно-воспитательнаго“.

Всѣ прочія положенія, касательно предметовъ дѣятельности Правленія, и формы веденія дѣлъ изложены въ тринадцати пунктахъ сходственно, въ большинствѣ, съ тѣмъ, что находится и въ нынѣшнемъ уставѣ, исключая только того, что, относительно несогласій между Архіереемъ и постановленіями Правленія, не предполагалось даже и возможности входить въ препирательства до такой степени, чтобы, наконецъ, возводить дѣло въ высшую инстанцію (2).

(1) Тамъ же, стран. 24—25.

(2) Тамъ же, стран. 26—27.

„Такимъ образомъ будучи совершенно убѣжденъ, писалъ въ заключеніе преосв. Антоній, — что преобразование учебной части въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, на изложенныхъ мною основаніяхъ, не производя слишкомъ радикальныхъ перемѣнъ и рѣшительной ломки во всемъ теперешнемъ ихъ устройствѣ, будетъ существенно полезно, — разумѣется, при добромъ единодушномъ содѣйствіи начальниковъ и наставниковъ къ достиженію цѣли, я долгомъ считаю покорнѣйше просить Ваше Превосходительство (бывшаго тогда Оберъ-Прокурора св. Синода Ахматова) представить сіи мои соображенія Святѣйшему Синоду и ходатайствовать предъ нимъ о разрѣшеніи мнѣ привести ихъ въ исполненіе съ началомъ нынѣшняго (въ 1865 г.) учебнаго курса, при чемъ предоставить мнѣ, между прочимъ, — а) совместно съ семинарскимъ и училищнымъ начальствами опредѣлить число нормальныхъ и параллельныхъ наставниковъ; б) распределить такъ же, — кто изъ нихъ, по всеѣмъ правамъ, долженъ получить званіе старшихъ наставниковъ и в) въ составъ присутствія Семинарскаго Правленія, въ качествѣ членовъ онаго, опредѣлить какъ тѣхъ, кои получаютъ званіе старшихъ наставниковъ, такъ и нѣсколько лицъ изъ городского духовенства, избранныхъ ими самими изъ среды себя“ (1).

Послѣ представленія этого своего проэкта, преосв. Антоній на столько, какъ видно, былъ увѣренъ въ успѣхѣ, что тогда же озаботился и поспѣшилъ войти въ св. Синодъ съ особымъ представленіемъ о разрѣшеніи ввести литографированіе записокъ по тѣмъ учебнымъ предметамъ, по коимъ не имѣлось тогда печатныхъ учебниковъ. Это находилъ онъ нужнымъ, чтобы, съ одной стороны, облегчить положеніе учащихся, избавить ихъ, какъ говорилъ онъ (вспоминая выраженіе преосв. Антонія архіеп. Могилевскаго), отъ египетскаго *фараонитскаго плиноодланія*, — отъ постояннаго списыванія наставническихъ записокъ, а, съ другой стороны, чтобы побудить самихъ наставниковъ заняться, особенно тща-

(1) Тамъ же, стран. 28.

тельною, обработкою записокъ по своему предмету, такъ какъ, предъ литографированіемъ, записки должны были поступить на разсмотрѣніе и одобреніе Ректора.

На это представленіе, дѣйствительно, послѣдовало разрѣшеніе св. Синода, мѣсяць только спустя послѣ разрѣшенія перваго, главнаго проекта о преобразованіи учебной части,—при чемъ св. Синодъ препроводилъ отъ себя для руководства въ этомъ дѣлѣ правила, утвержденныя имъ, по литографированію записокъ въ С.-Петербург. дух. Академіи ⁽¹⁾. Касательно же главнаго проекта о преобразованіи сообщено было, въ отношеніи Оберъ-Прокурора св. Синода отъ 14 Октября 1865 г. (№ 5893), въ такихъ словахъ: „Святѣйшій Синодъ, по разсмотрѣніи представленныхъ предположеній о преобразованіи учебной части въ Смоленской Семинаріи и училищахъ, постановилъ: „разрѣшить преосвященному Смоленскому Антонію привести въ исполненіе означенныя его предположенія въ видѣ опыта“ ⁽²⁾.

Судя, однако, по времени, протекшему отъ начальнаго представленія преосв. Антонія (отъ 21-го Февраля 1865 г.) до воспослѣдовавшаго въ Октябрѣ разрѣшенія св. Синода, очевидно, срокъ введенія преобразованія, съ началомъ учебнаго курса, не могъ быть выполненъ. Сказать должно больше. Преосв. Антоній даже колебался въ увѣренности за успѣхъ своего дѣла. „И, не будь перемѣны въ Оберъ-Прокурорахъ св. Синода, говорилъ самъ преосв. Антоній, пожалуй, дѣло пролежало бы подъ сукномъ. Разсчитывать на собственное участіе г. Ахматова было мало оснований; къ тому же и въ самомъ Комитетѣ, существовавшемъ (съ 1860 г.) для составленія новаго устава, дѣла сводились уже къ концу, а, потому, тамъ, естественно, могли только прочесть мой проектъ и положить въ сторону, какъ несогласовавшійся во многомъ съ ихъ началами и велемудрыми положеніями, въ силу которыхъ, какъ бы намѣренно, хотѣли въ конецъ *истинить* и духъ, и характеръ, и самый порядокъ, господ-

⁽¹⁾ Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г., стран. 34 и проч.

⁽²⁾ Тамъ-же, стран. 1.

ствовавший, по всему достоинству, въ нашихъ заведеніяхъ по прежнему уставу (1808 г.)“.

Дѣйствительно, поступившій въ Оберъ-Прокуроры св. Синода (въ Іюнь 1865 г.), Графъ Д. А. Толстой, первый обратилъ особенное вниманіе на проэктъ преосв. Антонія и не замедлилъ дать ему ходъ, и привести къ скорому разрѣшенію. Графъ Толстой отнесся къ этому проэктору съ такимъ особеннымъ вниманіемъ, и придавъ ему такое значеніе, что, когда онъ, за первое же полугодіе своего Оберъ-Прокурорства (съ Іюня 1865 г. по 1-е Января 1866 г.) представилъ Государю Императору особую всеподданѣйшую докладную записку о дѣятельности православнаго духовнаго вѣдомства, то, подъ рубрикою: „духовно-учебныя заведенія“, — изложилъ между прочимъ, слѣдующее: „На духовно-учебныя заведенія было уже обращено, въ послѣднее время, самое бдительное вниманіе; онѣ находились и находятся еще и теперь въ томъ переходномъ состояніи, когда прежніе порядки и устройство признаны были неудовлетворительными по опыту, а новая организація не была еще выработана. Предположенія особаго Комитета, учрежденнаго еще въ 1860 г., были разосланы въ 1863 г. къ епархіальнымъ Преосвященнымъ для обсужденія и соображенія. Въ послѣднее время доставлены отъ многихъ отзывы и мною сдѣлано немедленное распоряженіе о составленіи изъ нихъ систематическаго свода. Въ ожиданіи же общаго преобразования учебнаго дѣла, попечительностію нѣкоторыхъ епархіальныхъ Преосвященныхъ сдѣланы уже нѣкоторыя частныя улучшенія и измѣненія для удовлетворенія болѣе настоятельнымъ нуждамъ этихъ заведеній. По представленію же Преосвященнаго Епископа Смоленскаго Антонія, разрѣшено св. Синодомъ, съ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія, допустить, въ видѣ опыта, значительныя измѣненія въ самой учебной программѣ Смоленской Семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ. Изъ нея исключены, преподававшіяся до того времени, — медицина, естественная исторія, сельское хозяйство, катехизическое ученіе по книгѣ Митрополита Петра Могилы, ученіе о богослужбныхъ кни-

гахъ и Патрологія; изученіе-же древнихъ классическихъ языковъ и философскихъ наукъ усилено; въ семинарскую программу введена Педагогика (практическая часть ея Дидактика). Учебные предметы сгруппированы такимъ образомъ, чтобы между изучаемыми науками было болѣе единства, меньше было отвлекаемо вниманіе учащихся разнообразіемъ и множествомъ наукъ, проходимыхъ въ одно время, и больше могло быть сосредоточенности въ занятіяхъ“.

„Принято также раздѣленіе наставниковъ на старшихъ и младшихъ, съ назначеніемъ первымъ добавочнаго содержанія въ вознагражденіе за прежнюю службу и въ поощреніе къ дальнѣйшей (въ Семинаріи по 120 руб., а въ училищахъ по 60 руб. въ годъ). Для усиленія дѣятельности семинарскаго Правленія по управленію учебною частію, составъ Правленія увеличенъ: по дѣламъ учебнымъ оно будетъ состоять, кромѣ Ректора и Инспектора, изъ старшихъ наставниковъ Семинаріи, начальника училища, находящагося въ епархіальномъ городѣ, и изъ двухъ или трехъ, почетнѣйшихъ и извѣстныхъ своимъ просвѣщеніемъ и опытностію въ учебныхъ дѣлахъ, Протоіереевъ и Священниковъ, выбираемыхъ градскимъ духовенствомъ и утверждаемыхъ Преосвященнымъ; младшіе же наставники Семинаріи могутъ участвовать въ дѣлахъ Правленія, смотря по надобности и по приглашенію Ректора, но только съ совѣщательнымъ голосомъ“ (1).

Въ этомъ пунктѣ всеподданнѣйшей докладной записки, какъ видятъ сами читатели, выражено вкратцѣ все главное содержаніе, проэктированнаго преосв. Антоніемъ, преобразованія по учебной части и по администраціи учебныхъ заведеній.—Ясно, что графъ Толстой принялъ въ особенное вниманіе это дѣло. И намъ, дѣйствительно, приводилось лично слышать разсказъ отъ составителя (2) этой всеподданнѣйшей докладной записки, что

(1) Смотр. всеподданнѣйшую записку, особо изданную въ 1861 г. С.-Петербургской Синод. типографіей, стр. 38—39.

(2) Бывшаго тогда Начальникомъ отдѣленія въ канцеляріи Оберъ-Прокурора, — теперешняго Члена-Ревизора Дух.-Учебнаго Ко-

Графъ вполнѣ былъ заинтересованъ проектомъ преосв. Антонія и, потому, требовалъ изложить содержаніе его возможно полнѣе и точнѣе. Особо отъ этой записки былъ тогда же (25 Янв. 1866 г.) всеподданнѣйшій докладъ Государю Императору о полномъ усѣхѣхъ принятыхъ мѣръ преосв. Антоніемъ къ улучшенію содержанія учебныхъ заведеній, мѣръ, послужившихъ примѣромъ и для другихъ нѣкоторыхъ епархій; и Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣтъ соизволить—объявить преосв. Антонію Высочайшее Его благоволеніе⁽¹⁾. А, затѣмъ, послѣдовало скоро и Высочайшее пожалованіе преосв. Антонія Орденомъ св. Владиміра 2-й степени, и въ самой Грамматѣ выражены преимущественно эти именно достоинства и заслуги.

Приведемъ здѣсь подлинный текстъ Высочайшей Грамматы, данной 27 Марта 1866 г.

Преосвященному Антонію, Епископу Смоленскому и Дорогобужскому.

„Просвѣщенная ревность по вѣрѣ православной, неусыпная попеченія о благоустройствѣ управляемой вами епархіи, истинно-отеческая заботливость о преподаваніи, состоящимъ въ ней, духовно-учебнымъ заведеніямъ средствъ къ улучшенію положенія какъ матеріальнаго, такъ и учебнаго, послужившая примѣромъ къ принятію подобныхъ благодѣтельныхъ мѣръ и по нѣкоторымъ другимъ епархіямъ,—приобрѣли вамъ право на особенное Наше вниманіе и благоволеніе, въ ознаменованіе коихъ Всемилостивѣйше сопричисляемъ васъ къ Императорскому ордену Нашему Св. равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени большаго Креста“.

Привѣтствовать преосв. Антонія съ этою Высочайшею наградою поспѣшили всѣ, и служащіе въ Семинаріи и училищѣ, и городское духовенство, и нѣкоторые лица

митета дѣйств. ст. сов. С. В. К—рсаго, который былъ на ревизіи Казан. дух. Семинаріи въ началѣ 1880 г. и тогда же указалъ намъ на эту записку, какъ на матеріалъ для біографіи преосв. Антонія.

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1861 г. № 5, 1 Марта, стр. 125.

изъ духовенства, прибывшія изъ уѣздовъ, такъ какъ всѣхъ глубоко одушевляли тѣ чувствованія, какія тогда же выразилъ городской Благочинный Протоіерей И. Е. Юшеновъ, отъ лица всего духовенства, въ слѣдующихъ словахъ своей рѣчи, обращенной къ преосв. Антонію:

„Это новое твое, — милостивѣйшій Архипастыръ и отецъ нашъ, — украшеніе есть свидѣтельство и благоволенія Божія и правды Царевой, и достойно приемлемое тобою утѣшеніе за достойнѣйшіе труды твои и заслуги. — Но кто же отниметъ и отъ насъ то радостнѣйшее утѣшеніе, которое чувствуемъ мы всѣ и все Смоленское духовенство?! Эта радость также неотъемлема отъ насъ, сколько велика и искренна, какъ — радость истинныхъ добрыхъ дѣтей за счастье любимѣйшаго своего отца... И мы теперь болѣе, чѣмъ увѣрены, что не приходилось бы и помышлять, а тѣмъ паче вопрошать: *„не десять ли, да девять годъ?.. како не обрѣтошася* раздѣлить эту радость и воздати славу Богу?! Нѣтъ! напротивъ, если бы оказался таковымъ и единъ изъ десяти, и тотъ былъ бы личнымъ, по своей винѣ, исключеніемъ“. При этой радости мы какъ бы предчуемъ одно только опасеніе, дабы, столько извѣстная всѣмъ и нынѣ Царемъ награжденная, твоя неусыпная дѣятельность и примѣрно-отеческая попечительность о благѣ возлюбленной тобою паствы, не послужили къ тому, чтобы не восхитили тебя самого отъ насъ! Многое тобою сдѣлано въ малое время, — но не мало остается дѣлать въ будущемъ, пока всѣ твои благія мысли, и желанія, и начинанія, однѣ — уже какъ извѣстныя, другія ожидаемыя нами, придутъ къ своей порѣ, войдутъ въ нашу жизнь и останутся навсегда неизгладимымъ памятникомъ твоего безпримѣрнаго дѣланія“⁽¹⁾.

Съ своей стороны самъ преосв. Антоній говорилъ, между прочимъ, такъ: „Считаю себя счастливымъ, что Господь помогъ мнѣ, по мѣрѣ силъ, послужить благу духовно-учебныхъ заведеній. На новый знакъ Монаршаго благоволенія — св. Крестъ сей — я смотрю не какъ только на знакъ чести и отличія, но и какъ на символъ новыхъ

(1) Смоленскія епарх. Вѣдомости стр. 452.

трудоѡ и заботѡ, мнѣ предстоящихъ, а, можетъ быть, и скорбей, и искушеній... Готовъ на первое. благодушно приму отъ руки Господней и послѣднее, — лишь бы все было ко благу возлюбленной моей братіи, въ истинномъ сочувствіи и искреннемъ сорадованіи которой въ лицѣ всѣхъ, здѣсь собравшихся, я и всегда былъ и пребуду увѣреннымъ. Такъ какъ и теперь если вы свидѣтельствуете, что особенное Монаршее благоволеніе ко мнѣ есть общее для всѣхъ васъ утѣшеніе и радость, — то и я самъ за васъ свидѣтельствую о васъ, что отъ васъ самихъ много зависѣло то, что я удостоился сего благоволенія“ (1). Надобно знать, что съ этимъ самымъ мѣстнымъ празднествомъ было соединено въ тотъ же день (18 Апрѣля) и другое, которое имѣло уже общее значеніе для всего духовенства, по отношенію къ благоустройству тѣхъ же духовно-учебныхъ заведеній. Это послѣднее состояло въ томъ, какъ читаемъ въ самомъ описаніи праздника (2), что „по волѣ Августѣйшаго Покровителя Церкви Православной — Благочестивѣйшаго Государя Императора назначено изъ суммъ Государственнаго Казначейства отпускать по 1,500,000 руб. на каждый годъ для воспособленія всѣмъ духовно-учебнымъ заведеніямъ въ ихъ содержаніи. Потому-то на первомъ планѣ праздника было это событіе и, по поводу его, при полномъ собраніи всѣхъ начальствующихъ въ Соборѣ и учащихъ съ учащимися въ Семинаріи и училищѣ и всего духовенства, сначала была отслужена преосв. Антоніемъ литургія и, затѣмъ, благодарственное молебствіе за Царскія щедроты. Здѣсь самъ преосв. Антоній въ своей рѣчи къ предстоявшимъ объяснилъ сначала, что эта щедрая Царская милость, хотя общая и всѣмъ епархіямъ, для Смоленской особенно знаменательна. Отпускъ назначенной суммы Высочайше повелѣно производить, прежде всего, въ тѣ епархіи, въ которыхъ духовенство само предварительно отъ себя изъявило готовность изыскать, — и изыскало мѣстныя средства къ посильному улучшенію быта

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г., стр. 452—453.

(2) Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г., стр. 447—448.

своихъ заведеній. Такимъ образомъ, Смоленская епархія одна изъ самыхъ первыхъ, должна воспользоваться Царскими поводарованными щедротами“. Затѣмъ. преосв. Антоній сдѣлалъ такое ко всѣмъ обращеніе: „Отцы. и братіе, и чада! Принеся нынѣ усердныя благодарственныя молитвы за эту новую великую Царскую милость, помолимся и о томъ, чтобы Господь помогъ вполне оправдать эту милость;—вы, отцы, наилучшимъ попеченіемъ о домашнемъ воспитаніи и приготовленіи дѣтей вашихъ, дабы онѣ, тѣмъ успѣвшиѣ, могли начать и пройти все ученіе свое въ школахъ;—вы, начальники и наставники,—всещѣлымъ усерднымъ посвященіемъ себя святому дѣлу обученія и воспитанія. ввѣренныхъ вамъ дѣтей, въ истинномъ духѣ вѣры и благочестія,—вы же, дѣти-воспитанники. усерднымъ ученіемъ и добрымъ поведеніемъ—однимъ словомъ: всѣмъ намъ оправдать себя. съ своей стороны, всѣми силами нашими и. зависящими отъ каждаго, средствами и мѣрами, чтобы содѣйствовать внутреннему пресвѣянію нашихъ учебныхъ заведеній чрезъ возвышеніе умственнаго и нравственнаго образованія воспитывающихся въ нихъ дѣтей для наилучшаго приготовленія ихъ къ тому высокому, святому служенію Церкви, Престолу и Отечеству, къ которому они предназначены Промысломъ Божиимъ, по самому своему рожденію. и призываются по мѣсту и роду самаго образованія (1).

Въ отвѣтъ на эту рѣчь преосв. Антонія тогдашній Ректоръ Семинаріи о. Архимандритъ Павелъ. отъ лица всей семинарской и училищной корпораціи. обратился къ преосв. Антонию съ слѣдующими словами: „Преосвященнѣйшій Владыко! отъ всего сердца всѣ мы благодаримъ Августѣйшаго Монарха за новую милость Его къ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Благодаримъ отъ всего же сердца и Васъ. потому что Ваши попеченія и труды, по сдѣланному еще прежде сего улучшенію быта Смоленскихъ учебныхъ заведеній, конечно много содѣйствовали и тому самому, что высшее начальство и самъ Августѣйшій Монархъ увидѣли во всемъ свѣтѣ,

(1) Тамъ же. стран. 449—450.

бывшее доселѣ, скудное состояніе нашихъ духовныхъ заведеній и, потому, явились къ нимъ теперь съ такою существенною помощію. Въ самой Высочайшей Грамматѣ именно эти Ваши труды и заслуги по улучшенію быта и съ тѣмъ вмѣстѣ учебной части въ Смоленскихъ заведеніяхъ, по преимуществу, признаются дающими Вамъ право на особенно Монаршее вниманіе и благоволеніе. Равно знаменательно, въ этомъ же смыслѣ, и то, что приноситъ поздравленіе Вамъ съ полученною Вами наградю Монаршею Господь судиль намъ. въ одинъ и тотъ же день, совмѣстнѣ съ празднествомъ по случаю дарованныхъ средствъ къ повсемѣтному улучшенію быта духовно-учебныхъ заведеній“ (1).

Впрочемъ, преосв. Антоній, если въ эти самыя минуты общей радости за явленную отъ щедротъ Царскихъ милость—въ назначеніи къ отпуску полуторамилліонной суммы въ пользу духовно-учебныхъ заведеній,—не выразилъ еще своихъ иныхъ мыслей и чувствованій, за то послѣднія были уже у него на душѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ не замедлилъ высказаться въ слѣдующихъ буквальныхъ словахъ: „Да, полуторамилліонная сумма то велика и хороша, да все-таки чужая“... „Сквозь эту груду золота какъ-бы не поструилсь у насъ слезы“.— „Это, по моему, хотя и золотая, а все-таки цѣпь, надѣвши которую на насъ, какъ-бы. не повели насъ. *а може* мы и не хотѣли бы, но будетъ поздно“. По нѣкоторымъ даннымъ. онъ узналъ, что и какъ проэктировалось въ Комитетѣ по преобразованію духовно-учебныхъ заведеній и, главнѣе всего, куда наклонялось все дѣло по главному управленію этими заведеніями, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и по части распоряженій всѣми духовно-учебными капиталами. „Надъ новоназначенною-то полуторамилліонною суммою будетъ „*своя рука—владыка*“, да и наши-то суммы попадутъ туда же; а затѣмъ, если будетъ. со временемъ, недоставать на какія-либо мѣстныя нужды, то это опять мы же сами добывай, да. по ихъ же усмотрѣнію и распоряженію, употребляй на что

(1) Тамъ же, стран. 451.

укажутъ и прикажутъ, такъ чтобы и не смѣть намъ свое сужденіе имѣть... Однимъ словомъ,—въ нашемъ же собственномъ достояніи окажутся чужіе хозяева съ правомъ на львиный дѣлежъ... Между тѣмъ, то ли дѣло,—когда бы постепенно улучшать бытъ нашихъ заведеній собственными силами и, соотвѣтственно этому, постепенно же изыскивать собственныя же средства на всѣ существенные расходы, отнеся изъ послѣднихъ, развѣ одно лишь, жалованье служащихъ на счетъ Государственнаго казначейства, такъ какъ и самыя лица, служащія въ духовныхъ заведеніяхъ, по самой большей части, состоятъ въ чинахъ гражданскихъ и вносятъ за эти самыя чины извѣстные оклады въ государственное же Казначейство⁽¹⁾. А что есть, и насколько, возможность имѣть намъ свои средства епархіальныя на безбѣдное удовлетвореніе нуждамъ нашихъ заведеній, это доказано самымъ дѣломъ въ Смоленской епархіи, а въ другихъ епархіяхъ, исключая не многихъ, эти средства еще достаточнѣе,—на что уже и сдѣлано было указаніе въ моемъ проэктѣ съ математически точнымъ вычисленіемъ“.

Подобныя разсужденія преосв. Антонія, дѣйствительно, стали скоро оправдываться, когда, прежде всего, вмѣсто предназначеннаго пятилѣтняго срока для преобразования всѣхъ заведеній, послѣдовало распоряженіе растянуть на десять лѣтъ. Потому хотя сумма, ассигнованная изъ Казначейства, по истеченіи перваго пятилѣтія, отпускалась уже вся сполна, тѣмъ не менѣе, во многихъ (чуть не на половину) епархіяхъ заведенія оставались еще безъ всякаго улучшенія, а нѣкоторымъ приходилось оставаться въ ожиданіи этого счастья и далѣе втораго пятилѣтія, такъ какъ въ послѣдніе годы еще растянули срокъ, назначивъ произвести преобразование заведеній въ каждый годъ, вмѣсто пяти, только въ трехъ епархіяхъ. По поводу этихъ распоряженій преосв. Антоній, бывало, изливался со всею горечью.—„Ну скажите Бога ради: *что ся вамъ мнитъ*, говоря по истинѣ и

(1) Въ свое время, извѣстно, были взыскиваемы деньги за винопроизводство и въ очень значительныхъ размѣрахъ.

по совѣсти? Сколь велика здѣсь доля и правды и здраваго разсужденія? Чѣмъ виноваты заведенія въ тѣхъ епархіяхъ, въ коихъ и средствъ мѣстныхъ не изыскано для ихъ улучшенія и изъ ассигнованной-то государственной суммы не будетъ удѣлено имъ ни гроша въ теченіи 10—15 лѣтъ?! И каково будетъ для вновь поступающихъ на службу, когда одинъ назначится въ преобразованную Семинарію прямо на 700 р., а другой на прежній окладъ 257—286 р.!! Всего же болѣе накоплялись и неудержимо вырывались у него подобныя чувствованія, когда введенъ былъ (1867 г.) новый уставъ Семинарій и училищъ и когда онъ, съ теченіемъ времени, на опытѣ, видѣлъ, что и какъ оказалось несообразнымъ ни съ положеніемъ, ни съ прямою пользою заведеній, — о чемъ онъ и началъ тогда же писать, куда и кому слѣдовало, и формально и конфиденціально, въ самыхъ смѣлыхъ выраженіяхъ. Но объ этомъ будетъ рѣчь еще въ своемъ мѣстѣ. Теперь же обратимся къ предмету матеріальнаго улучшенія быта Смоленскихъ духовно-учебныхъ заведеній, которое было сдѣлано преосв. Антоніемъ, по его исключительно инициативѣ, одними мѣстными епархіальными средствами. — Изложеніе этого предмета помѣщается въ отдѣльной, непосредственно слѣдующей, главѣ.

ГЛАВА XVI.

Вѣло по части улучшения матеріальнаго быта всѣхъ Смоленскихъ духовно-учебныхъ заведеній, произведенное преосв. Антоніемъ, съ полнѣйшею справедливостію и точностію охарактеризовано въ Высочайшей Грамматѣ, какъ свидѣтельство истинно отеческой заботливости преосв. Антонія о благосостояніи учебныхъ заведеній и какъ плоды его неусыпной дѣятельности на пользу вообще епархіи.—Преосв. Антоній и самъ, не обинуясь, свидѣтельствовалъ о себѣ, что онъ, дѣйствительно, „сблизившись всею душею съ любимою имъ и любящею его паствою и питая эти же чувства въ частности къ учебнымъ заведеніямъ, въ силу этого только и вызвался на столь не легкой для него трудъ по настоящему дѣлу“ (1). Эта легкость труда, кромѣ самаго выполненія дѣла, увеличивалась еще тѣмъ, что на него смотрѣли съ немалыми предубѣжденіями, выходившими какъ изъ среды мѣстной, такъ и отъ-туда, со стороны печати, даже и тогда, когда было уже оно сдѣлано, и на него воспослѣдовало разрѣшеніе св. Синода.

Въ печати появились нѣкоторыя статьи по поводу разсматриваемаго предмета даже прежде, чѣмъ напечатано было объ немъ въ епархіальныхъ Смоленскихъ Вѣдомостяхъ. Первая статья была въ тогдашней газетѣ „День“, появилась еще въ концѣ 1864 г. (2), а вторая—

(1) Слова его въ отвѣтъ на рѣчь, сказанную бывшимъ о. Ректоромъ Семинари по настоящему же предмету.

(2) По поводу этой статьи, какъ извѣстно уже читателямъ, и писалъ преосв. Антоній къ преосв. Анатолию Могилевскому, выра-

въ *Православномъ Обозрѣніи* (въ Январской книжкѣ 1865 г.). По поводу послѣдней Редакція Смоленскихъ Вѣдомостей сочла даже необходимымъ тогда же дать отвѣтъ ⁽¹⁾ на тѣ именно замѣчанія, въ которыхъ, вмѣстѣ съ несочувствіемъ къ дѣлу, предрекался ему даже не совѣтъ добрый исходъ. — Не приводя здѣсь содержанія указываемыхъ замѣчаній, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, желая дать читающимъ понятіе объ ихъ значеніи, мы приведемъ слова изъ письма сторонняго автора (изъ лицъ, впрочемъ, мѣстной же епархіи), которое прислано было въ Редакцію Смоленскихъ епарх. Вѣдомостей послѣ уже напечатаннаго Редакціею своего выше помянутаго отвѣта. — „Я, — писалъ составитель письма, — съ удовольствіемъ прочиталъ отвѣтъ Редакціи на замѣчанія Православнаго Обозрѣнія касательно улучшенія быта Смоленскихъ духовно-учебныхъ заведеній собственными средствами. Но не стоило бы, по моему, и отвѣчать. Положительно можно сказать, что слишкомъ много чести сдѣлано этимъ отвѣтомъ „г.г. говорунамъ“, которые лишь любятъ кричать, горячиться, размахивать руками, быть можетъ, и сами не замѣчая, что они этимъ маханьемъ не метутъ и не чистятъ пыль, а только сильнѣе ее поднимаютъ, — да еще, пожалуй, не съ тѣмъ-ли, — чтобы пустить ее въ глаза другимъ, и, чрезъ то, засорить и затемнить самый предмѣтъ и значеніе дѣла.“ ⁽²⁾

Что же касается до предубѣжденій и недоумѣній въ мѣстной средѣ духовенства и, отсюда происходившихъ, нѣкоторыхъ затрудненій при началѣ и въ продолженіи, предпринятаго преосв. Антоніемъ, дѣла объ улучшеніи быта учебныхъ заведеній, то само собою понятно, въ чемъ все это заключалось и отъ чего зависѣло. Съ одной стороны самое начинаніе преосв. Антонія было, дѣйствительно, слишкомъ новое и какъ-бы рискованное, а,

жая опасеніе, чтобы *благопріятели* не успѣли, въ самомъ дѣлѣ, повредить дѣлу, пока мы будемъ сами медлить...

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1865 г. стр. 271.

(2) Прибавленія къ Смолен. епарх. Вѣдомостямъ 1865 г., стр. 13—14.

съ тѣмъ вмѣстѣ, трудно еще было ручаться за самое разрѣшеніе вышшаго начальства на приведеніе его въ исполненіе. Съ другой стороны дѣло это требовало прямого увеличенія денежныхъ средствъ, а эти средства должно было извлекать изъ церковныхъ доходовъ, преимущественно отъ прибыли свѣчной, что и составляло самое чувствительное, большое мѣсто для приходскихъ причтовъ. Въ этомъ отношеніи весьма интересны слова того же автора письма, гдѣ онъ съ натуры изобразилъ состояніе и отношеніе духовенства къ разсматриваемому дѣлу.—Уличая названныхъ имъ „*говорунцовъ*“ въ безтактности и пр., онъ писалъ: „Надобно увидѣть и уразумѣть, а потомъ не разъ помѣрять, да и вымѣрять, а не *совать* съ своими тенденціями прямо *въ воду, не спросясь броду*.—Дѣйствительно, дѣло улучшенія нашихъ духовно-учебныхъ заведеній есть явленіе для насъ новое, потому-то оно намъ и въ диковинку: вотъ мы и заговорили... А что толку въ нашемъ говорѣ?! Это самая суцая правда, что въ нашемъ говорѣ только и слышны тенденціи разрушительныя, а не созидательныя. Сначала я и самъ,—грѣшный, принадлежалъ къ числу такихъ говорунцовъ, и высказалъ-было кое-что,—только ужъ никакъ не позволилъ себѣ, по пословицѣ, „*соръ изъ своей избы выкидывать на улицу*“. Дѣло, изволите видѣть,—вотъ въ чемъ. Много-ли нашихъ братій священниковъ (о мірянахъ уже ни слова),—до появленія сперва отчета въ „*Странникъ*“ о духовно-учебномъ капиталѣ, а потомъ и нашего проэкта объ улучшеніи быта нашихъ Смоленскихъ духовно-учебныхъ заведеній,—знали, куда и на что идетъ, вносимая въ казну, свѣчная прибыль? А еще больше,—приходилось-ли подумать хоть разъ кому нибудь изъ насъ,—откуда идетъ капиталъ на содержаніе нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, въ которыхъ мы и сами воспитывались, и дѣтей своихъ теперь воспитываемъ?! По правдѣ сказать, мы и видомъ не видали, и слыхомъ не слыхали ничего объ этомъ?... У насъ не спрашивали, да и намъ не говорили. Однимъ словомъ, статья, или графа, въ приходо-расходныхъ церковныхъ книгахъ, подъ заглавіемъ: „*Внесено для*

храненія и приращенія въ пользу церкви“,—была для насъ въ глубочайшей обскурѣ, о которой мы уже, по примѣру отцевъ, и не разууждали, кромѣ того, что какъ-бы по меньше внести. Теперь оно хотя и разъяснилось, да какъ-то по пословицѣ: „*привычка—вторая натура*“.— и потому трудно еще намъ разстаться съ застарѣлою страстію, чтобы поступиться во взносѣ денегъ больше и больше...“

„Вотъ и вся причина нашихъ тенденцій!!.. Теперь,— надобно признаться по совѣсти,—какъ будто и завидно, почему все это не сдѣлалось въ наше время, т. е. когда мы учились? Мы жили въ бурѣ и пили и ѣли тогда... ну! Богъ съ нимъ—съ прошедшимъ!!! Устройай Господи, по крайней мѣрѣ, получше будущее!!“ (1).

Въ проэктѣ преосв. Антонія главною точкою опоры для успѣха своего ходатайства предъ св. Синодомъ о разрѣшеніи ему произвести улучшение быта своихъ учебныхъ заведеній мѣстными епархіальными средствами, дѣйствительно, было то, на что указано и въ выше приведенномъ письмѣ. Это именно—обращенное имъ вниманіе на отчеты о духовно-учебномъ капиталѣ и вообще на средства св. Синода. „Мнѣ хорошо извѣстно,—писалъ онъ,—у св. Синода, при всемъ его желаніи, не достало-бы средствъ въ удовлетвореніе всѣхъ нуждъ духовно-учебныхъ заведеній, такъ какъ ежегодно свѣчнаго сбора со всѣхъ епархій, въ сложности съ процентами съ духовно-учебнаго капитала, не достаетъ уже нынѣ на покрытіе всѣхъ расходовъ по содержанію сихъ заведеній и при теперешнемъ ихъ положеніи“. Потомъ, переходя прямо къ предмету и цѣли своего проэкта, преосв. Антоній продолжалъ: „Обращая же вниманіе на настоящее положеніе учебныхъ заведеній въ Смоленской епархіи, я съ глубочайшимъ сожалѣніемъ вижу, какъ оно неудовлетворительно, и содержаніе ихъ, по увеличившейся чрезмѣрно въ послѣднее время дороговизнѣ на всѣ жизненные предметы, очень-очень скудно въ всѣхъ отноше-

(1) Прибавленія къ Смоленскимъ епарх. Вѣдом. 1865 г. стр. 14—15.

ніяхъ, и потому 28000 р., отпускаемыхъ на нихъ въ годъ, совершенно не достаточно“.

Но какъ это состояніе было, само собою, почти общее для всѣхъ нашихъ духовныхъ заведеній, и, потому, не могло вызывать особеннаго вниманія и уваженія къ нуждамъ, въ частности взятыхъ, заведеній Смоленской епархіи, то преосв. Антоній указалъ на слѣдующія основанія и побужденія: „Тяжелое и бѣдственное положеніе служащихъ въ Смоленской Семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищахъ становится еще тяжелѣе для нихъ отъ невольнаго сознанія, что они незаслуженно обездолены и уничтожены въ средствахъ своего содержанія не только предъ наставниками, равностепенныхъ съ Семинаріями и духовными училищами, заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, но и предъ наставниками сосѣднихъ Семинарій. (Указано было прямо на наставниковъ Витебской Семинаріи и подвѣдомыхъ ей училищъ). Условія жизни въ Витебскѣ были (до возстанія), значительно лучше, чѣмъ въ Смоленскѣ; потому что всѣ предметы почти первой жизненной потребности, какъ-то: пища (за исключеніемъ рыбы), одежда, обувь въ Витебскѣ дешевле, чѣмъ въ Смоленскѣ; и, однакожъ, тамъ наставники обезпечены гораздо вышшимъ окладомъ—въ количествѣ 400 руб. Кромѣ того нельзя не обратить вниманія и на то, что 1) въ Витебскѣ, по малолѣдству Семинаріи и малому числу наставниковъ, каждый наставникъ, кромѣ жалованья по наставнической должности, пользуется еще жалованьемъ по какой либо второстепенной должности, увеличивающимъ средства его къ жизни, тогда какъ въ Смоленскѣ только не многіе наставники занимаютъ второстепенныя должности; 2) по малолѣдству воспитанниковъ, наставники Витебской Семинаріи несутъ гораздо меньше, чѣмъ наставники Смоленской, домашнихъ трудовъ, состоящихъ въ чтеніи ученическихъ сочиненій и, потому самому, имѣя больше свободнаго времени, могутъ приобрѣтать себѣ средства къ жизни посторонними занятіями гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ наставники Смоленской Семинаріи, у которыхъ чтеніе ученическихъ сочиненій поглощаетъ почти

все время, остающееся отъ классовъ и отъ приготовленія къ классамъ (1).

„Наконецъ, столь же крайне недостаточна сумма, ассигнуемая на содержаніе Смоленской Семинаріи и всѣхъ училищъ по всѣмъ другимъ статьямъ хозяйственнаго содержанія. Особенно до крайности скудно и бѣдно содержаніе казеннокоштныхъ учениковъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, можно сдѣлать на 48 руб. 56 коп., полагаемыхъ на полнокоштнаго ученика Семинаріи, и 28 руб. на ученика училищнаго? Но и эту сумму необходимо бываетъ урѣзывать еще, чтобы восполнить нужды по содержанію самыхъ зданій, такъ какъ, отпускаемыя на этотъ предметъ, суммы—2000 руб. для Семинаріи и—471 р. 28 к. для училища почти всѣ расходуются на одинъ только дрова. По сему-то посѣщеніе нашихъ заведеній, особенно училищъ, на кого угодно производить самое грустное и тяжелое впечатлѣніе. Нѣтъ никакого, конечно, сомнѣнія, что такой видъ и обстановка заведеній неотразимо имѣютъ неблагопріятное вліяніе и на самый духъ и направленіе воспитанниковъ (2). Такъ же точно, что подумать,— а не то, чтобы выразить,—о скудномъ и бѣдственномъ положеніи наставниковъ училищъ, особливо женатыхъ и семейныхъ?! Служебные труды сихъ послѣднихъ вознаграждаются буквально хуже трудовъ рабочаго поденщика. и положеніе ихъ менѣе обезпечено, чѣмъ положеніе послѣдняго мѣщанина. Довольно только представить, что самый высшій окладъ для этихъ наставниковъ 171 руб. въ годъ, а низшій равняется 85 руб... Это ли—не полнѣйшая вопіющая нищета?! И нужно ли объяснять причины всего этого, когда всякому должно быть извѣстно, что, доселѣ существующіе, оклады назначены были еще по Высочайше утвержденному штату въ 1836 г., и что съ той поры,—въ теченіи почти 30-ти лѣтъ,—и условія въ житейскомъ отношеніи измѣнились, и потребности уве-

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г.. стр. 46.

(2) Тамъ же.

личилсь, а дѣны на всѣ жизненные предметы почти утроились“ (1).

Вообще преосв. Антоній, входя съ истинно-отеческою любовію и попечительностію въ состояніе и житейскую обстановку служащихъ и воспитывающихся въ учебныхъ заведеніяхъ, по естественному чувству состраданія, говаривалъ: „если само слово Божіе вѣщаетъ: *никтоже когда плоть свою возненавидѣтъ, но питаетъ и грѣтъ ю*, — то что же и какъ приводится чувствовать себя тѣмъ, кто и радъ бы питать и грѣтъ. да положительно не на что... между тѣмъ какъ отъ нихъ же требуются постоянные труды и ожидаются столь важные плоды въ столь великомъ дѣлѣ служенія, каково образованіе юношества?!.. Нѣтъ и нѣтъ! не мимо идетъ здѣсь пословица: „на некормленомъ конѣ только можно подѣ гору, а не на гору“... т. е. нечего намъ и рассчитывать на подъемъ уровня въ дѣлѣ нашего образованія, если не возвысить средства къ улучшенію положенія труждающихся въ этомъ дѣлѣ“...

Подъ вліяніемъ этихъ-то чувствованій и въ силу приведенныхъ выше, данныхъ и соображеній, преосв. Антоній, изложивши послѣднія въ особо составленномъ имъ проэктѣ, представилъ его, еще въ 1863 году, Синодальному Оберъ-Прокурору для внесенія въ св. Синодъ съ ходатайствомъ, чтобы какъ жалованье служащимъ, такъ и суммы по всѣмъ прочимъ статьямъ содержанія Семинаріи и училищъ въ Смоленской епархіи, были увеличены въ размѣрѣ, равномъ съ смежными такими же заведеніями въ Полотской епархіи (2).

Но какъ самъ же преосв. Антоній предвидѣлъ, что напрасно было надѣяться, чтобы св. Синодъ могъ согласиться удовлетворить его ходатайству изъ общихъ духовно-учебныхъ капиталовъ, въ коихъ, и безъ того, оказывался уже дефицитъ, то онъ въ представленіи своемъ просилъ предоставить ему самому улучшить, въ возможной и нужной мѣрѣ, скудное содержаніе заведеній Смоленской епархіи, — слѣдующимъ образомъ:

(1) Тамъ же, стран. 44.

(2) Тамъ же, стран. 48.

1) Предоставить свѣчной доходъ съ церковей Смоленской епархіи.— котораго представляется теперь менѣе, на 8000 руб., противъ того, сколько отпускается въ Смоленскую Семинарію и училища изъ учебныхъ капиталовъ,—въ непосредственное вѣдѣніе и распоряженіе епархіальнаго начальства.

2) Разрѣшить ему—(Пресвященному), составить въ Семинарскомъ Правленіи смѣту расходовъ на содержаніе Семинаріи и училищъ Смоленской епархіи въ размѣрѣ, увеличенномъ противъ настоящаго на столько, на сколько это нужно для приведенія ихъ въ надлежащее благоустройство.

3) Таковую смѣту, по утвержденіи оной высшимъ Начальствомъ, разослать по епархіи къ причтамъ всѣхъ церковей, съ приглашеніемъ, дабы они, не ограничиваясь высылкою свѣчныхъ денегъ въ томъ количествѣ, какъ доселѣ представляли, увеличили цифру оныхъ, по способамъ каждой церкви въ такомъ размѣрѣ, какъ это нужно по новой смѣтѣ (1).

Исправлявшій тогда должность Оберъ-Прокурора св. Синода, Князь С. И. Урусовъ не замедлилъ увѣдомить преосв. Антонія предварительно, что онъ, съ своей стороны, вполне сочувствуетъ попеченію Его Пресвященства объ улучшеніи содержанія и состоянія Смоленскихъ духовно-учебныхъ заведеній; что соображенія Пресвященнаго по сему предмету будутъ обсуждены съ тою тщательностію, которой заслуживаютъ важность и настоятельность самаго предмета, на который Пресвященный изволилъ обратить Архипастырское свое вниманіе, и что, затѣмъ, можетъ увѣрить Его Пресвященство въ томъ, что онъ съ живымъ участіемъ займется этимъ дѣломъ (2).

Затѣмъ, вскорѣ, въ томъ же 1863 г., послѣдовало отъ того же Князя Урусова увѣдомленіе такого содержанія,—что св. Синодъ не нашелъ препятствія къ удовлетворенію ходатайства преосв. Антонія, но, по важности настоящаго дѣла, призналъ нужнымъ, при разрѣшеніи

(1) Тамъ же, стран. 48.

(2) Тамъ же, стран. 49.

сего ходатайства, имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія, между прочимъ, о количествѣ суммы, потребной для полного, по возможности, обезпеченія заведеній, и потому постановилъ — потребовать отъ Преосвященнаго этихъ свѣдѣній (1).

Отъ души радуясь столь благопріятному и ускоренному ходу дѣла, преосв. Антоній хотя и чувствовалъ себя, по собственному его выраженію, въ состояніи, выражаемомъ пословицей: „взялся за гужъ, не говори, — что не дюжъ“, но, съ другой стороны, руководился и другою пословицею, „куй желѣзо, пока горячо“. Да сказать по правдѣ, — говорилъ онъ, — смыслъ и первой пословицы не былъ страшенъ для меня, потому что я въ это дѣло „не сунулся, какъ въ воду, не спросивши и не попытавши еще прежде броду“. Преосв. Антоній, прежде всего, имѣлъ несомнѣнную увѣренность, что духовенство ввѣренной ему епархіи, понявъ всю необходимость и цѣня всю пользу предпринятой мѣры, отзовется на приглашеніе его къ участию съ полною готовностію удовлетворить истиннымъ нуждамъ заведеній, въ которыхъ воспитываются дѣти духовенства для служенія Церкви и Отечеству; а въ церквахъ найдутся денежные средства для удовлетворенія этихъ нуждъ, — причемъ и самыя церкви, по милости Божіей, не оскудѣютъ (2).

Съ другой же стороны у преосв. Антонія не только имѣлись въ виду, но уже были почти подготовлены всѣ тѣ свѣдѣнія, которые призналъ необходимымъ потребовать отъ него св. Синодъ. „Въ этомъ дѣлѣ сослужилъ мнѣ, говорилъ преосв. Антоній, службу самую добрую старецъ-Архимандритъ Алексій. Зная его, какъ чловѣка экономическаго, кропотливаго и усидчиваго, я возложилъ на него эту, чисто египетскую, работу — считать всѣ суммы церковно-приходскія. И спасибо ему, — онъ исполнилъ это порученіе вполне тактично“. Формальнымъ же путемъ преосв. Антоній немедленно, по

(1) Тамъ же, стран. 49.

(2) Тамъ же, стран. 49.

полученіи затребованныхъ отъ него св. Синодомъ свѣдѣній. далъ предложеніе Семинарскому Правленію составить подробную отчетливую смѣту,—а для этого предписалъ городскому Благочинному, чтобы само духовенство избрало изъ среды своей двухъ лицъ для соучастія въ составленіи этой смѣты.—„Словомъ—все дѣло кнѣгло и спѣло, какъ только можно было желать“.—Болѣе же всего утѣшался преосв. Антоній тѣмъ, что для увѣренности своей въ сочувствіи всего духовенства онъ имѣлъ твердыя и надежныя основанія и ручательства.—„Впрочемъ, я, говорилъ онъ, поступилъ въ этомъ случаѣ *крутенъко*, а не такъ, чтобы ублажать только и гладить по головкѣ. Дѣло само требовало, чтобы поставить его *начистую*... тѣмъ болѣе, что въ своемъ проэктѣ я невольно касался и другихъ епархій въ разсматриваемомъ вопросѣ, особливо по части денежныхъ средствъ, коими многія епархіи положительно изобилуютъ, а между тѣмъ, сравнительно, представляютъ чуть не *minimum* въ общій составъ духовно-учебнаго капитала“.

Смысль этихъ выраженій, т. е. что преосв. Антоній поступилъ *крутенъко* и дѣйствовалъ *начистую*, дѣйствительно, видѣнъ вполнѣ въ его циркулярѣ, съ которымъ онъ обратился къ духовенству Смоленской епархіи, разославши при немъ экземпляры и самой смѣты, составленной Семинарскимъ Правленіемъ.

Суть дѣла въ томъ, что, до описываемаго времени, отъ всѣхъ церквей Смоленской епархіи ежегодно вносило было свѣчныхъ и другихъ церковныхъ доходовъ въ составъ духовно-учебныхъ капиталовъ около 22000 рублей, а по новосоставленной смѣтѣ требовалось теперь ежегоднаго взноса 41849 рублей; слѣдовательно, взносъ долженъ былъ увеличиться *вдвое*.—Вотъ тутъ-то, само собою, и пришлось духовенству по словамъ автора письма, „обратиться къ извѣстной графѣ, остававшейся въ глубочайшей *обскури* и побороть свою *привычку* выставлать въ ней сумму „*какъ бы только по-меньше*“.. Впрочемъ, прежде, чѣмъ пришлось духовенству и, старостамъ судить да рядить, какъ отнестись къ дѣлу и, въ частности, поступить съ своею *обскурою*, преосв. Антоній

въ томъ же, разсматриваемомъ, циркулярѣ прямо самъ отъ себя указаль и раскрыль эту *обскуру* при глазахъ всѣхъ причтовъ. Изложивши въ четырехъ пунктахъ, что и какъ должно быть выполнено, по приложеннымъ формамъ, для приведенія всѣхъ церковно-приходскихъ суммъ въ точную извѣстность, преосв. Антоній писалъ далѣе: „При семъ нужнымъ считаю объяснить всему духовенству, что оно отнюдь не должно никакими соображеніями стѣсняться—показывать въ требуемой вѣдомости какъ прочіе церковные доходы, такъ, въ особенности, свѣчную выручку въ истинномъ и подлинномъ ея количествѣ, *а не такъ, какъ доселъ было...* Ибо до сихъ поръ выручка сія показывалась, какъ извѣстно мнѣ, и какъ это можно очевидно доказать, не вѣрно: *значительная*, а по многимъ церквамъ даже *большая часть ея утаивалась*, или перечислялась въ кружечную и кошелековую сумму, или же *составляла особую, не гласную и секретную сумму, которая и употребляема была безъ всякаго контроля...* Этотъ предосудительный обычай могъ имѣть, доселѣ нѣкоторое, основаніе и быть извиняемъ опасеніемъ, чтобы свѣчная сумма не была безъ остатка отбираема отъ церквей, если бы была показываема въ подлинномъ своемъ количествѣ,—черезъ что церкви, оставаясь при однихъ кружечныхъ и кошелековыхъ сборахъ, лишились бы средствъ къ своему поддержанію въ надлежащемъ видѣ; по сей самой причинѣ *и покупка и расходъ свѣчей* по церквамъ *показывались не вѣрно* въ уменьшенномъ количествѣ противу дѣйствительнаго. Въ настоящее время такое опасеніе совершенно не имѣетъ основанія, и не умѣстно, такъ какъ я предлагаю, чтобы церкви вносили на содержаніе епархіальныхъ учебныхъ заведеній, не исключительно и всецѣло, свѣчную свою выручку, но вообще извѣстное, возможное для нихъ. количество денегъ изъ всѣхъ своихъ доходовъ. И я святительскимъ своимъ словомъ удостоверяю, что собственность каждой церкви, ввѣренной мнѣ, Епархіи для меня такъ же дорога и неприкосновенна, какъ и для причтовъ и прихожанъ, и, сверхъ возможнаго для каждой церкви и необходимаго на нужды учеб-

ныхъ заведеній, не будетъ взимаемо съ церковей ни одной копѣйки. Что же касается до негласной и секретной суммы, какую многія церкви имѣють обычай собирать изъ излишнихъ, сверхъ представляемыхъ начальству, свѣчныхъ денегъ, то я рѣшительно прошу и *настоятельно требую, чтобы впредь этого, не извиняемого никакими предлогами, обычая отнюдь не было нигдѣ*, такъ какъ, чрезъ эту утайку, Епархіальное Начальство вводится въ заблужденіе относительно истиннаго положенія церковей и ихъ доходовъ, и имѣетъ основательный поводъ подозрѣвать причты и старосты въ злоупотребленіи церковными деньгами, или, по крайней мѣрѣ, въ произвольномъ и не всегда полезномъ и разумномъ употребленіи оныхъ. „Я вполне убѣжденъ, что духовенство Смоленской епархіи живо сочувствуетъ мнѣ въ моей заботливости объ улучшеніи учебныхъ заведеній, въ коихъ воспитываются ихъ дѣти, и само ясно сознаетъ неудовлетворительность нынѣшняго ихъ состоянія и видитъ неотложную надобность дать способы къ приведенію ихъ въ возможно лучшее устройство, и, потому, увѣренъ, что духовенство отзовется мнѣ на настоящее мое предположеніе совершеннымъ согласіемъ и готовностію отдѣлять отъ каждой церкви изъ ея доходовъ большее, противъ прежняго, количество суммы на содержаніе означенныхъ заведеній такъ, чтобы изъ общаго взноса составилаь сумма, соотвѣтствующая смѣтѣ Семинарскаго Правленія.—Вмѣстѣ съ симъ надѣюсь, что и церкви, по милости Божіей, не оскудѣютъ отъ сего; причты же и старосты съ своей стороны употребятъ все тщаніе, чтобы доходы церковные, по всѣмъ источникамъ оныхъ, не только не уменьшались, а умножались, и строго наблюдалось, чтобы даромъ не пропадала изъ оныхъ ни одна копѣйка.—Почту себя счастливымъ, если буду имѣть возможность засвидѣтельствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ о совершенномъ согласіи духовенства на мое предложеніе.—*Въ случаѣ же неустпѣха настоящаго моего предположенія и отказа со стороны духовенства возвысить взносъ изъ церковей денегъ до количества, какое показано въ смѣтѣ, я съ прискор-*

бѣла долженъ объявить, что крайность можетъ заставить меня прибѣгнуть къ слѣдующей, весьма печальной, мѣрѣ: уменьшить въ училищахъ, равно какъ и въ Семинаріи, число учащихся, уничтожить параллельные классы, лишить содержанія и пособія значительную часть воспитанниковъ, пользующихся теперь симъ содержаніемъ, или пособіемъ, и впредь принимать въ училища, а особенно переводить въ Семинарію гораздо меньшее число учениковъ, дабы, такимъ образомъ, имѣть возможность, хотя для меньшаго числа воспитанниковъ, привести Смоленскія духовныя заведенія—учебныя въ желаемое благоустройство, соотвѣтственно той суммѣ, какая отпускается нынѣ на содержаніе сихъ заведеній“ (1).

„Отвѣты духовенства, — какъ сказано въ изложеніи этого дѣла въ епарх. Вѣдомостяхъ, — на циркуляръ своего Архипастыря не заставили ждать себя долго. Въ этихъ отвѣтахъ — „все безъ исключенія духовенство высказало полное искреннее свое сочувствіе предпріятію Преосвященнаго и, благодаря его за истинно архипастырскія попеченія о благосостояніи учебныхъ заведеній, заявило тогда же полную готовность содѣйствовать всѣми, зависящими отъ духовенства, средствами и мѣрами къ улучшенію быта сихъ заведеній“ (2). Вслѣдъ за этимъ напечатаны тутъ же многіе отзывы дословно, какъ свидѣтельство того, что духовенство во многихъ мѣстахъ вызвалось даже на большіе взносы, чѣмъ требовалось бы по средней раскладкѣ. Последняя же признана была въ такой нормѣ, чтобы приходилось съ каждой души изъ числа прихожанъ (мужскаго пола) *по 6 коп.*, исключая тѣхъ приходоу, которые находятся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ; послѣдніе и сами признали возможнымъ вносить вмѣсто 6-ти коп. отъ 8 до 10 коп. (3).

По полученіи всѣхъ этихъ данныхъ, очевидно, оставалось одно, — представить ихъ въ св. Синодъ и про-

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1865 г., стр. 89, 90, 91 и 92.

(2) Тамъ же, стран. 92.

(3) Тамъ же, стран. 92—93.

сить окончательнаго разрѣшенія на введеніе проэктированной системы содержанія учебныхъ заведеній собственными средствами Смоленской епархіи въ улучшенномъ видѣ. — Но у преосв. Антонія родилась, при этомъ, мысль о болѣе широкомъ значеніи и приложеніи этой системы. Препровождая сказанныя данныя во всей необходимой обработкѣ, преосв. Антоній, въ томъ же отношеніи къ г. Синодальному Оберъ-Прокурору, присовокупилъ слѣдующее. „Если Смоленская епархія, имѣющая, (какъ видно изъ отчета по вѣдомству Православнаго Исповѣданія за 1860 г.), церковныхъ доходовъ 79948 р. и свѣчныхъ 21878 р. всего—101826 р., нашла теперь возможнымъ, безъ всякихъ стѣсненій, удѣлить на содержаніе своихъ заведеній 41849 р.—что составляетъ болѣе трети общей суммы всѣхъ ея доходовъ,—то можно ли сомнѣваться, что и другія епархіи, въ большинствѣ, тоже могутъ безъ затрудненія значительно увеличить, если не удвоить, свои взносы.—Напр. *Московская* епархія, по показанію въ томъ же отчетѣ 1860 г., имѣя церковныхъ доходовъ 1628532 р., и представивъ въ томъ же году свѣчныхъ доходовъ *только 28714 р.*, по всей справедливости, должна бы давать не эту послѣднюю скудную цифру, а *въ десять разъ большію*. Затѣмъ, перечисливъ еще *двадцать* епархій, съ обозначеніемъ цифры ихъ доходовъ, преосв. Антоній для примѣра указалъ, что *Новгородская* изъ 183 тысячъ представила только — 12 тысячъ, — *Владимірская* изъ 311 тысячъ — только 17-ть, *Рязанская* изъ 204 тысячъ — 14 тысячъ, *Пензенская* изъ 100 тысячъ — 10 тысячъ и т. п. Очевидно, что здѣсь взносъ денегъ легко могъ бы быть удвоенъ и утроенъ... безъ всякаго даже особаго изысканія мѣръ (1).

Какія побужденія и цѣль были у преосв. Антонія дѣлать такія указанія на другія епархіи по разсматриваемому предмету, объ этомъ свидѣтельствуютъ ясно его слова въ письмѣ къ преосв. Анатолію Могилевскому, гдѣ онъ выяснилъ значеніе этихъ указаній, а именно:

(1) Смоленск. епарх. Вѣдомости 1865 г., стр. 124—125.

„чтобы вызвать и другія епархіи послѣдовать его примѣру, дабы, въ случаѣ обычной медлительности нашей во всемъ, не вырвали у насъ изъ рукъ *враги наши* и этого единственнаго источника по обезпеченію духовно-учебныхъ заведеній“. —Цѣль эта, отчасти, и была достигнута. Самъ св. Синодъ, принявъ во вниманіе, приведенныя преосв. Антоніемъ указанія на цифры церковныхъ доходовъ въ разныхъ епархіяхъ и разрѣшивъ опытъ улучшенія заведеній, произведенный преосв. Антоніемъ, призналъ тогда же этотъ опытъ могущимъ послужить въ примѣръ для другихъ епархій; затѣмъ, когда послѣдовало Высочайшее назначеніе къ отпуску *ноутора* милліона, то въ распоряженіи св. Синода прямо было сказано, что этимъ воспособленіемъ преимущественно, и самыя первыя, воспользуются тѣ епархіи, въ которыхъ сдѣланы были въ свое время увеличенія взносовъ изъ мѣстныхъ епархіальныхъ источниковъ.— и въ ряду ихъ поставлена была первою епархія Смоленская.

Не останавливаясь болѣе на частностяхъ и подробностяхъ этого дѣла, опубликованныхъ, впрочемъ, тогда же въ Смоленскихъ епархіальн. Вѣдомостяхъ, мы должны сказать одно,—что все дѣло было выполнено и по формѣ и въ дѣйствительности со всею точностію и аккуратностію. Самыя высылки денегъ отъ духовенства даже превзошли ожиданія; не только не было упущеній,—какихъ можно было-бы, естественно, ожидать по самой новостности дѣла, и недоимокъ, но даже изъ многихъ благочинній деньги были высылаемы ранѣе назначеннаго срока.

„Такимъ образомъ,—читаемъ въ Смоленскихъ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ,—всѣ предпріятія и усилія преосв. Антонія улучшить бытъ Смоленскихъ духовно-учебныхъ заведеній собственными средствами епархіи увѣнчались полнымъ желательнымъ успѣхомъ“. 1-го Октября 1864 г. получено было отношеніе г. Товарища Оберъ-Прокурора Статсъ-Секретаря Кн. С. Н. Урусова, коимъ онъ увѣдомилъ преосв. Антонія объ опредѣленіи св. Синода, привести всѣ его предположенія въ исполненіе, въ видѣ опыта на три года. При этомъ, однако, встрѣтилось-было

одно обстоятельство, о которомъ особымъ письмомъ сообщилъ тотъ же Князь Урусовъ, а именно: „такъ какъ Государь Императоръ изволилъ находиться въ описываемую пору за границею, то и самое опредѣленіе св. Синода не было еще представлено Его Величеству на Высочайшее благоусмотрѣніе“ (1). Это обстоятельство приостановляло-было дѣло собственно по отношенію къ вопросу объ исключеніи изъ программы семинарской наукъ: Сельскаго Хозяйства, Естественной Истории и Медицины и др., и о введеніи Педагогики; но ввести эту послѣднюю науку немедленно же—было особеннымъ желаніемъ и преосв. Антонія и самого духовенства.

Заканчивая этимъ рѣчь о произведенныхъ преосв. Антоніемъ преобразованіяхъ въ Смоленской Семинаріи и подвѣдомыхъ училищахъ и въ матеріальномъ, и въ учебномъ отношеніи, мы должны сказать только еще о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ его, касающихся собственно училищъ, или точнѣе дѣтей духовенства—сыновей и дочерей, какъ обучающихся въ училищахъ, такъ и остающихся, до извѣстнаго возраста, въ домашнемъ обученіи.

Въ прямыхъ видахъ возможнаго устраненія изъ среды и характера духовныхъ училищъ разныхъ учебно-воспитательныхъ недостатковъ, заклеименныхъ съиздавна извѣстнымъ терминомъ „*бурсацизмомъ*“, и для введенія въ нихъ педагогическихъ началъ и приемовъ въ надзорѣ и направленіи учащихся какъ въ учебномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, преосв. Антоній сдѣлалъ училищнымъ начальствамъ слѣдующія предложенія.— „Такъ какъ, до сего времени, на Смотрителяхъ училищъ лежало все бремя управленія, такъ что они были и экономами и письмоводителями, чрезъ это они, неизбѣжно, отклонялись отъ главныхъ своихъ обязанностей по управленію учебною и нравственною частію, а равно и Инспекторы, какъ бывшіе въ то же время преподавателями, преимущественно, главныхъ и требовавшихъ большихъ занятій предметовъ, то же чувствовали себя не въ состояніи имѣть

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1866 г., стр. 124—125.

постоянный бдительный надзоръ за поведеніемъ учениковъ,—то преосв. Антоній во 1-хъ предложилъ училищнымъ начальствамъ,—войдти въ соображенія касательно учрежденія новыхъ должностей—экономской и письмоводительской, съ обсужденіемъ и правъ по службѣ, которыя должны быть предоставлены эконому и письмоводителю. Во 2-хъ—войдти въ такія же соображенія о томъ, чтобы, кромѣ Инспектора, были опредѣлены еще лица подъ названіемъ надзирателей и репетиторовъ, и чтобы для нихъ были составлены особыя инструкціи, съ тѣмъ однакожъ, чтобы опредѣленіе этихъ новыхъ лицъ было вводимо въ училищахъ постепенно, начиная съ мѣстнаго Смоленскаго. Здѣсь, въ частности, вопросъ объ опредѣленіи репетиторовъ былъ принятъ преосв. Антоніемъ особенно къ сердцу, такъ какъ и изъ вѣдомостей училищныхъ, и лично, при своихъ частыхъ посѣщеніяхъ училищъ, онъ съ прискорбіемъ усматривалъ недостаточность успѣховъ учениковъ, чуть иногда не на половину, особливо въ первыхъ начальныхъ классахъ; отъ чего приводилось или оставлять многихъ на повторительный курсъ и чрезъ то увеличивать число учащихся, или же увольнять за неуспѣшность. Репетиторы, по этому, и признавались необходимыми, по преимуществу, для послѣднихъ учениковъ ⁽¹⁾.

Но какъ это назначеніе особыхъ служащихъ лицъ было, съ одной стороны, и тяжелою для экономіи училищной (приходилось давать имъ помѣщеніе со столомъ и должное вознагражденіе), а съ другой могло служить какъ бы поблажкою для лицъ духовенства, мало заботившихся о домашнемъ приготовленіи дѣтей къ поступленію въ училища, то преосв. Антоній и обратилъ особенное вниманіе на эту послѣднюю сторону дѣла. Въ этомъ отношеніи у него установилась такая мысль, чтобы родители находились въ возможности готовить, до времени представленія въ училища, дѣтей своихъ не

⁽¹⁾ Должность экономовъ и письмоводителей, надзирателей и репетиторовъ при духовныхъ училищахъ были, вполнѣдствіи, введены и по новопроэктированному уставу 1867 г., хотя и не вездѣ.

въ первый только классъ, но и во второй, и третій, и даже хоть-бы прямо въ Семинарію. Мысль эта проведена была имъ, отчасти, и въ общемъ проэктѣ о преобразованіи учебной части въ Семинаріи и училищахъ.

По этой-то мысли преосв. Антонія, сколько и по личному желанію одного священника (Юанна Боявленскаго), какъ разъ, въ описываемую пору, предпринято было послѣднимъ открыть, въ видѣ опыта, сельское училище для дѣтей мѣстнаго, ближайшаго къ нему, духовенства. Тогдашній о. Ректоръ Семинаріи, какъ Редакторъ епархіальныхъ Вѣдомостей, не замедлил воспользоваться этимъ заявленіемъ, чтобы отнестись съ самымъ искреннѣйшимъ сочувствіемъ къ столь достойному полнаго одобренія дѣлу основателя училища, и чрезъ это вызвать такое же сочувствіе къ нему со стороны духовенства.— „Если только,—писаль о. Ректоръ,—духовенство наше не пройдетъ безъ вниманія и размышленія мимо этого сельскаго училища для дѣтей самого-же духовенства, если, напротивъ, оно рѣшится подражать примѣру о. Боявленскаго, и, такимъ образомъ, сельскія училища, въ родѣ заведеннаго имъ въ своемъ селѣ—(Мокромъ—Гжатскаго уѣзда), у насъ привыются, то смѣло должно сказать, совершится весьма важный и благодѣтельный переворотъ не только въ первоначальномъ домашнемъ, но и въ училищномъ образованіи духовнаго юношества и отзовется даже на состояніи образованія семинарскаго“. Раскрытіе всѣхъ положеній, условій и сторонъ разсматриваемаго предмета сдѣлано о. Ректоромъ съ такою полнотою, сочувственностію и практичностью, что, по справедливости, трудно и желать лучшаго ⁽¹⁾, хотя авторъ все-таки долженъ былъ заключить свое изложеніе слѣдующими выраженіями: „Подождемъ и послушаемъ, что скажетъ духовенство о проэктируемыхъ нами сельскихъ училищахъ для блага собственныхъ его дѣтей“.

Но, прежде и болѣе всѣхъ, выразилъ сочувствіе къ

(1) Статья по этому предмету изложена на цѣлыхъ 15-ти печатныхъ страницахъ.—Смотр. Смоленск. епарх. Вѣдом. 18 56г. стр. 232—238,

указываемому училищу свящ. Богоявленскаго самъ же преосв. Антоній. Получивъ чрезъ извѣстное время репортъ Благочиннаго о состояннн этого училища, при которомъ приложены были а) программа предметовъ, въ немъ преподаваемыхъ; б) краткій конспектъ пройденнаго учениками и в) самая вѣдомость о числѣ учениковъ съ отмѣтками поведенія, способностей, прилежанія и успѣховъ ихъ. преосв. Антоній тогда же далъ резолюцію: „Напечатать репортъ со всѣми приложеніями въ епарх. Вѣдомостяхъ во всеобщую извѣстность всему доховенству. Самъ-же я отъ всей души радуюсь и призываю Божіе благословеніе на сіе, столь благодѣтельное. заведеніе, и виновника его—священника Богоявленскаго. Благожелаю всему духовенству, и Благочиннымъ вмѣняю въ особенную обязанность озаботиться возможнымъ осуществленіемъ столь достоподрожательнаго дѣла. Чрезъ это самый курсъ ученія въ официальныхъ училищахъ сократится на нѣсколько лѣтъ; издержки родителей на содержаніе дѣтей значительно облегчатся; а равно и самыя училища официальные выиграли-бы весьма много; и успѣхи учениковъ въ нихъ были бы гораздо лучше, когда бы поступили въ нихъ дѣти, уже обучавшіяся въ мѣстныхъ училищахъ; между тѣмъ какъ теперь, по причинѣ множества поступающихъ, но не приготовленныхъ, и сами учителя обременяются и общій уровень успѣховъ не можетъ подниматься“.

Наконецъ, чтобы не воззваніями только, а фактами, дать понять значеніе желаемыхъ предпріятій по учрежденію мѣстныхъ училищъ въ средѣ духовенства, преосв. Антоній, предъ самыми приѣмными испытаніями дѣтей въ училища, далъ предложеніе Семинарскому Правленію,—назначить депутата изъ наставниковъ Семинаріи, который бы, совмѣстно съ училищнымъ начальствомъ, производилъ сказанныя приѣмныя испытанія, дабы принимать только достаточно подготовленныхъ и способныхъ. но, съ другой стороны, съособенною осторожностію,—чтобы скороспѣшнымъ испытаніемъ и приговоромъ не допустить ошибокъ въ столь важномъ дѣлѣ и отсюда тяжкихъ послѣдствій и для родителей и для дѣтей, такъ

какъ тутъ можетъ рѣшиться участь ихъ на всю жизнь (1).

Когда же представлены были преосв. Антонію и имъ разсмотрѣны всѣ данныя по этому предмету, — то онъ, убѣдившись окончательно въ степени неприготовленности дѣтей и въ самой численности ихъ (чуть не на половину), разослалъ отъ себя циркуляръ по всему духовенству, въ которомъ фактически изобразилъ и состояніе родителей и тѣ несчастныя послѣдствія для ихъ дѣтей и для нихъ самихъ, зависящія отъ вины же родителей. „Чѣмъ напр., какъ не небреженіемъ, — писалъ преосв. Антоній, — о благѣ собственныхъ дѣтей можетъ быть объявлено то, что многіе родители начинаютъ обучать чтенію и письму такъ поздно, что и сами часто раскаиваются? Или чѣмъ, какъ не тѣмъ же нерадѣніемъ, признать должно, когда родители не озабочиваются даже узнать программу для пріемнаго испытанія въ училище?! Что-же касается до дѣтей причетниковъ, или сиротъ, — то уже ли и это должно разъяснять мѣстнымъ священникамъ и Благочиннымъ, что здѣсь лежитъ на нихъ прямая обязанность, какъ на начальникахъ и попечителяхъ своихъ причтовъ?! и пр. — Потому, ради блага епархіи, во имя священнаго долга родителей, ради счастья самыхъ дѣтей и, наконецъ, ради чести духовенства, чтобы быть ему сословіемъ образованнымъ и идти впереди въ своей средѣ, призываю всѣхъ обратить самое тщательное вниманіе на домашнее воспитаніе дѣтей для приготовленія ихъ въ училища. Благочиннымъ вмѣняю въ непремѣнную обязанность, при полугодичныхъ обзорѣніяхъ церквей, обозначать въ своихъ журналахъ, всѣ ли дѣти причта учатся, и у кого и какъ, особенно же сироты не оставляются ли въ этомъ безъ всякаго попеченія и пр. Я болѣе чѣмъ увѣренъ, что, требуя сего, я требую не невозможнаго. Къ истинному моему утѣшенія, я могу указать на живые примѣры, какъ нѣкоторые, изъ среды же духовенства, успѣваютъ готовить въполнѣ удовлетворительно своихъ дѣтей. Такъ, священникъ Іоаннъ Богоявленскій нашель возможнымъ устроить

(1) Смоленск. епарх. Вѣдомости 1865 г., стр. 338—339.

цѣлую школу для дѣтей даже сосѣдняго духовенства и, вмѣстѣ съ своею женою, съ примѣрнымъ усердіемъ и хорошимъ успѣхомъ трудится надъ воспитаніемъ сихъ дѣтей. Какой-бы прекрасный плодъ принесло подражаніе этимъ примѣрамъ со стороны духовенства!! Какъ быстро и высоко поднялся бы уровень образованія въ нашихъ заведеніяхъ, если бы все духовенство сочувственно отпеслось къ дѣлу домашняго воспитанія и представляло-бы своихъ дѣтей удовлетворительно приготовленными для ученія въ заведеніяхъ, къ которымъ тоже самое духовенство выразило и доказало свое сочувствіе самымъ дѣломъ.—улучшеніемъ быта какъ учащихся, такъ и учащихся! Позволяю себѣ, наконецъ, надѣяться, что въ слѣдующій годъ я получу утѣшительныя свѣдѣнія, чтобы выразить свое удовольствіе предъ духовенствомъ ⁽¹⁾.

Заботясь съ такою архипастырскою ревностію объ образованіи дѣтей духовенства, преосв. Антоній неограничивался одними только дѣтьми—сыновьями, но имѣлъ въ такомъ же вниманіи и воспитаніе дочерей духовенства. Прежде приведенный самимъ же преосв. Антоніемъ, примѣръ въ лицѣ священника Богоявленскаго, имѣвшаго прямою себѣ сотрудницею свою жену въ учрежденномъ имъ училищѣ, а равно вообще сказанное объ учительницахъ—дѣвицахъ духовнаго званія въ церковно-приходскихъ школахъ, даютъ ясно и вполне разумѣть все значеніе указываемой благопопечительности преосв. Антонія о надлежащемъ воспитаніи дочерей духовенства.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, не былъ обязанъ собственно инициативѣ преосв. Антонія. Въ Смоленской епархіи, еще въ 1849 г., пощеніемъ преосв. Тимоея было учреждено училище дѣвицъ духовнаго званія, открытое сначала въ г. Вязьмѣ, а потомъ, въ 1852 г., перемѣщенное въ г. Смоленскъ, и устроенное при мѣстномъ женскомъ

(1) Тамъ-же стр. 340—345.—Но въ чемъ и какъ оправдались со стороны духовенства эти, истинно-отеческія архипастырскія. благожеланія, наставленія и утѣшительныя надежды преосв. Антонія,—этого оставалось подождать, и, если не увидѣть, то послышать; а это уже перешло къ тому времени, когда преосв. Антонія въ Смоленской епархіи не стало.

Монастырѣ. Но это училище до прибытія преосв. Антонія было ограничено и въ средствахъ къ содержанію, и въ самомъ количествѣ учащихся. Преосв. Антоній въ первый же годъ обратился къ св. Синоду съ ходатайствомъ объ ассигнованіи изъ духовно-учебныхъ капиталовъ, по крайней мѣрѣ, *одной тысячи рублей* для воспособленія сему училищу въ средствахъ къ содержанію, такъ какъ оно пробавлялось лишь процентами съ капитала въ 16000 руб. и, отчасти, деньгами, отдѣляемыми изъ церковныхъ кружечныхъ сборовъ по всей епархіи и скудными сборами по особымъ пригласительнымъ листамъ. Затѣмъ, спустя три года, когда уже разрѣшенъ былъ св. Синодомъ проектъ о содержаніи всѣхъ учебныхъ заведеній въ Смоленской епархіи собственными средствами, и когда, по этому, средства училища дѣвиць, получавшіяся изъ числа тѣхъ же епархіальныхъ источниковъ, естественно уменьшились, — преосв. Антоній вошелъ въ св. Синодъ съ новымъ ходатайствомъ объ ассигнованіи для женскаго училища еще *другой тысячи рублей*. Это ходатайство тоже было удовлетворено св. Синодомъ, назначившимъ отпускать изъ духовно-учебнаго капитала съ Января 1865 года по *два тысячи рублей* на каждый годъ ⁽¹⁾.

Такимъ образомъ, находя Училище дѣвиць довольно обеспеченнымъ съ матеріальной стороны, преосв. Антоній не замедлилъ дать ему иной большій объемъ и по количеству воспитанницъ и по составу лицъ служащихъ. Число воспитанницъ казеннокоштныхъ, вмѣсто бывшихъ прежде 20, назначено 35. При этомъ преосв. Антоній предоставилъ самому духовенству, между прочимъ, избирать и представлять отъ себя въ Училище по одной кандидаткѣ — сиротѣ изъ священническихъ и діаконскихъ дочерей своего уѣзда. Всѣхъ воспитанницъ, какъ видно напр. изъ отчета въ Іюнь 1865 г., состояло въ этомъ Училищѣ 63 ⁽²⁾.

Для поднятія описываемаго Училища дѣвиць духов-

⁽¹⁾ Смолен. епарх. Вѣдомости 1865 г., стр. 457—458.

⁽²⁾ Тамъ же, стран. 461.

наго званія, на степень болѣе облагороженнаго дисциплинарнаго состоянія, преосв. Антоній избралъ Начальницею лицо компетентное. Это — была дѣвица изъ дворянъ, получившая полное образованіе въ одномъ изъ Московскихъ Институтовъ благородныхъ дѣвиць; затѣмъ она поступила въ монастырь (при которомъ находилось Училище), и здѣсь — пострижена была въ монашество самимъ преосв. Антоніемъ съ именемъ „*Антоніи*“. Такимъ образомъ, въ одномъ уже лицѣ этой Начальницы заключались, и отъ нея проводились въ духъ, и направленіе, и во всю обстановку воспитанницъ и благородно-свѣтская благовопитанность, и религіозно-нравственное развитіе и настроеніе, особенно воспріемлемое дѣвственнымъ чувствомъ. Для преподаванія же наукъ были приглашены, преимущественно, Наставники Семинаріи, особенно опытные въ педагогіи, съ тѣмъ, чтобы нѣкоторые изъ нихъ преподавали воспитанницамъ послѣднюю не столько въ теоріи, сколько ознакомляли ихъ съ нею практически собственными живыми примѣрами. Педагогическія свѣдѣнія преосв. Антоній находилъ особенно потребными для дѣвиць, чтобы онѣ могли прилагать ихъ, въ послѣдствіи въ замужествѣ, къ воспитанію и своихъ дѣтей и другихъ подобно напр. женѣ священника Богоявленскаго, а также и въ случаѣ незамужества, когда поступали бы онѣ въ учительницы въ приходско-церковныя школы, или въ предполагавшіяся тогда къ учрежденію сельскія училища собственно для дѣтей духовенства, въ числѣ коихъ разумѣлись также дѣвочки, особливо причетническія и сироты, по самому своему домашнему состоянію лишеныя иногда возможности изучить даже азбуку, и, потому, остававшіяся на одной степени съ крестьянскими дѣвицами.

Не можемъ сказать заподлинно, какъ и чрезъ кого дошло свѣдѣніе объ особенныхъ попеченіяхъ преосв. Антонія объ описываемомъ Училищѣ дѣвиць до Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны. Объ этомъ фактѣ не приводилось пишущему слышать изъ устъ самого преосв. Антонія. Но предъ нами теперь подлинный документъ, свидѣтельствующій объ немъ. — Г. Секретарь

Ея Императорскаго Величества прислалъ къ преосвящ. Антонію отношеніе (отъ 10-го Февраля 1865 г. за № 130), слѣдующаго содержанія:

Ваше Преосвященство, Милостивый Государь!

Ея Величество, Государыня Императрица, съ удовольствіемъ извѣстясь о заботливыхъ попеченіяхъ Вашего Преосвященства по устройству во ввѣренной Вамъ епархіи Училища духовнаго вѣдомства, изволила повелѣть мнѣ на усиленіе средствъ, состоящихъ въ Вашемъ распоряженіи въ пользу этого общепользнаго дѣла, препроводить къ Вамъ. Милостивый Государь, триста рублей серебромъ, о полученіи которыхъ покорнѣйше прошу не оставить меня увѣдомленіемъ.

Испрашивая себѣ Вашего Архипастырскаго благословенія, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою

Н. Морицъ.

Преосв. Антоній немедленно препроводилъ и отношеніе и деньги въ Совѣтъ Училища дѣвиць, гдѣ за здравіе Ея Величества и было совершено особое молебствіе въ домовою училищной церкви, которая, кста-ти замѣтить, освящена во имя св. Равно-апостольной Маріи Магдалины, — Тезоименницы самой Августѣйшей Благотворительницы (1).

Ровно чрезъ годъ, послѣ этого столь утѣшительнаго факта — Высочайшаго благовниманія и милости къ скромному, какъ и всѣ подобныя, Смоленскому училищу дѣвиць воспослѣдовалъ и второй.

Въ отношеніи своемъ (отъ 8 Марта 1866 г. за № 313-мъ) Наставница Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны, нынѣ Герцогини Единбургской, — Графиня А. Толстая на имя преосв. Антонія сообщила слѣдующее:

Ваше Преосвященство!

„Ея Императорское Высочество Великая Княжна Марія Александровна, со всемилостивѣй-

(1) Смолен. епарх. Вѣдомости 1865 г., стран. 82—83.

шаго соизволенія Государя Императора, благоволила принять, учрежденное въ Смоленскѣ, Училище для дѣвицъ духовнаго званія подѣ свое Августѣйшее покровительство.

Сообщая о семъ Вашему Преосвященству, честь имѣю покорнѣйше просить объявить о Милостивѣйшемъ соизволеніи Ея Высочества, кому слѣдуетъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принять на себя трудъ доставить мнѣ, для представленія Ея Высочеству, уставъ означеннаго Училища.

Поручая себя святымъ Вашимъ молитвамъ, имѣю честь быть, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, Вашего Преосвященства покорною слугою

Гр. А. Толстая (1).

Преосв. Антоній, тогда же, въ особомъ предложеніи духовенству Смоленской епархіи написалъ:

„Ея Императорское Высочество Великая Княжна Марія Александровна, съ соизволенія Государя Императора, благоволила принять Смоленское Училище для дѣвицъ духовнаго званія подѣ свое Августѣйшее покровительство“.

„По случаю сего, столь радостнаго для всей Смоленской епархіи, событія, въ изъявленіе чувствъ глубочайшей благодарности за Царскую такую милость и вниманіе къ Смоленскому Училищу, предлагаю духовенству во всѣхъ градскихъ и сельскихъ церквахъ въ первый воскресный день, по полученіи сего, принести Господу Богу молебствіе о здравіи Государя Императора, Государыни Императрицы, Великой Княжны Маріи Александровны и всего Царствующаго Дома“ (2).

Этотъ фактъ въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ тоже, какъ и первый, изложенъ безъ всякихъ объясненій, — какъ, и почему онъ состоялся. Съ своей стороны мы можемъ указать на извѣстныя намъ данныя по этому предмету. Графиня Антонина Димитріевна Блудова, и прежде лично знавшая и глубоко уважавшая преосв. Ан-

(1) Смолен. епарх. Вѣдом. 1866 г., стран. 170.

(2) Тамъ же, стран. 185.

тонія, бывши не задолго предъ этимъ въ г. Смоленскѣ, лично ознакомилась съ состояніемъ Училища дѣвиць духовнаго званія. Получивши отъ преосв. Антонія одобрительные отзывы, и видя и сознавая, какъ велики и заботливы его собственныя попеченія объ этомъ Училищѣ, Графиня А. Д. тогда же выразила свое желаніе представить объ этомъ, при первой возможности, на благовниманіе Высочайшее въ той пріятной надеждѣ, что ея представленіе не оставлено будетъ безъ милостивѣйшаго благоволенія къ этому Училищу. Это, дѣйствительно, и оправдалось въ томъ, справедливо назвать, не бываломъ счастья для Смоленскаго Училища духовныхъ дѣвиць, что оно удостоено было принятія подъ покровительство Августѣйшей Дщери Царевой.—Что касается до личныхъ отношеній и чувствъ глубокаго уваженія Графини А. Д. къ преосв. Антонію, то оно засвидѣтельствовано было, какъ увидимъ впоследствии, даже тѣмъ, что когда, по перемѣщеніи преосв. Антонія въ Казань, всѣ представители свѣтскаго общества Смоленскаго, начиная съ Начальника губерніи, признали достойнѣйшею, съ своей стороны, данью — устроить и представить своему достойнѣйшему бывшему Архипастырю драгоценную панагію, — та же самая Графиня А. Д. была не только соучастницею въ этомъ дѣлѣ, но даже во главѣ его, такъ что самый заказъ панагіи былъ сдѣланъ лично ею въ Петербургѣ по ея рисунку и съ употребленіемъ въ работу нѣкоторыхъ собственныхъ ея драгоценныхъ камней.

Что чувствовало и что должно было свидѣтельствовать предъ своимъ Архипастыремъ за его столь усердное и благодѣтельное попеченіе о воспитаніи дѣтей духовенства само же духовенство, объ этомъ достаточно привести, по крайней мѣрѣ, слѣдующія слова въ прощальной рѣчи преосв. Антонію каедр. прот. П. І. Жданова. — „А что сказать намъ о нашихъ собственныхъ дочеряхъ и сыновьяхъ и о всѣхъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они воспитываются, и которые всѣ обязаны твоей неусыпной отеческой заботѣ и твоей, истинно сказать, — материнской къ нимъ любви, — обязаны и матеріальнымъ обезпеченіемъ и

облагороженіемъ и возможнымъ возвышеніемъ. Господь видитъ, что сіи счастливыя заведенія и счастливыцы, въ нихъ воспитывающіеся, наши дѣти—сыновья и дщери, а изъ нихъ будущіе отцы и матери воистину никогда не забудутъ и не возмогутъ забыть тебя“... (1).

Въ заключеніе всего, изложеннаго объ истинно-отеческой попечительности преосв. Антонія о благосостояніи учебныхъ заведеній въ матеріальномъ и учебно-воспитательномъ отношеніи, приведемъ здѣсь хотя нѣсколько строкъ изъ прощальной же рѣчи бывшаго тогда о. Ректора Семинаріи Архимандрита Павла.

„Преосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ нашъ!

„Трудно установить отношенія между Архипастыремъ, какъ непосредственнымъ начальникомъ учебныхъ мѣстныхъ заведеній, и служащими въ этихъ заведеніяхъ,—отношенія лучшія тѣхъ, какія установлены были тобою къ намъ. Изъ этихъ отношеній устранено было тобою все, что только могло быть въ нихъ иногда тяжелаго, стѣсняющаго и отдѣляющаго подчиненныхъ отъ начальника..., за то оставлено въ нихъ и воплощено все, что дѣлаетъ власть благотворною, живительною силою, что помогаетъ ей ободрять и возвышать духъ подчиненныхъ и побуждаетъ ихъ любить эту власть, какъ свою опору и защиту... Возможно двоякимъ образомъ дѣйствовать на подчиненныхъ: или строгою взыскательностію, или долготерпѣливою снисходительностію. Въ отношеніи къ намъ тобою, Архипастырь нашъ, принятъ былъ, какъ лучшій и дѣйствительнѣйшій, послѣдній — къ намъ, какъ людямъ мыслящимъ и понимающимъ свой долгъ и свое человѣческое достоинство. Ты всемѣрно старался и умѣлъ щадить, уважать и возвышать въ насъ прежде всего это сознаніе и чувство, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, съ кротостію, любовію и долготерпѣніемъ поднимать на рамена свои наши немощи, поощрять и поддерживать наши добрыя начинанія, стремленія и труды...

(1) Отдѣльная брошюра,—Прощаніе преосв. Антонія съ Смоленскою паствою, стр. 17.

Потому, если въ чемъ-либо добромъ видѣлъ ты у насъ преслѣянiя, то мы обязаны этимъ именно духу твоей любви и снисходительности, который, сильнѣе всякихъ начальническихъ внушенiй, напоминалъ намъ о долгѣ и возбуждалъ стремленiя—быть достойными того вниманiя и расположенiя, какихъ ты удостоивалъ насъ, и стараться утѣшать тебя, а не огорчать какими-либо недостатками въ нашей дѣятельности... Намъ вполне были ясны и понятны твои чувства—чувство отеческой скорби, при видѣ послѣднихъ, и чувство твоей сердечной отеческой же радости, при видѣ и малѣйшихъ успѣховъ... Отъ всей души благодаримъ тебя за эти добрыя и благодѣтельные отношенiя твои къ намъ, при которыхъ мы могли взирать на власть въ лицѣ твоёмъ съ такою же съ своей стороны любовiю и неуклоннымъ довѣрiемъ... Но не въ этомъ только выразились сила и значенiе власти въ лицѣ твоёмъ и отношенiй твоихъ начальническихъ къ намъ. Какъ надъ безпомощнымъ страдалцемъ, надъ цѣлымъ сословiемъ служащихъ въ духовно-учебныхъ заведенiяхъ останавливались многiе... но какъ?!—то съ безплоднымъ разглагольствiемъ о его нуждахъ и средствахъ помочь ему,—то, хотя и съ искреннимъ, но не обращавшимся въ дѣло, словомъ участiя,—то даже съ словомъ уязвляющимъ и уничтожающимъ... Не легко было отъ этихъ разглагольствiй тѣмъ, коимъ нужны были не слова, а дѣло... На твою долю, незабвенный Архипастыръ нашъ, выпалъ славный и счастливый жребiй... ты первый изыскалъ средства помочь бѣдствующимъ и не въ прозктахъ только, а въ дѣйствительности. И эта дѣйствительность—плодъ любви твоей къ намъ, дѣлателямъ въ виноградникѣ твоёмъ, содѣлали то, что и многiе собратiя наши по служенiю, и ближнiе и дальнiе, наслаждаются теперь тоже плодами трудовъ своихъ архипастырей, послѣдовавшихъ примѣру твоему. Да будетъ же благословенъ путь твой отъ Господа на мѣсто новаго дѣланiя твоего и по отношенiю къ тѣмъ-же духовно-учебнымъ заведенiямъ, въ томъ-же духѣ, чувствѣ и образѣ, но *дѣланiя высшаго и*

многостороннѣйшаго“ (1) (гдѣ говорившимъ рѣчь разумѣлась, само собою, духовная Академія въ Казани, куда перемѣщался преосв. Антоній).

На эту очень пространную рѣчь о. Ректора, какъ искренне-правдивую характеристику личныхъ дѣйствій и отношеній преосв. Антонія, — самъ онъ не имѣлъ нужды отвѣчать много, а высказался такъ: „Прошедши всѣ степени духовной службы учебной, отъ должности начальника уѣзднаго духовнаго училища до Ректора Академіи, я опытно извѣдалъ всю жизнь и состояніе нашихъ заведеній и служащихъ въ нихъ, сроднился съ ними, полюбилъ ихъ... Что же касается до характера моихъ, въ настоящемъ званіи, отношеній къ начальникамъ и наставникамъ этихъ заведеній, то мое правило — начальствовать и управлять такъ, чтобы не выставлять и не давать чувствовать своего начальствованія, чтобы начальствованія этого, какъ бы, и не было, а чтобы въ потребныхъ случаяхъ было только надежнѣйшее вѣрное руководство и благотворное вліяніе“ (2).

(1) Въ той же брошюрѣ стр. 29—31.

(2) Тамъ же, стран. 32.

ГЛАВА XVII.

Имѣя примѣрно-ревностныя попеченія о благоустройствѣ въ своей паствѣ разсадниковъ учебно-воспитательнаго образованія, которое все-таки, какъ *ученіе*, по слову Апостола, *тѣлесное, вмазь есть полезно*, могъ ли преосв. Антоній не имѣть такихъ же попеченій о разсадникахъ *благочестія*, которое *на все полезно есть, и муце обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго*—(1. Тимоѳ. гл. IV, ст. 8).

Довольно уже одного того, что Смоленская епархія есть одна изъ древнѣйшихъ. Съ понятіемъ же о древности епархіи всегда нераздѣльно представленіе о существованіи въ ней многихъ монастырей, разныхъ святынь,—въ лицѣ св. мѣстныхъ подвижниковъ благочестія, въ прославленныхъ чудотвореніями св. иконахъ и въ разныхъ, издревле учрежденныхъ, празднествахъ въ честь этихъ святынь, или въ воспоминаніяхъ знаменательныхъ историческихъ событій съ совершаемыми торжественными крестными ходами и т. п. При этомъ же излишне, кажется, объяснять, что эти предметы святынь и празднественныхъ чествованій, сами по себѣ, уже служатъ и источниками и разсадниками вѣры и благочестія для большинства православнаго нашего народа. Для народа нужно здѣсь лишь одно, чтобы эти святыни читались свято, нерушимо и, что установлено съискони, совершалось неизмѣнно по чину, благообразно, благоговѣйно. Сюда онъ—народъ неукоснитъ, безъ всякаго зову, поспѣшитъ изъ-за цѣлыхъ сотенъ верстъ съ скудною сумою на плечахъ и съ костылемъ въ рукѣ при своей даже немощи,—готовый перенести и зной и холодъ, и жажду и

гладь, лишь бы напоить и напитать душу отъ источника и сокровища благодатной Святѣи и воспринять ея спасительную силу въ свое *внутреннее сокровище*. въ залогъ и послѣдіе *живота нынѣшняго и грядущаго*.

И что жъ? Кто могъ, какъ не преосв. же Антоній, по преимуществу, отпестись не какъ нибудь, только формально и официально, къ указываемымъ предметамъ и явленіямъ, а въ истинныхъ цѣляхъ благотворнаго просвѣтительно-спасительнаго значенія ихъ въ средѣ своихъ пасомыхъ въ столь древнѣйшей епархіи—Смоленской?... Кто, какъ не онъ, лично и самоопытно убѣдившійся во всемъ этомъ еще въ самомъ Кіевѣ?.. Не достаточно ли припомнить только, съ какими святительскими чувствами и выраженіями мира и благословенія вступилъ преосв. Антоній въ самый первый разъ на Архипастырскую свою кафедру: „Миръ и благословеніе,—были самая начальныя слова его,—вамъ оттуда,—отъ *онудуже изыдохъ и приидохъ*,—отъ св. горъ Кіевскихъ; отъ дому Пречистыя Дѣвы Богородицы, отъ святыя чудотворныя Лавры Печерскія, отъ св. препод. Антонія и Θεодосія—началоположниковъ св. иноческаго житія въ отечествѣ нашемъ, и отъ всѣхъ св. чудотворцевъ, нетлѣнно тамо почивающихъ, и отъ Софіи, матери церкви Россійскихъ, миръ и благословеніе отъ всѣхъ святынь Кіевскихъ и граду сему, и всѣмъ градамъ и весямъ паствы сея и домамъ и сердцамъ вашимъ“... (1).—Не довольно ли также вспомнать, какъ онъ же старался переносить и налагать характеръ и обликъ подобно-Кіевскій всюду, гдѣ только возможно и свойственно, въ приложеніи къ разнымъ мѣстамъ, предметамъ и дѣйствіямъ, особенно чтимымъ, или исторически замѣчательнымъ, въ Смоленской епархіи, начиная съ монастырскихъ обителей, о коихъ и было засвидѣтельствовано предъ лицомъ самого же преосв. Антонія въ слѣдующихъ, между прочимъ, словахъ прощальной рѣчи:

(1) Слово при первомъ служеніи преосв. Антонія по вступленіи его на Смоленскую паству. Изданіе словъ преосв. Антонія. 1870 г. Казань, стран. 2.

„Не забудутъ тебя и всѣ здѣшнія св. обители, которыя ты любилъ особенно посѣщать, вступая въ нихъ не какъ, токмо власть имущій, Святитель, но паче—какъ любитель обительскаго житія,—и которыя, пріемля отъ тебя и наставленія и утѣшенія, не только не забудутъ тебя, но молитвенно будутъ благословлять тебя“⁽¹⁾.

Обращаясь къ нашему изложенію, мы начнемъ рѣчь тоже съ монастырскихъ обителей. Бывавшіе, болѣе или менѣе, свидѣтелями и участниками бесѣдъ преосв. Антонія, несомнѣнно, знаютъ, какъ у него, и въ средѣ разныхъ свѣтскихъ лицъ, живо и естественно дѣлались переходы къ предметамъ и разсужденіямъ чисто монашескимъ. Всего же болѣе было это, когда онъ находился въ какомъ либо монастырѣ по случаю Богослуженія праздничнаго, куда собирались и свѣтскія лица, или во время частыхъ его поѣздокъ по обозрѣнію церквей и самыхъ монастырей, гдѣ,—въ послѣднихъ по преимуществу, онъ удѣлялъ время на остановки съ прямою цѣлію возможно большаго ознакомленія съ состояніемъ обителей и монашествующихъ братій. И здѣсь-то, прежде всего, дѣйствительно, оправдывались приведенныя выше слова рѣчи; т. е. преосв. Антоній вступалъ въ обители не какъ, токмо власть имущій, Святитель, но паче, какъ любитель обительнаго житія и проч.

Нужно замѣтить, что преосв. Антоній отдавалъ явное предпочтеніе тѣмъ обителямъ, кои находились въ отдаленныхъ, по возможности, мѣстахъ, носили наименованіе „Пустынь“ и имѣли устройство и характеръ общезительные. Первѣйшими же предметами его вниманія были всегда и вездѣ—чинъ Богослужебный въ его исполненіи по церковному уставу и по заведеннымъ, по мѣстамъ, обычаямъ и правиламъ, особливо привнесеннымъ издавна или изъ Аѳона, или Кіева.—Потому, гдѣ только встрѣчалъ онъ точное выполненіе всего чина и правилъ, то, въ лицѣ же своемъ, первый являлъ примѣръ неустаннаго усердія въ участіи во всѣхъ служеніяхъ и

(1) Слова въ прежде уже приведенной рѣчи каѳ. Прот. Н. І. Жданова.

молитвословіяхъ, не исключая вечернихъ и утреннихъ правилъ.— Не оставлялъ онъ безъ посѣщенія и братскія келліи, трапезныя, просфорныя и другія помѣщенія, напр. въ родѣ мастерскихъ, обращая вниманіе на самую обстановку и разныя принадлежности, и выражая или одобреніе, или указанія на то, что требовало бы измѣненій, исправленій... Все это было въ духѣ назиданія, руководства и какого-то братственнаго единенія, въ чемъ подавался очевидный и прямой урокъ самимъ Настоятелямъ и прочимъ старшимъ братіямъ.— Гдѣ встрѣчалъ старцевъ, отличавшихся особенною духовностію, съ ними преосв. Антоній имѣлъ нарочитыя свиданія и бесѣды, желая самъ слышать отъ нихъ слово простоты назидательной. Тутъ же онъ старался узнавать и о положеніи обитателей въ средѣ окрестныхъ мѣстностей и объ отношеніи жителей послѣднихъ къ первымъ, дабы опредѣлять, отсюда, значеніе обитателей по религіозно-нравственному ихъ вліянію.

Чтобы не приводить здѣсь, разнообразныхъ частныхъ, свѣдѣній о разсматриваемыхъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ преосв. Антонія, мы воспользуемся лучше подлинными словами изъ его же проповѣдей, говоренныхъ въ разныхъ монастыряхъ. Въ этихъ проповѣдяхъ самымъ характеристичнымъ, сколько и истинно задушевнымъ, образомъ отражались весь его святоподвижническій духъ и настроеніе, и неудержимо изливалось все то, что только чувствовалъ онъ самъ въ себѣ, и что только желалъ видѣть въ состояніи обитателей и иночествующихъ, а равно и во всѣхъ, притекающихъ подъ кровъ и сѣнь обителей, какъ животворныхъ разсадниковъ и училищъ вѣры и благочестія.

„Радуйся пустыня жаждущая! Да веселится пустыня и да цвѣтетъ, яко кривъ“ (Ис. 35. 1).— Сими словами св. Пророка могу и я привѣтствовать нынѣ тебя, смиренная пустыня (Ордынская) (1), видя на тебѣ

(1) При этой пустынѣ построенъ былъ въ это время особый храмъ на братскомъ кладбищѣ, разстояніемъ около версты отъ обители, и тамъ же, при храмѣ, устроенъ былъ скитъ для желающихъ

нѣкоторый отблескъ того *веселящаго* цвѣтенія, которое зрится нынѣ, сравнительно съ недавно бывшимъ видомъ твоимъ и по скудости бывшего твоего матеріальнаго состоянія, и по малости жилищъ, и по бѣдности самаго храма, и по недостатку средствъ и такому же недостатку внутренняго благоустройства, по несовершенству чина церковнаго и келейнаго, и по малому числу иноковъ, сколько и по оскудѣнію духа монашескаго... Но, вотъ, въ непродолжительное время, ты, бывшая *жаждущею* среди всѣхъ этихъ недостатковъ пустынею, освѣжилась, оживилась, обновилась, довольно благоустроилась, и со внѣ и внутри, брѣобрѣла Боголюбивыхъ благодетелей, украсилась благолѣпіемъ храмовъ, а наипаче, красотою стройнаго чина богослужебнаго и строгой, благочестивой жизни иноческой, наполнилась уже не малымъ числомъ обитателей, жаждущихъ спасенія души и стала привлекать себѣ сонмы Богомольцевъ. Нашлись души, *жаждущія* большаго уединенія и безмолвія, для болѣе строгихъ подвиговъ жизни иноческой, чѣмъ какъ можетъ быть это въ стѣнахъ обители. Паки убо и паки реку тебѣ, пустыня Ордынская: „*радуйся пустыня жаждущая! Да веселится пустыня!* Цвѣти, какъ кринь, обиліемъ въ тебѣ братій, ищущихъ, подъ мирнымъ кровомъ твоимъ, духовнаго совершенія и спасенія души своей. Цвѣти, какъ кринь, всегдашнимъ не нарушимымъ блюденіемъ въ тебѣ того строгаго и стройнаго чина церковной молитвы и Богослуженія, который такъ отрадно и поучительно видѣть у тебя.—Цвѣти и благоухай, какъ кринь, обиліемъ въ тебѣ неоскуднымъ, истиннаго монашескаго духа, являющаго себя въ вѣрномъ исполненіи тѣхъ обѣтовъ, которые приѣмлютъ посвящающіе себя житію иноческому вмѣстѣ съ одеждою иноческою... Да цвѣтетъ обитель сія, яко кринь, и обиліемъ, притекающихъ къ ней, Богомольцевъ, которые да идутъ сюда, въ пустыню сію, какъ *жаждущіе* на воду, не для того, чтобы видѣть здѣсь

особеннаго безмолвія братій. Въ этой пустынѣ проживалъ на покоѣ преосв. Тимофей, бывший архіеп. Смоленскій,—гдѣ онъ скончался и погребенъ.

трости вътрѣмъ колеблемой, или чловѣчки въ мягки ризы одьяны, но смотрѣть кринь сельныя—како растутъ, т. е. какъ преуспѣвають, благодатію Божією, братія сея пустыни, какъ цвѣты среди тернія міра сего, какъ чада Божіи непорочны по средѣ рода строптива и развращена, и да возвращаются отсюда съ назиданіемъ въ душѣ, и утѣшеніемъ, и отрадою въ сердце, и настроеніемъ всѣхъ силъ души на все благое и богоугодное, прославляя Отца нашего, Иже есть на небесахъ“.

„Что пожелаю—говорилъ преосв. Антоній въ другой обители,—и что завѣщаю вамъ, братія обители сей, уже собравшіеся здѣсь, какъ первоначатки ея, и тѣмъ, кои будутъ обитать здѣсь въ грядущее время? (1).“

Обитель сія устрояется питомцами св. горы Аѳонской, по духу и образу обители сей горы,—въ какой мѣрѣ это возможно по мѣсту и времени. Тамъ—на Аѳонѣ—строгое общежитіе составляетъ отличительное свойство обителей, наиболѣе благоустроенныхъ и цвѣтущихъ. И такъ желаю и завѣщаю тебѣ, новоустроенная Обитель, въ настоящій, столь знаменательный для тебя день открытія твоего, наипаче—неуклонное соблюденіе устава и чина общежительнаго,—желаю и завѣщаю то, что какъ восхваляетъ Царь и Пророкъ Давидъ въ одномъ изъ псалмовъ своихъ: *Се что добро, или что красно,—еже жити братіи вкуупъ!* (Пс. 132, 1).

„Подобно росѣ, благотворной для всего живущаго на землѣ, и единомудушное житіе братіи вкуупъ, въ пенарушимомъ мирѣ и искренней любви, бываетъ благотворно не только для нихъ самихъ, но и для постороннихъ; въ немъ источникъ благословенія и жизни для цѣлыхъ весей и городовъ и даже царствъ и народовъ... Братія, единомушно живущіе вкуупъ въ обителяхъ иноческихъ, благоустроенныхъ и цвѣтущихъ благочестіемъ, молитвою, строгою чистотою нравовъ, подвигами воздержанія и поста, дѣлами любви и самоотверженія, по истинѣ, суть

(1) Эта проповѣдь была сказана въ новоустроенномъ Сычевскомъ общежительномъ мужскомъ монастырѣ по освященіи перваго домоваго въ немъ храма.

то *сѣмя свято*, въ которомъ заключается тайна стоянія міра, какъ говорится въ Писаніи: *сѣмя свято стояніе міра* (Ис. 6, 13).—Такія обители, во все время христіанства, были подлинно солю земли, предохранявшею и врачевавшею общества отъ растлѣнія нравовъ и укрѣплевшею души благочестивыя, образцами строгой добродѣтели и подвиговъ благочестія.—Тамъ было самое живое и дѣйственное вразумленіе, обличеніе и напоминаніе христіанамъ объ истинномъ христіанствѣ, истинномъ пути ко спасенію,—что такъ легко забывается среди суеты мірской.—Тамъ всегда заключалась главнѣйшая жизненная сила и стихія, коею живетъ челоуѣчество,—молитва теплая и непрестанная къ Богу *за вѣсѣхъ и за вся*, привлекающая милость и благодать Божию на родъ челоуѣческій и защищающая его отъ праведнаго гнѣва и суда Божія за грѣхи и неправды людскія.—Тамъ иногда два или три истинныхъ подвижника, непрестанно воздѣвавшихъ преподобныя рущѣ свои въ молитвѣ за міръ, удерживали праведный гнѣвъ Божій, готовый излиться на него за беззаконія людей, или низводили на людей милость и благоволеніе Божіе въ какихъ либо чрезвычайныхъ благодѣяніяхъ и дарахъ“.

„Отъ всей души желаю и молю Господа, да будетъ и ваше житіе, возлюбленные братія, таково въ сей новой обители, да будутъ и всегда братія, живущіе здѣсь, *солю* для страны сей, *росою аермонскою* для окрестностей, да будутъ утѣшеніемъ и утверженіемъ для душъ правовѣрующихъ, благочестивыхъ и ищущихъ спасенія своего, обличеніемъ и вразумленіемъ для заблуждающихъ, коихъ такъ не мало въ окрестныхъ селахъ и весяхъ, возстаніемъ для падающихъ и погибающихъ во грѣхахъ“.

„*Призри съ небесе, Боже, и виждь, и пошлѣ виноградъ сей и соверши и, его же насади десница твоя!* Господи! да будетъ на мѣстѣ семъ благословеніе святая горы Аѳонскія и благоухающихъ святынею горъ Кіевскихъ! Пресвятая Матерь Божія, избравшая себѣ въ удѣлъ высоты Аѳона и Кіева! Твоему преблагословенному Имени посвящаетъ и Тебѣ вручаетъ сама себя и сія

новая обитель: буди ей покровомъ и заступленіемъ, буди окормительницею въ ней истиннаго Богоугоднаго житія иноческаго! Аминь“.

„Благословенъ Господь, сказано было въ третьей проповѣди—благоволившій устроить тако на семь пустынномъ мѣстѣ, столь благоприятномъ къ безмолвному житію! Благословенъ Господь, благоволившій пріять даръ благочестивой души, принесшей въ жертву Ему и мѣсто сіе, и все свое достояніе и все тщаніе и труды свои для созданія здѣсь мирной обители дѣвъ, хотящихъ посвятить себя Богу въ общемъ труженническомъ житіи и въ безмолвномъ молитвенномъ пребываніи“ (1).

„Да будетъ же этотъ храмъ, водруженный среди сихъ жилищъ, какъ Скинія Завѣта Господня среди кущей народа израильскаго во время странствованія его по пустыни, тѣмъ же, чѣмъ была сія Скинія, предшествовавшая и руководившая сыновъ Израиля въ землю обѣтованную! Да собираются здѣсь души, хотящія прейти незаблудно чрезъ пустыню міра сего въ обѣтованную землю спасенія—царствіе небесное! Да наполнится сей домъ и, устроенныя въ немъ, скромныя келліи—какъ улей пчель—добрыхъ дѣлательницъ меда,—истинно богоугодныхъ подвиговъ и добродѣтелей, себѣ во спасеніе и другимъ въ назиданіе и на пользу душевную!“

„Вы же собравшіеся уже подъ сѣнь сей Скинии Господней, въ эти смиренныя кельи, и составляющія *начатокъ* устроеннаго здѣсь общежитія, потщитесь всѣми силами быть тѣмъ, чѣмъ быть должны, дабы положить доброе и благонадежное начало сему учрежденію и привлечь на него всезидущее благословеніе свыше отъ Бога, и дабы люди, видя благое ваше устроеніе и добрыя дѣла, прославляли Отца небеснаго за васъ и чрезъ васъ“.

„Просвѣщайте, непрестанно болѣе и болѣе, умъ

(1) Проповѣдь эта сказана по освященіи храма въ женской общинѣ при селѣ Комарахъ Бѣльскаго уѣзда, устроенной вдовою генералъ-маіора Т. В. Гаузенъ въ пожертвованномъ ею для сей цѣли собственномъ ея имѣніи; въ эту общину она и сама поступила въ числѣ первыхъ сестеръ.

вашъ свѣтомъ святой вѣры и возрастайте, паче и паче, въ познаніи Господа и Спасителя нашего постояннымъ чтеніемъ и слушаніемъ Его святаго Евангелія; воспитывайте и воспламеняйте въ себѣ, *день отъ дне*, часъ отъ часу любовь къ сладчайшему Спасителю молитвою къ Нему всегдашнюю, нелѣнностнымъ участіемъ въ Богослуженіи церковномъ, для котораго освященъ сей храмъ среди самыхъ жилищъ вашихъ, приобщеніемъ св. Таинъ, возможно частымъ, въ семъ св. храмѣ.—Обогащайте себя непрерывно и дѣлами благими, какія только возможны въ вашемъ общежитіи: дѣлами послушанія безпрекословнаго, терпѣнія непобѣдимаго, воздержанія безропотнаго, труда неустаннаго; наипаче дѣлами любви взаимной ко всѣмъ, любви искренней и ничѣмъ невозмущаемой, чуждой всякой вражды и ненависти, ссоръ и обидъ взаимныхъ, своекорыстія и презорства къ другимъ,—но полной мира, согласія, единодушія во всемъ, готовности къ услугамъ взаимнымъ, къ пожертвованію для всѣхъ своимъ, до *положенія самой души своей за други своя*, когда сіе потребовалось бы; да будутъ такимъ образомъ по истинѣ, *вся у васъ обща и сердце и душа едина*“.

„Радуюсь духомъ, братіе, говорено было еще въ одной Обители, видя себя и въ нынѣшнее лѣто посредѣ васъ, и благодарю Господа, даровавшаго мнѣ соутѣшиться вашею вѣрою и благочестіемъ,—чему живое свидѣтельство самая сія обитель иноческая новая, на которую призвать благословеніе и освященіе свыше я и пришелъ сюда.—Радуюсь и восторгаюсь духомъ тѣмъ паче, когда вѣдаю, и вы знаете всѣ,—какимъ путемъ и образомъ является здѣсь сія обитель. Одинъ изъ здѣшнихъ же жителей, удалившись въ удѣль Пречистой Богоматери на святую чудную гору Аѳонскую, и тамъ воспитавшись въ духѣ подвигающихся преподобныхъ, и возвратившись оттуда, вмѣстѣ съ другимъ единомысленнымъ себѣ собратомъ, возымѣлъ благую неизмѣнную мысль здѣсь, въ родномъ своемъ краѣ устроить сію новую обитель иноческую, на основахъ строгаго общежитія, господствующаго въ св. горѣ. Здѣшніе жители съ

полнымъ сочувствіемъ встрѣтили его предпріятіе, съ готовностію пожертвовали часть своего общественнаго достоянія, — ту землю, на которой устрояется теперь обитель. И, вотъ нынѣ, съ какою радостію, какъ свѣтлый какой либо праздникъ, вы собрались торжествовать сіе, знаменательное для васъ, событіе — открытіе обители иноческой близъ города вашего, — и не только вы, но и жители окрестные, даже изъ дальнихъ весей, во множествѣ съ такимъ усердіемъ стеклись сюда раздѣлить вашъ праздникъ, какъ и общій и для нихъ, такъ какъ и они будутъ обрѣтать здѣсь спасительный источникъ вѣры и благочестія, и назиданія, и утѣшенія, и врачеванія духовнаго въ той мѣрѣ, въ какой *обремененные* тяготами жизни мірской суетной, восхотятъ притекать усердно къ сей будущей мирной обители, надъ которою и да будетъ выну благословеніе св. горы Аѳонской, съ которой она сюда пересаждена, какъ отростокъ *благодный*“ (1).

Кажется, послѣ внимательнаго, искренняго прочтенія этихъ однѣхъ выдержекъ, изъ говоренныхъ преосв. Антоніемъ проповѣдей, едва ли потребно еще что либо, чтобы можно было живѣе, нагляднѣе и полнѣе представить и личное состояніе говорившаго, и все вліяніе его на слышавшихъ и чтобы, съ тѣмъ вмѣстѣ, составить истинное, глубокое понятіе о самомъ значеніи предмета всѣхъ этихъ проповѣдей, — т. е. что и въ наши, оскудѣвающія духомъ подвижничества, времена мирныя обители, дѣйствительно, служатъ въ средѣ русскаго православнаго народа живыми источниками для жаждущихъ спасительной вѣры и благочестія, лишь бы эти источники, хотя бы по временамъ, сильно прочищались, такъ сказать, въ своихъ засоряемыхъ руслахъ и направлялись въ потокъ, и освѣжались, и просвѣтлялись въ струяхъ своихъ силою и дѣйствіемъ тѣхъ, въ коихъ, какъ избранныхъ сосудахъ, хранится истинный духъ святоподвижничества, — духъ *сугубъ по благодати* и

(1) Проповѣдь эта произнесена была, по случаю открытія мужскаго общежительнаго монастыря въ г. Сычевкахъ, послѣ Литургии предъ крестнымъ ходомъ на мѣсто новоустроеннаго монастыря, находящагося за городомъ.

дару святительства... и немощная врачующій и оскудѣвающая восполняющій...

Съ другой стороны, изъ содержанія же этихъ проповѣдей преосв. Антонія, только и можно понять то, какимъ инымъ образомъ преосв. Антоній могъ изображать такъ вѣрно, хотя, съ тѣмъ вмѣстѣ, и рѣзко, обличительно, въ своихъ проповѣдяхъ состояніе, подвѣдомыхъ ему, обителей, если не подѣ условіемъ только личнаго точнаго ознакомленія съ этимъ состояніемъ, — при томъ не въ смыслѣ однѣхъ официальныхъ свѣдѣній, а при живомъ и прямомъ сочувствіи и возможномъ вліятельномъ воздѣйствіи, какъ непосредственномъ личномъ, такъ и путемъ своихъ руководственныхъ распоряженій.

Въ послѣднемъ отношеніи мы разумѣемъ инструкцію, составленную для всѣхъ монастырей Смоленской епархіи. Эта инструкція не была составлена собственно ручно преосв. Антоніемъ, но составитель ея — извѣстный старецъ Архим. Алексій (которому поручено было это дѣло, какъ бывшему Благочинному, монастырей), занимался ею, все-таки, подѣ посредственнымъ указаніемъ преосв. Антонія, который, самъ же, окончательно разсмотрѣлъ и исправилъ ее и распорядился отпечатать. — Инструкція эта замѣчательна тѣмъ, что она принаровлена собственно къ состоянію мѣстныхъ монастырей, или, сказать точнѣе, къ состоянію большинства нашихъ русскихъ теперешнихъ монастырей, гдѣ, дѣйствительно, и по числу братій — немногочисленному, и по прочимъ условіямъ монастырской жизни, было бы неумѣренною ревностію требовать выполненія всего, что введено и строго соблюдается въ обителяхъ представительныхъ по всѣмъ частямъ внѣшняго и внутренняго благоустройства. Съ другой же стороны, и въ этомъ видѣ и содержаніи указываемой инструкціи заключается такая практическая сообразительность и, съ тѣмъ вмѣстѣ, внушительность и назидательность, что читающій ее по главамъ и пунктамъ, опредѣляющимъ разнообразныя обязанности и дѣйствія лицъ должностныхъ, невольно видитъ весь образъ и характеръ, и самое значеніе жизни монастырской, и, наконецъ, сознаетъ свое личное состояніе и призваніе,

въ какомъ бы положеніи онъ ни состоялъ въ средѣ братій, хотя напр. и въ поварскомъ, потому что (въ гл. V пункт. 6) изложено: „Поваръ и его *прислѣзники* что бы вели себя богобоязненно, а особенно были благоговѣйны и отнюдь не сварливы, во время приготовленія и раздачи пищи, а совершали бы все это со страхомъ Божиимъ, съ молитвою и съ полнымъ усердіемъ къ обительскому братству“...

Положенія и правила въ этой инструкціи во многомъ заимствованы изъ уставовъ Коневской и Юрьевской обителей и др., но въ самой разсудительной примѣнительности, такъ что многое, заимствованное по мѣстамъ цѣликомъ, помѣщено въ видѣ только руководственныхъ примѣчаній и разъясненій для уразумѣнія внутренняго смысла и значенія того, что подлежитъ по инструкціи исполненію, какъ бы только, внѣшняго порядка. Въ этихъ примѣчаніяхъ по многимъ мѣстамъ даже прямо указано, что именно особенно должно брать въ руководство и общее назиданіе изъ разныхъ уставовъ, и это прочитывать во услышаніе всѣхъ братій по часту въ трапезѣ, въ замѣнъ положеннаго чтенія,—дабы всѣ одинаково вѣдали и тѣлились ходить *каждо достойно своего званія и положенія* въ общемъ братствѣ. Вообще же эта инструкція имѣетъ уже одно, то неоспоримое, достоинство, что чрезъ нее вводился однообразный строй и порядокъ и отражался общій характеръ во всѣхъ мѣстныхъ монастыряхъ. Въ противномъ случаѣ не безызвѣстно, что и въ средѣ братій, особенно со стороны новопоступающихъ или переходящихъ изъ одного монастыря въ другой, при видѣ разностей бывають недовольства, и со стороны посѣщающихъ богомольцевъ, видимыя ими въ монастыряхъ,—тѣ, или иныя—разности, не всегда вѣрно, понимаются и обсуждаются,—а отсюда естественный ущербъ для благосостоянія обителей.

Потому-то, не смотря на разность положеній монастырей въ Смоленской епархіи, иныхъ общежительныхъ и другихъ штатныхъ, въ разсматриваемой инструкціи примѣнены правила и порядки къ тѣмъ и другимъ совер-

шенно почти одни и тѣ же,—и, преимущественно, общежительные. Такъ же точно самъ преосв. Антоній лично относился ко всѣмъ обителямъ и монашествующимъ безразлично, подавая примѣръ, но преимуществу, купножитія и братственнаго равенства въ духѣ любви и служенія другъ другу—свято-евангельскомъ. Посѣщая напр., какъ уже сказано, всѣ жилища монастырскія, онъ дѣлалъ это не иначе, какъ съобща въ сопутствованій не Настоятеля только и другихъ должностныхъ лицъ, а всѣхъ, кто только могъ и былъ свободенъ, иногда даже въ сопровожденіи и мірекихъ желающихъ. И здѣсь-то была какъ бы речетиція инструкціи,—въ смыслѣ живаго непосредственнаго преподаванія правилъ и уроковъ по отношенію, и къ дѣйствіямъ, и къ самымъ лицамъ, начиная отъ старшихъ лицъ до трапезника, звонаря, и привратника,—потому что преосв. Антоній, преподавая благословеніе тому или иному, непремѣнно высказывалъ что нибудь въ назиданіе и утѣшеніе особенно *смыз малымъ въ братіи...* При этомъ, нельзя не замѣтить, что, при подобныхъ посѣщеніяхъ, преосв. Антоній никогда не являлся въ средѣ братій въ одѣяніи архіерейскомъ, а въ простой люстриновой черной ряскѣ и въ черной шапочкѣ-скуфейкѣ, а, вмѣсто трости, имѣлъ какой либо въ рукахъ *костылекъ*, иногда забывалъ, какъ бы, надѣвать и панагію.. хотя видимо было, что это не безъ намѣренія, дабы выдержать всю простоту въ обращеніи съ братіями.—Подобныя посѣщенія не ограничивались только жилищами и стѣнами монастыря.—По преимуществу,—вскорѣ послѣ литургіи и чаю, преосв. Антоній почти всегда отправлялся „*въ проходку*“ (его выраженіе) за ограду монастыря, гдѣ есть напр. часовни, или колодцы, чествуемые по преданію,—или на пасѣки, и, наконецъ, просто въ лѣсъ, или въ поля, на разстояніи, иногда, не близкомъ,—версты на двѣ и болѣе. И тутъ-то, бывало, сопутствовали ему группами, и вереницами всѣ, кто только могъ и хотѣлъ, отъ старца до послушника, и мірекіе всякаго званія, отъ знатныхъ до простолудиновъ, не исключая нищихъ.

Здѣсь опять шло тоже продолженіе живаго препо-

даванія правилъ и уроковъ, наставительныхъ для всѣхъ монашествующихъ, а равно назидательныхъ и для всѣхъ, слышавшихъ и, даже только, видѣвшихъ всю обстановку подобныхъ хожденій, при частыхъ остановкахъ въ общій кружокъ. Любитель природы,—въ истинно эстетическомъ смыслѣ, съ духовнымъ возрѣніемъ на явленія и красоты ея, преосв. Антоній постоянно обращался или ко всѣмъ, или къ кому, въ частности, съ самыми простодушными, по видимому, вопросами или изреченіями, по преимуществу святоотеческими. Пришедши напр. къ колодцу и, собственноручно, почерпая, какимъ нибудь деревяннымъ, ковшомъ воду, онъ, обращаясь къ кому либо изъ монашествующихъ—приговаривалъ: „Вотъ гдѣ, честный отче, благовременно вспомнить слова Псалмопѣвца: *якоже елень жаждетъ на источницы водныя,—сице и душа моя жаждетъ къ Тебѣ, Боже...*

Находясь на пасѣкѣ, обращался или къ Настоятелю, или къ самому пасѣчнику съ вопросомъ: „много ли ульевъ и сколько меду, сколько роевъ“? И послѣ отвѣта продолжалъ: „вотъ когда бы и въ вашей обители въ средѣ братіи были, тѣ же своего рода рои... и когда бы (какъ выражено было выше въ одной изъ его проповѣдей) обратились жилища обители вашей и, живущіе въ нихъ, какъ въ нѣкіе ульи пчель, неустанныхъ дѣлателей меда—истинно Богоугодныхъ подвиговъ и добродѣтелей и себѣ въ спасеніе и другимъ въ назиданіе и на пользу душевную“.

Проходя по лѣсу по тѣснымъ и нерасчищеннымъ дорожкамъ, гдѣ приводилось, не рѣдко, подгибаться и, чуть, не подползать подъ нависшія деревья,—переступать чрезъ пеньки и валежники, такъ что, неизбѣжно было спотыкаться, преосв. Антоній, остановившись на нѣсколько минутъ, говаривалъ: „не такова ли жизнь наша здѣшняя. какъ дебрь... исполненная всякихъ трудностей и преткновеній,—но мы все-таки стремимся къ какимъ-то цѣлямъ, хотя совершенно пустымъ, суетнымъ... ахъ!.. когда бы мы тѣсными, стропотными и острыми путями спѣшили на гладкіе и правые, гдѣ уже, благодатію Божіею, непреткновенно можно теци и достигать

единого на потребу“.. Или еще когда приходилось идти полями засѣянными, то, видя ихъ или плодородными или скудными, преосв. Антоній обращался къ окружающимъ съ словами: „а что, братіе,—какъ здѣсь умѣстно воспѣть слова антифона—*въ югъ стьющии слезами Божественными, жнутъ класы радостию присноживотія*“.. Такъ точно поднимаясь гдѣ либо на гору (что особенно любилъ).—онъ опять воспоминалъ вслухъ слова изъ антифоновъ: „*На гору, душе, воздвигнемся, гряди тамо, отнюдуже помощь идетъ*“. Или: „*На горы Твоихъ вознеслъ еси мя Боже законовъ,—добродѣтелями просвѣти мя, да пою Тя*“ (1).

Подобныя проходки, бывало, продолжались никакъ не менѣ часа полтора. Затѣмъ сопутствовавшіе, по возможности, въ большинствѣ изъ братій и мірекихъ постытителей, особливо отличающихся усердіемъ къ обители, входили на общую трапезу, гдѣ продолжались подобныя же приведенные разговоры, или, нераздѣльно съ тѣмъ, высказывались преосв. Антоніемъ откровенно чувства и сужденія о томъ, что и какое впечатлѣніе въ особенности произвело на него во время пребыванія въ обители. При этомъ всегда были явственны въ немъ особенное удовольствіе и радость духовная, когда, при бытности въ обителяхъ въ нарочитыя празднества, онъ видѣлъ большое стеченіе народа и искреннее усердіе ко всему, что въ это время совершалось богослужбное, съ явнымъ участіемъ въ празднествѣ какъ бы общемъ и собственномъ для всѣхъ приходящихъ не изъ ближайшихъ толь-

(1) Преосв. Антоній и въ одиночку, съ кѣмъ либо, любилъ дѣлать подобныя проходки, и почти всегда у него въ устахъ были такая же сопоставительныя изреченія. Въ этомъ случаѣ онъ даже пѣвалъ въ полголоса антифоны по любимѣйшему для него пѣвцу Клевскому. А иногда говаривалъ: эхма! вотъ бы гдѣ и когда нужно знать наизусть всю псалтирь, чтобы съ нею, какъ свирѣлью духовною, воспѣвать красоты природы и всей твари, возвѣщающихъ славу Создавшаго. Вотъ покойный Владыка (М. К.) съ батюшкой Пароенемъ такъ бывало и дѣлали; дѣлая проходки отъ Голосѣевой до Китаевской пустыни, они успѣвали прочитывать поочередно всю Псалтирь.—Намъ самимъ прилучалось быть участниками въ этихъ одиночныхъ проходкахъ.

ко окрестностей, но и изъ дальнихъ мѣсть. „Это истинно, говорилъ онъ, шрь вѣры, торжество благочестія, веселіе, оживляющее и укрѣпляющее самый духъ народности, — здѣсь живой нерушимый союзъ народа и церкви, несокрушимый оплотъ внутренняго и внѣшняго благочестія нашего православнаго отечества. Не даромъ обители наши изстари имѣли и самый видъ устройства на подобіе военныхъ охранныхъ крѣпостей и до днесь сохраняютъ это устройство, какъ нѣчто особенно знаменательное въ глазахъ и чувствахъ русскаго народа, особливо когда вокругъ самыхъ стѣнъ монастырей совершаются крестные ходы въ воспоминаніе какихъ либо событій или въ честь праздниковъ.—И чѣмъ древнѣе учрежденіе того или другаго крестнаго хода, или самое устройство обители,—тѣмъ для русскаго православнаго народа все это священнѣе и нерушимо обязательнѣе. А наконецъ, если есть что и новое въ этомъ родѣ, то оно тѣмъ знаменательнѣе и привлекательнѣе для его религіозно-народнаго чувства, чѣмъ болѣе является въ формѣ и характерѣ древняго же и тѣмъ паче привнесеннаго изъ древнѣйшихъ свято-честуемыхъ мѣсть святыхъ изъ Аѳона, изъ Кіева и т. п.“ Потому-то преосв. Антоній (какъ мы видѣли въ вышеприведенной выдержкѣ изъ проповѣди при открытіи обители, устроившейся двумя пришельцами изъ Аѳона на основахъ строгаго древняго общжитія, господствующаго на сей св. горѣ), такъ открыто свидѣтельствовалъ предъ мѣстными жителями объ ихъ благочестивомъ сочувствіи и содѣйствіи къ устройенію сей обители, и радовался духомъ, видя тутъ же столь живое усердное соучастіе въ этомъ торжествѣ открытія со стороны стекшихся во множествѣ окрестныхъ и дальнихъ жителей.

При подобныхъ случаяхъ преосв. Антоній, имѣя при себѣ въ запасѣ и книжки, и иконки, и крестики, раздавалъ ихъ въ большемъ количествѣ лицамъ всякаго рода. Самымъ же монастырямъ предлагалъ и требовалъ, чтобы въ нихъ, — въ церквахъ или особенныхъ часовняхъ, были въ возможно большемъ количествѣ и книжки и иконки и пр. для продажи посѣтителемъ. Одно

уже то, говорилъ онъ, что иконы или книжки куплены въ священномъ мѣстѣ, для народа весьма много значить, для ихъ чувства вѣры и для назиданія. Для самихъ же монашествующихъ, онъ большею частію все, что выходило въ печати по части духовно-назидательныхъ сочиненій, переведенныхъ ли святоотеческихъ или современныхъ въ видѣ жизнеописаній, писемъ и т. п., выписывалъ прямо отъ издателей и разсылалъ по извѣстному числу экз. во всѣ монастыри, требуя высылки денегъ по назначенію.

Такъ, достойно и праведно всѣ обители Смоленской епархіи, какъ выражено въ прощальной рѣчи (Прот. П. Г. Жданова) должны были почтить и сохранить на всегда имя и память преосв. Антонія въ благословеніяхъ.

Что касается, въ отдѣльности, празднествъ съ крестными ходами къ мѣстамъ святынь или въ воспоминаніе историческихъ событій церковныхъ и государственно-народныхъ, то достаточно указать только на тѣ, которые съ изстари установлены въ самомъ Смоленскѣ, какъ центрѣ, и которые преосв. Антоній совершалъ неопустительно, со всею тщательностію и торжественностію. Не говоря объ общихъ, повсюдныхъ крестныхъ ходахъ—въ Преполовленіе, въ первое число Августа и въ Крещеніе, въ Смоленскѣ не мало совершается особыхъ, мѣстныхъ такихъ ходовъ и внутри города и вокругъ. Особенно замѣчательны, по самому значенію воспоминаемыхъ при нихъ событій въ судьбахъ Смоленска, два, бывающіе ежегодно вокругъ стѣнъ и башенъ, *израненныхъ*, говоря словами одного писателя, всякими древними стѣнобитными орудіями вражьиными и пушечными ядрами въ позднѣйшее время (въ 1812 г.). Судя по мѣстности, окаймленной стѣнами и башнями, и въ добрую погоду съ грудомъ можно пробираться по высокимъ крутизнамъ съ обрывами и разсѣлинами, и индѣ по самымъ узкимъ проходамъ; но преосв. Антонія нельзя было отклонить отъ участія въ совершеніи этихъ ходовъ даже и въ ненастную пору. И этотъ примѣръ его усердія, дѣйствительно, заставлялъ и прочихъ забывать всѣ трудности на всемъ пространствѣ шествія. При этихъ трудностяхъ,—какъ

свидѣтельствовали нѣкоторые, — дѣйствительно, еще живѣе, глубже и горячее чувствовалось значеніе воспоминаемыхъ событій, какъ тяжкихъ и страшныхъ годовъ скорбей и бѣдствій, происходившихъ въ судьбахъ Смоленска, этого, какъ бы олицетвореннаго ветерана-героя и страдальца за Вѣру и Отчизну. — Тутъ-то самыя банши и стѣны своею какою-то угрюмостью и величественностью какъ бы высказывали сами, что выдержали онѣ и что заслужили для потомства, а равно и всѣ крутизны съ обвалами и разсѣлинами какъ бы воскрешали то, — сколько положено здѣсь жизней, сколько лилось по нимъ ручьевъ крови вѣрныхъ сыновъ Церкви и Отечества, — и что эти крестныя шествія есть, дѣйствительно, священно-народная торжественная паннихида... Самъ преосв. Антоній говорилъ о себѣ тоже, когда совершалъ эти крестныя ходы въ первый годъ... Потому-то и всегда впослѣдствіи онъ тѣмъ болѣе не опускалъ совершенія этихъ ходовъ, что видѣлъ и въ народѣ живое отраженіе этихъ чувствованій. такъ какъ и въ самую ненастную погоду стеченіе народа было всегда огромное.

Въ этомъ именно значеніи и въ силѣ самыхъ этихъ христіанско-народныхъ чувствованій всего глубже и нагляднѣе можно было увѣриться и всякому до умиленія, когда одинъ изъ крестныхъ ходовъ, кромѣ воспоминательнаго историческаго значенія, совпалъ съ другимъ событіемъ, поразившимъ тогда сердца всѣхъ сыновъ отечества, — первымъ покушеніемъ на жизнь Государя Императора (4 Апрѣля 1866 г.). Здѣсь понялъ и почувствовалъ всякій, что значатъ подобные крестныя ходы въ страшныхъ испытаніяхъ, посылаемыхъ Господомъ. Въ этотъ разъ, по мысли и желанію преосв. Антонія, сдѣлано было такъ, — что образовались одновременно два крестныя хода — одинъ, какъ древле-установленный, а другой, собственно по поводу тогдашняго событія. Тутъ же была еще та особенность, что (какъ читаемъ въ описаніи этого торжества) ⁽¹⁾, „при совершеніи этого хода

⁽¹⁾ Смолен. епарх. Вѣдомости 1869 г. № 9 прибавл., стр. 456—457.

была носима и чудотворная Икона Божіей Матери. находящейся въ такъ называемой надворотной (устроенной надъ стѣною) церкви, которая весьма-весьма рѣдко, и только въ особенно важныхъ,—можно сказать историческихъ—случаяхъ, была выносива изъ церкви.—Потому одно появленіе этой Иконы въ крестномъ ходу произвело на всѣхъ поражающее умиленное дѣйствіе. Икона эта имѣетъ въ длину $2\frac{1}{2}$ арш. и $1\frac{1}{2}$ въ ширину, и вся въ цѣльной массивной серебряной вызолоченой ризѣ, украшенной многими, въ томъ числѣ драгоценными, камнями и вѣситъ болѣе трехъ пудовъ. Несенная на этотъ разъ на носилкахъ, она высилась надъ головами всего громаднѣйшаго стеченія народа; а такъ какъ ни носилокъ, ни несущихъ не было видно, то она представлялась всѣмъ какъ бы шествующею по воздуху... Это производило новое невыразимое впечатлѣніе на взоры и сердца всѣхъ, преклоняя долу всякаго въ пламенно-усерднѣйшемъ изліяніи молитвенныхъ чувствованій какъ бы предъ лицемъ Богоматери, чудесно явившейся среди православныхъ жителей хранимаго Ею града и шествующей вмѣстѣ со всѣми молиться Сыну своему и Богу за Царя и Русь православную. Наконецъ, такъ какъ самое мѣсто для соединенія обоихъ крестныхъ ходовъ и торжественное совершеніе молебствія избрано было на площади, на которой воздвигнуть памятникъ въ ознаменованіе бывшаго въ 1812 г. достославнаго сраженія подъ Смоленскомъ, вокругъ котораго самая рѣшетка—цѣпная сдѣлана изъ непріятельскихъ пушекъ и сложены нѣсколько пирамидъ изъ ядеръ, собранныхъ послѣ побоища,—то здѣсь вмѣстѣ съ чувствами вѣры и моленія, какъ нельзя болѣе, живо воспрянули въ сердцахъ всѣхъ и чувства народно-патріотическія.—При окончаніи молебствія прочтена была преосв. Антоніемъ съ колѣно-преклоненіемъ молитва, произведшая на слышавшихъ самое живое поразительное дѣйствіе, какъ своею неожиданностію и неслыханностію, такъ и всѣмъ содержаніемъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшимъ обстоятельствамъ и значенію тогдашняго событія.

Мы выписываемъ весь подлинный текстъ этой, дѣйствительно, знаменательной молитвы:

„Всевышній Боже, Премудрый Промыслителю, Хранителю всяческихъ. Тебе поемъ, Тебе благословимъ. Тебе благодаримъ, яко спасти еси вѣрнаго раба Твоего Благочестивѣшаго Государя Императора нашего Александра Николаевича отъ нечистивыя руки *сына беззаконія*. Славимъ Тя многомилостивый Владыко, яко избавилъ еси благословенную и возлюбленную державу Русскую отъ угрожавшя ей папасты. Ты еси Богъ единъ, творяй чудеса: буди благословенно имя славы Твоея во вѣкъ и во вѣкъ вѣка. Благодаримъ Тя, Господи, за дивный и всеблагій промыслъ Твой о избранномъ Тобою царствовати надъ нами Помазанникѣ Твоемъ и молимъ Тя присно хранити Его подъ кровомъ крыль Твоихъ на многія лѣта, ко благу людей Твоихъ и Церкви Твоея святыя и во славу всесвятаго имени Твоего. Сподоби Его узрѣти совершившимися вся благія начинанія Его ко благу врученнаго Ему Тобою народа, къ преуспѣянiю въ немъ истинныя вѣры и благочестія, ко огражденiю и умноженiю мира и довольства, ко утверженiю благоденствія. О Всевышній Боже! вознеси рогъ Христа Твоего, даждь Ему благословенiе во вѣкъ вѣка, возвесели Его радостию предъ лицемъ Твоимъ. Покори подъ нозѣ Его вся враги Его и десница Твоя да обрящеть вся ненавидящая Его. Всеблагій Господи! Спаси и Супругу Его Благочестивѣйшую Государыню Императрицу Марію Александровну и Наслѣдника Его Благовѣрнаго Государя, Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича и весь Царствующій Домъ. Царство же Русское, яко достоянiе Твое и виноградъ, десницею Твоею насажденный, благослови, плодоносенъ сотвори и утверди во вѣкъ вѣка, да выну благодарнымъ сердцемъ и усты хвалимъ и воспѣваемъ Ти: Слава Тебѣ Богу, Благодарителю нашему во вѣки вѣковъ“.

Относительно этой молитвы нѣкоторые тогда думали, что она составлена собственно самимъ преосв. Антоніемъ. Но нѣтъ. Оригиналъ ея принадлежалъ, находившемуся тогда въ Петербургѣ, одному Греческому архимандриту,

которымъ и прочитана была она при молебствіи, совершенномъ въ Греческой церкви на ново-греческомъ языкѣ; потомъ переведенная на Русскій языкъ, она была напечатана въ какомъ-то, не помнимъ, періодическомъ изданіи. Преосв. Антоній тогда же самъ рассказывалъ объ этомъ такъ: по случаю этого крестнаго хода, я хотѣлъ было непременно или сказать проповѣдь въ церкви, или рѣчь на самомъ мѣстѣ молебствія;—но вдругъ встрѣтилъ напечатанную эту молитву, и она такъ глубоко проникла въ мою душу, что я вознамѣрился, вмѣсто проповѣди и рѣчи, лучше прочитать эту молитву. И теперь сознаю, что, дѣйствительно, эта молитва живѣе и сильнѣе всякаго слова воздѣйствовала на сердца слышавшихъ; равно какъ и все, что только совершено нами подъ свѣтлымъ освѣщеніемъ Самой Царицы Небесной въ Ея св. чудотворныхъ Иконахъ, имѣло для всѣхъ и на всѣхъ такое благодатно-животворное дѣйствіе, предъ которымъ устное проповѣданіе было бы почти немотствительнымъ. Честь и хвала, прибавилъ онъ, Греческому религіозно-церковному чувству и вкусу, которыми во всѣ времена отличались священно-служители Церкви какъ *ὁμολογαῖοι* и *εὐλογοῖ...*, священными вдохновенными твореніями, которыми такъ изобилуетъ и красуется все наше Богослуженіе. Молитву эту преосв. Антоній тогда же распорядился напечатать въ епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, и хотя не сдѣлалъ предложенія другимъ употреблять ее при совершеніи, установленнаго, какъ извѣстно, на послѣдующія времена ежегоднаго молебствія (4 Апрѣля), за-то самъ читалъ ее при этомъ молебствіи всегда, и въ бытность свою въ Казани, гдѣ чтеніе это имѣло то же дѣйствіе,—о чемъ ему свидѣтельствовали всѣ съ полною искренностію. Правда, преосв. Антоній иногда подумывалъ и высказывался, что какъ бы ему не поставлено было это на видъ, какъ своего рода произволь; но онъ оправдывалъ свое дѣйствіе такъ: „Что же? до побѣды надъ Галлами и двадцатью языковъ, вѣдь, не было же у насъ молитвы, но въ свою пору она явилась, какъ нарочитая, вполне примѣнительная къ совершившемуся событію. и вошла во всегдашнее употребленіе. Вотъ, на-

оборотъ, по моему прямой произволь, когда не давно послѣдовало распоряженіе, чтобы эту молитву изъять изъ употребленія, съ отобраніемъ даже самыхъ книжекъ прежняго изданія, и замѣнить ее какою-то видоизмѣненною съ сокращеніемъ и выпусками самыхъ характеристичныхъ свойствъ и чертъ ратававшихъ „*хотьвиныхъ сокрушить Россію враговъ*“.—И почему все это?!—потому, будто бы, что многія слова и изреченія въ прежней молитвѣ слишкомъ рѣзки, не гуманны, обидны для образованныхъ представительныхъ націй... Ужь если такъ разсуждать,—то нужно исключить и чтеніе паремій изъ Пророка Исаи, гдѣ гордость и славолюбіе тогдашняго ненасытнаго завоевателя всемірнаго приуравнены къ тому, *кто рекъ: на небо възду, выше звѣздъ поставлю престолъ мой, буду подобенъ вышнему*,—т. е. къ самому сатань... Однако, эта паремія читается и теперь.—Мнѣ кажется, что поступать такъ, значило бы нарушить смыслъ фактовъ историческихъ и насиловать самое чувство народно-историческое, особливо въ лицѣ тѣхъ, кто были современниками и переживали сами ту страшную годину и быть можетъ встрѣчали лицомъ къ лицу въ побоищахъ *оныхъ зврообразныхъ* (какъ выражено въ молитвѣ) *враговъ* нашего отечества, а паче всего Вѣры и Церкви, и потому буквально звѣрски старавшихся осквернять храмы и всѣ святыни и все, что драгоцѣнно болѣе самой жизни для всякаго истинно православнаго, для его вѣрующаго сердца и народнаго духа. Въ Казани, какъ извѣстно всѣмъ, преосв. Антоній, дѣйствительно, всегда читалъ на молебствіи въ день Р. X. молитву прежняго составленія; онъ не сдѣлалъ (кажется), и настоятельнаго распоряженія объ отобраніи книжекъ прежняго изданія. Онъ почему-то былъ увѣренъ (и высказывался), что послѣдовавшее по этому предмету распоряженіе обязано своимъ происхожденіемъ не самому св. Синоду, да и сообщено оно было не въ формѣ указа св. Синода, а только отношенія за подписомъ Оберъ-Секретаря.

Дѣйствуя такъ въ духѣ Архипастырской ревности о неизмѣнномъ выполненіи съ подобающимъ чествованіемъ всѣхъ древнихъ церковно и народно-историческихъ

учрежденій и самыхъ предметовъ святынь, преосв. Антоній, справедливо сказать, не оставилъ безъ вниманія ни одного случая и ни одного пункта, въ той или иной мѣстности, гдѣ предметы, или событія сохранились сколько нибудь въ преданіи и сами о себѣ свидѣтельствовали хотя бы только развалинами, или возсозданными на мѣстѣ ихъ храмами или часовнями. Мѣстность же одного Смоленска съ ближайшими окрестностями представляетъ въ этомъ родѣ весьма много данныхъ. Во всѣхъ напр. церквахъ, построенныхъ въ предмѣстьяхъ города на извѣстныхъ какимъ либо историческимъ значеніемъ мѣстахъ, онъ не оставилъ ни одного удобнаго случая для священнослуженія, и тутъ же личнымъ своимъ посѣщеніемъ развалины, даже едва сохранившихся подъ толстыми насыпями признаковъ чего либо священно-древняго, привлекалъ вниманіе жителей, воскресая и внедряя въ нихъ, соотвѣтствующія предмету чувствованія.—не въ родѣ археологическихъ, только удовлетворяющихъ любопытству или хотя бы научности, изслѣдованій, а ради благочестиво назидательнаго воспоминанія и подобающаго чествованія этихъ мѣстъ или слѣдовъ на нихъ священной древности.

При поѣздкахъ по обзорѣнію епархіи преосв. Антоній обращалъ всюду такое же благочестивое вниманіе на всѣ подобныя предметы. Потому когда, какъ извѣстно, состоялось синодальное распоряженіе о составленіи историческо-статистическихъ описаній епархіи, преосв. Антоній со всею ревностною готовностію приступилъ къ исполненію этого дѣла. Онъ нашелъ для этого дѣла самаго сочувственнаго и компетентнаго дѣятеля въ лицѣ бывшаго тогда Профессора Смоленской Семинаріи магистра Н. Трофимовскаго, съ которымъ преосв. Антоній тѣмъ болѣе могъ входить въ ближайшее соучастіе въ его трудъ, что они были оба товарищи однокурсники по Кіевской Академіи.—Трудъ этотъ былъ выполненъ въ числѣ самыхъ первыхъ по времени, равно какъ и по достоинству былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ. Въ изданіи этого описанія преосв. Антоній принималъ самое живое участіе, даже, отчасти, собственными денежными

средствами. Трудъ этотъ весьма объемистый (381 стр.); изданіе его было сдѣлано въ Петербургѣ (въ 1864 г.) весьма хорошо и отчетливо.

Въ слѣдъ за изданіемъ этого историческо-статистическаго описанія Смоленской епархіи, преосв. Антоній, по собственной мысли, въ видахъ дальнѣйшаго постепеннаго продолженія сказаннаго описанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, въ видахъ прямаго назиданія современниковъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы при каждой церкви, безъ исключенія, была ведена мѣстная церковная лѣтопись, куда бы священно-церковнослужителями и другими, достойными вѣроятія, лицами были вносимы все происшествія, представляющія особенную важность и заслуживающія вниманія, какъ напр. чудесныя исцѣленія отъ св. Иконъ, особенные подвиги христіанъ въ вѣрѣ и благочестіи, и разныя знаменательныя событія и явленія, имѣющія особенное вліяніе на мѣстныхъ жителей и самую природу.—Эта лѣтопись,—сказано далѣе, должна сохраниться какъ неотъемлемая принадлежность мѣстной церкви и служить свидѣтельствомъ будущимъ поколѣніямъ о благодатно-спасительныхъ дѣйствіяхъ, о торжествѣ православной церкви, о силѣ вѣры и благочестія христіанскаго и разнообразныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, такъ какъ иначе, иногда только по какимъ либо не всегда точнымъ сказаніямъ сохраняется и передается многое, необходимое и полезное для исторіи церковной и гражданской. Это распоряженіе тогда же (въ Іюні 1865 г.), было проведено чрезъ консисторію, которая постановила и предписала, съ утвержденія преосв. Антонія ⁽¹⁾, завести при всѣхъ церквахъ церковныя лѣтописи, заготовивъ для сего особыя бѣловыя въ листъ книги и представивъ ихъ благочиннымъ для надлежащей скрѣпы и приложенія печати; хранить эти книги въ церкви, и когда встрѣтится какое либо изъ поименованныхъ событій, безотлагательно вносить сіи событія въ книги и скрѣплять запись подписомъ какъ всего причта, такъ и по-

⁽¹⁾ Смолен. епарх. Вѣдомости 1865 г., Августа 1-го. № 15. стр. 247.

четныхъ лицъ изъ прихожанъ, и лицъ, до коихъ самое событіе будетъ касаться. Мѣстнымъ же благочиннымъ вмѣнить въ обязанность при годичномъ обзорѣ церквей, дѣлать изъ всѣхъ означенныхъ книгъ извлеченіе о всѣхъ случившихся событіяхъ и непосредственно доносить объ нихъ до свѣдѣнія Его Преосвященства для внесенія въ годовую епархіальный отчетъ.

Объ этомъ своемъ распоряженіи преосв. Антоній уже въ послѣдствіи въ Казани вспоминалъ, по тому поводу, что въ началѣ семидесятыхъ годовъ было напечатано въ Церковномъ Вѣстникѣ извѣстіе о подобномъ же распоряженіи бывшаго тогда Оренбургскаго преосв. Митрофана (нынѣшняго архіепископа Донскаго). „Ну вотъ, — были его слова, — извѣщаютъ какъ будто о небывальщинѣ какой.... Между тѣмъ въ Смоленской епархіи завведено было это, дѣйствительно прекрасное и истинно полезное дѣло, еще при мнѣ въ 1865 году. И я безпристрастно долженъ сказать, что тамъ введеніе церковныхъ лѣтописей имѣло большой и особенный смыслъ, по тому уже самому, что все, прежде бывшее древнеисторическое, было уже приведено въ извѣстность въ изданномъ и разосланномъ по всѣмъ церквамъ историческо-статистическомъ описаніи всей епархіи, такъ что это послѣднее своими древними церковно-народными данными и самымъ характеромъ и значеніемъ ихъ вызывало особенное чувство и воззрѣніе на все и современное текущее, какъ бы на непрерывный процессъ жизненный и развитіе тѣхъ же древне-историческихъ данныхъ. Впрочемъ, какъ я слышу отчасти изъ Смоленска, что и тамъ это дѣло уже позапущено; вотъ въ этомъ-то и горю и бѣда наши, что въ чемъ одинъ потрудится, другой преемствующій не хочетъ, по изреченію свято-евангельскому, даже *въ чужой трудъ внити...* Потому-то нельзя утѣшаться и за опубликованное начинаніе преосв. Митрофана, чтобы оно привилось и развилось, и особенно потому, что самое состояніе Оренбургской епархіи не имѣетъ вовсе подъ собою древнеисторической церковной и даже мѣстно-народной, русско-православной, поч-

вы, такъ какъ самая епархія эта можетъ быть именуема пока „банкирско-киргизскою“.

Неизмѣнно вѣрный такому принципу и чувству личному по отношенію ко всему древне-историческому, но преимущественно же къ тому, что возгрѣваетъ духъ и чувство религіозно-церковное, преосв. Антоній возжелалъ и осуществилъ самымъ дѣломъ это желаніе, состоявшее въ томъ, чтобы паства Смоленская, какъ одна изъ древнѣйшихъ, воскресила въ своей молитвенной памяти всѣхъ бывшихъ ея архипастырей, пачиная отъ самаго перваго епископа Игнатія (1133) и оканчивая архіепископомъ Тимоѳеемъ (1862 г.).

Самаго распоряженія по этому предмету мы не имѣемъ въ подлинникѣ; но въ епарх. Вѣдомостяхъ—подъ рубрикой—„Епархіальная хроника,—въ 1865 году значится такъ: „Въ субботу 14 Августа Его Преосвященство совершилъ литургію въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, и затѣмъ, вмѣстѣ съ соборнымъ духовенствомъ служилъ панихиду объ упокоеніи всѣхъ преставльшихся, бывшихъ Смоленскихъ святителей-митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Объ этомъ же установленіи преосв. Антонія выражено въ прощальной рѣчи, говоренной ему кафедр. прот. Ждановымъ, такъ: „Благословятея тебѣ всѣ, бывшіе до тебѣ здѣсь и послужившіе паствѣ сей, святители, коихъ ты явилъ себя достойнымъ преемникомъ и въ лицѣ твоёмъ и служеніи возвеличилъ священный ликъ своихъ предшественниковъ. Всѣ они возблагодарятея тебѣ и за то молитвенное о нихъ поминовеніе, которое ты не только самъ совершалъ о упокоеніи душъ ихъ, но еще установилъ и заповѣдалъ совершать оное ежегодно во всѣхъ церквахъ Смоленской паствы въ послѣднюю предъ праздникомъ Успенія Субботу“.

Желаніе установить такое поминовеніе возникло въ душѣ преосв. Антонія, какъ онъ самъ свидѣтельствовалъ, по примѣру Кіева,—гдѣ и въ Лаврѣ и Софійскомъ соборѣ и братскомъ Академическомъ монастырѣ съ изстари времянь установлены такія ежегодныя поминовенія, хотя и не вездѣ въ одно время.—Подъ вліяніемъ этого

примѣра, въ частности взятаго съ Кіевскаго братско-академическаго поминовенія, совершающагося тамъ всегда въ послѣдній день года—31 Декабря—преосв. Антоній установилъ такое же поминовеніе и въ Смоленской Семинаріи, находящейся тоже при монастырѣ (Спасо-Аврамѣевскомъ). Во исполненіе его предложенія ⁽¹⁾, Правленіе Семинаріи тогда же постановило: „Поручить составленіе списка Смоленскихъ Архипастырѣй и Ректоровъ Смоленской духовной Семинаріи Николаю Трофимовскому, какъ занимавшемуся статистическими изслѣдованіями по Смоленской епархіи и потому удобнѣе другихъ могущему составить сей списокъ“.

По составленіи самаго списка, Правленіемъ было постановлено и преосв. Антоніемъ утверждено (31 Декабря 1864 г.): „Поминовеніе усопшихъ лицъ, особенно послужившихъ на пользу Смоленской Семинаріи, совершать ежегодно въ субботу предъ недѣлею мясопустною (предъ масляницею)“.

По отношенію къ той же Семинаріи мы не можемъ умолчать еще о слѣдующемъ учрежденіи, заведенномъ тоже по личному желанію преосв. Антонія. Это—„пассіи“, начавшіяся совершаться въ Спасо-Аврамѣевскомъ монастырѣ. Мы не излагаемъ здѣсь описанія этихъ пассій; скажемъ только, что онѣ совершаются въ Кіевѣ, въ кіевобратскомъ академическомъ монастырѣ, по примѣру котораго преосв. Антоній, какъ истинный почитатель всего Кіевскаго, и возжелалъ сего учрежденія при сказанномъ учебно-воспитательномъ монастырѣ. Къ чести тогдашняго о. Настоятеля Аврамѣевскаго монастыря и Ректора Семинаріи относится то, что онъ самъ лично и исключительно говорилъ на этихъ пассіяхъ всѣ церковныя проповѣди. Проповѣди эти и были главнымъ предметомъ и цѣлію указываемыхъ пассій. Преосв. Антоній въ послѣдствіи въ Казани говаривалъ объ этомъ: вотъ здѣсь и Академія... но нѣтъ того, что желалось бы... и понятно, на сколько потребно и какъ важно было бы установить подобное же учрежденіе, разумѣя пассіи Кіево-Академическія.

(1) Предложеніе отъ 10 Сентября 1864 г.

Послѣднія свѣдѣнія о времени всего служенія преосв. Антонія въ Смоленской епархіи, мы изложимъ въ настоящемъ мѣстѣ слѣдующія.

Прежде было уже указано, что въ 1866 г. состоялось съ Высочайшаго разрѣшенія постановленіе св. Синода, по которому было дозволено епархіальнымъ Архіереямъ дѣлать отлучки за предѣлы своей епархіи срокомъ на восемь дней. Чѣмъ тогда обусловливалось это распоряженіе, не извѣстно. Преосв. Антоній, однако, много разсуждалъ объ этомъ предметѣ... Онъ приводилъ въ доказательство своихъ сужденій, между прочимъ, рѣчь высокопр. Московск. митроп. Филарета, сказанную имъ при хиротоніи преосв. Порфирія Епископа Дмитровскаго—Викарія Московскаго. Это было еще въ 1858 г., говорилъ преосв. Антоній, но уже и тогда, значить, начинала проводиться мысль о возможномъ общеніи между Епископами. Преосв. Антоній, имѣя эту рѣчь подъ руками, прочиталъ изъ нея нѣсколько выраженій ⁽¹⁾ и сказалъ: „да, давно бы пора;—иначе на кого мы походили?? правду сказать, не обидѣть,—походили на медвѣдей, изъ коихъ каждый въ своей берлогѣ... а кто же засадилъ насъ въ эти-то берлоги. Вотъ вопросъ?! на который если бы отвѣчать все и какъ должно, то и, пожалуй бы, вышло по пословицѣ: „не слушай матушки, хоромина“. Потому-то, когда преосв. Антоній прежде всѣхъ восполь-

(1) Подлинныя выраженія въ этой рѣчи слѣдующія: «Въ особенности благовременно нынѣ вспомнить апостольское правило (Прав. 34) о совѣщаніяхъ между Епископами *«полезнаго ради всѣмъ соединенія»*.—У насъ нынѣ не многіе изъ Епископовъ *необходимо* поставлены (разумѣются здѣсь викарные) въ совѣщательныя сношенія съ старѣйшими: не знаю, многіе ли расположены входить въ такія же сношенія *добровольно*, по наставленію Синодальнаго устава (Дух. реглам. о еписк. ст. 4). Но, понятно само собою, что при недостаткѣ епископскихъ общеній опытность однихъ не можетъ приносить плодовъ, которые могли бы принести посредствомъ подаваемыхъ совѣтовъ, и неопытность другихъ можетъ иногда легко приносить незрѣлые плоды не зрѣло обдуманнаго дѣйствованія... Совѣтую тебѣ, *какъ себѣ*, не опираться самонадѣянно на свое только мудрованіе, и любить искренній братскій совѣтъ *соепископовъ»*.

зовался дарованнымъ правомъ, чтобы посѣтить высокопр. Филарета митр. Московскаго и когда, помнимъ мы, свѣтскія газеты первыя отнесли къ этому случаю съ какимъ-то особеннымъ сочувствіемъ, ставя поѣздку преосв. Антонія чуть не въ примѣръ образцовый,—тогда преосв. Антоній проговорилъ: „вотъ тебѣ и на! что же тутъ такое особенное, о чемъ нужно такъ толковать... Не скорѣе ли нужно было бы на то обратить вниманіе,—отъ чего же не было этого прежде, да и могло ли быть?!...“ При этомъ преосв. Антоній разсказалъ: „ты помнишь статейку о посѣщеніи въ 1842 г. Владыкой нашимъ (разум. Филаретъ митр. Кіевскій) св. Троицкой Сергіевой Лавры и г. Ростова... Самъ Владыка мнѣ разсказывалъ тогда,—чего это ему стоило... Цѣль и побужденія у него были самыя простыя, проистекавшія единственно изъ его чувствъ благочестія; между тѣмъ, тутъ старались выводить что-то такое, чего онъ самъ съ трудомъ рѣшился тогда коснуться въ своемъ разсказѣ... Впрочемъ, довольно уже было знать при этомъ, что когда *одного* пріѣзжавшаго гостемъ во Москву и Лавру отпустили, въ это же время *другаго*—самого-то хозяина, подъ благовидностію какою-то, задержали тамъ въ Петербургѣ... Но пусть будетъ это, какъ и прочее подобное, преданіемъ, какъ бы, старины глубокой.—Дай-ко Богъ, чтобы мы-то только вполне уразумѣли, что значить возможно близкое взаимное общеніе между нами, архипастырями, у коихъ всѣхъ едино стадо Единого Пастыря,—а не епархіальныя только дѣла консисторскія и проч....“

Обращаемся къ начатой рѣчи. Въ епарх. Вѣдомостяхъ (1866 года) читаемъ: „Его Преосвященство—19 Мая въ четвергъ, помолившись въ Каодр. соборѣ и надворотней церкви... выѣхалъ для обозрѣнія церквей такихъ-то и такихъ уѣздовъ.. 10 Іюня въ пятницу преосв. Антоній совершилъ литургію въ Колочскомъ монастырѣ, говорилъ проповѣдь, служилъ молебенъ и потомъ выѣхалъ въ Бородинскій монастырь и оттуда въ Москву и Троице-Сергіеву Лавру“. „Быть въ Москвѣ и въ свято-троицкой Лаврѣ мнѣ давно хотѣлось, говорилъ преосв.

Антоній. Къ тому же было много на душѣ думъ и вопросовъ, о которыхъ хотѣлось лично объясниться съ высокопр. Митрополитомъ. Потому-то я такъ и поспѣшилъ воспользоваться новодарованнымъ правомъ; къ этому же времени я и безъ того рассчитывалъ быть въ Колодочскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Московскою губерніею“.

О пребываніи въ Москвѣ у Митрополита былъ уже изложенъ отчасти рассказъ самого преосв. Антонія. Въ Троицко-Сергіевской же Лаврѣ намъ пришлось быть вскорѣ—чрезъ два мѣсяца—и услышать здѣсь довольно рассказовъ, касавшихся преосв. Антонія, отъ о. Намѣстника Лавры Архим. Антонія, о. Ректора Академіи А. В. Горскаго и другихъ... Между прочимъ остался намъ памятенъ рассказъ одного монаха, какъ видно простеца, по имени Поликарпа, который служилъ келейнымъ въ тѣхъ комнатахъ, въ коихъ обыкновенно помѣщались пріѣзжавшіе архіереи и архимандриты. Прежде всего онъ удивился, что я,—іеромонахъ, попалъ въ его комнаты, а еще болѣе, что о. Намѣстникъ весьма часто приглашалъ меня къ себѣ обѣдать по-просту. Узнавши, между прочимъ, что я изъ Смоленска, монахъ-келейный заговорилъ: „Ну такъ и есть... да ты, батюшка, и присланъ-то сюда за чѣмъ нибудь не отъ Смоленскаго ли архіерея, который недавно здѣсь былъ“.— А что же? спросилъ я его.—„Да вотъ что я тебѣ доложу. *Наизъ-то* вѣдь (здѣсь разумѣлся самъ о. Намѣстникъ) не больно охочъ принимать гостей пріѣзжихъ, хотя и архіереевъ; когда же пріѣхалъ вашъ-то Смоленскій архіерей, тогда диво—какъ будто и нашъ-то ожилъ... Что ужъ это значило, я не знаю... Видно, развѣ, что они оба Антоніи“.—Слова рассказчика вполне подтвердились словами самого преосв. Антонія, когда былъ разговоръ съ нимъ объ этомъ. Замѣтно было, что преосв. Антоній весьма интересовался отзывами объ немъ академическихъ лицъ и самого о. Намѣстника,—въ чемъ и былъ тогда же удовлетворенъ мною,—хотя распространяться было и не къ чему и некогда.. По возвращеніи моемъ изъ поѣздки въ Москву, а отсюда въ Петербургъ (въ концѣ Сентября), я уже привезъ съ собою для преосв.

Антонія очень основательныя свѣдѣнія о предназначеніи его къ перемѣщенію изъ Смоленска въ Казань.

Назначеніе преосв. Антонія на Казанскую кафедру было неожиданное какъ для него, такъ и для другихъ. Самъ онъ высказалъ это, между прочимъ, на прощальномъ обѣдѣ, данномъ ему отъ усердія всѣхъ представительныхъ лицъ г. Смоленска, и тутъ же присовокупилъ: „да, легко и счастливо жилось мнѣ въ Смоленскѣ... но тяжелые утомительныя труды ждутъ меня въ Казани“ (1)... Эти слова были, въ своемъ родѣ, какъ пророчественными. Въ порядкѣ же прощальныхъ рѣчей сказанныя преосв. Антоніемъ слова были отвѣтными на слова тогдашняго Ректора Семинаріи Архим. Павла, которыя приведемъ здѣсь хотя въ краткой выдержкѣ. „Ты, незабвенный Архипастырь нашъ, много видѣлъ въ послѣднее время свидѣтельствъ и скорби о тебѣ... Много искреннихъ слезъ пролито уже при одномъ представленіи о неожиданномъ и скоромъ разставаніи съ тобою... Но мы не перестанемъ до конца... повторять тебѣ: съ глубокою скорбію расстаемся мы съ тобой... и вотъ наше постоянное задушевное желаніе: да сопутствуетъ тебѣ Господь во всѣхъ путяхъ твоихъ и да содѣлаетъ благоплоднымъ служеніе твое и тамъ—на новомъ мѣстѣ твоего паствырства. И мы увѣрены, что все, что есть честнаго, добраго, истинно христіанскаго съ любовію и довѣріемъ примкнетъ къ тебѣ, зная тебя по славі твоей и еще узнавши, что ты *сродникъ по плоти и по духу* доблестнѣйшаго изъ бывшихъ іерарховъ Казанскихъ *Филарета* приснопамятнаго. Да, мы увѣрены, что и твое служеніе тамъ будетъ такъ же славно и благоплодно, какъ и служеніе славнаго сродника твоего“ (2).

Напоминаніе о сродникѣ—высокопр. Филаретѣ пришлось преосв. Антонію особенно по душѣ; онъ самъ видѣлъ въ этомъ особенную знаменательность; вспоминалъ и о томъ, какъ высокопр. Филаретъ во время его обученія въ Семинаріи, хотѣлъ было перемѣстить его къ

(1) Брошюра «Прощаніе», стр. 27.

(2) Тамъ-же, стран. 24.

себѣ въ Казань... Въ день памяти его—1 Декабря—онъ и предназначилъ было свой выѣздъ изъ Смоленска, хотя долженъ былъ перемѣнить по тому обстоятельству, что въ это число назначено было открытіе собранія земства и потому многіе, желавшіе проводить его, лишились бы сего утѣшенія. Думалъ было онъ отложить выѣздъ до 4 Декабря,—день для него тоже знаменательный, такъ какъ въ это число совершается память св. великомученицы Варвары, св. мощи которой почиваютъ въ Кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ состоялъ Викаріемъ Кіевской митрополии. Но ускорить время выѣзда заставило его то, что ему хотѣлось прибыть въ Калугу пораньше, чтобы побольше погостить тамъ, какъ на мѣстѣ своей родины, а затѣмъ побыть въ Москвѣ и, во всякомъ случаѣ, поспѣть въ Казань къ празднику Рождества Христова. Выѣхавъ изъ Смоленска 30 Ноября, послѣ полудня, преосв. Антоній остановился на почлегѣ въ находившемся на дорогѣ селѣ (за 40 верстъ отъ Смоленска) собственно для того, чтобы тутъ выслушать утреню, раннюю обѣдню и Іпаннихиду за упокой дяди своего высокопр. Филарета.

Въ видѣ *post-scriptum'a*, считаемъ уместнымъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія о самыхъ сборахъ преосв. Антонія къ отъѣзду изъ Смоленска. Когда былъ полученъ преосв. Антоніемъ указъ св. Синода, о назначеніи его въ Казань и въ немъ оказалось, что на такъ называемый подъемъ, назначено было къ отпуску изъ казначейства только 500 рублей, преосв. Антоній сильно обезпокоился... При сборахъ своихъ, въ которыхъ мнѣ привелось имѣть участіе, онъ не разъ говорилъ: „смотри, пожалуйста, разбирая бумаги и книги и раскрывая ящики, не найдешь ли гдѣ нибудь денегъ. Самъ-то я уже искалъ, но что-то ничего не оказывается... хотя и знаю, что я, бывало, засовывалъ деньги въ разныя мѣста,—но того-то не знаю, когда и сколько оттуда же и вытаскивалъ...“ По тщательномъ разборѣ и осмотрѣ оказалось, наконецъ, сто двадцать пять руб.—„Ну, проговорилъ онъ, вѣрно у меня плохо же разводились эти черви“... Чтобы ты зналъ, однако, что значить это мое выраженіе, я тебѣ кстати

скажу. Это выраженіе Владыки (Митр. Кіевскаго Филарета); да, погоди... я могу тебѣ сейчасъ же дать экз. его записки... (1). На-ка прочитай, и возьми себѣ, кстати, какъ документъ для матеріаловъ по его біографіи. Записка эта литографированная была, отъ слова до слова, такого содержанія: „Въ сей шкатулкѣ хранится сокровище царскихъ къ моему недостоинству милостей.—А денегъ нѣтъ ни копейки.—Ибо сихъ червей я не сохранялъ у себя. Филаретъ М. Кіевскій“.—Эта записка, говорилъ преосв. Антоній,—вѣрно оставлена намъ—монахамъ, какъ особый завѣтъ. Замѣчательно, однако, продолжалъ онъ, что, вѣдь, мнѣ при настоящихъ обстоятельствахъ приводится какъ разъ испытывать тоже, что было и со Владыкою, когда онъ долженъ былъ отправиться изъ Московской Академіи на епископство въ Калугу. Сейчасъ указываемый фактъ, рассказанный преосв. Антоніемъ, значитъ, дѣйствительно, и въ замѣткахъ его о жизни высокопр. Филарета (2) въ слѣдующихъ словахъ: „отпущенныхъ изъ казны на проѣздъ въ Калугу денегъ не доставало на всѣ издержки; своихъ запасныхъ денегъ не было у Филарета и даже у Назарія (келейнаго). Выручилъ его изъ нужды на сей разъ только уже студентъ—родственникъ его—по Уфѣ Несмѣловъ своими деньгами (200 руб. ассигн.), которыми снабдилъ его отецъ при отправленіи изъ Уфы въ Московскую Академію и которыхъ онъ не успѣлъ еще тогда истратить. Эти деньги и были позаимствованы у него Филаретомъ и возвращены уже со временемъ изъ Калуги“.

При всѣхъ этихъ, назидательно-успокоительныхъ, разсужденіяхъ, очевидная нужда въ деньгахъ требовала все-таки неотложнаго удовлетворенія... Благо, что особенно почитавшій преосв. Антонія весьма состоятельный господинъ—Н—ль Ст—чь Юр—чь выручилъ его изъ этого стѣснительнаго положенія... Но этого мало; оказалось, что и въ экономіи архіерейскаго дома былъ тоже дефи-

(1) Экз. этотъ имѣется у насъ въ подлинникѣ.

(2) Замѣтки о жизни высокопр. Филарета Митр. Кіев. Казань. 1879 г., стр. 19 въ подстрочномъ текстѣ.

цитъ. Какъ членъ консисторіи—извѣстный старецъ архим. Алексій, узнавши объ этомъ, говорилъ: „Ну что?! не сбылось ли мое дурацкое слово?! Нѣтъ, что ни говори, а пословица вѣрна: „скупость не глупость“. Послѣдній дефицитъ въ экономической суммѣ состоялъ собственно въ неуплатѣ торговцамъ денегъ за разные предметы по содержанію архіерейскаго дома, и все это, само собою, происходило отъ бывшихъ экономовъ и другихъ приставниковъ. Преосв. Антоній увѣрился въ этомъ уже поздно. Онъ назначалъ даже особую ревизію по экономической части, да вышло, что одинъ сваливалъ на другаго и только... Мнѣ онъ говорилъ: „ну посмотри, пожалуйста: съ чѣмъ это сообразно,—что въ одинъ день,—въ праздникъ Благовѣщенія, употреблено восемь фунтовъ икры“... и т. п. А такъ какъ въ числѣ лицъ, повѣрявшихъ экономію, находился тотъ же старецъ архим. Алексій,—то онъ сказалъ мнѣ: „То-то и есть... вотъ что значить жить по митрополичьему... хотя Владыка тутъ и не виноватъ... Дѣло не въ икрѣ, а въ томъ, что при немъ были люди-то больно икрянистые... разумѣя здѣсь его распорядителей келейныхъ... Дай Богъ, чтобы ему впередъ избавиться отъ подобныхъ... Доброта-то и благодѣяніе влад. Антонія кому не извѣстны: да опять-таки есть пословица: „хорошъ царь, да не хорошъ псарь“. Какъ святитель, онъ, и говорить нечего, истинно Божій; память объ немъ и въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ пребудетъ незабвенна; я не могъ даже удержаться отъ слезъ при прощаніи съ нимъ: онъ и самъ, спасибо ему, никогда не чурался меня, шелудиваго... Пошли ему Господи всякаго успѣха во всемъ будущемъ его архипастырствованіи,—дай Богъ быть ему подобно дядюшкѣ и Митрополитомъ... Въ Смоленскѣ же имя его и память пребудутъ незабвенны наравнѣ съ Пароеніемъ“ (1).

(1) Надъ гробницею преосв. Пароенія, находящеюся въ усыпальницѣ, на лѣвой сторонѣ паперти каедр. Собора, очень многіе усердствуютъ и теперь служатъ паннихиды съ молитвеннымъ упованіемъ на его благодатное предстательство, какъ угодника Божія.

Дополнимъ все доселѣ изложенное объ отбытіи преосв. Антонія изъ Смоленска въ Казань свѣдѣніями о самомъ его путешествіи.

Въ прежде приведенной прощальной рѣчи о. Ректора Смоленской Семинаріи имѣли, какъ уже замѣчено, особенное глубокое значеніе для преосв. Антонія тѣ, между прочимъ, слова, — гдѣ говорившій рѣчь коснулся имени Филарета. Самъ преосв. Антоній рассказывалъ даже сонъ, относившійся къ этому событію; онъ видѣлъ что-то знаменательное, — чего тогда объяснить не могъ, хотя и много толковалъ объ этомъ. Въ заключеніе же сказалъ: „ну, значить, я все-таки теперь возвращаюсь туда, гдѣ меня породилъ и возрастилъ Господь: во первыхъ, буду въ Калугѣ, а затѣмъ чуть не въ Уфимской губерніи, по крайней мѣрѣ — на границѣ съ нею... и — главное — буду продолжать свое служеніе тамъ, гдѣ былъ и Владыка, который уготовлялъ было себѣ и мѣсто для покоя, въ случаѣ выхода въ отставку, въ пустыни Раиеской и, сколько мнѣ извѣстно, живя въ Казани, приготовилъ себѣ даже и погребальное облаченіе, сдѣланное собственными руками г-жи Мусиной-Пушкиной, бывшей глубокой его почитательницы. — Оттуда-то я тебѣ сообщу новыя свѣдѣнія о жизни Владыки для его біографіи, которую ты, пока здѣсь, продолжай, а затѣмъ я напишу, когда тебѣ отправиться въ Кіевъ для собиранія тамъ біографическихъ матеріаловъ. Впрочемъ, желаю, чтобы ты разставался со мною до скорого свиданія... Тогда дѣло пойдетъ, при моемъ участіи, успѣшнѣе... А такъ какъ я, вотъ скоро, буду въ Калугѣ и тамъ довольно таки погощу, то постараюсь собрать и тутъ біографическія свѣдѣнія о Владыкѣ“.

О времени пребыванія преосв. Антонія въ Калугѣ были уже изложены свѣдѣнія, сообщенныя въ письмѣ его родственника прот. А. И. Ростиславова. Самъ же преосв. Антоній, написавши извѣстныя слова, — что хотя сказано: *нѣсть чести пророку въ отечествіи своемъ*, но со мною случилось иное; съ особеннымъ чувствомъ утѣшенія и благодарности, выражался объ отношеніяхъ къ нему Калужскаго преосв. Григорія, который много со-

общилъ ему и объ Казани, гдѣ онъ самъ находился дважды на службѣ (1). Сообщилъ преосв. Антоній между прочимъ и слѣдующій фактъ:

„Преосв. Григорій, наканунѣ 6-го Декабря, неожиданно заболѣлъ; просилъ меня служить въ Соборѣ, вмѣсто его. Я былъ готовъ... Предъ самымъ же чтеніемъ часовъ преосв. Григорій, незамѣтно для меня, явился въ алтарь и тамъ облачился. По окончаніи часовъ, вдругъ вышелъ онъ и всталъ на амвонѣ по лѣвую сторону около меня.—Это меня крайне смутило... но онъ послѣ объяснилъ, и успокоилъ меня“... Весьма утѣшило меня и посѣщеніе преосв. Никандра (Тульскаго), который прибылъ въ Калугу нарочно для свиданія со мной, какъ товарищемъ по Академіи. Такимъ образомъ изъ насъ трохъ составилъ, какъ бы, соборъ своего рода... Что было говорено тогда между тремя святителями, преосв. Антоній говорилъ подробно; но съ присовокупленіемъ: „это между нами“. Теперь, однако, мы можемъ сказать, что главнѣйшимъ предметомъ было дѣло о происходившихъ тогда преобразованіяхъ въ семинаріяхъ и, въ скоромъ времени, въ академіяхъ... Безъ похвальбы себѣ преосв. Антоній говорилъ, что проэктъ его по Смоленской Семинаріи былъ вполне одобряемъ особенно преосв. Григоріемъ. Что же касалось до вопроса объ академіяхъ, то дѣло это вращалось у насъ, само собою, въ однихъ взаимныхъ совопрошеніяхъ, такъ какъ положительныхъ свѣдѣній объ этомъ еще не имѣлось. Извѣстно было только, что въ составъ Комитета предъизбирались люди *свѣдущіе* и съ громкими извѣстностями по своей специальности; на что тогда же мѣтко сдѣлалъ указаніе преосв. Григорій, сказавши, что какъ бы-де не сбылась пословица: „громки бубны за горами“. Вообще же наше свиданіе было для насъ самое пріятно-полезное“. „Когда я, продолжалъ преосв. Антоній, былъ по пути въ Москвѣ у высокопр. Филарета и сообщилъ ему о нашемъ сви-

(1) Въ первый разъ онъ былъ Инспекторомъ Каз. Семинаріи, а потомъ Ректоромъ Каз. Академіи.

даніи (трехъ епископовъ),—онъ былъ истинно утѣшенъ этимъ свѣдѣніемъ. „Сего желалъ я всегда“, говорилъ онъ. Когда была рѣчь о новомъ уставѣ семинарскомъ и училищномъ, то высокопр. Филаретъ сказалъ въ концѣ-концовъ: „Не вижу я въ этомъ дѣлѣ ожидаемой пользы... и всего болѣе отъ того, что къ участию въ дѣлахъ учебно-воспитательныхъ призывается слишкомъ много разсуждающихъ и дѣйствующихъ. Толковъ будетъ много, а толку мало... Добрые и разумные, въ пору и въ мѣру, скорѣе всего промолчатъ и уклонятся, а мало понимающіе станутъ говорить и кричать и только на вредъ дѣлу“. Мнѣ, кажется, этотъ порядокъ и самими установителями его и исполнителями скоро-скоро признается бесполезнымъ... Митрополитъ по чему-то на этотъ разъ высказывался во многомъ не въ пользу дѣйствій высшаго начальства, и, въ частности, г. Оберъ-Прокурора св. Синода (1), хотя я тогда и не во всемъ съ нимъ соглашался, думая, что старецъ—Первосвятитель чрезчуръ оказывается ревнителемъ старины.—Тутъ же была рѣчь о начинавшемся проэктѣ преобразования духовныхъ Академій. Но объ этомъ рѣчь будетъ, по частямъ, именно тамъ, гдѣ и когда самъ преосв. Антоній высказывалъ свои воспоминанія о сужденіяхъ высокопр. Филарета, соответственно самымъ предметамъ.

Весь путь свой отъ Смоленска преосв. Антоній признавалъ, самымъ благопріятнымъ, исключая того, что карета, взятая имъ еще изъ Кіева, много причиняла ему хлопотъ по своей громоздкости,—о чемъ онъ писалъ мнѣ и въ письмѣ: „въ послѣдніе дни пути отъ Нижняго-Новгорода я насквозь промерзалъ отъ непрестаннаго морознаго вѣтра, дувшаго мнѣ въ окна кареты и, съ

(1) Нѣчто совершенно подобное изложено и въ запискахъ покойнаго преосвящ. Платона, архіеп. Костромскаго, гдѣ приведено наприм. буквально выраженіе Митр. Филарета: «Оберъ-Прокуроръ иногда рѣзко дѣйствуетъ: и замѣчательно это по самому совпадению во времени, такъ какъ у преосв. Платона означено свиданіе съ Митропол. Филаретомъ подъ 29-мъ Сентября 1866 г., слѣдовательно, за два мѣсяца до описываемой поры». (Смотр. Душеполезное Чтеніе. Февраль 1882 г., стран. 185—186).

тѣмъ вмѣстѣ, отъ качанья по ухабамъ открылось у меня сильное теченіе крови и изъ носа, и частію изъ горла, — что крайне напугало тогда меня. Между тѣмъ, мнѣ нужно было всемѣрно поспѣшить ѣздой, чтобы поспѣть въ Казань непременно къ празднику Рождества Христова“.

Конецъ I-го тома.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слд. читать.</i>	
8	10	сверху	преждѣ	прежде
13	9	сверху	наперстникомъ	наперсникомъ
15	3	снизу	1880	1800
76	20	сверху	разглаго иствій	разглагольствій
131	16	снизу	новоставленной	новосоставленной
133	15	снизу	самало	самого
141	4	снизу	послѣнное	послѣднее
205	5	снизу	разсудать	разсуждать
226	14	сверху	замѣченнымъ	замѣченными
241	5	сверху	причитавши	прочитавши
242	11	сверху	въ концѣ	въ концѣ
258	1	сверху	вс всѣ	во всѣ
—	5	сверху	было было	было
264	19	снизу	хоротони	хиротони
270	5	сверху	въ состони	въ состояни
279	2	снизу	живущи,	живущихъ
303	10	сверху	будеть	будутъ
326	14	снизу	случахъ	случаяхъ
334	10	снизу	приобщается	приобщится
335	23	сверху	прорекаемая	пререкаемая
344	23	сверху	несомнѣнее	несомнѣннѣе
348	18	сверху	еперхяльномъ	епархяльномъ
411	10	сверху	доховенству	духовенству
426	12	сверху	брюбрѣла	приобрѣла